9
Н74

НОВОЕ О ПРОШЛОМ НАШЕЙ СТРАНЫ

• АКАДЕМИЯ НАУК СССР
• ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
• АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

НОВОЕ О ПРОШЛОМ НАШЕЙ СТРАНЫ

Памяти академика М. Н. Тихомирова

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
Москва · 1967

9(с) 1
Н74

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. А. АЛЕКСАНДРОВ, М. Т. БЕЛЯВСКИЙ,
Ю. О. БЕМ, А. В. МУРАВЬЕВ, С. О. ШМИДТ

402618

ОБЛАСТНАЯ
научная библиотека
им. Н.К. Крупской
г. Астрахань

Сборник содержит ценные исследования по истории СССР от глубокой древности до наших дней, написанные учениками академика М. Н. Тихомирова. В статьях сборника впервые поднимаются и исследуются новые вопросы социально-экономической и политической истории СССР, источниковедения, палеографии, археографии. Открывается сборник статьями академика М. Н. Тихомирова, посвященными подготовке специалистов по отечественной истории. Глубоко исследовательский характер статей и широта проблематики делают сборник интересным широкому кругу читателей, занимающихся историей нашей Родины.

1-6-4
8-67

Михаил Николаевич Тихомиров

УЧИТЕЛЮ—УЧЕНИКИ

Настоящий сборник состоит из публикаций и статей, написанных учениками Михаила Николаевича Тихомирова — большого ученого, замечательного талантливого учителя. Авторы сборника — воспитанники Михаила Николаевича — приходили к нему на протяжении его долгой творческой работы. Одни из них начали свой путь в историческую науку как участники семинаров и слушатели спецкурсов Михаила Николаевича, другие пришли к нему в спецсеминары и писали под его руководством свои дипломные работы, для третьих творческий путь под руководством Михаила Николаевича начинался с аспирантуры. Для всех нас Михаил Николаевич был вдохновителем кандидатских и докторских диссертаций, заботливым и требовательным учителем, внимательным и строгим другом, чутким и отзывчивым старшим товарищем. Он помогал нам делать первые шаги в науке и преподавании, следил за тем, чтобы мы не останавливались на достигнутом, не задерживались слишком долго на одной проблеме, чтобы мы в своих утверждениях исходили из всего комплекса фактов, явлений, документов, не спешили со скороспелыми суждениями. Он умел видеть склонности и возможности каждого своего ученика и, не навязывая своего мнения и своих выводов, подсказывал нам темы статей и книг, направлял, помогал, советовал, ободрял при неудачах и не давал зазнаваться при успехах.

Статьи сборника рассматривают различные проблемы из прошлого нашей страны и относятся к различным хронологическим периодам и разным территориям и районам. В этом еще раз проявляется удивительная широта и многообразие научных интересов и исследовательской работы нашего учителя. Темы публикуемых статей, постановка вопросов, пути и методы исследования, положения и выводы так или иначе сложились под влиянием его советов, замечаний, предложений, его идей, наблюдений, работ.

Он постоянно звал нас искать и исследовать новые источники, по-новому смотреть на уже известные ранее, открывать новые страницы прошлого нашей Родины, смело, вдумчиво и честно изучать новые факты, явления, процессы в истории нашего народа, в его борьбе и труде.

ратных подвигах и творчестве. Сборником «Новое о прошлом нашей страны» мы в меру своих сил стремимся выполнить его заветы.

Мы открываем наш сборник раздумьями самого Михаила Николаевича. Как живой с живыми говоря, он делится столь волновавшими его в последние годы мыслями о пути в науку, о воспитании и подготовке молодых ученых, о высоком призвании историка и методах его работы, о месте истории и историка в жизни и строительстве коммунистического общества.

Наш сборник — свидетельство благодарности, любви и уважения к ученому и учителю, человеку и другу, наставнику и товарищу, свидетельство горечи нашей утраты и светлой, неумирающей памяти об учителе, которая будет всегда жить в сердцах его учеников.

Академик М. Н. Тихомиров

ДОРОГА В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

Дорога в историческую науку не была для меня легкой. Я кончил не гимназию, а коммерческое училище в Петербурге и должен был для поступления в Московский университет сдать экзамен по латинскому языку. На изучение этого языка, начиная с азбуки, пришлось потратить целый год.

Но вот экзамен сдан, и в 1912 г. я был зачислен на историко-филологический факультет Московского университета по отделению истории.

Среди профессоров того времени выделялись такие люди, как Р. Ю. Виппер, М. М. Богословский и др. Замечательными были лекции профессора Р. Ю. Виппера. Он читал скромно, без всяких словесных украшений, в каком-то строгом пуританском стиле. Но его лекции были проникнуты глубиной и новизной содержания. В особенности меня поразили лекции по истории древнего Востока. Замечательные просеминарские занятия по изучению Псковской Судной Грамоты вел профессор М. М. Богословский. Вероятно, тогда-то и зародился у меня тот повышенный интерес к источниковедению, который я проявлял всю жизнь. Но особенно большое влияние оказал на меня С. В. Бахрушин, тогда еще молодой доцент. Я работал в его семинаре и написал под его руководством дипломное сочинение о псковском восстании 1650 г., впоследствии напечатанное в виде монографии.

С чувством постоянной признательности вспоминаю я и о моих университетских товарищах, старших и младших по курсу. Многие из них работали и сейчас работают на историческом факультете. Назову среди них профессора В. И. Лебедева, профессора Б. Б. Кафенгауза.

Работать в университете я начал в 1934 г., с первого года основания исторического факультета. Вначале я вел на факультете занятия с аспирантами по палеографии и другим дисциплинам, позже работал со студентами, начиная с первого курса и кончая дипломниками. Вместе со мной старейшими преподавателями истории СССР на историческом факультете были академик А. М. Панкратова, академик Н. М. Дружинин, член-корреспондент Академии наук СССР М. В. Нечкина и др. Коллектив историков, работавших тогда на историческом факультете по феодальному периоду, включал и таких, позже умерших, крупных ученых, как С. В. Бахрушин, К. В. Базилевич, В. Е. Сыроечковский.

Благодаря постоянной помощи партии и правительства исторический факультет МГУ быстро вырос и окреп.

Моя работа на факультете была неразрывно связана с молодежью. Некоторые из моих научных работ первоначально возникли в виде кур-

сов лекций и только позже оформились в монографии. Так, для меня на всю жизнь остались памятными занятия по источникам, в частности по Русской Правде. И немало в моем исследовании об этом памятнике навеяно работой со студентами в семинарах. Ничто так не мобилизует ученого, как вопросы студентов, их неудовлетворение поверхностным или непродуманным ответом, когда, как в сказке Андерсена, с неподготовленного профессора снимается покров нажитой учености, и «король оказывается голым».

Сейчас выходит моя книга о крестьянских и городских восстаниях на Руси XI—XIII веков, основанная на курсе лекций, прочитанных на историческом факультете. Из лекций же для студентов IV курса выросла и наполовину написанная мной историческая география России XVI века, которую я готовлю к печати.

Так как я читал лекции и вел семинары на разных курсах, занимался с аспирантами, у меня немало учеников. Кажется, нет такого значительного города в СССР, где бы я ни встретил бывших студентов, слушавших мои лекции или занимавшихся у меня в семинарах. Не стоит и говорить о том, какой теплотой веет от таких встреч, хотя я никогда не был особенно «добрым» на занятиях, экзаменах и зачетах.

Для учителей,— а я в своей жизни был не только преподавателем высшего учебного заведения, но и учителем средней школы, преподавателем рабфака, техникума и т. д.,— для учителей нет большей радости, чем видеть, как их ученики входят в жизнь и трудятся на благо нашей Родины.

У каждого человека есть свои основания для радости и гордости. И я действительно горжусь тем, что учился в Московском университете, теперь являюсь профессором университета, и радуюсь, что дожил до его 200-летней годовщины.

«Московский университет», 7 мая 1955 г.

Академик М. Н. Тихомиров

О МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

Многие из нас, старых ученых, с горечью вспоминают о юных годах, когда мы учились в высших учебных заведениях. Воспитанию будущих ученых в царской России, как правило, не уделялось достаточного внимания, оно было пущено на самотек. Недостатки полученного в молодости образования впоследствии тяжело сказывались на научной деятельности, а некоторые будто бы «мелочи» (например, недостаточное знание языков) требовали большой дополнительной работы.

И теперь, когда я сам уже много лет преподаю в высшей школе, вопрос о подготовке молодых кадров не перестает меня волновать. Ведь молодежь — это наше будущее, это те люди, которые будут развивать науку и позже сами воспитывать новое поколение. Мне приходилось уже выступать по этому вопросу в газете «Московский университет». Но сейчас хочется еще раз откровенно высказаться о больных вопросах подготовки ученых на примере подготовки ученых-историков в Московском университете.

За последнее время среди историков стали все чаще и чаще поговаривать о том, что аспирантов много, а полноценных диссертаций мало, еще меньше выпускается интересных книг и статей по разным вопросам истории, очень редки творческие доклады молодых ученых. Конечно, хорошие доклады, книги и статьи появляются, но их все же недостаточно.

Что же мешает нашим молодым ученым? Ведь наши архивы и библиотеки полны ценнейшими и порой совершенно не изученными материалами, ведь советские историки вооружены самой передовой марксистско-ленинской теорией. Попытаемся ответить на этот вопрос, отнюдь не претендуя на то, что ответы будут полными и во всем безусловно правильными.

Среди основных недостатков подготовки научных работников в области истории (вероятно, и вообще в области общественных наук) бросаются в глаза крайне устаревшие методы работы с аспирантами. Было время, когда в аспирантуру шли лица, недостаточно для этого подготовленные. Тогда необходимо было прежде всего позаботиться об ознакомлении аспирантов с исторической литературой, привить им навыки работы с источниками. Поэтому в вузах практиковалась сдача кандидатского минимума по обязательному списку литературы. После того как наши исторические вузы стали выпускать более квалифицированных специалистов, в Московском университете был принят новый порядок сдачи кандидатского минимума — разработка определенной темы и под-

готовка реферата. Этот метод полностью оправдал себя: аспирант, написавший реферат и защитивший его положения, детально и полно знает литературу по избранной теме. И тем не менее такой порядок не привился, а именно первая, пассивная форма сдачи кандидатского минимума — путем экзаменов — вновь восторжествовала. Между тем понятно, что нет ничего творческого в сдаче экзамена по рекомендованному списку книг: это просто ответы на вопросы о том, кто что написал. Во время такого экзамена легко «провалить» любого аспиранта, задав какой-нибудь каверзный вопрос; так же легко «пропустить» и самого слабого аспиранта.

Мы много говорим о необходимости давать молодым научным работникам глубокие знания, между тем система подготовки аспирантов «по списку литературы» ведет не к углублению знаний, а к поверхностному усвоению чужих трудов. Не случайно среди молодежи (к сожалению, не без влияния отдельных профессоров) встречается нигилистическое отношение к крупнейшим русским историкам дореволюционного времени. Об их трудах новое поколение ученых отзывается как о работах, авторы которых всегда чего-то не поняли и чего-то не осознали.

Аспирантский минимум должен подготовить аспиранта к работе над диссертацией, а экзамены «по списку литературы» к этому не готовят. После одного-двух лет пассивного усвоения чужих трудов аспирант иной раз оказывается не способным активно работать над своей темой. Ведь для того, чтобы написать что-нибудь дельное, историку надо поработать в архиве, археологу или этнографу побывать в экспедиции, собрать и обработать материал. Да и сам процесс изложения мыслей на бумаге требует определенных навыков. Опытные люди великолепно знают, как иногда трудно точно и ясно изложить свою мысль. А ведь речь идет о неопытном работнике, который буквально мечется между библиотекой, архивом, музеем и своим рабочим столом.

Отмену устаревшего способа сдачи кандидатского минимума мы считаем первоочередной задачей в улучшении подготовки молодых историков.

Эта задача тесно связана с необходимостью развивать и углублять интерес молодежи к самостоятельной творческой деятельности, не заглушать его пассивными методами работы. Между тем даже в университетах находятся противники практических занятий и семинаров, настаивающие на упрощении их тематики, а также способов работы со студентами. Характерно, что такие предложения идут отнюдь не от наиболее квалифицированных профессоров, а со стороны тех преподавателей, которые не блещут научными познаниями. При этом делаются ссылки на то, что окончившие университеты в своем большинстве будут преподавателями средней школы, а эти преподаватели не нуждаются-де в глубоких знаниях. Не стоит доказывать, что такой тезис могут выдвигать только люди, мало знающие среднюю школу или просто ее не уважающие.

Моя многолетняя практика работы в средней школе, в рабфаках и техникумах говорит о том, что школьники старших классов чрезвычайно любят самостоятельно разрабатывать отдельные темы по истории и другим общественным дисциплинам и не уважают учителей, «нахватавшихся» знаний в объеме учебников и общедоступных пособий. Да и сами учителя ценят и понимают значение самостоятельных работ. В этом отношении средняя школа не нуждается в снисходительности.

Срочно требуется и реформа языковой подготовки наших молодых ученых. Обычно ссылаются на плохое преподавание иностранных языков в школе. Это, конечно, справедливо, но не снимает с вузов ответ-

ственности за плохое знание языков аспирантами. Ведь аспирант, как правило, человек молодой, а в молодости языки усваиваются легко и прочно. Однако преподавание иностранных языков, по крайней мере в исторических вузах, поставлено из рук вон плохо и прежде всего потому, что оно носит книжный характер. Обучающихся заставляют выучивать неправильные глаголы, исключения, но обходят вопрос о знании живого разговорного языка. Иной аспирант блестяще проспрягает глагол в «будущем совершенном», но не может сказать простейшую фразу.

Но вот завершена сдача кандидатского минимума — и аспирант приступил к работе над диссертацией. В сущности с этого момента и начинается его научная деятельность. Казалось бы, это самая лучшая пора в жизни молодого ученого, когда он имеет возможность целиком посвятить себя любимому делу. Но, увы, в действительности это не так. Часто научная деятельность аспиранта проходит в отрыве от вуза. Существующие формы участия аспирантов в работе кафедр мало продуманны и малоэффективны. Даже знакомство с памятниками старины, столь многочисленными в Москве, считается необязательным для историков. Иной аспирант-историк просидит в Москве три года и за это время ухитрится ни разу не повидать московские исторические памятники; например, пишет о 1905 годе и не побывает на Красной Пресне.

К тому же в последний год пребывания в аспирантуре время мчится для аспиранта со страшной скоростью: в два, а чаще — в один год он должен написать диссертацию, потому что остальное время уже потрачено на сдачу кандидатского минимума.

При этих условиях немудрено, что основные усилия аспиранта направляются на завершение диссертации в срок. Во главу угла ставится не качество диссертации, а сроки ее выполнения. И здесь вводятся еще кое-какие «местные» меры, подгоняющие аспиранта. Так, в Московском университете установилась практика представления диссертации за три месяца до окончания диссертантом аспирантуры. Тем самым пребывание в аспирантуре сокращается на три месяца, а для аспиранта это время немалое. На первый взгляд кажется, что необходимость представить диссертацию раньше срока подтягивает аспирантов, но практически эта мера бесполезна: работа поступает на факультет именно тогда, когда все профессора уходят в летний отпуск, советы не собираются — и папки с диссертациями благополучно «доживают» до октября.

Лучшим аспирантом признается тот, кто раньше кончил; в этом случае считается лучшим и его научный руководитель. В такой погоне за сроками (которые сами по себе, конечно, необходимы) на первое место выступает «скорость» работы над диссертацией, а не ее качество.

Формальным отношением к процессу подготовки диссертаций отчасти объясняется и то странное явление, что громадное количество кандидатских диссертаций остается неопубликованным. Для чего, спрашивается, в таком случае пишутся диссертации, если они становятся достоянием небольшого круга лиц, а сама защита из праздника науки превращается в простой обряд с последующими застольными речами и приветствиями. К тому же некоторые руководители выбирают для аспирантов крайне узкие темы, имеющие ограничительную датировку: «...в первой четверти XVII века», «...в начале XIX века» и т. д. Зачем утруждать аспиранта более широкой постановкой темы, если после защиты диссертация будет передана на хранение в библиотеку? Ведь только небольшая часть диссертаций публикуется, да и то лишь в виде отдельных статей.

Конечно, нельзя требовать, чтобы каждая кандидатская диссер-

тация увидела свет тотчас после защиты, но нельзя мириться и с тем, что многие работы бесследно пропадают для науки. Даже краткое знакомство с авторефератами показывает, что молодежь работает с увлечением, но какое увлечение может выдержать то поразительное равнодушие, которое часто проявляется к трудам молодых ученых?

Сама система составления авторефератов требует изменения. Даже будущему кандидату наук часто трудно изложить свои взгляды на одном печатном листе, еще труднее это сделать будущему доктору. Между тем параллельно с авторефератом можно было бы иногда печатать наиболее интересную часть диссертации в виде статьи в два-три печатных листа. Для этой цели вузы могли бы выпускать по одному-два сборника в год (по 20—25 печатных листов). Это сильно повысило бы научную ответственность диссертантов и вузовских советов.

Особенно важно усилить внимание к докторским диссертациям. Если трудно сейчас публиковать эти диссертации, то нужно расширить авторефераты до трех-пяти печатных листов. Высшее учебное заведение, выпустившее такой автореферат, естественно, будет чувствовать бо́льшую ответственность за докторскую диссертацию, представленную к защите.

Итак, наше предложение сводится к тому, чтобы максимально расширить издание работ молодых ученых, так как по существу единственным способом сделать общим достоянием достижения науки (в данном случае исторической) является опубликование трудов. Самые глубокие исследования и самые значительные открытия в области исторических наук останутся бесполезными, пока они не сделаются достоянием широких кругов читателей. Какой инженер согласится конструировать машину с целью ее хранения в музее? А с подобной «целью» иногда вынуждены трудиться наши молодые историки.

Но качеством диссертаций отнюдь не исчерпывается вопрос о подготовке молодых ученых в области общественных наук. Ведь после защиты диссертации аспиранты делаются преподавателями вузов. Каковы же условия их работы?

Надо прямо сказать, что эти условия вовсе не способствуют развитию научной деятельности молодых (да часто и старых) ученых. Вузовская нагрузка фактически не оставляет преподавателям общественных дисциплин времени для исследовательской работы. Ведь дело не только в том, что преподаватель вуза несет определенную педагогическую нагрузку, но и в том, что он должен постоянно серьезно готовиться к занятиям.

Лекции, семинары и подготовка к ним поглощают огромную часть времени профессора или преподавателя. Он должен читать книги, составлять конспекты и просто обдумывать, как хорошо прочитать ту или иную лекцию.

Для примера возьмем так называемые специальные курсы. Они читаются в объеме 40—50 часов. Между тем изложение их, переведенное на печатные листы, заняло бы 10—15 листов. В научных учреждениях на выполнение такой работы дается около двух лет.

А ведь спецкурсы чрезвычайно важны для повышения научной активности как профессоров, так и студентов. Они касаются определенных, относительно узких тем, и их задача — показать студентам исследовательские методы, поставить спорные вопросы, сделать историографические экскурсы, критически разобрать литературу и источники. Одним словом, спецкурс — это серьезное испытание для вузовского преподавателя, показатель его научной и методической подготовки. Иногда спецкурс может составить основу какого-нибудь исследования.

То же самое надо сказать о спецсеминарах: их объем в часах также никак не соответствует количеству времени, которое нужно затратить на подготовку к семинару и чтение студенческих работ.

Мы считаем, что педагогическая нагрузка преподавателей общественных дисциплин должна быть изменена в сторону ее уменьшения; пока это не будет сделано, нельзя рассчитывать на улучшение их научной деятельности.

Из года в год усиливается тенденция отделить профиль работников научных учреждений от профиля профессоров и преподавателей. Работники научных институтов пишут книги, статьи; для некоторых из них в течение двух-трех лет основной нагрузкой является работа над монографией. Правда, и они отвлекаются от основной темы текущей работой, рецензиями, докладами и т. д., но все-таки они в основном занимаются наукой.

И вот создается два типа молодых научных работников: ученый в научном учреждении и вузовский преподаватель. Первый лишен живого общения со студентами, второй преподает в вузе, но сам исследований почти не ведет. Между тем университетские профессора всегда были учеными; даже самые крупные академические работники всегда преподавали в вузах. Кто из историков не знает имен академиков Ю. В. Готье, В. И. Пичета, Б. Д. Грекова? До конца своих дней они читали лекции и вели семинары; студенты их знали и любили, и они знали и любили студентов. Разрыв высшей школы и научных учреждений — очень печальное явление: оно требует большого внимания Академии наук СССР и Министерства высшего образования. Не должно быть академических работников, оторванных от воспитания молодых ученых; не должно быть и профессоров, оторванных от науки. И те и другие пока есть у нас.

Вопрос связи академий с университетами имеет первостепенное значение для развития нашей науки, в частности для борьбы с таким отвратительным явлением, как монополия в науке. А монополии порождаются в первую очередь слабостью исследовательской работы в вузах. Можно ли считать, например, нормальным, что почти вся работа в области истории СССР сосредоточена в одном учреждении — в Институте истории АН СССР? Можно ли считать правильным, что некоторые сектора этого института считают себя чуть ли не непререкаемыми арбитрами в решении ряда исторических вопросов? Здоровое соревнование между коллективами ученых — лучшее средство развития исследовательской деятельности.

Мешает развитию научной работы в высших учебных заведениях и непрерывное сокращение их издательских планов. Издание монографий молодых авторов — явление очень редкое в высшей школе. К тому же многие вузы, даже университеты не имеют своей издательской базы. Ученые записки, труды по вопросам истории становятся здесь все более непериодическими. Молодым авторам поэтому часто негде помещать свои статьи, тем более что находятся и такие научные руководители, которые относятся к статьям презрительно и проповедуют издание только книг, точно плохая книга лучше дельной статьи. Даже создание пособий и учебников перестало быть специальностью вузов. Стыдно сказать, но студенты-историки, изучающие Россию феодального периода, учатся по учебникам, изданным в 1947—1948 гг., а новые учебники все еще находятся в печати.

Совершенно ясно, что исследовательская работа вузов неотделима от их учебной деятельности, она не может считаться только дополнением к учебному процессу. Студенту не безразлично, у кого он учится. Иной

окончивший вуз всю жизнь потом с гордостью вспоминает, у каких профессоров он учился. Научная работа должна войти как составная часть в нагрузку преподавателя, а не быть довеском к его педагогической работе, довеском, о котором вспоминают два раза в год: в отчете о сделанном (или чаще — о несделанном) и при составлении новых планов.

И, наконец, последний вопрос. Пора перестать смотреть на руководителей работы на факультетах как на администраторов. Организационной стороной деятельности факультета должны руководить деканы, а заместителями их по научной работе могут быть только видные ученые.

Трудности в деле развития научной деятельности в наших вузах, конечно, вовсе не так велики, чтобы с ними нельзя было справиться. Справиться с ними надо, и в ближайшее время.

«Вестник высшей школы», 1956, № 7, стр. 13—17.

Академик М. Н. Тихомиров

ЛЕТОПИСЬ НАШЕЙ ЭПОХИ

Некоторые историки — сторонники узкой специализации всю жизнь занимаются историей одного столетия, а то и одной узкой темой. Есть среди них такие исследователи, которые всю свою энергию обратили на изучение, например, только XVII или только XVIII в., не заглядывая за пределы избранного ими периода.

В оправдание своей позиции они утверждают, что современники якобы не могут написать историю своего времени. При этом суждении они исходят из того, что история должна быть написана с объективных позиций, а современник будто бы этого сделать не может. Товарищи, однако, забывают, что лучшие и наиболее значительные исторические труды прошлых времен написаны современниками. Светоний и Тит Ливий были современниками римских цезарей, о которых они писали. Записки о Галльской войне Юлия Цезаря до сих пор, несмотря на их официальный характер, остаются незаменимым источником по истории Галлии. Русские летописцы были современниками тех событий, о которых они писали. Что бы делали нынешние историки, если бы они не располагали этими источниками?

К тому же трудно говорить об объективности историков при описании даже очень отдаленных событий. Так, легенда о призвании варяжских князей на Русь, записанная в XI столетии, спустя 200 лет после рассказываемого в ней события, до сих пор трактуется в большинстве зарубежных сочинений как отражение исторической действительности. И это понятно, ибо она соответствует тезису империалистов о неспособности славянских народов править своими государствами без вмешательства извне.

Нечего и говорить о том, какое громадное значение имеют труды по современной истории. Не надо забывать, что этими трудами будут пользоваться в первую очередь будущие историки, когда они станут писать о нашем времени. Такие труды, как «История Великой Отечественной войны»,— это настольные книги не только для историков, но и для широких читательских кругов. Однако и сейчас есть еще вопросы советской истории, которые остаются вне изучения. У нас до сих пор нет, например, атласов и словарей, отражающих географические и административные изменения в СССР за полвека существования Советского государства, нет полной советской хронологии. Нет даже записи на магнитофонной пленке воспоминаний деятелей, создававших наше государство.

Конечно, актуальность исторической тематики далеко не всегда определяется ее близостью к сегодняшнему дню, хотя современность и

должна стоять в центре исследований соаетских ученых. Этот вполне обоснованный тезис о первостепенном значении историческнх исследований, связанных с современностью, впрочем, был неправильно понят нными издательствами, которые стали отвергать ценные работы, написанные на темы феодального и капиталистического времени как якобы не актуальные.

Вне поля зрения наших историков оказываются большие и важные темы. В особенности плохо разрабатываются темы по истории культуры нашей страны. Сведения о иародной культуре в наших пособиях и учебниках обычно заменяются повествованием только о памятниках письменности, архитектуры и живописи. После В. О. Ключевского, так живописно изобразившего календарный год старинного русского крестьянина, никто до сих пор даже не попытался рассказать о жизни народа, о его воззреннях, о его праздниках, о его бедствиях и чаяниях, обо всем, чем жил человек прежнего времени. Об этом пишут только писатели, как это сделал Ромэн Роллаи в своей повести о Кола Брюньоне. А историки только брюзжат на писателей, укоряя их в неточностях.

Прн оценке вопросов актуальности и неактуальности следовало бы более внимательно отнестись к тем вопросам, которыми заиимается враждебная нам историография. Фальсификацня нашей истории, истории социалистических стран, колониальных стран проводится многими зарубежными авторами систематически. С этой целью выбираются самые различные, при этом отнюдь не всегда современные темы.

Статьи, время от времени появляющнеся в наших журналах, и даже отдельные сборники, направленные против враждебных нам исторических сочинений, недостаточно помогают в борьбе с буржуазными фальсификациями.

Наиболее действенным ответом на враждебные нам выступления было бы появление крупных монографий и критических трудов, которые бы по-марксистски, глубоко вскрывали необоснованность зарубежных пасквилей. Такие труды необходимо переводить на иностранные языки. Сейчас это делается в самой малой степени. В частности, Академия наук СССР за все время своего существования, насколько я знаю, не издала на иностранном языке ни одной монографии по истории СССР, даже таких блестящих авторов, каким был покойный академик Е. Тарле.

Здесь мы подходим к очень важиому вопросу, который затронут был недавно в статье «История и современность» академика С. Сказкина и профессоров М. Барга и В. Лавровского («Известия», № 222, 1962 г.) об изобразительностн исторического повествования.

Скажем прямо, почтенные авторы статьи развили удивительиую теорию о второстепенном значении для историка художественной изобразительности в исторических сочинеииях. Конечно, в истории есть специальные разделы, где различиого рода художественные образы иногда и неуместны. Таковы работы, посвященные сложным источниковедческим вопросам, палеографнческие очерки, хронологические вычисления. От такого рода произведений никто не требует художественной выразительности.

Но существуют сочинения и другого характера. Это учебники, общеисторические труды, монографии, статьи. Такие произведения требуют особого внимания к изложению в смысле языка и образиости. Неряшливое, скучное изложение недопустимо вообще, а в исторических сочинениях — в особенности.

Между тем многие исторические труды нашего времени пишутся и небрежно и невероятно скучно. В редакциях исторических журналов

существуют должности «литературных редакторов», задача которых заключается в приглаживании и причесывании произведений наших историков. Такие редакторы, вероятно, очень нужны в редакциях газет, журналов. Но ведь едва ли кому-либо придет в голову поправлять стиль писателей, а историков «выправляют» и, к сожалению, часто справедливо.

У нас иногда ссылаются на особый талант покойного академика Тарле и некоторых других историков, которые будто бы одолевали тайны писательского мастерства благодаря своему природному дару. Однако не следует забывать, что они прилежно, упорно работали над языком своих произведений. Нельзя ориентировать молодых ученых на фактическое бракодельство. Ведь с таким же правом можно предложить обувной фабрике выпускать отвратительную по виду обувь на том лишь основании, что ее содержание (материал, носкость и пр.) — главное, а красота — второстепенное.

Единство содержания и формы также обязательно для историка, как и для художника. Историк не просто исследователь, выпускающий из лаборатории нужный продукт. Историк это и писатель. Иначе ему нечего браться за свой труд. Забота о выразительности исторических сочинений не должна отбрасываться в сторону, ей следует отвести одно из первостепенных мест.

История обязана воспитывать кадры в коммунистическом духе, вдохновлять читателя. Поэтому создание хороших, научных и в то же время доступных для широкого чтения исторических книг — вот истинная и благодарная задача для советских историков.

«Известия», 30 октября 1962 г.

ОБЛАСТНАЯ
научная библиотека
им. Н. К. Крупской
г. Астрахань

Академик М. Н. Тихомиров

ИСТОРИЮ НАДО ЗНАТЬ

Едва ли найдутся люди, которые будут отрицать значение общественных наук в формировании мировоззрения советского человека. Известно, что основоположники марксизма-ленинизма создали замечательные труды по экономике, истории, философии. Какое большое значение придавал Карл Маркс, в частности, исторической науке, видно из его конспектов по истории средних веков и нового времени.

Важность изучения в школе общественных дисциплин не подлежит сомнению. Другое дело — как и в каком объеме их преподавать.

Надо прямо сказать, что этот вопрос не разрешен нашими учреждениями, призванными работать над методикой преподавания таких предметов, как история, литература, языки и, добавим еще, география.

Мне, старому педагогу, много лет работавшему в школах разных видов, хотелось бы высказать несколько соображений. Ведь обучение начинается со школьной скамьи, и пренебрежение даже к такому скромному предмету, как чистописание, иной раз обходится очень дорого. Разве мало таких ученых, рукописи которых труднее разобрать, чем ассирийскую клинопись.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с программами и учебниками литературы и особенно истории,— это несоответствие их возрасту детей. Нередко в очень раннем детстве у ребят проявляются выдающиеся музыкальные способности. Но мир пока не знал ни одного пятнадцатилетнего экономиста, историка или философа. А таких философов и историков, судя по программам и учебникам, стремятся сделать некоторые наши методисты.

Программы и учебники крайне перегружены деталями. Порой авторы, составляющие пособия для школ, имеют в виду не столько учителей и учеников, сколько рецензентов.

Самый трудный вопрос — какие же разделы истории или литературы надо преподавать? Кажется, чего проще выбросить из программы, например, древнюю историю. Так предлагают некоторые товарищи, которые считают, что не следует изучать дела фараонов. Конечно, нет нужды запоминать их имена. Но наши учащиеся должны быть знакомы с основными событиями величественной древней истории Египта.

Говоря о важности преподавания общественных наук в школе, мы не должны забывать и того, что они комплексно связаны между собой. Как изучать, скажем, «Полтаву» Пушкина, да и произведения нашего времени, хотя бы «Тихий Дон» Шолохова, без знания истории.

Перестройка работы школы не может идти по линии простого сокращения предметов или часов, отведенных для них. Биология или математика мало выигрывают от того, что в школе меньше будут обращать внимания на литературу или историю. Поэтому надо тщательно продумать всю систему школьного образования.

«Вечерняя Москва», 19 декабря 1958 г.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Н. ТИХОМИРОВА

БИБЛИОГРАФИЯ

К 60-летию проф. М. Н. Тихомирова, — «Вестник МГУ», 1953, № 4, серия обществ. наук, вып. 2, стр. 71—81.

Тихомиров Михаил Николаевич, — «Вестник АН СССР», 1954, № 2, стр. 61 (Академики, избранные Общим собранием Академии наук СССР 23 октября 1953 г.).

Тихомиров Михаил Николаевич, — «Энциклопедический словарь», т. 3, 1955, стр. 405.

Тихомиров Михаил Николаевич, — «Большая Советская Энциклопедия», изд. 2, т. 42, 1956, стр. 499.

Тихомиров Михаил Николаевич, — «Малая Советская Энциклопедия», изд. 3, т. 9, 1960, стр. 341.

Буганов В. И., *Источниковедение в трудах академика М. Н. Тихомирова (к 70-летию со дня рождения),* — в кн.: «Проблемы источниковедения», вып. 11, М., 1963, стр. 514—523.

Валк С. Н., *Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова,* — в кн.: «Археографический ежегодник за 1962 год (к 70-летию академика М. Н. Тихомирова)», М., 1963, стр. 5—20.

Зимин А. А., *Древняя Русь в трудах академика М. Н. Тихомирова,* — в кн.: «Из истории межславянских культурных связей (к семидесятилетию академика Михаила Николаевича Тихомирова)», М., 1963, стр. 10—23.

Королюк В. Д., *Академик М. Н. Тихомиров как историк-славист,* — в кн.: «Из истории межславянских культурных связей (к семидесятилетию академика Михаила Николаевича Тихомирова)», М., 1963, стр. 3—9.

К семидесятилетию академика М. Н. Тихомирова, — «История СССР», 1963, № 5, стр. 230.

Neubauer Helmut, Michail Nikolaevič Tichomirov. Zum 70. Geburtstag. — «Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas», 1963, № 4, ss. 637—638.

Новицкий Г. А., *Жизненный и творческий путь академика Михаила Николаевича Тихомирова (к семидесятилетию со дня рождения),* — «Вестник МГУ», 1963, история, № 3, стр. 3—11.

[*Поздравление Совета общества истории, археологии и этнографии при Казанском гос. университете с 70-летием со дня рождения*], — «Труды Общества истории, археологии и этнографии при Казанском гос. университете», 1963, № 1, стр. 138.

Шунков В. И., *Академик М. Н. Тихомиров,* — в кн.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран (Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова)», М., 1963, стр. 5—16.

Шунков В. И., *К семидесятилетию академика М. Н. Тихомирова,* — «Вопросы истории», 1963, № 6, стр. 99—106.

Tikhomirov Mikhail Nikolaevich, — «The International Who's Who», London, 1963, p. 964.

Михаил Николаевич Тихомиров. Вступит. ст. В. И. Шункова. Библ. сост. Р. И. Горячевой, М., 1963 (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия ист., вып. 6).

Тихомиров Михайло Миколайович, — «Українська радянська енциклопедія», т. 14, [1965], стр. 414.

М. Н. Тихомиров [Некролог], — «Известия», 4 сентября 1965 г.

М. Н. Тихомиров [Некролог], — «Правда», 5 сентября 1965 г.

Памяти М. Н. Тихомирова, — «История СССР», 1965, № 5, стр. 217—232.

М. Н. Тихомиров [Некролог], — «Вестник АН СССР», 1965, № 10, стр. 134.

М. Н. Тихомиров [Некролог], — «Вопросы истории», 1965, № 11, стр. 216—217.

Александров В. А., *Памяти академика М. Н. Тихомирова,* — «Советская этнография», 1965, № 6, стр. 138—141.

Памяти М. Н. Тихомирова, — «Литературная газета», 7 сентября 1965 г.

Академик Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965), — «Вопросы архивоведения», 1965, № 4, стр. 116—117.

Дмитриев Л. А., *М. Н. Тихомиров* [Некролог], — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 397.

Зимин А., *Памяти Михаила Николаевича Тихомирова,* — «Исторические записки», т. 78, [М.], 1965, стр. 272—276.

Бугаиов В. И., *Михаил Николаевич Тихомиров,* — в кн.: «Исторические записки», т. 76, [М.], 1965, стр. 292—307.

Зевакин М. И., *М. Н. Тихомиров* [Некролог], — в кн.: «Вопросы истории Чувашии», Чебоксары, 1965, стр. 277—278 («Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», вып. 29).

Королюк В. Д. и Рогов А. И., *Михаил Николаевич Тихомиров* [Некролог]. — «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 105—106.

Белявский М. Н., *Памяти большого ученого* [М. Н. Тихомирова], — «Вестник МГУ», история, 1966, № 1, стр. 3—16.

Покровский Н. Н., *Памяти Михаила Николаевича Тихомирова,* — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1966, № 1, серии обществ. наук, вып. 1, стр. 143—144.

Рогов А. И., *Памяти академика М. Н. Тихомирова,* — «Советская археология», 1966, № 2, стр. 3—19.

Королюк В. Д., Рогов А. И., *Михаил Николаевич Тихомиров как историк славянских народов и славяно-германских отношений,* — в кн.: «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и вопросы их историографии», М., 1965, стр. 3—9.

Левшин Б. В., *Выставка документальных материалов, посвященная академику М. Н. Тихомирову,* — в кн. «Археографический ежегодник за 1965 год», М., 1966, стр. 176.

Рыбаков Б. А., *Михаил Николаевич Тихомиров,* — в кн.: «Археографический ежегодник за 1965 год», М., 1966, стр. 3—6.

Шмидт С. О., *Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова),* — в кн.: «Археографический ежегодник за 1965 год», М., 1966, стр. 7—17.

Ассатурова М. И., *Памяти академика М. Н. Тихомирова,* — «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 149—150.

Долдобанова Н. А., Шеламанова Н. Б., *К биографии академика М. Н. Тихомирова.* — «Археографический ежегодник за 1965 год», М., 1966, стр. 173—175.

Левшин Б. В., *Постоянная выставка в архиве АН СССР, посвященная академику М. Н. Тихомирову,* — «Советское славяноведение», 1966, № 5, стр. 117—118.

Павлов-Сильванский В. Б., *Деятельность Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР за 1965 г. [О кончине, похоронах Председателя Археографической комиссии академика М. Н. Тихомирова и заседании, посвященном его памяти],* — «Археографический ежегодник за 1965 год», М., 1966, стр. 376—380.

Рогов А. И., Покровский Н. Н., *Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР,* — «Археографический ежегодник за 1965 год», М., 1966, стр. 162—172.

Theodore Taranovski, *Mikhail Nikolaevich Tikhomirov. Rossiia v XVI stoletii,* — «Kritika. A review of current soviet books on russian history», vol. II, № 3. Cambridge, 1966, pp. 7—18.

Библиографию составил Б. Н. Флоря.

М. Г. Рабинович

О ВОЗРАСТЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ

Вопрос о возрасте Москвы и ее древнейшей территории неоднократно был предметом научной полемики. Высказанное еще в конце прошлого столетия И. Е. Забелиным [1] предположение о глубокой древности Москвы было тогда же подвергнуто суровой критике С. Ф. Платоновым, который писал: «*Оставаясь в пределах летописных данных* (курсив наш.— *М. Р.*), приходим к мысли о том, что факт основания Москвы — города в первой половине или даже в середине XII в. — не может считаться точно установленным...» [2]. Эта оговорка ученого весьма существенна. Письменные источники в самом деле содержат столь скудные данные о начальном периоде истории Москвы, что, ограничиваясь только ими, мы действительно должны были бы отказаться от попыток проследить развитие города ранее второй половины XII в. Однако, если учесть то бесспорное обстоятельство, что летописи ничего не говорят о *возникновении* Москвы, что город Москов (таково его древнее имя) попадает на их страницы уже как существующий более или менее значительный населенный пункт, находящийся во владении князя Юрия Долгорукого и, видимо, уже хорошо известный и другим князьям [3], станет очевидным, что создавать историю Москвы, «оставаясь в пределах летописных данных», уже в прошлом веке было невозможно. И. Е. Забелин сумел построить концепцию возникновения и первоначального роста Москвы на комплексном использовании разнообразных источников — летописей, произведений ученых-книжников XVII в. (вроде Синопсиса), фольклора и отдельных археологических наблюдений [4]. Концепция эта вкратце такова: городок Москов возник в глубокой древности, задолго до середины XII в. на бойком торговом месте в устье реки Яузы, и лишь позднее по соображениям военно-стратегическим и политическим его укрепленный центр был перенесен на современный Кремлевский холм в устье реки Неглинной. Однако и на устье Неглинной поселение было достаточно древним. Первые его укрепления относятся еще к «языческим временам», а крепость, сооруженная, по словам Тверской летописи, в

[1] И. Е. Забелин, *Изыскания о древнейшем, первоначальном поселении Москвы*. — «Тр. VIII археологического съезда», т. III, М., 1887, стр. 3.

[2] С. Ф. Платонов, *О начале Москвы*, — сб. «Статьи по русской истории», СПб., 1912, стр. 81. Статья напечатана впервые в 1890 г.

[3] Заметим, что в приглашении Юрия, посланном Святославу Ольговичу, Москов назван не как какое-то новое или безвестное поселение, о котором надо *объяснить*, где оно находится; Юрий просто говорит «приезжай ко мне в Москов», как мог бы сказать «приезжай ко мне в Суздаль».

[4] И. Е. Забелин, *История города Москвы*, М., 1902, стр. 62 и сл.

1156 г. достигала уже гораздо бо́льших размеров, простираясь по берегам Неглинной и Москвы-реки на 200 сажен (немного более 400 *м*).

Нужно сказать, что И. Е. Забелин сумел так убедительно обосновать свою точку зрения, что возражения С. Ф. Платонова прошли почти незамеченными, и позднейшие исследования обычно исходили из концепции И. Е. Забелина, лишь несколько ее видоизменяя. Последняя из дореволюционных монографий о Москве, написанная С. П. Бартеневым[5], не является в этом отношении исключением. Автор считал, что первые укрепления Кремлевского холма сооружены в первой половине XI в., усилены в 1147 г., а в 1156 г. заменены новой, более обширной крепостью. Однако С. П. Бартенев предполагал, что первые укрепления охраняли еще не город Москву, а «княжеское хозяйственное село», которое превратилось в город не ранее середины XII в.

* * *

Уже в советское время сведения о начальном периоде истории Москвы существенно расширились благодаря новым исследованиям письменных источников и археологическим раскопкам.

Археологическое изучение Москвы развивалось в тесном контакте с историческими исследованиями, во многом отправляясь от их результатов. Уже сорок лет назад, организуя впервые планомерные наблюдения за земляными работами, П. Н. Миллер выбирал районы наблюдений на основе исторических сведений. На строительстве московского метрополитена в тесном контакте работали две бригады: археологическая и архивно-историческая, к каждому участку трассы были прикреплены археолог и историк.

Приступая двадцать лет назад к специальным археологическим раскопкам в Москве, исследователи должны были прежде всего проверить положение И. Е. Забелина о том, что древнейший городок Москва стоял не на устье Неглинной, а на устье Яузы. Поэтому первые раскопки в 1946 г. (в связи с приближающимся 800-летием первого летописного упоминания о Москве) провели именно в этом районе, на Таганском холме[6].

Основной добытый раскопками материал относился к существовавшей здесь в XVI—XVIII вв. Гончарной слободе, но единичные находки древних вещей — первого в Москве шиферного пряслица, фрагментов керамики курганного типа — показали, что в этом районе существовало древнее поселение. Однако было ли оно древнее, чем Кремль, являлось ли сельским или городским — об этом материалы раскопок говорить не позволяли[7].

На дальнейший ход археологических работ в Москве большое влияние оказали исследования М. Н. Тихомирова. В появившейся летом 1947 г. его книге «Древняя Москва» на основании изучения письменных источников был высказан ряд соображений об относительной древности различных территорий современного центра Москвы. Особую важность представляла мысль М. Н. Тихомирова, что весьма древним должен быть низменный москворецкий Подол, где проходила Великая ули-

---

[5] С. П. Бартенев, *Московский Кремль в старину и теперь*, тт. I и II, М., 1912—1916.

[6] Раскопки вели экспедиция Государственного исторического музея под руководством Б. А. Рыбакова и экспедиция Института археологии АН СССР и Музея истории и реконструкции г. Москвы под руководством автора настоящей статьи. Основные результаты опубликованы в МИА, М., 1949, № 12.

[7] М. Г. Рабинович, *К вопросу о начале Москвы*, — «Вестн. АН СССР», 1947, № 4, стр. 64.

ца — едва ли не первая улица города, — соединявшая Кремль с пристанью. По мнению М. Н. Тихомирова, Подол должен был быть заселен во всяком случае раньше, чем высокая часть Китай-города, а может быть, и значительная часть территорин Кремля.

В том же году, заканчивая раскопки на устье Яузы, мы заложили разведочные выработки в Зарядье[8], где устаиовнли большую мощиость культурных отложений поселения городского характера. Зарядье и стало на ряд лет главиым объектом археологическнх раскопок[9].

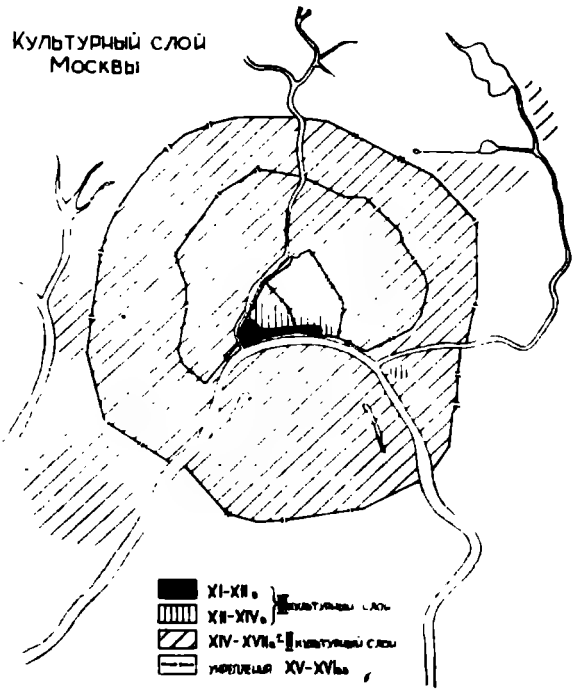


Рис. 1. Схема распространения различных горизонтов в центральных районах

Для темы данной статьи важнейшим результатом работ в Зарядье было открытие и исследование ннжнего (III) горизонта культурного слоя, насыщенного остатками деревянного строительства — корой и щепой — и датируемого концом XI — начало XIV в. Этот слой (он обычно коричневого цвета), как потом оказалось, имеется только в центральных районах Москвы, притом на ограниченных участках (рис. 1). Распространение его очерчивает и территорию Москвы в соответствующий период.

Интенсивность отложения этого слоя увеличивалась по направлению к западу, благодаря чему уже с первых лет раскопок в Зарядье стало ясно, что этот район, ныне центральный, в древности был окраинной города, а центр Москвы находился западнее, по всей вероятности на устье Неглинной. Проверить это предположение, однако, стало возможным лишь недавно. Археологнческне раскопки в Кремле впервые были проведены только в 1959—1960 гг. в связи со строительством Дворца съездов[10], а наблюдения за реставрацнонными работами ведутся и по настоящее время[11]. Нижний культурный слой в Кремле, как и ожидалось, выражеи гораздо ярче, чем в Зарядье. Он более мощный и богаче находками.

[8] Археологические наблюдения в этом районе велись нами еще до войны, в 1940—1941 гг. Они показали наличие богатого находками и деревянными сооружениями слоя XVI—XVII вв.; но выработки тогда не углублнлись до более древних пластов.

[9] Раскопки велись под руководством автора настоящей статьи (1949—1951 гг.) и под руководством А. Ф. Дубынина (1954—1964 гг.).

[10] Руководили раскопками П. Н. Воронин и автор. Материалы раскопок в Зарядье и Кремле опубликованы в ряде статей и в кн.: М. Г. Рабинович, *О древней Москве*, М., 1964.

[11] Наблюдения вели археологи Центральных научно-реставрацнонных мастерских Н. С. Шеляпина и М. Х. Алешковский.

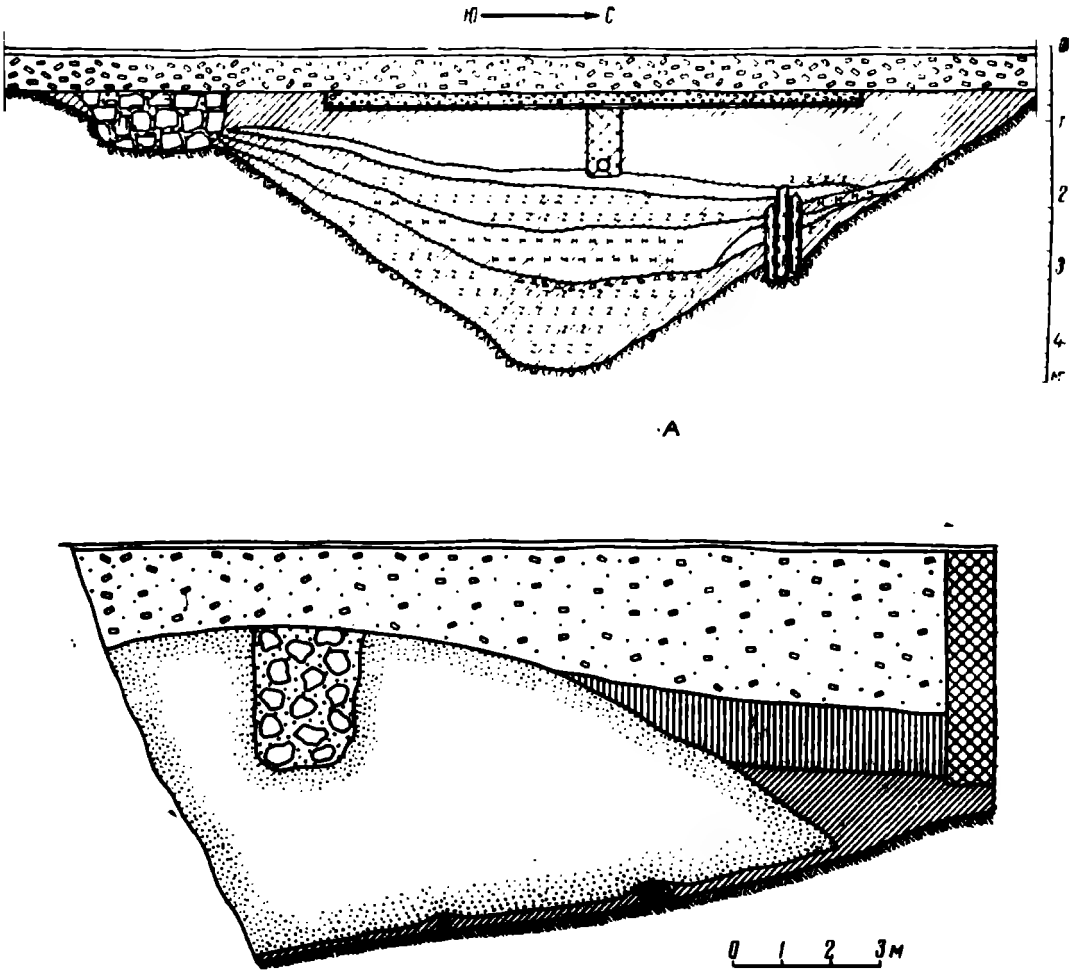


Рис. 2. А. Разрез древнейшего рва Кремля
Б. Остатки вала второй половины XII в.

* * *

При исследовании культурного слоя XI—XIV вв. археологов, естественно, интересовала датировка нижних его горизонтов, так как именно она могла решить вопрос о возрасте Москвы. Следовало учесть, что в разных местах исследуемой территории и начало отложения культурного слоя должно датироваться по-разному, так как постепенное распространение культурного слоя отражает рост города, а город вырос не в один день. A priori можно сказать, что центр должен быть древнее окраин. Но это верно лишь в общих чертах, так как многие причины топографического, экономического и политического характера определяли застройку города. И отдельные, более удаленные от центра участки могли быть заселены раньше, чем другие, более близкие к центру. Как мы уже говорили, исследование письменных источников давно привело М. Н. Тихомирова к выводу, что, например, Подол

Кремлевского холма у Москвы-реки был заселен раньше, чем нагорная часть Китай-города.

Время, когда начал откладываться культурный слой в той или иной части города, определялось в каждом случае исследованием древнейших сооружений и вещевыми находками. Удалось открыть снова древнейший ров Кремля, который известен с середины прошлого столетия [12]. Описания того времени, однако, не позволяли судить о конструкции этого оборонительного сооружения. При наших работах зафиксирован разрез рва. Он имел вид как бы опрокинутого вершиной вниз треугольника. Ширина рва в древности могла быть 16—18 *м*, глубина — до 5 *м* (рис. 2). В глубине ров представлял собой, по-видимому, дугу, отделявшую от плато крайнюю юго-западную оконечность Кремлевского мыса. Таким образом, первое московское укрепление принадлежит к тому простейшему типу мысовых крепостей, который был характерен для Залесской земли вплоть до XI в., а в XII в. существовал уже скорее как пережиток [13]. Самая конструкция рва, его треугольное сечение также указывают на раннюю дату сооружения укреплений. Крепости, строившиеся в XII в. на новом месте (Юрьев Польской, Перемышль Московский и др.), располагались обычно не на мысах, а рвы их были в сечении трапециевидными. Наконец, исследование материала, заполнявшего ров, показало, что в середине XII в. он был уже засыпан, причем засыпали его не сразу, а постепенно, в течение десяти-пятнадцати лет.

Таким образом, древнейшие укрепления Москвы были сооружены не раньше X в. и не позднее второй половины XI в., а к середине XII в. уже перестали существовать.

Из других московских сооружений к концу XI — началу XII в. относятся два дома. Оба они находятся вне укрепления — один на Кремлевском холме, в районе Соборной площади, у здания позднейших Мироварених палат [14], другой — мастерская кожевника и сапожника — на москворецком Подоле, в Зарядье [15]. Других построек этого времени пока не обнаружено. Но уже и то, что открыто лопатами археологов, говорит, что Москва на рубеже XI и XII вв. находилась на устье Неглинной и имела крепость и неукрепленный посад, т. е. была городом.

* * *

Попытаемся уточнить размеры территории древнего города по находкам определенных типов вещей.

Давно уже известно, что для русских средневековых городов чрезвычайно типичной находкой считаются стеклянные браслеты. Обломки этих хрупких украшений встречаются сотнями и тысячами в городах, а в сельских поселениях и курганах они очень редки. Это обстоятельство позволило А. В. Арциховскому 20 лет тому назад, когда в Москве еще не было найдено ни одного стеклянного браслета, предсказать, что такие находки обязательно будут [16]. Но когда мы впервые нашли фрагмент стеклянного браслета в Зарядье два года спустя, то не предполагали еще, что эта категория вещей окажется для древней Москвы *terminus ante quem*.

---

[12] М. Гастев, *Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы*, ч. I, М., 1841, план № 55, стр. 4.

[13] П. А. Раппопорт, *Очерки по истории военно-оборонительного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.*, — МИА, М.—Л., 1961, № 105, стр. 44.

[14] Н. С. Шелепина, *Самая древняя*, — «Наука и жизнь», 1965, № 5, стр. 80—81.

[15] М. Г. Рабинович, *О древней Москве*, стр. 194—195.

[16] А. В. Арциховский, *Основные вопросы археологии Москвы*, — МИА, М., 1947, № 7, стр. 16

Дело в том, что стеклянные браслеты распространились так широко по всем городам Руси уже в XII в., всего вероятнее — в середине его. В Новгороде они встречаются в слоях, находящихся на восемь ярусов выше материка, и датируются по дендрохронологии не раньше 1116 г.[17].

В Москве находки стеклянных браслетов непосредственно на материке были сделаны преимущественно в северной части Зарядья и в северной и северо-восточной части Кремля. Граница таких находок проходит примерно через середину современных зданий Дворца съездов и гостиницы «Россия».

В южной же части Зарядья и на территории Кремля к югу и юго-западу от середины здания Дворца съездов стеклянные браслеты находят в культурном слое, как правило, выше материка. В Зарядье — на 10—20 *см*, на Соборной площади и западнее ее — на 15—25 *см*[18], на оконечности Кремлевского мыса — на 90 *см*[19]. Таким образом, ко времени распространения стеклянных браслетов — к середине XII в.— Москва уже имела солидные культурные отложения — мощностью до 90 *см* в центре города и 10—20 *см* на его тогдашних окраинах. Когда в этих районах начал откладываться культурный слой, можно судить по находкам некоторых других вещей. В южной части Зарядья и Великой улицы, напротив церкви Николы Мокрого (раскоп I 1949 г.) на материке было найдено шиферное пряслице Овручского типа (зонной формы с диаметром канала 9 *мм* — рис. 3, *1*). Подобные пряслица относятся к категории находок, встречающихся чаще всего в XI—XII вв.[20]. Примерно там же найдены и подковообразная железная фибула с медным язычком, какие чаще всего встречаются в слоях X—XI вв., и наконечник сулицы, точную аналогию которому мы находим в Новгороде Великом в слое X в.[21] (рис. 3, *2, 3*). На северной стороне Великой улицы, восточнее церкви Николы Мокрого (раскоп VI 1950 г.), найдена железная луженая подковообразная фибула (рис. 3, *4*). В Новгороде таких найдено всего 12, из них 10 в слоях X—XI вв.[22]. Западнее, на той же стороне Великой улицы (раскоп VII 1951 г.), найдена свинцовая гирька биконической формы, весом 92,4 *г*. По форме и весу она близка к медной гире (вес 91,2 *г*), найденной вместе с другими, меньшими гирями в кошельке купца на Епископской улице в Новгороде. Этот кошелек был потерян в первой половине XI в. Разница в весе гирь — 1,2 *г* — составляет всего 1,3% их веса. Такие колебания для той поры обычны. Обе гирьки относятся к одной весовой системе, которая применялась в Волго-Окском междуречье до середины XI в.[23].

Еще ближе к Красной площади в разрушенной усадьбе кожевника, о которой мы уже говорили (раскоп VIII 1951 г.), найдены обломок косы-горбуши и железное кресало калачевидной формы (рис. 3, *6, 7*). Коса относится к типу, датируемому XI в., а кресало — к раннему вариан-

---

[17] Б. А. Колчин, *Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа*, — МИА, М., 1956, № 55, стр. 120; Б. А. Колчин, *Дендрохронология Новгорода*, — СА, 1962, № 1, стр. 137.

[18] Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович, *Археологические работы в Московском Кремле*. — СА, 1960, № 1, стр. 258.

[19] По любезному сообщению Н. С. Шеляпиной. Можно все же думать, что слой без браслетов в центре городища был несколько менее мощным, так как на склонах всегда накапливается несколько больше культурного слоя за счет смыва.

[20] Б. А. Колчин, *Хронология Новгородских древностей*, — СА, 1958, № 2, стр. 107.

[21] А. Ф. Медведев, *Оружие Новгорода Великого*, — МИА, М., 1959, № 65, стр. 128, рис. 4, 8.

[22] Б. А. Колчин, *Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого*, — Там же, стр. 106.

[23] А. Л. Монгайт, *Археологические заметки*, — КСИИМК, вып. 41, М., 1951, стр. 134—136.

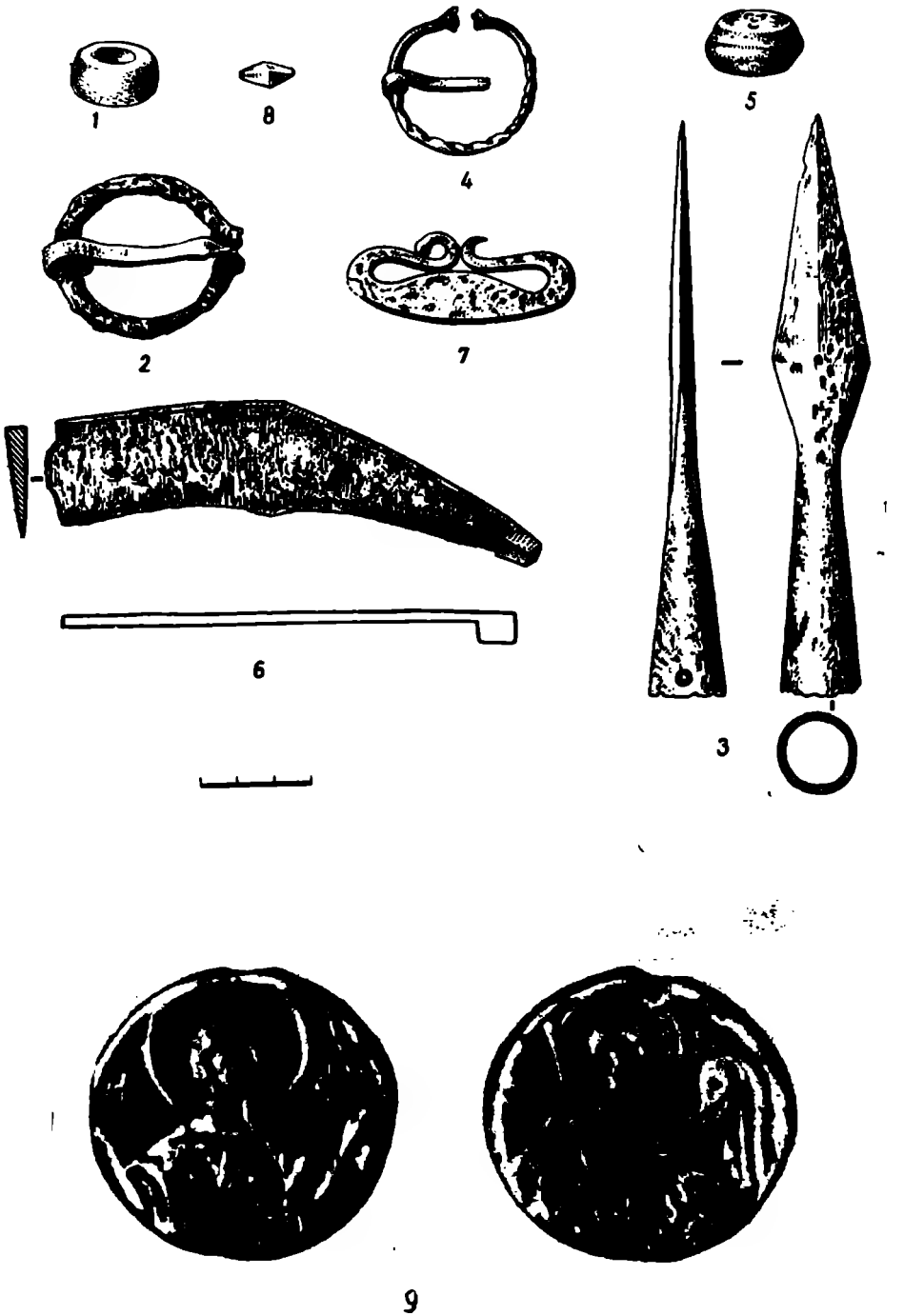


Рис. 3. Древнейшие вещи из культурного слоя Москвы
1 — шиферное пряслице, *2* — железная фибула, *3* — наконечник сулицы, *4* — луженая фибула, *5* — свинцовая гирька, *6* — часть косы-горбуши, *7* — калачевидное кресало, *8* — бипирамидальная хрустальная бусина, *9* — печать 1091—1096 гг. (по Н. С. Шеляпиной)

ту выделенного Б. А. Колчиным первого типа (X—XI вв.) [24]. Интересно отметить, что в подмосковных курганах такое кресало найдено всего один раз в мужском погребении у с. Воронцово. А. В. Арциховский отмечает, что этот курган древнее выделенной им первой вятической стадии [25], т. е. древнее XII в.

На территории Кремля (раскоп II 1959 г.) также удалось найти в нижнем слое, не содержавшем стеклянных браслетов, ряд древних вещей. Здесь было шесть шиферных пряслиц (в Новгороде они встречаются без браслетов лишь до 1096 г.) [26], бипирамидальная хрустальная бусина (рис. 3, *8*), какие находят в курганах, начиная с X в.[27]. Керамика, попадающаяся в этих горизонтах, аналогична керамике Пскова и Новгорода X—XI вв.

Таким образом, сооружения и вещи старше XII в., встреченные в Кремле, заставили нас предположить, что в юго-западной части Кремля, за пределами рва, существовало на рубеже XI и XII вв. поселение, которое примыкало к укреплениям и включало мастерские ремесленников, т. е. не могло быть ничем иным, кроме посада этого города. На восток оно простиралось узкой полосой по берегу р. Москвы примерно до позднейшего Псковского переулка (см. рис. 1).

Но уже тогда мы отмечали, что раскопками исследована лишь небольшая часть древнейшей территории Москвы, причем каждый раз раскопы попадали на периферийные участки, окраины древнего города, и что для более полного изучения этого вопроса необходимы исследования района Соборной площади, стрелки Кремлевского мыса и Тайницкого сада [28]. За последние годы эта задача в известной мере выполнена. Археологические наблюдения на Соборной площади и на стрелке мыса, о которых мы уже писали, подтвердили и дополнили данные раскопок. Из вещевых находок особый интерес представляет найденная в 1965 г. позади здания Оружейной палаты свинцовая пломба, какие в древней Руси привешивали к грамотам. Она имеет на обеих сторонах печати; на одной — изображение богоматери в позе оранты, на другой — изображение архангела Михаила (рис. 3, *9*). По определению В. Л. Янина, эта печать принадлежит скорее всего Киевской митрополии и должна быть датирована 1091—1096 гг.[29]. Н. С. Шеляпина справедливо связывает эту находку с первой московской церковью Иоанна Предтечи, которую, по мнению И. Е. Забелина, построили на месте языческого жертвенника посредине тогдашнего городка (несколько южнее современного здания Большого дворца). Печать найдена всего в 80 *м* от предполагаемого местонахождения церкви, и есть все основания думать, что она отпала от грамоты, адресованной Киевской митрополичьей кафедрой в какой-то местный центр православия, а таким центром, естественно, была в этой вятической, еще языческой, стране первая московская церковь.

Значение этой находки далеко выходит за рамки датировки существования Москвы. Мы видели, что и без нее уже ряд предметов и сооружений, обнаруженных в культурном слое Москвы, подтвердил существование города значительно раньше его первого упоминания в ле-

---

[24] Б. А. Колчин, *Железообрабатывающее ремесло...*, стр. 72—73, 99, 101; рис. 69, № 4.

[25] А. В. Арциховский, *Курганы вятичей*, М., 1930, стр. 97—98.

[26] Б. А. Колчин, *Топография, стратиграфия...*, стр. 120—125. Поправки в дате сделаны по работе: Б. А. Колчин, *Дендрохронология Новгорода*.

[27] М. В. Фехнер, *К вопросу об экономических связях древнерусской деревни*, — «Тр. ГИМ», вып. 33, М., 1959, стр. 156—157.

[28] М. Г. Рабинович, *О древней Москве*, стр. 320—321.

[29] Н. С. Шеляпина, *Археолог поправляет летописца*, — «Наука и жизнь», 1965, № 9,

тописи, по крайней мере во время Владимира Мономаха[30]. Находка печати Киевской митрополии указывает на то, что городок Москов в земле вятичей был связан с Киевом не только торговыми связями, о которых говорят, например, находки шиферных волынских пряслиц и поливной киевской керамики, но и идеологическими.

Исследователи и раньше отмечали, что уже само распространение у вятичей общерусского обряда погребения тела под курганом вместо более древнего обряда сожжения произошло не без влияния древнерусского государства и его официальной религии — христианства[31]. А это влияние, всего вернее, распространялось через города. И маленький Москов был, по-видимому, одним из очагов киевского влияния.

В свете этой находки следует обратить внимание и на находки, сделанные давно. Так, еще в прошлом столетии, при постройке Малого Николаевского дворца, на месте современного здания Кремлевского театра, была найдена византийская иконка, которую А. Шохин относит к древностям IX в.[32]. Мы в свое время скептически отнеслись к этой находке, считая, что она могла быть привезена и гораздо позднее[33]. Но теперь можно думать, что если не в IX, то в XI в. византийская церковная утварь безусловно могла попадать в Москов. И путь, по которому она попадала, шел, по всей вероятности, через Киев. Тем же путем шли, наверное, и дорогие византийские ткани, которые покупали на московском рынке окрестные крестьяне побогаче на головные уборы своим женам. В подмосковных курганах не так уж редко находят фрагменты таких головных уборов.

Кто был владельцем городка в тот ранний период его существования, сказать трудно. Но все же теперь все более правдоподобной представляется известная версия, содержащаяся в некоторых вариантах повестей о начале Москвы,— та, что называет первым владельцем боярина Стефана Кучку. М. Н. Тихомиров также отдавал этой версии предпочтение, считая вместе с тем, что Кучка был представителем местной вятической знати[34]. Это предположение вполне согласуется с теми представлениями, которые мы имеем о социальных процессах, происходивших в этот период в междуречье Оки и Волги. На рубеже XI—XII вв. у вятичей сложилась своя знать, которая в окружении феодальных княжеств, вероятно, была также феодальной. Киевский князь Владимир Мономах назвал двух представителей этой знати — Ходоту и его сына (это известие можно понять так, что сын наследовал Ходоте, и первый поход «в вятичи» Мономах предпринял против Ходоты, а второй — против его сына). По-видимому, владелец Москвы принадлежал к той же социальной группе. Можно думать, что покорение вятичей, не раз предпринимавшееся Киевскими князьями с помощью огня и меча, могло идти и более мирным путем, и путь этот лежал через города, одним из которых был Москов. В последующих феодальных войнах местная знать должна была стать естественным союзником далеких Киевских князей и врагом Суздальских, которые были ближе и, следовательно, опаснее.

---

[30] Отметим, что уже более 30 лет назад, еще до раскопок в Москве, А. В. Арциховский в своем исследовании о вятичах писал: «Если такие города начали упоминаться летописью в XII в., это еще не значит, что они тогда возникли. Они должны были существовать и раньше» (*Курганы вятичей*, стр. 159).

[31] М. Н. Тихомиров, *Средневековая Москва в XIV—XV вв.*, М., 1957, стр. 30.

[32] А. Шохин, *Исторический очерк Николаевского дворца в Московском Кремле*, М., 1894, стр. 20.

[33] М. Г. Рабинович, *О начальной истории Московского Кремля*, — ВИ, 1956, № 1, стр. 127.

[34] М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва*, М., 1947, стр. 14.

* * *

Юрий Долгорукий захватил Москов, по всей вероятности, несколько раньше 1147 г. Это был естественный ход в борьбе за Киевский великокняжеский стол. Но для городка переход во власть Суздальских князей означал новый важный этап развития. Этап этот ознаменовался и значительным ростом территории. Уже во второй половине XII в. Андрей Боголюбский строит в Москве новую крепость [35]. Об устройстве ее нам уже случалось писать [36]. Здесь важно отметить, что этот новый Кремль строился в городе с уже сложившейся планировкой, и «городники» — военные инженеры того времени — вынуждены были попросту расширить феодальный центр города. Поэтому новая крепость была, как и старая, мысовым укреплением, хотя в ту пору уже возобладали иные принципы крепостного строительства. По конструкции же это была вполне современная крепость. Она имела мощный вал с особо укрепленным основанием, как и крепости, построенные в последние годы княжения Долгорукого [37], по всей вероятности — с заборолами наверху. Ров ее должен был быть в сечении трапециевидным.

Раскопками 1959 г. обнаружены и исследованы остатки вала этой крепости у здания Потешного дворца и напротив Троицких ворот. Нужно думать, что где-то поблизости от Троицких ворот вал поворачивал на северо-восток и, огибая современную Соборную площадь, выходил на берег Москвы-реки. Древний рельеф Кремлевского мыса показывает, что как раз по этой линии выгодно было провести новый ров. Судя по изученным раскопками частям вала, он защищал не только «приступную», как говорили в древности, сторону Кремля; концы его шли на довольно большое расстояние по берегам Неглинной и Москвы-реки. Подобной конфигурации крепостной вал можно и сейчас увидеть, например, в Рузе.

Новый Кремль был, по всей вероятности, уже резиденцией княжеского наместника, а затем и князя. Общеизвестно, что во второй половине XII — начале XIII в. Москва становится уже завидным владением и некоторые князья не прочь были получить «Московь» — город и окружающие его села — в качестве удела. Однако до самого татарского нашествия этот удел давался от случая к случаю младшим сыновьям князей Владимирских. Прочная традиция в этом отношении еще не сложилась, и хотя татары, взяв город, застали в нем малолетнего князя Владимира Юрьевича (его «кормилец» — воевода — погиб при защите города), все же окончательное сложение ядра Московского княжества следует отнести ко второй половине XIII в.

Но вернемся к городу Москве. Если территория его феодального центра в середине XII в. увеличилась в несколько раз за счет территории древнейшего посада, то и сам посад к тому времени значительно вырос. На кремлевской «горе» он расширился к северу примерно до современного здания Арсенала, на москворецком «Подоле» также продвинулся на север, заняв всю нижнюю террасу берега, до современной ули-

[35] М. Н. Тихомиров, не соглашаясь с С. Ф. Платоновым о возникновении Москвы в 70-х годах XII в., однако, не настаивает на дате построения «этого второго кремля» в 1156 г. Если предположить, что крепость строилась между 1156 и 1170 г., что вполне согласуется с ее археологической датировкой — вторая половина XII в., — то ясно, что строителем крепости, как и предполагал Н. Н. Воронин, был не Юрий Долгорукий, а Андрей Боголюбский [М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва*, стр. 149; Н. Н. Воронин, *Московский Кремль* (1156—1367 гг.), — МИА. М., 1958, № 77, стр. 53].

[36] М. Г. Рабинович, *О древней Москве*, стр. 22—28.

[37] М. Г. Рабинович, *Из истории русской фортификации*, — «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 214.

цы Разина. Нужно, однако, отметить, что застройка Подола не была сплошной. Раскопки показали, что незастроенные участки были здесь вплоть до XV—XVI вв. Это объясняется прежде всего топографическими условиями. На болотистом, зачастую заливаемом водой низком берегу Москвы-реки заселялись прежде всего относительно более возвышенные и сухие части. О ремесленном и торговом характере этого района города нам уже неоднократно случалось писать[38].

На городском посаде было к тому времени не менее двух церквей (Николы Мокрого на Подоле, у пристани, и Параскевы Пятницы на горе, на торгу между позднейшими зданиями Арсенала и Судебных установлений). Увеличилось число церквей и в Кремле. Кроме древнейшей церкви Иоанна Предтечи, по всей вероятности, уже к концу XII — началу XIII в. существовала и какая-то церковь на месте современного Успенского собора. Остатки самой церкви уничтожены при строительстве и перестройках каменного собора, но во время недавних реставрационных работ под фундаментами собора Н. С. Шеляпиной и М. Х. Алешковским обнаружено древнее кладбище. В погребениях найдены вятические вещи[39].

* * *

Итак, наиболее ранние археологические материалы, полученные при раскопках и археологических наблюдениях в Москве, относятся ко второй половине XI — началу XII в. Они характеризуют древнейший Москов как небольшое поселение с довольно примитивной крепостцой — «градом» и выходящим за ее пределы неукрепленным «предградьем», где были мастерские ремесленников. Ряд находок говорит о торговых связях как с окрестным сельским населением[40], так и с довольно отдаленными землями, в особенности с Киевской землей. Планировка поселения указывает на наличие уже в тот период пристани и торга.

Таким образом, перед нами все признаки древнерусского города, которые намечает М. Н. Тихомиров в своем исследовании о городах[41]. Москов, стало быть, в те отдаленные времена был уже городком, а не деревней или княжеским селом.

Когда возник этот городок, мы еще не можем сказать точно. Древнейший тип мысовых укреплений, к которому относится первый московский «град», бытовал еще и в X в. До сих пор все исследованные пункты относились (как это ни парадоксально звучит в отношении участков, расположенных в современном Кремле) к окраинам древнейшего городка: большинство их находится за его рвом, а часть — на оконечности стрелки мыса. Удастся ли когда-нибудь исследовать культурный слой центральной части древнего городища — неясно, поскольку этот слой сильно потревожен, а на ряде участков совсем срезан при планировке, связанной со строительством Кремлевских дворцов в XVIII и XIX вв. Однако не следует терять надежды найти хоть какие-то остатки этого слоя. Ведь еще недавно археологи не рассчитывали найти и того, что открылось при работах 1959—1965 гг.

На то, что внутри древнейших укреплений или на Кремлевском Подоле мог быть и культурный слой X в., указывают находки на территории Москвы арабских монет-дирхем, клад которых, зарытый, по-види-

---

[38] М. Г. Рабинович, *О древней Москве*, стр. 63—145.

[39] По любезному сообщению Н. С. Шеляпиной.

[40] См. М. Г. Рабинович, *Об этническом составе первоначального населения Москвы*, — СЭ, 1962, № 2.

[41] М. Н. Тихомиров, *Древнерусские города*, изд. 2, М., 1956, стр. 43—44.

мому, в X в., найден в непосредственной близости от Кремля, на противоположном берегу реки Неглинной [42], есть аналогичная находка и в районе Симонова монастыря. Зарыть или потерять диргемы могли жители Кремлевского холма.

Только после новых археологических работ в Кремле, возможно, удастся решить окончательно вопрос о времени основания Москвы.

Но в этом случае исследователи должны вновь рассмотреть также вопрос о характере первоначального московского поселения. Вслед за М. Н. Тихомировым мы придерживаемся мнения, что Москва развивалась в обозримый ныне с помощью исторических и археологических источников период как город, сначала небольшой, а потом крупный [43]. Но если отказаться от утверждения, что этот город возник в какой-то один год по воле какого-то князя, нужно предположить, что пути образования городка могли быть многообразны. Он мог развиться и из древнего племенного убежища, и из сельской общины — верви, и из феодального замка. Однако этот период становления Москвы как города мы должны отнести ко времени более раннему, не позднее середины XI, а может быть и к X в. В конце XI в. мы знаем уже город, который локализуется в центре современной Москвы и лет через сто или немного менее попадает на страницы летописей.

---

[42] П. С. Савельев, *Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории*, СПб., 1846, стр. 122—123, 162. Клад датирован по монетам 862 и 866 гг. Вероятно, в Московский край эти монеты попали уже в X в.

[43] М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва*, стр. 3.

М. В. Фехнер

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ ПО ТОРГОВЛЕ РУСИ СО СТРАНАМИ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В X—XI вв.

Важное значение памятников материальной культуры для исследования ряда проблем по экономике Руси эпохи раннего средневековья неоднократно отмечалось исследователями, занимающимися этой темой. Вопросы сельского хозяйства, промыслов и ремесленного производства, внутренних и внешних торговых связей, сравнительно слабо отраженные в памятниках древнерусской письменности, могут быть детально разработаны лишь на основе широкого привлечения массового археологического материала из раскопок сельских и городских поселений и многочисленных курганных могильников.

При изучении внешнеэкономических связей древней Руси значительный интерес представляют находки на территории Восточной Европы изделий неместного производства, в частности украшения с отчетливо выраженными признаками западного происхождения. Анализ таких ювелирных изделий дает возможность определить, из каких именно европейских государств, в какое время и каким путем они поступали на русский рынок. Рассмотрению этого материала и посвящена настоящая статья.

Среди изделий западного ювелирного производства, бытовавших в древней Руси, встречаются украшения, родиной которых являлась Финляндия. К ним относятся гривны — женское шейное украшение из массивного металлического граненого дрота с округлыми или многогранными головками на концах, шейные обручи из крученого дрота с замком в виде головок, украшенных выступами-шипами, и подковообразные пряжки, концы которых оформлены таким же образом, как у крученых шейных гривен (рис. 1, *1*, *3*, *4*).

Эти изделия в количестве нескольких десятков экземпляров найдены в археологических комплексах X — начала XI в., сосредоточенных в основном в районе юго-восточного Приладожья и Чудского озера [1].

В рассматриваемое время Русь поддерживала торговые связи и с другими странами Северной Европы, как об этом свидетельствуют найденные на территории Восточной Европы бронзовые и железные фибулы, представленные в археологических находках очень большим разнообразием типов: скорлупообразные овальной и круглой форм, равноплечные, трилистные, кольцевидные с длинными иглами, в форме подковы с утолщенными, как бы обрубленными концами и подковообразные с дугой четырехугольного сечения и спирально загнутыми концами (рис. 2, *1*—*8*).

[1] В. А. Мальм, *Застежки-фибулы*, — сб. «Очерки по истории древнерусской деревни X—XIII вв.», вып. 3 («Тр. ГИМ», вып. 44); М. В. Фехвер, *Шейные гривны*, — там же.

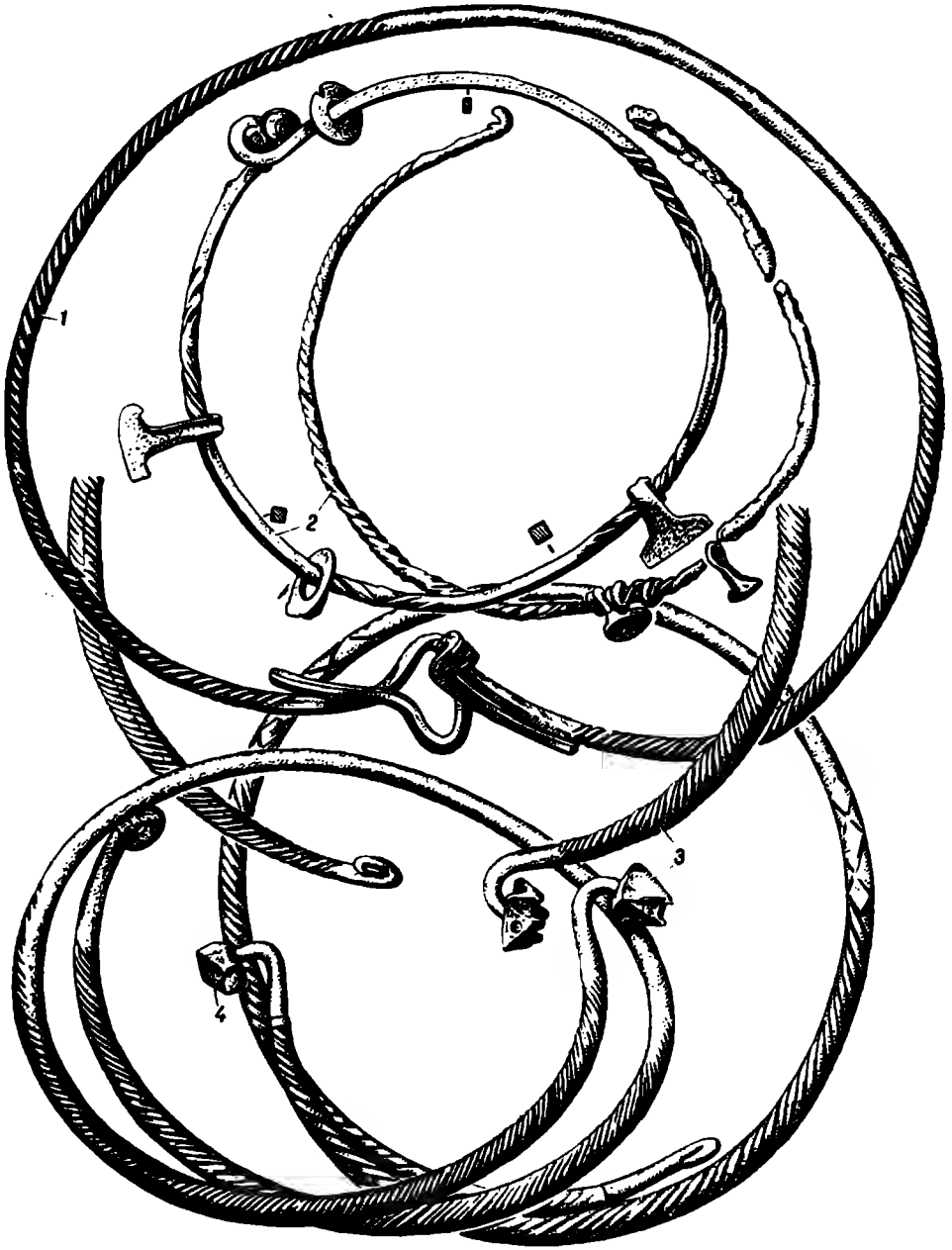


Рис. 1. Шейные гривны: *1—2* — с амулетами-молотками Тора, *3—4* — крученые

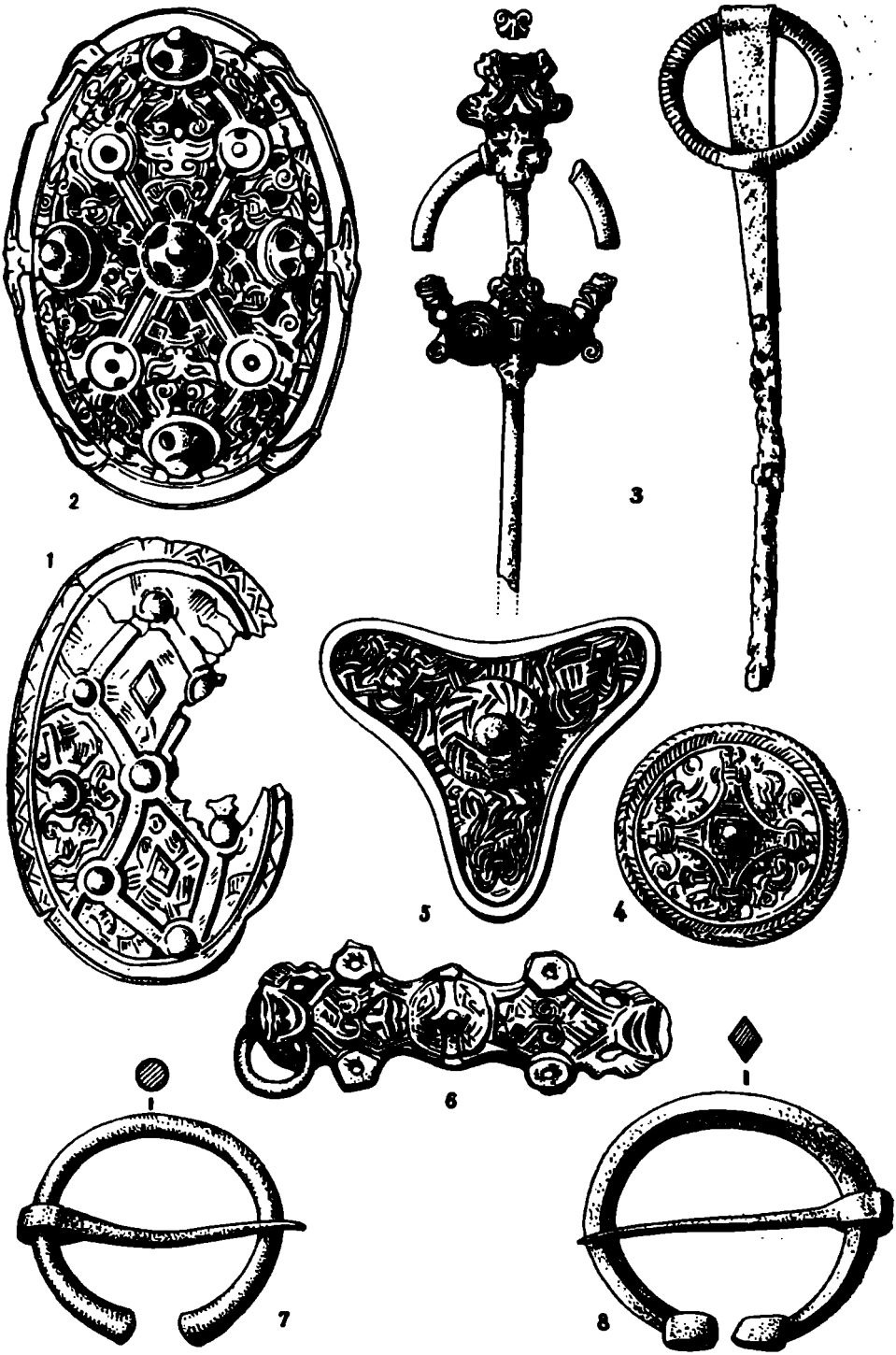


Рис. 2. Фибулы скандинавского происхождения: *1* — овальная односкорлупная, *3* — кольцевидные с длинными иглами, *4* — круглая, *5* — трилистная, *6* — равноплечная, *7—8* — подковообразные

В западноевропейской литературе имеется ряд работ, посвященных изучению этой категории украшений. Можно назвать таких исследователей, специально занимавшихся фибулами, как Я. Петерсена — крупнейшего знатока этого материала, П. Паульсена, Х. Сальмо, А. Гейер, Б. Нермана, А. Клеве [2]. Они убедительно доказывают скандинавское происхождение упомянутых выше фибул и отмечают, что эти украшения — типичная принадлежность костюма населения Швеции и Норвегии IX—XI вв.

На территории Скандинавского полуострова фибулы обнаружены в нескольких сотнях погребений, в общем количестве свыше 1500 экземпляров. Такое обилие находок способствовало установлению точных датировок для отдельных типов фибул.

Скорлупообразные овальные фибулы, а также круглые, равноплечные и трилистные были принадлежностью женского наряда. Наиболее распространенной формой застежки являлись скорлупообразные овальной формы. По материалам крупнейшего шведского могильника в Бирке [3] известно, что их носили на груди всегда попарно для скрепления бретелей верхней женской юбки типа сарафана, состоящей из двух полотнищ разного материала. Две пары бретелей пришивались к верхнему краю полотнищ юбки; при этом одна пара была значительно короче другой, которая перекидывалась через плечо и при помощи фибул скреплялась с первой [4]. Иногда в паре с овальной находилась трилистная или равноплечная фибула.

Фибулы служили одновременно и для прикрепления к ним на цепочках вещей, необходимых в повседневном быту: гребней, пинцетов, игольников, ножниц, ножей, ключей и т. д. Нередко для этих целей прикалывали к платью еще третью застежку — равноплечную, трилистную или круглую; ее помещали обычно между овальными фибулами.

Кольцевидные фибулы с длинными иглами, среди которых встречаются бронзовые, роскошно украшенные экземпляры, а также железные с орнаментом в виде простой насечки, относились к мужскому костюму: ими застегивался плащ на плече или под подбородком, реже — на бедрах.

Пряжки подковообразной формы, при помощи которых застегивали верхнюю и нижнюю одежду, употреблялись как мужчинами, так и женщинами.

Находки фибул в сравнительно небольшом числе отмечены и за пределами Скандинавского полуострова — в Дании, Финляндии, Прибалтике, Восточной Пруссии, Германии. Единичные находки их известны также на территории Англии, Шотландии, Исландии, Ирландии и Франции. При этом чрезвычайно важен вывод П. Паульсена о том, что датировка фибул, найденных вне Скандинавского полуострова, совпадает с временем их распространения в Швеции и Норвегии [5].

Это положение подтвердилось и на материале Восточной Европы, где фибулы, абсолютно идентичные скандинавским, выявлены в количестве 284 экземпляров: 158 скорлупообразных овальных, 29 круглых, 18 равноплечных, 8 трилистных, 39 кольцевидных с длинными иглами

---

[2] Y. Petersen, *Vikingetidens smykker*, Stavanger, 1928; Y. Petersen, *Vikingetidens smykker i Norge*, Stavanger, 1955; P. Paulsen, *Studien zur Wikinger-Kultur*, Neumünster, 1933; A. Geijer, *Die Textilfunde aus den Gräbern*. Birka, III, Uppsala, 1938; H. Salmo, *Finnische Hufeisenfibeln*, Helsinki, 1956; B. Nerman, *Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit*, Stockholm, 1929; A. Cleve, *Finnländische runde Fibeln der Wikingerzeit aus Osteuropa*, — ESA, IX, Helsinki, 1934.

[3] H. Arbman, *Birka. Die Gräber*, Bd I, und Tafeln, Stockholm, 1940—1943.

[4] A. Geijer, *Die Textilfunde...*, S. 139, 153—155, Abb. 49, 50.

[5] P. Paulsen, *Studien...*, S. 70.

и 32 подковообразных[6]. Из этого числа — 4 находились в составе кладов, 6 — случайные находки, обнаруженные при земляных работах в Киеве, Ельце, Муроме и близ станции Пупышево (Ленинградская обл.), 8 находок обнаружено во время раскопок в Новгороде, Пскове, Старой Ладоге, на Сарском, Гиздовском городищах и на селище Золоторучье (Ярославская обл.), остальные 266 фибул найдены в погребениях.

Заслуживает внимания и тот факт, что в находках курганов около 60% обнаруженных фибул зафиксировано при трупосожжениях X — начала XI в. и только 8% — при трупоположениях конца X — первой половины XI в. Сведения о том, в каких погребениях обнаружены остальные застежки (32%), отсутствуют[7].

Среди найденных в курганах фибул доминируют овальные, состоящие из двух чаш-скорлупок, из которых верхняя — ажурная накладывалась на нижнюю — гладкую. Ажурная накладка имеет орнамент в виде ленточного плетения, изображений переплетающихся чудовищ и стилизованных масок, так называемого стиля Борре[8]. Подобные двухскорлупные фибулы характерны для середины и второй половины X в.

Фибул более раннего времени, т. е. конца IX — начала X в. в курганах найдено мало — всего 11 экземпляров: 4 односкорлупных овальной формы с рельефным орнаментом и 7 равноплечных[9].

Итак, при проверке датировки курганов с фибулами выяснилось, что время их бытования на Руси хронологически не выходит за рамки конца IX — первой половины XI в., т. е. совпадает почти полностью с датами скандинавского материала.

Географическое распределение находок фибул на территории Руси представлено на прилагаемой карте. Как видим, подавляющее большинство находок сосредоточено в бассейнах рек Сяси, Паши и Ояти, в районе верхней Волги, в бассейнах Нерли и нижних течений Клязьмы и Оки, а также на Днепре, близ Смоленска и Киева. Иными словами, находки фибул преимущественно сосредоточены вдоль Волжского и Днепровского пути — основных торговых магистралей этой эпохи, связывающих западные государства с рынками Ближнего Востока и Средней Азии. При этом концентрация находок фибул приходится на районы, наиболее плотно заселенные земледельческим населением.

Следует отметить еще один любопытный факт, касающийся размещения находок фибул. 63% всех находок были сделаны в северо-

---

[6] Скандинавские фибулы найдены: во Владимирской обл. близ г. Мурома, у дд. Васильки, Весь, а также в других пунктах в раскопках А. С. Уварова и П. С. Савельева; в Вологодской обл. у д. Славынево; в Ивановской обл. у д. Двыдовское; в Киеве; в Ленинградской обл. у дд. Вахрушево, Вихмес, Гиттола, Горки, Городище, Заозерье, Карлуха, Кириллино, Костино, на р. Кумбите, у дд. Подъелье, Пупышево, Селяковщино, в Ст. Ладоге; у д. Сязнига, на р. Сись; у дд. Хвалевщина, Шангинчи, Шахново, Яровщина; в Новгороде; в Орловской обл. у г. Елец; в Псковской обл. у д. Демишина и в Пскове у д. Залахтовье; в Калининской обл. у оз. Зеликовье, в г. Торопце; в Смоленской обл. в Демидовском районе, у дд. Гнездово, Поречье, Сукромля, Новоселки; в Черниговской обл. у д. Шестовицы; в Ярославской обл. у дд. Б. Брембола, Б. Тимерево, Веськово, Золоторучье, Кирьяново, Михайловское, Петровское, на Сарском городище; в Московской обл. у д. Горки (В. С. Дедюхина, *Фибулы скандинавского происхождения на территории древней Руси*, — сб. «Очерки по истории древнерусской деревни», вып. 3; В. А. Мальм, *Подковообразные и кольцевидные фибулы*, — там же).

[7] В. С. Дедюхина, *Фибулы...*

[8] Назван так по селению Борре (Норвегия), где впервые в погребениях обнаружены украшения с подобным орнаментом. Стиль Борре возник в 20—30-х годах X в.

[9] Односкорлупные фибулы найдены у д. Васильки Владимирской обл. и у дд. Тимерево и Петровское Ярославской обл.; равноплечные — в г. Торопце, у д. Костино Ленинградской обл.; в Гнездове и Демидовском р-не Смоленской обл., у д. Б. Тимерево Ярославской обл.

западных и северо-восточных областях древней Руси, где население в этническом отношении было смешанным с превалированием финского элемента; в центральных и южных районах Руси находки фибул составляют только 35% числа всех находок; 2% падает на находки, разбросанные по всей территории Руси.

Анализ состава погребального инвентаря и деталей погребального обряда в курганах, содержащих фибулы, позволяет прийти к заключению, что на Руси эти украшения действительно были распространены преимущественно в среде финно-угорского населения. Например, в могильниках Ярославского Поволжья — Михайловском, Петровском и Тимеревском, в которых обнаружена четвертая часть всех фибул скандинавского происхождения на Руси, последние в большинстве случаев найдены в захоронениях с северо-южной ориентировкой, характерной для финских племен, вместе с такими типичными для этих племен предметами языческого культа, как глиняные слепки звериных лап, глиняные кольца и привески из астрагалов бобра [10]. В Тимеревском могильнике, кроме того, отмечены три случая, когда скорлупообразные фибулы были найдены в курганах безусловно скандинавского характера [11].

Большинство находок скандинавских фибул происходит из курганов, богатых по составу погребального инвентаря. В женских погребениях они встречены вместе с ожерельями из каменных и стеклянных бус, шейными гривнами, бронзовыми и железными оковками шкатулок и т. п., в мужских захоронениях — с предметами вооружения, фрагментами весов и гирями.

Имеется предположение [12], что покрой женской одежды — юбки, носившейся на бретелях, скрепленных фибулами, был характерен и для балтийско-финских племен и что неотъемлемой частью их женского наряда являлись подковообразные и кольцевидные застежки местного изготовления. По-видимому, этим следует объясиить и столь широкое распространение фибул скандинавского происхождения именно на севере и северо-востоке Руси и сравнительно редкие их находки в южных областях нашей страны.

Расположение находок фибул на территории Руси по основным магистралям торговых путей того времени, многочисленные точные аналогии им в Скандинавских странах, а также их относительно небольшой удельный вес в составе погребального инвентаря древнерусских могильников — все эти факты, вместе взятые, разрешают рассматривать фибулы-застежки как предмет импорта из стран Скандинавского полуострова. Трудно согласиться с точкой зрения некоторых исследователей, которые, основываясь на том, что многие из фибул, найденных на Руси, имеют грубо выполненный орнамент, считают их продуктом местного производства, сделанным по скандинавскому образцу [13]. В скандинавском материале также имеется большое количество фибул с небрежно выполненным рисунком; кроме того, нетщательное оформление изделий само по себе еще не может служить доказательством наличия местного производства фибул в древней Руси. Вновь создаваемые образцы застежек, как правило, выполнялись более тщательно, чем последующие с переходом на их массовое производство.

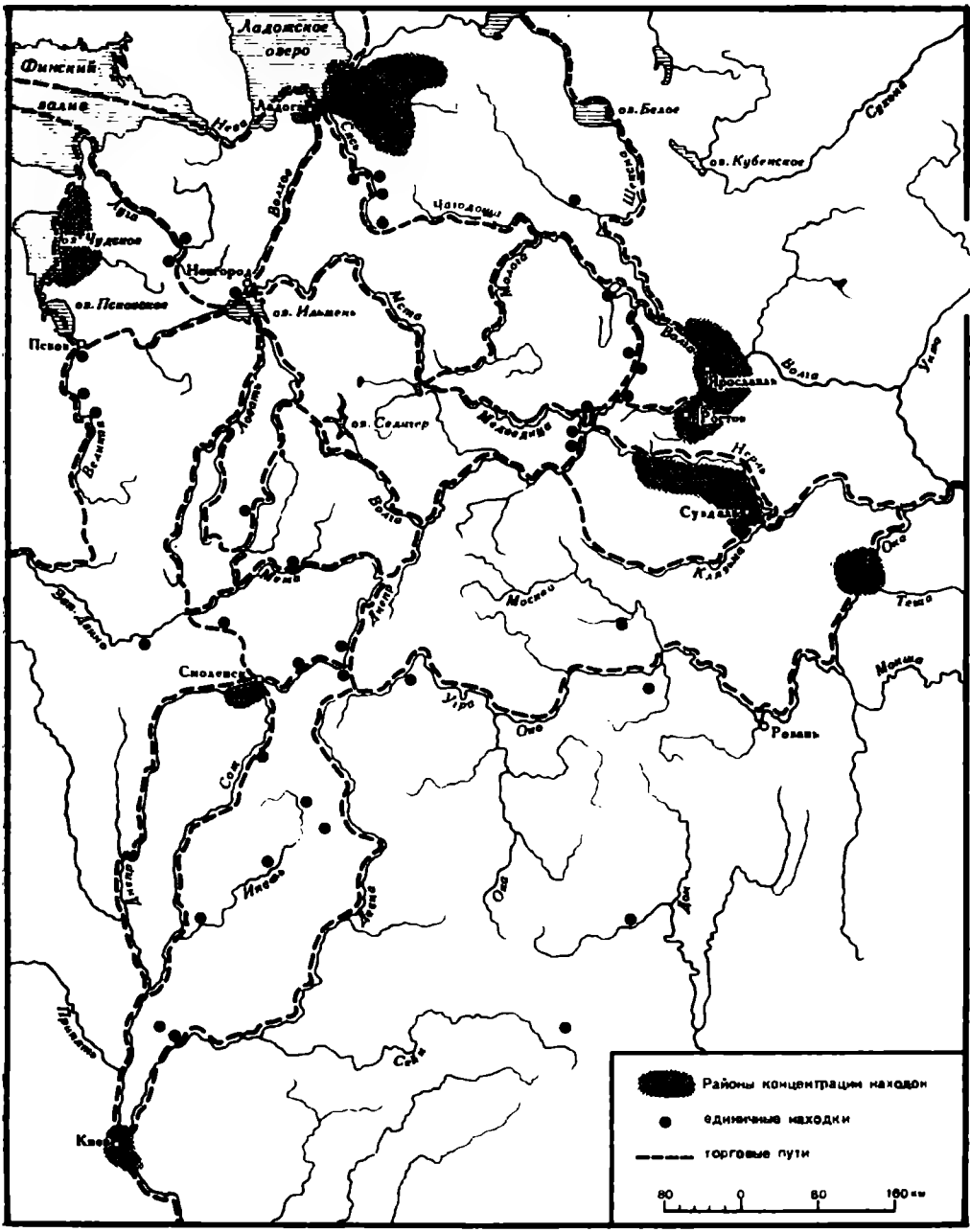
---

[10] Михайловский могильник, кург. 8 и 18, раск. 1898; кург. 6, раск. 1938; Петровский могильник, кург. 53, 66, 73, 88; Тимеревский могильник, кург. 60, 79, 83, 221, 265, 269 (См. сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», М., 1963, Приложения)

[11] Кург. 53, 393 и 394 (там же, стр. 15 и Приложения).

[12] A. Cleve, *Finnländische runde Fibeln...*, S. 405.

[13] Д. А. Авдусин. *Варяжский вопрос по археологическим данным*, — КСИИМК, вып. XXXI, М.—Л., 1949, стр. 7—9.



Распространение изделий стран Северной Европы на территории Руси

Торговые связи Руси со Скандинавскими странами отмечены у нас и другими находками украшений — наконечниками ремней, поясными бляшками и привесками, носившимися в ожерельях, выполненными в стилях Борре и Еллинге [14], типичных для материковой части Скандинавии [15]. На территории Восточной Европы эти украшения в отличие от фибул найдены в небольшом числе пунктов.

К характерным скандинавским изделиям относятся также шейные гривны из железного дрота четырехгранного сечения, перевитого обычно в нескольких местах. В конце X — начале XI в. ношение таких гривен с подвешенными к ним амулетами в виде миниатюрных молотков Тора было общепринято в Скандинавских странах (см. рис. 1, *1—2*).

Находки железных гривен на территории Руси довольно многочисленны. Они встречались преимущественно во фрагментарном виде на городищах Сарском (близ г. Ростова) и близ г. Ярцево (Смоленская обл.), на славянском селище у д. Ваулино (около г. Кимры) и в 41 кургане, из которых 32 содержали остатки трупосожжений конца X — начала XI в., а 9 — трупоположения XI в.[16].

В некоторых случаях наличие подобных гривен в курганах говорит о норманской принадлежности погребенного (как в кургане 375 Тимеревского могильника). Однако в своем большинстве эти гривны найдены в погребениях местного населения как обычное украшение. Например, в кургане 60 близ д. Б. Тимерево железная гривна найдена вместе с глиняной бобровой лапой и посудой, типичной для населения Ярославского Поволжья. Вероятнее всего, железные гривны использовались в качестве остова, который обвивался бронзовой спиралью или обматывался бронзовой лентой. На такое применение железных привесок указывает находка в кургане 54 Тимеревского могильника.

Знаменательно, что большинство находок железных гривен обнаружено вдоль торговых путей, связывающих Северную Европу со странами Востока.

Приведенный выше материал свидетельствует об оживленных экономических связях Руси со Скандинавскими странами в X—XI вв. Основываясь на датировке археологических комплексов, в составе которых находились предметы скандинавского импорта, можно предположить, что расцвет этой торговли относится к середине и второй половине X в.

Русь в свою очередь экспортировала в Скандинавские страны изделия своего ювелирного производства — серебряные привески-лунницы, шейные гривны, состоящие из пластины, согнутой в трубку, один конец которой движется на шарнире [17]. Эти гривны, выполненные из сплава меди и серебра, выделяются сложным устройством своего замка. Последний состоит из массивной розетки с небольшой петлей на оборотной стороне, за которую зацеплялся крючок другого конца гривны.

В Северную Европу вывозились также украшения, выполненные в технике витья. Скандинавские исследователи пришли к заключению, что сама эта техника, как и тип некоторых витых украшений (например,

---

[14] Назван так по селению Еллинге (Дания), где впервые в погребениях найдены ювелирные изделия с подобным орнаментом. Стиль Еллинге возник в первой половине X в.

[15] А. В. Успенская, *Нагрудные и поясные привески*, — сб. «Очерки по истории древнерусской деревни», вып. 3; В. А. Мальм, *Поясные и сбруйные украшения*, — сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», М., 1963, стр. 69.

[16] М. В. Фехнер, *О происхождении и датировке железных гривен*, — «Археологический сборник в честь А. Я. Брюсова» («Тр. ГИМ», вып. 40, М., 1966).

[17] M. Stenberger, *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit*, Bd I, Uppsala. 1958. S. 94, 165; H. Arbman, *Birka*, Bd I, Taf. 98, 13.

витой гривны), заимствованы скандинавскими ремесленниками из Южной Руси, вероятнее всего в первой половине X в.[18].

Экономические связи Руси со Скандинавскими странами подтверждает и нумизматический материал. Так, восточные монеты, которые до конца X в. шли из Руси в Западную Европу, встречаются в большом количестве в Скандинавии. На территории Норвегии, Швеции и на о-ве Готланде найдены и древнерусские монеты, так же как в составе русских кладов встречаются монеты шведские и норвежские [19].

В заключение следует отметить, что торговые связи Руси с Северной Европой к концу XI и в XII в., по-видимому, были нарушены, во всяком случае в археологических находках, датируемых этим временем, изделий производства Финляндии и Скандинавских стран не обнаружено.

---

[18] M. Stenberger, *Die Schatzfunde...*, S. 87—90.

[19] В. М. Потин. *Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным*. — ВИМК, 1961, № 4(28), стр. 73.

А. Г. Кузьмин

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВАРЯЖСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

«Повесть временных лет» открывается постановкой вопросов: «откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть». Но последующий летописный текст дает два взаимоисключающих ответа на эти вопросы. Основная версия историю Руси отождествляет с историей племени полян, а начало Киевского княжества связывает с Кием. Другая версия отождествляет «Русь» с варягами, а начало Руси связывает с Новгородской землей и призванием туда варягов.

На вставной характер Сказания о призвании варягов обращали внимание еще первые антинорманисты, в частности Д. И. Иловайский. А. А. Шахматов, остававшийся на позициях норманизма, не только признал, но и конкретизировал это положение в специальном исследовании [1].

По мнению А. А. Шахматова, Сказание о призвании варягов было внесено в киевский так называемый «Начальный свод», или «Свод 1095 г.», из новгородского источника середины XI в. Таким образом, первоначальную запись Сказания А. А. Шахматов отнес к середине XI в., а ее появление в киевской летописи — к концу XI в. Создателем целенаправленной норманской концепции А. А. Шахматов считал самого предполагаемого автора «Повести временных лет» — Нестора [2].

Локализация варяжской легенды и определение времени внесения ее в летопись являются непременным условием для выяснения исторического содержания Сказания. В блестящем исследовании Н. К. Никольского было доказано, что варяжская легенда появилась взамен кнево-полянской концепции происхождения Руси [3]. Совершенно очевидно, что новую концепцию не мог внести автор, поставивший вышеприведенные вопросы в начале своего труда. Если эти вопросы поставил Нестор, то, видимо, лишь кто-то из позднейших редакторов мог внести в летопись иную версию, противопоставленную основной идее первоначальной редакции «Повести временных лет».

Конечно, не исключено и даже вероятно, что «Повесть временных лет» — памятник более ранний, чем время Нестора, что само это название относится только к одному из источников Начальной летописи,

[1] А. А. Шахматов, *Сказание о призвании варягов*, СПб., 1904. А. А. Шахматов оставался на позициях норманизма вопреки им самим установленным фактам.

[2] См. рец. А. А. Шахматова на кн.: В. А. Пархоменко, *Начало христианства Руси*. — ЖМНП, 1914, ч. 52, № 8, отд. 2, стр. 342 и др.

[3] Н. К. Никольский, *«Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры*, вып. 1, Л., 1930.

т. е. той летописи, которой условно присвоено название «Повести временных лет». Но во всех случаях трудно допустить, чтобы враждебная киево-полянской концепции варяжская легенда могла быть внесена в летопись кем-либо из летописцев киево-печерской традиции. Ведь речь шла не о соединении двух концепций, а о замене одной концепции другой. Киево-полянская концепция, как это талантливо и убедительно показал Н. К. Никольский, лишена в летописи своего основного содержания.

Исследование Н. К. Никольского дает исключительно ценный материал для решения варяжской проблемы. Однако оно все еще не занимает должного места в нашей литературе, посвященной «Повести временных лет» и варяжскому вопросу. Пожалуй, одним из немногих авторов, оценивших по достоинству труд Н. К. Никольского, является Б. А. Рыбаков. Следуя по пути, намеченному Н. К. Никольским, и развивая некоторые его положения, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что норманская традиция была создана лишь близким Мстиславу Владимировичу редактором «Повести временных лет» около 1118 г.[4]. Б. А. Рыбаков привел также интересный материал о скандинавских связях Мстислава. В то же время с Киевом Мстислава в сущности ничто не связывало. Сам Владимир Мономах занимал его не по праву, и Киев никогда не признавался вотчиной Мономаховичей.

Однако, связывая с Мстиславом утверждение в летописании норманской традиции, Б. А. Рыбаков вслед за А. А. Шахматовым признает, что сама варяжская легенда уже была внесена в новгородскую летопись (по Б. А. Рыбакову — «Остромирову летопись») еще в середине XI в., а в конце века была включена и в киевскую летопись[5]. Но противопоставление варяжской легенды норманской традиции может показаться неубедительным, тем более что норманская традиция отразилась не только в Ипатьевской, но и в Лаврентьевской летописи, которая, по А. А. Шахматову, представляла вторую, более раннюю, чем Ипатьевская летопись, редакцию «Повести временных лет»[6].

Но имеются ли основания для признания за варяжской легендой столь длительной литературной жизни и есть ли необходимость в противопоставлении варяжской легенды и норманской концепции? Исходя из своей схемы взаимоотношения летописных сводов, А. А. Шахматов считал, что древнейший вариант варяжской легенды помещен в Новгородской I и Лаврентьевской летописях, а более поздний — в Ипатьевской и Радзивиловской[7]. Но так ли это?

Многочисленные исследования А. А. Шахматова в области истории русского летописания и, в частности, истории сложения «Повести временных лет» составляют эпоху в изучении наших письменных памятников. Не удивительно поэтому, что А. А. Шахматов нашел многочисленных продолжателей и популяризаторов его схемы и его метода исследования. Между тем при изучении конкретных вопросов исследователям нередко приходится входить в противоречие со схемой А. А. Шахматова. С критикой схемы А. А. Шахматова выступали многие видные его современники, в том числе А. И. Соболевский, В. М. Истрин, Н. К. Никольский. Серьезную критику отдельные положения шахматовской схемы встретили также у ряда советских историков. Вместе с тем у некоторых историков и филологов наблюдается тенденция возвести рабо-

[4] Б. А. Рыбаков, *Древняя Русь*, М., 1963, стр. 290 и сл.
[5] Там же, стр. 194, 199, 206.
[6] См. А. А. Шахматов, *Повесть временных лет*, т. I, Пг., 1916 и др.
[7] А. А. Шахматов, *Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.*, М.—Л., 1938, стр. 63.

ты А. А. Шахматова в абсолют, хотя сам он никогда не считал свои выводы не только абсолютными, но и окончательными.

В работах А. А. Шахматова немало сильных мест. Достаточно надежными предстаёляются и некоторые звенья его схемы. Так, многими исследователями подтверждена мысль А. А. Шахматова о существовании свода 70-х годов XI столетия [8], не вызывала возражений также идея существования редакции «Повести временных лет» 1118 г. Что касается других звеньев — они нуждаются в дополнительной аргументации, поправках и иногда, видимо, в полной замене их если не новыми схемами, то новыми объяснениями. Так, после работ М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина стало очевидно, что древнейшее звено в схеме А. А. Шахматова не подтверждается конкретным историческим материалом. Начало нашего летописания М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков и Л. В. Черепнин передвинули с 1037—1039 гг. (по А. А. Шахматову) на конец X в. Д. С. Лихачев первые письменные исторические сочинения относит к более позднему времени и в положительной части существенно расходится с названными авторами. Но критическая часть его подхода к шахматовскому наследию тем более убедительна, что дается она в форме защиты достижений А. А. Шахматова от критиков.

Вопрос о происхождении и времени включения в летопись варяжской легенды непосредственно связан с проблемой взаимоотношения Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, а также существования «Свода 1095 г.». Этих проблем и придется коснуться.

Лаврентьевская и Ипатьевская летописи отражают так или иначе «Повесть временных лет». Это давно и прочно установлено. При том в Лаврентьевской летописи имеется запись игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра под 1116 г., а в Ипатьевской летописи следы работы летописца в 1118 г. При таком положении весьма соблазнительно представить обе летописи как две последовательные редакции: редакцию 1116 и редакцию 1118 гг. Но уже А. А. Шахматов чувствовал, что такое объяснение не решает вопроса. Поучение Владимира Мономаха, помещенное в Лаврентьевской летописи, использовалось им в качестве одного из обоснований существования редакции 1118 г.[9]. Косвенное подтверждение существования редакции 1118 г. А. А. Шахматов видел также в ошибочной датировке дня смерти половецкого князя Итларя в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях [10]; к третьей редакции относил он рассказ о походе Олега Святославича к Мурому в 1096 г., внесенный равно в Ипатьевскую и Лаврентьевскую летописи [11]. В Лаврентьевской летописи безусловно есть, как это показал А. А. Шахматов, чтения более древние, чем соответствующие чтения других летописей, в частности Ипатьевской [12]. Но и в Ипатьевской летописи есть детали и известия, являющиеся первичными по сравнению с Лаврентьевской. А. А. Шахматов привел значительный перечень пропусков Лаврентьевской летописи по сравнению с Радзивиловской и Ипатьевской [13]. При этом речь идет именно о пропусках Лаврентьевской летописи, а не вставках Ипатьевской. В этом отношении показательно известие

---

[8] См.: Д. С. Лихачев, *«Повесть временных лет»*, — в кн.: «Повесть временных лет», М.—Л., 1950; Л. В. Черепнин, *«Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды*, — ИЗ, т. 25, 1948; М. К. Каргер, *Древний Киев*, т. I, М.—Л., 1958.

[9] А. А. Шахматов, *Повесть временных лет*, стр. VIII.

[10] Там же, стр. X.

[11] Там же, стр. XL.

[12] А. А. Шахматов, *Обозрение...*, стр. 28—29.

[13] Там же, стр. 35—36.

1089 г., по которому в Лаврентьевской летописи упомянута «Янка» «нареченая преже»[14]. Но «преже» она была названа только в Ипатьевской летописи под 1086 г.[15]. Ни Лаврентьевская, ни Радзивиловская летописи известия 1086 г. не знают. К тому же, как опять-таки отмечал А. А. Шахматов, Лаврентьевская летопись испытала влияние сводов более поздних, чем время составления второй и третьей редакций[16].

Так или иначе, если и существовала вторая редакция, мы ее не имеем в сколько-нибудь чистом виде. В сущности к сходному выводу пришел и Б. А. Рыбаков: «Редакции 1116-го и 1118 гг.,— говорит он,— нам нужно не столько противополагать друг другу, сколько рассматривать их как две почти одинаковые книги»[17]. Дело только, видимо, не в том, что вторая и третья редакции вышли из одной лаборатории. Вероятнее и Лаврентьевская и Ипатьевская летописи являются соединением разных редакций. Так, в обеих летописях дважды в разных редакциях говорится о встрече Олега Святославича смолнянами[18]. Дважды Лаврентьевская летопись сообщает о кончине Олега Святославича: под 6623 и 6624 гг.[19]. Таким образом, факт соединения разных редакций Лаврентьевской летописью не может вызывать сомнения. С этим следует считаться при определении первоначального текста записи варяжской легенды.

А. А. Шахматов отдавал предпочтение чтению Лаврентьевской летописи на том основании, что она якобы ближе к Новгородской I летописи, чем текст Ипатьевской. Но текст Сказания в Лаврентьевской летописи явно испорчен. Приведем его: «...и придоша старейший Рюрик, а другий Синеус на Белеозере, а третий Изборьсте Трувор»[20]. Как видно, Лаврентьевская летопись не знает даже, где сел Рюрик. Здесь явный пропуск. Обычно пропуски Лаврентьевской летописи в изданиях восполняются по Радзивиловскому и Академическому спискам Радзивиловской летописи. Но в данном случае издатели добавили слова «седе Новегороде» якобы по Троицкой летописи XV в. Однако, как свидетельствует Н. М. Карамзин, в Троицкой летописи текст в этом случае также был пропущен и лишь над строкой, видимо позднее, приписано: «новг»[21]. Поправка, следовательно, совершена издателями произвольно и никакого текста не отражает. А между тем в летописях той же традиции, что и Лаврентьевская, а именно в Радзивиловском и Академическом списках имеется вполне логичный текст: «...придоша к словеном первое и срубиша город Ладогу и седе в Ладозе Старей Рюрик»[22]. Аналогичный текст читается и в Ипатьевской летописи[23].

Дальнейший текст Радзивиловской и Ипатьевской летописей также логично увязывается с сообщением о том, что Рюрик первоначально поселился в Ладоге. В отличие от Лаврентьевской летописи и в них указывается, что после смерти своих братьев Рюрик «пришед ко Илмерю и сруби городок над Волховом, и прозва и Новгород, и седе ту княжа»[24].

На особую ценность Радзивиловской летописи для истории нашего

---

[14] ПСРЛ, т. I, М., 1962, стр. 208. Ср. прим. 39.
[15] ПСРЛ, т. II, М., 1962, стр. 197.
[16] А. А. Шахматов, *Обозрение...*, стр. 35, 37.
[17] Б. А. Рыбаков, *Древняя Русь*, стр. 285.
[18] ПСРЛ, т. I, стр. 231, 236; т. II, стр. 221, 226.
[19] ПСРЛ, т. I, стр. 290, 291.
[20] Там же, стр. 20.
[21] ИГР, т. I, СПб., 1816, прим. 278; ср. М. Д. Приселков, *Троицкая летопись*, М.—Л., 1950, стр. 58.
[22] ПСРЛ, т. I, стр. 20, прим. 38—39.
[23] ПСРЛ, т. II, стр. 14 («...и седе старейший в Ладозе Рюрик...»).
[24] Там же; ПСРЛ, т. I, стр. 20, прим. 49.

летописания указал опять-таки А. А. Шахматов [25]. Лаврентьевская летопись, как полагают исследователи, отражает свод конца XII в., но до XIV в. этот свод неоднократно редактировался. Радзивиловская летопись — свод начала XIII в., сохранившийся хотя и в списках XV в., но, вероятно, непосредственно.

Близость Радзивиловской летописи к Лаврентьевской общеизвестна. Это одна летописная традиция. Вместе с тем текст Радзивиловской летописи иногда совпадает с Ипатьевской, отличаясь от Лаврентьевской. Исходя главным образом из оценки текста Сказания о призвании варягов, А. А. Шахматов пришел к заключению, что Радзивиловская летопись пользовалась через посредство промежуточных (до начала XIII в.) сводов третьей редакцией «Повести временных лет» [26]. Но как было показано выше, и Лаврентьевская летопись в такой же степени была знакома с редакцией 1118 г. Поэтому вполне возможно, что все три летописи самостоятельно передают тот общий источник, к которому они восходят.

Таким образом, два древнейших текста — Ипатьевская и Радзивиловская летописи — дают ладожский вариант варяжской легенды. Лаврентьевская летопись им вовсе не противоречит. Она дает явно искаженный текст, и, судя по Троицкой летописи, это искажение имелось в оригинале, с которого писал Лаврентий. При этом нет никаких оснований думать, что искажен был иной текст, нежели текст Радзивиловской летописи. В древнейших летописях, следовательно, варяжская легенда — одно из ладожских преданий. А ладожские предания, как это показано А. А. Шахматовым и другими исследователями, впервые были включены в летопись около 1118 г.

Как можно видеть, ладожский вариант варяжской легенды знали древнейшие летописи южной и северо-восточной традиции. Новгородский же вариант, т. е. такой вариант, по которому варяжские князья приходят не в Ладогу, а сразу в Новгород, дает только Новгородская I летопись младшего извода (XV в.) и связанные с ней новгородско-софийские своды XV в. Но новгородский летописец слишком заинтересованное лицо, чтобы можно было без самой тщательной проверки признать его приоритет.

Как известно, А. А. Шахматов отдавал предпочтение чтениям Новгородской I летописи младшего извода на том основании, что в ней якобы нашел отражение «Свод 1095 года», предшествовавший «Повести временных лет». Именно в этот свод, по А. А. Шахматову, была впервые включена из новгородской летописи варяжская легенда. Но как раз это звено в схеме А. А. Шахматова вызвало самую серьезную критику многих исследователей [27]. И это не удивительно. Ни А. А. Шахматов, ни кто-либо другой не доказали убедительно самый факт существования такого свода. Полемизируя с критиками А. А. Шахматова, это положение в сущности признает и Д. С. Лихачев. «Акад. В. М. Истрин и акад. Н. К. Никольский, — говорит он, — критиковали гипотезу А. А. Шахматова о существовании Начального летописного свода (что было особенно легко, так как А. А. Шахматов не дал в своих работах заключительного обозрения этой своей концепции) и забывали при

[25] А. А. Шахматов, *Исследование о Радзивиловской или Кенигсберской летописи*. — ОЛДП, 1902, вып. 118, ч. II.

[26] А. А. Шахматов, *Обозрение...*, стр. 62—63.

[27] В. М. Истрин, *Замечания о начале русского летописания*, Л., 1924; С. Богуславский, *«Повесть временных лет»*, — сб. «Старинная русская повесть», М.—Л., 1941. Не приняли этого положения также А. И. Соболевский, Н. К. Никольский, А. С. Стендер-Петерсен (см. И. П. Шаскольский, *Норманская теория в современной буржуазной науке*, М.—Л., 1965, стр. 61—62) и др.

этом, что не одна только система древнейших сводов «Повести временных лет» рушилась с отменой этой гипотезы, но и вся система позднего русского летописания»[28]. Но схема нужна не ради схемы. Она должна облегчить исследование конкретного материала. Ошибочная схема поэтому представляет бо́льшую опасность, чем отказ от ее создания вообще.

Напомним основные положения А. А. Шахматова о «Начальном своде 1095 года». К мысли о существовании такого свода А. А. Шахматов пришел на основе сопоставления Новгородской I летописи с летописями, содержащими «Повесть временных лет». Как известно, Синодальный список Новгородской I летописи сохранился без начала: в нем утрачено 128 листов, заключавших текст до 1015 г. Анализируя этот список, А. А. Шахматов пришел к выводу, что в нем была использована «Повесть временных лет» в третьей редакции, но летопись эта подверглась сокращению[29]. Вместо утраченной части Синодального списка в младшем изводе Новгородской I летописи, по А. А. Шахматову, был использован близкий «Повести временных лет», но предшествовавший ей летописный свод. Этот свод, по мнению А. А. Шахматова, был использован также в части с 1052 по 1074 г.[30].

Таким образом, А. А. Шахматов противопоставил два извода Новгородской I летописи, несмотря на их очевидную близость. Но как справедливо отметил Д. С. Лихачев, «различие между Синодальным списком и Новгородской первой летописью младшего извода А. А. Шахматовым не доказано»[31]. По мнению Д. С. Лихачева, «в основе Синодального списка лежит тот же «Софийский временник», что и в основе Новгородской первой летописи младшего извода»[32]. Для нас в данном случае достаточно его документированное заключение, что «третья редакция «Повести временных лет» отразилась и во всех остальных новгородских летописях»[33]. В этом нетрудно убедиться, сопоставив хотя бы тексты новгородских летописей за конец XI — начало XII в. с летописями, содержащими «Повесть временных лет». В ходе исследования Д. С. Лихачев пришел к выводу, что в «начале новгородских летописей была сперва использована «Повесть временных лет» в третьей редакции, а затем уже в пределах до 1074 г. эта часть была изъята и заменена текстом Начального свода»[34].

Этот вывод уже допускает возможность того, что именно из третьей редакции «Повести временных лет» варяжская легенда проникла на страницы новгородской летописи. Но отразился ли действительно в новгородской летописи Киевский свод именно 1095 г. Ведь в новгородских летописях за все 80-е годы XI в. известий почти нет и никакой видимой грани в 90-е годы ни в новгородских, ни каких-либо других летописях не видно. В таком случае было бы больше оснований думать, что в летописи использован свод 70-х годов XI в.

К 90-м годам, как ко времени сложения «Начального свода», А. А. Шахматов пришел на основе анализа предисловия к новгородско-софийским летописям. Н. К. Никольский в другой связи высказал

---

[28] Д. С. Лихачев, *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, М.—Л., 1947, стр. 16.

[29] А. А. Шахматов, *Киевский начальный свод 1095 года*, — «А. А. Шахматов. Сб. статей и материалов», М.—Л., 1947, стр. 123, 125.

[30] Там же, стр. 127.

[31] Д. С. Лихачев, *«Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года*, — ИЗ, т. 25, стр. 254.

[32] Там же, стр. 263.

[33] Там же, стр. 254.

[34] Там же, стр. 255.

удивление, что «наблюдения А. А. Шахматова не побудили ни его самого, ни других исследователей сделать те выводы, которые естественным и логическим путем вытекали из добытых им фактов»[35]. Думается, что такое замечание верно и в отношении «Предисловия» так называемого «Софийского временника». А. А. Шахматов исходил из того, что Предисловие имеет киевское происхождение, хотя в нем есть целый ряд моментов несомненно проновгородских и трудно указать что-либо специфически киевское.

В Предисловии к «Софийскому временнику» автор сообщает о намерении довести летописное изложение до «Олекси, Исакья»[36]. Это датирующий признак, и А. А. Шахматов пришел к выводу, что летописец имел в виду Алексея Комнина (1081—1118) и Исаакия Комнина[37]. Но Исаак Комнин был императором в 1057—1059 гг. К тому же в новгородских летописях наблюдается явная связь этого указания Предисловия со статьей о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. Именно в 1203—1204 гг. византийский стол занимали Исаак Ангел и его сын Алексей. На этот факт обращали внимание еще исследователи прошлого столетия, и А. А. Шахматов в конце концов признал связь заключения Предисловия со статьей 1204 г.[38].

Однако, сделав такое признание, А. А. Шахматов не отказался от мысли, что «предисловие своим содержанием переносит нас в конец XI века». «Совершенно невероятно было бы,— говорит он далее,— допустить, что оно возникло позже XII века, после политического падения Киева; бодрый тон предисловия, призывающего к исполнению долга и напоминающего о справедливом возмездии за уклонение от правды, нельзя согласовать с чувством уныния и отчаяния, неизбежным, казалось бы, даже после разорения Киева в 1203 г., а тем более после Батыя»[39].

Но до Батыя автор и не собирался доводить изложения, а «бодрость» или «уныние» едва ли помогут датировке. Более существенно указание на гражданские чувства автора, который обращается к современникам и поучает их примерами «доброго старого времени».

Как можно видеть из приведенного высказывания, А. А. Шахматов и Предисловие и статью 1204 г. связывал с киевской летописью. По мнению А. А. Шахматова, «составитель младшего извода Новгородской I-й летописи имел в своем распоряжении летописный свод, составленный в XIII веке и заключавший в начале дошедшее до нас «Летописание князей земля Руския» с предшествующим ему предисловием и оканчивавшийся рассказом о событиях начала XIII века, в числе которых было и изложенное в особой повести взятие Царяграда фрягами»[40].

Нетрудно убедиться, что последнее предположение, сделанное А. А. Шахматовым в одной из своих позднейших работ, вносит важные изменения во всю его систему, представленную, например, в «Обозрении...». Но чем обосновывает А. А. Шахматов южное происхождение

---

[35] Н. К. Никольский, *«Повесть временных лет»...*, стр. 28.

[36] НПЛ, М.—Л., 1950, стр. 104 и 512. В летописи просто «временник». «Софийским» он, видимо, стал после привлечения его к составлению свода за пределами Новгорода (очевидно, в XV в.).

[37] Эту мысль А. А. Шахматов развивал в работе «Предисловие к Софийскому временнику и Несторова летопись» (Изв. ОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 1). В работе «Повесть временных лет» он проявлял колебания, но в реконструкции текста Начального свода оставил только «Олексу» (ср. стр. XXII—XXIII и 364).

[38] А. А. Шахматов, *Киевский начальный свод...*, стр. 131, 147—148.

[39] Там же, стр. 147.

[40] Там же, стр. 148.

этого свода? Он указывает на несколько южнорусских известий в Новгородских летописях под 1203 г. и на повесть о Калкской битве 1224 г.[41]. Но вопрос о Калкской битве, очевидно, должен находить какое-то другое решение, так как и по признанию А. А. Шахматова свод ограничивался статьей 1204 г. Однако А. А. Шахматов в дальнейшем изложении уже не разрывает судьбу двух повестей. И это один из случаев, когда установленный факт подменяется противоречащей ему гипотезой.

По мнению А. А. Шахматова, «едва ли возможно какое-нибудь сомнение в том, что... Предисловие заимствовано составителем Новгор. I-й летописи из киевского (южнорусского) его источника, а не составлено в Новгороде»[42]. Но это «едва ли» основано на прежнем убеждении А. А. Шахматова, что «Софийский временник» возник в XV в., а Предисловие к нему в конце XI столетия. Действительно, ни в XV, ни в XI в. новгородец, пожалуй, не написал бы такого предисловия. Но буквальное чтение его текста ведет к началу XIII в., а не к какому-то иному времени. А. А. Шахматов исходил из убеждения, что «новгородскому летописцу не приходилось оканчивать свой труд в начале XIII в.»[43]. Д. С. Лихачев, специально изучавший новгородское летописание, напротив, полагает, что после 1204 г. свод в Новгороде составлялся[44]. Напомним, что многие исследователи происхождение самой повести о взятии Царьграда связывают с Новгородом[45]. Правда, в последнее время Н. А. Мещерский выступил в поддержку, в общем-то, индивидуального мнения А. А. Шахматова о южнорусском происхождении этой повести, но и у него нет достаточно убедительных аргументов в пользу этого положения[46]. А это нужно доказывать хотя бы потому, что повесть помещена лишь в летописях новгородской традиции, в то время как южные и северо-восточные летописи ее не знают. Не случайно поэтому в одной из последних своих работ М. Н. Тихомиров высказал убеждение, что повесть о взятии Царьграда в 1204 г. написал «именно новгородский автор»[47]. О связях Новгорода этого времени с Византией хорошо известно. В 1186 г. в Новгород приходил «цесарь грьцьскый Алекса Маиуиловиць»[48]. В начале XIII в. в Константинополе побывал новгородец Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ Антоний. В этих условиях новгородский летописец проявлял вполне естественный интерес к византийским делам и мог внести повесть в летопись независимо от того, новгородцем ли был ее автор.

Посмотрим теперь, действительно ли Предисловие имеет черты более древние, чем время начала XIII в. Сравним прежде всего заголовок «Временника» с задачами, поставленными «Повестью временных лет». «Повесть временных лет» предполагала сообщить о начале Русской земли и начале Киевского княжения («кто первее в Киеве нача княжити»). Предисловие также в первых строках говорит о задачах

---

[41] Там же, стр. 148—149.

[42] А. А. Шахматов, *Киевский начальный свод...*, стр. 157.

[43] Там же, стр. 148.

[44] Д. С. Лихачев, *Русские летописи...*, стр. 442.

[45] ИГР, т. III, СПб., 1816, прим. 149; П. Саввантов, *Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград*, СПб., 1872, стр. 8; «История русской литературы», т. I, ч. 1, М.—Л., 1941 (автор очерка В. П. Адрианова-Перетц).

[46] Н. А. Мещерский, *Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году*, — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954. Вслед за А. А. Шахматовым автор привлекает статью о Калкской битве и относит к южным записям рязанские статьи (1217 и др.; см. стр. 133).

[47] М. Н. Тихомиров, *Великий Новгород в истории мировой культуры*, — «Новгород. К 1100-летию города», М., 1964, стр. 29.

[48] НПЛ, стр. 38.

летописца: «Временик, еже есть нарицается летописаиие князей и земля Руския и како избра бог страну нашу на последнее время и грады почаша бывати по местом, преже Новгородчкая волость и потом Кыевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Кыев» [49]. Летописец несомиенно имел под руками киевскую летопись. Это ясно из всего содержания Новгородской I летописи. Но летописец не ограиичивался задачами, провозглашенными «Повестью временных лет». Он решил рассказать, «како избра бог страну нашу на последнее время», т. е. поставил более широкие хронологические рамки. Не особенно, видимо, интересовал автора и вопрос о том, кто начал первым княжить в Киеве. Для него более важно, когда «грады почаша бывати по местом». При этом он не пропускает случая напомнить о приоритете Новгорода над Киевом.

Далее летописец говорит о том, что города Рим, Антиохия, Селевкия и Александрия названы в честь царей. «Тако и в нашей стране,— говорит он далее,— зван бысть град великим князем во имя Кия, его же нарицают тако перевозника бывша, инеи же: ловы деяше около города». Самое титулование князей «великими» — явление довольно позднее. В Ипатьевской летописи такое титулование впервые применяется к Владимиру Мономаху, да и то в некрологе. Последующим князьям этот эпитет снова не дается [50]. Видимо, такое титуловаиие закрепляется лишь после обособления северо-востока от юга и связано с тенденцией возвеличиваиия княжеской власти, которую особенно настойчиво проводили Аидрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо. Едва ли не к этому времени относится титулование в Лаврентьевской летописи «великими» Ярослава Мудрого и Всеволода Ярославича — непосредственных предков владимиро-суздальских князей, в то время как, например, Изяслав и Святослав Ярославичи так не называются.

Как можно видеть, автор Предисловия не признает княжеского происхождения Кия. Судя по «Повести временных лет», вокруг этого вопроса шла борьба. Княжеское происхождение Кия не признавали либо новгородцы, либо первые норманисты. Так или иначе, Предисловие и в этом случае изобличает не киевского автора.

А. А. Шахматов придавал особое значение словам Предисловия: «куда же древле погании жряху бесом на горах, ныне же паки туды святыя церкви златъверхня каменозданыя стоят, и моиастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в них исполиено бысть». «Златоверхие храмы,— говорит А. А. Шахматов,— имелись именно в Киеве, где в 1108 году была заложена... златоверхая церковь св. Михаила, златоверхие церкви имелись в Киеве и раньше... Именно Киев мог похвалиться великими и многолюдными монастырями» [51]. При этом, по А. А. Шахматову, так не мог писать киевлянин, переживший разореиие 1203 г. Отсюда сиова следует вывод, что Предисловие, таким образом, иужно относить к коицу XI в. В данном случае не имеет особого значения нелогичность примера с церковью 1108 г. Но ведь все это мог писать *новгородец* начала XIII в.

Посоветовав для пользы души и тела прибегать к святым церквам, летописец далее говорит: «Мы же паки на последование возвратимся, глаголюще сице о начале. Руськия земля и о князех, како откуду быша». Это «паки» показывает, что весь текст после первого упоминания о временнике и его содержании является отступлением автора от лежащего перед ним текста, своего рода лирическим отступлением. Пов-

[49] Там же, стр. 103.
[50] ПСРЛ, т. II, стр. 294 (Мстислав) и др.
[51] А. А. Шахматов, *Киевский начальный свод...*, стр. 157.

торение (в перефразировке) названия еще ближе к названию «Повести временных лет», особенно если учесть, что в редакции Ипатьевской летописи вместо слов «кто в Киеве нача первее княжити» записано: «кто в ней...», т. е. в Русской земле, что для киевского летописца было одним и тем же. И в этом случае автор Предисловия намерен вслед за «Повестью временных лет» говорить о начале Русской земли, но вопрос о том, кто начал первым княжить в Киеве, он заменяет более широким и общим «о князех, како откуду быша».

Далее летописец снова обращается к читателю: «с любовью приклоните уши ваши разумно: како быша древнии князи и мужи их, и како отбараху Руския земле, и ины страны придаху под ся, теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж въскладаху люди, но оже будяше правая вира, а ту возмя дааше дружине на оружье... Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в сребряных, и росплодили были землю Руськую. За наше несытство навел бог на ны поганыя, а и скоты наши и села наши и имения за теми суть, а мы своих злых дел не останем» [52].

А. А. Шахматов проявил много остроумия, чтобы доказать, что летописец в данном случае обличает Святополка [53], хотя в самой летописи нет каких-либо выпадов против этого князя. Но дело и не в этом. В Предисловии противопоставляется не какой-то один князь своим предшественникам, а князья и *мужи* эпохи летописца «древним» князьям и их *мужам*. Летописец обращается к довольно широкой аудитории, к которой и сам близок («наше несытство»). В этой аудитории можно обсуждать, каким должен быть князь и как должны вести себя мужи. Около Андрея Боголюбского или Владимира Мономаха такие разговоры можно было вести только шепотом, да и Святополка, судя по событиям 1113 г., оказалось возможным критиковать только после смерти. Вольнодумие автора не вызвано раздражением против какого-то лица или какого-то конкретного факта. Он осуждает современные ему порядки и князей совершенно открыто, обращаясь к современникам. Едва ли такую смелость мог себе позволить кто-нибудь, кроме новгородца. Напомним также, что именно увеличение поборов и «неправых» вир привело к восстанию 1209 г. в Новгороде против дома Мирошкиничей, тесно связанного с суздальскими князьями.

А. А. Шахматов отмечает также, что сетование по поводу засилия поганых «далеко не соответствует той картине разрушения, которую увидел Киев в начале XIII века» [54]. Но и это обстоятельство теряет значение, если речь идет об авторе-новгородце.

После ряда цитат и изречений из «писания», осуждающих насилия и «богатество», созданное «неправдою», автор снова возвращается к исходной фразе, заключая: «Мы же паки от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду известьно да скажем, от Михаила цесяря до Александра (в Троицком списке „Олексы") и Исакья».

Как можно видеть, во всем Предисловии нет ничего, что противоречило бы прямому смыслу заключительной фразы, по которой автор обещал довести изложение до 1204 г. Нет ничего в Предисловии и противоречащего признанию его автора новгородцем. Напротив, отказавшись от буквального чтения текста, в общем, вполне логичного, мы должны делать столько допущений, что как бы остроумными они ни были, выводы, на них построенные, никогда не будут прочными.

---

[52] НПЛ, стр. 104.
[53] А. А. Шахматов, *Киевский начальный свод...*, стр. 158—160.
[54] Там же, стр. 158.

Выше упоминались некоторые работы Д. С. Лихачева, в которых автор привел интересные данные о существовании Новгородского свода 1136 г. и политической обстановке этого времени. По мысли Д. С. Лихачева, именно в это время «Повесть временных лет», лежавшая в основе и новгородского летописания, была заменена «Начальным сводом». Д. С. Лихачев убедительно доказывает соответствие направленности Предисловия политическим тенденциям «республиканского» Новгорода. В то же время он вслед за А. А. Шахматовым относит текст Предисловия к киевскому автору конца XI в. Но не проще ли направленность Предисловия тем и объяснять, что его автором был новгородец-республиканец? Вообще трудно представить, чтобы летописец Великого Новгорода, гордого своей независимостью и традициями, летописец, активно вторгающийся в текст источников для обоснования приоритета своего города, воспользовался бы для обращения к читателю текстом, написанным по другому случаю и для другой аудитории. Вместе с тем следует отметить, что если и вероятно составление в Новгороде около 1136 г. какого-то летописного свода, то Предисловие не содержит ничего, характерного для Новгорода только этого времени и неприемлемого новгородцу начала XIII в.

Все изложенное не исключает возможности использования в Новгородской I летописи каких-то древних источников, в том числе источников, предшествующих «Повести временных лет». Эта летопись еще долго будет оставаться объектом исследования и обещает в будущем многое для раскрытия темных мест истории нашего летописания. В этой летописи безусловно использованы доступные автору новгородские записи. Но текст третьей редакции «Повести временных лет», явные следы которой прослеживаются в ряде известий, едва ли когда-либо исключался из нее. Он подвергался сокращениям, переработкам, может быть заменам отдельных данных, но и автор Предисловия имел его под руками.

А. А. Шахматов, как отмечалось, отдавал предпочтение новгородскому варианту варяжской легенды исходя из того, что эта летопись отразила Свод конца XI в. Приведенные данные, однако, дают основание полагать, что в Новгородскую летопись Сказание о призвании варягов попало все из той же третьей редакции «Повести временных лет». Правда, в Новгородской I летописи нет уточнения «к варягам, к руси...», которое является очевидной вставкой в текст Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Но Новгородская летопись знает другую аналогичную вставку: «от тех варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля»[55]. Новгородская I летопись, следовательно, пользовалась таким вариантом Сказания, в котором варягов отождествляли с Русью.

Текст Сказания в составе Новгородской I летописи имеет и некоторые позднейшие по сравнению с Ипатьевской и Лаврентьевской летописями черты. Новгородская I летопись не знает «веси» в числе приглашающих варягов племен. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях название племени искажено: «вся» вместо «весь»[56]. Между тем «весь», конечно, восходит к первоначальному варианту легенды, поскольку Синеус сел на Белом озере, заселенном именно весью. Только в связи с ладожским вариантом Сказания можно понять и слова, имеющиеся в Новгородской I, Лаврентьевской и Радзивиловской летописях: «суть новгородстии люди... от рода варяжьска». Эти слова

[55] НПЛ, стр. 106.
[56] Там же. ПСРЛ, т. I, стр. 20; т. II, стр. 14.

служат напоминанием о том, что Новгород был построен якобы Рюриком и, следовательно, первоначальным его населением являлись именно варяги. Однако такое утверждение решительно противоречило другим источникам, бывшим в руках новгородского летописца, хотя бы сведениям той же «Повести временных лет». К тому же новгородский автор не мог пропустить такого материала, который отдавал старейшинство «пригороду» Ладоге. Поэтому он заменил Ладогу Новгородом, но самый текст Сказания в соответствующем духе не переработал.

Итак, можно прийти к заключению, что первоначальным вариантом варяжской легенды является та запись, которая читается в Ипатьевской и Радзивиловской летописях. В Лаврентьевской летописи этот текст испорчен, а в Новгородской I отчасти испорчен, а отчасти отредактирован. Судя по чтениям Ипатьевской и Радзивиловской летописей, Сказание о призвании являлось местным ладожским преданием. Как и все ладожские предания, оно было записано впервые, вероятно, около 1118 г., и до этого времени его, видимо, не знали письменные памятники не только Киева, но и Новгорода. Примечательно во всяком случае, что в Новгородской I летописи во всех известиях XII — начала XIII в. «Русью» называется только Киевское Приднепровье.

Отстоящее на два с половиной столетия от описываемых событий Сказание, конечно, не могло быть чем-либо иным, кроме как легендой. В Старой Ладоге, вероятно, варяжские элементы играли заметную роль еще и в XII в. Но это были обрусевшие варяги. Поэтому и варяги IX в. у них говорят на русском языке: Синеус садится в земле веси, а его стольный город называется не по угро-фински и не по-скандинавски, а по-русски: Белоозеро; Рюрик приходит «к Илмерю» и создает здесь город, который называет «Новый город». «Новый», очевидно, по отношению к «Старой» Ладоге. Не в этом ли соперничестве двух северных городов и заключался первоначальный смысл всего Сказания? В таком случае Сказание становится не только не новгородским, а даже антиновгородским и его впервые могли привлечь в летопись как таковое. Не случайно новгородский автор опустил упоминание о постройке Новгорода Рюриком. Он ведь еще в предисловии заявил о приоритете Новгорода перед Киевом, о его более древнем происхождении.

Сейчас трудно сказать, как была принята варяжская легенда в Киевской Руси. Принято считать, что все вставки и швы, замечаемые в составе «Повести временные лет»,— результат разных редакций не позднее 1118 г. Но не исключено, что кое-что из этих вставок отражает политическую и идеологическую борьбу более позднего времени, может быть даже конца XII в. Примечательно во всяком случае, что в столь живом и непосредственном памятнике конца XII в., каким является «Слово о полку Игореве», нет никаких признаков варяжской легенды, хотя автор знает и «вечи Трояни» и «время Бусово», относящиеся к гораздо более раннему времени. Видимо, принятая княжескими династиями (да и то едва ли не одними Мономаховичами), эта легенда с трудом входила в сознание народа. В этой связи стоит, например, задуматься, не позднейший ли это выпад против норманской версии — известное напоминание, что Кий был именно князем, а не перевозчиком? Очень может быть, что и отождествление варягов и Руси лишь позднейшая попытка (позднее начала XII в.) подкрепить шаткую династическую легенду. Но все это только постановка вопроса. Пример схемы А. А. Шахматова показывает, что всякая система полезна, если относиться к ней критически. Очевидно, что и в системе А. А. Шахматова необходимы существенные поправки и замены. Но они не должны быть поспешными и малообоснованными.

В. А. Кучкин

РОЛЬ МОСКВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ КОНЦА XIII в.

Походы Батыя 1237—1240 гг. на Русь привели не только к массовому уничтожению населения, опустошению многих городов и целых областей, сужению территории русских княжеств и земель, но и вызвали серьезные изменения в их политическом развитии.

Для Северо-Восточной Руси эти изменения выразились прежде всего в нарушении ее старых связей с Юго-Западной и Западной Русью. Правда, в первые годы после татаро-монгольского нашествия Киев еще сохранял свое номинальное значение «матери городов русских». По-видимому, в 1243 г. Киевское великое княжение было отдано Батыем Ярославу Всеволодовичу. Но Ярослав остался на Северо-Востоке. В Киеве управлял его наместник Дмитр Ейкович [1]. После отравления великого князя Ярослава Всеволодовича в Каракоруме «Кыевъ и всю Русьскую землю» получил из рук хана Гуюка Александр Невский. Стол во Владимире достался его брату Андрею Ярославичу [2]. Княжение Александра в Киеве и Русской земле было чисто символическим. Летописи указывают на постоянное пребывание Александра в Северо-Восточной Руси [3]. В 1252 г. Александр занял Владимирский великокняжеский стол [4], и политические притязания северо-восточных князей на Киев были надолго оставлены [5].

Важным политическим нововведением явилось утверждение русских князей на их столах татаро-монголами [6]. Власть великих князей Владимирских и князей отдельных княжеств стала зависеть от великого хана Монгольской империи, а позднее от хана Золотой Орды [7].

Во второй половине XIII в. усилилась обособленность Новгорода Великого и Пскова. Местное боярство начало приобретать все большее значение в управлении и внешней политике этих земель [8].

Наконец, не без влияния татаро-монгольского нашествия и последующих набегов татаро-монгол шло образование в Северо-Восточной

---

[1] ПСРЛ, изд. 2, т. I, вып. 2, Л., 1927, стлб. 470; т. II, СПб., 1908, стлб. 806; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, М.—Л., 1940, стр. 27.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 472.

[3] Там же, стлб. 472—473.

[4] Там же, стлб. 473.

[5] А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 48.

[6] А. Е. Пресняков, *Образование Великорусского государства*, М., 1918, стр. 51—52.

[7] А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 51.

[8] В. Л. Янин, *Новгородские посадники*, М., 1962, стр. 142—175. Псков с XIV в. начинает отделяться от Новгорода. — А. Н. Насонов, *«Русская земля» и образование территории Древнерусского государства*, М., 1951, стр. 117.

Руси ряда новых княжеств. К концу 30-х — началу 40-х годов XIII в. относится выделение из состава Переяславского княжения Тверского княжества. Как явствует из позднейших договорных грамот тверского князя Михаила Ярославича с Новгородом Великим, в Торжке и Волоке в конце XIII в. сидели «давние люди», тянувшие к Твери еще при Александре и Ярославе [9]. Следовательно, во время Александра Тверь представляла собой государственное и территориальное целое. О Ярославе Ярославиче, названном в грамотах после Александра, летопись сообщает, что в самом конце 1254 или начале 1255 г. «Ярославъ князь Тфърскыи... оставя свою отчину», вместе со своими боярами поехал в Ладогу [10]. Тверь досталась Ярославу, очевидно по завещанию отца. Завещание Ярослава Всеволодовича было реализовано в 1247 г. его братом Святославом, который «сыновци свои посади по городом, яко же бѣ имъ отець урядилъ Ярославъ» [11]. Заключаем отсюда, что упоминание Александра в грамотах Михаила Ярославича ведет ко времени до 1247 г. Отец Александра, Ярослав Всеволодович, стал великим князем в 1238 г.[12]. В том же году он раздавал княжения своим братьям [13]. Можно предполагать, что тогда же Тверь была отдана Александру. Во всяком случае он получил ее между 1238 и 1247 гг. В 1245 г. в Твери сидел Кербет, видимо наместник Александра Ярославича, в 1242 г. вместе с Невским участвовавший в Ледовом побоище [14].

Летописное известие 1265 г. свидетельствует о существовании Костромского княжества [15]. Кострома принадлежала Василию Ярославичу, сыну Ярослава Всеволодовича. Вероятно, он получил ее при раздаче княжений Святославом в 1247 г. В 70-е годы XIII в. костромской князь играл активную политическую роль в делах Северо-Восточной Руси. В 1270 г. он поддержал новгородцев в их борьбе с великим князем Ярославом Ярославичем, а в 1272 г. сделал попытку, правда, неудачную, овладеть новгородским столом [16]. В том же году он получил великое княжение Владамирское [17], а затем после вооруженной борьбы со своим племянником Дмитрием Александровичем утвердился в Новгороде Великом [18]. Однако со смертью Василия Ярославича в январе 1277 г. Костромское княжество перестало существовать и его территория была воссоединена с территорией великого княжения Владимирского [19].

Особое княжество образовалось с центром в Галиче Мерьском. Как сообщает летопись, 10 апреля 1279 г. скончался «князь Давыдъ Костянтинович, внукъ Ярославль, Галичскыи и Дмитровьскыи» [20]. Очевидно, что Галицкое и Дмитровское княжество возникло до 1279 г. Образование этого княжества исследователи относят к 1247 г., когда Галич и Дмитров были отданы Константину, сыну Ярослава

---

[9] ГВН и П, М.—Л., 1949, № 4 и 5, стр. 14.
[10] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 473—474.
[11] Там же, стлб. 471.
[12] Там же, стлб. 467.
[13] Там же.
[14] НПЛ, М.—Л., 1950, стр. 78 и 79.
[15] ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 72.
[16] НПЛ, стр. 88—90.
[17] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 74.
[18] НПЛ, стр. 322.
[19] Если не считать неясного упоминания о смерти в Костроме 25 февраля 1303 г. князя Бориса Андреевича, сына великого князя Андрея Александровича (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 85), Кострома не имела своих князей и находилась под великокняжеской юрисдикцией (там же, стр. 79, 86).
[20] Там же, стр. 77, под 6788 г. ультрамартовским. Давыд умер в понедельник второй недели по пасхе. Пасха в 1279 г. приходилась на 2 апреля.

Всеволодовича[21]. Возможно, после смерти Давыда Константиновича Галицко-Дмитровское княжество в какой-то степени испытало судьбу соседнего Костромского. Во всяком случае следующий после Давыда Константиновича князь в Галиче упоминается только в 1310 г.[22].

Под 1251 г. Лаврентьевская летопись сообщает, что «поѣха Глѣбъ на Бѣлоозеро в свою отчину»[23]. Речь идет о Глебе Васильковиче, сыне ростовского князя Василька Константиновича, попавшего во время битвы на р. Сити в плен к татаро-монголам и затем убитого ими[24]. Вполне правдоподобным является предположение, что Василько сам выделил Белоозеро из состава Ростовского княжения пеленочнику Глебу[25]. И, быть может, не случайно Глеб отправился в свою отчину именно в 1251 г., когда, по понятиям тех времен, он стал совершеннолетним (ему исполнилось 13 лет) и мог вступить во владение назначеной ему территорией. Глеб Василькович положил основание династии белозерских князей, но сам бывал в Белоозере редко. Гораздо чаще видим его в Ростове, где он умер и был похоронен уже как ростовский князь[26]. Политический вес белозерского князя среди других князей Северо-Восточной Руси был невелик.

По-видимому, в конце XIII в. стольным княжеским городом стал Городец на Волге. Свидетельство тому — похороны в Городце великого князя Владимирского Андрея Александровича в 1305 г.[27]. Однако в последующее время Городец уже не является центром княжества. Им делается Нижний Новгород.

* * *

Становление Московского княжества также относится к послетатарскому времени. На протяжении XII — первых десятилетий XIII в. Москва входила в состав территории великого княжества Владимирского. Город был важным военным и узловым пунктом на юго-западных границах Владимиро-Суздальской Руси[28]. Сюда сходились пути из Владимира и Переяславля Залесского, Чернигова и Рязани. Как показал М. Н. Тихомиров, во второй половине XII — начале XIII в. наблюдается несомненный экономический рост Москвы[29]. Последнее обстоятельство объясняет действия четвертого сына Всеволода Большое Гнездо — Владимира, который в 1213 г. сделал попытку закрепиться в Москве, отдав ей предпочтение перед Юрьевым Польским, выделенным ему по от-

---

[21] А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период*, т. II, СПб., 1891, стр. 207—209.

[22] Там же, стр. 210.

[23] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 473.

[24] Там же, стлб. 465—466.

[25] Глеб умер 13 декабря 1278 г. в возрасте 41 года — ПСРЛ, т. XVIII, стр. 76. Следовательно, он родился в конце 1237 г. Его отец был убит после 4 марта 1238 г. — ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 465.

[26] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 70, под 6761 г.; стр. 71, под 6766, 6767 и 6769 гг.; стр. 72, под 6770 и 6771 гг.; стр. 74, под 6781 г. (смерть и похороны в Ростове жены Глеба — татарки); стр. 75, под 6785 г. (Глеб назван Ростовским, поскольку сел в Ростове по брате Борисе); стр. 76, под 6786 г. (смерть Глеба).

[27] Там же, стр. 86. Сохранилось свидетельство от 1282 г. о Городце как резиденции Андрея Александровича (НПЛ, стр. 325). Указания летописных источников на Городец как стольный город Андрея Ярославича слишком неопределенны (см. А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 62, прим. 3).

[28] Подробнее об этом см. М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва*, М., 1947, стр. 16—20.

[29] Там же, стр. 18.

цовскому ряду [30]. Тем не менее Москва не стала столицей отдельного княжества. Летопись подчеркивает, что Владимир захватил город «брата своего» Юрия Владимирского [31], что Москва была «своим городом» Юрию [32]. К тому же Владимир сидел в Москве всего несколько месяцев [33]. В последующее время Москва по-прежнему оставалась в составе великого княжения Владимирского [34].

Первым московским князем считается Михаил Ярославич Хоробрит, сын уже упоминавшегося великого князя Ярослава Всеволодовича [35]. Возможно, при нем Москва действительно стала центром самостоятельного княжества. Однако категорически настаивать на этом нельзя. Дело в том, что мнение исследователей о Михаиле Хоробрите как первом московском князе основывается на текстах Новгородской IV летописи и Тверского сборника, где Михаил назван Московским [36]. По сравнению с текстом Новгородской IV летописи текст Тверского сборника явно вторичен [37]. Следовательно, анализу необходимо подвергнуть сообщение Новгородской IV летописи: «князи Суздальстии побиша Литву у Зубцева. А Михаил Ярославичь Московьскии убиенъ бысть отъ Литвы на Поротвѣ». В основном источнике Новгородской IV летописи — Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. этого известия, по-видимому, не было. Оно отсутствует почти во всех списках Софийской I летописи, а в списке *С* Михаил не назван Московским [38]. Не было сообщения о гибели Хоробрита и в одном из дополнительных источников Новгородской IV летописи — Софийском временнике, отразившемся в Новгородской I летописи младшего извода [39]. Оно могло попасть в Новгородскую IV летопись из Ростовского владычного свода времени архиепископа Ефрема [40]. До настоящего времени этот Ростовский свод не дошел. Насколько можно судить по сокращенному Ростовскому своду конца XV в., известие о смерти Михаила имелось в ростовском летописании [41]. Но назывался ли в своде Ефрема Хоробрит московским князем, сказать

---

[30] Там же, ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 434, под 6721 г. мартовским. «Летописец Переяславля Суздальского», — ВОИДР, кн. IX, М., 1851, стр. 110, под 6721 г. (ультрамартовским?).

[31] «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 110.

[32] Там же, стр. 111.

[33] По сообщению «Летописца Переяславля Суздальского», Владимир «на зиму» оставил Юрьев, бежал на Волок, а затем в Москву (стр. 110). Следовательно, в Москве он был в начале 1213 г. Об изгнании Владимира из Москвы Лаврентьевская летопись сообщает перед известием о рождении у Юрия сына Всеволода 23 октября 1213 г. (ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 438). Следовательно, Владимир удерживал Москву самое большее с начала по октябрь 1213 г.

[34] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 460—461.

[35] ИГР, изд. И. Эйнерлинга, т. IV, СПб., 1842, стр. 42, прим. 82; Н. Станкевич, *О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III*, — «Уч. зап. имп. Московского ун-та», 1834, № I, стр. 39; И. Д. Беляев, *Московская летопись. Город Москва с его уездом*, — «Москвитянин», 1844, № 1, стр. 302; В. Вешняков, *О причинах возвышения Московского княжества*, СПб., 1851, стр. 14 (с оговорками); И. М. Снегирев, *Москва. Подробное историческое и археологическое описание города*, т. I, М., 1865, стр. IV; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период*, т. II, стр. 273; И. Е. Забелин, *История города Москвы*, ч. I, изд. 2, М., 1905, стр. 69; М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва*, стр. 20, 22; «Историк Москвы», т. I, М., 1952, стр. 24.

[36] ПСРЛ, изд. 2, т. IV, ч. I, вып. 1, Пг., 1915, стр. 230; ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стлб. 395.

[37] Здесь соединен текст Новгородской IV летописи с текстом свода, близкого к Ермолинской летописи.

[38] ПСРЛ, изд. 2, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 236 и вар.

[39] Ср. НПЛ, стр. 304.

[40] Об источниках Новгородской IV летописи см. А. А. Шахматов, *Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.*, М.—Л., 1938, стр. 367.

[41] А. Н. Насонов, *Летописный свод XV века* (по двум спискам) — «Материалы по истории СССР», вып. II, М., 1955, стр. 294.

трудно. В упомянутом Ростовском своде конца XV в. такого определения нет. Нет его и в записи о убиении Михаила Лаврентьевской и Симеоновской летописей [42]. К тому же Новгородская IV летопись называет Михаила Московским после собственного сообщения о захвате им стола великого княжения Владимирского, т. е. когда Михаил был уже не московским, а владимирским князем [43]. В последней связи примечательно, что убитого на Поротве Михаила похоронили не в Москве, а во Владимире [44]. Поэтому делать бесспорный вывод о вокняжении в Москве Михаила Хоробрита на основании сообщения Новгородской IV летописи нельзя. Не исключена возможность, что Михаила Ярославича назвали Московским позднейшие книжники.

Впрочем, если даже принять версию о Хоробрите как первом московском князе, его княжение в Москве должно было быть очень недолгим. Москва досталась ему, очевидно, по разделу 1247 г. [45]. Погиб Михаил зимой, в конце 1248 или начале 1249 г. [46]. До этого он согнал своего дядю Святослава Всеволодовича с великого княжения и сам сел на Владимирский стол. Если верить сообщениям Воскресенской и Новгородской IV летописей, Святослав занимал великокняжеский стол один год [47]. Отсюда вытекает, что Михаил Хоробрит мог княжить в Москве не более года.

Сведения о московских князьях от Михаила Хоробрита до Даниила Александровича совершенно отсутствуют в источниках. Очевидно, князей в Москве не было. По всей вероятности, город с примыкавшей к нему волостью входил в состав великого княжества Владимирского и управлялся великокняжеской администрацией. Такой вывод находит подтверждение в одном известии Тверской летописи. Здесь упоминалась грамота, по сути дела представлявшая собой дипломатическую ноту, посланная тверским князем Иваном Михайловичем московскому князю Василию Дмитриевичу в 1408 г. по поводу совместных действий против Литвы. В грамоте содержалась любопытная ссылка на то, что Даниила Александровича, предка московского князя, воспитал пращур Ивана Михайловича — Ярослав Ярославич, тиуны которого семь лет сидели в Москве [48]. Едва ли можно сомневаться в достоверности этого сообщения, включенного в важный официальный документ. Ярослав Ярославич был не только тверским князем. После смерти Александра Невского он сел на великокняжеском столе во Владимире и занимал его семь лет вплоть до своей смерти [49]. Именно эти семь лет и имела в виду грамота Ивана Тверского. Из сообщения грамоты вытекает, что в течение всего периода своего великого княжения Ярослав удерживал Москву под своей властью, а управляли ею великокняжеские наместники — тиуны. Следовательно, окончательное отделение Московского княжества от Владимирского произошло не ранее 70-х годов XIII в.

Основателем династии московских князей был последний, четвертый сын Александра Невского Даниил, родившийся в 1261 г. [50]. Первое летописное упоминание о нем как самостоятельном князе относится к

---

[42] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 471; ПСРЛ, т. XVIII, стр. 69.

[43] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 229 и прим. Д, где неверно указано отчество Хоробрита.

[44] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стл. 471.

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 229; ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 156.

[48] ПСРЛ, т. XV, стлб. 474; ГИМ, ОР, Муз., № 288, б, л. 183 об.

[49] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 72 и 74, вокняжение во Владимире под 6772 г., смерть — под 6779 г.

[50] Там же, стр. 71.

1283 г. В этом году новгородцы, «Святославъ со тфѣрици и Данило Олександровичь с московици» совместно выступили против Дмитрия Александровича [51]. Князь Дмитрий, за год до этого лишенный Владимирского великокняжеского и новгородского столов своим братом Андреем, делал попытки вновь утвердиться в Новгороде Великом и, видимо, не пропускал туда хлеб [52]. Это вызвало поход против него новгородцев и их союзников. «Святославъ со тфѣрици» — это тверской князь Святослав Ярославич со своим войском. Под сходным выражением «Данило Олександровичь с московици» должно разуметь московского князя с его дружиной. Сомнительно, чтобы москвичами предводительствовал не местный князь. Таким образом, приведенное летописное известие следует расценить как самое раннее свидетельство о Данииле Александровиче — московском князе. Показательно, что в своей борьбе с бывшим великим князем Новгород опирается на помощь Твери и Москвы. А князья той и другой чувствуют себя в достаточной мере сильными для того, чтобы противостоять великокняжеским притязаниям Дмитрия Александровича.

Союз Москвы с Тверью продолжался и позднее. В 1285 г. тверичи и москвичи вместе с ратью других городов отбили нападение Литвы [53]. Однако спустя три года Даниил выступил против прежнего союзника на стороне великого князя Дмитрия Александровича [54]. Поход на Тверь положил начало тесным союзным отношениям Даниила со старшим братом Дмитрием и сыном последнего Иваном Переяславским. Результатом явилось присоединение Переяславского княжества к Москве в 1303 г.[55]. Конфликт 1288 г. с Тверью закончился миром, и через некоторое время тверской князь Михаил Ярославич примкнул к своим недавним противникам. Трудно сказать, почему сложился именно такой альянс. Во всяком случае можно констатировать, что в конце 80-х — начале 90-х годов XIII в. образовался союз западных княжеств Северо-Восточной Руси, выдвигавших своего претендента на стол великого княжения. Эта княжеская группировка пользовалась поддержкой Орды Ногая [56]. Ей противостояла иная группировка князей во главе с Андреем Александровичем Городецким. Союзниками его были ростовский, ярославский, стародубский и другие князья [57]. Эта группировка опиралась на волжскую Орду [58]. Летописное описание Дюденевой рати, приведенной Андреем против великого князя Дмитрия в 1293 г.[59], ясно свидетельствует о наличии на русском Северо-Востоке двух названных княжеских группировок, боровшихся между собой за Владимирский стол и обладание Новгородом.

При жизни Дмитрия Александровича Даниил Московский играл второстепенную роль в переяславо-московско-тверском союзе. Но после смерти Дмитрия в 1294 г. [60]. Даниил стал во главе этой коалиции.

---

[51] НПЛ, стр. 325.
[52] Там же, стр. 324—325.
[53] ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стлб. 483.
[54] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Пг., 1922, стлб. 34.
[55] ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стлб. 486. При великом князе Михаиле Ярославиче Переяславль отошел, по-видимому, к Владимирскому великому княжению. Перемену политической ориентации московского князя впервые отметил В. Вешняков (см. его работу: *О причинах возвышения...*, стр. 54).
[56] А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 71.
[57] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 78; ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 168—169.
[58] А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 71.
[59] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 82.
[60] ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стлб. 484; Н. Г. Бережков, *Хронология русского летописания*, М., 1963, стр. 121 и прим. 154 на стр. 322.

* * *

Чрезвычайно важное значение для характеристики политической ситуации, сложившейся в Северо-Восточной Руси в первые годы после кончины Дмитрия, имеет приписка к тексту пергаменной служебной минеи XII в. № 161 из Синодального собрания Государственного исторического музея. В свое время текст приписки был опубликован [61], но публикация почему-то прошла мимо внимания исследователей. В последнем описании пергаменных рукописей ГИМ приписка издана вторично [62]. Приводим ее полностью: «В лѣто 6804 индикта 10 при владыцѣ Климентѣ, при посадницѣ Андрѣе съгониша новгородци намѣстниковъ Андрѣевыхъ съ Городища, не хотяще князя Андрѣя. И послаша новгородци по князя Данилья на Мъсквоу, зовоуще его на столъ в Новъгородъ на свою отциноу. И присла князь переже себе сына своего въ свое мѣсто именемь Ивана. А самъ князь Данилии [63]. Того же лѣта поставнша мостъ великыи чересъ Вълхово. А псал Скорень, дьяконъ святыя Софии» [64]. Как явствует из последних слов, приписка сделана новгородским владычным дьяконом Скоренем. События, о которых он писал, произошли между 1 сентября 1296 г. и 28 февраля 1297 г. включительно [65]. Принимая во внимание, что приписка помещена в ноябрьской служебной минее, можно думать, что она рассказывает о событиях ноября 1296 г. Запись свидетельствует об остром конфликте между Новгородом и великим князем Андреем Александровичем [66].

Изгнав Андреевых наместников, новгородцы пригласили на княжение Даниила Московского. Выбор Новгорода Великого знаменателен. Он показывает, что после смерти Дмитрия московский князь выступает соперником великого князя Андрея, что политический вес Москвы в делах русского Северо-Востока значительно вырос. Правящая новгородская верхушка видела в Даниле силу, способную противостоять как внутренним, так и внешним врагам Новгорода Великого. Сам Даниил по каким-то обстоятельствам не смог сразу приехать в Новго-

---

[61] «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», отд. III, М., 1917, стр. 33

[62] М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко, *Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея*, ч. 1, Русские рукописи, — АЕ за 1964 год, М., 1965, стр. 146.

[63] Далее было оставлено чистое место в две строки. Позднее сюда вписали фразу, не имеющую никакого отношения к записи Скореня.

[64] ГИМ, ОР, Синод., № 161, л. 260 об. Мое внимание на эту приписку обратил Б. Н. Флоря, которому приношу сердечную благодарность.

[65] Сочетание 6804 г. и 10 индикта показывает, что 6804 г. — мартовский (см. Е. И. Каменцева, *Русская хронология*, М., 1960, стр. 33—35). Любопытно, что владычный дьякон следовал не византийскому сентябрьскому летосчислению, распространенному в церковных кругах, а мартовскому. Такому летосчислению следовали и составители Синодального списка Новгородской I летописи (Н. Г. Бережков, *Хронология...*, стр. 274). Упомянутый в приписке архиепископ Климент был поставлен на владычный стол 2 августа 1276 г., скончался 22 мая 1299 г. (НПЛ, стр. 323, 329—330). Посадник Андрей — видный новгородский боярин Андрей Климович, в конце XIII — начале XIV в. не раз бывший посадником в Новгороде Великом (В. Л. Янин, *Новгородские посадники*, стр. 166—171). Указание приписки на то, что Андрей был посадником между сентябрем 1296 г. и февралем 1297 г. уточняет данные о времени посадничества посадников конца XIII — начала XIV в. (ср. там же, стр. 168).

[66] Летописи не упоминают о столкновениях правящей новгородской верхушки с великокняжеской властью во второй период княжения Андрея Александровича в Новгороде (см. В. Л. Янин, *Новгородские посадники*, стр. 165). Намек на неприязненные отношения между Новгородом и великим князем Андреем Александровичем содержится в договорной грамоте Новгорода Великого с тверским князем Михаилом Ярославичем (ГВН и П, № 4).

род [67]. Вместо себя он послал туда своего сына Ивана. Это древнейшее свидетельство о политической деятельности будущего Калиты, тогда еще подростка или юноши.

Принятие новгородского приглашения означало для Даниила неизбежный конфликт с великим князем Андреем. Решаясь на него, московский князь, очевидно, рассчитывал не только на свои и новгородские силы, но и на помощь союзников — Твери и Переяславля. Вероятно, и новгородцы, посылая послов к Даниилу, надеялись, что в случае столкновения с великим князем их поддержат дружественные Москве тверской и переяславский князья. Подтверждением сказанному служит договорная грамота о союзе между Новгородом Великим и Михаилом Ярославичем Тверским, опубликованная издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова» под № 4 [68]. На характеристике этой грамоты следует остановиться несколько подробнее.

Ее вместе с другой, напечатанной в том же издании под № 5, все исследователи от Н. М. Карамзина [69] до современных [70] принимают за один договор, дошедший в двух экземплярах, тверском и новгородском, хотя тексты грамот далеко не аутентичны. Основанием для признания грамот № 4 и 5 двумя экземплярами одного договора являлось то обстоятельство, что обе они были скреплены одной печатью [71]. Однако прикреплена печать не совсем обычно [72]. Зеленый шелковый шнур, на котором она привешена, вставлен в надрез грамоты № 4 и завязан узлом. Между тем печати привешивались иначе. Край грамоты, к которой прикреплялась печать, несколько раз подвертывался. Шнур затягивался петлей, а не завязывался. По-видимому, скрепление одной печатью двух грамот не было первоначальным.

Помимо печати, сохранившейся при грамотах, в Древлехранилище имелся еще один экземпляр точно такой же печати, изготовленной в одной матрице с первой [73]. Очевидно, что вторая печать ранее была привешена к одной из грамот Михаила Ярославича, хранившихся в Древлехранилище. К какой же? Кроме грамоты № 5, печати не имеют грамоты, изданные в ГВН и П под № 12 и 13. Эти грамоты были составлены после того, как Михаил Ярославич потерял Владимирское великое княжение, т. е. примерно после середины 1317 г. [74]. К ним должны были быть привe-

---

[67] Н. П. Лихачев опубликовал печать, найденную в Новгороде и определенную им как печать Даниила Александровича Московского (Н. П. Лихачев, *Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*, вып. 1, Л., 1928, стр. 95). Если Н. П. Лихачев прав в своем определении (печать сохранилась плохо), то печать Даниила может рассматриваться как лишнее свидетельство о княжении московского князя в Новгороде.

[68] ГВН и П, стр. 14.

[69] ИГР, изд. И. Эйнерлинга, кн. 1, СПб., 1842, прим. 187 к т. 4.

[70] Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы XIV—XV вв.*, ч. 1, М.—Л., 1948, стр. 266; А. А. Зимин, *О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв.*, — ПИ, вып. V, М., 1956, стр. 307.

[71] В настоящее время грамоты отделены одна от другой. Печать привешена к грамоте, изданной в ГВН и П под № 4 (ЦГАДА, Гос. Древлехранилище, отд. 1, рубр. III, № 4а). Издатели ГВН и П отметили, что еще в 1949 г. грамоты были скреплены одной печатью [ГВН и П, стр. 14 (легенда к грамоте № 4)]. В литографированном воспроизведении грамот П. Иванова с печатью показана грамота № 5 (П. Иванов, *Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданный для воспитанников Межевого ведомства*, М., 1844, л. 3).

[72] В настоящее время следует исходить из характера прикрепления печати к грамоте № 4. Грамота № 5, видимо, оторвалась от грамоты № 4.

[73] Любезно указано В. Л. Яниным. В настоящее время вторая печать хранится в отделе нумизматики ГИМ.

[74] ГБЛ, ОР, ф. 310, № 1254, л. 36 об.; ПСРЛ, т. XV, вып. I, стлб. 37.

шены не великокняжеские печати Михаила, а удельнокняжеские, подобные той, что прикреплены в настоящее время к грамоте № 4 [75].

Ниже будет показано, что грамота № 4 составлена в конце 1296 или в начале 1297 г. Если отделившуюся печать считать снятой с грамоты № 12 или 13, составленных во второй половине 1317 — начале 1318 г., то тогда необъяснимым окажется весьма длительное существование матрицы (более 20 лет), в которой были изготовлены и печать на грамоте конца XIII в., и печать на одной из грамот конца второго десятилетия XIV в.

Поэтому нужно признать, что отделившаяся печать ранее скрепляла грамоту № 5. Это означает, что грамоты № 4 и 5 представляют собой два разновременных договора. Тем самым объясняются и разночтения в текстах обоих документов.

Для поставленной в статье темы важны данные, содержащиеся в грамоте № 4. В этой грамоте тверской князь Михаил Ярославич подтверждал новгородскому архиепископу Клименту, что он «с[ъ бр]атомь своимь съ старѣишимь съ Даниломь одинъ есмь и съ Иваномь» [76]. Исследователи принимали упомянутого в грамоте Ивана за Ивана Дмитриевича, князя Переяславского, и на этом основании датировали грамоту [77]. Но безоговорочное отождествление Ивана грамоты с Иваном Переяславским вызывает возражение, хотя бы потому, что суверенный князь, каким был Иван Дмитриевич, в грамоте лишен всякого титула. Он не назван ни «старейшим братом», ни просто «братом», ни даже «братом молодшим» Михаила Тверского. Это и другие недоумения разрешает запись Скореня. Становится очевидным, что грамота Михаила Тверского имела в виду не Ивана Переяславского, а Ивана Даниловича, замещавшего в Новгороде московского князя. Разъясняется и то, почему в грамоте, адресованной новгородскому владыке, назван Данинл. Последнего новгородцы признали своим князем. Грамота предусматривает также возможность военных действий против Михаила Ярославича великого князя Андрея и ордынских войск и на этот случай содержит требование к Новгороду оказать военную помощь Твери [78]. Возможность стала близка к осуществлению, когда из Орды с татарским войском вернулся на Русь Андрей Александрович, «хотѣ ити на Переяславль ратью да от Переяславля к Москвѣ и ко Тфѣри» [79]. Из приведенных данных следует, что договор между Михаилом Тверским и Новгородом Великим (грамота № 4) был заключен после приезда в Новгород Ивана Даниловича, но до возвращения из Орды великого князя Андрея, в промежутке от ноября 1296 до февраля 1297 года [80]. Таким образом, грамота № 4 отражает события, последовавшие вскоре за приглашением Даннила на новгородский стол и приездом в Новгород Великий Ивана Даниловича. Она закрепила союз новгородцев с Тверью, направленный против великого князя. В то же время грамота содержит

---

[75] Грамоты № 6—11 ГВН и П относятся к периоду великого княжения Михаила Ярославича. Грамоты № 10 и 11 имеют печати Михаила, по типу отличные от той, какой скреплена теперь грамота № 4.

[76] ГВН и П, стр. 14.

[77] Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы...*, стр. 267; А. А. Зимин, *О хронологии...*, стр. 306—307.

[78] ГВН и П, стр. 14.

[79] ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стлб. 484.

[80] Сообщение о приходе Андрея Александровича из Орды с татарским войском Лаврентьевская летопись помещает под 6805 г. ультрамартовским (там же, стлб. 484). Следовательно, великий князь вернулся на Русь между 1 марта 1296 г. — 23 февраля 1297 г. Принимая во внимание время приезда в Новгород Ивана Даниловича, время, нужное для поездки в Орду и возвращения оттуда (около двух месяцев), прибытие Андрея с татарским войском следует отнести к началу 1297 г.

свидетельство еще об одном союзе — союзе между тверским и московским князьями, в котором руководящую роль играл московский князь. Недаром в своей грамоте Михаил признавал Даниила «братомь... старѣишимъ».

Разобранная договорная грамота Михаила Ярославича с Новгородом Великим является, несомненно, важным источником по политической истории Северо-Восточной Руси конца XIII в., указывающим, в частности, на первенствующее место Московского княжества в одном из политических союзов той поры. Однако на основании грамоты было бы ошибкой считать, что союзниками Москвы были только Новгород и Тверь.

Как явствует из уже приводившегося сообщения Лаврентьевской летописи о великом князе Андрее Александровиче, пришедшем на Русь с ордынской помощью и намеревавшемся «воевать» Переяславль, Москву и Тверь, переяславский князь Иван Дмитриевич выступал на стороне Москвы и Твери. Оборона Даниилом и Михаилом Переяславля, который Иван на время своей поездки в Орду поручил «блюсти» тверскому князю [81], лишний раз показывает, что в конце 1296 — начале 1297 г. продолжал действовать тот союз трех князей, который образовался в конце 80 — начале 90-х годов XIII в.[82].

Распря с великим князем Андреем Александровичем кончилась миром. Под угрозой применения татарской силы союзники, видимо, пошли на уступки. Возможно, что уже тогда Даниил вынужден был оставить новгородский стол. Во всяком случае в мае 1299 г. в Новгороде Великом видим князя Бориса Андреевича, сына великого князя [83].

Союз трех княжеств просуществовал до 1300 г. В этом году русские князья «учиниша снемъ у Дмитрова» [84]. Дмитровский съезд явился реакцией на изменение политической ситуации в Орде, где после победы хана Тохты над Ногаем кончилось двоевластие [85]. В Дмитрове тверской князь вышел из тройственного союза. Как сообщает Лаврентьевская летопись, Михаил и Иван Переяславский «не докончали между собою» [86]. Оставив прежних союзников, Михаил пошел на сближение с великим князем Андреем. Начиная со статьи 6809 г. Лаврентьевская летопись постоянно титулует Андрея великим князем, чего раньше не было, а в 1301 г. Андрей Александрович и Михаил Ярославич должны были вместе выступать на стороне Новгорода Великого против Ордена [87].

Через несколько лет союз Михаила с великим князем привел к передаче Андреем по завещанию великокняжеского стола тверскому князю [88].

В изменившихся условиях Даниил Московский едва ли мог с прежним успехом претендовать на стол великого княжения или новгородский стол. Но подготовка к этому велась. После Дмитровского съезда Даниил успешно воевал с Рязанью, присоединил к Москве Переяславль, а его сын Юрий в год смерти отца захватил Можайск [89].

---

[81] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 484.

[82] А. А. Зимин считает, что переяславо-московско-тверская коалиция образовалась на съезде во Владимире в 1296 г. (*О хронологии...*, стр. 307). Это не так. Названная им коалиция образовалась за несколько лет до столкновения 1296 г.

[83] НПЛ, стр. 330.

[84] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 485, под 6809 г. ультрамартовским.

[85] А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 78.

[86] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 486.

[87] Там же. Тверской князь опоздал со своей помощью Новгороду.

[88] ГБЛ, ОР, ф. 310, № 1254, л. 33.

[89] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 486; т. XVIII, стр. 87—88.

* * *

Подведем некоторые итоги. Территориальное и политическое выделение Московского княжества из состава великого княжения Владимирского происходит, по-видимому, не ранее 70-х годов XIII в. Образование Московского княжества являлось частью общего процесса политического развития Северо-Восточной Руси в период, последовавший за татаро-монгольским завоеванием. Показательно, что Московское, Тверское, Белозерское, Костромское, Галицкое и Городецкое княжества, возникшие в этот период, все расположены на периферии Владимиро-Суздальской Руси, охватывая широкой подковой с запада, севера и востока ее центр. Ни на юге, ни в центре Суздальщины не появляется новых княжеств. Такое своеобразное территориальное рассеяние новых политических образований на Северо-Востоке было вызвано походами Батыя и последующими «изгонами» татаро-монголов, с юга вторгавшихся в Северо-Восточную Русь и наносивших удары главным образом по ее издавна обжитому и богатому людскими и материальными ресурсами центру. Естественным следствием таких походов было бегство населения на окраины, в менее доступные для завоевателей места. Там и начинают образовываться новые княжества.

Основатель династии московских князей Даниил Александрович в работах многих дореволюционных авторов рисовался князем-скопидомом, лишенным широких политических взглядов и интересов, князем, который занимался лишь «округлением» своих владений, тем самым постепенно подготовляя будущее величие Москвы. Проанализированный материал заставляет отказаться от этого распространенного мнения. Значение московского князя в политическом развитии Северо-Восточной Руси 80—90-х годов XIII в. стремительно растет. Происходит резкий скачок, когда вставший во главе вновь образованного княжества Даниил Александрович уже через 15—20 лет после своего вокняжения в Москве находит достаточно сил и средств, чтобы вступить в борьбу с Владимирским великим князем и занять новгородский стол — постоянный объект притязаний великокняжеской власти. Такая политическая активность Даниила несомненно основывалась на быстром экономическом росте Московского княжества, притоке сюда населения, которое не только увеличивало число плательщиков дани московского князя, но и становилось грозной военной силой под его знаменами.

Успехи Даниила были бы скромнее, если бы он не пользовался постоянной поддержкой Переяславля и Твери. Союз этих княжеств, во главе которого с середины 90-х годов XIII в. встал московский князь, в течение целого ряда лет был одним из факторов, определявших политическое развитие русского Северо-Востока и способствовавших возвышению Москвы. Его создание стояло в известной связи с начавшимся процессом дробления Золотой Орды, выделением Орды Ногая и установлением двух центров ордынской власти. Только после распада союза в 1300 г. московские князья приступили к «округлению» своих владений за счет территорий соседних княжеств.

Л. В. Милов

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ЗАКОНА СУДНОГО ЛЮДЕМ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ

Закон Судный людем принадлежит к числу наиболее загадочных славянских памятников древней поры. До сих пор идут споры о происхождении Закона Судного людем Краткой редакции. Немного сделано и в области изучения другого памятника — Закона Судного людем Пространной редакции. В наиболее крупных работах дореволюционной историографии Закон Судный Пространной редакции (Н. С. Суворов, Х. Орошаков, Т. Сатурник и др.)[1] традиционно рассматривается как более поздняя славянская (болгарская) компиляция византийского законодательства. Поддерживается эта точка зрения и в некоторых новейших работах (В. Ганев)[2]. Правда, еще Н. С. Суворов в одном из своих трудов по Закону Судному бегло высказал предположение о вероятном появлении Закона Судного Пространной редакции на Руси[3]. Эту гипотезу развил в одной из своих последних работ Михаил Николаевич Тихомиров[4].

В отличие от Н. С. Суворова М. Н. Тихомиров связывал появление Закона Судного людем Пространной редакции с концом XIII — началом XIV в. — периодом, когда согласно наблюдениям М. Н. Тихомирова прослеживается определенная тенденция возрождения древнерусской городской письменности, когда вновь возрождается и кодификационная работа. По мысли М. Н. Тихомирова, Закон Судный людем Пространной редакции представляет собой русский памятник, созданный древнерусскими книжниками на основе переработки славянских переводов византийского законодательства и материалов Библии.

Интересная гипотеза М. Н. Тихомирова о происхождении Закона Судного, памятника «так несправедливо отвергнутого русскими исследователями», осталась, к сожалению, не разработанной.

Одна из объективных причин малой изученности Закона Судного людем Пространной редакции — состояние источников. Дело в том, что от наиболее ранней редакции памятника сохранился лишь один список

---

[1] Н. С. Суворов, *Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права*, Ярославль, 1888; H. Oroschakoff, *Ein Denkmal des Bulgarischen Rechtes (Zakon Sudnyi ljudem)*, — «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», XXXIII, Stulgart, 1916; T. Saturnik, *Příspěvky k šíření byzantského práva u Slovanů*, — «Rozpravy české Akademie ved a umeni», trida I, № 64, 1922.

[2] Венелин Ганев, *Законъ соудный людьмъ*, София, 1959.

[3] Н. С. Суворов, *Следы западно-католического церковного права...*, стр. 153—158.

[4] М. Н. Тихомиров, *Пространные списки Закона Судного людем*, — в кн.: «Закон Судный людем пространной и сводной редакции». Подгот. к печ. М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. Под ред. М. Н. Тихомирова, М., 1961, стр. 13—21.

второй половины XIV в. Остальные списки, во-первых, датируются XV—XVI вв., во-вторых, они сохранили лишь позднейшие редакционные переработки памятника [5]. Вот почему достоин внимания обнаруженный нами в одной из Кормчих Егоровского собрания список Закона Судного людем Пространной редакции, принадлежащий, по-видимому, к наиболее раннему Пушкинскому изводу. К сожалению, список дефектный: он не содержит начальной части текста. Кроме того, он датируется весьма поздним временем — последней третью XVI в. Однако это не помешало ему сохранить основные черты наиболее ранней редакционной обработки. «Наша старинная письменность,— писал И. И. Срезневский,— богата примерами того, что списки позднейшие гораздо важнее древнейших как более или менее верные копии с очень древних изводов, не сохранившихся в подлиннике» [6].

Кормчая, в которой содержится интересующий нас список, фигурирует в академическом издании Русской Правды как Егоровский III список (ГБЛ, собр. Егорова, № 254) [7]. Это рукопись в лист, на 558 пронумерованных листах, имеет счет тетрадей по 8 листов в каждой (всего 71 тетрадь). Тетради 32 и 41 по 7 листов. Листы 556—558 в счет тетрадей не входят. Рукопись написана полууставом двумя основными почерками (1-й почерк — лл. 1—412 об., 517 об.— 556, 2-й почерк — лл. 412 об.— 517). Кроме того, на лл. 476—476 об. и 556 об.— 558 две вставки беглым полууставом, переходящим в скоропись, конца XVI — начала XVII в. Вставки представляют собой тексты посланий митрополита Макария новгородскому архиепископу Пимену. Водяные знаки датируются 70-ми годами XVI в. (№ 1936, 1937 у Н. П. Лихачева и № 1940 у Брике). Текст Закона Судного людем Пространной редакции расположен на лл. 465 об.— 472. Данное обстоятельство привлекает особое внимание, так как это первый из списков Пространного Закона, который дошел до нас непосредственно в составе Кормчей книги. Все известные до сих пор списки Пространного Закона сохранились лишь в составе юридических сборников в приложениях к летописям и тем же кормчим книгам. Вполне естественно, что подобный факт требует более внимательного разбора как самой Кормчей, так и того окружения, в котором сохранился текст Закона Судного людем Пространной редакции.

Интересующая нас Кормчая, как и многие Кормчие XVI столетия, очень сложна по своему составу. Ее компилятивность бросается в глаза даже на беглом обзоре статей. Единая нумерация глав оканчивается на 68-й главе «Никиты мниха пресвитера о пресноцех» (л. 375), следующая за ней глава «О фрязех и прочих латинех» (л. 379) уже имеет номер 36-й, причем эта пагинация идет лишь до 45-й главы («Юстиниана цесаря шестого собора»), а далее сразу же обозначена глава 70 («Сказание известно и хитро о чювствах телесных»). Следующая, 71-я глава обозначена лишь через 35 листов. За ней следует неполное оглавленне всей Кормчей, затем две почти чистые страницы и глава 74-я («Федора Студита о останцех»), далее счет продолжается до последней главы книги (глава 93 — «Сказание Епифания о пророцех»).

В академическом изданни Русской Правды Егоровская Кормчая № 254 охарактеризована как Кормчая Новгородско-Софийского вида.

---

[5] В публикации текстов Пространного Закона Судного все списки разделены на две редакции: пространную и сводную. Пространная редакция имеет два извода — Пушкинский и Археографический. Сводная редакция делится на Летописный извод и Троицкий. См. «Закон Судный людем пространной и сводной редакции». Далее все ссылки в тексте даются на это издание.

[6] «Известни Академии Наук», отд. русск. яз. и словесности, т. II, СПб., 1853, стр. 157.

[7] «Правда Русская», т. I, Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1940, стр. 144.

Однако это не вполне верно. Дело в том, что эта Кормчая скроена из двух разных по типу. Первая ее часть до мелочей совпадает с Чудовской Кормчей 1499 г. (Чуд. собр. № 167), которую М. Н. Тихомиров считал образцом особого типа Кормчих, появившихся, видимо, в конце XV в. Речь идет о так называемых «Кормчих в соединении с Мерилом Праведным» [8]. В наших хранилищах от конца XV — начала XVI в. есть несколько таких сборников (Троице-Серг. собр. № 205 и 206, Уварсобр. № 560, Соловец. собр. № 414 и др.).

В Егоровской Кормчей совпадают с составом Кормчих указанного типа первые 65 глав (гл. 65 «Поучение епископле к иереом»), т. е. более половины текста (лл. 1—368 об.).

Что же касается второй части, то состав ее очень сложен, а выяснение его затрудняют неоднократные нарушения в последовательности статей. В конечном счете обнаруживается, что основная масса статей этой части Егоровской Кормчей совпадает, правда не в прямой последовательности, со второй частью Кормчей 1519 г. из Соловецкого собрания (№ 415) [9]. В академическом издании Русской Правды эта Кормчая отнесена В. П. Любимовым к типу Новгородско-Софийских. Это справедливо лишь по отношению к первой части, в то время как вторая (впрочем, это бывает довольно часто) носит в значительной мере индивидуальный характер.

Из почти двухсот листов Егоровской Кормчей (лл. 371 об. — 558) с составом Соловецкой Кормчей № 415 совпадает ряд больших комплексов статей. Это, во-первых, лл. 375—425 об. (с главы «Никиты инока пресвитера о пресноцех», следующей за ним главы 36 «О фрязех и прочих латинех» и до главы 45 «Юстиниана цесаря шестого собора»). Хотя первая из глав упомянутой группы имеет номер 68, а не 35, однако, все остальные статьи этой группы имеют ту же нумерацию, что и соответствующие статьи Соловецкой Кормчей № 415.

Второй большой комплекс статей, совпадающих со статьями Соловецкой Кормчей № 415, расположен в заключительной части (лл. 477—558). Это главы 74—93 (гл. 74 «Преподобного Федора Студита о останцех» и глава 93 «Епифания сказание о пророцех»). В Соловецкой Кормчей № 415 точно совпадает не только порядок глав и их нумерация, но даже мелкие ненумерованные статьи (л. 517 об., «о рнзах архиереовых первого закона»; л. 526 об., «В ту же меру от новаго закона о черницех» и т. п.). Однако в отличие от Егоровской Кормчей Соловецкая Кормчая № 415 не оканчивается статьей «Епифаниево сказание о пророцех». В ней далее следуют: «Никифора патриарха о епископех», затем глава 94 «Речь жидовскаго языка» и ряд статей, перечень которых уместно здесь привести:

«Седящим святим патриархом в месте своем святыя Софни», «Вопрос о святых божественных агницах», «Веднте же се яко да никто же», «Феодоритово, како подобает крестити», «О святых пречистых икои Германа патриарха». Здесь Кормчая № 415 заканчивается, и этот конец сугубо индивидуален (в близких к ней по составу, например в Кормчей Царского № 215, конец связан с указанной выше 94 главой и отрывком из Никифора Исповедника).

Таким образом, из всего содержания Егоровской Кормчей, не считая четырех небольших статей на лл. 371 об.— 373 об., остался неразобранным лишь ее фрагмент на лл. 437—475. Именно здесь и помещены

[8] М. Н. Тихомиров, *Исследование о Русской Правде*, М., 1941, стр. 106—113.

[9] Кормчая подробно описана в «Описании рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии», ч. II, Казань. 1885. Хранится рукопись в ГПБ, ОР.

два текста Закона Судного людем: Краткая, точнее, Особая редакция ЗСЛ — на лл. 448—454 и Пространная редакция ЗСЛ — на лл. 465 об.— 472.

Причудливое переплетение статей, среди которых обнаружены тексты ЗСЛ, открывает текст «Сказания известно и хитро о чювствех телесных», обозначенное главой 70, заключает же отрывок «О черноризцех правило... Глава 71». Все, что помещено между ними, представляется нам позднейшей вставкой, ибо в новгородской Синодальной Кормчей 1280 г. и, что особенно важно, в Соловецкой Кормчей № 415 указанные тексты идут подряд с той только разницей, что в Соловецкой Кормчей № 415 главой 70 является «Правило Кирилла митрополита русьского», далее без обозначения главы следует «Сказание о чювствех телесных» и, наконец, № 71 обозначены «О черноризцех правила».

Эту вставку между главами 70 и 71 Егоровской Кормчей можно разбить на три совершенно независимые друг от друга группы. Первая из них составлена из статей: «Избрание из Законов Моисеевых», Особая редакция Закона Судного людем и «Толк Козьмы Халкидонского». Это издавна сложившийся комплекс статей 23-й главы Новгородской Синодальной Кормчей, Варсонофьевской Кормчей, многих Кормчих Новгородско-Софийского вида. В Егоровской Кормчей текст явно не на месте. Причем редактор-переписчик поставил в заголовке «Избрания» из законов Моисеевых сразу два номера: на полях стоят киноварные 24, в конце же заголовка — «глава 94». Последняя нумерация скорее тянет к нумерации «Кормчих в соединении с Мерилом Праведным», где «Избрание» стоит под № 101, а Закон Судный людем — под № 102 [10]. Но вероятнее всего, текст данных статей списан не с «Кормчей в соединении с Мерилом Праведным», легшей в основу первых 368 листов Егоровской Кормчей, а с Соловецкой Кормчей № 415, где «Избрание» вместе с Законом Судным людем из-за недочетов нумерации обозначены так же, как и в Егоровской Кормчей, номером 24.

Вторая группа вставленных статей (лл. 455 об.— 465) представляет собой буквальное повторение текста, которым оканчивается Соловецкая Кормчая № 415 (перечень их приведен выше). Это статьи, начиная с текста «Седящим святым патриархом» и кончая текстом «О святых пречистых икон Германа патриарха». Наконец, третья группа — интересующий нас текст Пространной редакции Закона Судного людем, начинающийся с заголовка «О поучении».

Весь ход наших рассуждений при анализе происхождения статей Егоровской Кормчей убедительно показывает, что решительно все статьи находят аналогии в исходных текстах либо «Кормчих в соединении с Мерилом Праведным», либо в Кормчих Новгородско-Софийского вида. Исключением служит только статья «О поучении» и следующие за ней статьи Пространной редакции ЗСЛ. Предположение о взаимной связанности этого текста с примыкающей группой статей на лл. 455 об.— 465, которая завершается текстом «О святых пречистых икон Германа патриарха», легко опровергнуть. Как уже указывалось, данная группа статей является индивидуальной концовкой Кормчей Соловецкого собрания № 415, а в Соловецкой Кормчей текста Закона Судного людем

[10] Объяснение возможно свести и к тому, что № 94 — это номер последней главы многих Кормчих Новгородско-Софийского вида (на 94-й главе кончается, например, Кормчая Царского № 215), да и сама Егоровская Кормчая завершена главой 93, а «Избрание» с Законом Судным людем, попавшие случайно в середину текста, имеют тем не менее № 94. Возможно, что эти статьи и должны были стоять в конце, ибо в древнейшей Кормчей Новгородско-Софийского вида (Софийское собрание № 1173) Закон Судный людем и «Избрание» пропущены в тексте и стоят в конце книги (лл. 424—428).

вовсе нет. Следовательно, никакой преемственной связи между ними и текстом Пространной редакции Закона Судного людем не существует. Между тем можно считать, что статьи второй части Егоровской Кормчей списаны именно с оригинала Соловецкой Кормчей 1519 г. (№ 415). Доказывается это демонстрацией прямых повторений в Егоровской Кормчей дефектов Кормчей Соловецкого собрания.

В изучаемой нами Егоровской Кормчей из-за того, что она составлена (и довольно небрежно) из Кормчих двух различных типов, многие статьи повторены дважды. Так, дважды встречаются такие тексты, как «Толк божественной службы» (лл. 342 об. и 508), «Василия Великого толк священнического чина» (л. 360 об. и л. 505), «Правило иереом» (л. 362 и л. 519), «Егда стоит новосвященный поп» (л. 365 и л. 500 об.), «Толк апостольстей соборней церкви» (л. 339 и л. 506 об.) и т. д. Среди них повторены и такие статьи, как «Вопрошание Кириково» (л. 316 и л. 477 об.) и «Правила Кирилла митрополита русьского» (л. 331 и л. 485). Последние две статьи механически разделены каждая на две и в Соловецкой Кормчей 1519 г. Разница заключается лишь в том, что в Соловецкой Кормчей они разделены из-за каких-то дефектов при переписке. Здесь с л. 369 об. начинается «Вопрошание Кириково», но только до слов «а смердов деля помолвих иже по селам живоуть, а покаются у нас, ож от друзии». Текст со слов «ядят вѣ веричиу» и далее отсутствует. Вслед за этим в Соловецкой Кормчей дано окончание «Правила Кирилла митрополита русьского». На л. 385 об. продолжено «Вопрошание Кириково», вслед за ним следуют «Правила Кирилла» без окончания. В Егоровской Кормчей на лл. 316—337 даны совершенно полные тексты и «Вопрошания Кирикова», и «Правил Кирилла», так как даны они по тексту «Кормчих в соединении с Мерилом Праведным». Во второй же раз они даны точно по тексту Соловецкой Кормчей 1519 г., следовательно, «Вопрошание Кириково» на л. 477 об. идет без начала (со слов «ядят вѣ веричину»), а на л. 485 «Правила Кирилла» — без конца. Больше того, в Соловецкой Кормчей 1519 г. (№ 415) разорвано изложение Студийского устава. Точно таким же образом оно разорвано и в Егоровской Кормчей. Следовательно, Кормчая 1519 г. (№ 415) является непосредственным источником второй части Егоровской Кормчей. А раз это так, то текст статей Пространной редакции Закона Судного людем полностью изолирован, т. е. он попал в Егоровскую Кормчую конца XVI в. непосредственно в результате работы редактора-переписчика из какого-то другого источника. Таким образом, снова подтверждается вывод о том, что Пространная редакция Закона Судного не входила в состав собственно Кормчих книг.

Каков же источник, откуда Егоровский список попал в конечном счете в Кормчую?

В ответе на этот вопрос поистине замечательную услугу нам оказывает случайно попавшая в текст Егоровского списка Закона Судного вставка «О судной и бессудной грамоте». Она следует непосредственно вслед за статьей «О вражды»:

«Аще кто того утяжеть, то имати под соуднои грамоти сребро с веса без 10 золотникъ рубль а по бесуднои грамотѣ... О грамоте» [11].

Этот не имеющий непосредственного отношения к Закону довольно испорченный текст может привести нас лишь к загадочной вставке «О точном серебре» в одном из списков XIV в. Договора Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. Точнее, следует говорить не о списке Договора 1229 г., а о сборнике, в котором он помещен. В этом широко-

[11] ГБЛ, ОР, собр. Егорова, № 254, л. 467 об. (далее — Егоровская Кормчая).

известном сборнике, принадлежавшем Мусину-Пушкину, текст «О точном серебре» несколько шире, так как начало его содержится в заключительных строках «Избрания из Законов Моисеевых». Вот как он выглядит:

«А что по судиуи грамотѣ по утягальной, а то точное серебро без 10 золотник.

А что ся в кое время начнет дѣяти, то утверживаите грамою да быша ся не забывали. Познаите и память держите нынешнеи. И по сем времени будущии. Тако же и по бесъсудной грамоте точное серебро без 10 золотникъ. А взяти с веса. А грамота судная и безсудная то томо же серебру по точному без 10 золотник» [12].

Вся выдержка, если исключить подчеркнутые фразы, являющиеся вступленнем к Смоленскому договору, четко делится на две самостоятельные части, причем вторая повторяет то же самое лишь в несколько иной формулировке («А грамота судная...»). М. Н. Тихомиров в своем «Исследовании о Русской Правде» высказал предположение, что составитель Пушкинского сборника нашел текст «О точном серебре» в виде приписки и вставил ее в текст не вполне удачно. То обстоятельство, что во вновь найденном Егоровском списке Закона текст «О серебре» вставлен также невпопад, подтверждает это предположение. Видимо, в протографе Егоровского списка этот текст был помещен на полях рукописи. Однако, не предугадывая смысла вставки и ее места, отметим, что сходство ее с текстом вставки «О точном серебре» сборника Мусина-Пушкина, несмотря на дефекты, вполне очевидно. А это делает весьма вероятным предположение о происхождении Егоровского списка в конечном итоге из сборника, подобного сборнику Мусина-Пушкина XIV в. В пользу только что высказанного соображения есть и другие аргументы. Среди них в первую очередь надо упомянуть принадлежность Егоровского списка именно Пушкинскому изводу, а не Археографическому, который также сохранился в составе Юридических сборников при летописях и кормчих. Из сопоставления текстов следует, что все основные особенности редакторской обработки Археографического извода Закона Судного людем чужды статьям Егоровского списка. И, наоборот, основные характерные черты Пушкинского списка свойственны Егоровскому. Так, в частности, в Пушкинском и Егоровском списках статьи «О волѣ», «О глаголании», еще раз «О волѣ» и «О скотѣ» идут подряд, с той лишь разницей, что в Пушкинском списке две последние объединены [13]. Во всех же списках Археографического извода последняя из них статья «О скотѣ» отделена от трех предыдущих статьями «А се о пьсѣ», «А се о похваленьи» и в свою очередь слита в одно целое со статьей «О враждѣ («О скотѣ и о враждѣ») [14]. Далее, в списках Археографического извода статьи «О разбойницех», «О клятве» и «О клевете» слиты в одну, — в Егоровском и Пушкинском списках они даны самостоятельно [15]. Точно так же обстоит и со статьями «О послушанин» и «О попе» [16]. Наконец, во всех списках Археографического извода есть лишь начало статьи «О ризе» («Иже ризу заложить»), в Егоровском и Пушкинском списках она дана полностью [17]. В отличие от списков Археографического извода в Егоровском списке Закона Судного статья «О мертвеци» перенесена, как и в Пушкинском, в самый конец

[12] «Русские достопамятности», ч. II, М., 1843, стр. 239, 246.

[13] «Закон Судный людем пространной и сводной редакции», стр. 39; Егоровская Кормчая, л. 467 (см. Приложение).

[14] «Закон Судный людем...», стр. 68.

[15] Там же, стр. 70, 40; Егоровская Кормчая, л. 468.

[16] Там же, стр. 69, 39; Егоровская Кормчая, л. 467 об.

[17] Там же, стр. 72, 41; Егоровская Кормчая, л. 469—469 об.

памятника [18]. Общность Пушкинского и Егоровского списков доказывается также и множеством более мелких, но характерных отличий от списков Археографического извода. Среди них, например, употребление термина «теперь», который в Археографическом изводе заменен глаголом «бить». Статья «О судиахъ» в Пушкинском и Егоровском списках начинается словами: «Но все достоить», в то время как в списках Археографического извода начало иное: «А се ведати достоить» [19]. В Пушкинском и Егоровском списках название статьи о телесном наказании рабов обозначено примерно одинаково («Оударивѣ око» — в Пушк., «О ударении ока» — в Егор.), но заголовок списков Археографического извода резко отличен («Иже оударить въ око или в зуб раба») и т. д. [20]. Число подобных примеров легко умножить, но, думается, что из приведенных сопоставлений принадлежность Егоровского списка именно Пушкинской ветви вполне очевидна.

М. Н. Тихомиров назвал Пушкинский список Закона Судного людем уникальным. Теперь таких списков два, хотя вновь найденный Егоровский список неполон и содержит примерно 60% общего объема. Как уже упоминалось, Егоровский список датируется примерно концом XVI в., но свое происхождение он ведет от сборника того же содержания, что и сборник XIV в., принадлежавший Мусину-Пушкину. Больше того, текстологическое сопоставление Егоровского списка Закона Судного людем и списка Пушкинского показывает, что в ряде мест Егоровский список донес до нас более верные чтения, чем Пушкинский список XIV в. Обратимся к примерам. В статье «О мщате» Пушкинского списка из-за порчи протографа фигурирует домысел писца — «смущаеть» [21]. В Егоровском списке чтение более точное — «съ мщатемъ» (л. 467 об.). В той же статье по тем же причинам в Пушкинском списке стоит «обльиному», а в Егоровском — «области иному» (л. 467 об.). В Пушкинском списке отражено множество писцовых описок, исправить которые, не имея под руками точного текста, было невозможно. В Егоровском списке эти чтения более верные. Например, в статье «О ослятѣ» в Егоровском — «в суди его, все слово криваго» (л. 469 об.), в Пушкинском — «в судѣ его всего слова его». В статье «О ризе» в Егоровском — «въ чемъ ему» (л. 469 об.), в Пушкинском — «в чему», в статье «О умираньи» (второй ее части) в Егоровском — «от работы въ слободу» (л. 470 об.), в Пушкинском — «от работы въ своду», в той же статье, в первой ее части, в Егоровском — «да ся все сиротамь» (л. 470 об.), в Пушкинском — «дасть все ротою», в статье «О повѣси» в Егоровском — «погребете и въ тои день» (л. 470), в Пушкинском — «погребете въ дѣь». В статье «О поклажеи» в Егоровском — «всеположение дружне» (л. 469), в Пушкинском — «всепожение дружне». Коснемся, наконец, и более существенных изъянов Пушкинского списка. К их числу относится дефект в статье «О послушании» («Попъ иже бывает за 12 мужа»), которая в Егоровском списке читается правильно («Попъ же бывает в послушествѣ за 12 мужа») [22]. Искажает смысл и пропуск в статье «О умирании» Пушкинского списка: «Аще есть поручникъ о собе самъ ся творя приимъ, строя домъ оумершаго, ти что погубить, то возметь на судищи казнь...» [23]. Конец этой фразы читается в Егоров-

[18] «Закон Судный людем пространной и сводной редакции», стр. 65, 43; Егоровская Кормчая, л. 471.

[19] Там же, стр. 38, 67; Егоровская, Кормчая, л. 466.

[20] Там же, стр. 40, 71; Егоровская Кормчая, л. 468.

[21] Здесь я далее по Пушкинскому списку — см. «Закон Судный людем...», стр. 40, 47, 42, 41.

[22] «Закон Судный людем...», стр. 39.

[23] Там же, стр. 42.

ском списке следующим образом: «...ти что погубить женѣ и дѣтемъ, то да възметь на судищи казнь...». Таким образом, вполне ясно, что Егоровский список восходит в конечном счете к протографу Пушкинского списка.

Теперь вполне уместно выяснить еще одно обстоятельство, связанное с характеристикой Егоровского списка Пространной редакции Закона. Мы уже упоминали, что вновь найденный список Закона Судного людем Пространной редакции неполный. В нем отсутствует начало (примерно 40%) статей. В то же время несколькими листами выше в Кормчей помещен Закон Судный людем Краткой редакции, содержащей отсутствующие в Пространном Законе статьи. Точнее, это не Краткая, а Особая редакция Закона, так как текст ее имеет добавочные статьи [24]. На первый взгляд, казалось бы, логично предположить, что налицо две части одного и того же памятника. Однако это не так. Во-первых, как мы уже убедились, анализ характера статей, окружающих Закон Судный Краткой, точнее, Особой редакции, свидетельствует о том, что этот текст взят из Кормчей Новгородско-Софийского вида. Во-вторых, текст Краткого Закона Особой редакции отличается от начальной части Пушкинского извода Закона Судного людем Пространной редакции. Как будет видно из последующего текста, это важный аргумент для доказательства непричастности друг к другу текста Краткого Закона на лл. 448—454 и Пространного Закона на лл. 465 об.— 472.

В несходстве Краткого Закона Особой редакции с Пушкинским изводом убеждает сопоставление текстов.

«Преже всякыя правды достоино есть о б[о]жии правдѣ г[лагола]ти» (л. 448).	«Преже всякои правдѣ подобно есть о б[о]жии вере г[лагола]ти» (л. 22 об.).

Разумеется, от списков, отделенных друг от друга почти двумя столетиями, нельзя требовать буквального совпадения. Однако здесь много принципиальных различий. К ним принадлежит, в частности, отсутствие в Пушкинском списке широко известных разделов о епитимийных наказаннях и присутствие их в Егоровском списке Краткого Закона Особой редакции. Сравниваемые части списков расходятся и в местоположении статьи «О послусех». В Пушкинском списке она следует после статьи «О жене», в Егоровском же списке Краткого Закона Особой редакции она стоит сразу же после второй главы (как в Устюжском списке Краткого Закона). Наконец, основное доказательство несходства — Закон Судный Особой редакции и неполный список Пространного Закона имеют в Егоровской Кормчей совпадающий или общий текст. Самое любопытное заключается в том, что при сопоставлении обнаруживаются совершенно разные редакции обоих текстов. Вот они:

Особая редакция	*Пространная редакция*
«...во время е да фарисѣи вопросиша Х[рист]а б[о]га нашего аще достоить на всякъ грѣхъ отпущати жену свою» (453—453 об.).	«...въ оно время егда въпросиша фарисѣи г[оспод]а нашего И[су]са Х[риста] б[о]га нашего аще достоить ч[елове]коу во всякои вине пустити жену свою (л. 466) ...тем же в число нарицающа законом вещей ихъ же ради разлучается маложена».

[24] «Закон Судный людем пространной и сводной редакции». Приложение.

«Тѣм же в число нарицающе закономъ вещи их же дѣля разлоучаетася малжена разлоучается моуж от жены своея за таковый грѣх и аще обличатся проказоу дѣющи животоу его или ины кыя злобы ю моужу ощишоу не исповѣсть да емоу» (л. 453 об.).

О томъ же. Разлучаетъ бо си от своего мужа и за сия грѣхы блуда ради, аще обличится, проказы дѣющи животу его сведущи иного мужа кромѣ своего и мужъ оцищь и запрети ему и женѣ своеи» (л. 466).

Таким образом, из сказанного вытекает, что тексты Закона Судного людем, помещенные на лл. 448—454 и 465—472, ничего общего между собой не имеют. Один из них составляет Особую редакцию Краткого Закона Судного людем, другой — является неполным списком Закона Судного Пространной редакции, восходящего в итоге к протографу Пушкинского списка Закона.

Был ли протограф Егоровского списка а составе сборника, аналогичного сборнику Мусина-Пушкина? Видимо, да. Это предположение опирается лишь на одно обстоятельство — присутствие в тексте Егоровского списка Закона Судного уже упоминавшейся вставки «О точном серебре». Прежде всего о смысле этой вставки. В том виде, как она была в Пушкинском списке Закона Судного, вставка загадочна (взять «точное» серебро без 10 золотников). По мнению первого издателя сборника Мусина-Пушкина — Д. Дубенского, данная вставка в текст имела в виду величину лигатуры по отношению к чистому серебру [25]. В этом же плане понимал запись «О точном серебре» и П. В. Голубовский, считая ее неофициальной припиской, адресованной княжеским чиновникам-весцам, производившим взвешивание серебра при его продаже и покупке [26].

Думается, что подобная версия неудовлетворительна, ибо не вполне увязана со смыслом текста. Начнем со значения термина «точное». Д. Дубенский понимает его как «равное». Но невольно напрашивается вопрос, чему же оно «равное»? Видимо, «точное серебро», взятое «с веса» (т. е. равновесное), должно быть «равным» по своему качеству, т. е. единой пробы. Что же означают слова «без 10 золотников»? Здесь, на наш взгляд, многое объясняет вариант из Егоровского списка, где сказано «имати по судной грамоте серебро с веса без 10 золотник рубль». Таким образом, речь должна идти, видимо, о размере какого-то взимания. Второе возражение по поводу трактовки текста «О точном серебре» как статьи о пробе серебра сводится к тому, что в ее тексте речь идет о взимании судебных пошлин, а не о продаже и покупке серебра: «А что по *судной грамоте* по *утягальной»* («Тако же и по бесъсудной грамоте»). В тексте Егоровского списка это место, вероятно, сохранилось в более точном виде: «Аще кто того утяжеть, то имати по судной грамоти сребро с веса без 10 золотникъ рубль, а по бесудной грамотѣ...» (конец оборван). Интересно, что этому чтению есть в некотором смысле аналогия в Новгородской судной грамоте: «А кто кого утяжеть в татьбе с поличным или в розбое, или в грабежи, или в поголовщине, или в холопстве, или от полевой грамоты, ино взять судьям от судной грамоты 4 гривны, а от бесудной 2 гривны» (ст. 33) [27]. Сходство очень сильное, хотя в Егоровском тексте нет упоминания о видах тяжбы, нет

---

[25] «Русские достопамятности», ч. II, стр. 274—275.

[26] П. В. Голубовский, *История Смоленской земли до начала XV столетия.*

[27] «Памятники русского права», вып. 11, М., 1953, стр. 216, 213. См. также текст ст. 8 и в Псковской судной грамоте ст. 82: «А княжой писец имет писати судницу о земли-ино ему от судници взять 5 денег, а от позовницы денга, а от печати денга, а от безсудной и от приставной, все то им имати по денги» (там же, стр. 296).

и размера взимания с «бессудной грамоты»[28]. Эта аналогия дает основание предполагать, что отрывок из Егоровского списка Закона Судного является фрагментом какого-то законодательного положения о сборе пошлин, впоследствии нашедшего отражение в Новгородской судной грамоте. В такой трактовке статья «О серебре» созвучна и общему заголовку Пушкинского сборника: «Судъ Ярослава князя П. Оустав о всяцихъ пошлинах и о оуроцехъ».

Неудачное место расположения этой статьи, вторгнувшейся в текст Закона Судного, не должно смущать. В книгописной практике Древней Руси новые юридические установления (да и не только новые) иногда оказывались вписанными на место пропуска какого-либо текста[29]. Не случайно и в Пушкинском сборнике этот текст (правда, в иной редакции) оказался в конечном счете на стыке двух самостоятельных разделов — «Избрания из Законов Моисеевых» и Смоленского договора.

Изложенная трактовка статьи «О серебре» свидетельствует о том, что она не имеет никакого отношения к тексту «Договора Смоленска с Ригою и Готским берегом». В целом это было ясно и раньше, но наиболее четко представляется после недавно проведенной В. А. Кучкиным датировки всех известных списков смоленско-рижских договоров[30]. Для конца XIII — первой половины XIV в. действующими списками, заверенными княжескими печатями, были списки *A*, *B* и *C* готландской редакции. Пушкинский список второй половины XIV в. (список *F* рижской редакции) далек от них и является неофициальной новгородской копией с устаревшего списка *E* середины XIII в. Итак, текст «О серебре» дает право утверждать, что протограф Егоровского списка Закона Судного входил в сборник, послуживший протографом сборнику Мусина-Пушкина. Труднее решить вопрос о составе предполагаемого сборника.

Характеризуя историю текста Пушкинского сборника, М. Н. Тихомиров подчеркивал обилие грубых описок во всех его основных частях. Это дало М. Н. Тихомирову основание предполагать, что Пушкинский сборник списан с идентичного по содержанию, но явно дефектного экземпляра. Дальнейшие изыскания привели М. Н. Тихомирова к выводу, что в основу Пушкинского сборника в конечном счете лег сборник, содержавший: 1) Русскую Правду Пространной редакции, 2) Закон Судный людем Пространной редакции и 3) Устав Ярослава о мостех.

Этот же сборник также лег в основу юридического сборника из Археографического списка Новгородской первой летописи и ряда других юридических сборников в приложениях к летописям и Кормчим книгам. Последнее предположение М. Н. Тихомирова основывалось на сопоставлении текстов Пушкинского и Археографического изводов. Но, как известно, текст Пушкинского извода дефектный. Поэтому весьма важно включить в это сопоставление новый Егоровский список.

Сравнение Пушкинского и Егоровского списков Закона Судного Пространной редакции с Археографическим списком прежде всего подчеркивает теснейшую зависимость Егоровского и Пушкинского списков. Кроме того, подтверждается и наличие в Археографическом списке Закона ряда более ранних и более верных чтений. Можно начать хотя бы

---

[28] Правда, взимание, отмеченное в тексте «О серебре», по расчету Новгородской судной грамоты, втрое больше 4-гривенного сбора.

[29] Примером может служить, в частности, вставка статьи «О уставлении татьбы» в текст выборки из Эклоги, носящей название «Леона и Константина вѣрныя царя», помещенной в Троицком списке Мерила Праведного (см. Л. В. Милов, *К истории древнерусского права XIII—XIV вв.*, — АЕ за 1962 год, М., 1963, стр. 55—56).

[30] См. отзыв В. А. Кучкина на великолепное новейшее издание «Смоленских грамот», подготовленное Т. А. Сумниковой и В. В. Лопатиным (В. А. Кучкин, *О Древнейших смоленских грамотах*, ИСССР, 1966, № 3).

с того, что в статье «О скотѣ» Пушкинский и Егоровский списки повторяют одну и ту же ошибку: «Аще... скотъ в нощи проломляет плоды» — л. 467 (в Пушкинском — плоды), в то время как а Археографическом списке мы найдем более верное чтение — «плоты» [31]. В статье «О сварѣ» в Егоровском списке явно испорченное чтение: «ти пришедше жена его едина ею оттять, единаго ею от руку убивающаго» (л. 470). Редактор-писец Пушкинского сборника явно пытался исправить этот нарушенный повторениями и пропусками текст: «ти пришедъши жена единого ею от руку оубивающего», выкинув (а может и пропустив) слова «его едина ею оттять» [32]. В Археографическом списке и ему подобных имеется более верное чтение: «то пришедши жена единого ею от[ъ]ятъ моужа своего от руку оубивающяго» [33]. Еще один пример из статьи «О умираньи» В Пушкинском списке в тексте статьи есть также явно дефектное (из-за пропуска) место: «Аще есть поручникъ о собѣ самъ ся творя принмъ строя домъ оум[е]ршаго, ти что *погубить*, то возметь на судищи казнь...» [34]. В Егоровском списке пропуск частично восстановлен: «Аще есть поручьник о собѣ, самъ ся творя приимъ, строя домъ умершаго, ти что *погубить женѣ и дѣтемъ*, то да възметь на судищи казнь...» (л. 470 об.). Наконец, в Археографическом списке этот текст выглядит, на наш взгляд, наиболее верно: «аще ли есть пороучникъ о собѣ сам ся творя принмъ строить оумершаго домъ, то что *погоубить от имѣния женѣ и дѣтемъ*, то да возмет на соудищи казнь...» [35].

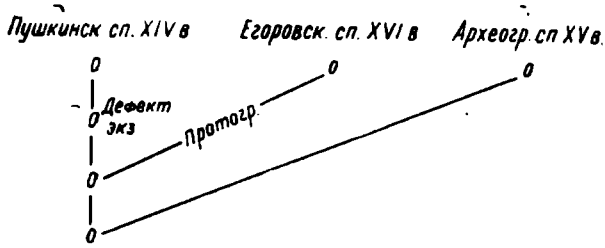
Таким образом, наличие в Археографическом списке Закона Судного людем ряда чтений, более верных и более ранних, чем в Егоровском и Пушкинском, дает нам основание подтвердить вывод о существовании протографа Археографического списка более раннего, чем протографы и Пушкинского и Егоровского списков [36]. Следовательно, общий вид сборника, куда входил протограф Егоровского списка, мог быть сложнее сборника трехчленного состава. В нем уже были какие-то постановления о сборе судебных пошлин, в частности, касающиеся составления судных и бессудных грамот. Возможно, в нем было уже «Избрание из законов Моисеевых», поскольку в позднейшем Пушкинском сборнике второй половины XIV в. текст статьи «О серебре» дан сразу же после «Избрания». Что касается соотношения списков Закона Судного людем Пространной редакции и их протографов, то в итоге оно может быть выражено следующим образом:

---

[31] «Закон Судный людем пространной и сводной редакции», стр. 39, 69.
[32] Там же, стр. 42.
[33] Там же, стр. 74.
[34] Там же, стр. 42.
[35] Там же, стр. 74—75. Вывод о более верном чтении относится только к прокурсивленным словам, не более.
[36] Сопоставление текстов не обнаружило ни одного случая, где бы более раннее чтение содержалось в одном лишь Егоровском списке. Точнее, во всех случаях, когда в Пушкинском и Археографическом списках чтения единые и отличаются от Егоровского списка, речь идет о позднейших искажениях Егоровского списка. Наиболее труден для решения вопроса лишь один отрывок из статьи «О женѣ» (Археограф. «О отпущеяе женѣ»).

В Пушкинском и Археографическом	*В Егоровском*
«да разлучиться жена от мужа, аще проказу *створить животу его* или нию чюя не исповѣсть еи» (Закон Судный, стр. 38, 67)	«...да разлучается жена от мужа. Аще проказу *сътворит* животу его иль нис что чюя не *сътворитъ животу его, не*исьповѣсть еи...» (л. 466)

Из двух сопоставляемых текстов видно, что в Егоровском списке нарушена логика. Вероятнее всего, причина заключается в том, что писец переписал второй раз слова «сътворить животу его не». Таким образом, это дефект или самого списка, или ближайшего к нему протографа.



Самым важным в этой схеме является, на наш взгляд, установление сравнительной распространенности юридических сборников, аналогичных по составу со сборником Мусина-Пушкина. Видимо, составление их было основным путем кодификационной работы в конце XIII — начале XIV в. Именно в сборнике такого типа встречается выборка из «законов Моисеевых», не имеющая аналогии ни в одном из известных нам церковно-правовых руководств в виде Кормчих. «Избрание из законов Моисеевых» в сборнике Мусина-Пушкина — прямое свидетельство творчества древнерусских юристов в области церковно-светского законодательства.

Не только «Избрание» впервые появляется в подобных сборниках. Фрагментом каких-то установлений о пошлинах является и статья «О серебре». В сборниках появляется и древнейшая редакция Пространного Закона Судного людем. Все это, на наш взгляд, придает большую твердость гипотезе М. Н. Тихомирова о появлении этой компиляции церковно-светского права на Руси в конце XIII — начале XIV в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

л. 466 Сие же глаголи и в нахождение иновѣрныхъ и рвтныхъ.

О поучении. Въ оно время, егда въпросиша фарисѣи господа нашего Исуса Христа, бога нашего аще достоить человеку во всякои винѣ пустити жену свою. Отвѣща Исус:еже богъ сочтая, человекъ неразлучаетъ, развѣе словеси прелюбодѣниаго. Послѣдующе убо и мы, яко присиии ученицы Христа бога, несмѣемъ сего взаконити, но понеже от приазии ненависть нападаетъ клеветы ради и плотьскыя похоти или единоя коея злобы, тем же в число нарицающа закономъ вещеи ихъ же ради разлучается маложена.

О томъ же. Разлучаетъ бо ся от своего мужа и за сия грѣхы блуда ради, аще обличится, проказы дѣюща животу его сведущи иного мужа кромѣ своего и мужь оцищь и запрети ему и женѣ своеи.

О томь же. И пакы аще в недугъ впадеть прокаженнъ, да разлучается жена от мужа. Аще проказу сътворит животу его иль ино что чюя не сътворить животу его, неисьповѣсть ен, аще в прокаженъ недугъ впадеть.

О том же. Аще ключится единому ея умрети, въ злу язю впадшу от таари, тваринку всякому огнемъ да сожжеть.

л. 466 об. *О судиахъ.* Но все достоить княземъ и судиямъ с по//слухы истязати, яко же преди писахомъ в суде божии, им же суть къ богу, от князь осужати. Да не сего осужати, да не сего ради и недостоить обиновати никого же, но все по вься дни въ божии законъ наставляти, уповающе от Христа бога в велицеи суд. Блаженъ есть суд сеи и услыша: грядеть блажени вѣрнии, вь мнозѣ усьтрою вы: виидеть в радость господу богу нашему, веселящеся въ вѣкы аминь.

О детѣх. Аще отецъ не вравняетъ дѣтеи: овому мало предасть, овому много, в другаго лиха сътворить за гнѣвъ, нѣкакъ, да ся раздѣлить всѣм рввно на чясти.

О шевцы. Аще швець исказить свиту, не имѣя шити, или гнѣвомъ, да ся тепеть, а цены лихъ.

О ключарех. Аще кто до ключаря ласковъ възметь что любо от него, да тепета ся оба, но ключярь больма.

О отбѣгании. Аще людинъ бѣгает от князя своего подъ иного князя, да ся тепеть добрѣ.

л. 467 *О попѣ.* Аще попъ бѣжить от своего епископа ко иному епископу, да не поетъ, аще //простить свои епископъ, да поетъ на своемъ мѣстѣ.

О орудии. Аще кто орудие възметь, непрашавъ господина орудию, да ся тепеть

О волѣ. Аще кто волѣ биетъ оря, да ся тепеть, аще ли уразить, да ваставить, тако же и конъ.

О глаголании. Аще кто глвголеть господии велми несмирено *, да ся тепеть.

---

* В тексте: несмотрено. *Исправлено писцом рукописи на полях.*

О волѣ. По укравѣ аще воловѣ ходят, то ли спасуть нниу или виноград, да ся тепеть от господнна кравѣ в платить, еже будеть испаслъ.

О скотѣ. Аще тои скотъ в нощн проломляетъ плоды, тън да ясть нощьно ходять, да ся предасть гоподнну дважды, а третьее да ся усьтрелнть стрѣлою. Аще конъ или говядо, аще ли свѣнѣ, боровъ поломить плоды и подрываетъ нощи, да ся убиетъ. Звѣрь бо есть злоиравъ, да еже развравъ, то ребры заплатнть.

О псѣ. Аще песъ проказы дѣетъ, аще подрывъ лелет* иль продравъ стропъ, влѣзеть, да ся побиетъ, аще ли двермн влѣзеть, да ся не бнеть.

О похвалѣ. Аще кто похвали//тся на кого, нже на него же ся хвалнлъ будеть, да *л. 467 об.*
ся сътворить винограду иль нивѣ, или скоту, нль самому, похвалъникъ да ся тепеть н продасться.

О вражды. Аще кто вражду сътворнть, Монсни бо поручи: да ндеть рука за руку и око за око, главу за главу. Аще ли ся искупивъ, от земля да отженется.

Аще кто того утяжеть, то нмати под суднон грамотн сребро с веса без 10 золотнникъ рубль, а по бесуднон грамотѣ...

О грамотѣ. Аще кто етеру человеку речеть: еретнкъ, да ся ударнть н ножемъ, аще ли пред судьи ндеть, да поднметь глаголивыи, еще было еретнку подъятн, да ся тепеть твердо.

О ратаи. Аже ратан, не дооравъ времени, ндеть проч, да есть лнх орання, тако же и пастырь, иже пасять стадо.

О попѣ и о епископѣ. Аще нмуть попа нли епнскопа с чюженою** нли днака уларнвго ***, да нзмутся сана.

О послушании. Попъ же бывает в послушествѣ за 12 мужа.//

О попѣ. Аще бнетъ попа, рука его да ся усѣкаетъ, аще ли да даст. 12 златнць. *л. 468*

О повствѣ. Аще упоить друга своего до порога, да ся тепета по 12 ранѣн.

О черноризици. Аще нмуть черньца с черизицею, блудъ дѣюща, то да окуют и всадять в темницу, доидеже умреть, отрекь бо ся свѣта.

О осляти. Аще нметсн мужь со ослятем нли жена съ ослятемъ, да побьетася, аще ли тепетася, нль продасться в погапы, погано бо есть зѣло, и дати ту цѣну бѣднымъ.

О разбоиницехъ. Аще разбоиннкъ нметсн, мечевн да предасться.

О клятвѣ. Аще кто ся кленеть скупости ради, да тепетася.

О клеветании. Аще кто оклевещет друга, да тепетася н да подънметь, еже было оному подъяти.

О мщати. Аще кто блуд створит съ мщатемъ да побнется, яко уставнѣи патрнархъ чести правнлнѣи, яко не дасть нмъ восхыщати, области иному достоины на свещѣнии, строенни на въсхы//щеныя по обѣдѣ возвратнти. *л. 468 об.*

О сваритася о дву мужехъ. Аще сварнтася, 2 мужа, то ударит единъ друга каменемъ нль пястню ,ти умреть ****, но сляжеть на ложи, Аще вставъ походнть внѣ, о жезлѣ, чнсть есть ударивын его, точию недѣланню его да дастъ личьбу.

О рабѣ. Аще кто бнетъ раба своего нль рабу свою жезломъ, ти умреть от рукн его, судомъ да ся мьстить, аще лн пребудет день нль два, да не мстить, свое бо ему есть нмѣнне.

О сварѣ. Аще которае та ся 2 мужа и урвзита жену непраздну, тн не изыдеть младенець ея, обличенъ, да дасть цѣну, елнко задежеть муж жены тоя свободою. Аще ли обличенъ будеть да дасть душю за душю, а око въ ока мѣсто, рука в руку мѣсто, зубъ в зуба мѣста, язву въ язву мѣсто.

О ударении ока. Аще кто нстъкнеть око рабу своему или раби своеи, тн да *л. 469*
ослѣпнеть, свободъ да отпустнтся въ ока мѣсто, нль зубъ рабу своему нль ра//бѣ своен, свобод да отпустнтся в зуба мѣсто.

О татьбѣ. Аще кто украдеть теля нль овцу, 5 да дастьсн в телца мѣсто, а въ овыцу мѣсто 4 овцн.

О татбѣ. Аще кто в подкопанни застанется тат, тн явленъ умреть, нѣсть ему убоя. Аще лн взыдеть солнце на нь — повнненъ есть. Аще не нмать, да ся продасть в татьбы мѣсто, аще ли останеть в руцѣ его татба от осляте до овчате, жнви, сугубо да дастьсн.

О поклажеи. Аще кто дасть другу сребро нли нно что скрытн, украдеть е кто нз дому его, н аще обрящется тать, да тяжеть сугубо. Аще не обрящется тат, то да прндеть господнпъ дому пред бога и да ся клепеть, аще нѣсть самъ сулковалъ на всеположенне дружие, по всему словеси в крнвнну о всен погнбелн суть обою, украдли бога, да дасть сугубо другу.

О братьи. Аще дасн брату нищю взанмъ, не будн тощь его, нн задежи роста.

О ризе. Аще ризу заложнть подруга своего до//захода солнца отдаи же ему:ен
едина риза ему, стыденна емъ, в чемъ ему спати. Аще убо възопнетъ ко мнѣ, слухомъ *л. 469 об.*
услышю н милостнвъ бо есмь.

---

* *Описка. Правильно:* клѣт.

** *В тексте описка. Следует читат:* чюжею женою.

*** *В тексте описка. Следует читать:* уларваго.

**** *Следует читать:* тн не умреть.

О ослятѣ. Аще узриши осля брата своего, падъшееся с рухо*, да не минеши его, но да въздвигнешие или ино что, да превратиши сии суд нищаго, в суди его, все слово криваго да отступиши, чиста и правдива не убиеши, ни оправидиши нечестива мзды ради и да не возмеши мзды, мзда бо очи ослѣпляетъ видящимъ и разсыплеть словеса правдиввя.

О сыну. Аще будеть кому сынъ непокоривъ, губитель, не послушвя рѣчи отца своего и ни матери, и кажуть, и не послушаетъ отца его и мати, изведета пред врата градная мѣста града того, глаголюще: сынѣ нашь непокорливъ есть и губитель, непослушая рѣчии наших, съвѣтуя и пианица, да побиють и камениемъ мужи града того, да умреть, да измуть злое сами от себе, да друзии узривши убоятся.

л. 470 *О повѣси.* Аще кто кимъ грѣхомъ судомъ//смѣртнымъ умреть и повѣсити на древѣ, не пребудуть тѣло его на древѣ, но вѣ гробѣ погребете и въ тои день.

О овчатѣ. Аще видиши овца брата своего иль ино что, плавающе по полю, ни мини его, но обрати е к брату своему. Аще ли нѣсть, братъ твои, заими е в домъ свои, дондеже азыще его братъ твои, и даси ему, яко же сътвори всякои погибели его, ти обрвщеши, не мини его, но зми, ни мози потаити, да не согрѣшиши богу.

О сварѣ. Аще будеть пря межи человеки и прииде на суд, да судять и, да оправдають праведнаго и осудять нечестиваго. Аще есть достоинъ раны нечестивыи, да поставивше пред судиами по бесчестию его 40 ранъ, да не приложить паче сего, без лѣпоты бо есть. Аще сварится человекъ с братомъ своим, ти пришедше жена его едина ею оттять, единаго ею от руку убивающаго и, простерьши руку иметь мужа своего за лоно, да усикнеши руку ея, да не пощади ея око твое.

л. 470 об. *О умираньи.* Иже повелѣваемъ:аще будеть//умирая и повелѣлъ кому устроити имѣние, или с дѣтми торенъ есть иль с женою, ти тому поручить устоити** имѣние предъ послухи, то дасть ему. Нужа будет скончати все, но аще есть строи не противяся су повелѣние умершаго строящему, то глаголеть противу женѣ и дѣтемъ, да скончаетъ волю умершаго. Аще есть поручьник о собѣ, самъ ся творя приимъ, строя домъ умершаго, ти что погубить женѣ и дѣтемъ, то да възметь на судищи казнь 70 ранъ и да ся все сиротамъ и пол того да приставить.

О томь же. Призываемъ же и поручникъ умершаго, аще буду потщени от работы въ слободу на обѣщание господищемъ и госпожи, аще не будеть свободь, да не оставять ихъ претити по госпожи и по господничихъ, яко выше рѣхомъ. Аще ли не правдивъ суд, то взыдуть к великому отместьнику, его же постави влас[ть] наша
л. 471 помагати сироти и вдовицѣ в правду, рекше богу пророкомъ:судите сироти и вдовицу.// то да исправит великии судия, обидяи сироту, привмьт судъ противу дѣломъ.

О том же. Повелѣваемъ же и поручнымъ имѣниемъ подобно быти повелѣнию умершаго, да не буде пианица, ни которы имущв с тѣми, яже начнуть стояти, ни пустошницы безаконнии, но да подобни будуть я цимъ же устроити: первое задушии, второе о дѣтех и о жевѣ.

О том же. Се же [начи]нающимъ велимъ, обнащая боящаяся казни и не минующая ни великых, ни малых, устраати имѣние сдравомъ ходяща с цѣлым умомъ, послухы подобны поставити, свѣдѣтельствованы о добрѣ, а не будуть разбоиницы, ни татие, ни иноя никоея злобы имуще от того града, идѣже живуть, ил[и] от веси, иль аще откуду пришли будуть, но подобны послушеству. Попощаем же о рабѣхъ, дастают и ти в послушество, а не почтены въ свободу бихма не велимъ.

О том ж. Вписая иже о имѣяни своемъ, первое да впишеть вѣры своея образъ,
л. 471 об. еже//душу избавити. Аще же и бѣдною избввити преже житиемъ чистымъ неустроивше, ни руку простерше убогымъ, ни свобожше. Обаче, аще все до конца не получить, то аще и мука легши будеть, глаголеть: не лживъ есть рекыи, едина душа вящеи небо и земли. Дв аще кто в лестиемъ семъ житьи не достиглъ есть чим, ти отходяще оставя тя многа уста за ся, гуть*** и по нас вѣчному огню отяти. Предая свое имѣвие пред послухы, да впишеть первое свобод, что ли дати убогым, что дѣтемъ или средоболи, или другомъ или женѣ вещенѣ, иль попомъ. Попущает бо судъ нашь: да аще хощеть дарити от своеи части жену вѣщную да дарить достоиною чястию еже наречется поль дому, на полу бо дому да**** ему суд власть, а поль вѣщь человьческа не даетъ ему, долъжно суще отцьмъ чяда своя кормити, тѣмь бо ся множество родное сдръжить.

л. 472 *О мачехах.* Мачехамъ же//и матеремъ великимъ крыющимъ имѣния чюжеи чяд[и], еже не сердоболи, ти ся изметь крыеное, да ся изведуть на судъ и крывши, в нихъ же есть кровено, да ся того лишить, еже будеть крыла. А они приимуть, яко татие, казнь, 70. рань и дадуть общую татьбу скрывшею мачехою, и да дѣ теля***** дѣти особь первыа жены са мачехинами дѣтми. Аще ля будеть кыи дѣтище с мачехою выдалъ, то и тои дасть татьбу с нею, да ему не будеть ча и в томъ, яко же и мачесѣ.

О мертвеци. Иже совлачить мертвеца въ гробѣ, да продасться в сугубину и тепется въ 300.

---

* *Следует читать:* с рухлом.

** *Следует читать:* устроити.

*** *Вместо* гуть *следует читать* яже начнуть кричати: помяни, яже ны могуть.

**** *Следует читать:* дает.

***** *Следует вместо* дь теля *читать* поделять.

Н. Н. Покровский

КУПЧИЕ, ДАННЫЕ И МЕНОВНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЧЕРНОСОШНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ РОССИИ XIV — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.

Среди актовых источников по истории русской феодальной собственности XIV—XVI вв. значительную роль играют грамоты, оформляющие различные частные сделки на недвижимость, в том числе купчие, данные и меновные грамоты.

Формуляр этих грамот содержит указания на участников, объект и характер сделки; границы отчуждаемой земли обозначаются либо подробным указанием межей, либо общей формулой: «куда соха, плуг, коса ходили». Употребление в грамоте последней формулы отнюдь не значит, что реальные границы данного владения все еще не установлены. Для центра России уже в XV в. эта формула грамот несомненно является традиционным шаблоном. В удостоверительной части грамоты перечисляются свидетели (послухи) сделки, называется писец грамоты, приводится дата и указание о печати; подписи свидетелей и участников сделки становятся обычными с начала XVI в. и помещаются на обороте грамоты. Следует отметить, что формуляр этих грамот имел определенные местные отличия; можно проследить также эволюцию формуляра грамот в течение XIV—XVI вв.

Более ранние грамоты обычно предельно лаконичны, а более поздние содержат ряд подробностей об объекте сделки, ее условиях и т. д. Примерно с 60-х годов XV в. в грамотах центра России часто указывается район, где расположена отчуждаемая земля; в 90-х годах XV в. подобное указание делается обязательным (причем называется уезд, волость, стан). То же самое можно сказать и об указании в этих грамотах, на каком основании владел землей ее прежний владелец: была ли она его вотчиной, куплей. Купчие, данные и меновные грамоты часто содержат специальную статью, направленную против выкупа отчуждаемой земли родственниками ее прежнего владельца («а купил ту землю себе и детям своим впрок без выкупа» и т. д.). Статья эта до последней трети XV в. встречается в грамотах скорее как исключение и лишь позднее становится обычной. Наконец, датировка частных актов делается обязательной лишь с конца XV в., а в некоторых районах и несколько позднее (для Волоколамска и Рузы — только с первой четверти XVI в.).

Наиболее резко отличаются по своему формуляру от грамот центра России грамоты Новгорода и новгородских земель. Прежде всего бросается в глаза, что новгородские частные акты пишутся, как правило, в третьем лице («Се купи Есип Иваиович землю у...»), в то время как в центре России они пишутся обязательно в первом лице («Се яз, игумен Никон, купил есмь у...»). Новгородские акты не знают формулы «куда соха, плуг, коса ходили», заменяя ее при указании границ земли

различными специальными выражениями. Вместо формулы «купил впрок без выкупа» новгородские грамоты употребляют выражения «ввеки без вывета» и др. Удостоверительная часть новгородских актов также весьма специфична. Внутри этого новгородского формуляра частных актов можно наблюдать некоторые небольшие отличия, характерные для различных новгородских земель (например, для Двины). С присоединением Новгорода к Московскому государству большинство этих особенностей новгородского формуляра быстро исчезает; однако некоторые из них (например, в обозначении объекта сделки) держатся очень стойко и в XVI в. Формуляр белозерских купчих, данных и меновных грамот в целом близок к формуляру грамот центра России, но некоторые особенности сближают его с формуляром новгородских грамот.

Переходим к содержанию купчих, данных и меновных грамот. Исследователи неоднократно отмечали, что грамоты каждого из этих трех типов оформляют довольно разнообразные юридические сделки с недвижимым имуществом. Наряду с чистыми договорами продажи, передачи, обмена земель встречаются более сложные случаи: обмен землями с одновременной доплатой денег одной из сторон [1], соединение продажи земли духовному феодалу с передачей ему части полученных от продажи денег в качестве вклада «по душе» [2] или соединение продажи одной части земли с передачей другой ее части в качестве вклада [3].

Известны грамоты монастырям, формально являющиеся данными, но предусматривающие, наряду с «поминанием души» за вклад, некоторую денежную компенсацию вкладчику за землю [4]; в нескольких данных грамотах говорится о том, что монастырь, получивший землю, должен заплатить долги вкладчика третьим лицам [5]; в других данных сообщается, что земля передается в качестве уплаты долга самому монастырю [6]. Данная М. И. Киндырева своему зятю А. В. Давыдову заменяет одновременно рядную о придаком [7]; некоторые данные грамоты сближаются с духовными [8]. Наконец, во многих грамотах при передаче земли монастырю ее прежний владелец оговаривает за собой право пожизненного пользования [9]. Этот список различных сделок, оформлявшихся данными, купчими и меновными грамотами, легко можно было бы продолжить [10].

[1] ЦГАДА, Грамоты Коллегии Экономии (далее — ГКЭ), Зубцов, № 4821; Кашин, № 6703.

[2] ЛОИИ, Собр. рукописн. книг, № 45, л. 133 об.; лл. 133 об. — 134 об.; 136 об. — 137 об.; С. А. Шумаков, *Обзор Грамот Коллегии Экономии*, вып. 4, М., 1917, стр. 249.

[3] ЦГАДА, ф. Калязина м-ря, кн. 1, № 92.

[4] ЦГАДА, ГКЭ, Кашин, № 6702; АЮ, СПб., 1838, № 112; ГПБ, ОР, А 1/16, л. 40 об. — 41; ГБЛ, ОР, Собр. Беляева, Акты, № 32 (ГИМ, ОР, ф. Симонова м-ря, № 58, лл. 486—487).

[5] С. А. Шумаков, *Обзор...*, вып. 3, М., 1912, № 579, стр. 2412; то же для светских лиц: ГБЛ, ОР, ф. Троице-Сергиева м-ря, кн. 518, лл. 22 об. — 23.

[6] АСЭИ, т. I, М., 1952, № 12, 441.

[7] ГБЛ, ОР, ф. Троице-Сергиева м-ря, № 246 (1499—1500 г.).

[8] ЦГАДА, ГКЭ, Руза, № 10344 и др.

[9] ЦГАДА, ГКЭ, Белоозеро, № 762; Клин, № 5656; АФЗ и Х, ч. II, М., 1956, № 66; ГБЛ, ОР, ф. Троице-Сергиева м-ря, № 909, Р-52, л. 36 об.; Д. М. Мейчик, *Грамоты XIV—XV вв. Московского архива Министерства юстиции*, М., 1883, стр. 124; АСЭИ, т. III, М., 1964, № 331, 332; С. Шумаков, *Тверские акты*, вып. 1, Тверь, 1896, № 6; АСЭИ, т. I, № 163, 164.

[10] Некоторые подробности по этому вопросу см. в работах: К. Кицяков, *Опыт ученой разработки купчих грамот, помещенных в актах юридических*, — «Юридический сборник О. Мейера», Казань, 1855, стр. 409—448; Д. М. Мейчик, *Грамоты...*, стр. 66—94; А. А. Савич, *Монастырские землевладения на русском Севере XIV—XVII вв.*, — «Уч. зап. Пермского Гос. ун-та», отд. обществ. наук, вып. 11, Пермь, 1931, стр. 159—165; Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы XIV—XV вв.*, ч. 2, М., 1951, стр. 65—70, 77—89.

Однако, несмотря на все разнообразие сделок, оформляемых данными, купчими и меновными грамотами, для изучения содержания мы можем объединить их. Исходя из различий в социальном составе участников сделок и в характере отчуждаемой земли грамоты этих типов делятся на: 1) грамоты, по которым князья передают свои черные земли отдельным феодалам; 2) грамоты, оформляющие сделки между отдельными феодалами на их вотчинные земли; 3) грамоты, оформляющие сделки на черные крестьянские земли между самими крестьянами и между крестьянами и феодалами. Лишь после такой группировки следует начать обзор тех социальных отношений, которые характерны для каждой из этих групп.

Однако подобная группировка актов встречает и определенные трудности. Если акты первой группы довольно легко отличаются от всех остальных обязательным обозначением титула князя и ссылкой на принадлежность ему отчуждаемых земель, то отделить друг от друга акты второй и третьей групп значительно сложнее. Зачастую сделки на крестьянские земли маскировались под обычные операции по отчуждению земель феодалов; выявление таких сделок возможно, как правило, лишь на основании материала судебных актов. Часть остальных крестьянских купчих и даных (посильные, отступные, отдавчие грамоты) довольно резко выделяется по своему формуляру и будет ниже рассмотрена отдельно. Другие акты третьей группы на крестьянскую землю не отличаются обычно по своему формуляру от актов на землю феодалов и могут быть выделены лишь на основании косвенных данных, содержащихся как в этих, так и в иных актах [11]. Но здесь на помощь приходит следующее обстоятельство. Подавляющее большинство подобных актов на крестьянские черные земли относится к районам Двины, Обонежья, Белоозера. Обилие актового материала по этим районам позволяет не только довольно подробно выяснить общий характер землевладения в этих местах, но зачастую и конкретно изучить то или иное владение, даже проследить историю отдельных семей мелких землевладельцев (в том числе крестьян). Все это помогает относить многие частные акты с большей или меньшей степенью определенности ко второй или третьей группе. Так, например, А. И. Копанев на основании изучения всего комплекса источников по белозерскому землевладению XV—XVI вв. относит целый ряд частных актов Кирилло-Белозерского монастыря XV в. к актам, оформляющим переход к монастырю крестьянских черных земель [12]. Подобную возможность дают нам и многочисленные двинские акты [13].

Посмотрим теперь, какие вопросы освещают частные акты каждой из этих трех групп. Купчие, данные и меновные грамоты первой группы сообщают о передаче князьями своих (черных) земель отдельным духовным и светским феодалам. Таким образом, по своему содержанию они в основном совпадают с жалованными купчими, данными и меновными грамотами. Однако если в этих последних передача черных

---

[11] Так, могут быть выделены купчие на крестьянские земли: ЛОИИ, Собр. грамот до 1613 г., № 1/64, 1/63; ГПБ, ОР, А I (17), лл. 1189 об. — 1190, 1193 об., 1194 об.; Собр. грамот I, № 97; БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192, лл. 231 об. — 232 об.; ЛОИИ, Собр. Соловецк. м-ря, № 136, л. 53 об. («Летопись занятий Археографической комиссии», т 35, № 66); ЦГАДА, ф. Соловецк. м-ря, оп. 5, ч. I, № 10, ф. Гледенск. м-ря, № 1.1, 3236, 3238; Приказные дела старых лет, ф. 141, 1506 г., № 2, лл. 147, 240; 1526 г., № 1, лл. 25, 30 и др.

[12] А. И. Копанев, *История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.*, М.—Л., 1951, стр. 86—104, 109—112, 117—123, 129—130.

[13] Н. Н. Покровский, *К истории крупного светского землевладения в Двинской земле XV—XVI вв.*, — «Вестн. Моск. ун-та», 1956, № 2.

земель облечена в форму публично-правовую (княжеское пожалование), то в купчих, данных и меновных первой группы этот акт выступает в качестве частной сделки между князем и феодалом. В связи с этим намечается и некоторое различие в содержании тех и других грамот: в жалованных грамотах передача феодалу земли сопровождается обычно пожалованием ему определенных иммунных прав на эту землю, чего не делается в частных актах. Но различие это не проводится достаточно четко, известны многие исключения из правила (в обоих случаях).

Таким образом, купчие, данные и меновные грамоты первой группы освещают в основном те же вопросы, что и жалованные грамоты, закрепляющие переход в собственность феодалов княжеских земель. Поэтому мы не будем останавливаться больше на этом вопросе, а только приведем один пример купчей грамоты первой группы. Между 1428—1466 гг. Евфросинья, княгиня Дмитровская, продала боярину Федору Андреевичу (Серкизову) свою деревню Степановскую; сделка эта оформлена обычной купчей, содержащей все характерные черты частных актов; в удостоверительной части грамоты указаны послухи и писец [14].

Следует, правда, отметить, что иногда акты этой группы отличаются от обычных частных актов отсутствием указания на послухов и писца грамоты [15].

Переходим ко второй группе купчих, данных и меновных грамот, которая содержит акты, оформляющие сделки между отдельными феодалами на их земли. В отличие от актов предыдущей группы здесь речь идет все время не о черных княжеских землях, а об обычных вотчинах духовных и светских феодалов. Таким образом, эти грамоты сообщают нам о перераспределении феодальной земельной собственности внутри класса феодалов, о росте землевладения одних феодалов за счет земель других феодалов. К этой группе принадлежит большинство данных, купчих и меновных грамот, и она сильнее всего привлекала к себе внимание исследователей. Поэтому в исторической литературе уже отмечены основные проблемы, которые освещаются этой группой актов. К ним относятся вопросы о характере сделок, оформляемых на монастырских и митрополичьих землях [16], о праве выкупа феодалами своих родовых вотчин и другие проблемы. Частные акты этой группы являются одним из наиболее массовых источников по вопросу о перераспределении земель между светскими феодалами, с одной стороны, и духовными — с другой. В частности, они позволяют довольно подробно нарисовать картину роста отдельных крупных монастырских вотчин за счет земель соседних светских феодалов.

Однако здесь все время нужно помнить об одной особенности, которая присуща грамотам этой группы наряду с остальными дошедшими до нас актами. Так как огромное большинство известных нам актов сохранилось в составе архивов церковных организаций, эти акты

[14] ГПБ, ОР, А 1/17, л. 903 об. (ср. там же, л. 900 об.).

[15] АСЭИ, т. III, № 123. Укажем другие грамоты этой группы. АСЭИ, т. II, М., 1958, № 219, 470, 471; ЦГАДА, ГКЭ, Звенигород, № 4679; ЦГАДА, ф. Калязина м-ря, кн. 1, № 37, 38; АФЗиХ, ч. II, № 37; ГБЛ, ОР, ф. Троице-Сергиева м-ря, № 900; собр. Беляева, Акты, № 1/27; ЛОИИ, Собр. рукоп. кн., № 25, л. 318 об.; АЮБ, т. I, СПб., 1857, № 52, 1; т. II, СПб., 1864, № 156, XVII; «Сборник П. Муханова», изд. 1, М., 1836, № 261, 305, 283, 332, 321; АФЗиХ, ч. I, М., 1951, № 149; АСЭИ, т. I, № 4,5, 13, 54, 84, 100, 171, 188, 201, 231, 255, 256, 271, 367, 550, 602, 624, 277, 654; АСЭИ, т. III, № 260; Амвросий, *История Российской иерархии*, ч. 3, М., 1811, стр. 706—707.

[16] Эти акты сообщают также отдельные сведения об условном землевладении и боярских землях — А. С. Шумаков, *Обзор*..., вып. 3, М., 1912, № 23, 3930; ГБЛ, ОР ф. Троице-Сергиева м-ря, кн. 518, л. 334 об.

ярко рисуют рост землевладения духовных феодалов и очень слабо — рост светского землевладения. Отсюда опасность искажения общей картины феодального землевладения, особенно большая при пользовании актами этой группы. Нужно постоянно учитывать эту специфику актового материала, чтобы картина действительно имевшего место роста монастырских вотчин не приводила к выводу о гибели остальных форм феодального землевладения.

Данные, купчие, и меновные грамоты этой группы наряду с жалованными грамотами и судебными актами содержат иногда весьма интересный материал об отчуждении крестьян вместе с их землей. Многие акты упоминают о передаче одним феодалом другому вместе с землей и крестьян [17]. Иногда частные акты прямо указывают, что один феодал передает другому землю «со крестьяны», или перечисляют крестьянские дворы на отчуждаемой земле [18].

Наконец, акты этой группы, сообщая историю отчуждаемой земли, рассказывают иногда о случаях пожалования черных земель, неизвестных по другим источникам. Поскольку такие сведения доходят лишь как рассказ о том, каким путем земля попала в руки ее нынешнего владельца, точная датировка времени пожалования в таких случаях затруднительна [19]. Судебные акты свидетельствуют, что часто во время суда феодал приводит купчие, меновные и данные грамоты на землю, которую черные крестьяне считают своей. Если признавать справедливость точки зрения крестьян (которая чаще всего соответствует действительности), то здесь перед нами могут быть два случая. Либо феодал заключал сделку с черным крестьянином на его землю, маскируя такую сделку под обычный акт отчуждения земли феодалом феодалу, либо феодал отстаивал на суде черную землю, захваченную ранее другим феодалом, у которого он приобрел ее по обычной купчей, меновной, данной грамоте. В обоих случаях частные акты этой группы являются источниками для изучения процесса захвата черной земли феодалами [20].

Третью группу данных, купчих и меновных грамот составляют акты, оформляющие сделки по отчуждению черными крестьянами своих земель. При этом возможны два различных случая: крестьянин отчуждает свою землю феодалу или же другому черному крестьянину.

В первом случае акты, фиксирующие подобные сделки, являются крайне важным источником, освещающим различные способы перехода черной крестьянской земли в руки отдельных феодалов. Ценность этого источника возрастает еще и вследствие того, что он рисует тот глубокий экономический процесс образования феодальной собственности, который обычно слабо освещается другими типами актового материала [21].

Встает вопрос о том, считались ли подобные сделки законными с точки зрения феодального права того времени. Поскольку собственником всех черных земель являлось феодальное государство в лице своего главы — князя, все права по распоряжению черными землями должны были также принадлежать князю, а не черным крестьянам. Отсю-

---

[17] См., например, данную ЦГАДА, ГКЭ, Старица, № 11643.

[18] АСЭИ, т. III, № 155; т. II, № 184; ЦГАДА, ГКЭ, Москва, № 7151; С. А Шумаков, *Обзор...*, вып. 3, № 164, 3993.

[19] ЦГАДА, ГКЭ. Ярославль, № 14754; Руза, № 10244, 10350.

[20] АСЭИ, т. I, № 61, 127, 129, 130, 137, 213, 266, 259, 374, 441; АФЗиХ, ч. I, № 250.

[21] Отсюда вовсе не следует, что внеэкономическое принуждение никогда не наблюдалось при заключении подобных сделок. Приведем в пример хотя бы Андрея Саватьева, у которого келарь Троице-Сергиева монастыря Логин купил землю «сильно... за приставом великого князя» (АСЭИ, т. I, № 259, 430).

да как будто следует вывод о том, что все подобные сделки должны были феодальным государством рассматриваться как незаконные. В пользу этого говорит и тот факт, что в центральных районах России феодалы стремились придать такой сделке вид обычного отчуждения феодальной собственности (вотчины).

Однако здесь зачастую юридическая форма вступала в противоречие с главной задачей феодального государства по охране собственности класса феодалов. Судебные акты и жалованные грамоты показывают, что во многих подобных случаях правительство считалось с создавшимися реальными отношениями собственности и санкционировало переход черных земель в руки отдельных феодалов.

Кроме того, сила феодальных отношений на черных землях не была одинаковой в различных местах. На Севере эти отношения были более слабыми и там феодальное государство на практике зачастую признавало за черными крестьянами определенные права по распоряжению своими землями и принимало во внимание подобные сделки крестьян с феодалами. Белозерские князья также утверждали своими пожалованиями права монастырей на земли, которые были им проданы или переданы крестьянами. Однако жалованная грамота Ивана III пермскому епископу Филофею[22] от 19 ноября 1490 г. свидетельствует о том, что и на Севере правительство пыталось иногда бороться с подобными сделками, приводившими к расхищению черных земель,— грамота аннулирует все сделки по продаже черных земель епископскому дому.

Переходим к тем грамотам третьей группы, которые говорят о передаче чериой земли одним крестьянином другому. В исторической литературе уже отмечалось, что так как право собственности на черную землю принадлежит князю, в этих грамотах речь может идти о передаче не права собственности, а только права пользования данным участком земли. Это зачастую находит свое выражение в самом тексте таких грамот, которые иногда оговаривают, что отчуждается «земля великого князя, а мое (крестьянина) владение» (или просто «мое владение»); в некоторые грамоты вносятся специальные статьи, говорящие о порядке уплаты податей с отчуждаемой земли и т. д. Подобные особенности приводят в конце концов к выделению особого типа актов, называющих себя «посильными», «отступными», «отдавчими» грамотами. О специфике этих грамот ниже будет сказано подробнее, а сейчас нам важно отметить, что большинство сделок между крестьянами в XV—XVI вв. оформлялось все же не такими грамотами, а самыми обычными купчими, меновными, данными.

Подавляющее большинство актов по сделкам между черными крестьянами относится к землям русского Севера[23]. Для центральных районов известно лишь несколько подобных актов, причем все они являются посильными, с обязательным докладом лицам великокняжеской администрации[24]. На Севере, наоборот, докладные грамоты представляют крайне редкое исключение среди актов такого рода. Двинские крестьяне этого времени обычно бесконтрольно распоряжались своими землями; в отдельных случаях они даже избегали уплаты со своих земель феодальной ренты, фактически сводя к минимуму феодальные отношения собственности великого князя на их землю.

---

[22] АСЭИ, т. III, № 291 б.

[23] Известна одна ранняя (1397—1427) посильная по Белоозеру (АСЭИ, т. II, № 8).

[24] Н. П. Лихачев. *Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках*, вып. 2, СПб., 1895, стр. 224—225.

Крестьянские купчие, меновные и даиные грамоты помогают разобраться еще в одном важном вопросе: они являются таким же ценным источником по истории землевладения северной крестьянской общины, каким для черных земель центра России служат судебные акты. Частные акты третьей группы помогают проследить взаимоотношения между общинным и частным крестьянским владением землей, концентрацию земель в руках отдельных членов общины, иногда выделение таких богатых крестьян из общины и их превращение в своеземцев. Массовый и территориально компактный материал частных актов дает даже возможность проследить историю землевладения отдельных крестьянских семей в XV—XVI вв. В некоторых случаях эти акты содержат ценнейшие сведения о применении на своих землях такими крупными владельцами труда половников и зависимых крестьян [25].

То, что говорилось о третьей группе купчих, меновных и данных грамот, относится и к тем специфическим по форме грамотам, которые известны под именем «посильных», «отступных», «отдавчих» и которые обычно содержат те или иные статьи, свидетельствующие о верховном праве собственности феодального государства на отчуждаемую землю. Фактически эти акты по содержанию вопросов, освещаемых ими, совпадают с рассмотренными актами третьей группы. Но при изучении их возникают и некоторые другие вопросы, которых следует коснуться особо.

Эти грамоты давно уже привлекали внимание исследователей. Еще И. Д. Беляев использовал известные ему посильные для доказательства того, что крестьяне продавали великокняжескую землю, на которой они сидели, и, следовательно, имели право собственности на нее [26]. Для историков юридической школы эти грамоты представляли собой необъяснимое юридическое явление: указание на то, что земля является «вотчиной великого князя» и лишь «владением», «посильем» крестьян, противоречило самому факту отчуждения этой земли обычно без ведома администрации великого князя. Этому же противоречили и гораздо более многочисленные факты продажи крестьянами земли по обычным купчим. Мы замечаем противоречие и в том выводе, к которому пришел М. М. Богословский, касаясь данного вопроса: *«Не забывая теорию верховного собственника,* крестьяне владели и распоряжались своими земельными участками как своею полною собственностью» [27]. Подобное противоречие невозможно объяснить с формально-юридической точки зрения, в данном случае перед нами юридическое противоречие, вытекающее из самой жизни, из динамики становления феодальной собственности на черных землях Севера.

Последнюю попытку как-то «снять» это противоречие источника предпринял в 1916 г. в своей ранней работе А. И. Андреев, занимавшийся в студенческие годы в известном источниковедческом семинаре А. С. Лаппо-Данилевского [28]. Эта единственная специальная работа, посвященная данной теме, тем более заслуживает внимания, что значительно расширяет круг источников и содержит ряд ценных наблюдений. Однако общие ее выводы не могут быть признаны правильными,

[25] «Сборник грамот Коллегии Экономии», т. 1, Пг., 1922, № 52 (далее — «Сб. ГКЭ»); РИБ, т. 14, СПб., 1894, № 25; т. 25, СПб., 1908, № 5, 6, 8.

[26] И. Д. Беляев, *Крестьяне на Руси*, изд. 4, М., 1903, стр. 78.

[27] М. М. Богословский. *Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке*, т. 1, М., 1909, стр. 56.

[28] А. И. Андреев, *Отступные грамоты (К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в.)*. Пг., 1916.

особенно сейчас, когда мы имеем возможность в несколько раз увеличить количество анализируемых документов.

А. И. Андреев старался доказать, что статьи о принадлежности отчуждаемой земли великому князю характерны лишь для одиого вида крестьянских купчих — «отступных» грамот и объясняются тем, что эти (и только эти) грамоты оформляют всегда лишь сделки *с оброчной землей* великого князя. Таким образом, указанное противоречие «разрешается» очень просто: при отчуждении оброчных земель крестьяне всегда указывают, что это — земля великого князя, при сделках на черносошную крестьянскую землю такое указание отсутствует, так как крестьяне (и государственная власть) считают эту землю крестьянской собственностью. А. И. Андреев утверждал, что во II половине XVI в. крестьяне попытались «освоить» оброчные земли, сделать их также своей полной собственностью. Однако вместо этого «неожиданно» в XVII в. крестьяне потеряли право собственности не только на оброчные, но и на обычные черносошные земли.

Первую изаестную ему тогда отступную грамоту А. И. Андреев датнровал 1528 г. Появление отступных грамот он связывал с окончательным обособленнем и оформлением великокняжеских оброчных земель; поэтому он считал, что в конце XV — начале XVI в. отступные грамоты вряд ли могли существовать, так как в это время такое обособление не было еще закончено. Однако нам известно по крайней мере семь подобных отступных грамот, относящихся к 1495—1526 гг. (1495—96 г., 1507—08 г., 1509—10 г., 1519—20 г., 1524—25 г., 1525—26 г., 1526 г.) [29]. Кроме того, около двух десятков другнх купчих грамот за это же время содержат отдельные формулировки, характерные для отступных. Мы видим, что невозможно начинать нсторню северных отступных грамот лишь с 1528 г., она начинается во всяком случае не позднее конца XV в.

Дошедшие до нас отступиые грамоты относятся преимущественно к Нижнему Подвинью, от которого вообще сохранилось наибольшее число различных крестьянских купчих. Известны также отступные грамоты, относящиеся к ряду других территорий (Устюгу, Нижнему Новгороду, Галичу, Костроме, Соли Вычегодской, Ваге и др.) [30].

Следует особо остановнться на вопросе о том, в каком отношении находятся отступные грамоты к посильным и другим крестьянским купчим. А. И. Андреев отмечает ряд особенностей формуляра отступных грамот и считает, что эти особенности резко отличают отступные грамоты (как купчие на великокняжеские оброчные земли) от всех остальных крестьянских купчих. Формальный анализ имеет в данном случае немалое принципиальное значение для изучения степени развитня феодальных отношений на черных землях Севера. Для выяснения действительного места отступных грамот среди различных крестьянских купчих нам необходимо подробнее рассмотреть указанные А. И. Андреевым особенности формуляра отступных грамот, сравнивая эти грамоты с посильными и другими крестьянскими купчими.

Первая из этих особенностей — формула начала отступных, которая определнла само название этого вида купчих «Се яз (такой-то) отступился есми (такому-то)...» Участнки сделки не решаются, таким образом, именовать эту сделку продажей, что говорит о наличии верхов-

[29] ЛОИИ, Собр. грамот до 1613 г., № 1/20, 1/37, 1/68, 1/72, 1/76; ЦГАДА, ф. 141, 1505 г., № 2, л. 351; БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192, л. 301, об. — 302.

[30] ЛОИИ, Собр. грамот до 1613 г., № 3/37 (1507/08 г.); № 1/98 (1534 г.); № 1/72 (1525/26 г.); № 1/76 (1526 г.); ЦГАДА, ф. 141, 1505 г., № 2, л. 351 (1509/10 г.); «Сб ГКЭ», т. II, № 231 см. также А. И. Андреев, *Отступные грамоты...*, стр. 44—49.

ной собственности феодального государства на крестьянскую землю. Однако даже эта характерная формула не позволяет нам четко выделить отступные грамоты из числа других купчих на крестьянские земли.

Уже А. И. Андрееву известны пять грамот, которые он признает отступными, но в которых это выражение заменено обычным для крестьянских купчих «продал есми» или же «продал и отступился» [31].

Количество подобных примеров легко можно увеличить [32]. Еще более важным является тот факт, что термины «продал и отступился» и даже просто «отступился» очень часто встречаются в начале обычных крестьянских купчих, которые не могут быть названы отступными [33]. Мы не говорим уже о том, что термином «отступился есми» начинаются многие земельные акты, вообще не имеющие никакого отношения к купчим [34].

Не лучше обстоит дело и со следующей характерной особенностью формуляра отступных: прямым указанием на то, что отчуждаемая земля является «вотчиной великого князя» («землей великого князя» [35]), «а моим (крестьянина) владением, посильем». А. И. Андреев считает, что эти формулы применяются только к оброчным землям и поэтому среди купчих грамот встречаются лишь в отступных. Однако и этот решающий признак не помогает нам резко отделить отступные грамоты от остальных крестьянских купчих.

Прежде всего значительное количество крестьянских купчих, которые причисляются А. И. Андреевым к отступным, не содержат этой формулы. А. И. Андрееву было известно восемь таких отступных XVI в.; однако ознакомление с северными купчими XVI в. позволяет значительно увеличить эту цифру [36]. Но главное, эта формула не является специфической для отступных грамот, так как довольно часто встречается в других видах крестьянских купчих. Характерный пример в этом отношении представляют копийные книги Соловецкого монастыря на соляные варницы в Неноксе и Лудском урене: среди сотен крестьянских купчих XVI в. почти половина грамот является отступными; выражение «царя и великого князя разсол, а мое владение» встречается одинаково часто как среди отступных, так и среди иных крестьянских купчих [37]. Можно привести большое число примеров, когда эта формула применяется в крестьянских купчих, не являющихся отступными грамотами [38].

Согласно А. И. Андрееву, третье характерное отличие формуляра отступных грамот (вплоть до конца 60-х годов XVI в.) — своеобразная формулировка статьи о цене: «А взял есми (такой-то) *на посилье* у (такого-то) (столько-то) денег московских». Однако сразу бросается в глаза тот факт, что именно такая формулировка этой статьи яв-

---

[31] А. И. Андреев, *Отступные грамоты...*, стр. 8.

[32] Например: БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192, лл. 193 об. — 195 (1583/84 г.); 227—228; 281—282 об.

[33] Там же, лл. 163 об.; 183 об. — 184 об., 184 об. — 185 об.; 197—198, 198 об. — 200; 206—208; 212—213 об.; 298—299; 368—370. И это по одной только копийной книге!

[34] Например, документы, оформляющие отказ какого-либо лица от собственности, на которую он имеет определенные права. См. АФЗиХ, ч. I, № 153; АСЭИ, т. I, № 373.

[35] Для отступных на соляные варницы — соответственно: «роэсол великого князя».

[36] АСЭИ, т. II, № 297; ЛОИИ, ф. Соловецкого м-ря, № 146/2 л. 158 об. — 159 об.; БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192, лл. 173 об., 201—202; 227—228 и др.

[37] ЛОИИ, ф. Соловецкого м-ря, № 146/2, лл. 620—732 об.

[38] Например, там же, № 146/1, лл. 182—183 об.; 188 об. — 189; 207; 210 об. — 211; 220 об. — 232 об.; 239 об. — 246; № 146/2, лл. 438—439; 439 об. — 440; 525 — об., «Сб. ГКЭ», т. I, № 48.

ляется вместе с тем обязательной для посильных грамот и поэтому не помогает нам отделить посильные грамоты от отступных [39].

Мы не говорим уже о том, что статья, обычно отсутствующая в отступных позднее 60-х годов XVI в., не может являться характерным отличием для всех отступных грамот. Да и в более ранних отступных она встречается далеко не всегда [40].

Две другие статьи формуляра отступных грамот, говорящие о феодальной ренте с отчуждаемых земель, еще менее способны отделить отступные грамоты от посильных и других крестьянских купчих. Речь идет, во-первых, о статье, объясняющей причину продажи земли: «А не изможгл есми с той земли государя великого князя дани давать, и службу служить...» и т. д. Во-вторых, следует указать на специальную статью, регулирующую будущую уплату покупателем всех повинностей с земли (с определенного времени). Впрочем, по поводу этой последней статьи сам А. И. Андреев говорит, что она отсутствует в огромном большинстве отступных; для предыдущей статьи он признает то же самое с 60-х годов XVI в.[41]. И в этих случаях также нетрудно привести многочисленные примеры, доказывающие, что многие отступные не содержали этих статей и, наоборот, они находились во многих купчих, не являющихся отступными [42].

Мы видим, таким образом, что невозможно выделить «идеальные» отступные грамоты из числа прочих крестьянских купчих с достаточной определенностью; особенности, характерные для ряда отступных грамот, отсутствуют в других отступных и в то же время встречаются в посильных и прочих крестьянских купчих. Отступные грамоты весьма близки к остальным крестьянским купчим, прежде всего к посильным. Зачастую совершенно одинаковые по формуляру грамоты назывались то купчими, то посильными, то отступными. До нас дошло огромное количество грамот, которые в целом близки к одному из этих видов, но содержат одну или две статьи, более часто встречающиеся в грамотах другого вида (многочисленные примеры этому приводились выше).

Разбор особенностей формуляра отступных грамот помог нам выяснить действительное соотношение различных видов крестьянских купчих. Мы видим, что тут подчас трудно даже говорить о различных ви-

---

[39] Мы не будем указывать здесь всех многочисленных посильных XVI в. За конец XV — первую четверть XVI в. нам известны посильные: АСЭИ, т. II, № 297; «Сб. ГКЭ», т. I, № 48, 50; БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192, л. 275 об.; ЛОИИ, Собр. грамот до 1613 г., № 1/43; ГБЛ, ОР, ф. Троице-Сергиева м-ря, № 253; ЦГАДА, ф. Гледенск. м-ря, № 1, II; там же, № 1, I; ЛОИИ, Собр. грамот до 1613 г., № 1/52; ЦГАДА, ф. 159, № 911, л. 9; ГПБ, ОР, А1/17, л. 12 об. — 13; АСЭИ, т. I, № 634, 638. Из более поздних грамот отметим лишь интересные посильные: ГПБ, ОР, А1/17, л. 1190 об. — 1191 (1551 г.); л. 1240 об. (1549—1550 г.); ЛОИИ, собр. Шегрена, № 8, IV состав (1552 г.); ЛОИИ, ф. Соловецк. м-ря, № 146/1, л. 337—338 об. (1552 г.).

[40] А. И. Андреев знает десять отступных ранее конца 60-х годов XVI в., в которых эта статья отсутствует (*Отступные грамоты...*, стр. 13); видимо, он имеет в виду грамоты: «Сб. ГКЭ», т. I, № 62, 95, 122, 135 и др. Из числа грамот, неизвестных ему тогда, можно также указать: ЛОИИ, ф. Соловецкого м-ря, № 146/2, л. 758 об. — 759 об.; ГПБ, ОР, А1/17, л. 1237; л. 1458 об.; БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192 лл. 211—212; 354 об. — 355 об.; 191—192 об.

[41] А. И. Андреев, *Отступные грамоты...*, стр. 14, 16.

[42] Кроме отступных, известных А. И. Андрееву, укажем здесь следующие (из 60-х годов XVI в.): БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192, лл. 211—212; 298 об. — 299 об., 185 об. — 187; 190/191; 191—192 об.; ЛОИИ, Собр. грамот до 1613 г., № 1/89; ГПБ, ОР, А1/17, лл. 1237; 1430 об.; 1458 об. Купчие, содержащие эти статьи: БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192, лл. 218—219; ЛОИИ, ф. Соловецкого м-ря, № 146/1, лл. 32; 37 об.; 159 об. — 161; 337—338 об.; 270; 274—275; 303 об. — 304 об.; 304 об. — 306 и др.; № 146/2, лл. 581 — об., 582 — об.; ЛОИИ, Собр. актовых книг, № 155, л. 8 об. — 11 (4 купчих); ЛОИИ, Собр. Шегрена, № 8, II состав; ГПБ, ОР, А1/17, лл. 1182, 1206 об., 1242 об.; л. 1275 об.

дах: можно только более или менее четко выделить из всей массы крестьянских купчих те, которые имеют обычный формуляр вотчинных купчих и не содержат никаких упоминаний о праве собственности великого князя на отчуждаемую землю. Однако даже такое выделение будет иметь несколько условный характер. Просматривая сплошь обильный материал крестьянских купчих в монастырских копийных книгах, обращаешь внимание, каким незаметным бывает иногда переход от обычной «вотчинной» купчей к посильной или отступной, особенно когда речь в этих грамотах идет об одном и том же владении. Но все «обычные» крестьянские купчие имеют довольно четкий признак, отличающий их от остальных крестьянских купчих: отсутствие какого-либо упоминания о праве собственности великого князя на отчуждаемую землю.

Обнаружить различие между другими видами крестьянских купчих: посильными, отступными, отдавчими, отданными — почти невозможно; зачастую, как мы говорили, речь идет лишь о различной терминологии. Можно отметить, что более ранние отступные, посильные и подобные им грамоты выражают идею принадлежности отчуждаемой земли великому князю менее развернуто и четко, чем более поздние грамоты. Однако анализ формуляра грамот не дает возможности точно связывать это различие с определенным видом таких грамот или с определенной категорией черных земель.

Среди отступных грамот часто встречаются грамоты на оброчные земли. Но нам известны отступные, в которых речь идет явно не об оброчных землях (о посадских, черносошных, церковных) [43]. В то же время сделки на оброчные земли и воды оформлялись подчас посильными грамотами и даже обычными купчими [44]. В довершение всего известен ряд случаев, когда одна и та же земля переходила то по обычной купчей, то по отступной, то по посильной [45], а также случаи, когда по отступной грамоте одновременно переходят и оброчные и черные земли [46].

А. И. Копаиев уже на материале Судебника 1589 г. доказал неправильность высказанного в 1916 г. А. И. Андреевым мнения о том, что формула «Земля царева и великого князя, а моего владения», встречающаяся в отступных грамотах, относится лишь к оброчным землям [47].

Итак, анализ текстов крестьянских купчих несомненно свидетельствует о разнообразии видов этих купчих и в то же время — о значительной близости этих видов между собой. Указание о принадлежности отчужденной земли великому князю имеет различные формулировки. Это указание не стало еще обязательным для того или иного вида крестьянских купчих, оно может то появляться, то исчезать даже в купчих, оформляющих сделки на одну и ту же землю.

Все эти противоречия источников отражают действительные противоречия исторического процесса. В рассматриваемое время на Севере

---

[43] БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192, лл. 195—196; 298 об. — 299 (средняя меж. отступной и посильной); ЛОИИ, ф. Соловецкого м-ря, № 146/2, лл. 758 об. — 759 об.; ГПБ, ОР, А1/17, л. 1237.

[44] «Сб. ГКЭ», т. I, № 50; ЛОИИ, ф. Соловецкого м-ря, № 146/2, лл. 736, 614.

[45] Ср. грамоты: АСЭИ, т. II, № 297 и данную 1528—1529 г. (ГПБ, ОР, А1/17, лл. 15 об. — 16); посильную купчую 1509—1510 г. (БАН, ОР, Арханг. собр., № 1192, л. 275 об.) и отступную 1519—1520 г. (там же, лл. 301 об. — 320); купчую ранее 1529 г. (ГБЛ, ОР, собр. Беляева, Акты, № 43) и посильную 1525 г. (там же, № 45). Сами отступные грамоты среди старых грамот на отчуждаемую землю, переходящих к новому владельцу земли, часто упоминают купчие и посильные.

[46] ЦГАДА, ГКЭ, Холмогоры, № 14385, гл. 54 (1561 г.).

[47] «Судебники XV—XVI веков», под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952, стр. 533.

(особенно на Двине) шел процесс феодализации земель черных крестьян. Для него характерны различные пути, среди которых главным (по широте охвата) было увеличение прав феодального государства на черные земли. Процесс этот не сразу и не везде на Севере приводил к одинаковым результатам. Многое зависело от тысячи местных обстоятельств, особенностей исторического прошлого не только отдельных земель, но даже отдельных владений, случайностей политической обстановки, реальной силы феодального государства и т. д. Вспомним к тому же, что крестьяне зачастую предъявляли особые права на участки леса, ими самими расчищенные под пашню, вспомним также частые случаи заклада крестьянских земель феодалам. Все это создавало пестроту юридических прав крестьянина на землю. Понятно, что подобная пестрота действительных отношений и прав собственности зачастую вела к невозможности четко определить права крестьянина или феодала (феодального государства) на данную землю. А это в свою очередь приводило к разнообразию типов грамот, оформляющих переход прав на крестьянскую землю из рук в руки, к невозможности провести резкие грани между этими типами, к случаям замены обычной купчей грамоты отступной или посильной на ту же землю и т. д.

Если мы возьмем весь комплекс дошедших до нас купчих на крестьянские земли Севера XV—XVI вв., то увидим, что в течение всего этого времени преобладают купчие, в которых отсутствует какое-либо указание на право собственности великого князя на отчуждаемую землю. Купчие, в которых говорится об этом праве, появляются на Севере, видимо, в конце XV в.[48] и в течение XVI в. (особенно, его второй половины) получают все более и более широкое распространение; однако численно они продолжают уступать обычным крестьянским купчим. Можно отметить также, что постепенно идея принадлежности земли великому князю начинает выражаться в таких купчих более подробно, однако этот процесс нельзя считать характерным лишь для одного какого-либо вида крестьянских купчих — ему подчиняются и отступные, и посильные, и иные подобные купчие[49].

Таким образом, многочисленные противоречия, вскрывающиеся при изучении крестьянских купчих Севера, отражают сложность и противоречивость самого процесса феодализации черных земель.

Важно особенно подчеркнуть, что эти купчие очень часто не упоминают об уплате феодальной ренты с крестьянской земли; это обстоятельство, конечно, не означало того, что рента с земли действительно не уплачивалась крестьянам. Но если такой важный вопрос, как взимание феодальной ренты с крестьянской земли, купчие освещают плохо, то по вопросу о свободе распоряжения крестьянами этой землей они дают, как видим, весьма обильный материал. Добавим только, что значительный интерес для нас представляет факт отсутствия представителей великокняжеской администрации при заключении купчих; доклад или явка купчей этим представителям, как это видно из грамот, также обычно не практиковались.

---

[48] Первая известная нам подобная купчая-отступная датируется 1495—1496 г. («Летопись занятий Археографической комиссии», т. 35, Л., 1929, № 57).

[49] Этот процесс отражает лишь общую тенденцию, знающую большое число отступлений.

А. А. Зимин

СОБЫТИЯ 1499 г. И БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК ПРИ ДВОРЕ ИВАНА III

Одним из наиболее темных эпизодов политической борьбы в России конца XV в. являются события 1499 г., повлекшие за собою опалу виднейших политических деятелей этого времени князей С. И. Ряполовского и Патрикеевых.

«В лето 7007-го генваря князь великии велел понмати бояр своих, князя Ивана Юриевича з детми, да князя Семе[на] Ивановичя Ряполовского; и велел казнити князя Семена Ивановичя Ряполовского, отсекоша ему главу на реце на Москве, пониже мосту, февраля 5, во вторник; а князя Ивана Юриевичя пожаловал от казни, отпустил его в черньци к Троици, а сына его князя Василия Ивановичя Кривого отпустил в моиастырь в Кирилов на Белоозеро». Вскоре после этого «марта 21, в четверк, пожаловал князь великии Иван Васильевич всея Русии сыиа своего князя Василия Ивановича, нарек его государем великим князем, дал ему Великыи Новгород и Псков, великое княжение»[1]. Такова официальная трактовка событий 1499 г., содержащаяся в летописном своде 1518 г. (и в его предшественнике — своде 1508 г.).

В продолжении хронографа редакции 1512 г. сразу же после сообщения о коронации Дмитрия следует текст: «Велел князь великий поимать бояр своих, князя Ивана Юрьевича з детми, да зятя его князя Семена Ряполовского велел казнити, головы ссечи, а князя Ивана да сына его князя Василия в черньцы отпустил лета 7007 генваря. Того же лета князь велики Иван пожаловал сыиа своего князя Василья, а нарек его великим князем и дал ему Новгород Великий и Псков»[2]. В данном случае известие хронографа восходит к своду 1508 г. (или одному из сходных).

Близок к своду 1508 г. и текст Вологодско-Пермской летописи. Здесь после краткой записи о том, как Иван III в феврале 1498 г. «посади на великое княжение внука своего, князя Дмитрея Ивановича», идет сообщение о «поимании» князя Ивана Юриевича с детьми и о казни князя Семена Ряполовского. Различия с сообщением Уваровской и сходных летописей сводятся к следующему.

---

[1] ПСРЛ, т. 28, М.—Л., 1963, стр. 331—332; т. 8, СПб., 1859, стр. 236; т. 6, СПб., 1853, стр. 243; т. 12, СПб., 1901, стр. 248—249; т. 20, ч. 1, СПб., 1910, стр. 369; «Иоасафовская летопись», М., 1957, стр. 137.

[2] ПСРЛ, т. 22, ч. 1, СПб., 1911, стр. 513—514; ИА, кн. VII, М., 1951, стр. 273.

Во-первых, Вологодско-Пермская летопись не дает точной даты событий. Во-вторых, говорится, что Патрикеевых «упросил... у смертные казни митрополит Симан да владыка». В-третьих, добавлено, что Патрикеевых повелено было «на Москве постричи в железех». В-четвертых, весь рассказ завершен новой записью: «Того же лета, апреля, поимал князь великий Иван Васильевич князя Василья Ромодановского да Ондрея Коробова Тферитина». Наконец, пожалование Новгородом сына Ивана III Василия датировано 29 июня [3].

В Типографской летописи интересующая нас запись дана в очень краткой форме и помещена после сообщения о казни В. Гусева: «Лета 7000 седьмаго поимал князь великый князя Ивана Юрьевича да его детеи, князя Василья да князя Ивана да зятя его князя Семена Ряполовского месяца генваря 31 день и стят бысть князь Семен Ряполовский месяца фев[раля] 5 день на память святыа мученицы Агафьи» [4]. О поставлении Василия Ивановича на великое княжение новгородское в Типографской летописи нет ни слова. Здесь же дается точная дата ареста Ряполовского и говорится о том, что он был зятем И. Ю. Патрикеева. В Устюжском летописном своде лаконично сказано: «В лета 7006 князь великий Иван Васильевич поимал в ызмене князя Ивана Юрьевича и сына его Василья Косово да князя Семена Ивановича Ряполовского» [5]. Сходные записи есть и в кратких летописцах [6].

Причин опалы князей Ряполовского и Патрикеевых источники не излагают. Правда, в грамоте Ивана III русским послам (май 1503 г.) содержалось предупреждение: «вы бы во всем себя береглн; а не так бы есте чинилн, как князь Семен Ряполовской высокоумничал князем Васильем княжим Ивановым сыном Юриевнча». Иван III имел в виду посольство С. И. Ряполовского и В. И. Патрикеева в Литву, завершившееся заключением мирного договора и браком великого князя Литовского Александра с дочерью Ивана III Еленой [7]. В чем состояло «высокоумничанье» (т. е. своеволие) Ряполовского, можно только догадываться.

Глухие сведения о казни С. И. Патрикеева и пострижении В. И. Патрикеева приводит А. Курбский [8].

Наконец, в Степенной книге приведено сообщение о том, что 21 марта 1499 г. Иван III «нарек... государем и великим князем» своего сына Василья. Причем «малым бо пред сим яко за два лета, некоих

---

[3] ПСРЛ, т. 26, М.—Л., 1959, стр. 291. См. также Я. С. Лурье, *О неизданной Холмогорской летописи*, — Сб. «Исследования по отечественному источниковедению», М.—Л., 1964, стр. 453. В сокращенин это же сведение см.: Я. С. Лурье, *Краткий летописец Погодинского собрания*, — АЕ за 1962 г., М., 1963, стр. 443. Здесь поставление Василия датируется 29 июля, причем добавлено: «а князя Юрья на Дмитров, а князя Дмитрия Угличем».

[4] ПСРЛ, т. 24, Пг., 1921, стр. 214. К этому тексту близок текст с небольшими дополнениями Владимирского летописца («детей князя Василья Косово да князя Ивана Мыиыну»). В конце текста значится: «а князя Ивана Юрьевича да князя Василья... упросил митрополит Симан и владыкы в черици от казни» (ПСРЛ, т. 30, стр. 139).

[5] «Устюжский летописный свод», М.—Л., 1950, стр. 100; в Кирилло-Белозерском летописце: «Лета 7007. Опала великого князя на бояре, на князя Ивана Юриевича з детьми, и князя Семена Ряполовского казинл» (А. А. Зимин, *Краткие летописцы*, — ИА, кн. V, М.—Л., 1950, стр. 36). Запись разрядных книг: «Того ж году января в день велел князь великий... переимать бояр своих князя Ивана Юрьевича да князь Семена Ивановича Ряполовского и велел князь Семена казнити на Москве-реке, а князя Ивана постриг у Троицы на Белоозере» (ГПБ, ОР, Эрм., № 390, л. 20).

[6] ГИМ, ОР, собр. Щукина, № 668, л. 328 об. (М. Н. Тихомиров, *Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы*, М., 1962 стр. 35—36).

[7] Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882, стр. 138, 428 и сл.

[8] РИБ, т. 31, СПб., 1914, стлб. 163, 272.

ради людьских крамол гнев имея на них... Потом же великий князь испыта подробиу вся преже бывшая крамолы, их же ради повеле князя Симиона Ряполовского казнити смертиым посечением. Князя же Иваиа Юрьевича и сына его князя Василья Косово для моления митрополича и владык милость над ним сотвори: смерти не предаст их. И отпущены бывшие и во иноческий чии облекошася, богоугодио поживе и разная времена и к богу отидоша» [9]. Итак, в Степенной книге возвышение Василия и казнь Ряполовского тесио связаны между собою.

В духе Степеииой книги интерпретировали интересующие нас события Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев. Последний писал: «Летописцы говорят глухо, ие объявляют, в чем состояли крамолы, измеиа Патрикеевых и Ряполовского; но нет сомиения, что эта измеиа и крамолы состояли в действиях их против Софии и ее сына в пользу Елены и Дмитрия внука» [10].

Против подобной оценки событий выступил Я. С. Лурье. Он отвергает сведение Степеииой книги, как позднейшее, считая, что оно возникло уже тогда, когда Вассиану Патрикееву нужно было приписать близость к давним врагам Василия III. Поэтому Я. С. Лурье ие видит связи между опалами 1499 г. и известием о приближении княжича Василия Ивановича. Он обращает виимание и на то, что ведь «в начале княжеиия Василий III оказывал покровительство Патрикееву». По его мнению, опала на Патрикеевых вообще не связаиа с возвышением Василия Ивановича. О причинах ее он не пишет, ссылаясь только иа сообщеиие посольских дел [11].

Приведя подробные сведения о длительной связи Патрикеевых с московским великокияжеским домом, Л. В. Черепиин обратил внимаиие на участие И. Ю. и В. И. Патрикеевых в 1495—1499 гг. в решении поземельных споров. Это привело его к выводу, что «в выработке проекта Судебника 1497—1498 гг. Патрикеевым принадлежала осиовиая роль» [12]. Причины их опалы Л. В. Черепнии связывает с «намечавшейся русско-литовской войной». Это очень важное наблюдение он подкрепляет сведениями о том, что «И. Ю. Патрикеев являлся сторонииком русско-литовского сближения». Патрикеевы, по мнению Л. В. Черепнина, «принадлежали к партии Елены Стефаиовны, высказывавшейся против войны с Литвой» [13]. В рецензии на книгу Л. В. Черепнина автор этих строк считал Патрикеевых «противииками централизованной политики Ивана III» и их падение объясиял «борьбой Ивана III против реакционного боярства», т. е. против сторонников Дмитрия-внука [14]. Характеристика социальной сущности группировки Дмитрия-внука, даиная в 1952 г., в настоящее время нам представляется ошибочной.

Гипотезу Я. С. Лурье принял К. В. Базилевич, хотя прямо на него он не ссылался. Опалу на Ряполовских и Патрикеевых, «убежденных сторонников примирения и сближения с Литвой», с династической борьбой К. В. Базилевич также ие связывал. В лице этих княжат, по мнению К. В. Базилевича, «Иваи III встретил оппозицию своим планам.

---

[9] ПСРЛ, т. 21, ч. 2, СПб., 1913, стр. 572.

[10] ИР, кн. III, М., 1960, стр. 63.

[11] Я. С. Лурье, *Первые идеологи Московского самодержавия*, — «Уч. зап. ЛГПИ», т. 78, 1948, стр. 97. Позднее Я. С. Лурье писал, что «опала Ряполовского — Патрикеевых была так или иначе связана с внешнеполитическими делами» (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — нач. XVI в.*, М.—Л., 1955, стр. 168).

[12] Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы XIV—XV веков*, ч. 2, М., 1951, стр. 308.

[13] Там же, стр. 315, 316.

[14] См. «Советская книга», 1952, № 4, стр. 66—67.

касавшимся вооруженной борьбы за русские земли с литовским господарем» [15].

В рецензии на книгу К. В. Базилевича И. И. Смирнов отстаивает версию Степенной книги, считая, что «князья Ряполовские и Патрикеевы представляли собою самые верхи феодальной аристократии», которые «рассчитывали использовать малолетнего внука Ивана III Дмитрия для захвата власти в свои руки». Подробный рассказ Степенной книги, по мнению И. И. Смирнова, раскрывает то, что «стремились скрыть ранние летописные своды» [16]. И. И. Смирнов иллюстрирует свою мысль ссылкой на аналогичный рассказ Царственной книги о боярском мятеже 1553 г. позднейшего (сравнительно с Никоновской летописью) происхождения. Пример явно неудачный, ибо сугубая тенденциозность этого рассказа широко известна.

И. И. Смирнов не считает слишком большую самостоятельность С. И. Ряполовского и Патрикеевых в дипломатических делах причиной их опалы: ведь они принимали участие в переговорах с Литвою только в 1494—1495 гг., а позднее об их дипломатической деятельности нам ничего не известно. Казнь же С. И. Ряполовского в 1499 г. не могла быть карой за «высокоумничанье», допущенное пять лет назад.

Н. А. Казакова, как и И. И. Смирнов, считает, что «не доверять рассказу Степенной книги... нет никаких оснований». В умолчании летописей первой половины XVI в. о связи дела Патрикеевых с борьбой партий при дворе Ивана III она видит влияние заинтересованных лиц, «в руках которых находилась власть и волей которых определялось в значительной степени содержание и направленность летописных известий» [17]. Но мы бы все же не придавали такого значения источнику, составленному через шестьдесят с лишним лет после событий. Текст рассказа Степенной книги представляет собою простое осмысление ранних летописей; он не дает никаких новых деталей, которые бы свидетельствовали о наличии у автора не дошедших до нас источников. Мысль Н. А. Казаковой о связи Ряполовского и Патрикеевых с окружением Дмитрия-внука заслуживает внимания. «Опала Патрикеевых-Ряполовских,— пишет она,— была данью возвышающемуся Василию, но публичное объявление о причинах опалы (выступление Патрикеевых и Ряполовских в 1497 г. против Василия на стороне Дмитрия) могло бросить тень подозрения на Дмитрия» и поэтому не попало в летописи, составленные еще до опалы Дмитрия в 1500 г. Отсутствие же объяснения причин опалы в поздних летописях Н. А. Казакова объясняет тем, что они писались уже тогда, когда Вассиан Патрикеев стал фаворитом великого князя: «естественно, что в этих условиях напоминание о былой враждебности Патрикеевых Василию было неудобным» [18].

Последнее звено построения Н. А. Казаковой рушится уже потому, что в основе Уваровской летописи находится летописный свод 1508 г., составленный еще в ту пору, когда Вассиан не пользовался покровительством Василия III. Летописец просто отредактировал имевшийся у него текст записи 1499 г., не внося в него никаких новых подробностей.

Н. А. Казакова привела достаточный материал, говорящий о близости Патрикеевых к Федору Курицыну, лидеру группировки, опиравшейся на кандидатуру наследника престола Дмитрия-внука. Так, Ф. Курицын сидел вместе с С. Ряполовским и В. П. Патрикеевым в

---

[15] К. В. Базилевич, *Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века*, М., 1952, стр. 374.

[16] См. ВИ, 1952, № 11, стр. 142—143.

[17] Н. А. Казакова, *Вассиан Патрикеев и его сочинения*, М.—Л., 1960, стр. 44.

[18] Там же, стр. 45—46.

мае 1494 г. в Литву для переговоров о мире [19]. Он, как и Патрикеевы, принимал литовских послов в августе 1494 г.[20]. В 1497 г. Курицын и Патрикеевы присутствовали на отводе земель, промененных Иваном III волоцким князьям Федору и Ивану Борисовичам [21]. Наконец, Н. А. Казакова отмечает и следы влияния еретической идеологии на творчество Вассиана Патрикеева. Основной причиной опалы Патрикеевых, по ее мнению, «явилось участие их в династической борьбе на стороне Дмитрия» [22].

«Династический кризис» в конце правления Ивана III привлек к себе внимание видного английского исследователя Джона Феннелла. Вслед за рядом советских исследователей он отвергает показание Степенной книги как источника для выяснения существа событий 1499 г. Дж. Феннелл не считает достаточным сведения о близости Патрикеевых и Ф. Курицына, чтобы говорить об их поддержке Елены и Дмитрия во время династического кризиса. Приведенные Л. В. Черепниным данные о поддержке Патрикеевыми борьбы Василия II и Ивана III с их удельными противниками также, по его мнению, не дают еще материала для характеристики их позиций во время событий 1497—1499 гг. В конечном счете Дж. Феннелл делает неожиданный вывод о том, что Ряполовский и Патрикеевы симпатизировали оппозиции, возглавленной Софьей и княжичем Василием, их опала в 1499 г.— удар по группировке Софьи Палеолог. Доводы его следующие. Как известно, Василий III, взойдя на престол, приблизил к себе Вассиана Патрикеева. Мог он, следовательно, симпатизировать ему и в более раннее время. Но приближение Вассиана произошло не в начале правления Василия III, а около 1510 г., т. е. после разрыва великого князя с осифлянами. Факт, на который ссылается Дж. Феннелл, говорит против его построения: Вассиан в первые годы княжения Василия III находился в опале.

Второй его довод заключается в том, что за опальных в 1499 г. ходатайствовал митрополит Симон, а поскольку он был противником еретиков, то должен был поддерживать Софью и Василия [23]. С Симоном обстоит дело не так просто. В 1498 г. Симон «благословил» Дмитрия на великое княжение [24]. В январе 1499 г. по его же «благословению» Иван III секуляризировал земли в Новгороде [25]. Близость Симона к группировке Дмитрия-внука, как мы видим из приведенных фактов, казалось бы, несомненна. Симон подтвердил и духовную И. Ю. Патрикеева [26]. Но это только на первых порах. На Соборе 1503 г. Симон решительно выступил в защиту монастырского землевладения. В 1504 г. он возглавлял собор, на котором были осуждены еретики [27]. Послание Симона о соблюдении соборного приговора написано было Иосифом Волоцким [28]. Покровительствовал волоцкому игумену митрополит и позднее, до ухода с кафедры (1511 г.). Во всяком случае ясно, что для характеристики позиции Симона в 1499 г. нельзя привлекать сведения 1503—1511 гг., относящиеся к совершенно иной политической обстановке. Колебания митрополита отражали изменения в соотношении сил при дворе Ивана III.

[19] Сб. РИО, т. 35, стр. 138 и сл.; ПСРЛ, т. 24, стр. 212.
[20] Сб. РИО, т. 35, стр. 148, 150, 154.
[21] ДДГ, М.—Л., 1950, № 89, стр. 344.
[22] Н. А. Казакова, *Вассиан Патрикеев...*, стр. 48.
[23] J. L. I. Fennell, *Ivan the Great of Moskow*, London, 1961, pp. 339—352.
[24] ЧОИДР, 1883, кн. 1 отд. 1, стр. 34; ПСРЛ, т. 12, стр. 246—248.
[25] ПСРЛ, т. 12, стр. 249; «Псковские летописи», вып. II, М., 1955, стр. 252.
[26] ДДГ, № 86, стр. 349.
[27] ПСРЛ, т. 6, СПб., 1853, стр. 49, 244—245.
[28] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, *Антифеодальные еретические движения*, стр. 504—505

Есть одно сообщение, заслуживающее специального анализа,— это рассказ Типографской летописи и свода 1497 г. о том, как Иван III призвал к себе митрополита и епископов и начал просить «у них прощения о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею его уморил»[29]. Л. В. Черепнин обратил внимание на недописанную фразу Типографской летописи «Того же лета Симону митрополиту». Она помещена после записи о Судебнике и перед приведенным выше рассказом о «челобитьи» Ивана III митрополиту. Сопоставив ее с митрополичьим формулярником, он высказал предположение, что «митрополит Симон имел основания ходатайствовать в 1497 г. перед Иваном III за лиц, замешанных в заговоре детей боярских»[30]. Предположение очень интересное, но еще нуждающееся в дополнительных доказательствах. Во всяком случае позицию Симона в 1447—1499 гг. нельзя считать провасильевской. Она была более аморфной.

Последний довод Дж. Феннелла — это казнь кн. В. В. Ромодановского, происшедшая месяц спустя после опалы на Патрикеевых и С. И. Ряполовского. Отец последнего Иван Андреевич Ряполовский был родным братом деда Ромодановского — Федора Андреевича Стародубского. Сам же В. В. Ромодановский — боярин князя Михаила Андреевича Верейского[31], а сын последнего — Василий был женат на племяннице Софьи Палеолог. В 1484 г., опасаясь ареста, он бежал в Литву[32]. К сожалению, интересное наблюдение Дж. Феннелла не имеет однозначного объяснения, ибо мы не знаем, что послужило причиной опалы Ромодановского. Можно только заметить, что одновременно с Ромодановским «пойман» был «тверитин» Андрей Коробов. Это могло бы говорить о протверских симпатиях последнего, а отсюда о близости Коробова и Ромодановского к Дмитрию-внуку[33].

Казнь В. В. Ромодановского — одно из следствий отказа от мирной политики по отношению к Литве, сторонником которой он, очевидно, являлся. Еще в феврале 1495 г. Ромодановский был отправлен в качестве боярина в Литву вместе с дочерью Ивана III и Софьи — Еленой. Посольство возглавлял С. И. Ряполовский. Вернулся из Литвы Ромодановский осенью того же года[34]. В марте 1498 г. его снова направили с посольством в Литву[35]. Попытка упрочить мирные русско-литовские отношения не увенчалась успехом. В разрядах есть запись, помещенная под сентябрем 7007 (1498) г. о походе к Казани[36]. После нее дан разряд, в котором перечислены четыре воеводы: С. И. Ряполовский, В. В. Ромодановский, С. Карпов, А. Коробов. Эта запись свидетельствует о близости Ромодановского и Коробова к Ряполовскому. Сохранял ли Ромодановский свои старые семейные связи с Софьей в 90-е годы, сказать трудно.

Итак, попытку Дж. Феннелла включить С. И. Ряполовского и Патрикеевых в состав окружения Софии Палеолог нельзя считать удач-

---

[29] ПСРЛ, т. 24, стр. 213—214; т. 28, стр. 160. Андрей Васильевич Угличский умер в ноябре 1493 г. (там же, стр. 212).

[30] Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы...*, стр. 297.

[31] ДДГ, № 80, стр. 303—309, 311; № 82, стр. 358.

[32] ПСРЛ, т. 24, стр. 203.

[33] А. А. Зимин, *О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма*, — Сб. «Абсолютизм в России», М., 1964, стр. 35.

[34] ПСРЛ, т. 28, стр. 160, 326; т. 26, стр. 289; Сб. РИО, т. 35, стр. 170, 172 и др. В 1490—1491 гг. В. В. Ромодановский ездил с посольством в Крым (Сб. РИО, т. 41, СПб., 1884, стр. 98 и сл.).

[35] Сб. РИО, т. 35, стр. 249.

[36] ДРК, стр. 24; ср. ПСРЛ, т. 28, стр. 332; «Разрядная книга 1475—1598», М., 1966, стр. 28 (далее — РК).

ной [37]. Удар по группировке Софьи Палеолог буквально накануне поставления Василия Ивановича великим князем был бы более чем странным. Историю падения С. И. Ряполовского и Патрикеевых начинают событиями, происшедшими задолго до 1499 г.— речь идет об участии этих вельмож в заключении русско-литовского мира 1494 г. В Литву вместе с ними ездил и Федор Курицын. Позднее (в 1503 г.) Иван III сам писал о «высокоумничании» С. И. Ряполовского во время этих переговоров. В том, что Ряполовский и Патрикеевы были решительными сторонниками литовско-русского сближения, как будто сходятся все исследователи. Потомок Ольгерда Ю. И. Патрикеев и его друзья пользовались доверием литовских послов [38].

В 1503 г. Иван III был возмущен «небрежением нашему имени», допущенным С. И. Ряполовским и В. И. Патрикеевым. Это означало, конечно, что, по мнению великого князя, русские уполномоченные могли добиться большего успеха (в первую очередь территориальных уступок) во время переговоров. В начале XVI в. Иван III смотрел уже иному на условия мира, чем при его заключении, т. е. в 1494 г.

В январе 1495 г. в Литву был отправлен пышный кортеж невесты литовского великого князя Александра — Елены, дочери Ивана III и Софии Палеолог. Невесту сопровождали бояре: кн. С. И. Ряполовский и М. Я. Русалка-Морозов. Боярином у княгини определили В. В. Ромодановского [39].

С октября 1495 г. С. И. Ряполовский, М. Я. Русалка-Морозов, В. И. Патрикеев находились вместе с великим князем в Новгороде. В начале 1496 г. Иван III выехал в Москву [40].

В декабре 1495 — январе 1496 г. В. И. Патрикеев и А. Коробов участвовали в походах против «свейских немцев», в августе среди воевод находился и В. В. Ромодановский [41].

Попытка решить вооруженной силой давниший спор со Швецией была оборотиой стороной заключения мира с великим княжеством Литовским и договора о союзе с Данией (1493 г.) Н. В. Синицына обратила наше внимание на активное участие в войне со Швецией В. И. Патрикеева (он фактически руководил всеми русскими силами, осаждавшими Выборг). Это, по ее мнению, свидетельствует о том, что Патрикеевы активно поддерживали программу мира с великим княжеством Литовским и войны со Швецией, т. е. были близки к группировке Елены Стефановны и Дмитрия-внука.

В мае 1496 г. С. И. Ряполовский, В. И. Патрикеев, А. И. Коробов и другие воеводы выполнили важные поручения Ивана III. Они были посланы с войском под Казань оказать помощь Магмет-Аминю. В сентябре они уже выехали в Москву из Казани [42].

---

[37] Интересно, что сам Дж. Феннелл справедливо находит черты близости в идеологии нестяжателей (а к ним принадлежит Вассиан Патрикеев) и еретиков (J. Fennell, *Of the Josephjans and the Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judaisers*, — «The Slavonic and East-European Review», 1951, vol. 29, № 75, pp. 486—509).

[38] Сб. РИО, т. 35, стр. 64, 71—72 и др. Подробнее см: К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 372—373

[39] Сб. РИО, т. 35, стр. 159—173; ПСРЛ, т. 28, стр. 326.

[40] ПСРЛ, т. 24, стр. 242; ДРК, стр. 19; РК, стр. 24—25.

[41] ДРК, стр. 22—23; РК, стр. 26—27; ПСРЛ, т. 28, стр. 377. По Вологодско-Пермской летописи Патрикеев осаждал Выборг в апреле 1496 г. (ПСРЛ, т. 26, стр. 290).

[42] ПСРЛ, т. 28, стр. 328; т. 24, стр. 242. В разрядах указано ошибочно: «в мае 7005», т. е. 1497 г. (ДРК, стр. 23). Сообщение Разрядной книги о посылке С. И. Ряполовского против Урака в августе 1499 г. описка: надо читать — Семен Романович (ДРК, стр. 24; РК, стр. 28; ПСРЛ, т. 28, стр. 332). К. В. Базилевич ошибочно считает, что речь идет о посылке С. И. Ряполовского к Казани в августе 1498 г. (К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 373).

В июне 1497 г. отец и сын Патрикеевы вместе с Ф. Курицыным присутствовали на обмене земель Ивана III волоцкими князьями Федором и Иваном Борисовичами [43]. Около февраля 1498 г. И. Ю. Патрикеев уже «Москву держал», т. е. был московским наместником [44]. В сентябре 1498 г. С. И. Ряполовский с войсками посылался к Казани [45].

Вопрос об участии В. И. Патрикеева в решении поземельных споров нам представляется очень сложным. Правые грамоты конца XV — начала XVI в., упоминающие «князя Василия Ивановича», не имеют точной датировки. В это время было три князя Василия Ивановича, которым могла принадлежать высшая судебная санкция. Это — сын Ивана III, В. И. Патрикеев, и В. И. Голенин (последний разбирал поземельные споры главным образом в начале XVI в.). Поэтому придется разобрать все акты, имеющие отношение к деятельности «князя Василия Ивановича».

В архиве московской митрополии сохранилась выпись из писцовых книг кн. В. И. Голенина Переяславского уезда 1491/92 г.[46], выпись из писцовых книг Московского уезда 1498/99 г. кн. В. Голенина [47], грамота 4 августа 1492 г. (ее послух — кн. В. И. Голенин) [48]. Но вот дальше начинаются неясности. «По грамоте княж Васильева Ивановичя» один суд судил С. Д. Короткого. Речь идет о сыне Ивана III, ибо «судья рекся доложити государя великого князя... и перед князем Васильем Ивановичем судья Семен Данилов список положил». Вторая подпись уже на грамоте сделана великим князем Дмитрием в марте 1498 г. [49]. Грамота 1495—1499 гг. суда кн. Василья Ивановича также имеет в виду, очевидно, сына Ивана III, ибо у него на суде были бояре кн. Иван Юрьевич (Патрикеев) и Юрий Захарович [50]: отец не мог быть «судным мужем» на процессе, разбиравшемся его сыном.

В архиве Тронце-Сергиева монастыря также встречаются акты с прямой ссылкой на В. И. Голенина. Так, в меновной от декабря 1499 г. на земли Московского уезда упоминается «писец великого князя князь Василей Ивановичь» [51]. Это, конечно, В. И. Голенин, проводивший описание московских земель как раз в этом году. В судном списке 1499—1502 гг. прямо называется судья «писец князь Василей Иванович Голенин». Грамота докладывалась великому князю всея Русии Василию Ивановичу [52]. В. И. Голенин назван и в других актах (1503—1504 гг.) [53]. В одном подтверждении акта И. А. Голубцов судью «князя Василия Ивановича» отождествил с В. И. Голениным. Он исходил из того, что акт относится к Переяславскому уезду, где в 1504 г. Голенин был писцом [54]. Но в 1504 г. уже не было в живых Федора Курицына, который вместе с кн. Василием Ивановичем подписал эту грамоту [55]. Таким образом, или подпись была сделана около 1491/92 г., когда Голенин впер-

---

[43] ДДГ, № 85, стр. 344.

[44] С. О. Шмидт, *Продолжение хронографа редакции 1512 г.*, — ИА, т. VII, М., 1951, стр. 272. Московским наместником около 1472 г. был еще его отец И. Ю. Патрикеев (АСЭИ, т. III, М., 1964, № 403).

[45] ПСРЛ, т. 28, стр. 332; ДРК, стр. 24.

[46] АФЗиХ, ч. I, М., 1951, № 22.

[47] Там же, № 39.

[48] Там же, № 36.

[49] Там же, № 117.

[50] Там же, № 123. В издании — В. И. Патрикеев.

[51] АСЭИ, т. I, М., 1952, № 624.

[52] Там же, № 628.

[53] Там же, № 643, 649.

[54] Там же, № 427, стр. 316.

[55] Сама купчая грамота датируется 1474—1475 г., и подпись Курицына относилась не к ее первоначальному тексту, а к подтверждению.

вые составлял писцовые книги в Переяславле, или перед ними какой-то иной Василий Иванович.

Целую группу грамот, датированных 1495—1499 гг., И. А. Голубцов связал с В. И. Патрикеевым [56]. Однако определенных данных для этого нет. Князя Василия Ивановича можно отождествить и с сыном Ивана III [57] (см., например, грамоту от апреля 1496 г. о размежевании ярославских земель, явно выданную будущим Василием III [58]).

Ряд ярославских грамот около 1495—1497 гг. прямо связывается с сыном Ивана III [59]. Так, в двух из них прямо говорится, что «судья рече деложити государя великого князя», а далее речь идет о князе Василии Ивановиче [60]. Великим князем мог быть назван только княжич Василий.

Князя Василия Ивановича, руководившего отводом на Белоозере в 1492 г., И. А. Голубцов отождествляет с Голениным, занимавшимся писцовым делом [61]. Дело в том, что Голенин в актах называется по фамилии, кроме случаев, когда он упоминается как «писец князь Василий Иваиович» [62]. Нет достаточных оснований связывать с Патрикеевыми грамоту 1497—1498 гг. на суздальские земли [63].

Итак, в настоящее время мы не можем с уверенностью сказать об участии В. И. Патрикеева в решении поземельных споров 1496—1498 гг. Это, конечно, досадно. Ведь положительное решение этого вопроса дало бы дополнительные данные, которые могли бы объяснить становление его нестяжательских взглядов.

Конец XV в. — время обострения классовой борьбы; одной из ее причин была борьба черносошного крестьянства за землю. Правительство Ивана III, изыскивая средства для испомещения служилого люда, проводило секуляризационные мероприятия в новоприсоединенных землях. О ликвидации крупного монастырского землевладения в Новгороде писалось много [64].

В 1490 г. многие земли («что были поимали передние владыки пермские и владыка Филофей») передавались «в тягло Вологоцкой земле». Эту секуляризационную грамоту подписал Федор Курицын [65]. В 90-х годах производится описание земель центральных уездов (Переяславского, Московского, Юрьевского, Дмитровского, Владимирского и др.), во время которого проверялись права землевладельцев на их вотчины [66]. Великокняжеская власть снисходительно смотрела на пре-

[56] АСЭИ, т. I, № 582—592, 594, 595.

[57] Интересно, что дьяк Алеша Безобразов (подписавший грамоты № 585, 587, 588, 590, 591, 592, 594, 595) подписал и грамоту ок. 1500—1501 г. (№ 635), упоминающую «князя Василия Ивановича», которого И. А. Голубцов отождествил с Голениным. Нам кажется вероятнее сопоставить этого князя с сыном Ивана III. А. Безобразов подписывал подтверждение Ивана III 1492—1493 г. (№ 519); грамоту 1495—1499 гг., которую мы связали с сыном Ивана III (АФЗиХ, ч. I, № 129), правую 1497—1498 г. с доклада Дмитрию-внуку (там же, № 259), подтверждение 1490—1491 г. Василия Ивановича, сына Ивана III (АСЭИ, т. II, М., 1958, № 271), правую грамоту июля 1504 г. (там же, № 428).

[58] АСЭИ, т. III, № 215.

[59] Там же, № 208—210. Это признает и И. А. Голубцов (там же, стр. 225).

[60] Там же, № 208, 209.

[61] АСЭИ, т. II, № 290.

[62] АСЭИ, т. I, № 624. По фамилии Голенин назван в грамотах ок. 1498—1499 г. (АСЭИ, т. II, № 418, 419, 421; АСЭИ, т. I, № 643, 649), ок. 1499—1502 (АСЭИ, т. III, № 502), а также в грамотах 1502 г. (АСЭИ, т. II, № 336—338).

[63] АСЭИ, т. II, № 492.

[64] См. В. Н. Бернадский, *Новгород и Новгородская земля в XV веке*, М.—Л., 1961.

[65] АСЭИ, т. III, № 291б. Его брат Волк Курицын в 90-е годы подписал одну из правых грамот (там же, № 209).

[66] В 1491—92 г. описана была Тверь (ПСРЛ, т. 28, стр. 156).

тензии черносошного крестьянства к монастырям, тщательно расследуя их во время многочисленных судебных разбирательств конца XV в.

Если участие В. И. Патрикеева в поземельных процессах 90-х годов XV в. проблематично, то данные о судопроизводственной деятельности его отца (московского наместника) многочисленны[67]. Атмосфера секуляризационных мероприятий Ивана III, бесспорное причастие к ним И. Ю. Патрикеева подкрепляют гипотезу о близости Патрикеевых к кругу Дмитрия-внука и Федора Курицына, являвшегося одним из вдохновителей великокняжеской политики в 90-е годы XV в. Позднее, ратуя за недопустимость монастырского землевладения, Вассиан Патрикеев использовал житейские впечатления, относящиеся к концу XV в.[68].

Есть еще одна нить, позволяющая распутать сложный клубок окружения Патрикеевых. В одном летописце помещено лаконичное сведение о том, что в Кириллове монастыре «пострижен Майков друг Иван Гаврилов сын Заболоцкий». Здесь же сообщается, что в 1502—1503 г. «Нилов брат Андрей преставился»[69]. Так как фамилия Нила Сорского была Майков («Нил, пореклу Майков»)[70], а известного дьяка Ивана III Майка звали именно Андреем, то исследователи делают естественный вывод, что Нил был братом Андрея Майкова[71] («родом от великого града Москвы скорописец, рекше подьячий»).

Андрей Федорович Майков — один из старейших государевых деятелей при дворе Ивана III. Он в качестве дьяка начал свою карьеру в последние годы правления Василия Темного[72]. Некоторое время он находился в окружении вдовы Василия II, княгини Марии[73]. В поземельных делах он редко принимал участие[74]. Зато Майков принадлежал к

---

[67] Он присутствовал на судебных заседаниях и разводах земель, проводившихся самим Иваном III: в 1462—1484 гг. (АСЭИ, т. I, № 330, 642), 1465—1469 гг. (АСЭИ, т. II, № 381), 1473—1489 гг. (АФЗиХ, ч. I, № 249), 1475—1476 г. (АСЭИ, т. II, № 229), 1472—1476 гг. (там же, № 467[а]); подписывал жалованные и указные грамоты в начале великого княжения Ивана III — в 1463 г. (АСЭИ, т. III, № 97), в июле 1462 г. (там же, № 229); был на докладе у Ивана III, 1474—1475 г. (АСЭИ, т. I, № 430) и, возможно, у Василия в 1495—1499 гг. (АФЗиХ, ч. I, № 129). Сам он судил поземельные споры еще в 1453—1462 гг. (АСЭИ, т. II, № 496), затем в 1485—1490 гг. (там же, № 400), 1490 г. (там же, № 402), 1494—1499 гг. (там же, № 410); но особенно часто ему докладывались судебные дела: в 1474—1484 г. (АСЭИ, т. I, № 446), 1485—1489 гг. (АСЭИ, т. II, № 399), 1490—1491 г. (АСЭИ, т. I, № 549), 1490—1498 гг. (АСЭИ, т. II, № 404, 405), после 13 августа 1494 г. (там же, № 409), 1494—1498 гг. (там же, № 411, 412), в сентябре 1496 г. (АСЭИ, т. I, № 604), 1496—1498 гг. (там же, 607, 607[а]). Сохранились и поземельные акты самого И. Ю. Патрикеева: данная 1457 г. (АФЗиХ, ч. I, № 30), меновная 1476—1482 гг. (АСЭИ, т. II, № 247).

[68] Об участии С. И. Ряполовского в московском судопроизводстве сведений нет. Возможно, потому, что он считался удельным князем (см. его грамоты 1447—74 и 1474—78 гг. в АСЭИ, т. I, № 350, 436). Неясные сведения о кн. Семене Ивановиче как суздальском наместнике (АСЭИ, т. III, № 409—410) относятся к 70-м годам (Е. И. Колычева, *Полные и докладные грамоты XV—XVI вв.* — АЕ за 1961 г., М., 1962, стр. 46—47). В конце XV в. жило двое князей С. И. Ряполовских: Молодой (АСЭИ, т. I, № 374) и Хрипун (его дядя). Впрочем, в 90-х годах Хрипун, очевидно, уже умер (в разрядах Ф. С. Хрипун упомянут в 1496 г. — ДРК, стр. 23).

[69] Н. Никольский, *Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря*, СПб., 1897, стр. XL.

[70] «Послания Иосифа Волоцкого», М.—Л., 1959, стр. 367.

[71] Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 296; F. Lilienfeld, *Nil Sorskij und seine Schriften*, Berlin, 1963, S. 71.

[72] Ср. в актах 1453—1455 г. (АСЭИ, т. III, № 266).

[73] Ср. в акте 1474—1478 г. (там же, № 268), 1477—1482 г. (АСЭИ, т. II, № 249). В одном из списков грамоты вологодского князя Андрея Васильевича (ок. 1480—81 г.) стоит подпись: «Майко», а в другом: «дьяк Федор Мячков» (АСЭИ, т. III, № 270). В грамоте ок. 1462—1470 гг. княгини Марии с подтверждением того же князя Андрея, известной по дефектной публикации, есть неясная подпись: «Федор Мяка» (там же, № 256).

[74] См. грамоту 1490—1491 г. (АСЭИ, т. I, № 549).

наиболее видным дьякам Боярской думы. Вместе с Федором Курицыным участвовал в литовских переговорах 1494 г., ездил с миссией в Литву в 1495 г. и занимался решением литовских дел вплоть до 1501 г.[75]. В 1497 г., решившись посмертно восстановить добрую память кн. Андрея Васильевича, Иван III послал к митрополиту боярина Дмитрия Владимировича и Андрея Майкова как своих доверенных лиц, прося Симона явиться на великокняжеский двор[76].

Не менее интересна фигура И. Г. Заболоцкого. Во второй половине XV в. Заболоцкие принадлежали к высшей московской знати. Двоюродный дядя Ивана Гавриловича, Григорий Васильевич Заболоцкий, был боярином уже в первые годы правления Ивана III[77]. Его дети исполняли важные правительственные поручения. Петр (Лобан) и Константин ездили в августе 1492 — апреле 1493 г. с посольством в Крым[78]. В 1493 г. к графу мазовецкому Конраду был отправлен третий из братьев Василий (Асанчук)[79]. В июле 1498 г. для ведения переговоров «с немецами» ездили К. Г. Заболоцкий и Волк Курицын[80]. Петр и Василий принимали участие в приемах литовских послов в 1494 г., а Константин и Алексей в январе 1495 г.[81]. Получив чин окольничего, Петр Заболоцкий в 1495 г. ездил в свите княгини Елены в Литву, а несколько позднее сопровождал вместе с братом Василием и Алексеем Ивана III в Новгород[82]. Позднее П. Г. Заболоцкий описывал Владимир (1498—1499) и тогда же судил поземельные дела[83]. Его брат Константин в 1497—1498 гг. описывал Юрьев и также в конце XV в. судил поземельные споры[84]. Их троюродный брат Василий Михайлович Чертенок-Заболоцкий описывал Ростов еще в 1490—1491 гг.[85] и выступал судьею в это же время[86]. В конце XV в. известно было еще несколько Заболоцких (дети боярские Петр Федорович Черленого и Иван Александрович Данилов ездили с Еленой в Литву в 1495 г.)[87].

Перед нами, следовательно, представители все той же придворной знати (к которой принадлежали Ряполовский и Патрикеевы), занимавшиеся решением важнейших внешнеполитических и внутренних задач, вставших перед русским правительством в конце XV в.

Заболоцкие были связаны с Ряполовским и Патрикеевыми не только совместной службой при дворе, но и дальним родством. Так, двоюродный брат С. И. Ряполовского Василий Мних был женат на дочери Ивана Ивановича Заболоцкого (троюродной сестре боярина Григория Васильевича Заболоцкого)[88]. Деятельность Петра (Лобана) и Василия Асанчука обрывается на 1499 г., т. е. тогда же, когда был казнен

---

[75] Сб. РИО, т. 35, стр. 114, 204, 318 и др. Ездил в 1497 г. по поручению великого князя к Симону (ПСРЛ, т. 28, стр. 160). О его участии в казанских делах сохранилась краткая заметка в Описи царского архива («Опись царского архива XVI века», М., 1960, стр. 26).

[76] ПСРЛ, т. 28, стр. 160.

[77] АФЗиХ, ч. I, № 103; АСЭИ, т. I, № 288; т. II, № 385[a].

[78] Сб. РИО, т. 41, стр. 156 и сл.; ПСРЛ, т. 28, стр. 156—157, 322.

[79] Сб. РИО, т. 35, стр. 90 и сл. Он в 1492 г. передавал память К. Г. Заболоцкому (Сб. РИО, т. 41, стр. 164).

[80] ГПБ, Эрм., № 386, л. 19.

[81] Сб. РИО, т. 35, стр. 113, 162.

[82] Там же, стр. 134; ДРК, стр. 19, 20; РК, стр. 24. П. Заболоцкий упомянут еще в 1498 г. (Сб РИО, т. 35, стр. 270).

[83] АФЗиХ, ч. I, № 166, 192, 206.

[84] Там же, № 114, 165; АСЭИ, т. I, № 615; т. II, № 414, т. III, № 105.

[85] АФЗиХ, ч. I, № 12.

[86] АСЭИ, ч. II, № 406.

[87] Сб. РИО, т. 35, стр. 164.

[88] «Родословная книга князей и дворян», ч. II, М., 1787, стр. 43, 77.

С. И. Ряполовскнй. Константин Григорьевич в 1503 г. стал окольничим и умер после 1512 г.[89].

Итак, С. И. Ряполовский, Патрикеевы и их окружение (в состав которого входили Заболоцкие, дьяки Федор Курицын, Андрей Майков) являлись теми лицами, которые в 90-е годы XV в. осуществляли курс политики Ивана III. Его кульминацией была коронация Дмитрия-внука на великое княжение в 1498 г. Падение С. И. Ряполовского и Патрикеевых означало поражение той политической линии, за осуществление которой боролся Федор Курицын и его сподвижники.

Но вернемся к тому, с чего мы начали, — к анализу летописного рассказа свода 1508 г. о событиях 1499 г. В последнее время доказано, что в распоряжении исследователей есть более ранний вариант летописной записи 1499 г., составленный еще до окончательного торжества княжича Василия. Оказывается, летописный свод 1539 г. (представленный списком Дубровского и некоторыми другими) сохранил до нас текст великокняжеского свода 1500 г.[90]. Известия о казни С. И. Ряполовского и опале Патрикеевых, о пожаловании Василия Ивановича помещены здесь ошибочно под 7001 г., но сохранили наиболее раннюю версию великокняжеского летописания конца XV в., которая позднее подверглась тщательному редактированию[91]. Так, в позднейшей (1508 г.) редакции этого сведения снято наименование И. Ю. Патрикеева «московским наместником». Опущено известие о том, что митрополит Симон «печаловался за опальных». Особенно важно замечание свода 1500 г. о Василии Ивановиче, которому в 1499 г. Иван III «вины... отдал». Я. С. Лурье справедливо пишет, что «трактовка опалы Василия в 1497—1498 гг., как заслуженного наказания за „вину", могла иметь место в официальной летописи только до 1500—1502 гг. (когда Дмитрий был лишен звания великого князя Московского и всея Руси и наследником стал Василий)»[92]. Но не менее существенны еще два обстоятельства. В своде 1539 (1500) г. рассказ о пожаловании Василия идет непосредственно после сообщения об опале на Ряполовского и Патрикеевых, тогда как в Уваровской и сходных летописях он перебивается другими сведениями. Следовательно, первоначальная связь событий позднее была нарушена. В поздних летописях сняты некоторые детали, которые рисуют опальных в выгодном свете. После утверждения княжича Василия у кормила правления даже тень симпатии к опальным вельможам не поощрялась. Не случайно уже в 1503 г. Иван III счел уместным сослаться на «дурной пример» вольноумничанья С. Ряполовского.

Судьба рассказа 1499 г. в русском летописании начала XVI в. является новым доказательством того, что опала на Патрикеевых связа-

---

[89] А. А. Зимин, *Состав боярской думы в XV—XVI веке*, — АЕ за 1956 г., М., 1958, стр. 48. В 1512 году упоминается в последний раз в разрядах и Алексей Григорьевич Заболоцкий (ДРК, стр. 46; РК, стр. 46). В 1515 г. он ездил послом к Максимилиану (ПСРЛ, т. 28, стр. 351).

[90] Я. С. Лурье, *Из истории русского летописания конца XV в.*, — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 180—181; С. Н. Азбелев, *Новгородские летописи XVII в.*, Новгород, 1960, стр. 24.

[91] «В лето 7001 генваря велел князь великий понмати бояр своих, князя Ивана Юрьевича *наместника Московского* да его детей *князя Василья Косого да Иванна Мынынну да зятя княжа Иоанна Юрьевича* князя Семена Ивановича Ряполовского и *казниша его* на Москве реки пониже мосту, съсекоша ему головы, февраля 5, *вторник*, а князя Ивана Юрьевича пожаловал, *по печалованию Симона митрополита всея Руси и архиепископа и владык смертныя ему* казни *не предал*, отпустил их с сыном, князем Васильем Косым в черньцы; *а князя Иоанна Мынынну велел посадить за приставы*» (ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. II, Л., 1925, стр. 531; т. 12, стр. 264; т. 6, стр. 279; ГИМ, собр. Уварова, № 568, лл. 401—401 об.). Прокурсивленные нами места отсутствуют в летописях, восходящих к своду 1508 г.

[92] Я. С. Лурье, *Из истории русского летописания...*, стр. 181.

на с возвышением княжича Василия и началом конца «эры Дмитрия-внука» при дворе Ивана III.

Непосредственная причина падения Ряполовского и Патрикеевых — крах политики умиротворения, осуществлявшейся правительством Елены Стефановны. Мирный договор 1494 г. не принес решения больной проблемы русско-литовских отношений. Значительная часть русских, украинских и белорусских земель продолжала оставаться в составе Великого княжества Литовского. Задача их воссоединения в едином государстве настоятельно отвечала насущным интересам России. В таких условиях уже после 1495 г. С. И. Ряполовский и Патрикеевы были фактически устранены от переговоров с князем Александром Литовским. Весь 1498 год, предшествовавший падению этих когда-то всесильных вельмож, наполнен русско-литовскими спорами, которые разрешились в конечном счете только новой войной (1500—1503 гг.).

Таковы были обстоятельства, вызвавшие в 1499 г. падение С. И. Ряполовского и Патрикеевых и приход к власти Василия Ивановича, который после смерти Ивана III стал его наследником на русском престоле.

Ш. Ф. Мухамедьяров

ТАРХАННЫЙ ЯРЛЫК КАЗАНСКОГО ХАНА САХИБ-ГИРЕЯ 1523 г.

Круг источников, на которые опирались и опираются исследователи средневековой истории татар — этой весьма интересной и во многом противоречивой проблемы, довольно узок. Между тем, как отметил М. Н. Тихомиров, для отечественной историографии в целом «история волжских татар и булгар имеет колоссальное значение. Без ее изучения мы никогда не поймем связь России с Востоком.

Эта история блестящего, яркого, талантливого, энергичного, смелого народа — татарского народа, привлекает нас своим большим значением в истории, я бы сказал, общей, международной»[1].

Отдельные факты из истории этих связей или их общая краткая характеристика встречаются во многих работах М. Н. Тихомирова[2]. Им были обстоятельно исследованы вопросы, связанные с исторической географией Казанского ханства и его присоединением к России[3]. Изданные им и под его наблюдением многочисленные источники значительно расширили источниковедческую базу изучения истории татарского народа вообще[4]. В частности, опубликованный им казанский ярлык на имя турецкого султана 1549 г. представляет значительный интерес для изучения международного положения Казанского ханства и характеристики его государственной структуры[5]. Среди других источников XV—XVI вв. ярлыки казанских ханов и связанные с ними документы занимают особое место; они хранят реальные черты истории татар. Начало современному научному изучению татарских ярлыков Золотой Орды, Крыма и Казани положил адъюнкт восточной словесности Казанского университета Ибрагим Халфин, опубликовавший в 1818 г. ярлык хана Золотой Орды Тимур Кутлуга 1397 г. со своими коммента-

---

[1] «Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР 25—26 апреля 1946 года в г. Москве» (по стенограмме), Казань, 1948, стр. 123.

[2] См., например, «История СССР», т. I (С древнейших времен до 1861 года), М., 1948; *Древняя Москва (XII—XV вв.)*, М., 1947; *Средневековая Москва в XIV—XV веках*, М., 1957.

[3] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 467—507; *Присоединение Чувашии к Русскому государству*, — СЭ, 1950, № 3, стр. 93—106.

[4] См., например, *Новый памятник московской политической литературы XVI века*, — в кн. «Московский край в его прошлом», ч. 2, М., 1930, стр. 105—114; ПСРЛ, т. 25, М.—Л., 1949; ПСРЛ, т. 26, М.—Л., 1959.

[5] Текст ярлыка опубликован М. Н. Тихомировым в русском переводе по списку XVII в. из фондов ГИМ (собр. Забелина, № 419, лл. 94—95 об.; Синод. собр., № 272) в книге *Россия в XVI столетии* (стр. 489—490).

риями[6]. Статья И. Халфина об этом ярлыке была опубликована при непосредственной помощи видного историка-востоковеда Хаммерр-Пургталя, труды которого получили высокую оценку К. Маркса[7]. С тех пор появилось несколько специальных работ о татарских ярлыках с публикациями тарханных ярлыков Тохтамыша 1382 г., Тимур Кутлуга 1397 г., а также ярлыка Тохтамыша от 1399 г. на имя литовского князя Ягайло[8]. Наиболее успешным оказалось выявление крымских ярлыков, которые, благодаря стараниям Х. Фейзханова, В. Д. Смирнова и З. А. Фирковича, представлены сейчас с достаточной полнотой[9]. Признавая за ярлыками чрезвычайно важную роль, исследователи, однако, уже давно обратили внимание на крайне малое число сохранившихся официальных документов ханских канцелярий Золотой Орды и Казани. Некоторому расширению этой документальной базы исторических исследований по Золотой Орде способствовал турецкий ученый А. Н. Курат, опубликовавший в 1940 г. в Стамбуле несколько ранее неизвестных татарских ярлыков из архива бывшего султанского дворца Топкапу[10]. Но по Казанскому ханству, за исключением тарханной грамоты Сахиб-Гирея 1523 г.[11] и только что найденной в фондах ЦГАДА грамоты хана Ибрагима середины XV в.[12], мы не можем назвать других введенных в научный оборот казанских ярлыков. Изданный в 1937 г. А. Н. Куратом ярлык казанского хана Улу-Мухаммеда к турецкому султану Мураду II[13] нельзя считать казанским ярлыком, так как он относится к 1428 г., т. е. к более раннему доказанскому периоду пребывания Улу-Мухаммеда на золотоордынском троне.

Поэтому исследователи Казанского ханства чаще всего обращаются к тарханному ярлыку Сахиб-Гирея, занимавшему казанский престол в 1521—1524 гг. Весной 1524 г. он установил вассальные отношения Казанского ханства к Турции, которые, однако, вскоре были ликвидированы под давлением России, причем Сахиб-Гирей вынужден был бежать в Турцию, уступив трон своему племяннику Сафа-Гирею (1524—1549). Проведя несколько лет при дворе Сулеймана I в Стамбуле, Сахиб-Гирей с его помощью обосновался на крымском престоле в 1532—1551 гг. При Сахиб-Гирее в Казанском и Крымском ханствах шло дальнейшее развитие феодального землевладения в виде ханских пожалований, оформлявшихся грамотами, аналогичными тарханному ярлыку 1523 г. Ярлык Сахиб-Гирея относится к разряду подтвердительных тарханных ярлыков. Подтверждение тарханства, как установил М. Д. Приселков, требовалось в двух случаях: 1) новый хан подтверждал тарханные ярлыки своих предшественников по отношению к лицам, пользовавшимся при-

---

[6] См. «Fundgruben des Orients», Bd VI, Wien, 1818, S. 359—362.

[7] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. X, стр. 61; т. XXII, стр. 14, 16.

[8] Перечень наиболее важных работ об этих ярлыках см. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950, стр. 103, прим. 1.

[9] См. «Материалы по истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Имп. Академии Наук из Главного архива МИД». СПб., 1864; «Сб. старинных грамот касательно прав и состояния караимов», СПб., 1890; В. Д. Смирнов. *Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии*, — «Изв. Таврич. уч. арх. комиссии», № 54, 1918.

[10] A. N. Kurat, *Topkapi Sarayi Müzesi Arsivindeki Altin Ordu, Kirim ve Türkistan Hanlarina ait Yarlik ve bitiker*, Istanbul, 1940.

[11] Текст грамоты был впервые опубликован Х. Атласовым в его работе: *Казанское ханство*, Казань, 1914, т. I, стр. 133.

[12] ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 196, л. 1. См. также предварительное сообщение о ярлыке Ибрагима на татарском языке в журнале «Казан утлары», 1965, № 8, стр. 146—150. Здесь опубликована фотокопия ярлыка и в транскрипции дается текст с переводом на современный татарский язык.

[13] См. A. N. Kurat, *Kazan hanligini kuran Ulug Muhammet hanin yarligi*, Instanbul, 1937, s. 4—7.

вилегиямн при прежних ханах; 2) хан подтверждал права на тарханство лиц, предки-правопредшественники которых уже имели тарханные ярлыки [14]. С подробным разбором формы ярлыка Сахиб-Гирея, орфографии языка, стиля, отдельных слов и выражений выступил в 1925 г. С. Г. Вахидов, опубликовавший в этом же году текст грамоты с переводом на русский язык [15]. По неизвестным соображениям С. Г. Вахидов опубликовал не подлинный снимок ярлыка, а фотографию с уменьшенной копии, перерисованной на александрийской бумаге. Эта копия хранится ныне в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР. Как бы то ни было, в копии отражено чтение ярлыка самого С. Г. Вахидова, а это оказало влияние и на последующие исследования текста ярлыка. Другой исследователь ярлыка — А. Баттал, предложивший в 1926 г. свой новый его перевод [16], по всем данным был связан неудовлетворительной копией исследуемого ярлыка, хранящегося в Государственном музее Татарской АССР, и его перевод поэтому также не может быть признан окончательным. Все остальные авторы в своем изложении произвольно искажают текст ярлыка, дают транскрипцию татарских терминов совершенно неудовлетворительно и с большим разнобоем, по существу не внося ничего нового в разъяснение этих терминов и чтение текста ярлыка, по сравнению с С. Г. Вахидовым [17].

В процессе нашей многолетней работы по истории тюркских народов накопились некоторые данные по исследованию содержания и терминологии ярлыка Сахиб-Гирея. В частности, выдвинутая нами в 1950 г. на основе ярлыка Сахиб-Гирея гипотеза о существовании в Казанском ханстве условного военно-ленного землевладения в виде сойюргала [18] получила сейчас признание [19].

Выявленные нами в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде в фонде Межевого департамента Правительствующего Сената дела о башкирских землях проливают свет на судьбу ярлыка Сахиб-Гирея вплоть до начала XIX в. [20]. В 1678 г. в спорном деле о земле была представлена тарханная грамота Сахиб-Гирея 1523 г. татарского письма на имя Шеих-Ахмеда с товарищами, из которой в деле приводятся в русском переводе XVII в. отдельные выдержки, совпадающие с нашим ярлыком. Из дела видно, что в грамоте речь идет о землях по обоим берегам реки Ик. В то же время в родословной (шэжэрэ), найденной Г. В. Юсуповым в 1956 г. в селе Исламбахтино Ермекеевского района Башкирской АССР и датируемой 1807 г., упоминается тоже некий Шеих-Ахмед, которому вместе с товарищами была выдана тарханная грамота Сахиб-Гиреем. По-видимому, указанный в шэжэрэ Шеих-Ахмед и является владельцем нашего ярлыка.

[14] См. М. Д. Приселков, *Ханские ярлыки русским митрополитам*, Пг., 1916, стр. 69.

[15] См. «Вестник научного общества татароведения», 1925, № 1—2; «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те», 1925, т. XXXIII, вып. 1; журнал «Бэяен юл», 1925, № 3, (на татар. яз.).

[16] A. Battal, *Kazan yurdunda bulunmus tarihi bir vesika Sahib-Girey han yarligi*, Turkiyat Mecmuasi, 11, 1926, стр. 75—101 (на араб. алфавите).

[17] См., например: М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Казань, 1923; «История Татарии в документах и материалах», М., 1937; «История Татарской АССР», т. 1, Казань, 1955; «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. 1, Чебоксары, 1958.

[18] См. Ш. Ф. Мухамедьяров, *Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая пол. XVI в.)*. Автореферат дисс., М., 1950. Работа была выполнена под научным руководством академика М. Н. Тихомирова.

[19] См., например: «История СССР», т. 1, М., 1956, стр. 241; «История Чувашской АССР», ки. 1. Чебоксары, 1962, стр. 48; «История СССР», изд. 2, т. I, М., 1964, стр. 266 и др.

[20] ЦГИАЛ, ф. 1350, ед. хр. 563, ч. I, 1823, лл. 435—442.

В работе над текстом ярлыка мы воспользовались любезной консультацией чл.-корр. АН СССР А. К. Боровкова и пришли вместе с ним к выводу, что так или иначе текст ярлыка нуждается в новом точном переводе, так как старым переводам доверять полностью нельзя. Это и понятно, поскольку в то время не были известны многие материалы, опубликованные начиная с 30-х годов и позднее. В 1959 г. в Москве на Втором межреспубликанском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы в докладе о положении крестьянства в Казанском ханстве был поставлен вопрос о необходимых поправках к изданию и переводу ярлыка Сахиб-Гирея в части, касающейся налоговой терминологии ярлыка [21]. Но публикация подготовленного нами совместно с А. К. Боровковым подробного исторического и филологического комментария к ярлыку Сахиб-Гирея была отложена в связи с обнаружением в 1963 г. в ЦГАДА тарханного ярлыка Ибрагима и необходимостью продолжить дальнейшие изыскания в сравнительном плане [22]. Вместе с тем публикация уже подготовленного чтения текста и нового перевода ярлыка Сахиб-Гирея с учетом наших поправок представляется вполне своевременной. Тем более что осуществленная недавно в Казани новая публикация текста ярлыка с переводом на современный татарский язык в сборнике «Древняя татарская литература» содержит немало ошибок и в текстологическом отношении оставляет желать лучшего [23].

Ниже дается публикация текста ярлыка Сахиб-Гирея 1523 г., транскрипция и перевод на современный русский язык.

ТЕКСТ

۱) ... ابقازی صاحب کرایی...
۲) ... وحکام و سلا[طین] عظام و قضاة اسلام
۳) و موالی ذوالاحترام و ارباب و کلانتران و مقیمان و ایلچیان و یامچیان
۴) و کشتی بانان و توتقاولان و تمغاچیان و جمهور سکنه و عمو[م داروغاکان]
۵) ولایت غزان و ممالك محروسه حمیت عن آلافات و البلیات‌لارغه بو نشان
۶) یتکاج سوز اولکیم بو محمد اوغلی شیخ احمد داغی احمد ینک اوغلی ابدال داغی سید احمد انسی محمودتک اوغلی موسی
۷) سید اوغلی یعقوب انسی بولانس داغی انسی نورسید بو یدی کیم ایرسا بزکا کلیب باش اوردی‌لار
۸) اوّل خان اغالاریمزدان ترخان بولغان کشی لار ایکاندور بز داغی سیورغاب
۹) بو مذکور کیم ایرسه‌لارنی تنکری تعالی رضاسی و تقی محمد رسول الله شفاعتی اوجون
۱۰) تارخان قلدیم من بعد بو مشار الیهم لارغه یول لاریندا و این لاریندا
۱۱) سفر لاریندا و حضر لاریندا اولتورغان لاریندا و تورغان لاریندا کشی لارینه
۱۲) و قرالارینه یوکلارینه و جاروالارینه فرد من آلافات و وجه من الوجوه
۱۳) دخل و تقارض قلماسون‌لار یساق قلان سالیغ مسمی سالما سون لار قولوش

---

[21] См. Ш. Ф. Мухамедьяров, *К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве*, «Уч. зап. Казанского гос. ун-та», Казань, 1962, т. 122, кн. 2, стр. 143—161.

[22] О подготовке такого комментария см. упоминания в кн.: «Итоговая научная конференция Казанского гос. ун-та за 1960 год», Казань, 1961, стр. 48; «Уч. зап. Казанского гос. ун-та», Казань, 1962, стр. 152.

[23] См. «Борынгы татар эдэбияты», Казань, 1964, стр. 354—355.

١٤) قلتقه باج و خرج قراجات ديب تيلا ماسون لار مال و الماک لارينه اق و آب زمين لارينه
١٥) دست تطاول قيلماسون لار اوى لارينه كوچ بله ايلجى قوناق قوندورماسون لار
١٦) صله خرجى ير خبله سى توتون سانى ديب الماسون لار سوسون علوفه تيلا ماسون لار
١٧) قايوبا ياند ين نقصان ضرر تيكور ماسون لار اوز فراغتى بله اولتوروب
١٨) شام و صباح و غدو و رواٌج بزكا و بزنيك اوروغيمز غه دعا و القيش
١٩) قيلسون لار و هر نوع دين كوچ بسيج زحمت ينجوغ تيكور ماسون لار بسا
٢٠) بولايو تيو تورغاج يرليغ تينكلا داى كوچ بسيج زحمت ينجوغ تيكور كان كشى لارنيک
٢١) اوزلارينه نى يخشى سى بولغاى ديب ال نشان ليغ يرليغ بر يلدى
٢٢) تاريخ توقوز يوز يكرمى توقوزدا موباراک سفر آيى نينک اون اوجونجى كون
٢٣) ايردى

ТРАНСКРИПЦИЯ

1. ...abqazi (?) sahib giräj...
2. ...vä hukkäm vä şalätini 'izäm vä quzat-i islām
3. vä mavälī zu 'l-iḫtirām vä ärbāb vä kalāntarān vä muqlmān vä elcijān vä jamcijān
4. vä käštibānān vä guzārbānān vä tutqavulān vä tamγacijān vä čamhur säkänä vä 'umum [daruγagān]
5. vilājat-i γazan (?) vä mämälik-i mährusä ḫimijät 'an alāfāt vä 'l-balijätlarγa bu nišān
6. jetkäc sōz olkim bu muḫämmäd oγlī šäjx aḫmäd daγī šäjx aḫmädning oγlī sbdal daγī säid aḫmäd inisi mähmutäk oγlī musä
7. säid oγli' ja'qub inisi bulans daγī inisi nur säid bu jedi kim ersä bizgä kälib baş urdilar
8. ävvāl xan aγalarīmīzdan tarxan bolγan kišilär ekändur, biz daγī sojuγab
9. bu mäzkür kim ersälärni tängri ta'älä riżäsi vä toqn muḫämmäd räsul-ulla šäfā'atl üčün
10. tarxan qildim min ba'd bu mušar ilajhumlarγa jollarında vä inlärindä
11. säfärlärindä vä ḫäzärlärindä olturγanlarında vä turγanlarında kišilarinä
12. vä qaralarinä jüklärinä vä carvalarina färid (?) min al-äfät vä väčhä min al-vüčuh
13. daxl vä taqarruż qilmasunlar jasaq qalan salīγ musammä salmasunlar qoluš
14. qoltqa bäč vä xarč garäčat deb tilämäsünlär mal vä ilmäklärinä aq vä äb zämin-lärinä
15. däst-i taṭāul qilmasunlar ävilärinä küc bilä elcl qonaq qondurmasunlar
16. şilä xarčl jer xablasi tütün sanī deb almasunlar susun 'ulufä tilämäsünlär
17. qaju ma jandin nuqsän zärär tegürmäsünlär öz faraγati bilä olturub
18. šäm vä sabäḫ vä γuduvv vä rawāḫun bizgä vä bizing uruγimīzγä du'ä vä alqiš
19. qilsunlar vä här nav'din küc basič zähmät joncuγ tegürmäsünlär basa
20. bulaju tejü turγac jarlīγ tinglamaj küc basic zähmät joncuγ tegürgän kišilärning
21. özlärinä ne jaxšisi bolγaj deb äl nišänlīγ jarlīγ bärildi
22. tarix toquz jüz jigirmi toquzda mubäräk şäfär ajining on üčünci kün
23. erdi.

ПЕРЕВОД

1. ...Сахиб Гирей...
2. ...и правителям, и великим султанам, и казням ислама,
3. и почтенным господам, и старейшинам, и старшинам [в городах] и пребывающим на месте, я послам и ямским [гонцам],
4. и досмотрщикам судов, и сборщикам пошлины на переправах и застаах, и сборщикам тамги, и всем жителям, и всем даругам
5. страны Казанской и богохранимой столицы [или богохранимого государства], чтобудут они хранимы от несчастий и бед, этот указ,

6. когда дойдет, речь о том, что эти — Шенх Ахмед сын Мухаммеда, и сын Шейх Ах-
   меда Абдал, и еще Сейид Ахмед, и его младший брат Муса сын Махмутека,
7. сын Сейнда Якуб, и его младший брат Буланс, и еще младший брат его Нур Сейид,
   эти семеро лиц явились к нам и били челом;
8. Они, оказывается, являются людьми, которые стали тарханами от наших прежних
   господ ханов; и мы также пожаловали,
9. этих упомянутых лиц и, дабы доволен был всевышний бог и еще ради заступниче-
   ства Мухаммеда — посланника аллаха,
10. произвели тарханамя; засим этим упомянутым на дорогах и стоянках,
11. в пути и на месте пребывания, при нахождении их [где-либо] и отбытии, людям их
12. и слугам их, и поклажам их, и скоту их никакой напасти и никоим образом
13. вмешательства и притеснений пусть не учиняют, ясака и калана и подушного на-
    лога пусть не накладывают,
14. и пусть не востребывают запросы, пошлины и сборы на издержки, скот их и коней,...
    и владения
15. пусть не зарятся захватывать; силой в дома их пусть не ставят на постои послов,
16. пусть не берут подарочные расходы, земельные ссуды, подомовный налог и не тре-
    буют провизии и фуража [при постоях];
17. пусть им ни с чьей стороны не причиняются вред и ущерб; пребывая в покое
18. вечером и утром, перед рассветом и перед заходом солнца нам и роду нашему мо-
    литвы и благословения
19. пусть возносят, и пусть не учиняют[им] никаких насилий, притеснений и обид, и еще
20. после изложенного таким образом, людям, кои, не внимая ярлыку, причинят [им] на-
    силие, притеснения и обиды,
21. что может им самим оказаться лучшим [т. е. им будет хуже]; с этим выдан ярлык
    с красной печатью
22. в год девятьсот двадцать девятый тринадцатого дня благословенного месяца Сафа-
    ра [четверг 2 января 1523 г.]
23. [это] было.

С. О. Шмидт

О ВРЕМЕНИ СОСТАВЛЕНИЯ «ВЫПИСИ» О ВТОРОМ БРАКЕ ВАСИЛИЯ III

Развод Василия III и женитьба его (в нарушение канонических церковных правил) на Елене Глинской — значительные события политической истории 20-х годов XVI в. Среди памятников публицистики, посвященных этим событиям, едва ли не самым выдающимся является памфлет, известный под названием «Выпись» о втором браке Василия III.

В «Выписи» о втором браке Василия III, дошедшей до нас в рукописях XVII и XVIII вв., несколько частей. В первой написано о намерении Василия III развестись с Соломонией «заради безчадия», о совете великого князя с Вассианом Патрикеевым, убеждавшим его в незаконности развода и второго брака, и об осуждении церковным судом Вассиана, Максима Грека и других старцев. Во второй части излагаются отрицательные ответы вселенских патриархов на послание Василия III и решение митрополита Даниила позволить развод. В третьей, неоконченной части рассказывается о соборе афонских монахов, составлявших ответ на послание Василия III.

«Выпись» в рукописи XVII в. была известна Н. М. Карамзину, который считал ее «любопытной, но едва ли достоверной». Н. М. Карамзин, отметив «много странных выражений и слов вымышленных, каких не бывало в языке нашем», ссылался, однако, на «Выпись» в примечаниях к своему труду[1]. В 1847 г. «Выпись» опубликовал О. М. Бодянский, знавший уже два списка XVII в.[2]. О. М. Бодянский полагал, что фактическое содержание «Выписи» подтверждается данными других источников (о соборе, осудившем Максима Грека[3], сочинениями Максима Грека и Курбского), а «странные выражения», вызывавшие недоумение Карамзина, очевидно, восточного происхождения, так как Паисий, которого он считал автором «Выписи», был связан с Востоком.

---

[1] ИГР, т. VII, СПб., 1817, прим. 277, 343.

[2] ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 1—8, «Смесь». «Выпись из государевы грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу о сочтании втораго браку и о разлучении перваго брака чадородии ради. Творение Пансемно старца Ферапонтова монастыря». О. М. Бодянский опубликовал «Выпись» по спискам Синодальному (ныне в ГИМ, ОР, Синод., № 466, лл. 354—364), которым пользовался Н. М. Карамзин, и Погодинскому (ныне ГПБ, ОР, Погод., № 1597).

[3] Об обстоятельствах этого дела см. В. С. Иконников, *Максим Грек и его время*, изд. 2, Киев, 1915, стр. 455 и сл. Там же см. об использовании фактических данных «Выписи» в исторической литературе.

В 1889 г. М. Н. Сперанский напечатал «Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым». В числе подробно описанных рукописей была рукопись XVII в., включавшая и «Выпись»[4]. В описании приведены разночтения с публикацией О. М. Бодянского[5]. В 1899 г. С. А. Белокуровым было опубликовано составленное в 20-х годах XVIII в. житие Максима Грека, часть которого дословно совпадает с «Выписью»[6].

Фактические данные «Выписи» использовались историками, в частности историками церкви. Е. Е. Голубинский, признавая «Выпись» позднейшим сказанием («есть в нем несомненно ложное, нелепо легендарное»), предполагал «источником позднейшего автора что-то современное». Е. Е. Голубинский указал на то, что в «Выписи» смешаны соборы 1525 и 1531 гг., но верно названы имена султанов и иерусалимского патриарха того времени — Марка. Так как в пророчестве патриарха Марка говорится о том, что сын Василия III от второго брака будет тираном и мучителем подданных, Голубинский считал, что «Выпись» составлена не ранее второй половины правления Ивана Грозного[7].

В 1922 г. была напечатана работа С. Н. Чернова, посвященная материалам о суде над Максимом Греком, и, в частности, Погодинскому сборнику. С. Н. Чернов, ссылаясь на некоторые подробности «Выписи», полагал, что у составителя политического памфлета были в распоряжении какие-то архивные документы (выкраденные или тайком переписанные). Отметив, что состав Погодинского сборника объединен интересом к Максиму Греку и тем церковным и политическим делам, в которых он участвовал или предполагался участвующим, С. Н. Чернов по палеографическим данным относит время написания сборника ко второй половине XVII в., а время сложения его протографа к XVI в.[8].

Очень интересные соображения о «Выписи» (составе и заголовке памятника, составителе, времени составления) выдвинул в 1928 г. М. Н. Тихомиров, изучавший Чудовский список[9] и выявивший наиболее полный список «Выписи» в так называемом Летописце князя И. А. Хворостинина[10]. М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что заглавие памятника испорчено, утрачены начало и конец «Выписи», памятник мозаичен по составу и распадается на три части, основанные на различных источниках и соединенные только общей темой. М. Н. Тихомиров установил связь памятника с Афоном и предположил, что Паисий «серапонский» — это старец афонского Ксиропотамского монастыря[11] Паисий, известный по афонским актам 1544 г.

---

[4] Ныне в ГИМ. ОР. Чуд., № 53/355. В напечатанном описании ошибка — рукопись не в 8°, а в 4°.

[5] ЧОИДР. 1889. № 3, стр. 43—46. «Хронографы Московского Чудова монастыря».

[6] С. А. Белокуров. *О библиотеке московских государей в XVI столетии*, М., 1899, стр. V—XIV; см. также стр. 217—220.

[7] Е. Е. Голубинский, *История русской церкви, т. II, 1-я половина*, М., 1900, стр. 732—733.

[8] С. Н. Чернов. *К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком*, — «Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922, стр. 49—50, 53—57.

[9] М. Н. Тихомиров, *К вопросу о Выписи о втором браке царя Василия III*, — «Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского» (Сб. ОРЯС АН СССР, т. 101, № 3), Л., 1928, стр. 91—94.

[10] Рукопись XVII в. ГИМ, ОР, Увар., № 1386 (см. «Описание Леонида», ч. III, М., 1894, стр. 76—79).

[11] Название Ксиропотамского монастыря искажено и в новгородской рукописи 1558 г., где читаем: «от монастыря Сиропотамия». В рукописи этой приведены любопытные сказания о чудесах афонских монастырей (С. О. Шмидт, *Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI в.*, — сб. «Древнерусская литература и ее связи с новым временем», М., 1967, стр. 355—363).

Благодаря наблюдениям М. Н. Тихомирова и его предшественников удалось определить, что упоминаемые в «Выписи» исторические лица (участники суда над Вассианом, афонские монахи, патриарх, султаны) действовали именно в то время, к которому отнесены в «Выписи» описываемые события. Хронологическую путаницу (перепутаны соборы 1525 и 1531 гг.) М. Н. Тихомиров объяснял тем обстоятельством, что «Выпись» писалась по памяти или с рассказов людей, знакомых с событиями. Запомнились характеристики действующих лиц, падение Вассиана, естественно, ставилось в связь с разводом великого князя, но даты были забыты и слились уже в одно целое. Известное место «Выписи» о том, что сын Василия III станет мучителем и грабителем чужого имения, по мнению М. Н. Тихомирова, не надо обязательно переносить в глубь второй половины XVI в. Все это могло относиться и к ранней молодости Ивана IV. «Дела разбойнические, попаление Москвы «презельным огнем» и «неисповедимое пленение» от татар случилось при молодом Иоанне до прибытия Сильвестра. Эти несчастья и могли побудить Паисия к составлению Выписи, которая, таким образом, датируется 1545—1547 гг.». М. Н. Тихомиров предположил, что «Выпись» была известна Курбскому, который также связывал судьбу Вассиана с разводом Василия III, и сопоставил слова Курбского «аще и возбраняющу ему сего беззакония многим святым и преподобным»[12] с рассказом «Выписи» о соборе афонских старцев.

В исследованиях 40-х годов М. Н. Тихомиров привлек этот памятник для изучения истории многообразных связей русского народа с южными славянами. В этих работах дано объяснение тому волнению, которое известие о браке Василия III вызвало на Афоне. Афонские старцы, полагает М. Н. Тихомиров, могли бояться перемены московской политики по отношению к Турции, вследствие возникших связей московского великого князя с сербскими владетельными родами. Кроме того, имелась опасность увеличения русской помощи южнославянским монастырям в ущерб греческим. Таким образом, выступавшие против развода руководствовались не только церковными мотивами[13]. Наконец, в одной из самых последних своих работ — небольшом этюде «Страница из жизни Ивана Пересветова» М. Н. Тихомиров снова напомнил о «Выписи», отметив, что в этом публицистическом сочинении отражены были факты расправ юного Ивана IV с боярами, начавшихся «примерно в 1546 г.»[14].

О «Выписи» писала и Н. А. Казакова в монографии о Вассиане Патрикееве[15]. Согласившись с точкой зрения М. Н. Тихомирова о связи «Выписи» с Афоном, Н. А. Казакова полагает, однако, что с Афоном 40-х гг. XVI в. «можно связывать возникновение лишь какого-то первоначального неизвестного нам вида произведения». Дошедшая же редакция «Выписи» вряд ли могла появиться ранее второй половины XVI в. Об этом, помимо наблюдения Е. Е. Голубинского над предсказанием о царе-мучителе, свидетельствует и сопоставление «Выписи» с «Историей» Курбского. В обоих произведениях правление Ивана IV

---

[12] РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стлб. 164.

[13] См. работы М. Н. Тихомирова, *Иван Грозный и Сербия*, — «Докл. и сообщ. истор. фак-та МГУ», 1945, вып. 1, стр. 4—6; *Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.*, — «Славянский сборник», М., 1947, стр. 192—193.

[14] М. Н. Тихомиров. *Страница из жизни Ивана Пересветова*, — «Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева», М.—Л., 1966, стр. 401—402.

[15] Н. А. Казакова, *Вассиан Патрикеев и его сочинения*, М.—Л., 1960, стр. 68—71.

изображается враждебно, излагается одна и та же версия о причинах опалы Вассиана, а склонность Ивана IV к тирании объясняется как неизбежное следствие преступного брака его отца. Все это позволяет поставить вопрос не только об одновременном (в один исторический период) возникновении обоих памятников, но и о влиянии одного из них на другой. Н. А. Казакова оспаривает мнение, будто Вассиан противился второму браку Василия III [16], и вслед за В. С. Иконниковым [17] приводит факты, свидетельствующие о достаточно высоком положении князя-инока при дворе и после женитьбы Василия III на Елене Глинской. Н. А. Казакова считает, что поводом для возникновения версии об опале Вассиана вследствие противодействия второму браку великого князя могло послужить то обстоятельство, что Вассиан был родственником Сабуровых, из рода которых происходила Соломония. Для правильной оценки этой версии следует иметь в виду характерную особенность публицистических памятников второй половины XVI в., рисующих взаимоотношения боярства с великокняжеской властью в более ранний период [18]: бояре, оппозиционные самодержавию Ивана IV, пытались идейно связать себя со своими предками, действовавшими при предшественниках царя.

Таким образом, даже неполный историографический обзор показывает, что «Выпись» прочно вошла в научный оборот. «Выпись» изучалась и в источниковедческом плане, и при выяснении фактов политической и церковной истории и истории общественной мысли. Однако до сих пор еще остается много неясного. Задача настоящей работы — уточнить некоторые собственно исторические вопросы, имеющие отношение к «Выписи». Памятник несомненно может стать и предметом углубленных исследований литературоведов и языковедов [19]. Темой специального сравнительного изучения должны стать и рукописи, в составе которых дошла до нас «Выпись».

«Выпись» известна в списках не ранее середины XVII в. Даже если предположить, что события 20-х годов XVI в. не утратили политической остроты почти через полтора столетия и напоминание о них вызывало определенные ассоциации у современников первых Романовых, также дважды вступавших в брак, — есть все-таки основания утверждать, что в основу «Выписи» положены сочинения XVI в. Об этом прежде всего свидетельствует точность многих исторических реалий (упоминания событий, лиц), крайне редкая для нарративных памятников, описывающих события такой давности [20]. Ученые уже выделили данные об упоминаемых в «Выписи» исторических деятелях, находящие подтверждение в достоверных источниках XVI в. В дополнение можно отметить, что по другим источникам известны также благовещенский протопоп Василий (он был духовником Василия III и свидетелем его духовной 1523 г.) [21]

---

[16] И. У. Будовниц писал, что бояр «горячо поддерживал Вассиан Косой», ссылаясь при этом на «Выпись» (И. У. Будовниц. *Русская публицистика XVI в.*, М.—Л., 1947, стр. 122—123).

[17] В. С. Иконников. *Максим Грек...*, стр. 458.

[18] См. об этом Л. В. Черепнин. *Русские феодальные архивы XIV—XV вв.*, ч. II, М., 1951, стр. 317—320.

[19] Интересные замечания в этом плане высказали Е. А. Вилевская, О. А. Державина, А. А. Зимин, С. И. Кочетов, В. Д. Кузьмина, Е. С. Овчинникова, А. В. Позднеев, А. Н. Робинсон при обсуждении доклада автора, основанного на этой работе, 23 сентября 1964 г. на заседании группы по истории древнерусской литературы Ин-та мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

[20] Хотя нельзя не отметить хронологическую путаницу соборов 1525 и 1531 гг. В первоначальном тексте памятника такая путаница маловероятна.

[21] ДДГ, М.—Л., 1950, стр. 415.

и русский посол в Крыму Иван Колычев[22]. Вообще введение исторических реалий отвечало требованиям средиевекового историзма — изображать только исторические, реально существовавшие события и лица[23] (это прослеживается даже по памятникам откровенно иносказательным, например по сочинениям Пересветова).

Вполне вероятно предположение, что при составлении «Выписи» в какой-то степени были использованы документы внешних сношений, хранившиеся в государственном архиве. Из таких документов, в частности, могла быть воспринята составителем иностранная терминология. В «Выписи» встречаются малопонятные иностранные слова, иногда с объяснением их смысла на русском языке: «воеводы и сатравы (саравы) Дасийстии — рекше болярстии», «роды (роди) Сарападасийские (Сарападасийстии, Сарападисийстии) — рекше болярские»[24], «урдюкелех (друкелех, ордюкелех) — рекше християне (православных християнех)» «воспримет под свою руку Келевдерию (Кевдекерий)», «племяниика Лаковрнча (племени Калаковрича, племена Колаковрича)», «Владимира Мономаха ардарила (ярдарила) — рекше шапку». Слова в таком написании ие встречаются в албанском, греческом, молдавском, сербском, турецком языках[25]. Иностранные слова, особенно имена и географические названия, иногда измеиялись до неузнаваемости в русской транскрипции того временн[26].

Несомненной представляется связь «Выписи» с Афоном. Вопрос о наследнике московского великого князя — сильнейшего из православиых государей того времени, покровителя афонских монастырей, не мог не интересовать афонских монахов. Об этом афонским моиахам напоминал и сам Василий III. Еще в 1515 г., отправляя на Афон грамоты о присылке переводчика, ои просил поминать Соломонию «чадородия ради»[27]. Связь с Афоном подтверждается также тем обстоятельством, что в Чудовском списке — именно в том списке, где не приводится бессмысленное позднейшего происхождения заглавие, — вслед за «Выписью» помещены сказания об афонских монастырях[28]. Афон был в ту пору

---

[22] ЦГАДА, ф. 123, Дела Крымские, кн. VI, л. 2 об.; «Описи Царского архива XVI в. и архивы Посольского приказа 1614 г.». Под ред. С. О. Шмидта, М., 1960, стр. 101—102 (упоминается Иван Андреевич Колычев). В житии Максима Грека XVIII в. (С. А. Белокуров, *О библиотеке...*, стр. XI) и в кн.: М.—Л., Б[оде]-К[олычев], *Боярский род Колычевых* (М., 1886, стр. 44—45) назван Иван Васильевич Колычев.

[23] Д. С. Лихачев, *От исторического имени литературного героя к вымышленному*, — Изв. ОЛЯ АН СССР, 1956, т. XV, вып. 3, стр. 203.

[24] В скобках дано написание слов по другим спискам. Возможно, что малопонятное уже и переписчику слово «сарападасийскне» — это своеобразное сложное слово (*compositа*), образованное путем объединения в одио слово «сатравы» (вероятно, так написано вместо «сатрапы») и «даснйскне» (видимо, надо дакийские). См. М. Н. Сперанский, *Из наблюдений над сложными словами (compositа) в стиле литературной русской школы XV—XVI вв. (Из истории византийско-югославянско-русских связей)*, — в кн.: «Из истории русско-славянских литературных связей», М., 1960.

[25] Приношу благодарность за консультации по этому вопросу Ф. А. Грекулу, А. П. Каждану, Е. В. Михайлову, А. П. Новосельцеву, Т. П. Поповой, Н. А. Смирновой, Б. Л. Фонкичу.

[26] См. С. А. Левина, *Имена и фамилии в описи архива Посольского приказа 1614 г.*, — сб. «Лингвистическое ясточниковедение», М., 1963, стр. 153—156. Ср Д. С. Лихачев, *Текстология*, М.—Л., 1962, стр. 77, 84—85, 399 и сл.

[27] В. С. Иконников, *Максим Грек...*, стр. 457.

[28] ГИМ, ОР, Чуд., № 53(355), лл. 290—300 («Слово о святогорском монастыре, зовемыи Иверский, в нем же церкви Успение пресвятые богородицы», «Воспомииания отчасти Святые горы Афонская, како иаречена быть Святая гора и коих ради вин тако прозвася»). Такие же сказаиия включены в новгородский рукописный сборник 1558 г. (ГА Яросл. обл., Коллекция рукописей, № 1265, лл. 329—333 об.) и в некоторые рукописные сборинки XVII в. (См. А. И. Соболевский, *Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.*, СПб., 1903, стр. 332).

важнейшим центром общения России и югославянских народов [29], и на Афоне, в окружении разноязычных монахов и приезжих, и раньше еще создавались сочинения со сложным сочетанием языковых особенностей [30].

«Выпись» дошла до нас в измененном виде. Памятник мозаичен, и части его, как установил М. Н. Тихомиров, основаны на различных источниках. При этом заметны отличия первых двух частей от третьей. В первых двух частях встречаются характерные языковые особенности (в частности, употребление малопонятных слов, иногда с русским переводом) и обнаруживается явно враждебное отношение ко второму браку Василия III и к деятельности Ивана IV. В третьей части («Послание Святые горы инок») нет этих малопонятных слов, отношение ко второму браку Василия III иное [31], а о деятельности наследника Василия III даже не упоминается. «Златоустаго речь», завершающая «Выпись», допускает толкование в духе оправдания второго брака Василия. В то же время в третьей части обнаруживается противотурецкая, точнее противомусульманская, направленность. Можно думать, что первая и вторая части составляли первоначально единый памятник. Различия между первыми двумя частями «Выписи» и третьей позволяют предполагать, что части эти могли быть написаны неодновременно и лишь потом были объединены в одном сочинении. Для удобства будем называть первые две части «Словом», а третью «Писанием». (В «Выписи» указано, что Гавриил вывез «писание из Святые горы») [32].

«Слово» — даже его первая часть — не могло быть составлено в дошедшем до нас виде самим Вассианом Патрикеевым. Вассиан, как установлено, вряд ли активно противодействовал браку Василия III. В тексте «Слова» читаем о ссылке Вассиана в Иосифо-Волоколамский монастырь (где он вскоре умер). Наконец, в начале «Выписи» включены упоминания о молитве русским чудотворцам, невозможные в памятнике, отражавшем взгляды Вассиана. (Князь-инок высказывал сомнения в чудотворчестве русских святых, в частности, названного в «Слове» митрополита Ионы) [33].

Очевидно, еще в 20-е годы XVI в. появились сочинения, направленные против развода Василия III. Толки, запечатлевшие недовольство вторым браком Василия III, отразились и в Псковской летописи, и в книге Герберштейна. Но тогда же составлялись сочинения и с целью оправдания поступка великого князя и прославления его деяний [34].

---

[29] См. И. Дуйчев, *Центры византийско-славянского сотрудничества*, — ТОРДЛ, т. XIV, М.—Л., 1963, стр. 121 и сл.

[30] См. А. И. Соболевский, *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии*, СПб., 1910, стр. 183—185; М. Н. Сперанский, *Из истории русско-славянских литературных связей*, стр. 178 и др.

[31] Вопрос формулируется по существу так: «...понеже, грех ради наших, нечестивым племенем плодовитн, а у нашего государя великого князи Василия Ивановича всеа Руси наследника несть?» (ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 7—8).

[32] Там же, стр. 5. Возможно сближение с писателем и историком афонских монастырей Гавриилом. Гавриил был русского происхождения и несколько раз избирался святогорским протом (в 1515, 1516—1520, 1525—1528, 1533—1534 гг.). О Гавриле см. D. Sp. Radojičić, *Старые сербские писатели русского происхождения (с конца XV по конец XVII в.)*, — «Годишнак филозофског факултета у Новом Саду», кн. V, 1960, стр. 202—204, 217. Любопытно, что Гавриил был протом и в год вступления Василия III во второй брак, и в первое время регентства Елены Глинской. Знакомством с трудами Дж. С. Радойчича автор обязан М. Н. Тихомирову.

[33] На суде Вассиан говорил: «Яз не ведаю, Иона чюдотворец ли» (Н. А. Казакова, *Вассиан Патрикеев...*, стр. 298).

[34] См. М. Н. Тихомиров, *Новый памятник Московской политической литературы XVI в.*, — в кн.: «Московский край в его прошлом», ч. 2, М., 1930, стр. 106. О составлении летописца, связанного, по-видимому, с деятельностью Глинских, см. А. Н. На-

Современные описываемым событиям сочинения и могли лечь в основу изучаемой «Выписи».

Обычно для датировки «Выписи» обращаются к предсказанию патриарха Марка («Послание четырех патриархов» во второй части «Слова»). Марк «восписал свирепством» о том, что наследник Василия III «за прелюбодеяние порушит царствие» и будет царем-мучителем: «Все попрает и роди сарападасийстии, рекше боярстии, и стратигове и племена Колаковрича и всех урдюкеле, рекше християне, во страсе утесняеми будут, но, реку, презрит вся вселенския соборы и восприимет под свою руку Келевдекерий и будет грабитель чюжаго имения; моль же поядаст ризы, а чюжее имение граблением и свое все изстребит; и наполнится твое царство страсти и печали, и будет в та лета убивание и муки различны: сарападасийских родов и юнош и дев нещадение и ово на кола, а иным усечение главное, иным же утопление водное и всякое мучение смертное и затоцы без милости и мнози гради огнем попрани будут и много развращения и страсти будут»[35].

Смысл предсказания, несмотря на наличие малопонятных слов, совершенно ясен. В тексте — даже теперь, когда утрачены многие документы той эпохи, — обнаруживаются указания на события 1530—1540 гг. Ужасы опричнины заслонили историкам события предшествовавшего времени, но в представлении современников годы малолетства Грозного (до пожара июня 1547 г.) тоже были годами бедствий страны и бесчинств Иоанна, временем «мятежей и нестроений»[36]. Об этом говорил сам царь на соборах 1547—1551 гг. и писал в послании Курбскому. Об этом читаем в «Истории Курбского, в «Степенной книге», официальных и местных летописях, «Казанской истории», сочинениях Максима Грека и Пересветова и во многих других памятниках XVI в.

Предсказание Марка напоминает предсказание Вассиана в первой части «Слова» о «варварском нахождении», «огненном запалении», «громогласии и землетрясении»[37], и в общем плане могло бы быть отнесено ко всему периоду конца 1530—1540 гг., метко охарактеризованному современником как годы «безгосударства»[38]. Однако в тексте выявляются и более конкретные напоминания, откровенно ведущие нас к событиям 1546 — первой половины 1547 г., известным по другим источникам.

Сведений об этих событиях сравнительно мало в официальной летописи, призванной прежде всего прославлять деяния государя, но зато они запечатлены в местных летописях и особенно в Постниковском,

---

соиов. *Летописные памятники хранилищ Москвы (Новые материалы)*, — ПИ, вып. IV, М., 1955, стр. 254. В этом плане очень интересна стенная роспись Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве (См. Л. С. Ретковская, *Смоленский собор Новодевичьего монастыря*, М., 1954, стр. 20 и сл.). Отзвуки событий, связанных с разводом Василия III, явно нашли отражение в рассказах о рождении сына у Соломонии, сосланной в Покровский Суздальский монастырь (см. Н. Н. Воронин, *Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев Польский*, М., 1965, стр. 209—211) и, возможно, в былинах о Василии Окуловиче.

[35] ГИМ, ОР, Увар., № 1386 (116), лл. 304—304 об. Ср. ГИМ, ОР, Чуд. № 53 (365), лл. 284—284 об. (см. также ЧОИДР, 1889, № 3, стр. 45; ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 5).

[36] ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, СПб., 1904, стр. 126.

[37] ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 3.

[38] АИ, т. I, СПб., 1841, стр. 203. О пожарах, голодовках, массовых волнениях, вражеских нашествиях в эти годы см. Н. Е. Носов, *Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в.*, М.—Л., 1957, стр. 223—227; С. О. Шмидт, *Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549)*, — «Тр. Моск. гос. истор. арх. ин-та», т. 6, М., 1954, стр. 227—234.

Хронографическом и Пискаревском летописцах (ставших лишь в недавнее время предметом специального исследования) [39].

В предсказании патриарха Марка читаем о казни знатных юношей и даже о способе казни — сажании на кол и отсечении головы. Именно об этом событии сообщают под январем 1547 г. и Хронографический и Постниковский летописцы: князя Федора Ивановича Овчинина-Оболенского посадили на кол на лугу за Москвой-рекой против Кремля, а князю Ивану Ивановичу Дорогобужскому голову «ссекли на льду». Хронографический летописец при этом специально указывает, что Иван IV приказал казнить княжичей «повелением Михаила Глинского и матери его княгини Анны» [40]. О казни этой дважды писал в «Истории» Курбский [41], характеризуя убитых как «благородных княжат», которые «яко агнцы неповинно заколены еще в самом наусии» [42] [там же Курбский упомянул о казни (удавлении) еще одного княжича — пятнадцатилетнего Михаила Трубецкого [43]]. Овчинина и Дорогобужского казнили в то время, когда Иван IV после смотрин готовился к венчанию царским венцом и к свадьбе. Федор Овчинин был сыном фаворита Елены Глинской (матери Ивана IV) и племянником мамки Ивана IV Аграфены Челяднинской (сестры И. Ф. Овчины-Телепиева-Оболенского), а также — что особенно важно — находился в родстве с Глинскими. Восемнадцатилетний Иван Дорогобужский был двоюродным братом Федора Овчинина [44]. Мать Дорогобужского, рано овдовев, стала женой Иваиа Петровича Федорова [45], воспитанником которого и являлся казненный княжич. В июле 1546 г. И. П. Федоров подвергся опале (за связь с казненными тогда же кн. И. И. Кубенским и Ф. С. и В. М. Воронцовыми) и был сослан на Белоозеро [46]. По позднейшим источникам, казнь Ф. И. Овчинина имела место тогда же, когда и опала Федорова (в июле 1546 г.) [47], следовательно, связь этих опал представлялась несомненной. Быть может, поводом для казни княжичей, принадлежащих к кругу лиц, наиболее осведомленных об интимных подробностях придворной жизни, послужили разговоры о происхождении Ивана IV и о недостойном по-

---

[39] М. Н. Тихомиров, *Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.* — ИЗ, т. 46, М., 1954 (далее — «Постниковский летописец»); С. О. Шмидт, *Продолжение Хронографа редакции 1512 г.*, — ИА, т. VII, М., 1951 (далее — «Хронографическая летопись»); «Пискаревский летописец». Подгот. к печати О. А. Яковлева, — в кн.: «Материалы по истории СССР», вып. II, М., 1955.

[40] «Хронографическая летопись», стр. 291; «Постниковский летописец», стр. 287.

[41] РИБ, т. XXXI, стлб. 167—168, 294—295.

[42] По словарю И. И. Срезневского, «юноша-наусница» — юноша с только еще пробивающимися усами.

[43] РИБ, т. XXXI, стлб. 167. Курбский писал по памяти («памятались», «памятамися») и спутал последовательность казней 1540-х годов. На этом основании Н. Г. Устрялов колебался, к какому времени отнести казнь Ф. Овчинина и Дорогобужского, а А. Н. Ясинский полагал, что они погибли почти одновременно с А. М. Шуйским, т. е. в 1543 г. (А. Н. Ясинский, *Сочинения князя Курбского как исторический материал*, Киев, 1889, стр. 116). С изданием Хронографического и Постниковского летописцев сомнения в дате казни отпадают. Дата казни Трубецкого пока не установлена по другим источникам.

[44] РИБ, т. XXXI, стлб. 295. Мать Ф. И. Овчинина — урожденная княжна Дорогобужская (Г. А. Власьев, *Потомство Рюрика*, т. I, ч. 2, СПб., 1906, стр. 399).

[45] О родственных связях Глинских, Оболенских и Челяднинских см. С. Б. Веселовский, *Исследования по истории опричнины*, М., 1963, стр. 128.

[46] Подробности событий 1546 г. см. в *«Исследованиях...»* С. Б. Веселовского (стр. 261—263), а также в трудах: И. И. Смирнов, *Очерки политической истории Русского государства 30—50 годов XVI в.*, М.—Л., 1958, стр. 108—112; А. А. Зимин, *Реформы Ивана Грозного*, М.—Л., 1960, стр. 268—271; Д. Н. Альшиц, *Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования*, — «Тр. ГПБ», т. I, (IV), Л., 1957, стр. 132—133.

[47] См. Г. А. Власьев, *Потомство Рюрика*, стр. 402.

ведении его матери, особенно неприятные для великого князя и его родни накануне венчания на царство и царской свадьбы[48].

О расправе Ивана IV 21 июля 1546 г. с видиейшими боярами сообщают многие источники. Казнь совершена была тогда, когда Иван IV с войском, «по крымским вестем», находился в Коломие у Голутвина монастыря. Бояр казнили перед шатрами в виду войска во время игрищ — «потех» (языческих в своей основе): «и тут была у них потеха: пашню пахал (Иван IV. — *С. Ш.*) вешнюю и з бояры и сеял гречиху, и иныя потехи: на ходулех ходил и в саван наряжался. И тут грехом христианским, *туто-же* (курсив мой — *С. Ш.*) учиинилася казнь»[49]. Особенно поразило современников то, что бояр перед смертью лишили причащения («а отцов духовных у них перед концем не было»). И. П. Федорова «в те же поры ободрана яга др'жали» и сослали, а И. М. Воронцов «после тое казни и не однажды был на Коломне на пытке»[50]. Возможно, что бояре были казнены за супротивку Ивану IV, начав выговаривать ему неуместность «потех». Против бояр «по наиосу злых людей»[51] были выдвинуты какие-то обвинения в том, что они «бесерменские поноровники» (сносятся с враждебными Ивану IV казанцами[52]), мздоимцы[53]. Кубенский и Ф. и В. Воронцовы, видимо, пытались оправдаться, и Иван IV «с великиа ярости»[54] велел им тотчас «всем трем головы» посечь. И. П. Федоров же сумел избежать смерти, так как «против государя встреч не говорил, а по всем ся виноват чинил»[55]. Так вырисовывается реальный исторический комментарий к словам предсказания патриарха Марка о казнях, заточениях, «развращениях и страстях».

Находятся в источниках, описывающих события 1546 — начала 1547 г., и подтверждения словам предсказателя об ограблении чужого имения и истреблении своего. «Животы и вотчины» опальных — и бояр, казненных и сосланных летом 1546 г., и юных княжичей, казненных в январе 1547 г., — Иван IV «велел поимать на себя» («на себя взяти»). Осень 1546 г. Иван IV с братьями во главе трех-четырех тысяч приблиз-

---

[48] Не исключено, что рассказы иностранцев о причине казни в 1564 г. молодого князя Дмитрия Федоровича Овчинина-Телепнева-Оболенского основаны на воспоминаниях о причине казни его родственника и однофамильца в 1547 г. По Шлихтингу, Д. Ф. Овчинин был убит за то, что упрекнул в ссоре Федора Басманова в мужеложестве с царем (А. Шлихтинг, *Новое известие о России времени Ивана Грозного*, Л., 1934, стр. 50—51). Рассказ этот, — замечает С. Б. Веселовский (*Исследования*... стр. 421) — похож на придворные сплетни. Характерно, что Курбский, не раз писавший о «содомском грехе» и «афродитском блудотворении» царя, описывая убийство Д. Ф. Овчинина [заклан от самого его (т. е. Ивана IV. — *С. Ш.*) руки» — РИБ. т. XXXI, стлб. 278], не упоминает об этом. В представлениях иностранцев, сообщавших, по слухам, о некоторых казнях времени Ивана Грозного, придворные сплетни об обеих казнях (Ф. И. Овчинина в 1547 г. и Д. Ф. Овчинина в 1564 г.) могли сместиться

[49] «Пискаревский летописец», стр. 73—74 (см. также стр. 159). По приписке в Царственную книгу, Иван IV выехал «на прохлад поездити потешитися» (ПСРЛ. т. XIII, стр. 448).

[50] «Постниковский летописец», стр. 286.

[51] ПСРЛ, т. XIII, стр. 149; ср. стр. 448—449.

[52] «Казанская история». Подгот. к печати Г. Н. Моисеева, М.—Л., 1954, стр. 83

[53] ПСРЛ, т. XIII, стр. 149. Какая-то связь имелась и между казнью бояр и столкновением новгородских челобитчиков с царской охраной — там же, стр. 448—449 (если известия об этом не являются следствием путаницы или намеренного хронологического смещения событий в поздейшей вставке). О летописных вставках см. С. О. Шмидт. *Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного*, — «Советские архивы», 1966, № 1, 2.

[54] ПСРЛ, т. XIII, стр. 149, 449. По «Казанской истории», Иван IV «возъяряся велми и рыкнув, аки лев. ...и повеле 3 боляр своих, полатных больших велмож, лесть творящих главнеи казни предати» (стр. 83). По словам дьяка Ивана Тимофеева, Иван IV еще «во юности... к яростн удобь подвижеи бе» (РИБ, т. XIII, стр. 270).

[55] «Постниковский летописец», стр. 286.

женных провел в Новгородской и Псковской землях, «гоняя на подводах»[56] или мсках (ишаках), и, по выражению псковского летописца, «християном миого протори учинил». Новгородская летопись тоже отмечает, что «войско его начя быти спесиво», и Иван IV «велел доправити на старостах три тысячи золотых болших»[57]. К этому же времени М. Н. Карамзин относит «сказание, похожее на сказку»[58], о том, как Иван IV, остановившись на одну ночь в Новгороде, «начат пытати про казну» ключаря и пономаря храма Софии и, «много мучив их не допытася», пришел сам в храм, указал, где ломать стену, и обнаруженные там сокровища велел на возах отвезти в Москву[59]. В 1546—1547 гг. «во всех городах Московские земли и в Новегороде хлеба было скудно»[60], и велено было «имати дань с сох по 12 рублев и от того християном тягота была великая»[61]. Известно также и то, что в это время русские земли подвергались нападениям внешних врагов с юга и с востока.

Наконец, весна 1547 г. была ознаменована пожарами в городах. В апреле летописец трижды отмечает пожары в Новгороде[62]. Несколько пожаров было в Москве. Особенно запомнились апрельские пожары, отмеченные не только в московских, но и в новгородской и псковской летописях[63]. В апрельских пожарах обвиняли «зажигальников», которые с пытки «сами на себя говорили», «и тех зажигальников казнили смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали»[64]. Следовательно, даже еще до знаменитого «великого пожара» конца июня 1547 г. «были мнози гради огнем попрани».

Предсказание, приписанное составителем «Выписи» патриарху Марку, точно конкретизируется в сравнительно узких хронологических рамках событий середины 1546 — начала 1547 г. Все это позволяет предполагать, что цитированный текст предсказания патриарха Марка был написан весной — летом 1547 г.

Так как в тексте этом встречаются малопонятные выражения, характерные и для первой части «Слова», можно думать, что «Слово» в целом (возможно, на основе переработанного текста какого-то более раннего сочинения, современного описываемым событиям) в первоначальной редакции было составлено именно в эти месяцы 1547 г. и составитель его имел какое-то отношение к Афону, во всяком случае воспринял афонскую литературную традицию. «Слово» есть основание рассматривать как политический памфлет, направленный против власти Глинских[65] и молодого царя, а возможно, даже и против присвоения Иваном IV царского титула и его женитьбы.

---

[56] Там же, стр. 286, 287.

[57] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, Л., 1929, стр. 618—619. См. также «Хронографическая летопись», стр. 291; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 149.

[58] ИГР, т. VIII, СПб., 1817, прим. 153; т. IX, СПб., 1821, прим. 204; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 306.

[59] В Псковской I летописи событие это датируется 28 декабря 1547 г. (7056 г.) («Псковские летописи», вып. 1. Подгот. к печати А. Н. Насонов, М.—Л., 1941, стр. 116).

[60] Из «Хронографической летописи» узнаем, что «тое же весны хотел царь великий князь идти к Казани в судех, и пришла засуха великая и вода в одну неделю спала, а суды великого князя на Москве реке обсушило» (стр. 291—292).

[61] Там же, стр. 292.

[62] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 619. О пожаре во Пскове в 1544 г. см. «Псковские летописи», т. I, стр. 111.

[63] ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 159; «Хронографическая летопись», стр. 291; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 619; «Псковские летописи», вып. 1, стр. 112.

[64] «Постниковский летописец», стр. 288.

[65] О направленности памфлета против Глинских свидетельствует и упоминание о протопопе Василии (сохранившееся лишь в Уваровском списке, л. 305; см. М. Н. Тихомиров, *К вопросу о Выписи*, стр. 93). Протопоп Василий был близок с Глинскими и

Вероятнее всего, что «Слово» было составлено в канун Московского восстания июня 1547 г. и могло быть использовано теми, кто обвинял Глинских в поджоге Москвы. Не исключено, впрочем, что «Слово» написали и вскоре после восстания в оправдание опалы Глинских. Но при всех обстоятельствах содержание «Слова», очевидно, близко к тому, что говорилось о поступках Ивана IV и о деятельности Глинских в дни «великого пожара» и восстания. В накаленной общественной атмосфере 1547 г. «Слово» могло оказывать большое возбуждающее действие на современников и напугать Ивана IV и его близких. Таким образом, «Слово» приобретает особую ценность для исследователей событий 1547 г.

«Слово», как и «Выпись» в целом, отличается навязчивым «воинствующим дидактизмом», характерным для религиозно-литературных памятников той поры[66]. Исследователям предстоит еще сопоставить «Слово» с обличительными речами Сильвестра, посланиями Максима Грека и другими произведениями общественной мысли этого бурного времени.

Третья часть «Выписи» — «Писание» — отличается от «Слова политической направленностью и языком. Содержание «Писания» в значительно большей степени отвечало политическим взглядам царя и его окружения.

Очевидно, что «Писание» было присоединено к «Слову». При этом «Слово» подверглось некоторой переработке. Так, начало «Слова», прославляющее Василия III и напоминающее о российских чудотворцах, несколько не согласуется с последующим текстом, а первых абзацев начальной части «Слова» нет в житии Максима Грека (составитель которого использовал какой-то список «Выписи»). Видимо, начало «Слова» дошло до нас уже в переработанном виде, и редакция эта (во всяком случае первичная) имела место тогда, когда «Слово» объединили с «Писанием», и они вместе составили новый единый памятник — «Выпись». Очень возможно, что именно эту работу по составлению «Выписи» и проделал серб Паисий, наиболее вероятный автор «Писания», с именем которого традиция связывала авторство памятника в целом («творение Паисиево»).

В конце XV в. Ксилопотамскому монастырю покровительствовала сербская деспотица Ангелина[67], в 40-е годы XVI в. его покровителем стал молдавский воевода Петр Рареш[68]. Ксилопотамскому монастырю принадлежали построенные Петром церкви и монастыри в Яссах, Бухаресте, земли в Молдавии и в Валахии[69]. Отношения родства и свойства связывали Петра Рареша и с родственниками Ангелины, и с Иваном Грозным — жена Петра была племянницей Анны Глинской (бабушки

с Захарьиными. В духовной его вдовы Марфы (1560–1561 г.) указывается, что протопоп «приказал» перед смертью всю свою семью кн. Мих. Льв. Глинскому, Мих. Юр. Захарьину, Ив. Ю. Шигоне, Меньшому Путятину и Русину Иванову сыну Семенову (ГБЛ, ОР, ф. 303, кн. 530, л. 1056). Духовная эта помещена Т. В. Масленниковой в приложении к ее дипломной работе о Домострое, написанной под руководством А. А. Зимина в 1962 г. в Моск. гос. истор-арх. ин-те.

[66] См. И. П. Еремин. *О художественной специфике древнерусской литературы.* – «Русская литература», 1958, № 1, стр. 79 и сл.; «Повесть о Дракуле». Исслед. и подгот текстов Я. С. Лурье. М.—Л., 1964, стр 60—61.

[67] Порфирий (Успенский), *Восток христианский.* Афон, ч. I, отд. 2, Киев, 1877, стр. 66; ч. III, отд. 2. СПб., 1892, стр. 333.

[68] По «Типику Святые горы» 1551 г. «дань платит волоский воевода за Святую гору» (ЧОИДР, 1881, кн. 2, стр. 61).

[69] Порфирий, *Восток...*, ч. I, отд. 1, Киев, 1877, стр. 385; отд. 2, стр. 66; ч. III, отд. 2, стр. 353—354.

Ивана Грозного по матери) [70]. Между Россией и Молдавией уже с конца XV в. наладились многообразные политические и культурные связи [71]. В начальной части «Слова» (видимо, переработанной при объединении «Слова» с «Писанием») вслед за перечислением патриархов и афонских монастырей, до которых «достизает» милостыня московского великого князя, особо выделены «и Молдавские малые державы обители, и Муитянские и Влоские земли» [72]. Литературная манера «Писания» заставляет также вспомнить о «речах» Петра, волосского воеводы, т. е. Большую челобитную Пересветова. (Соотношение «Выписи» и сочинений, связываемых с Пересветовым, может стать темой специального исследования).

Когда была составлена «Выпись», решить труднее. Если «Слово» сразу же после написания начали распространять, особенно если это сочинение дошло до Ивана IV и митрополита Макария, то «Писание», а следовательно и «Выпись» в целом, могли составить очень скоро после «Слова». Об этом позволяют думать и выпады против «басурманства», особо заметные в русской официальной публицистике (прежде всего церковной) именно в годы Казанской войны [73]. Выпады против мусульманства характерны были и для окружения Максима Грека (ранее бывшего афонским монахом). Связи с Афоном были у митрополита Макария [74], а возможно, и у А. Ф. Адашева — руководителя внешней политики Московского правительства в те годы [75]. В молдавской церковной литературе, особенно в связи с окончательным переходом в мусульманство в 1550 г. сына Петра Рареша Ильяша, в то время также усилилась противотурецкая тенденция (это явственно обнаруживается в написанной в начале 50-х годов XVI в. славяно-молдавской летописи романского митрополита Макария) [76]. Наконец, следует иметь в виду и то обстоятельство, что авторство «Выписи» приписывалось Паисию, упоминаемому в афонских документах 40-х годов XVI в. [77].

«Выпись» осталась незавершенной; и «Слову» противопоставили «Благодарение и похвалу о благорадостном рожении по неплодстве сына, молитвою от бога дарована самодержавному царю великому князю Василию, боговенчанного царя и велнкого князя Ивана», напи-

[70] См. работы М. Н. Тихомирова: *Иван Грозный и Сербия*, стр. 5; *Петр Рареш и Иван Грозный*, — сб. «К 70-летию П. Константинеску — Яшь», Букурешти, 1965, стр. 194—195; Дж. С. Радойчич, *Сербско-румынские отношения XIV—XVII века*, — «Годишњак филозофског факултета у Новом Саду» кн. 1, 1956.

[71] См. Л. В. Черепнин, *Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков*, — сб. «Вековая дружба», Кишинев, 1961, стр. 87—108.

[72] ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 2.

[73] См. С. О. Шмидт, *Предпосылки...*, стр. 247 и сл.

[74] Митрополит Макарий очень доверял рассказам афонских старцев, включая их рассказы в Четьи-Минеи (Макарий [Булгаков], *История русской церкви*, т. VII, кн. 2, СПб., 1874, стр. 417; Н. Е. Андреев, *Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства*, — «Seminarium Kondakovianum», т. VII, Прага, 1935, стр. 243).

[75] Очень вероятно, что А. Ф. Адашев юношей побывал на Афоне. В 1538—1539 гг. он сопровождал посольство своего отца Ф. Г. Адашева к султану и константинопольскому патриарху, «разболелся» и после отъезда отца в Россию оставался еще год в Турецкой империи («Пискаревский летописец», стр. 56. См. С. О. Шмидт, *Восточная политика России накануне «Казанского взятия»*, — «Международные отношения. Политика. Дипломатия. Сб. статей к 80-летию акад. И. М. Майского», М., 1964, стр. 547).

[76] А. И. Яцимирский, *Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1551 гг.*, — ЖМНП, 1909, № 5, стр. 159.

[77] Известен также и афонский монах Паисий, бывший в 1550 г. игуменом Хиландарьского монастыря. В 1550 г. этот Паисий приезжал вместе с тремя другими монахами в Москву (Леонид, *Историческое описание сербской царской лавры Хиландаря и ее отношения к царствам Сербскому и Русскому*, М., 1868, стр. 94) и составил для митрополита Макария «Типик» Святыя горы (ЧОИДР, 1881, кн. 2, стр. 60 и сл.) Быть может, это одно и то же лицо, или переписчики спутали впоследствии названия монастырей?

санное, видимо, раньше, но вышедшее затем в Степенную книгу[78]. Интересно отметить, что «Выпись» в наиболее полном списке дошла до нас как раз в составе Степенной книги особого состава[79].

Таким образом, «История» Курбского не могла оказать воздействия на автора «Слова», так как «Выпись» была составлена значительно раньше ее. Знакомство же Курбского с сочинениями о втором браке Василия III очень вероятно, а сходство взглядов составителя «Слова» и Курбского несомненно. Курбский, как он сам указывает, писал о событиях конца 20 х — начала 40-х годов XVI в. по памяти, допустив фактические ошибки. Следовательно, работая над «Историей великого князя Московского», Курбский, видимо, не имел под руками «Выписи». В приписываемом же перу Курбского житии Максима Грека, составление которого относят еще ко времени пребывания Курбского в России[80], опущены сведения о противодействии Максима второму браку Василия III[81].

В годы опричнины «Выпись» (точнее, первые части ее — «Слово») снова приобрела политическую актуальность и могла быть использована кругами, недовольными Грозным. В нарушении Василием III церковных правил, в браке его с Еленой Глинской современники искали объяснения жестоким поступкам Ивана Грозного. Возможно, что уже тогда была принципиально изменена концовка «Выписи», дошедшая до нас в позднем житии Максима Грека: афонские старцы — по тексту жития — запрещают Василию III вступать во второй брак[82]. В те годы актуальными казались и элементы противотурецкой направленности в «Писании»: конец 60-х — начало 70 гг. XVI в. — время обострения русско-турецких отношений; в 1568 г. султан Селим осквернил святыни храма св. Софии в Стамбуле и приказал убрать некоторые из них (часть святынь перевезли на Афон)[83]. Возможно, что именно в годы опричнины были внесены в текст и объяснения малопонятных слов (первоначально это могло быть сделано в виде глосс, разъясняющих трудные слова). Позднейшим изменением является и заглавие памятника.

Люди XVII в. также не утратили интереса к этому остро публицистическому памятнику. «Выпись» встречается в рукописях XVII в. в составе «Степенной книги» вместе со сказаниями об Афонских монастырях и в сборнике материалов, связанных с Максимом Греком.

Таким образом, наиболее обоснованной датировкой «Выписи» о втором браке Василия III можно признать датировку, предложенную еще в 1928 г. М. Н. Тихомировым. Этот памятник публицистики оформился в ходе политической борьбы второй половины 40-х годов XVI в. и содержание его тесно связано с политическими событиями 1546—1547 гг.

---

[78] ПСРЛ, т. XXI, стр. 605—609. См. об этом памятнике И. У. Будовниц, *Русская публицистика...*, стр. 123—124.

[79] «Летописец князя Ивана Федоровича Хворостинина» (ГИМ, ОР, Увар., № 1386/116).

[80] См. Elie Denissoff, *Une biographie de Maxime le Grec par Kaurbski*, — «Orientalia christiana periodica», vol. XX, № 1—2, Roma, 1954.

[81] Житие опубликовано С. А. Белокуровым (*О библиотеке...*, стр. XXI—XXVIII. «Сказание о преподобном Максиме Философе...»).

[82] Там же, стр. XIV. С. А. Белокуров не отметил это существеннейшее различие между «Выписью» и житием Максима Грека. «Дословное сходство» памятников характерно лишь для первых двух частей «Выписи» (т. е. «Слова»).

[83] Об этом см. Порфирий, *Восток...*, ч. 1, отд. I, стр. 346.

А. И. Рогов

ИЗВЕСТИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ В «ХРОНИКЕ ВСЕГО СВЕТА» МАРТИНА БЕЛЬСКОГО

«Хроника всего Света» замечательного писателя и ученого Польского Возрождения Мартина Бельского относится к числу тех зарубежных сочинений, которые сразу прочно и надолго стали достоянием русской культуры. Первое в польской историографии сочинение по всемирной и польской истории, написанное на родном языке, «Хроника» Бельского представляла собой в полном смысле слова энциклопедию исторических и географических знаний того времени. В XVI в. труд Бельского выдержал три издания: 1551, 1554 и 1564 гг. (все вышли в Кракове). Каждое последующее издание имеет по сравнению с предыдущим существенные исправления и дополнения. Первое издание включало в свой состав краткую историю древнего мира, библейскую историю и историю христианства, историю пап, императоров, французских королей и немецких князей, историю крестовых походов, историю магометанства, рассказы об открытии Америки и о Лютере, далее небольшие дополнения к Космографии о разных народах мира, в том числе о татарах и о валахах, затем венгерскую и чешскую хроники и, наконец, польскую хронику (до 1548 г.). Во втором издании Космография была отнесена в середину — III книга. В нее было внесено важное дополнение — раздел «О славянских землях», 3-е издание уже делилось на 10 книг и было значительно дополнено новым материалом по сравнению со 2-м изданием. Среди этих новых известий подробный рассказ о Скандербеге, новые сведения по венгерской истории и, что для нас особенно важно, новая книга IX — «О народе московском или русском. О посольстве Василия к папе. О Литве, о лифляндской земле. О татарах». Неустанная работа, которую продолжал над своим сочинением Бельский, как это видно из приведенного самого краткого обзора содержания трех изданий «Хроники», имеет четкую направленность: как можно более подробно на фоне всемирной истории отразить историю Восточной Европы.

Наибольшую популярность как в Польше, так и в России получило 3-е, самое полное по содержанию издание «Хроники». Именно его переводят на белорусский и русский языки (в 1565—1568, 1584, 1670 гг.), а переводы охотно переписывают в самых отдаленных уголках России вплоть до далеких Холмогор и Сийского монастыря[1]. Некоторые украинские летописцы, как, например, Острожский летописец, одним из важнейших своих источников не только по всемирной, но и по русской истории имеют «Хронику» Бельского (сам летописец даже называется:

[1] А. И. Соболевский, *Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков*, СПб., 1903, стр. 53—56; см. также БАН, Архангельское собр., № 135 и 422.

«С кройники Белского речи потребныи выбраны») [2]. Как показали исследования А. Попова и С. П. Розанова, «Хроника» Бельского уже во 2-м своем издании сыграла значительную роль при составлении хронографов русской [3] и западно-русской редакций, а через последнюю — известия этой «Хроники» проникли и в такой сложнейший и во многих отношениях неясный памятник русского летописания, каким является Никоновская летопись [4].

Основное, что давала «Хроника всего Света» для русских читателей, были сведения по всеобщей истории и географии. Однако Бельский не мог не обратить на себя внимания и с точки зрения тех материалов, которые содержались в его Хронике по русской истории, по вопросам происхождения Руси в связи с историей других восточно-европейских и прежде всего славянских народов.

Осознание славянского единства, славянской взаимности было чрезвычайно характерно для Бельского. Он четко сформулировал его уже в 1-м издании «Хроники», хотя она еще и не содержала книги, специально посвященной России. «Думаю, что нет среди нас такого глупца, чтобы считал разными языки русский, сербский, чешский по сравнению с нашими», — писал Бельский [5].

Подчеркивая славянское языковое единство, Бельский говорит о всех славянах как народах «нашего языка» [6]. Особым образом Бельский выделял среди славян русский народ. Следуя распространенной в XVI в. сарматской теории, он считал, что ветвь сарматов-роксолян-русских, жившая у озера Славно, и получила название собственно славян, расселившихся затем на обширной территории [7]. И поэтому, рисуя картину современного ему расселения славянских народов, Бельский начинает с московитов, т. е. с русских [8].

С нескрываемой симпатией Бельский относился к кирилло-мефодиевским традициям славянской культуры на Руси. «Русские наши братья, — писал он, — имеют по сравнению с нами преимущество, ибо они пишут и читают на родном языке, а мы на чужеземном латинском» [9]. В «Хронике» довольно подробно для ее манеры сжатого изложения говорится о деятельности Кирилла и Мефодия, и причем в исключительно сочувственном духе [10].

В польской историографии такие настроения Бельского связывают обычно с его неприязненными отношениями к католической церкви и реформационным убеждениями [11]. Бесспорно, это обстоятельство играло большую роль. Однако нам кажется, что было бы неверно забывать и о столь свойственной Бельскому идее славянского единства, которая была так неразрывно связана в культурном и языковом отношении с делом Кирилла и Мефодия.

В свете сказанного выше едва ли можно удивляться тому, что к

---

[2] М. Н. Тихомиров, *Малоизвестные летописные памятники*, — ИА, т. VII, М., 1951, стр. 236—253.

[3] А. Попов, *Обзор хронографов русской редакции*, вып. II, М., 1869, стр. 87—116.

[4] См. работы С. П. Розанова: *Хронограф западно-русской редакции*, СПб., 1912, стр. 17; *«Никоновский» летописный свод и Иоасаф как один из его составителей*, — «Изв. ОРЯС», 1930, кн. 1, стр. 270.

[5] M. Bielski, *Kronika wszyskiego Świata*, Kraków, 1551 (изд. 1), л. 156 об.

[6] M. Bielski, *Kronika wszystkiego Świata* Kraków, 1564, л. 338 (далее — Bielski)

[7] Bielski, л. 336 об. Об этой теории Бельского см. подробно T. Ulewicz, *Sarmacja*, Kraków, 1950, S. 85—92.

[8] Bielski, л. 338 об.

[9] M. Bielski, *Kronika...*, изд. I Предисловие (пагинации листов нет).

[10] Bielski, л. 343.

[11] J. Chzanowski, *Marcin Bielski*, Lwów — Warszawa, 1926, S. 92—107; T. Ulewicz, *Sarmacja*, S. 87.

истории Руси Бельский обращается дважды на страницах 3-го издания «Хроники» (которое далее и рассматривается): в VIII книге, озаглавленной «Хроника о Польском королевстве», где русские известия занимают многие страницы, и IX книге, озаглавленной «О народе московском и русском» (согласно описанию Сигизмунда Герберштейна, который трижды ездил туда с посольством от христианских императоров), целиком посвященной Руси.

Известия Бельского по истории Киевской Руси в VIII книге «Хроники» открываются рассказом о Кие, Щеке и Хориве. Рассказ этот и у Длугоша приводится среди известий по польской истории. Сами рассказы в обоих хрониках тоже вполне совпадают [12]. И все же было бы неправильно видеть источник этого известия Бельского непосредственно в сочинении Длугоша. Дело в том, что если Длугош считает Кия, Щека, Хорива, Радима и Вятку польскими князьями, то Бельский называет их «своими», т. е. местными князьями. Точно так же «своими» по отношению к Руси называет этих князей и Меховский [13]. Для нас сразу важно отметить, что Бельский обращался к «Хронике» Меховского, через нее передавая труд Длугоша. Само по себе это вполне понятно. Напомним, что вплоть до 1611 г. труд Длугоша оставался неизданным, тогда как «Хроника» Меховского, основанная на рукописи Длугоша, была доступна. Впрочем, было бы опрометчиво делать вывод, что Бельский не имел доступа к «Хронике» Длугоша и довольствовался только изложением ее у Меховского. Достаточно обратиться для этого к одному из последующих известий Бельского — рассказу о крещении княгини Ольги. Передавая слова константинопольского патриарха, обращенные к русской княгине — «Благославенна ты между русскими женами», т. е. в точности так, как это есть и у Меховского [14], Бельский добавляет: «etc». Это означает несомненно, что Бельский знал и еще о каких-то невоспроизведенных Меховским словах. Действительно, у Длугоша читаем в продолжение приведенной фразы: «и пусть будет благословенно и хвально твое имя через все поколенья» [15]. Предполагать, что не Длугош, а его первоисточник, т. е. русская летопись, явился причиной этой знаменательной оговорки Бельского, едва ли приходится. Нигде далее мы не найдем признаков специального обращения к ней. Тем более было бы странно, если Бельский обратился к ней по такому поводу. В том же известии об Ольге Бельский замечает далее, что после ее крещения Святослав оставался язычником. Об этом говорится у Длугоша [«но сын ее не хотел (принять христианство. — *А. Р.*)»], но ни слова в данном месте не сказано у Меховского [16].

Итак, Бельский обращался и к Длугошу и к Меховскому. Тем более важно, что в рассматриваемом известии о Кие, Щеке и Хориве Бельский предпочел вариант Меховского, т. е. не присоединялся к той точке зрения, которая выводила первых русских князей из Польши, тем самым нарочито смешивая полян и поляков. Для Бельского нет ни малейших сомнений, что основанный одним из этих братьев Кием Киев — исконный русский город с древнейшего времени. Вот почему Бельский делает в этом известии как бы небольшой экскурс в последующую историю Киева, считая нужным уже в этом первом своем русском известии добавить

---

[12] Ср. Bielski, л. 343 об.; Jan Dlugosz, *Roczniki czyli kroniki slawnego krolewstwa Polskiego*, t. I, Warszawa, 1961, S. 183—184 (далее — Dlugosz).

[13] Mathius de Michoviae, *Chronica Polonorum*, Cracovia, 1520, л. VII (далее — Mathius de Michoviae).

[14] Ср. Bielski, л. 343 об; Mathius de Michoviae, S. XVII.

[15] Dlugosz, t. I, стр. 185.

[16] Ср. Bielski, л. 343 об.; Dlugosz, t. I, s. 185; Mathius de Michoviae, S. XVII.

о Киеве, находившемся тогда в составе Великого Княжества Литовского: «где и теперь митрополит, их великий епископ».

Прежде чем переходить к рассмотрению следующего известия Бельского по истории Киевской Руси, необходимо принять во внимание, что Длугош и Меховский заведомо не исчерпывали его источников по этому периоду. Имеется в виду значительная в польской историографии проблема загадочной «Хроники Бериарда Ваповского». Эта «Хроника» известна как раз в тех пределах, в каких ее цитируют Бельский и Кромер. Теперь после выхода в свет исследования С. Грыгеля стало очевидным [17], что Бельский широко пользовался материалами этого труда. Однако еще остается далеко невыясненным, в какой мере и в каких именно местах своего труда Бельский использовал Хронику Ваповского. Несомненно только одно, что фактический материал по начальной истории славян Бельский заимствовал у Ваповского, отметив это словами: «Начинается Хроника Ваповского». Таким образом, говоря о степени оригинальности того или иного сведения Бельского, надо постоянно помнить о Ваповском, который, может быть, повлиял на Бельского с точки зрения не только фактов, но и их оценок. Поэтому, говоря ниже о сведениях Бельского, о его взглядах, мы будем принимать во внимание то, что содержится в «Хронике всего Света», не вдаваясь в неразрешимый пока вопрос о степени авторства Бельского.

Вторым известием по истории Киевской Руси в VIII книге «Хроники» Бельского является краткий рассказ о Рюрике, Синеусе (он назван, как и у Длугоша и Меховского, — Синев) и Труворе [18]. Почти дословно этот рассказ Бельский повторяет в IX книге, построенной в основном на книге Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московитских делах». Рассказ в данном случае, как и у Длугоша, в соответствии с которым Бельский первый раз дает его, базируется на русской летописи. Однако такое дублирование известий имело для Бельского свой смысл. В IX книге вопрос о варяжских князьях связан непосредственно с вопросом о происхождении московской династии. Герберштейн писал с насмешкой: «Русские хвалятся, что эти братья происходили от римлян, от которых повел, как он утверждает, свой род и нынешний московский государь» [19]. Интересно, что у Бельского мы не найдем такого пренебрежительного тона по отношению к московской легенде. Он пишет: «Об этих трех братьях Москва рассказывает как о вышедших из римских панов, а отсюда и нынешний великий князь московский, который еще живет, «до нынешнего времени называет себя римлянином» [20].

---

[17] S. Grygiel, *Proba rekonstrukcji zaginionej czesci Kroniki Bernarda Wapowskiego*, — «Studia zrodloznawcze», t. IX, Warszawa — Poznań, 1964, S. 105—113.

[18] Ср. Bielski, л. 343 об.; Dlugosz, t. I, S. 183—184; Mathius de Michoviae, S. VI

[19] С. Герберштейн. *Записки о московитских делах*, СПб., 1906, стр. 4—5 (далее — Герберштейн).

[20] Bielski, л. 427 об. Правда, в стихах, которые Бельский поместил над изображением Ивана IV (почти точная копия портрета Василия III у Герберштейна) в начале IX книги «Хроники», он вкладывает в уста московского государя иные слова.

Я государь великий, князь народа русского,
Издавна наследник а своей земле, Московском государстве.
Не от чужого народа я взят в ту землю,
Породил меня в ней Иван Васильевич и Владимир Святой
Не как соседние князья и короли
Пришли в свои державы из других стран по уговору,
Поэтому дайте полотенце и воды в тазу,
Чтобы умыть от них руки: я не хочу с ними иметь ничего общего.

Хотя здесь речь идет не о римском происхождении русских князей, но оно и не опровергается. Бельский хотел подчеркнуть достоинство русского государя, не без горечи замечая, что в Польше король мог избираться по уговору.

После известия об Аскольде и Дире, ничем не отличающегося от соответствующего известия Длугоша и Меховского, следует рассказ также в полном соответствии с этими источниками о мести княгини Ольги[21]. Его чрезвычайная занимательность, очевидно, побудила Бельского вновь повторить рассказ в книге «О княжестве Московском», дополнив известными летописными подробностями, содержащимися в книге Герберштейна[22]. Для Бельского, как вообще для большинства историков этого времени, характерно такое пристрастие к занимательным подробностям. Более того, у Бельского интерес к ним подчас вытесняет серьезное и обстоятельное рассмотрение важнейших событий[23]. Все, что счел необходимым Бельский сказать о Святославе, свелось к упоминанию о разделе им между своими сыновьями земель, но зато дважды повторен рассказ о том, как печенежский князь Кур сделал из черепа Святослава чашу[24]. Бельский даже выделил этот рассказ в «Хронике о королевстве Польском» специальным подзаголовком «Кур печенег».

В истории княжения Владимира Святославича внимание Бельского привлекли только два события: 1) поход его на Червенские города и крещение, 2) раздел между сыновьями городов. Первое из этих двух известий предельно кратко: «Владимир выступил против поляков, взял Перемышль и Червен». Но по своим фактическим данным это описание в основном восходит к сообщениям Длугоша, а вслед за ним Меховского[25] и в соответствующем разделе — Герберштейна[26]. Есть, однако, и ряд чрезвычайно интересных различий. Самое существенное из них заключается в том, что, по сведениям Бельского, Владимир ездил креститься из Херсонеса в Константинополь. Бельский настаивает на этом известии, приводя его, как обычно без ссылки на свой источник, дважды и в польском и в московском разделах. Между тем ни Длугош, ни Меховский, ни Герберштейн (основные источники Бельского) не пишут ничего об этом. Каков же был неизвестный нам источник сведений Бельского о князе Владимире Святославиче? Некоторый свет на этот вопрос могут пролить два других оригинальных известия Бельского о Владимире. Бельский пишет, что после смерти Владимира его тело долго сохранялось не тронутое тлением и «еще и сейчас лежит нетленное в Киеве». Последнее сведение не могло быть почерпнуто Бельским у кого-нибудь из своих современников. В XVI в. место, где находились останки Владимира, было неизвестно. О них ничего не было известно и в начале XIX в. (если не считать отдельных частей, хранившихся в Киево-Печерской лавре и Софийском соборе)[27]. По-видимому, Бельский имел в своих руках какой-то русский источник (едва ли такое наблюдение могло принадлежать кому-то другому, кроме русского), может быть, какую-то не дошедшую до нас переделку, скорее всего украинскую, жития Владимира, одну из тех, о которых писал В. Н. Перетц[28]. Указанием на то, что источник Бельского имел украинское или, условно и более общо говоря, какое-то западнорусское происхождение, служит следующее обстоятельство: Бельский в рассказе о выборе вер Владимиром мусульман называет татарами, о которых, конечно, и речи не могло

[21] Bielski, л. 343 об; Dlugosz, t. I, S. 185; Mathius de Michoviae, S. XVII.
[22] Ср. Bielski, л. 427 об.; Герберштейн, стр. 6.
[23] J. Chrzanowski, *Marcin Bielski*, S. 73.
[24] Bielski, лл. 344 и 427 об.
[25] Ср. Bielski, л. 344; Mathius de Michoviae, s. 344.
[26] Ср. Bielski, л. 344; Dlugosz, t. I, s. 270; Герберштейн, стр. 9.
[27] М. К. Каргер, *Древний Киев*, т. I, М.—Л., 1958, стр. 35.
[28] В. Н. Перетц, *Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы*, М.—Л., 1962, стр. 28—65.

быть в конце X в. Между тем, как отмечали многие исследователи, такое смешение характерно именно для западно-русской письменности[29] Возможно, что в процессе позднейшей переработки жития в него были внесены такие фантастические дополнения, как утверждения о том, что Владимир ездил креститься в Константинополь. Очень мало вероятно, что летопись, а не житие было в данном случае в распоряжении Бельского. Дело в том, что в дальнейшем изложении истории Киевской Руси мы не найдем никаких существенно отличающихся от основных источников Бельского известий, что мало допустимо, если бы Бельский пользовался летописью. И наоборот, житие, рассказывающее только о Владимире, естественно, давало Бельскому лишь очень ограниченные сведения.

В самом деле целый ряд дальнейших событий на Руси, изложенных у Бельского предельно бегло, представляет собой не более чем сжатое изложение хроники Меховского в VII книге «Хроники» и Герберштейна в IX книге. Таковы известия об обучении сыновей Владимира и о разделе Владимиром городов между ними[30], об убийстве Святополком Бориса и Глеба[31], о походе русских на Константинополь, «о смерти Ярослава»[32]. Значительно более подробно Бельский останавливается на тех событиях русской истории, которые непосредственно связаны с Польшей. Рассказ о польских походах (1018 и 1077) на Киев XI в. выглядит даже непропорционально по сравнению с другими известиями большим, занимая целых две страницы, тогда как все предыдущие русские известия в IX книге также уместились на одной странице с небольшим. Бельский сделал это довольно небрежно, подчас путая события, дважды рассказывая об одном и том же. Так, например, Бельский дважды пишет об ударе саблей по Золотым Воротам в Киеве и Болеслава Храброго и Болеслава Смелого, хотя, согласно Длугошу и Меховскому, этот символический акт был произведен только во время похода Болеслава Смелого. Бельский, однако, считает необходимым не исправить свою ошибку, а объяснить такое повторение словами: «Как бы приветствовал своего деда Болеслава Храброго». Причина этого, по-видимому, состоит в том, что хотя Бельский в целом и с симпатией относился к Руси, но в тех случаях, когда ее интересы сталкивались с интересами Польши, с большой радостью отмечал польские успехи. Россия интересовала Бельского в большей степени как прародина славян, как страна, в культуре и языке которой он искал общеславянские черты. Современное ему русское государство и даже его глубокая история здесь в польском разделе «Хроники» специально его мало интересовали.

Междоусобные войны русских князей в конце XI в., борьба их с половцами, поход венгерского короля Коломана на Перемышль — все эти события также привлекли к себе внимание Бельского. Занимательные сами по себе рассказы об этом у Меховского и Длугоша связаны с польскими событиями. Это и поход Василька Ростиславича на Польшу, и бегство князя Давида Игоревича в Польшу, и попытки Болеслава Смелого примирить князей, и т. д. Поход венгерских войск также обратил на себя особое внимание Бельского. Он как бы дополнял связь в истории разных народов, давал сцепление различным событиям.

---

[29] А. А. Шахматов, *Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв.*, М.—Л., 1938, стр. 127; М. М. Бережков, *Несколько слов о летописи Переяславля Суздальского.* — «Сб. Историко-филологич. об-ва при Ин-те кн. Безбородко в Нежине», т. III, Нежин, 1900, стр. 66; А. С. Орлов, *О Галицко-Волынском летописании.* — ТОДРЛ, т. V, М., 1946, стр. 30—31.

[30] Ср. Bielski, л. 344; Mathius de Michoviae, S. XXVI.

[31] Ср. Bielski, л. 428; Герберштейн, стр. 10.

[32] Ср. Bielski, л. 347 об.; Mathius de Michoviae, S. XXXII

В этом отношении очень показательно, что, передав известия Меховского об этих событиях, Бельский замечает: «Пишут венгры в своей Хронике, что ни один венгерский король не был никогда позорнее побежден, чем тогда, ибо за четыре недели король едва успел через горы добежать до дома, о чем подробней в Венгерской Хронике». Под венгерской хроникой Бельский подразумевает сочинение Эния Сильвия «30 книг венгерских дел»[33]. В венгерской части своей «Хроники всего Света» Бельский говорит о русско-венгерских отношениях этого времени еще более кратко[34], уделяя больше внимания другим событиям венгерской истории.

Бельский стремится связать в единую всемирную историю не только события в различных странах, но и в известном смысле события разных времен. Говоря о появлении половцев в специальном разделе, так и озаглавленном «О половцах», Бельский, опережая события, спешит рассказать, что с ним произошло. Среди этих известий не лишено интереса сообщение о том, что после вытеснения половцев татарами в Венгрию небольшая часть их все же осталась в замке Манкопе, «где теперь татары, но были захвачены недавно турками при султане Баязете турецком в 1486 г.»[35]. Со всей определенностью трудно сказать, что Бельский подразумевает под названием Манкоп. Может быть, Маигуп? Неясно и что послужило источником этого сведения Бельского.

Дальнейшие события русской истории вплоть до истории Московского государства Бельским излагаются только постольку, поскольку они хотя опосредованно переплетаются с польской историей. Вот почему мы найдем у него довольно обстоятельный рассказ о Володаре Перемышльском, воевавшем с Польшей, галицких событиях 1208 г.[36], когда в русско-венгерской войне самую активную роль играл польский король Лешко Белый[37], и даже о море на Руси в 1288 г., поскольку он был связан с походом татар на Польшу[38]. В то же время в «Хронике» нет хотя бы беглого упоминания о галицких князьях Романе и Данииле, не говоря уже о хотя бы самых общих сведениях о том, что происходило в это время в Северо-Восточной Руси, или о таком важнейшем событии, как Калкская битва. Все эти перечисленные известия Бельский почерпнул почти полностью у Меховского[39]. Впрочем, надо заметить, что Меховский давал гораздо больше сведений по истории Галицкой Руси, самым обстоятельным образом описывал битву на Калке, княжение Романа и Даниила. Но в то же время у Бельского были по интересовавшим его вопросам и какие-то дополнительные источники. Так, он несомненно располагал особым, может быть летописным, рассказом о битве между Володарем Перемышльским и польским королем Болеславом. Бельский называет следующих убитых русских князей: Наврот, Защитник Димитр и Зостхвил, тогда как у Меховского и Длугоша указаны только Навротник и Защитник[40], т. е. только должности тех лиц, имена которых были названы в неизвестном нам источнике Бельского.

В IX книге «Хроники», которую Бельский специально посвятил русской истории, опираясь, как мы знаем, на «Записки» Герберштейна, он еще более краток. Вслед за упоминанием Бориса и Глеба Бельский

[33] J. Chrzanowski, *Marcin Bielski*, S. 56—57.
[34] Bielski, л. 301 об. и др.
[35] Там же, л. 350 об.
[36] Там же, л. 353.
[37] Там же, л. 359.
[38] Там же, л. 366.
[39] Mathius de Michoviae, s. LXXVII—LXXVIII, CXVIII—CXX, CLXXIII.
[40] Dlugosz, t II, S. 481.

сразу же переходит к Владимиру Мономаху. О нем сказано тоже предельно лаконично: «Наконец остался монарх (как они называют — самодержец) Всеволод Владимир. Он оставил обычай венчания великого князя. Умер потом в 6633 г. от сотворения мира». Далее Бельский сразу же переходит к татаро-монгольскому нашествию и пишет: «Ничего примечательного ни он, ни его сыновья после его смерти, ни их потомки не совершили вплоть до Юрия и Василия, которого разбил царь Батый, и большую часть Москвы и Руси спалил. И с того времени татары повелевали московскими и русскими князьями и брали с них дань вплоть до Василия, который был в лето господне 1520».

Перед нами крайне сокращенный текст Герберштейна. Недоумение вызывает только одна дата — 1520 год, указанный Бельским в связи с упоминанием о том, что русские князья платили дань татарам до этого времени. У Герберштейна в этом месте стоит дата — 6745, т. е. 1237, — нашествие Батыя. Бельский нигде в своей «Хронике» не переводит даты одного летосчисления на другое, воспроизводя их в том виде, в каком он имел их в своих источниках[41]. Надо думать, что это происходило не по небрежности, а из-за неумения Бельского производить такой перерасчет. Уместно напомнить в связи с этим, что другой польский хронист XVI в., Мачей Стрыйковский, в гораздо большей степени интересовавшийся Русью и живший некоторое время в Белоруссии, также не мог справиться с этой, казалось бы, простой задачей[42]. Едва ли можно допустить, таким образом, что мы имеем дело с простой ошибкой при пересчете даты, к тому же и отнесенной Бельским не на место.

Сам по себе 1520 год не связан ни с какими важными событиями в истории борьбы Руси с татарами, но зато 1521 год в этом отношении весьма знаменателен. В этом году был отражен набег татар на Москву. Избавление Москвы от опустошительного разорения было навсегда отмечено в месяцеслове (под 21 мая) как большой праздник. В этот день от Кремля к Сретенским воротам через Москву шел большой крестный ход[43]. Не могли ли сведения об этом дойти до Бельского, который допустил небольшую неточность (1520 г. вместо 1521 г.) и выделил специально эту дату, не раскрывая ее подробнее по причине сжатости изложения.

История великих князей московских XIV—XV вв. кратко излагается Бельским исключительно по Герберштейну, причем особенно подробно он останавливается на перипетиях борьбы Василия Васильевича с Шемякой, столь захватывающей драматизмом событий. О времени Василия III он пишет гораздо более подробно и сообщает ряд оригинальных подробностей по сравнению со своими предшественниками. Это объясняется тем, что здесь Бельского привлекала история войн России с Речью Посполитой. О некоторых из этих событий Бельский даже пишет дважды: в VIII и IX книгах своей «Хроники». Основными источниками Бельского здесь были труд современника войн, королевского секретаря Дация («Книга о времени короля Сигизмунда»)[44] и (для IX книги) по-прежнему Герберштейн. Нельзя сомневаться, однако, что в распоряжении Бельского были и какие-то неизвестные нам источники. Так, ни Даций, ни Герберштейн, ни Ваповский, посвя-

---

[41] См. об этом: J. Chrzanowski, *Marcin Bielski*, S. 55, 70.

[42] А. И. Рогов, *Русско-польские связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника)*, М., 1966, стр. 253—254.

[43] Макарий, *История русской церкви*, изд. 2, т. VIII, СПб., 1898, стр. 50.

[44] Jodok Ludwik Decijusz, *Księga za czasy króla Zygmunta*, Warszawa, 1960 (далее — Decijusz).

тивший завершающую часть своей «Хроники» этому периоду, не знают речи, с которой Михаил Глинский обратился к жителям Смоленска, когда он был в 1514 г. окружен русскими войсками. Вот что Бельский сообщает об этом: «Но Михаил Глинский, ведя переговоры с теми, кого он знал в крепости, и внушил им иную мысль, говоря, что мы не отступим в течение года и не пропустим к вам никакой помощи, а если вы хотите добра, то сдайте замок. Все сокровища вы возьмете с собой, мы вас пустим беспрепятственно. А если вы не захотите так поступить, то оставайтесь в замке на службе, пока вам будет нравиться, а великий князь московский будет платить вам лучше, чем польский король» [45].

Далее Бельский упоминает какие-то русские рассказы в сообщении о потерях, понесенных русскими войсками в битве под Оршей в 1514 г. («их повести наверняка знают то, что их было 80 тыс.»), однако такое предположение невозможно. В соответствующем месте у Дения читаем, что ему называли эту цифру в своих устных рассказах русские пленники [46]. Рассказы эти и фигурируют у Бельского в качестве загадочных русских повестей. Все остальные цифры Бельского об этих событиях полностью совпадают с тем, что мы находим у Дения. Во всяком случае можно предположить, что Бельский располагал каким-то не дошедшим до нас польским источником по истории русско-польской войны. Ведь именно из польского, а не русского источника могло исходить такое содержащееся в «Хронике» сведение, как упоминание о том, что польскими войсками, действовавшими при переправе русских войск через Днепр, командовал рогатинский староста Ян [47].

Но в сообщениях Бельского за указанный период привлекают внимание не только оригинальные фактические данные. Сравнивая его труд с трудом Дения, мы найдем и иные оценки описываемых событий. Для Дения переход смолян на сторону Василия III дает повод к морализации: он пространно пишет о злодействе, о нехристях и т. п. вещах, а Бельский спокойно замечает, что некоторые христиане «хотели быть с отщепенцами» [48]. Очень характерно, что Бельский, подводя итог успехам Василия III, не называет его захватчиком, а пишет, что он взял только то, что отнято было у Руси Витовтом [49]. И уж тем более Бельский не считает (как это представляется Дению), что Псков был захвачен русскими у Великого княжества Литовского [50].

В связи со сказанным можно лучше понять и отношение Бельского к Ливонской войне, которая развертывалась в то время, когда вышло в свет 3-е издание «Хроники». В высшей степени характерно, что о Ливонии Бельский пишет в разделе XI книги IX, т. е. в книге о Московском государстве. Самим этим расположением материала Бельский как бы признавал принадлежность Ливонских земель Русскому государству, хотя к моменту выхода в свет «Хроники» ряд Ливонских земель был занят также Речью Посполитой и Швецией. Разгром Ливонского Ордена и оккупацию его владений войсками Польши, России и Швеции Бельский считает исторической справедливостью. «И поделом им это от бога, ибо они, забросив свои дела, на которые были поставлены (т. е. бороться с язычниками.— *А. Р.*), занялись всяким нечестием,

---

[45] Bielski, л. 410 об.
[46] Decijusz, S. 83.
[47] Bielski, л. 211.
[48] Ср. Decijusz, S., 75—76; Bielski, л. 400 об.
[49] Bielski, л. 429 об.
[50] Ср. Bielski, л. 407; Decijusz, s. 45—46. Деций дал в этом месте характерный подзаголовок «Утрата Пскова».

хуже которого на свете не придумаешь»,— читаем мы в «Хронике»[51]. Естественно, Бельский должен был хотя бы вкратце сказать и о борьбе между Россией и Речью Посполитой за Прибалтику, о том поражении, которое поляки потерпели от русских под Полоцком в 1563 г. Делает это Бельский следующим образом. Упомянув о том, что польский король взял под свое покровительство Ливонию, хотя ливонский магистр и поступал в отношении его «злодейски», Бельский пишет: «По этой причине великий князь московский поднял оружие на польского короля; собрав многочисленное войско, неожиданно подошел под Полоцк, который находится между двумя реками — Двиной и Полотой, в пятидесяти милях от Вильна и на таком же расстоянии от Новгорода Великого, окружил его и, осадив, взял в феврале 1563 г. И пленив много людей, взяв большие сокровища, отошел, отпустив на волю только самих поляков»[52]. Едва ли можно уловить в этом рассказе современника полоцких событий какую-либо особую ненависть к русским или обычные для польской публицистики этого времени полуфантастические описания совершаемых ими злодеяний.

Для полноты обзора известий «Хроники» Бельского по русской истории назовем еще следующие: осада Опочки в 1516 г. и рассказ о войне, которую вел в Великом княжестве Литовском боярин Овчина-Оболенский в 1535 г. Описание осады Опочки у Бельского восходит к Хронике Бернарда Ваповского, за исключением одной подробности: в армии польского короля были наемные отряды из Чехии, Моравии и Силезии[53]. Второе из названных известий в Хронике Ваповского мы находим только частично, так как она кончается как раз 1535 г. и имеющо посередине рассказа о русском походе на Литву[54].

Поэтому остается неясным, откуда Бельский получил сведения о взятии польскими войсками Стародуба, о том, что были подожжены его стены, что там были взяты в плен Овчина, Сицкий, Колычев. Последние два имени неизвестны и русским источникам[55].

Таковы те известия по истории России, которые мы находим в «Хронике» Бельского. Но помимо известий исторического характера Бельский в X книге своей «Хроники» воспроизводит рассказ Павла Иовия Новокомского о приеме в Москве иноземных послов[56] и описание Герберштейном русских городов и земель. Впрочем, в это описание Бельским были внесены интересные уточнения и дополнения. Так, если Герберштейн пишет, что в лесах под Смоленском «добываются различные меха», то Бельский конкретизирует «белки и куницы новгородские»[57]. Последнее дополнение Бельского показывает, что он мог получить свои сведения от каких-то купцов-новгородцев, торговавших мехами. О мордовцах Бельский сообщает, что они «сеют и пашут и дома имеют и обороняются от татар и Москвы». Герберштейн же пишет только о том, что у мордвы в отличие от черемисов встречаются дома. И здесь источником Бельскому, возможно, послужил какой-то рассказ человека, слышавшего о столкновениях русских войск с мордвой, об условиях жизни этого народа[58].

[51] Bielski, л. 437 об.

[52] Bielski, л. 437 об.

[53] Bielski, лл. 423—423 об.; *Kronika Bernarda Wapowskiego*. Część ostatnia. Kraków, 1874, S., 151—152 (далее — Wapowski).

[54] Ср. Bielski, л. 423—423 об.; Wapowski, s. 255—256.

[55] Никоновская летопись содержит рассказ о Стародубе, но не называет среди взятых в плен Сицкого и Колычева (ПСРЛ, т. XIII, ч. 1. СПб., 1904, стр. 98).

[56] Bielski, л. 434 об. — 435 об.

[57] Там же, л. 431 об. и Герберштейн, стр. 112.

[58] Отметим, что сведения о мордовских землях совершенно отсутствуют в «Трактате о двух Сарматиях» Матвея Меховского (М., 1936).

«Хроника всего Света» Мартина Бельского — первое сочинение по всемирной истории, созданное и напечатанное в славянских землях. Истории России в первой славянской Всемирной истории, как мы видели, уделено значительное место. Рассматривается она, правда, очень неравномерно. Внимание польского историка привлекали отдельные вопросы. Главным образом они касались происхождения славян и Руси, начала русского государства, отношений его с Польшей, борьбы его с половцами и татарами, т. е. были в той или иной мере связаны с польской историей. Не всегда при этом, как мы видели, Бельский умеет выделить важные события, довольно часто отдавая дань занимательности, столь присущей многим историческим сочинениям его времени.

Помимо польских хроник (Длугош, Меховский, Ваповский) Бельский использует «Записки» Герберштейна, сочинение Иовия. Русские летописи едва ли привлекались Бельским дополнительно к этим материалам (может быть, за исключением рассказа о войнах Володаря Перемышльского). В том объеме, в каком сведения по русской истории интересовали Бельского, они не требовали этого. Бельскому были, по-видимому, известны какие-то украинские переделки древнерусских памятников (о крещении Руси), он знал о московских событиях XVI в., собирал материалы по географии России. Бельский располагал и какими-то другими источниками по истории русско-польских войн первой половины XVI в. С точки зрения фактической, в этой части его труд содержит, пожалуй, наиболее оригинальные материалы. Это не означает, конечно, что по отношению к другим периодам сведения Бельского не представляют никакого интереса. Если мы в них и найдем мало фактических данных, то они в то же время не могут не привлечь нашего внимания к этому памятнику русско-польского культурного общения XVI в. В них нет никакой вражды и неприязни к России и, наоборот, нередко проявляется симпатия к ней, смягчаются слишком резкие отзывы и оценки по сравнению с источниками, которыми пользовался Бельский. Для выдающегося польского гуманиста русские были «нашими братьями».

Л. М. Костюхина

ПИСЦОВАЯ ШКОЛА МОСКОВСКОГО ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI в.

Одним из московских центров письменности, действовавшим на рубеже XVI—XVII вв., была книгописная мастерская Чудова монастыря. Созданный там в 1600 г. полный комплект Миней-Четьих дает большой материал для анализа и характеристики московских почерков рубежа XVI—XVII вв. Двадцать два почерка, выявленные при палеографическом анализе чудовских Миней [1], имеют общий характер, общий стиль, который создается сходством в основных начертаниях букв. Начертания букв, показанные на рис. 1, встречаются, как правило, во всех чудовских почерках.

Однако каждый из писцов применял в своем письме не только указанные стандарты. Начертания букв, встречающиеся в их почерках, гораздо разнообразнее и живее. В этой особенности письма чудовских мастеров можно убедиться при анализе каждого отдельно взятого почерка. Большая часть текста Миней написана писцом Тихоном — по условно принятой в данной работе нумерации — *вторым* писцом. В его почерке прослеживаются все приведенные начертания, общие для чудовских писцов, но наряду с ними встречаются буквы: «Б» — с округлой петлей; «В» — прямоугольником с несколько выгнутыми боковыми стенками; «Г» — с выступающей слева за мачту удлинениой крышей; «Д» — с удлиненными ножками, правая из которых заметно скошена; «Е» — более широкое, чем в печатном шрифте, выходящее своей нижией вытянутой петлей под строку; два варианта «Ж»: с одной или двумя закрытыми верхними петлями вместо усиков; «зело» — несколько растянутое сверху вниз, с увеличенной нижней петлей; «земля» — с круглой открытой верхней петлей, часто со змееобразным хвостом, тянущимся под строкой; «к» — правая часть которого в отличие от печатного не резко изогнута как «коленце», а скруглена и довольно далеко отстоит от левой мачты; «л» — с вытянутой левой ножкой, уходящей вниз под строку; «П» — с выступающими над мачтами краями крыши; «Р» — с удлинениым хвостом; «Т» — в три мачты, «у» и «х» более узкие и вытянутые, чем печатные; «ц» и «щ» — с длинными хвостами; «ш», у которого основание выступает своими концами за мачты; «ъ», «ы» «ь» — с округлыми петлями; «ять» — с округленной петлей, с высоко выходящей за верхнюю линию строки мачтой, с изогнутой перекладиной; «фита» — в виде большого овала с перекладиной, которая не выходит за его (овала) стенки.

[1] См. АЕ за 1964 г., М., 1965.

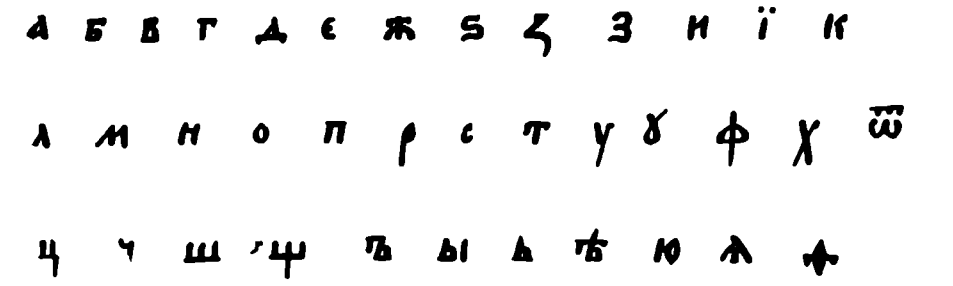


Рис. 1. Основные начертания букв чудовских Миней-Четьих

По характеру начертаний близок к этому (второму) почерку почерк третьего писца. Более крупный, чем второй почерк, с отчетливо выраженным чередованием толстых и тонких линий в начертаниях букв, третий почерк имеет в основном тот же рисунок букв. Особыми являются только начертания букв «д», «земли» и «л»: у буквы «д» правая ножка резко скошена влево, буква «земля» имеет (в отличие от второго почерка) круглую *закрытую* головку; у буквы «л» левая боковая линия отходит резко в сторону и под строку.

Сходными с упоминавшимися являются почерки пятого, шестого двенадцатого писцов.

В этих почерках те же начертания основных букв, то же красивое сочетание тонких и толстых линий, что у второго и третьего писца, но каждый из них более каллиграфичен, строг и единообразен. Плавные и ритмичные, эти почерки создают впечатление быстроты и легкости письма. Особенно красив почерк шестого писца.

Его отличают: широкое «е» с удлиненным книзу язычком, изящное и несколько манерно изогнутое «зело», «земля» с большой головкой и длинным красиво очерченным хвостом, «ук» — с длинными, широко разведенными усиками и два варианта «фиты»: широкая овальная с внутренней перекладиной и узкая, изящно изогнутая с низко расположенной перекладиной. Для почерка двенадцатого писца характерны «ж», написанное в три приема; «зело» с несколько сплюснутой нижней петлей; три варианта «земли»: 1) обычная, 2) сильно удлиненная с круглой головкой и перемычкой посредине мачты, 3) в виде цифры «3», сильно вытянутой сверху вниз; «у» с укороченным почти прямым хвостом; два варианта «ук»: 1) с широкой петлей и короткими усиками, 2) заметно вытянутое сверху вниз, с загнутым внутрь правым усиком; «ц» и «щ» с загнутыми вправо концами хвостов; «ять» — с очень высокой мачтой, выходящей далеко за верхнюю линию строки, и длинной крышей.

Индивидуальные особенности пятого почерка, некрупного и слегка угловатого, определяются следующими начертаниями: «ж»,— левая сторона которого представляет петлю (буква написана в два приема); «зело» — со сплющенными петлями; некрасивая «земля» с большой головкой и резко откинутым хвостом; «у» в виде «ижицы»; «ф» с укороченной мачтой, сильно выступающей над широкими угловатыми петлями; «ъ» — с удлиненной крышей и высокой мачтой с перемычкой; «омега» — с пониженной серединой.

Для первых трех приведенных почерков (второго, третьего и шестого) характерны и лигатуры. Особенно многочисленны и разнообразны они в письме писца Тихона (второй почерк). Чаще других повто-

ряются у него слитные написания: «аг», «яко», «ди», «Θедотъ». Для письма третьего писца характерны: «лг» — в слове «благо», где «а» — выносное и «ау»; для шестого — «аг», «ед», «пре» «вѣ», «ше». Почерки этой группы очень близки к письму рукописей первой половины XVI в. Почерк второго писца чудовских Миней сходен с почерком писца сентябрьской Минеи домакарьевского состава (первая четверть XVI в.) [2]. Письмо шестого и двенадцатого писцов имеет прямые аналогии в макарьевских Минеях (середина XVI в.) [3].

Несколько больше отличаются от указанной группы почерки восьмого, одиннадцатого, тринадцатого, четырнадцатого, шестнадцатого восемнадцатого и двадцатого писцов. Являясь в своей основе близкими к шрифту Федоровского Апостола 1564 г., а следовательно, к пяти отмеченным почеркам, они дают более простые вариаиты этого стиля.

Восьмой писец пишет некрупным простым почерком. Буквы его письма слегка вытянуты, их петли округлены, а мачты изогнуты. Почерк прямой, только иа отдельных листах появляется резкий наклои вправо [4]. Выносных букв мало, междустрочья почти чистые.

Из особых иачертанний следует отметить: «зело» — угловатое, выходящее под строку; «земля» — 1) в виде вытяиутой цифры «три», нижняя петля которой (узкая удлиненная нли широкая плоская) уходит вниз под строку, 2) обычного рисунка, в виде семеркн с коротким плоским хвостом; «е» — грецизированное, в виде буквы «з», перевернутой вправо; «ч» — с четырехугольной чашей и «омега» с манерно изогнутымн дужками.

Большое сходство с этим почерком наблюдается в письме шестнадцатого писца. Характерные для восьмого почерка буквы имеют близкие аналогии в шестнадцатом. Особенно похожи в обоих почерках буквы «е», «зело», «земля», «и», «н», «ч». Индивидуальным для шестнадцатого писца являются начертаиия бука: «а» — с удлиненной, манерно изогиутой спинкой; «г» — с высокой мачтой, выходящей за верхиюю линию строки; один из вариантов «земли» — в виде змейки с круглой закрытой головкой.

Сходство почерков восьмого и шестнадцатого писцов подчеркивается общим для них стремлением к округлению петель и изгибу мачт, но при этом у шестнадцатого писца буквы более угловатые, чем у восьмого, и несколько свободнее расположены на линии строки.

Почерк шестнадцатого писца очень напоминает руку мастера Касьяна, прииимавшего участие в написании макарьевских Миней [5].

К указанным почеркам приближается письмо одиннадцатого писца. В рисунке его букв заметно сходство и с восьмым, и с шестнадцатым почерками. Преобладание округлых петель над угловатыми в буквах «б», «ь», «ъ», «ять»; слегка изогнутые (а не точно перпендикулярные по отношению к линии строкн) мачты в буквах «в», «н», «п», «т», «ш», «щ», наклонное положение левой части буквы «ы» по отношению к правой, поднятые вверх перекладины в буквах «и» и «и» — все эти признакн характерны для каждого из трех указаиных почерков. Однако одиннадцатый почерк имеет одну, только ему присущую особенность — резкий наклои букв вправо. Это единствеииый из двадцати двух чудовских почерков, который можно назвать косым.

Почерк тринадцатого писца иесколько грубее. В иачертаниях букв выделяются толстые линии. Междустрочья пестрят резкими косыми

[2] ГИМ, ОР, Синод. 169, лл. 133—141.
[3] ГИМ, ОР, Синод, 178, лл. 1117—1133 и Синод, 176, лл. 55—414 об.
[4] ГИМ, ОР, Чуд., 308, лл .396—402.
[5] ГИМ, ОР, Синод. 179, лл. 627—664.

верхушками буквы «ъ». Из особых начертаний встречаются «а», «д», «л», «юс малый» с вытянутыми вверх и выходящими за строку крышами; «е» со срезанной нижней петлей, или «е» широкое, с опущенным книзу язычком; «земля» — с крупной головкой и «зело» с приплюснутой верхней петлей, поднятой в виде язычка; «К» — заглавное с укороченной и расширенной нижней половиной и, наконец, стоящее в строке «р» с отстающей от мачты круглой головкой. Этот почерк очень похож на почерк попа Дмитрия Никольского, в числе других писавшего макарьевские Четьи-Минеи XVI в.[6].

Близкой аналогией тринадцатому почерку служит письмо четырнадцатого мастера. Этот последний пишет, правда, несколько свободнее и аккуратнее, чем тринадцатый писец, но употребляет в основном те же начертания букв. Его руку можно отличить лишь по следующим признакам. У буквы «зело» верхняя петля всегда отчетливо выписана, а не сжата, как в тринадцатом почерке; «земля» — приземиста, в отличие от вытянутой сверху вниз этой же буквы тринадцатого писца; в букве «ъ» петля угловатая (трапециевидная), на резко отходящей в междустрочье верхушке часто встречается косая перемычка; заглавное «К» имеет более вытянутую по вертикали нижнюю половину, не такую широкую и расплющенную, как в письме тринадцатого мастера.

Наблюдается сходство тринадцатого и восемнадцатого почерков. Общими для них являются, например, широкое «е» с отогнутым книзу язычком, «з» с опущенной под строку нижней петлей, «р» — стоящее в строке, «зело» с приплюснутой верхней петлей, «ъ» — с длинной крышей, выходящей в междустрочье. Есть в восемнадцатом почерке и оригинальные начертания. Это «д» с утолщенной левой ножкой и правым скатом крыши; «земля» с маленькой сплюснутой головкой или «земля» с круглой открытой головкой; «ж», левая сторона которого сплетена в большую петлю; короткое широкое «х». Вообще большинство начертаний букв восемнадцатого почерка грубо, в линиях букв часты толстые нажимы, буквы широко расползаются по строке. На некоторых листах[7] восемнадцатый писец неожиданно начинает «украшать» свое письмо. Он удлиняет мачты, хвосты и петли букв (например, у букв Б, Г, Д, З, И, Л и др.), насаживает на них точки или перемычки. Такой прием письма был характерен для писцов XV в. В данном случае мастер XVII в., вероятно, подражает оригиналу XV в., с которого он списывает текст. На лл. 294 об. — 295 майской книги Миней-Четьих он (восемнадцатый писец) прямо воспроизводит дату этого оригинала «1461 год». Много общего восемнадцатый почерк имеет и с одним из почерков макарьевских Четьих-Миней, т. е. с письмом XVI в.[8].

К этой же (второй) группе надо отнести почерк двадцатого писца, хотя общий вид письма с его угловатыми начертаниями существенно отличается от указанных почерков. Причина такой классификации — отчетливое проявление в почерке традиционных начертаний и общего стиля письма XVI в. Двадцатый писец пишет четко, ритмично. Для него характерно употребление таких форм букв XVI в., как «в» с угловатыми петлями и «в» — прямоугольником, «земля» в виде семерки хорошего рисунка и т. п. Однако в отличие от красивых стильных почерков XVI в., в русле которых идут упомнившиеся второй, третий, пятый, шестой и двенадцатый почерки,— в двадцатом почерке проявляется некоторая упрощенность и даже грубоватость. Писец не умеет гармонично сочетать тонкие линии и нажимы, отчего появляются жирные хвосты в

[6] ГИМ, ОР, Синод. 176, лл. 811 об., 812.
[7] ГИМ, ОР, Чуд. 314, лл. 174—295.
[8] ГИМ, ОР, Синод. 182, лл. 717—780 об.

букве «земля» и некрасивые, излишне тонкие в букве «у», сплющенное «зело» с толстой верхней и тонкой нижней петлей допускает разнобой в наклоне букв. Следовательно, двадцатый почерк является несколько упрощенным типом письма XVI в. Показательно, что он имеет большое сходство с одним из почерков макарьевских Миней[9].

Третью группу составляют почерки девятый, семнадцатый и семнадцатый «а»[10].

Если почерки, входящие во вторую группу, можно было назвать простыми, то третья группа должна быть охарактеризована как группа почерков грубых и небрежных. Писцы этой группы, особенно девятый, свободно владеют начертаниями букв, свойственных полууставу XVI в., но, списывая текст, они ни в коей мере не заботятся ни о красоте письма, ни о простой аккуратности. Главное для них, по-видимому, как можно быстрее переписать заданный раздел книги. Из трех названных писцов наиболее квалифицированный — девятый. Его почерк, встречающийся в четырех из одиннадцати чудовских Миней[11], в октябрьской книге, хотя и некрасив, но ритмичен[12]. В начертаниях букв отчетливо чередуются толстые и тонкие линии (особенно в буквах «н», «л», «м», «п»), что напоминает молдавское и украинское полууставное письмо XVI в. На отдельных листах писец украшает буквы узелками[13]. Как правило, эти узелки встречаются на буквах «земля», «ук», «ер». Для почерка девятого писца характерно: «земля» — 1) в виде цифры «3» с сильно увеличенной верхней петлей, выходящей высоко за строку, 2) в виде маленькой цифры «7» с резким крючковатым хвостом; «ук» с сильно укороченными усиками, благодаря чему буква часто полностью умещается в строке, не выходя за ее верхнюю линию; «ф» — с изогнутой укороченной мачтой, которая оканчивается вверху небольшим утолщением.

Чем дальше пишет этот писец, тем хуже становится общий вид его письма: небрежные начертания, грязные помарки, меняющийся наклон букв[14]. Писец явно спешит. Но особенно отчетливо спешка в работе видна на почерках писцов семнадцатого и семнадцатого «а». В почерке семнадцатого писца сохраняется еще какой-то ритм благодаря более или менее соблюдаемому углу наклона букв в строке. У писца семнадцатого «а» и это качество отсутствует. Оба писца пишут небрежно, их буквы отличаются изломанностью линий и некрасивыми пропорциями. У семнадцатого писца — это слишком короткая нижняя часть коленца в букве «к», короткий обрубленный хвост у «у», большая изломанная нижняя петля «зело». У писца семнадцатого «а» непропорциональность особенно видна в начертаниях букв «е», «ж», «л», «ять». Одни буквы у обоих писцов очень похожи (например, «а» с изогнутой спинкой, «земля» с плоским крючковатым хвостом, «ук» с длинными усами, несимметричное «х»), другие — присущи только почерку одного из них. Семнадцатый писец часто пишет нескладное широкое «е» с длинным язычком и удлиненной верхней частью, охарактеризованное выше «к», «р» — с коротким хвостом, «ч» — с довольно глубокой чашей. У писца семнадцатого «а» те же буквы имеют совер-

---

[9] ГИМ, ОР, Синод. 178, лл. 1135—1218.

[10] Два последних почерка настолько близки, что могут быть на первый взгляд приняты за почерк одного писца, поэтому они обозначаются как семнадцатый и семнадцатый «а».

[11] См. главу 1.

[12] ГИМ, ОР, Чуд. 308, лл. 603 об., 604.

[13] ГИМ, ОР, Чуд. 317, лл. 9 об., 10, 297 об., 302—309.

[14] ГИМ, ОР, Чуд. 317, лл. 3—6 об., 8—13 об., 15—179, 204—243 об., 293—641, 664—678.

шенно иной вид: у буквы «е» язычок резко изогнут, а нижняя часть не имеет закругления, у «к» нижняя часть коленца не укорочена, «р» пишется с длинным хвостом, у «ч» чашечка еле заметна. Таким образом, перед нами два разных писца с очень сходной манерой письма. Почерки, подобные указанным в третьей группе, встречаются в упомянувшихся уже макарьевских Минеях-Четьих: девятому почерку чудовских Миней соответствует почерк макарьевского писца Истомы Куннинского [15], семнадцатому — почерк дьякона Зилантия [16], семнадцатому «а» — почерки писцов Максима и Петра [17].

В особую, четвертую группу следует выделить почерки первого, седьмого и девятнадцатого мастеров. Они отличаются большой четкостью, а первый и девятнадцатый почерки кроме того изящны: их мелкие округлые буквы в строке напоминают снизки бус. Видимо, благодаря этим качествам почерка первому писцу была поручена ответственная работа по написанию предисловий во всех одиннадцати книгах Миней. Предисловия написаны неторопливо, буквы расположены в строке равномерно, свободно; здесь не встречается ни длинных хвостов, ни высоких мачт. Особенностью первого почерка является вертикальное положение почти всех надстрочных букв, в том числе «б», «в», «к», «р». Из основных начертаний букв своеобразны: округлые (калачиком) «б», широкое «е» с длинным язычком, приземистая угловатая «земля», «р» — стоящее в строке. Многие из начертаний близки рисунку греческого минускульного письма [18].

Почерк седьмого писца несколько крупнее и проще названного выше. В нем не всегда выдерживается одинаковый наклон букв. Это особенно заметно в первой половине текста, написанного седьмым мастером [19]. Местами размер букв уменьшается, их линии становятся тоньше, нажимы ритмичнее [20]. Однако общий характер начертаний не меняется: буквы в основном округлы и четки. Седьмому писцу свойственны: «б» и «в» «калачиком», т. е. с округлыми петлями, но в отличие от первого почерка верхняя часть буквы «б» вытянута и слегка выгнута, а «в» «калачиком» имеет два варианта: 1) точная копия «в» первого писца — выходящее за пределы строки (большое), 2) «в» — написанное *в пределах строки* (маленькое). Встречаются также «в» с треугольными изломанными петлями и «в» простым прямоугольником. Характерны два варианта «ж»: 1) с двумя верхними закрытыми петлями вместо усиков и 2) с левой закрытой петлей и правой открытой (усиком); «зело» асимметричное, с уменьшенной нижней петлей; «земля» — с маленькой головкой и сильно вытянутым вдоль строки хвостом. Постоянно встречаются в седьмом почерке «р» и «у» с длинными хвостами, пересекающими верхнюю линию следующей строки.

Почерк девятнадцатого писца некрупный, четкий и изящный. Петли в начертаниях букв округлы, но сочетание тонких линий и нажимов в мачтах и перекладинах создает впечатление некоторой угловатости почерка, что совершенно отсутствует в письме первого мастера, где все линии равномерно утолщены. Буквы девятнадцатого писца слегка приплюснуты. Наиболее характерны из них четыре варианта «ж» с

---

[15] ГИМ, ОР, Синод., лл. 1127—1178. Этот писец Макарьевских Миней в записи на л. 1173 об. замечает, что он сделал «почин на Москве», т. е. начал писать, находясь в столице.

[16] ГИМ ОР, Синод. 180, лл. 824—971.

[17] ГИМ ОР, Синод., 182, лл. 284—467 и лл. 678—717.

[18] Необходимо отметить, что подобные начертания встречаются и в русском полууставе XV—XVI вв.

[19] ГИМ ОР, Чуд. 307, лл. 581 об. — 582.

[20] ГИМ ОР, Чуд. 307, лл. 602 об. — 603.

различными сочетаниями закрытых петель и усиков, «зело» красивого рисунка, но с вытянутой вдоль строки нижней петлей; «земля» в виде цифры «3», петли которой вытянуты вдоль строки. Исключительно девятнадцатому писцу присущи: «земля» в виде цифры «7» с длинным *серповидным* хвостом; «ять» с высокой мачтой, изогнутой перекладиной и круглой петлей; «ч» — с округлой чашей.

В последнюю пятую группу включаются следующие чудовские почерки: четвертый, четвертый «а», десятый и пятнадцатый. Первые два из указанных почерков очень похожи. Оба имеют угловатые и в начале разделов несколько вытянутые по вертикали буквы, которые округляются по мере развития письма. В обоих буквы «в», «к», «н», «п», «т» трапециевидной формы (они сужаются кверху и расширяются книзу). Близки формы букв «е» (широкого, с удлиненным язычком), «земли», «ъ» (с округлой петлей и вытянутой вдоль строки тонкой крышей). Одинаков рисунок лигатуры «земля»+«р»=«зр». Однако имеются и особые начертания, по которым можно различить почерки четвертый и четвертый «а». В четвертом почерке буква «ж» всегда пишется с закрытыми верхними петлями (левой округлой и правой — уголком); буква «у» имеет прямой, часто оканчивающийся острием хвост; у буквы «ять» перекладина всегда прямая, перпендикулярная мачте; надстрочные буквы «а», «е», «р» украшаются вытянутыми вдоль строки и изогнутыми хвостами с поперечными перемычками. В почерке четвертом «а» у буквы «ж», как правило, вместо правой петли встречается открытый усик, в букве «у» хвост внизу несколько закругляется, у буквы «ять» часто имеется изогнутая перекладина. Кроме того, почерк четвертый «а» отличается большей небрежностью в рисунке и разнобоем в наклоне букв. К этому почерку непосредственно примыкает почерк пятнадцатого писца. Для него характерны угловатые начертания, отсутствие единого наклона букв в строке, аритмичность [21]. Почерк некрасив. У одних букв (как «д», «р», «у») ножки и хвосты сильно укорочены, у других (как «ц», «щ») очень удлинены, у третьих (например, «е», «з») часто не доведены до конца нижние петли. Местами писец применяет нарочито вычурные формы. Таковы «ук» и «у» с длинными, закрученными на конце усами, «е» с вытянутой верхней петлей, витиевато изогнутая «земля», которая напоминает извивающуюся змею. Встречаются у него и лигатуры. Однако выполнены они весьма неискусно и мало украшают письмо пятнадцатого писца. Более четок и красив почерк десятого писца, хотя и ему свойственна та угловатость начертаний, которая проявляется у пятнадцатого. Особенно выразительна эта черта в буквах «Б», «в», «ж», «земля», «к». Почерк отличается большой стройностью, которая достигается благодаря небольшому удлинению по вертикали рисунка основных букв, но почти полное отсутствие наклона букв в строке придает ему некоторую сухость, схематизм. Для десятого почерка типичны: 1) «а» — с округлой, изогнутой, уходящей под строку спинкой; 2) три разновидности буквы «в»: угловатое, «в» «калачиком», подобные начертаниям XV в., и «в» «прямоугольником», свойственное почеркам XVI в.; 3) «ж» — с асимметричной верхней частью, левый усик которой как бы надломлен на сгибе. (По-видимому, писец заканчивал букву отдельным взмахом пера, приставляя эту последнюю деталь) [22]; 4) «земля» — с приплюснутой головкой, верхняя линия которой несколько скошена по отношению к горизонтальному краю строки, что придает всей букве как

[21] Писец пишет то по 37—38 знаков в строке, то по 26—28, т. е. то сжимает буквы, то растягивает. Ср. Чуд. 313, л. 599 об. и л. 48 об.

[22] Подобный же принцип написания применен в буквах «к» и «ч».

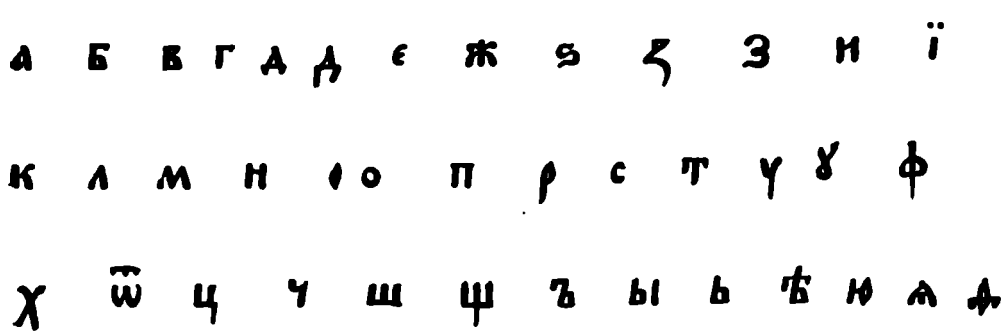


Рис. 2. Рисунок основных литер шрифта «Апостола» 1564 г.

бы гордую осанку; 5) «к» — с резко разорванной в середине правой частью, представляющей собой «усик» и «коленце»; 6) «л» — с длинными, уходящими под строку концами; 7) открытое (со срезанной верхушкой) «О»; 8) «ч» — с маленькой головкой, образованной усиком, едва прикасающимся к мачте.

Десятый писец довольно часто употребляет лигатуры. Наряду с такими признаками, как умение сохранить единый стиль при разнообразии начертаний букв, уверенностью руки и т. п., эта особенность указывает на то, что перед нами опытный мастер.

Итак, исходя из анализа основных начертаний, некоторых приемов и манеры письма, почерки чудовских Миней можно объединить в пять групп. Несмотря на индивидуальные особенности(а они достаточно ярки, чтобы говорить именно о двадцати двух мастерах, писавших чудовские Минеи), во всех почерках более или менее последовательно проявляются традиции русского полуустава XVI в.

В этом плане показательно, что большинство из них находит аналогии в известных макарьевских Минеях (середина XVI в.).

Почерки же XVI в., подобные письму макарьевских Миней, послужили образцами для шрифта московских печатных изданий И. Федорова [23].

В конце века эти печатные книги, и в первую очередь «Апостол» 1564 г., являлись для русских писцов такими же оригиналами для копирования текста, как и рукописи. Переписывая определенные произведения с печатных изданий, московские мастера видели в них прекрасные образцы для подражания как в орнаменте, так и в самом рисунке литер.

Если сравнить основные начертания чудовских почерков с буквами шрифта первопечатного «Апостола» Ивана Федорова, то обнаружится их близкое сходство (см. рис. 2). В большинстве почерков такие буквы, как «а», «и», «м», «н», «о», «п», «с», «ш», полностью совпадают с печатными. Буквы «в», «д», «ж», «з», «к», «л», «р», «т», «у», имея начертания, однотипные с печатными литерами, встречаются и в других вариантах: «в», имеющее форму двух вертикальных параллельных дужек, заключенных между прямым основанием и крышей; «д» и «л» — с удлиненными ножками: «ж» с разнообразным сочетанием открытых и закрытых петель; «з» в виде змеи с извивающимся хвостом; «к» со слабо выраженным «коленцем» (правой частью); «р» и «у» с чересчур длинным или чересчур коротким хвостом; «т» — «в три мачты».

[23] В. Н. Щепкин, *Русская палеография*, М., 1920, стр. 116; М. Н. Тихомиров, *Начало книгопечатания в России*, — сб. «У истоков русского книгопечатания», М., 1959, стр. 32; Т. Н. Протасьева, *Первые издания московской печати*, М., 1955, стр. 21.

Начертания букв «б», «ять», «ъ», «ы», «ь» в основном близки к печатным, но в них угловатые петли довольно часто заменяются писцами на округлые.

В каждом из почерков имеются буквы, повторяющие рисунок печатного шрифта[24]. Но в одних почерках такие начертания абсолютно преобладают (группы I, II, V), в других же они в значительной степени перемешаны с оригинальными формами (группы III, IV).

В зависимости от искусства и опыта мастеров, от образцов, с которых они копировали тексты, их почерки могли быть высокохудожественными (I группа) или простыми (II группа), изысканными (IV группа) или небрежными (III группа), трафаретными и манерными (V группа), т. е. имели свой стиль. Но эти стилистические особенности не мешают обнаружить сходство письма чудовских Миней со шрифтом московского первопечатного Апостола.

Таким образом, шрифт «Апостола» 1564 г., взятый с лучших рукописных памятников XVI в., в свою очередь оказывал влияние на почерки московских рукописей. Выполняя роль эталона для московских писцов, он тем самым поддерживал общность почерков, сложившуюся на основе традиций русского полуустава XVI в.

Исходя из этого, почерки чудовских Миней 1600 г. можно охарактеризовать как русский полуустав со старопечатной основой.

---

[24] В рукописях несколько колеблется величина букв, но никогда эти колебания не бывают особенно большими. Как правило, писцы придерживаются размеров шрифта «Апостола» 1564 г.

В. Б. Павлов-Сильванский

ПИСЦОВАЯ КНИГА ЗВЕНИГОРОДСКОГО УЕЗДА XVI в. (К ВОПРОСУ О ПУБЛИКАЦИИ)

Издание «Писцовые книги Московского государства» под редакцией Н. В. Калачева неоднократно упоминалось в исторической литературе. И не случайно, ибо оно фактически является основной публикацией писцовых книг XVI в. Издание получило высокую оценку историков, ссылки на него можно встретить почти во всех исследованиях по социально-экономической истории России этого периода. При этом все единодушно отмечали большие заслуги Н. В. Калачева в деле описания и публикации писцовых книг, проявленные им энергию и настойчивость для преодоления трудностей на пути к осуществлению этого важнейшего научного мероприятия[1].

Но вместе с тем по мере ознакомления исследователей с изданием стали обнаруживаться его недостатки. Не ставя себе задачу дать всестороннюю характеристику этого издания, мы укажем лишь на некоторые из них.

Так, С. Б. Веселовский определил, что описание Вяземского уезда 1594—1595 гг. В. Волынского и В. Ильина занимает в архиве две книги (кн. № 618 и 619 по описанию архива). В издании же напечатана лишь половина этого описания — то, что содержит книга № 618[2]. Нам в свое время удалось доказать, что вместе с половиной описания Вяземского уезда 1594—1595 гг. в издании был напечатан отрывок дозорной книги того же уезда 1624 г.[3]. В данном случае издатели не только не обратили внимания на разный характер обоих описаний, но и произвольно озаглавили дозорную книгу XVII в. как «Отрывок писцовой книги (XVI века)... продолжение той же книги». Н. Б. Шеламановой было убедительно показано, что одна из нескольких писцовых книг Полоцкого уезда XVI в., напечатанных в издании (обозначена № 1), вовсе не является писцовой книгой, а представляет собой «Тетрадь рубежей» — «сборник документов Посольского приказа, касающихся опре-

---

[1] «Писцовые книги Московского государства», изд. имп. Русского географического об-ва. Под ред. Н. В. Калачева. Отд. I, СПб., 1872, стр. 660—730 (далее — ПКМГ, I); подробнее об истории издания см. Г. Кочин, *Писцовые книги в буржуазной историографии*, ПИ, вып. II, М.—Л., 1936, стр. 157—158; об оценке издания см., например, С. Б. Веселовский, *Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг Московского государства XVI—XVII столетий*, — «Архивное дело», М., 1941, № 1(57), стр. 21; Н. Л. Маяковский, *Н. В. Калачев, как историк-архивист (Из истории русского архивоведения, 1860-е—1880-е гг.)*, — «Тр. Истор.-арх. ин-та», т. IV, М., 1948, стр. 163.

[2] С. Б. Веселовский, *Сошное письмо*, т. 2, М., 1916, стр. 586.

[3] В. Б. Павлов-Сильванский, *Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI в.* — АЕ за 1959 г., М., 1960, стр. 92—102.

деления границ вновь присоединенных полоцких земель»[4]. Исследователи, пользовавшиеся изданием, долго не могли определить истинный характер этой книги, так как издатели опубликовали ее неполностью, произвольно выпуская большие части текста. Справедливо указывали на то, что в издании нигде не проставлены листы оригиналов. Поэтому даже простое сопоставление подлинных текстов с тем, что было напечатано, представляет большие трудности[5]. Пожалуй, наиболее отчетливое представление о подходе издателей к такому источнику, как писцовые книги, и о приемах его издания дает публикация писцовой книги Звенигородского уезда 60-х годов XVI в.

Судьба этой книги сложная. Она дошла до нас не в подлиннике, а в списке, изготовленном в XVII в. Поместным приказом для приправки писцам князю Л. Шеховскому и подъячему И. Волкову, которые с 1624 (7132) г. начали описывать Звенигородский уезд[6].

Но дело в том, что уже ко времени изготовления списка подлинник был в очень плохом состоянии. Книга обветшала, многие листы прогнили и осыпались. Переплета, по-видимому, не было, так как в десятках случаев листы оказались не только перемешанными, но и попали в совершенно другие части книги. Все это отчетливо видно по списку XVII в. Вероятно, в Поместном приказе и других учреждениях не было иной писцовой книги Звенигородского уезда для изготовления приправочных книг. Приводить в порядок подлинник в тех условиях не было возможности. Но в то же время нельзя было и писать текст сплошь, без указаний на его дефекты,— это окончательно запутало бы писцов при пользовании приправочной книгой. Поэтому переписчики получили указание скопировать текст подлинника таким, какой он есть, отмечая все дефекты вплоть до самых незначительных. И можно сказать, что это было выполнено ими безукоризненно. В тех местах, где пропуски были невелики, в списке оставлены среди строк соответствующие чистые места. При порче целых строк, страниц и листов, которые было невозможно восстановить, везде сделаны записи: «5 строк порожие», «страница порожая», «лист порожей, а сем строк на нем сперва писано», просто «лист порожей», «полстраницы порожая, а поместей в старых книгах не сыскано, а объявился в книгах перечень» и т. п. Общее состояние подлинника хорошо передают пометы сотной выписи из него на земли Саввы-Сторожевского монастыря: «А в котором стану или волости, и того неведомо, потому что книги сгнили и перемешаны»[7]; «а крестьян не писано, потому что многие статьи погнили, а на которые статьи оставлены места, и то в книгах вытнило»[8]. Всего переписчиками XVII в. было отмечено 260 случаев дефектов подлинника. Когда список был готов, последовали сверка и правка, устранившие ошибки самих переписчиков. Все это важно для нас как свидетельство того, что в Поместном приказе, переписывая книгу XVI в., постарались передать ее в том виде, в каком она сохранилась к тому времени.

Для писцов князя Л. Шеховского и подъячего И. Волкова список имел большое значение. Об этом говорят несколько сот помет, сделанных ими на полях рукописи при сопоставлении данных XVI в. с тем, что они встретили в уезде в 1624 г.

---

[4] Н. Б. Шеламанова, *О характере и времени составления «Тетради рубежей» Полоцкого повета*, — «Вопросы археографии», 1965, № 4, стр. 51—56.

[5] С. Б. Веселовский, *Сошное письмо*, т. 2, стр. 595.

[6] ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, писцовая книга № 125 (далее — кн. 125).

[7] ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономии (далее — ГКЭ), № 76, л. 113 об. — 115.

[8] Там же, № 150, лл. 162 об. — 163 об.

Но до того как список попал в архив, он сам оказался сильно поврежденным. В нем нет начала — первых девяти с половиной тетрадей (по сигнатуре XVII в.), содержавших описание поместных земель в Городском стане. В 23-й тетради (между лл. 100 и 101 архивной нумерации) не хватает семи листов. Многие листы местами сгнили, части других оторваны.

С. Б. Веселовский в результате ознакомления со списком высказал предположение, что начала писцовой книги не было уже в подлиннике и что, кроме того, список XVII в. не только погнил, но и *«местами перебит и переплетен неправильно»* (курсив мой.— *В. П.*) [9].

Однако приводимые ниже признаки списка позволяют нам не согласиться с этим предположением С. Б. Веселовского.

Помимо архивной нумерации листов список имеет по нижним полям единую сигнатуру тетрадей, местами сильно выцветшую. Всего в нем было 40 тетрадей. Номер последней тетради приходится как раз на последний лист списка, который завершают подписи всех его изготовителей. Выше говорилось о том, что первых девяти тетрадей не хватает полностью, а от десятой сохранилось шесть поврежденных листов с фрагментами описаний нескольких поместий в Городском стане. Трудно предположить, что список начинался с десятой тетради, ибо уже сам этот номер имеет смысл лишь при наличии предыдущих девяти. Возможно, конечно, что и в полном списке не было начала подлинника. Но ведь С. Б. Веселовский имел перед собой только список, а привлеченные им документы не содержат никаких указаний относительно начала самого подлинника.

Вся рукопись была скреплена дьяком Третьяком Корсаковым. (Скрепы, как обычно, расположены на поле каждого листа по слогам). На первом сохранившемся листе виден фрагмент скрепы — «ков» (окончание фамилии «Корсаков»). Дальше до конца книги имеется лишь один перерыв в общем ряду слогов — это уже упомиавшийся выше случай, когда в 23-й тетради недостает семи листов.

Все сказанное позволяет предположить, что в списке XVII в. было начало подлинника, а также свидетельствует о том, что список был переплетен в том виде, как был скопирован с подлинника (если не считать утраты начала и семи листов в середине).

Казалось бы естественным, что при публикации источника, дошедшего до нас в таком плохом состоянии, следует передать его как можно точнее. Однако в данном случае это основное правило полностью не было соблюдено.

При публикации писцовой книги издатели внесли более семидесяти существенных изменений, которые можно свести к двум группам: 1) изъятие отдельных фрагментов текста; 2) изменение структуры оригинала в результате многочисленных перемещений как больших частей текста, так и отдельных его фрагментов.

Кроме того, книга неверно датирована 1592—1593 (7101) г., ее писцами ошибочно названы Меньшой Волынский и подьячий Посник Степанов, книге дано заглавие, произвольно составленное самими издателями. Об этом в свое время писали Ю. В. Готье и С. Б. Веселовский [10]. Первый из них предполагал, что книга была составлена неизвестными писцами в промежутке между 1560—1563 (7068—7071) гг.

---

[9] С. Б. Веселовский, *Сошное письмо*, т. 2, стр. 595.

[10] Ю. В. Готье, *Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси*, изд. 1, М., 1906, стр. 48—49; С. Б. Веселовский, *Сошное письмо*, стр. 594—595; С. Б. Веселовский, *Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг*, стр. 30.

Второй считал, что главную часть описка составляет описание 1559 (7067) г. князя Ивана Ростовского, в которое были вплетены отдельные листы из описания 1560(7068) г. Давыда Слизнева «с товарыщи».

Основная часть данной статьи имеет весьма конкретную цель — перечислить все эти изменения для того, чтобы исследователи, пользуясь изданием, могли представить себе действительные объем и структуру оригинала. В каждом отдельном случае не аргументируется правильность или неправильность того или иного изменения, совершенного издателями. Для этого пришлось бы привлечь все сохранившиеся материалы по Звенигородскому уезду за XVI—XVII вв. Однако на нескольких примерах мы постараемся показать, к чему порой может привести попытка реконструкции источника без предварительного его изучения.

Вопросы источниковедения и реконструкции писцовой книги Звенигородского уезда, в том числе и вопрос о ее датировке, подробно рассмотрены в другом исследовании, подготовленном автором к печати.

В интересующей нас писцовой книге после описания каждого владения (поместья или вотчины), независимо от того, сколько в нем населенных пунктов или пустошей, подводится общий итог. Естественно, что в тех случаях, когда владение состояло из одного населенного пункта или пустоши, данные самого описания и итога совпадают и, таким образом, повторяются. В описаниях поместий это выглядит так: «За Данилом Федоровым сыном Левашова; деревня Левоново; пашни 48 четьи в поле, а в дву потомуж, земля середняя, сена 15 копен. И всего за Данилом деревня, а в ней пашни 48 четьи в поле, а в дву потому же, земля середняя, сена 15 копен, и учинено середние земли добрую землею 40 четьи, а наддано ему 8 четьи и додать ему по окладу меры его добрые земли 20 четьи» [11]. Описания вотчин отличаются лишь тем, что в итогах нет последней части формулы — «о наддаче земли».

По писцовой книге в уезде значится 51 такое владение (из них 18 поместий и 33 вотчины) [12].

Как поступили издатели? Публикуя описания поместий, они исключали общие итоги и присоединяли к тексту самих описаний лишь последнюю часть формулы — «о наддаче земли», начиная со слов «и учинено». Так как в описаниях вотчин эта часть формулы отсутствовала, то исключался весь текст общих итогов. Это было сделано в 47 случаях [13]. Только в описаниях четырех первых вотчин Городского стана

---

[11] ПКМГ, 1, стр. 713; кн. 125, лл. 107—107 об.

[12] Ввиду того, что книга сохранилась неполностью, можно предположить, что таких владений было значительно больше.

[13] Первые цифры за фамилиями владельцев означают страницы издания, вторые — листы оригинала. О. Торжнев (661, 1); Власьевы Д. А. и О. И. (665, 23); М. С. Лысцов (666, 27 об.); Б. М. Хвощинский (669, 39—39 об.); Обрамовы В. Л., Н. Л. и др. (670, 44 об.); Копытовы С. З., С. Ю. и др. (670, 46 об.); Нероновы С. И., К. И. и др. (670, 47); М. М. Легостаев (670—671, 47 об.); С. М. Хвощинский (671, 49); попы Афанасий и Аидрей (695, 126 и 127); В. О. Негодяев (698, 134—134 об.); Ф. О. Негодяев (698, 137 об.); С. И. и Н. И. Щербинины (699, 137 об — 138); Вражские С. И., Р. З., И. С., М. С., Таратин Р. Б., Масловы С. Я., Ф. Ш., М. К. (699, 140—142 об.); Масловы Г. А. и С. А., Шапилов В. П. (700, 143 об. — 145 об.); О. И. Несельский (701, 147 об.); Вражский И. А., Олехнов Ш. и Михайлов И. (702, 150—151 об.), Болотниковы Б. О., Г. Б. и др. (705, 158 об., 153); Болотниковы А. К., Л. Ф. и др. (705—706, 162—163); Елчаниновы О. Е. и др., Носов Б. Л., Кулибакины О. и З., Тургенев И. В., Вражские К. Ф. и др. (706, 163—168); Болотникова Н. Ф. с сыном (707, 168 об. — 169); Иосифов м-рь (709, 177—177 об.); Левашов Д. Ф. (713, 107—107 об.); Тоболин Д. М. и Ватолин В. (714, 90 об. и 91 об.); Ножевников В. Г. и Рукин Б. Н. (722, 225 об. — 226 об.); Рукины Р. О., Л. О., Б. О. и др. (722, 227); ...шевы Д. Ф., П. Ф. и М. Ф. (722, 228 об.); Ожегов... Васильев сын (723, 230).

(Т. Е. Ярцева, В. и Б. Волковых, М. М. Нечаева и П. Б. Сомарина) по непонятным причинам итоги были оставлены.

Если бы источник хорошо сохранился, может быть, и было бы целесообразно поступить так, как это сделали издатели, оговорив сокращения текста во введении. Но ведь речь идет о книге, имеющей 260 пробелов, листы которой сильно перемешаны, так что порой невозможно понять, где кончается одно владение и начинается другое.

Сравним, как выглядят описания одного поместья и одной вотчины в издании и в оригинале.

Поместье [14]

Издание	*Писцовая книга 125*
«За Русинцом за Борисовым сыном Таратнив: дер. Оинсимцова, на рчк. на Гряде: пашнн 18 четьи в поле, а в дву потому ж, земля сер., сена 40 коп., и учинено сер. земли добр. землею 14 четьи с осм., а наддано на сер. землю сер. ж земли 3 четьи с осм., и додати ему добр. земли 36 четьи с осм.»	«За Русинцом за Борисовым сыном Таратина: деревня Оинсимцова на речке на Гряде: пашни 18 четьи в поле, а в дву потому ж, земля середняя, сена 40 копен. И всего за Русинцом деревня; пашни 18 четьи середине земли, сена 40 копен. И учинено середине земли доброю землею 14 четьи с осминою, а наддано на середию землю середнне ж земли 3 четьи с осминою, и додати ему добрые земли 36 четьи с осминою».

Вотчина [15]

Издание	*Писцовая книга 125*
«Малки Серкова сыиа Лысцова: дер. Исаковв: пашви 30 четьи в поле, а в дву потому ж, земля сер., сена 25 коп.»	«Малки Серкова сына Лысцова: деревия Исакова: пашии 30 четьи в поле, а в дву потому ж, земли середияя, сена 25 копен. И всего деревии, пашни 30 четьи середине земли, сена 25 копен».

Какую уверенность дают исследователю эти несколько лишних строк оригинала и сколько приходится гадать и подсчитывать, когда не знаешь, что издатели просто сократили текст этих описанй. Тем более что в сумме весь исключенный текст занял бы в издании всего три-четыре страницы.

Во всех этих случаях были изъяты однородные тексты. Остальные изъятия так нли иначе связаны с перемещениями фрагментов текста памятника. Поэтому их удобнее рассмотреть во второй группе изменений, которым подвергся оригинал.

Вслед за описанием одного из сел вотчины Саввы-Сторожевского монастыря — Дубацына с прнписанными к нему деревнями [13] издатели совершили большое перемещение текста оригнала. Завершая опнсанне громадной вотчины Саввы-Сторожевского монастыря в Городском стане, в изданни без всякого перерыва следует описание деревень: Машкнно, Торихино, Шишкино, Щепихина, Подосенки, Онтоново, Попово, Папорт, ...хино, Колычово, Козлово, Тулубьева Попково, Брюхатово,

[14] ПКМГ, 1, стр. 699; кн. 125, лл. 140 об. — 141 об.
[15] Там же, стр. 666; кн. 125, л. 27 об.
[16] Там же, стр. 681; кн. 125, л. 86 об.

Слободка с итогом: «И всего село, да погост, да 33 деревни, да 2 селища; пашни монастырские сер. земли 174 четв. сена монастырского 80 копен, а крестьянские пашни сер. земли 309 четьи с осм., а худ земли 315 четьи с осм., сена 471 коп., кустарю пашенного 78 четьи, а непашенного 125 четьи, рощи 38 четьи с осм., и обоего сер. и худ. земли монастырские и крестьянские 855 четьи с осм.. кустарю непашенного на 16 четв.» [17]. Затем следуют описания вотчин Онуфреева [18], Новинского [19], Богоявленского, «что в Москве за торгом» [20], «Здвиженского, что в Звенигороде, а в нем церковь Козма и Демьян» [21], Троицко-Сергиева [22] монастырей; итог митрополичьих, владычных, монастырских и церковных вотчин в Городском стане [23]; общий итог по Городскому стану [24]; описание вотчин: Пречистенского протопопа Семиона с братьею [25], Никольского попа Офонасея [26], Пречистенского дьякона Федосея [27] и Пречистенского попа Ондрея [28].

Этим в издании заканчивается описание Городского стана.

Из подстрочных примечаний видно, что весь вышеприведенный текст перемещен сюда с лл. 108—127 оригинала, т. е. на 22 листа вперед. Перемещение совершено невзирая на то, что в оригинале между описанием Городского стана и листами, где расположен данный текст, стоит заголовок: «Стан Угожьский, а в нем писаны села и деревни за князьми и детми боярскими в поместьях» [29]. Отметим также, что в том большом отрывке, который напечатан после описания села Дубацына, нет ни одного указания на принадлежность этих деревень к вотчине Саввы-Сторожевского монастыря.

В оригинале на этом месте находится совершенно другой текст. После итога по селу Дубацыну завершает описание вотчины Саввы-Сторожевского монастыря небольшой отрывок: «...вертей, сена 25 копен, кустарю непашенного 3 десятины. И всего 2 деревни, да селищо, да пустошь, а в них пашни середние земли 69 четьи, сена 33 копны, кустарю пашенного 26 четьи, а непашениого 10 четьи, рощи осмина» [30]. А вслед за ним идут описания 20 частных владений [31] и одна строка из особой части писцовой книги, содержащей сведения о землевладении бояр и детей боярских царя Семиона Касаевича [32]. Поместив на это место описания монастырских и церковных земель, издатели перенесли данный текст в другие места. Каждое из этих перемещений будет рассмотрено ниже при анализе тех мест издания, куда попали соответствующие отрывки текста.

После Городского стана в издании напечатано описание Тростенского стана (земли поместные, вотчинные, монастырские и погосты «на цареве и великого князя земле») [33]. Если не считать, что из 47 слу-

---

[17] ПКМГ, I, стр. 681; кн. 125, лл. 108—109 об.
[18] Там же, стр. 681—682; кн. 125, лл. 110—111 об.
[19] Там же, стр. 682; кн. 125. лл. 111 об. — 112 об.
[20] Там же; кн. 125. лл. 112 об. — 113.
[21] Там же, стр. 682—683; кн. 125, лл. 113—115.
[22] Там же, стр. 683—694; кн. 125, лл. 115 об. — 123 об.
[23] Там же. стр. 694; кн. 125. л 124
[24] Там же; кн. 125, лл. 124 об. — 125.
[25] Там же, стр. 694—695; кн. 125. лл. 125—125 об.
[26] Там же, стр. 695; кн. 125, л. 126.
[27] Там же; кн. 125, л. 126 об.
[28] Там же; кн. 125, л. 127.
[29] Кн. 125, л. 97 об.
[30] Там же, л. 87.
[31] Там же, лл. 88 об. — 107 об.
[32] Там же, л. 93.
[33] ПКМГ, I, стр. 695—709; кн. 125, лл. 128—180.

чаев, когда издатели намеренно опустили общие итоги тех владений, где было по одному населенному пункту, 28 приходится на Тростенский стан, можно сказать, что текст описания этого стана напечатан без изменений.

Проследим по порядку: в издании напечатано описание Угожского стана [34]. Здесь было произведено больше всего перемещений текста. Рассмотрим каждый из этих случаев в отдельности.

Так как описание каждого стана начинается в книге 125 с раздела «поместные земли», издатели переместили сюда с листа 97 об. уже упоминавшийся заголовок: «Стан Угожьской, а в нем писаны села и деревни за князьми и за детми боярскими в поместьях». Далее напечатаны следующие в оригинале непосредственно за заголовком описания владений: «боярина царя Семиона Касаевича» — князя Данилы Ивановича Засекина, Безсона Григорьева сына Колычова, Русинца Андреева сына Панфилова, Неждана Болотникова, Петрока Новокрещенова, Кости Романова сына Новокрещенова, Ромашки Костиного сына Новокрещенова, Вараксы Онисимова сына Карцова, Микиты Иванова сына Новокрещенова совместно с Грязным Гавриловым сыном Граворонова, Данилы Федорова сына Левашова и Васюка Кудаева сына Оникеева — всего двенадцати человек [35].

Но внутри этого большого перемещения издатели еще раз переместили часть текста. Дело в том, что в оригинале после заголовка идут описания владений не двенадцати, а тринадцати человек. На листе 104 между землями Русинца Андреева сына Панфилова и Неждана Болотникова написано: «За Истомкою Федоровым сыном Шад...ва: деревия Говенково: пашни 18 четьи в поле, а в дву потому же, земля середнея. Пустошь Лабунино: пашни 15 четьи с осминою в поле, а в дву потому ж...» [36].

Издатели изъяли отсюда текст этого незаконченного описания. При дальнейшем ознакомлении с книгой 125 они обнаружили на лл. 214 об. — 215 об. отрывок описания владения какого-то Истомы.

Руководствуясь тем, что в обоих отрывках фигурирует одно и то же имя владельца «Истома», издатели механически соединили их, обозначив место соединения словом «пробел», и поместили весь текст там, где в оригинале находился второй отрывок — почти в конце раздела «поместные земли» Угожского стана [37]. Формально пробел отмечен, но величина его неясна, так что может сложиться впечатление, будто в тексте пропущено лишь одно слово «земля». Фактически он гораздо больше — пуста половина л. 214 об., где начинается второй отрывок. Кроме того, не отмечено, что в середине того же отрывка есть еще один пробел — пуста четвертая часть листа перед словами «И всего за Истомою старого поместья и новые придачи 5 деревень да 2 пустоши». [38]. Невнимание издателей к пробелам привело к тому, что, пользуясь печатным текстом данного описания, невозможно определить, какие деревни относятся к старому поместью, а какие — к новой придаче.

Сразу же после этого идет следующее крупное перемещение текста. Выше говорилось о том, что в оригинале в конце Городского стана находятся описания группы частных владений, на место которых

---

[34] ПКМГ, I, стр. 709—727.
[35] Там же, стр. 709—713; кн. 125, лл. 97 об. — 107 об.
[36] Кн. 125; л. 104.
[37] ПКМГ, I, стр. 718.
[38] Кн. 125; л. 215.

издатели переместили описания монастырских и церковных земель[39]. Весь этот комплекс в издании был в свою очередь перемещен в середину раздела «поместных земель» Угожского стана и напечатан после описания владения Васюка Кудаева сына Оникеева[40]. Посмотрим, насколько точно передан текст оригинала.

В книге 125 на л. 87 после пробела в шесть строк написано: «...Морозова..., а в нем церковь Благовещения Пречистые Богородицы» — дальше идет описание владения, итог которого начинается фразой «И всего сельцо, да 12 деревень, а в селе церковь». Установив из итога, что кроме деревень во владении было еще и сельцо, издатели предположили, что «Морозова» и есть название этого самого сельца. Поэтому они изменили окончание слова, в результате чего начало описания безымянного владения в издании выглядит так: «(пробел) Морозово, а в нем церк. Благовещенье Пречистые Богородицы»[41].

Для того, чтобы все стало ясным, обратимся к писцовой книге уезда 1624—1629 гг., князя Л. Шеховского и подьячего И. Волкова, которые, как уже говорилось, пользовались рассматриваемым нами списком как приправочной книгой. В разделе «В Городцком стану старые вотчинные и купленные земли» написано: «За Морозовым Борисом Ивановичем по государеве жаловаиной грамоте 124-го году за приписью дьяка Микулая Новокщенова деда и отца ево старинная вотчина: село Павловское на реке Истре, а в селе церковь Благовещение Пресвятые Богородицы». Далее идет описание села и тех же двенадцати деревень владения[42].

Таким образом, издатели здесь допустили сразу несколько ошибок. Произвольно изменив окончание слова «Морозова», они сделали владение безымянным, а село Павловское переименовали в Морозово. Из Городского стана, где оно находилось в списке, его переместили в Угожский стан, одновременно превратив из вотчины в поместье.

Сказанное в полной мере относится и к перемещенным сюда же владениям «... Игнатьевича Салтыкова», подьячего Власа Григорьева сына Слизнева, Дмитрия Михайлова сына Тоболина, Василия Ватолина, «жены Тоболина и ее сына Уполоиа» и «царева и великого князя дьяка Богдана Логинова»[43]. Они тоже находились в Городском, а не в Угожском стане и были не поместьями, а вотчинами.

Могут сказать, что издатели не могли каждый раз обращаться для проверки к многочисленным документам. Да это действительно трудно. Однако в данном случае от них этого и не требовалось. Сам список имеет неоспоримые свидетельства того, что эти владения находились в Городском стане (они там записаны) и были вотчинами. На л. 92 об. после описания земель дьяка Б. Логинова половина листа оставлена пустой, а внизу почерком рукописи сделана запись, отсутствующая в издании: «Полстраницы порожжая. А поместей в старых книгах не сыскано, а объявился в книгах перечень. *А выше сего писаны вотчинные земли* (курсив мой. — *В. П.*)»[44].

При внимательном ознакомлении с принципом описания книги 125 каждому станет ясно, что все вышеуказанные земли, начиная от «(пробел) Морозово» и включая владения дьяка Б. Логинова, описаны

---

[39] Там же, лл. 87—97.
[40] ПКМГ, I, стр. 713—715.
[41] Там же, стр. 713.
[42] ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, писцовая книга № 638, лл. 196—199 об. (далее кн. 638).
[43] ПКМГ, I, стр. 714—715; кн. 125, лл. 89—92 об.
[44] Кн. 125, л. 92 об.

по формуле разделов «Отчины и купли князей и детей боярских». Более того, одно из описаний содержит прямое указание на это: «За подьячим за Власом Григорьевым сыном Слизнева купля: деревня Белкина, на речке на Нахабне» и деревня Климово [45].

Реконструируя владение «...Игнатьевича Салтыкова» [46], издатели не приняли во внимание, что между самим описанием и итогом в оригинале находится пустой лист (не пронумерованный в архиве), на обеих сторонах которого почерком рукописи написано «Лист порожей» [47]. В итоге нет указаний на то, что он относится к владению Салтыкова: данные описания и итога во многом не совпадают.

Поместье Бориса и Семена Ивановых детей Голенищева реконструировано издателями из двух частей. Небольшая первая часть расположена в оригинале на л. 214: («За Борисом да за Семеном Ивановыми детми Голенищева: деревня Сотниково: пашни 50 четьи с осминою в поле, а в дву потому ж, земля середняя, сена 30... потому ж, а земля середняя, сена 30 копен»). Все остальное расположено значительно раньше (на лл. 201—201 об.) и начинается со слов «... а в дву потому ж, земля середнея, сена 15 копен», которые сами по себе не могут служить основанием того, что именно отсюда начинается вторая часть описания поместья Голенищевых. По итогу в поместье было 8 деревень и пустошь. В описании всего 3 деревни и пустошь. Так как части соединены произвольно, не исключена возможность того, что 5 деревень Голенищевых в издании значатся за другими лицами.

Примерно то же самое произошло при реконструкции двух следующих поместий:

1). Описание поместья Меншичка Юрьева сына Шадеева находится на лл. 201 об. — 202 оригинала, а итог, начиная со слов «И всего за Меншичком 4 деревни и пустошь», — на лл. 209—209 об. Между обеими частями издатели вставили слово «пробел», которое не показывает, что они отстоят друг от друга на семь листов. Из итога видно, что в описании не хватает одной деревни и пустоши. На наш взгляд, отсутствие их можно объяснить следующим образом. В оригинале непосредственно перед итогом поместья Шадеева находится описание поместья некоего «Ивана Андреева сына...» (без окончания). В нем после характеристики деревень Зиновово, Скомлево, Лютиково, Черныщево, Сухарево, Юдино, Уханово и Труфаново написано: «Да за ним же на реке на Нахабне деревня Новинки: пашни 30 четьи в поле, а в дву потому ж, земля середняя, сена 20 копен, кустарю пашенного 4 четверти, да ему ж придано к тое ж деревне пустошь Овдеево, пашут ее наездом деревни из Новинок: пашни 19 четьи в поле, а в дву потому ж, земля середняя, сена 23 копны, кустарю пашенного 3 четверти. Деревня Дудино: пашни 15 четьи в поле, а в дву потому ж, сена 10 копен, земля середняя. Пустошь Плаксина: пашни 9 четьи в поле, а в дву потому ж, земля середняя, сена 15 копен, поросняку в облозе 6 четьи» [48]. А дальше без перерыва даже в одну строку начинается итог поместья Меншичка Шадеева. Издатели из осторожности приняли за его начало слова «И всего за Меншичком», хотя нет никакой уверенности в том, что деревня Дудино и пустошь Плаксина, причисленные ими к владению Ивана Андреева сына, не есть те самые населенные пункты, которых недостает в поместье Шадеева.

---

[45] ПКМГ, I, стр. 714; кн. 125, лл. 90—90 об.
[46] Там же; кн. 125, лл. 89—90.
[47] В кн. 125 между лл. 89 и 90.
[48] Кн. 125, лл. 207 об. — 209; ПКМГ, I, стр. 716—717.

2). Поместье Кирилла Михайлова сына Татищева [49]. В оригинале описание (до итога) находится на лл. 203—203 об. После него (л. 204) без перерыва идет итог по поместью совершенно другого лица: «И всего за Фирсом 4 деревни: пашни 125 четьи в поле, а в дву потому ж середние земли, сена 140 копен, и учинено за ним середние земли доброю землею середние ж земли 100 четьи, а наддано ему на середнюю землю середние ж земли 25 четьи». Соединив обе части описания поместья Татищева без указания на промежуток между ними в оригинале и не найдя Фирса среди всех владельцев, записанных в писцовой книге, издатели просто не напечатали итог по поместью Фирса.

Вслед за этим издатели совершили еще одно большое перемещение текста. В оригинале после описания поместья Петра Бахтеярова сына Новокрещена идет итог поместных земель Угожского стана [50]. Этот итог изъят отсюда и напечатан четырьмя страницами позже, в конце раздела «поместных земель» Угожского стана [51]. А на его место перемещен с л. 207 отрывок описания безымянного владения, начинающийся словами «(пропуск) 56 четв. в поле, а в дву потому ж, земля сер., сена 15 коп.» и не имеющий окончания [52].

Но этим дело не кончилось. В оригинале сразу же после вышеприведенного текста идет итог по совершенно другому поместью: «И всего за Меншим 8 деревень да селище, а в них пашни середние земли 250 четьи, сена 99 копен, лесу пашенного 31 четверть, а непашенного 5 четвертей... учинено за ним середние земли доброю землею 200 четьи, а наддано ему середние ж земли 50 четьи» [53]. Не найдя Меншего среди владельцев, записанных в писцовой книге, издатели просто изъяли и не напечатали итог по его поместью, а на это место переместили с лл. 207 об. — 210 об. описание владений уже упоминавшегося выше «Ивана Андреева сына...» и Ографены Кузминской, жены Татищева, с племянником Кириллом [54].

Реконструкция издателями следующего по порядку описания поместья Кирилла Димитриева сына Белеутова очень сложна [55]. Первая, основная часть, включающая описание сельца Конановского Юматова и деревень Нестарово, Зимиево, «Сре...», Бекрино, Сенютино, деревни..., Прибытков починок и Лаврово, кончая словами «и наддано ему на середнюю землю середние ж земли на 131 четьи 32 четьи с осминою», перемещена сюда с лл. 211—212 об. Итог, начиная со слов «И всего за Кирилом...» и кончая словами «...и переходу у него за его мерою 2 четьи с осминою середние земли», перемещен с листа 228 уже из раздела «Отчины и купли» Угожского стана. При этом не отмечено, что в оригинале сам итог тоже разделен на две части: после слов «кустарю непашеного 28 четьи» треть листа 228 пуста. И, наконец, фраза, которая в издании завершает описание поместья Кирилла Белеутова: «пашни 10 четьи с осминою в поле, а в дву потому ж, земля середиея, сена 5 копен», взята с начала листа 213.

Для того чтобы читатель мог наглядно представить себе результаты этой реконструкции, мы воспроизводим здесь последнюю часть описания так, как она выглядит в издании: «Дер. Лаврово: пашни 12 четьи в поле, а в дву потому ж, а сер. земли 163 четьи с осм. в по-

---

[49] ПКМГ, 1, стр. 715—716.
[50] Кн. 125, лл. 206—206 об.
[51] ПКМГ, 1, стр. 720.
[52] Там же, стр. 716.
[53] Кн. 125, л. 207 об.
[54] ПКМГ, 1, стр. 716—717.
[55] Там же, стр. 717.

ле, а в дву потому ж, и обоего добр. и сер. земли 232 четв. с осм. в поле, а а дву потому ж, сена 199 коп., кустарю пашеиного 40 четьи, а непашенного 39 четьи, рощи 26 четьи, и иаддано ему иа сер. землю сер. ж. земли на 131 четьи 32 четьи с осм. И всего за Кирилом слц., да 8 дер.; пашни сер. земли 252 четьи с осм. в поле, а в дву потому ж, сена 228 коп., кустарю непашенного 28 четьи, и учииено за иим сер. земли добр. землею 200 четьи, а наддаио на сер. землю сер. ж. земли 50 четьи, и переходу у иего за его мерою 2 четьи с осм. сер. земли пашни 10 четьи с осм. в поле, а в дву потому ж, земля сер., сена 5 коп.» [56].

Даже при беглом чтении видио, что к описанию последней деревни Лаврово относятся лишь слова: «пашии 12 четьи в поле, а в дву потому ж». А все последующее до слов «И всего за Кириллом...» является отрывком итога какого-то совершенно другого поместья и не имеет никакого отношения к Кириллу Белеутову. (При подсчете данные этого итога полностью не совпадают с результатами самого описания; кроме того, в поместье Белеутова не было «доброй» земли). Не относится к этому описаиию и последняя фраза: «пашни 10 четьи с осм. в поле, а в дву потому ж, земля сер., сена 5 коп.», так как, во-первых, предшествующий ей итог по поместью Кирилла, согласио формуле описания поместных земель в книге 125, заканчивается словами: «и переходу у него за мерою 2 четьи с осминою середние земли», и, во-вторых, в самом описании и сельцо и все восемь деревень полностью описаны.

В оригинале на том месте, куда издатели переместили описание поместья Кирилла Белеутова, находится итог по совершенно другому поместью: «И всего за Тихоном 9 деревень да починок, а в деревнях пашни худые земли 303 четьи в поле, а в дву потому ж, сена 273 копны, лесу пашенного 16 четьи, а непашенного 6 четьи, рощи 69 четьи. И учинено за ним худые земли доброю землею 200 четьи, а наддано иа худую землю худые ж земли 100 четьи» [57]. Обиаружив начало описания поместья Тихоиа Дмитреева сына Белеутова на лл. 229—229 об., уже в разделе «Отчины и купли» Угожского стана, издатели по непонятным причинам ие поместили реконструкцию всего владения там, где находится его итог, а иапечатали объединеиный текст в конце раздела «поместиых земель» стана [58].

В издании за поместьем Кирилла Белеутова напечатали фрагмент описания безымянного владения (деревни Трутеево, Ортюшкино, Панфилово и Тюшляково) [59]. Описание последней деревни сохраиилось иеполиостью: «пашни 14 четьи в поле». И тут же следует такой текст: «(пробел). Да на их же земле поч. на р. на Торусице, а на нем церк. Троица живоначалная: пашни 20 четьи в поле, а в дву потому ж, земля худа, сена 34 коп.» [60].

Соединив обе части текста, издатели не указали, что в оригииале между ними существует большой пробел — около половииы листа.

В оригинале на том месте, куда издатели переместили это безымяниое владение, опять-таки находится итог по совершенно другому поместью: «И всего за Зиновьем учинено добрые середние (так!) земли 20 четьи в поле, а в дву потому ж, а наддано ему... четьи, сена 5 копен, лесу непашеиного 4 четверти». Затем идет описание каких-то

[56] Там же.
[57] Кн. 125, лл. 210 об. — 211.
[58] ПКМГ, I, стр. 720.
[59] Там же, стр. 718.
[60] Там же.

трех деревень: Соловцово, Обелшаново и Малинкино, и сразу же после этого еще фрагмеит итога, упомииающий то же имя: «...за Зиновьем 11 деревеиь, пашни добрые земли 69 четьи в поле, а в дву потому ж»[61].

Обнаружив начало и основную часть описания поместья Зиио-вия Дмитриева сына Белеутова четырнадцатью листами позже (на лл. 227—227 об.), уже в разделе «Отчины и купли» Угожского стана, издатели реконструировали описание таким образом.

После основной части напечатаио описание деревень Соловцово, Обелшаново и Малинкино», затем фрагмент, начииающийся словами «за Зиновьем 11 деревень...», и, наконец, часть итога со слов «И всего за Зиновьем учинено добрые середиие земли». Так же как и в случае с поместьем Тихона Белеутова, реконструированный текст помещен не там, где в оригинале находится итог владеиия, а произвольио перемещен почти в самый конец раздела «поместиых земель» стана[62].

Напечатанное вслед за этим описание поместья, бывшего «(пробел?) ши за Ивановым сыном Квасовым» (в итоге назван Иваном Квашниным), перемещеио сюда издателями с лл. 228—229, также из раздела «Отчиины и купли» Угожского стана[63].

На лл. 214—214 об. оригинала находится итог безымянного владения: «И всего погост, а иа ием церковь; пашни поповы 38 четьи середние земли, сеиа 30 копен». Не найдя в писцовой книге описания, к которому можно было бы, по их мнению, присоединить этот итог, издатели просто ие иапечатали его.

Несколько изменений было произведено издателями и в разделе «вотчинных земель» Угожского стаиа.

Вот как выгляднт в издаиин описание одной из вотчин: «Русина с братьею, да Бориса да Леонтья Оидреевых детей, да Григорья Дмитреева сына Рукина: дер. Малцово: пашни 18 четьи в поле, а в дву потому ж, земля сер., сена 15 коп., кустарю непашенного 4 четьи... (пробел), сеиа 93 коп., кустарю непашенного 47 четьи, рощи 7 четьи»[64]. В примечании издатели делают оговорку, что после слов «4 четьи» «...в подлиннике недостает листа или более»[65]. Действнтельно, весь последующий текст начинается с нового (227-го) листа. Несомненно и наличие логического пробела в тексте. Если издатели считали, что пробел так велик, то где уверенность в том, что присоединиеиная последняя фраза относится именно к этому описанию?

Поместив следующим по порядку описание вотчины «Федота да Назария да Михаила Черленовых детей Левашова да племянника их (пробел) ка», издатели еще раз нарушили последовательность оригинала, так как переиесли этот текст на четыре листа вперед[66]. То же самое можно сказать и о вотчиниах «...Васильева сына Ожегова» и «Тита Васильева сына Ожегова»[67].

При реконструкции сохранившегося фрагментарно описаиия безымянной вотчины (деревни Васильево, Устинцево и селище Юнашкино) не отмечено, что последняя фраза, которую издатели присоединили к этому описаиию: «сена 160 копеи, кустарю пашеиного рощи 8 четьи» отделена от основного текста очень большим пробелом. Итог по вотчине в издании выглядит так: «И всего село да 3 дер.; пашии

---

[61] Кн. 125, лл. 212 об. — 213.
[62] ПКМГ, I, стр. 719.
[63] Там же, стр. 719—720.
[64] Там же, стр. 722.
[65] Там же.
[66] ПКМГ, I, стр. 722; кн. 125, л. 233 об.
[67] Там же, стр. 723; кн. 125, л. 236 об.

боярские (пробел) четь худ. земли, а крестьянские 50 четьи с осм. худ. земли, сена 68 коп., ле[су] пашенного (пробел), а непашенного 15 четьи, *сена 160 коп., кустарю пашенного рощи 8 четьи»* (курсив мой. — *В. П.*) [68]. Сразу видно, что эта фраза не имеет никакого отношения к данному описанию, ибо предшествующий ей текст содержит все элементы формулы, по которой в книге 125 описывались вотчинные земли.

Перемещения текста были совершены и при реконструкции описания вотчины «Нового монастыря» [69]. Начало — «Монастырские: село Нового монастыря, а дано по душе князя Ивана Ивановича (пробел) творец Ростовский да придел Рожество Ивана Предотечи, да три Святители (пробел)» — взято с листа 233. Причем указание на последний пробел совершенно не отражает ни характера оригинала, ни того изменения, которое было сделано в издании, ибо весь последующий текст начинается в оригинале на три листа раньше (на листе 230).

Описания монастырских земель в оригинале сильно перепутаны, к тому же в них много пробелов. Поэтому этот вопрос требует особого рассмотрения. Отметим здесь лишь одну любопытную деталь. Производя сложные реконструкции и в связи с этим перемещения описаний монастырских земель, издатели при этом оставляли без внимания явные указания самого источника.

Так, в издании, в разделе церковных и монастырских вотчин Городского стана, написано: «Владыки Крутицкого: слц. Луцыно: пашни 73 четьи в поле, а в дву потому ж, земля худа, сена 100 коп., рощи 6 четьи, кустарю пашенного 4 четьи; да к тому же селцу полов. озерк. Полецкого, а другая полов. того озерк. Сторожевского монастыря к слц. к Осанову, а в нем щуки, плотицы, окуни, а ловят в полуозерке рыбу пополам Сторожевского монастыря крестьяне слц. Осанова, и на владыку, своего берега» [70].

В таком же разделе Угожского стана, после описания вотчины «Нового монастыря» написано: «Того ж монастыря слц. Осаново, а в нем пашни монастырские 50 четьи в поле, а в дву потому ж, а крестьянские пашни 120 четьи, в поле, а в дву потому ж, земля худа, сена монастырского 76 коп., а крестьянского 200 коп.». Далее, после описания четырех приписанных к сельцу деревень (Ермаково, Сущово, Воробьево и Олексино), читаем: *«Да к тому ж слцу к Осанову полов. озерк. Полецкого, а в нем щуки, плотицы, окунь, а другая полов. того озерка Владыки Крутицкого, к с. к Луцыну»* (курсив мой. — *В. П.*). Затем приводятся итог по этому сельцу и четырем деревням и общий итог какого-то большого комплекса монастырского владения: «И всего 2 села, да 10 деревень...» [71]. Данные писцовой книги 1624—1629 гг. и сотной выписи на земли Новодевичьего монастыря в уезде, сделанной еще тогда, когда подлинная писцовая книга не была так повреждена, неоспоримо доказывают, что весь этот текст ошибочно был отнесен издателями к землям Новодевичьего монастыря. В действительности и сельцо с деревнями и озерко Полецкое всегда принадлежали Савво-Сторожевскому монастырю [72]. Для того чтобы установить это, издателям вовсе не нужно было обращаться к другим документам, а достаточно сравнить оба текста оригинала. Способствовало ошибке и то, что издатели и тут не приняли во внимание пробел в половину

---

[68] Там же; кн. 125, л. 235 об.
[69] ПКМГ, I, стр. 723—724.
[70] Там же, стр. 672; кн. 125, лл. 55—55 об.
[71] ПКМГ, I, стр. 724—725.
[72] Кн. 638, лл. 364—364 об.; ГКЭ, ф. 281, № 31/7173, лл. 10 об. — 16 об.

листа, который существует в оригинале между описаниями земель Новодевичьего монастыря и сельца Осаиова с деревнями.

Невнимание издателей к формулам, по которым описывались земли в писцовой книге, привело к ошибке и при реконструкции ими большого поместья князя Данилы Ивановича Засекина, бояриина царя Семиона Касаевича [73]. Первая половиии описания заканчивается итогом: «И всего село (Ляхово), да 18 деревень, да пустошь...». Далее следует фраза: «Да киязю Данилу ж придано к старому его поместью а Угоже черных волостных деревень», после опнсаиия которых подведен итог: «И всего за князем Данилом в черных волостных деревнях 12 деревень». Завершает описание общий итог: «И всего за князем Данилом старого его поместья и новые дачи черных волостных деревень село, да 30 деревень, да пустошь...». Поняв текст так, что старое поместье киязя иаходилось в Угожском стане и что здесь же ему были приданы черные волостные деревии, издатели и поместили все описание в начале раздела «поместиых земель» Угожского стана.

Но при внимательном чтеиии текста киигн можно заметить, что упоминание иазвания стана в таком контексте в ходе описания озиачает, что речь идет о владениях одного лица в разных стаиах. Например, при описании поместья В. К. Оиикеева в Тростенском стане написано: «Да за Васкою в Угожском стану деревня Квасотино...» [74]; при описании поместья И. П. Вражского в Угожском стаие: «Да за Ивашком же в Городском стану старое поместье...» [75] и т. п. Из писцовой книги XVII в. 1624—1629 гг., писцы которой широко пользовались книгой 125 как приправочным документом, хорошо видно, что во владеиии князя Засекина к Угожскому стану относились лишь придаиые черные деревни, а старое его поместье находилось в Городском стане [76].

Текст «На государеве цареве и великого князя земле поч., а иа нем церк. Дмитрей Селунской: пашни поповы 12 четьи в поле, а в дву потому ж, земля сер., сеиа 10 коп.» помещен после монастырских и церковных земель, хотя в оригинале он расположен перед иими [77].

Общие итоги по Угожскому стану и по всему Звенигородскому уезду перемещены и расположены в издании на 46 листов позднее, чем в оригинале [78].

В издании завершает писцовую книгу Звенигородского уезда большой по объему документ, содержащий важиейшие сведения о порядке испомещеиия и землевладении служилых людей царя Семиона Касаевича (2 бояр и 172 детей боярских) [79]. В оригинале этот докумеит расположен иначе: не в конце, а в середине текста, причем там он оказался разделеиным на три части, две из которых отстоят (от третьей) иа 98 листов [80]. Для того чтобы свести документ воедино, издатели произвели, соответственно, три перемещения текста. Этим документом в издании заканчивается текст писцовой книги Звенигородского уезда.

---

[73] ПКМГ, 1, стр. 709—710.
[74] Там же, стр. 696.
[75] Там же, стр. 715.
[76] Кн. 638, лл. 174—179 и 303—304. Из документов и из трудов исследователей, занимавшихся изучением Звенигородского уезда, видно, что оформленне территорин и внутреннее размежеваиие уезда произошли иамного раньше составления книги 125 и не претерпевали изменеиий до Генерального межевания. См., например, В. и Г. И. Холмогоровы, *Город Звенигород (Исторический очерк)*, ЧОИДР, М., 1583, кн. 3, стр. 1—80; Ю. В. Готье, *Замосковный край*, стр. 562.
[77] ПКМГ, 1, стр. 727; кн. 125, л. 233.
[78] Там же; кн. 125, лл. 190 об. — 191 об.
[79] ПКМГ, 1, стр. 727—730.
[80] Кн. 125, лл. 93, 93 об. — 97, 191—200.

На листе 236 об. оригинала четырьмя разными почерками, встречающимися на протяжении всей книги, сделана небольшая приписка: «Справил подьячей Тимоха Ондреяиов; справил Митка Карпов; справил Ивашко Досугов. Третьяк Корсаков». Перед нами фамилии лиц, принимавших участие в изготовлении списка писцовой книги. В издании текст приписки не напечатан. В заголовке издатели лишь упомянули, что список с писцовой книги «за скрепою дьяка Третьяка Корсакова»[81]. Имя дьяка Третьяка Корсакова позволяет наметить промежуток времени, когда был составлен список. Сведения о подьячих могут помочь определить более точную дату его изготовления.

Подведем итоги. В издании «Писцовые книги Московского государства» мы имеем не текст писцовой книги Звенигородского уезда в том виде, каким он сохранился, а опыт реконструкции его издателями. Реконструкция текста производилась без предварительного источниковедческого изучения и без привлечения дополнительных материалов.

Писцовая книга была напечатана неполностью; при публикации изъято несколько десятков значительных фрагментов текста.

Ни одно из произведенных издателями изменений не было отмечено ни во введении, ни в комментариях. В результате всего этого пользоваться печатным текстом Звенигородской писцовой книги очень затруднительно. Так как история Звенигородского уезда в XVI в. представляет большой научный интерес, было бы целесообразно переиздать эту писцовую книгу с соответствующими комментариями.

В свое время издание «Писцовые книги Московского государства» сыграло большую роль в ознакомлении исследователей с писцовыми книгами как источником, а также с громадным фактическим материалом по значительной территории страны. Однако очевидно, что при современном развитии исторической науки качество его уже не может удовлетворить исследователей. Перед тем как пользоваться печатным текстом каждой писцовой книги, надо сверить его с оригиналом. Поэтому сейчас так остро стоит вопрос о необходимости нового фундаментального издания писцовых книг XVI в. На это еще много лет назад обращал внимание историков Михаил Николаевич Тихомиров[82].

---

[81] ПКМГ, I, стр. 660.

[82] М. Н. Тихомиров, *Значение документальных богатств ЦГАДА для советской исторической науки*, — АЕ за 1965 г., М., 1966, стр. 32—33.

А. П. Пронштейн

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАЗАЧЬИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ СОСЛОВИЯ КАЗАКОВ НА ДОНУ

В вышедшей в свет в 1962 г. монографии М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии» специальное место уделено положению южных областей России, именовавшихся в то время Диким полем. В главе, посвященной заселению этой степной окраины Российского государства, автор дал характеристику Дикого поля в XVI в., проанализировал значение крестьянской и правительственной колонизации его обширных и плодородных земель, охарактеризовал состояние сельского хозяйства и промыслов в этом районе и показал роль городов в освоении края. Глава заканчивается постановкой вопроса о возникновении донского казачества. Разумеется, на трех страницах, которые уделил М. Н. Тихомиров последнему вопросу, ныне покойный ученый не имел возможности осветить его во всей полноте. А между тем этот вопрос принадлежит к числу тех, к которым было приковано внимание многих историков.

В настоящей статье делается попытка подвести итоги изучения вопроса о возникновении казачьих поселений и образовании сословия казаков на Дону в исторической литературе.

Уже дворянские историки пытались осветить его, но при этом исходили не из внутренних процессов, обусловивших возникновение казачества, а из той роли, которую оно играло в дворянском государстве. Они не отрицали роли казаков в защите южных рубежей страны и в решении колонизационных задач, однако прежде всего видели в них застрельщиков и активных участников народных антикрепостнических движений. Поэтому казачество, по их мнению, могло возникнуть только из людей, враждебных обществу и государству.

Впервые эту точку зрения высказал представитель дворянской официальной историографии начала XIX в. Н. М. Карамзин, по словам которого происхождение донского казачества было «не весьма благородно», ибо оно возникло из бродяг, искавших «дикой вольности и добычи»[1]. Мало чем отличался от этого взгляд дворянского же историка 30-х годов XIX в. Вл. Броневского, писавшего, что донское казачество возникло «из бесполезных и вредных для государства людей»[2].

Указанная точка зрения дворянских историков оказалась приемлемой и для официальной буржуазной историографии XIX в. Правда,

[1] ИГР, изд. 5, кн. II, т. VIII, СПб., 1842, стр. 86.

[2] Вл. Броневский, *История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод*, ч. I, СПб., 1834, стр. 51.

некоторые из них, как, например, С. М. Соловьев, старались увязать возникновение казачества со своей общей схемой исторического развития России как страны, которая колонизуется, и, следовательно, «выделяет из себя людей, которых характер и разные другие обстоятельства... заставляют выходить из общества и стремиться в новые незанятые страны»[3]. Но, когда тот же автор пытался охарактеризовать людей, которые ушли из общества и шли в казачество, он называл их «безземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить за счет общества, жить чужими трудами»[4]. Подобным же образом смотрел на казаков как на «беглецов и разбойников» Д. И. Иловайский[5], а в вышедших в самом конце XIX в. «Очерках по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» С. Ф. Платонова казачество в период его формирования определялось как «загадочная среда», находившаяся в состоянии постоянного антагонизма к Русскому государству[6].

Иначе освещали вопрос о возникновении донского казачества донские дворянские и буржуазные историки. Стараясь доказать, что казачество всегда было верным «царю и отечеству», они стремились «облагородить» и его происхождение. Поэтому А. Г. Попов писал, что казаки произошли от амазонок[7], В. Пудавов объявил их преемниками царских скифов, а также тех русских людей, которые находились в услужении у татар и там усвоили себе «воинный дух»[8] и т. д. Из донских историков XIX в. только В. Д. Сухоруков, выражая взгляды дворянских революционеров, смело писал, что донское казачество образовалось из русских крестьян, которые уходили на Дон, «избегая притеснений, кои претерпевали от владельцев своих», т. е. помещиков[9]. В отличие от Н. М. Карамзина и В. Броневского В. Д. Сухоруков никогда не именовал русских крестьян «ворами» и «разбойниками».

В конце XIX — начале XX в. правительству удалось превратить казачество в послушное орудие своей империалистической политики. Теперь уже и официальной историографии не имело смысла выражать свое отрицательное отношение к прошлому казачества. Во имя верной службы самодержавию ему готовы были простить очень многое. Точка зрения о возникновении казаков из среды людей с сомнительным прошлым была заменена иной. Полемизируя с С. М. Соловьевым, выходившее с начала XX в. официальное правительственное издание «Столетие Военного министерства» заявляло, что «в казаки уходили не буйтовщики против царской власти и не политические враги Московской Руси»[10]. Эта мысль была подхвачена и донскими историками-апологетами самодержавия. Так, в работе, выпущенной уже на следующий год после опубликования III тома «Столетия Военного министерства», В. Быкадоров совсем отрицал факт образования донского казачества из беглых крестьян и посадских людей. В работе «Былое Дона» (1908 г.) он писал: «Сложившееся мнение, что казачество составилось из воровских беглых людей, не выдерживает кри-

---

[3] ИР, кн. III, т. 5, М., 1960, стр. 314.

[4] Там же, кн. IV, т. 8, М., 1962, стр. 391.

[5] Д. Иловайский, *История Рязанского княжества*, СПб., 1869.

[6] С. Ф. Платонов, *Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.*, изд. 2, М., 1937, стр. 86—87.

[7] А. Г. Попов, *История о Донском войске*, ч. I и II, Новочеркасск, 1814—1816.

[8] В. Пудавов, *История войска Донского и сталобытность начал казачества*, ч. I—II, Новочеркасск, 1890—1898 (опубликована после смерти автора).

[9] «Историческое описание земли войска Донского», изд. 2, Новочеркасск, 1903, стр. 9—10.

[10] «Столетие Военного министерства», т. XI, ч. III, СПб., 1907, стр. 12—14.

тики: такие люди не способны были бы создать такого доблестного сословия, создать то, что называется великим Войском Донским»[11]. По словам В. Быкадорова, донские казаки — это «выходцы из высших слоев населения России, благородные витязи, воодушевленные одною высокою идеею борьбы за веру, царя и отечество»[12]. Почти одновременно с ним донской историк Е. П. Савельев развивал теорию о происхождении казаков «из охотников, сгруппировавшихся в промысловые артели»[13].

Рядом с этими официальными точками зрения буржуазных историков все более настойчиво пробивало себе дорогу стремление раскрыть социальные причины возникновения донского казачества. Так, писавший еще в 70-х годах XIX в. историк народнического направления П. А. Соколовский, хотя и говорил вслед за С. М. Соловьевым о «колонизационном стремлении русского народа», но в отличие от Соловьева выход русских людей в Дикое поле объяснял не стремлением к тунеядству и бродяжничеству, а желанием избавиться от крепостного труда[14]. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие уже в начале XX в., особенно в работах К. В. Маркова[15], П. П. Сахарова[16], хотя и они вслед за С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским и М. К. Любавским главной причиной возникновения донского казачества называли неосознанное стремление русского народа к освоению юго-восточных окраин России.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало исследованию истории казачества с марксистско-ленинских позиций. В трудах классиков марксизма-ленинизма советские историки нашли не только теоретическую основу для решения важнейших проблем истории казачества, но и освещение ряда конкретных вопросов. Так, К. Маркс в специальной работе о восстании под предводительством Степана Разина затронул вопрос о ранней истории донских казаков, отметив, что «казачество возникло тогда, когда удельная стихия пала под давлением единодержавия», и что «ряды казачества наполнялись недовольными элементами, которые не уживались в обществе, не могли переносить его уз». Далее К. Маркс указывал, что уже в начале XVII в. правительство допустило на Дону «существование казачества в виде особого военного сословия, наравне с стрельцами, пушкарями и воротниками[17]». В другой работе К. Маркс коснулся политического устройства войска Донского в ранний период его истории, определив его как вассальную по отношению к Московскому государству «христианскую казацкую республику»[18].

Неоднократно обращался к анализу социальных отношений в среде донского казачества В. И. Ленин. В многочисленных трудах

---

[11] В. Быкадоров, *Былое Дона*, изд. 2, СПб., 1908, стр. 10.

[12] Там же, стр. 14.

[13] Е. П. Савельев, *История Дона и донского казачества*, ч. II, б. м., б. г., стр. 147.

[14] П. А. Соколовский, *Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом*, СПб., 1876, стр. 195 и сл.

[15] К. В. Марков, *Крестьяне на Дону*, — «Сб. областного войска Донского статистич. к-та», вып. XI и XIII, Новочеркасск, 1912—1915.

[16] См. работы П. П. Сахарова: *Белое рабство на Дону*, — «Донская церковная старина», вып. III, Новочеркасск, 1911; *Происхождение донского казачества*, — «Зап. Ростовского об-ва истории древностей и природы», т. II, 1914; *Происхождение вольного донского казачества и первые службы донцов России*, — «Сб. Областного войска Донского статистич. к-та», вып. XII, Новочеркасск, 1914.

[17] К. Маркс, *Стенька Разин*, — «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 107.

[18] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, М., 1946, стр. 154.

В. И. Ленина давалась исчерпывающая характеристика казачества как социальной группы, раскрывался характер казачьего землевладения, показывалась степень развития крепостнических отношений на окраинах России и освещался целый ряд других вопросов, имевших крайне важное значение для понимания истории донского казачества [19].

Творческое освоение основополагающих характеристик донского казачества, данных в трудах классиков марксизма-ленинизма, с первых же лет Советской власти стало важнейшей задачей всех советских историков Дона и, в частности, исследователей вопроса о возникновении донского казачества [20].

Одним из первых историков, который пытался осветить с марксистско-ленинских позиций вопрос о происхождении донского казачества, был М. Н. Покровский. Он рассматривал донское казачество как «тот элемент русского крестьянства, который эмигрировал за рубеж» [21], «где власть московского царя существовала только по имени и где крестьяне были в полной безопасности от царских приставов, помещиков и от тогдашней полиции. Правда, там, — писал М. Н. Покровский, — перед ними открывалась степь, по которой рыскали татарские орды, где было жить еще опасней, чем на южном рубеже Московского царства... но зато жилось в этих новых местах еще более привольно, чем на южной окраине Московского царства» [22].

Не занимаясь специально историей донского казачества, М. Н. Покровский не связывал возникновение его с деятельностью торгового капитала. Но преувеличение роли торгового капитала в истории России, заметное в трудах М. Н. Покровского, нашло свое преломление в специальных трудах донского историка тех лет Н. Л. Янчевского, посвященных ранней истории донского казачества. Удачно критикуя взгляды буржуазных историков на возникновение донского казачества, Н. Л. Янчевский при выработке своей точки зрения не вышел за пределы теории торгового капитала и тем самым очень обеднил свою работу. Большой материал, собранный им по ранней истории казачества, по существу понадобился ему лишь для того, чтобы заключить, что казачество «прежде всего и раньше всего» являлось орудием «колониальной политики торгового капитала» и что «казачьи войска... представляли собой наемных солдат, поставленных на важнейших военных пунктах, господствовавших над торговыми путями» [23].

Уже в те годы, когда писал Н. Л. Янчевский, его упрощенно-социологические построения вызывали возражения у ряда советских историков. Одним из них был С. Г. Томсинский, критиковавший Н. Л. Янчевского за то, что тот не ставил своей задачей проанализировать социальные отношения на Дону, на основе которых можно было решать все остальные вопросы истории донского казачества [24]. Однако сам

---

[18] В. И. Ленин, *Некритическая критика*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 628; *Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов*, — там же, т. 16, стр. 315—316; *Русская революция и гражданская война*, — там же, т. 34, стр. 219—220.

[20] См. А. П. Пронштейн, К. А. Хмелевский, *Донское казачество в советской историографии*, — ВИ, 1965, № 1, стр. 137.

[21] М. Н. Покровский, *Очерк истории русской культуры*, изд. 5, ч. II, Пг., 1923, стр. 136.

[22] М. Н. Покровский, *Русская история в самом сжатом очерке*, изд. 10, М.—Л., 1931, стр. 63.

[23] См. работы Н. Л. Янчевского, *Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв.*, Ростов н/Д, 1930, стр. 27—28, 78, 82 и др.; *Разрушение легенды о казачестве*, Ростов н/Д, 1931, стр. 41—43, 78.

[24] См. рец. С. Г. Томсинского на кн.: Н. Л. Янчевский, *Колониальная политика...*, — «Историк-марксист», 1930, т. 18—19, стр. 221.

С. Г. Томсинский не смог преодолеть господствовавших в те годы представлений о казачестве, и когда попытался выяснить характер социальных групп, сосредоточивавшихся на Дону с момента формирования донского казачества, то пришел к выводу, что низовое казачество состояло главным образом из «старшины и буржуазной части населения Дона», а верховое представляло собой «беглое крестьянство и городскую мелкобуржуазную группу»[25].

С середины 30-х годов советская историческая наука встала на путь преодоления вульгарно-социологических схем, на путь всестороннего и глубокого изучения конкретного исторического материала с позиций марксистско-ленинской методологии. Так же как и на изучении всей гражданской истории, результаты такого подхода очень скоро оказались и на исследовании истории Дона, в частности на разработке вопроса о возникновении донского казачества.

Одним из первых по инициативе В. В. Мавродина во второй половине 30-х годов был выдвинут вопрос о бродниках как предшественниках и прототипе донского казачества[26]. Эта точка зрения была поддержана Б. Д. Грековым[27], а в дальнейшем получила развитие в трудах Н. М. Волынкина, А. И. Попова и др.[28]. После Великой Отечественной войны о бродниках, обитавших «в южно-русских степях, в том числе на Нижнем Дону в XII—XIII веках» как о предшественниках донских казаков писал Б. В. Лунин[29], а в 1962 г. М. Н. Тихомиров тоже отметил, что предшественники донских казаков «с давнего времени жили в низовьях Дона, по берегам реки, занимаясь главным образом рыболовством, подобно тем бродникам, которые обитали в низовьях Дуная», и привел аргументы в пользу своей точки зрения[30].

Однако вопрос о бродниках как предшественниках донского казачества требует еще дальнейшей разработки. Ряд источников свидетельствует о том, что после монголо-татарского нашествия русские люди, обитавшие на землях Подонья, вынуждены были покинуть эти места. Ездивший в 1388 г. в Царьград митрополит Пимен и его спутники на всем пути по Дону не видели человеческого жилья: «...бысть сие путное шествие печально, бяша вся пустыня великая», — отмечалось в «Хожденин мнтрополнта Пимена в Царьград»[31]. Проезжавший по России еще примерно через 100 лет (в 1476 г.) венецианский посол в Персии А. Контарини снова отметил, что за Быстрой Сосной, т. е. немного южнее Оки, начиналась безлюдная степь[32]. О том, что в это время Подонье было сплошь татарским, свидетельствует и Сигизмунд Герберштейн, бывший в начале XVI в. послом в России[33]. Основываясь на этих и других источниках, некоторые исследователи считают, что бродники, таким образом, не могли быть предшественниками донского ка-

---

[25] С. Г. Томсинский, *Крестьянские движения в феодально-крепостной России*. М., 1932, стр. 89, 169; *Очерки истории феодально-крепостной России*, ч. 1. М.—Л., 1934.

[26] В. В. Мавродин, *Славяно-русское население нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XV вв.* — «Уч. зап. ЛГПИ», тр. истор. фак-та, т. XI, 1938, стр. 257—258.

[27] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950, стр. 20.

[28] Н. М. Волынкин, *Предшественники казачества — бродники*, — «Вестн. ЛГУ», 1949, № 8, стр. 61; А. И. Попов, *Кипчаки и Русь*, — «Уч. зап. ЛГУ», серия истор. наук, вып. 14, 1949, стр. 11.

[29] Б. В. Лунин, *Очерки истории Подонья-Приазовья*, кн. II, Ростов н/Д, 1951, стр. 11—12.

[30] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 427.

[31] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 95—97.

[32] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, СПб., 1836, стр. 102—104.

[33] С. Герберштейн, *Записки о московитских делах*, СПб., 1908, стр. 138.

зачества. Это мнение тем более заслуживает внимания, что возникновение донского казачества как общественной группы они связывают с определенными экономическими, социальными и политическими сдвигами в стране, происходившими в период образования централизованного государства в России.

Большая теоретическая работа, проведенная советскими историками 30—40-х годов, позволила им решить ряд конкретных вопросов, связанных с образованием донского казачества.

Теперь можно считать решенным вопрос об общих исторических условиях, определивших возникновение донского казачества. Они коренились прежде всего в экономическом развитии всей страны. В конце XV в. произошло объединение феодально-раздробленных земель в единое Российское государство, и это, так же как и в странах Западной Европы, положило конец «бесконечным бессмысленным войнам», прекратило раздоры между феодалами, приводившие к непрерывной междоусобной войне, которая поддерживала «состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения»[34]. Это положение способствовало быстрому росту населения в центре страны, часть которого не имела возможности обеспечить свое существование в районах старого заселения и в поисках средств к обеспечению своих потребностей вынуждена была покидать насиженные места.

М. Н. Тихомиров обратил внимание еще на одно обстоятельство экономического характера, вызывавшее уход населения из центральных районов страны на ее окраины. В XVI в., писал он, в связи с ростом населения «возникает больший спрос на сельскохозяйственные продукты. Пока население на севере и в центре России могло удовлетворять свои потребности небольшими запашками, пока рыбные и лесные богатства, восполнявшие недостаток в хлебе, еще не были истощены, население прочно держалось за лесные пространства. Увеличение плотности населения толкало на расширение запашки, но рутинное средневековое земледелие не могло заметно расширяться в условиях плохой земли и обилия лесов и болот»[35].

Наряду с экономическими действовали и социальные силы, которые заставляли массу трудового населения уходить с насиженных мест в поисках лучшей доли.

Подъем производительных сил в области ремесла и сельского хозяйства, развитие товарного производства и обмена постепенно вовлекали феодальные хозяйства, натуральные в своей основе, в товарно-денежные отношения, а это в свою очередь вело к усилению феодальной эксплуатации и ухудшению положения народных масс.

К таким же последствиям вели перемены и в политическом строе Российского государства. В стране резко возросли государственные расходы, в связи с чем на неслужилую массу населения легли новые налоги и повинности. При активной поддержке централизованного государства в России стала формироваться общегосударственная система крепостного права. Уже в конце XV в. право ухода крестьян от своего господина было ограничено одним сроком в году, а в течение XVI в. крестьяне по существу полностью потеряли возможность уходить от своих владельцев.

Усиление самодержавно-крепостнического гнета в стране вызывало рост классовой борьбы. Она выражалась не только в открытых выступлениях крестьян и посадских людей, но также и во все возрастающем

[34] Ф. Энгельс, *О разложении феодализма и возникновении национальных государств*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 409.

[35] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 419.

бегстве тяглого люда от своих господ в поисках лучших условий существования.

Но если общие экономические, социальные и политические условия Российского государства в конце XV — первой половине XVI в. способствовали росту побегов крестьян Центральной России от своих владельцев, то были обстоятельства, которые сделали Дон одним из тех районов, куда беглые люди устремлялись в первую очередь. Дон не раз назывался в буржуазной исторической литературе территорией, куда направлялась русская колонизация. Но анализ исторических условий и хода колонизации этого района буржуазные историки подменяли рассуждениями об «особой исторической миссии славянского племени». Ввиду этого движущих сил миграции они не раскрывали, роль народных масс в творческом процессе освоения земель затушевывали, а общему значению колонизации давали неверное освещение [36]. Поэтому историки-марксисты сразу же повели борьбу с этими взглядами. Однако на первых порах вопрос о колонизации они сводили к вопросу о колониальной политике торгового капитала и его агента — русского самодержавия [37]. В дальнейших научных изысканиях пришлось эту проблему ставить на более глубокой теоретической основе и обратить прежде всего внимание на раскрытие общих причин и законов развития колонизации, исходя из закономерностей развития общества. В трудах советских историков 40-х — начала 50-х годов было, в частности, показано, что колонизация в эпоху феодализма определялась заложенной в производственных основах феодального общества тенденцией к земельной экспансии, стремлением феодала к захвату новых территорий. В то же время, как показали советские исследователи, она определялась характерным для феодального строя стремлением эксплуатируемых масс уйти от крепостного гнета, тягой их к бегству на вольные земли, за рубеж феодального государства, и была наиболее реальным средством приобретения личной свободы.

Таким образом, было показано, что в эпоху феодализма, так же как и в период капитализма, «колонизационный вопрос в России» представлял собой «подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны» [38].

Советскими историками тех же лет было также установлено, что законы внутреннего развития феодального общества, определявшие колонизационные процессы, были очень сложными. Если, с одной стороны, феодалы были заинтересованы в колонизационном движении крестьянства, так как захваченные ими земли приобретали хозяйственную ценность только при заселении их крепостным людом, то, с другой стороны, узкосословные интересы помещиков центральных районов страны требовали прикрепления крестьян к земле тем более прочно, чем сильнее становился феодальный гнет, а он, как известно, все увеличивался. Это обстоятельство явилось главной причиной того, что колонизация в феодальную эпоху происходила медленно, в условиях борьбы и преодоления противоречий [39].

---

[36] См. ИР, кн. II, т. 4, М., 1960, стр. 648—658; [С. М. Соловьев], *Взгляд на историю установления государственных порядков в России до Петра Великого. Сочинения С. М. Соловьева*, СПб., 1882, стр. 79—80; М. К. Любавский, *Историческая география России*, М., 1908, стр. 8—9.

[37] Н. Л. Яичевский, *Колониальная политика...*, стр. 88.

[38] В. И. Ленин, *Аграрный вопрос в России в конце XIX века*, — Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 70.

[39] В. В. Покшишевский, *География миграции населения в России. Опыт историко-географического исследования*, М., 1951 (Рукопись докт. дисс.).

Раскрывая общие причины и закономерности колонизационных процессов, советские историки вместе с тем вели углубленную работу по исследованию колоизации юго-восточной окраины Российского государства.

Уже в 1932 г. В. Е. Сыроечковским была сделана попытка на солидной документальной базе дать характеристику Дикого поля, в том числе его юго-восточной окраины — Подонья, в этот период, а также на протяжении всего XVI в. Эта работа была продолжена в 40-х годах Н. А. Смирновым и С. Л. Марголиным[40], М. Г. Сафаргалиевым[41], а в 50—60-х годах С. Г. Кобяковым, М. Я. Поповым, Г. Д. Бурдеем и др.[42]

Советские историки показали, что в тот период «тихий» Дон, территория которого входила еще в состав Киевского государства, был одним из районов, куда устремлялось тяглое население из центра России; со времен монголо-татарского нашествия он находился за пределами основной государственной территории, за линией сторожевых укреплений; сюда еще не достигала рука российского помещика и государственной власти.

Русских людей давно привлекали природные богатства этого края. Еще в конце XIV в. митрополит Пимен и его спутники, проезжавшие по Дону, были поражены обилием в донских лесах дикого зверя: медведей, лосей, бобров, выдр и диких коз[43].

О богатстве донских лесов и изобилии рек писали в 1436 г. Иосафат Барбаро, а в конце XV в. Контарини[44]. «Оттого татары и называют Дон святым, — отмечал в конце XV — начале XVI в. еще один наблюдатель, польский писатель Матвей Меховской, — что близ него они находят готовую пищу: плоды, мед, рыбу»[45].

Там же, где влаги было меньше, шли густые заросли кустарников и ковыльные степи, очень удобные для скотоводства.

Захваченный монголо-татарами еще в первой половине XIII в., этот край долгое время был недоступен для русских людей, и лишь после свержения татаро-монгольского ига открылась возможность вновь колонизовать частично очистившиеся от татарских улусов необозримые просторы донских земель. Это обстоятельство и явилось одной из главных причин того, что именно на Дон в это время пошла часть людей, бежавших от крепостнического ига в Центральной России.

Но если после разгрома Золотой Орды создались некоторые возможности для заселения Донского края, чем не преминули воспользоваться беглые люди, то условия для колонизации этого края в конце XV и на протяжении XVI в. были очень нелегкими. После развала Золотой Орды часть татар вошла в состав Большой Орды, но еще раньше этого многие татарские улусы откочевали в Черноморье, Прикаспийскую низменность и Заволжье и создали там ряд государств. Уже в 30-х годах XV в. возникло Крымское ханство. Вскоре было образовано Казанское, а затем и Астраханское ханства. Еще раньше возник-

---

[40] Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI в.*, т. I—II, М., 1946; С. Л. Марголин, *Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. Сторожевая и станичная службы и засечная черта*, — «Тр. ГИМ», вып. 20, 1948.

[41] М. Г. Сафаргалиев, *Ногайская орда во второй половине XVI века*, — «Сб. научн. работ Мордовского госпединститута им. Полежаева», Саранск, 1959.

[42] С. Г. Кобяков, *Заседание Дона в XVI—XVII вв.*, — «Уч. зап. ЛГПИ», Геогр. фак-т, т. X, вып. 3, 1955; М. Я. Попов, *Азовское сидение*, М., 1961; Г. Д. Бурдей, *Русско-турецкая война 1569 г.*, Саратов, 1962.

[43] ПСРЛ, т. XI, стр. 96.

[44] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, стр. 28 и 39.

[45] М. Меховский, *Трактат о двух Сарматиях*, кн. 1, М.—Л., 1936, гл. 7.

да Ногайская Орда, кочевья которой располагались между Кубанью и Днепром, а также от Волги до Иртыша.

Большая Орда и другие татарские ханства продолжали считать Дикое поле своим владением[46]. Здесь постоянно бродили татарские отряды, так что дорога через доиские степи была очень опасиой, и московское правительство во избежанне несчастного случая нередко задерживало купеческие караваны, пытавшнеся этим путем пройти на восток[47].

Но татары не ограничивались набегами на посольские и купеческие караваны, а беспрерывио совершали походы в центральные районы страны. Только в XV в. оии организовали 14 больших походов иа Московское княжество и 17 — на Рязанское[48]. XVI век отмечен также рядом крупных иашествий на русские земли, в том числе таких, как поход крымскнх и казанских татар Мухамед-Гирея и Сахиб-Гирея в 1521 г., набег крымского хана вместе с турецкими янычарами на Тулу, во время похода Ивана IV на Казань, походы Довлет-Гирея в 1571 и 1572 гг. на Москву, нашествие огромной турецкой армии на Астрахань в 1569 г. и вторжеиие Больших и Малых ногаев в область низовых городов вплоть до Алатыря и Тетюшей[49]. В борьбе против Российского государства татары нашли себе снльного покровителя в лице Османской Турции, стремнвшейся к захватам земель, принадлежавших России.

Своеобразные и сложные условия заселения Донского края определили прежде всего его характер. Они заставили московское правительство прииять более решительные, чем прежде, меры к обороне южных и юго-восточных границ государства. На первых порах у правительства в этом отношении не было четкого плана, ои складывался постепенно. Так как в начале XVI в. южная граница проходила по течениям рек Угры и Средней Оки, то прежде всего были укреплеиы окские города — Серпухов и Коломна. Вслед за тем иа Оку была выдвинута сильиая крепость — Тула[50]. К середине XVI в. образовалась Тульская пограничная укрепленная лииия городов и крепостей, проходившая от Нижнего-Новгорода по Оке через Серпухов до Тулы, а оттуда до Козельска. В 60-х годах XVI в. была создана вторая оборонительная линия, тянувшаяся от Алатыря через Темников, Кадому, Шацк, Ряжск, Донков, Епифаиь, Новосиль, Мценск, от него к юго-западу до Новгорода-Северского, к Орлу и затем к юго-востоку до Рыльска и Путивля.

При царе Федоре и Борисе Годунове было продолжеио строительство городов-крепостей. В 1586 г. были основаны Ливны, Воронеж, в 1592 г. — Елец, в 1592 г. — Белгород, Оскол, а в верховьях Оки — Кромы, в 1597 г. — Курск, в 1598 г. — Валуйки, а в 1600 г. — Царев-Борисов[51].

Оборона южиых границ получила более четкую организацию после того, как в 1571 г. князем М. И. Воротынским был составлен устав

---

[46] Любопытен в этом отношении рассказ С. Герберштейна: «Однажды, — пишет он, — московиты взяли в плен жирного татарина. На слова московита: «откуда у тебя... такой жир, когда тебе нечего есть», татарин отвечал: «почему это мне нечего есть, когда я обладаю такою обширною землею от востока до самого запада?» (С. Герберштейн, *Записки...*, стр. 138).

[47] Сб. РИО, т. 41, СПб., 1884, стр. 155, 156, 163, 283, 303.

[48] ИР, кн. II, т. 4, стр. 540.

[49] А. А. Новосельскнй, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*. М.—Л., 1948, стр. 28—30.

[50] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 417.

[51] Там же, стр. 422—423; А. А. Новосельскнй, *Борьба Московского государства*..., стр. 44.

сторожевой и станичной службы. Города, расположенные на пограничных линиях, превратились в опорные пункты борьбы против татар. Между ними находилось большое число острогов, острожков и сторожевых башен, лесных засек и завалов. Все это составляло неподвижную линию обороны. А впереди нее располагались подвижные кордоны вооруженных людей. Они состояли из небольших отрядов, выставлявших наблюдательные посты («сторожи») и разъезды («станицы»), которые при первом же появлении татар сообщали в ближайший укрепленный пункт о возникшей опасности[52]. Сложные условия освоения Дикого поля заставляли московское правительство для службы в городах-крепостях и на сторожевых постах широко привлекать вольных людей. За это они получали от правительства землю в пожизненное пользование и жалованье. Эти люди именовались городовыми и станичными казаками и по своему общественному положению мало чем отличались от стрельцов, пушкарей и других мелких служилых людей.

Некоторой части беглого населения, уходившего на южные окраины Российского государства, тоже удавалось осесть в пределах оборонительных линий и попасть в состав служилого казачества, но для большинства беглых такой путь был закрыт, а оставаться в этом районе на нелегальном положении было очень трудно, ибо государственная власть здесь стала уже достаточно сильной, чтобы можно было укрыться от нее. Поэтому беглые шли дальше, за пределы основной государственной территории, на просторы «тихого» Дона. Условия существования в этом районе были еще более сложными, чем в городах-крепостях и в сторожевых постах. Беглым приходилось самостоятельно вести непрерывную борьбу с вооруженными турецко-татарскими отрядами, а одновременно отстаивать свое независимое положение от преследования со стороны государственной власти. Поэтому на Дон шли лишь смельчаки, готовые отстаивать право на свободное существование в непрерывной борьбе; им приходилось жить по-военному и объединяться в вооруженные отряды — станицы. Такие люди именовали себя людьми вольными, казаками. Это название было настолько удачным, что быстро закрепилось за ними.

Советские историки пришли, в общем, к единому мнению, что первую половину XVI в. можно считать тем периодом, когда возникло донское казачество[53]. Документы свидетельствуют об этом совершенно точно. Уже в начале XVI в. русскому царю были известны случаи самовольного ухода людей «на Дон, в молодечество»[54]. В 1546 г. воевода г. Путивля Михайла Троекуров писал московскому великому князю о появлении на Дону из «разных украин» многих казаков, в том числе «твоих государевых», т. е. русских[55]. О формировании казачества в этот период свидетельствует также донесение от 1584 г. русского посла в Турции Б. Благого о том, что «на Дону и близко Азова живут казаки, все беглые люди: иные казаки тут и *постарились* живучи»[56]. Летописи сообщают о казаках этого времени уже как о самостоятель-

---

[52] И. Д. Беляев, *О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича*, М., 1946, стр. 11—17; С. Л. Марголин, *Оборона Русского государства...*, стр. 5—8.

[53] М. Я. Попов, *Азовское сидение*, стр. 14; М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 428.

[54] Сб. РИО, т. 41, стр. 413; Д. И. Иловайский, *История России*, т. III, М., 1890, стр. 382.

[55] ЦГАДА, ф. 123, Доиские книги, № 9.

[56] Там же, кн. 14, лл. 338—340 (курсив наш. — *А. П.*).

ной и активной силе[57]. Из жалобы ногайского князя Юсуфа узиаем также, что осенью 1548 г. донских казаков было уже довольно много: часть их ходила в поход на Крым, а другая в это время громила ногайский караваи, шедший из Москвы в Заволжье[58].

Во второй четверти XVI в. появляются первые казачьи городки. Еще в 1521 г., как видно из царского наказа русскому послу в Турции Третьяку Губину, на земле Доиской не было ни одного населенного пункта[59], а в 1549 г., как свидетельствует жалоба ногайского князя Юсуфа русскому царю, у казаков были уже города в трех-четырех местах[60]. Ногайский князь не указывает, в каких именно местах были расположены эти городки. Но есть основания предполагать, что они находились в низовьях Дона, ибо в письме турецкого султана, направленном ногайскому князю Юсуфу в 1551 г., говорится, что русский царь «поотымал» у него «всю волю в Азове» и что «казаки его с Азова оброк емлют и воды из Дона пить не дадут»[61].

Но говоря о возникновении донского казачества в первой половине XVI в., иекоторые исследователи считают, что в это же время, т. е. в конце века, завершился процесс формирования казачества на Дону и превращения его в сословне. В последнее время М. Я. Попов высказал иное мнение. «Говорить о казачестве как об организованной и самоуправляющейся Донской общине, — писал он, — можно лишь с конца XVI — начала XVII столетия, когда процесс объединения в основном завершился и казаки стали именоваться войском Донским»[62]. М. Я. Попов не привел аргументов в пользу своей точки зрения. Между тем оиа заслуживает большого внимаиия. Думается, что процесс образования сословия казаков на Дону, образования войска Донского и превращения его в своеобразиую и прочную оргаиизацию был более длительным. Он продолжался на протяженни всей второй половины XVI в. и завершился лишь после крестьяиской войны начала XVII в.

В пользу этого говорит прежде всего то обстоятельство, что еще в середине XVI в. на обширных пространствах Донской земли, простиравшейся на территории свыше 150 тыс. *км*^{2}, селилось еще так мало народа, что они практически даже не могли объединиться. В этот период большая часть людей приходила на Дон на короткое время и, «погуляв» на его просторах, возвращалась в родиые края[63]. Они не стремились к регулярной хозяйственной деятельности и, разбросанные небольшими островками на огромиой территории, на первых порах занимались только охотой, рыболовством, бортничеством, некоторыми другими добывающими промыслами. Учитывая текучесть численного состава донского казачества, царские грамоты XVI и даже иачала XVII в. обращались не только к «старым», но и к «новым» казакам, «которые ныне на Дону живут»[64].

Очень трудно установить численность казаков иа Дону в это время, так как казачество даже в XVII в. неохотно сообщало правительству сведения об этом, ссылаясь на то, что на Дону «прямого ведома и

---

[57] С. О. Шмидт, *Продолжение Хронографа редакции 1512 г.* — ИА, т. VII, 1951, стр. 294—296.

[58] ЦГАДА, ф. 127, Дела Ногайские, оп. 1, кн. 2, лл. 113, 114—115.

[59] ЦГАДА, ф. 89, Дела Турецкие, оп. 1, кн. 1.

[60] ЦГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 3, лл. 135—136 об., 137—144.

[61] Там же, кн. 4, лл. 39—41.

[62] М. Я. Попов, *Азовское сидение*, стр. 19.

[63] И. И. Смирнов, *Восстание Болотникова, 1951*, стр. 126; С. Ф. Платонов, *Очерки по истории смуты...*, стр. 89.

[64] См., например, грамоту от 31 августа 1584 г. — «Материалы по истории войска Донского. Грамоты», Новочеркасск, 1864, стр. 2—4.

письма людем не живет», так как «люд у нас не записиой, вольной»[65]. Есть основания полагать, что в XVI в. казаки действительно не вели учета своим людям. Поэтому приходится обращаться к случайным и обрывочным известиям источников, из которых узнаем, что от возникновения казачества до середины 70-х годов число казаков на Дону росло очень медленно, и только к этому времени в Низовьях Дона оказалось уже достаточно сил, чтобы совершить набег на пригород Азова — «Топраков»[66]. Лишь в конце XVI — начале XVII в. в связи с неурожаем и голодом, охватившим всю страну, наплыв беглых на Дону резко увеличился, так что уже в 1604 г. донские казаки обещали Лжедмитрию I прислать 10 тыс. человек[67]. В этот период огромная масса казаков ушла к самозванцу, но и приток новых поселенцев был очень большим, а потому на Дону в начале XVII в. снова находим немало людей. Таким образом, только с конца XVI в. на Дону обитало уже достаточное число людей, которые могли объединиться и создать свою организацию. По мере роста населения на Дону, под влиянием прежде всего внутренних причин, во второй половине XVI в. начался более активный процесс объединения казачества в единое сословие и создания на Дону своеобразной организации — войска Донского.

Сравнительно небольшая группа населения, осевшая уже в первой половине XVI в. на Дону, не стремилась к объединению еще и потому, что в это время казаки не начали ожесточенной борьбы с турками, татарами и ногайцами, которая развернется несколько позднее. Еще в 1575 г. турецкий султан, узнав, что крымский хан казнил сына известного среди казаков Михаила Черкашенина — Даинлку, выразил опасение, что это может привести к обострению отношений между донскими казаками и турецко-татарской коалицией. «Нынече деи ты меж казаков и Азова великую кровь учинил, — писал он крымскому хану,— а ведь деи Азов казаки и жил, а казаки деи Азовом жили, о чем деи у них по ся место все было смирно»[68]. О мирных отношениях между казаками и азовцами, бывших еще в столь недавнее время, турки вспоминали и в 1585 г.

Обострение отношений между казаками и азовцами нарастало с середины и усилилось в последней трети века, когда «казаки донские,— по словам крымского хана, — за Мишкина сына Азов взяли»[69].

Источники свидетельствуют о том, что отношения донских казаков с ногайцами тоже стали обостряться только с середины XVI в. Еще в 1549 г. Иван IV через посла Федцова сообщил ногайцам, что за «недружбу» к ним крымцев он велел своим казакам, путивльским и донским, «крымские улусы воевати и недружбу делати»[70]. А уже в следующем году донские казаки приняли участие в отражении похода ногайцев на Рязань и вместе с русскими войсками разгромили «ногайского мурзу и иных мурз ногайских, которые шли на русские земли со многими людьми»[71]. Естественно, что обострение отношений с азовцами, крымскими татарами и ногайцами требовало от казаков объединения своих сил. Но это обстоятельство оказывает заметное влияние лишь с

---

[65] ЦГАДА, ф. 111, Дела Донские, оп. 1, 1691 г., кн. 5, 3—10 и др.

[66] Так назван в грамоте Ивана IV крымскому хану азовский пригород остров Топракалов.

[67] С. Ф. Платонов, *Очерки по истории смуты...*, стр. 190—191.

[68] ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 14, л. 269.

[69] Там же, лл. 236 и 269. Речь идет о набеге 1574 г.

[70] ЦГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 3, л. 86. Подробно об этом см. П. П. Сахаров, *Происхождение вольного донского казачества...*, стр. 58—68.

[71] ПСРЛ, т. XIII, СПб., 1904, стр. 161; ЦГАДА, ф. 127, кн. 4, лл. 3, 23—25.

половины XVI в., а до того внешнеполитическая обстановка не вызывала необходимости в созданин у казаков единой организации.

На процесс объединения казачества оказывали влияние его отношения с московским правительством, в борьбе с которым или при поддержке которого казачество должно было отстаивать свое право на существование. Разумеется, правительство всегда проявляло интерес к появлению казаков на южных окраинах государства. В связи с этим в 1546 г. оно потребовало от путивльского воеводы М. Троекурова сообщить об этих людях. Тот отписал, что на «поле» бродит много казаков и «черкасцев, и князь, и твоих государевых», которые вышли «на поле из всех украин»[72]. Троекуров не говорил, что у казаков была какая-либо организация, и это естественно, ибо таковой тогда у них еще не было.

Превращенне Дона в район, куда уходили беглые, спасаясь от крепостнической эксплуатации, затрагивало интересы дворянства и государственной власти. В связи с этим происходят важные перемены в отношениях между московским правительством и казачеством, которые оказали влияние на образование на Дону именно в это время своеобразной организации донских казаков. В ответ на решительную борьбу, которую вели казаки против агрессни турок, татар и ногайцев, правители этих государств стали настаивать перед московским правительством на сведении казаков с Дона[73]. Московские цари не отрицали правомерности этих требований. Но при этом они решительно отказывались признать казаков «своими». Во всех дипломатических документах официально заявлялось, что «на Дону живут люди вольные, русские беглецы, на которых лежит опала государева», и что вообще «наших казаков на Дону нет, а живут там нашего государя беглые люди»[74].

Характеристика казаков как бездомных людей, бежавших от помещиков и государственной власти и находившихся во враждебных отношениях к ним, выражена не только в дипломатических актах московского правительства, но и в целом ряде других документов того времени. Так, в «Карамзинском Хронографе» казаки начала XVII в. тоже называются беглыми холопами, ярыжными ворами и зерщиками[75]. По словам голландца Исаака Массы, относящимся к самому началу XVII в., «в казаки шли, по большей части убежавшие от своих господ холопы»[76]. Примерно в тех же выражениях характеризуют и сами казаки свое положение. Так, в «Поэтической повести об Азовском осадном сидении» они заявляли: «А нас на Руси не почитали и за пса смердящего. Отбегаем мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства неволного, от бояр и от дворян государевых»[77]. Все это в общем верно отражало и социальное лицо казачества второй половины XVI — начала XVII в., и отношение его к крепостникам и к государственной власти. «Ряды казачества, — отмечал К. Маркс, — наполнялись недовольными элементами, которые не уживались в обществе, не могли переносить его уз»[78].

---

[72] ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 9.

[73] Там же, кн. 14, л. 236; кн. 15, л. 368, об. — 369; 127, оп. 1, кн. 3, лл. 114, 135; «Историческое описание земли войска Донского», стр. 41.

[74] *«Историческое описание земли войска Донского»*, стр. 55, 62, 86, 90.

[75] А. Попов, *Избранник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции*, М., 1869, стр. 354.

[76] И. Масса, *Краткое известие о Московии в начале XVII в.*, М., 1937, стр. 77.

[77] «Воинские повести Древней Руси», М.—Л., 1949, стр. 107—108.

[78] К. Маркс, *Стенька Разин*, стр. 107.

По этой причине московское правительство всеми средствами стремилось преградить беглым дорогу на Дон. Так, в 1578 г. в ответ на требования турецкого султана и крымского хана свести казаков с Дона московское правительство сообщало, что государевых казаков на Дону нет, а относительно беглых воеводам указанных земель дан «именной наш приказ, что ие велено никого на Дон пропущать и с Дону казака никакова пущать не велено на украйны»[79]. Против тех же, кто проникал на Дон и совершал «воровство и разбои», правительство непрерывно посылало карательные отряды[80]. Репрессии против казаков усилились в конце XVI в. при Борисе Годунове в связи с ростом числа побегов на Дон и участившимися грабежами на Волге и на Дону[81].

Но постепенно правительству становилось ясно, что никакие репрессии не давали желаемых результатов. Между тем они усиливали неиависть казаков к государственной власти, и это являлось одной из причин активного участия их в крестьянской войне начала XVII в.[82].

В то же время правительство обратило внимание на войну, которую вели казаки с соседними государствами на юго-восточных границах Россин. По существу, особенно на первых порах, оиа мало чем отличалась от разбойничьих набегов казаков с целью захвата полонянников и «знпуна». Но она создавала живой кордои для турок и татар и препятствовала вторжению их в пределы России. Правительство быстро оценило роль казаков в защите юго-восточных грапиц и решило привлечь казачество к несению военной службы, превратив его в служнлое сословие[83].

Для ведения непрерывной войны с соседними государствами казаки нуждались в оружии, боеприпасах и продовольствии, а московское правительство охотно соглашалось снабжать их всем этим. Вот почему, каждый раз когда русские цари предлагали казакам «служить» и «прямить» им, казаки охотно принимали эти предложения.

Московское правительство требовало при этом только одного, чтобы война, которую вели казаки, соответствовала его внешнеполитической программе. Одиако у казаков было свое представление о той службе, которую они соглашались вести. Всю свою энергию они направляли не столько на оборону границ, сколько на партизанскую борьбу с «поганством» и захват добычи. Поэтому зачастую они совершали набеги на своих врагов в те моменты, когда правительство стремнлось к сохраиению с ними мнрных отношенй, и тем самым ставили в затруднительное положение московских дипломатов.

Несмотря на это, правительство не отступало от намеченного плана. Искусно маневрируя, задабривая одних казаков и угрожая другим, оно постепенно добивалось от них верности.

---

[79] ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 15, лл. 418—418 об.

[80] Там же.

[81] ЦГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 4, л. 209 об.; кн. 5, лл. 7—7 об.; ф. 111, оп. 1, кн. 1, стлб. 248—249; «Историческое описаиие земли войска Донского», стр. 18, 23, 38, 40—42.

[82] Характеризуя классовую борьбу крестьянства в средневековой Европе, С. Д. Сказкин сравнил ее с классовой борьбой крестьяистаа в России и в связи с этим высказал заслужнвающее большого внимвния суждение о квзачестве. «А что такое казачество в России? — писал он. — Разве это не есть попытка политически автономного объединения бывшнх крепостных, бежввших на окраины государства? Понятно, почему казачество принимвло участие почти во всех крестьянскнх восстаниях XVII и XVIII вв.» («Ежегодник по аграрной историн Восточиой Европы за 1958 год», Таллин, 1959, стр. 142).

[83] Уже в 1570 г. на Дон была послана грамота с предложеннем казакам иести службу московскому царю, за что он обещал «жаловать» казаков. С подобными предложениями обращалнсь к казакам московские цари и 1571, 1584 и 1592 гг.

Так, постепенно, под воздействием московского правительства в XVI в. шел процесс превращения «вольного» казачества в служилое сословие Московского государства.

Превращение казачества в сословие способствовало созданию у него единой организации. Однако это происходило очень медленно и не одновременно на всей территории Донской земли. На протяжении всего XVI в. то в одном, то в другом месте возникали отдельные отряды.

Большинство таких отрядов очень быстро распадалось, и тогда атаманы набирали себе новые. Одним из таких атаманов был Михайла Черкашенин. Еще в 60-х годах XVI в. он возглавлял казачьи отряды, совершавшие набеги на Азов и на другие крепости в Черноморье[84]. В 1572 г. он вступил на государеву службу и командовал казачьими отрядами, выполнявшими поручения правительства[85]. Раньше других сумело объединиться казачество, селившееся в низовьях Дона, вдали от пограничной правительственной администрации. Здесь, в Раздорах, и возникло «Главное войско», т. е. его главный стан. Однако еще в 80-х годах XVI в. оно не имело одного атамана. Грамота царя Федора Ивановича от 31 августа 1584 г. была адресована «на Дон, Донским атаманом и казаком, старым и новым, которые ныне на Дону, и которые зимуют близко Азова»[86]. Поэтому правительство через русского посла в Турции Б. Благого, следовавшего через Дон в 1584 г., требовало сообщать ему «имяна» низовых атаманов «от Азова до Раздору, хто именем атаман и сколько с которым атаманом казаков останетца»[87].

Следующий шаг на пути объединения донских казаков произошел в 90-х годах XVI в. Царские грамоты этих лет были обращены, как правило, к двум-трем «лучшим» атаманам, а в отдельных случаях писались прежде всего к главному атаману донских казаков, каким некоторое время являлся, например, Степан Ершов, а вслед за тем ко «всем атаманом и казаком верховым и низовым»[88].

В 1592 г. правительство пыталось объединить казаков «сверху», послав в Раздоры сына боярского Петра Хрущева и определив его в «головы» к «войску». Но эта попытка не имела успеха. Казаки не приняли Петра Хрущева, заявив, что и «прежде сего мы служили государю, а голов у нас не бывало, а служивали своими головами, и ныне де ради служить своими головами, а не с Петром»[89].

Источники свидетельствуют, что еще в конце XVI в. донское казачество не создало единой организации. Грамота Федора Ивановича от 31 июля 1594 г. обращалась сначала к верховым казакам, предписывая им проводить русского посла в Турцию Д. Истленьева и турецкого Резван-Чеуша «с верху до нижних портов», а затем к низовым казакам с указанием проводить этих же людей по нижним путям до Азова[90].

В 1546 г. с Дона в Москву прибыли два атамана и три казака. Они привезли с собой отписку от войска низового, отписку от верхо-

---

[84] ПСРЛ, т. XIII, стр. 272, 318; С. Ф. Платонов, *Очерки по истории смуты...*, стр. 89—90.

[85] См. Статейный список И. П. Новосельцева в кн.: «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», М.—Л., 1954, стр. 63.

[86] «Материалы по истории войска Донского», стр. 2.

[87] ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, лл. 288—291.

[88] Там же, кн. 3, л. 134.

[89] Там же.

[90] ЦГВИА, ф. 915, л., д. 22/228, л. 7.

вых атаманов и отдельную еще отписку, которую направил «медведицъий атаманишко»[91].

Даже в самом начале XVII в. существовали отдельные казачьи общины. Когда в 1600 г. Бельский и Альферов были посланы на юг строить город Царев-Борисов, им предписывалось по окончании работы созвать в городе «лучших *донецких* и *оскольских* (курсив наш.— *А. П.*) атаманов и казаков» и, переписав их юрты и станицы, пожаловать и на последующее время от царского имени реками, которые они занимали, с обязательством, однако, «служить государству против татар и черкес»[92].

Как мы видим, процесс объединения казачества, селившегося на юго-восточной окраине Российского государства, продолжался на протяжении всей второй половины XVI в. Он окончательно завершился в ходе бурных событий крестьянской войны начала XVII в., после чего и правительство признало казачество как особое сословие Московского государства.

Подведем итоги. Разработка сложного процесса возникновения казачества и образования казачьего сословия на Дону велась несколькими поколениями историков, которые внесли определенный вклад в решение этой проблемы. Но только советская историческая наука, вооруженная марксистско-ленинским мировоззрением, преодолев в 30-е годы попытки решить этот вопрос с вульгарно-материалистических позиций, встала на путь научного решения этой проблемы.

Работами советских историков установлено прежде всего, что предпосылкой образования донского казачества явилось экономическое, социальное и политическое развитие Российского государства, приведшее к образованию централизованного государства и усилению социально-политического гнета в стране, от которого бежала на окраины страны масса угнетенного люда.

Советские историки проделали значительную работу по изучению состояния юго-восточной окраины страны накануне образования донского казачества и показали, что Дон в силу целого ряда обстоятельств оказался тем районом, куда с конца XV в. в поисках свободы шли беглые люди. К настоящему времени выяснены также внутренние и внешние условия, которые определили причины и форму объединения казачества в единую организацию и характер этой организации. Наконец, исследован конкретный процесс образования сословия донских казаков и определены хронологические рамки, в которых этот процесс совершался.

---

[91] ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 4.

[92] Д. И Багалей, *Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства*, т. 1, Харьков, 1886, стр. 5—13.

В. И. Сергеев

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ОСНОВАНИЯ ПЕРВЫХ РУССКИХ ГОРОДОВ

Почти полностью отсутствуют ранние официальные документы, освещающие сибирскую политику московского правительства. И в сибирской историографии не нашли четкого отражения те политические задачи, которые правительство ставило перед собой, и те методы, которыми пыталось их разрешать. Традиционным стало утверждение о том, что завоевание Сибири, начатое при помощи Строгановых — Ермака (в различных вариациях), затем перешло в руки центральной администрации, которая и завершила его [1]. Между тем более четкое определение этих задач в их развитии, раскрытие принципов правительственного подхода к их разрешению позволили бы хронологически более точно определить начало официальной колонизации Сибири, в известной мере оценить роль и значение отдельных сторон в процессе начального ее освоения — в целом дополнить и уточнить картину начальной истории «азиатской России».

Со времени первых походов ратных людей «за Камень», когда к началу XVI в. в титул великого князя «всея Руси» включается приставка «и князя Югорского», вырабатывается изначальная политическая линия московского правительства. Тогда еще не могло быть прочных торгово-экономических и политических связей с присоединяемым краем, и нет оснований говорить об органическом вхождении его в состав русского государства. Великопермские наместники, позднее чердынские воеводы, ведавшие «Югорской землей», ограничивались получением дани с далеко не всегда покорных и мирных югорских, обдорских, кодских, казымских и других князьков, формально считавшихся вассалами русского сюзерена. Для поддержания системы вассалитета на север Сибири периодически совершались походы ратных людей. После «шертования» и наложения дани местных феодалов, как правило, отпускали: известен целый ряд имен таких князьков: Асык, Калпа, Калпак, Молдан, Течик, Юмшан, позднее — Лугуй, Ладыкин и др. [2]. Чердынские воеводы и позднее, пытаясь организовать более или менее регулярный сбор ясака, опирались на местную феодальную знать. Иной (местной) администрации создать в тех условиях не представлялось возможным.

Последующие успехи развития в России межобластных связей приводят к постепенному распространению их и «за Камень». Сибирская «мягкая рухлядь» привлекает не только правительственную администрацию, а и инициативных промышленных и торговых людей: пермичей,

[1] См. «История СССР», изд. 2, т. 1, М., 1964, стр. 282.

[2] «Устюжский летописный свод», М.—Л., 1950, стр. 86, 95; Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, ч. I, М., 1937. Прил. № 9, стр. 344, РИБ, т. 2, № 87, стр. 200

устюжан, поморцев. Павел Иовий в 1525 г., основываясь на русских источниках, упоминает о меновой торговле пермичей и печорцев с отдаленными народами, к которым надо добираться через «крутые горы»[3]. Несколько более поздняя Великопермская уставная грамота отмечает не только рядовых пермичей, а и наместников, которые «посылают к волоку Тюменскому и в Вогуличи и в Сылву своих людей с пермским со всяким товаром»[4].

С сороковых годов XVI в. на севере Западной Сибири «за Камнем» уже имеются «городки». Это, видимо, укрепленные тыном торгово-промысловые становища, о которых упоминал Герберштейн и которых в 1584 г. печорские промышленные люди на Чрезкаменном пути в низовья Обн насчитывали пять[5]. Эти свидетельства позволяют судить о характере изменений в связях с сибирским населением на протяжении XVI в. Однако, как будет видно ниже, вплоть до 1593 г.[6] московское правительство стремилось лишь к подчинению сибирского хана подобно югорским князькам.

Установленные в 1555 г. даннические отношения с ханом Едигером (по инициативе последнего), как и признание Кучумом вассальной зависимости в 1570—1571 гг., считались в Москве вполне достаточными. Только разрыв их ханом, нападение в 1573 г. сына хана Маметкула, проведывавшего, «куде идти ратью в Пермь», а отсюда реальная угроза потери «отчины за Югорским камнем» побудили московское правительство распространить за Уральские горы в 1574 г. систему отдачи необжитых земель на льготные годы крупным феодалам-промышленникам. Русский царь карал непослушного феодала Кучума руками подданных—Строгановых. Организованный последними поход Ермака привел к тому, что правительство направило в Сибирское ханство ряд военных экспедиций. Но и в этот период в системе подчинения «Югорской земли» ничто не изменяется. Ясак, собранный там воеводой И. Мансуровым, побудил князьков Обдорского и Казымского отправиться в Москву, где в 1586 г. их вассальные права были подтверждены[7].

И в ходе деятельности в Сибири первых воевод нащупываются пути возврата к традиционной системе зависимости сибирского хана от царя.

Династическая борьба привела уже однажды к утере власти царя над сибирскими правителями. Кучум был недосягаем, тогда воеводы берут в плен и отправляют Сейдяка, сына Едигера, с окружением, в Россию, где их и оставляют (дают «корм и вотчины на прожив»)[8]. Сына Кучума Маметкула, взятого в плен еще казаками Ермака, также отправляют в Москву, откуда он имеет возможность связаться с родственной знатью, и «сибирской Бахтураз мурза Карамышов» с одной из жен царевича выезжает к нему в 1586—1587 гг.[9]. Однако отступивший в Барабинские степи Кучум не идет на сближение. Напротив, в расчете на помощь местного оседлого населения он в 1590 г. выступил против служилых людей. Когда его расчеты не оправдались, хан, отступая, «побил своих»[10]. Но несмотря на воинственность Кучума, ему неодно-

---

[3] М. П. Алексеев, *Сибирь в известиях иностранных путешественников*, ч. 1. Иркутск, 1932, стр. 93.

[4] В. Н. Берх, *Путешествия в города Чердынь и Соликамск*, СПб., 1821, стр. 129.

[5] М. П. Алексеев, *Сибирь в известиях...*, ч. 1, стр. 103—105.

[6] Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, ч. I. Прил. № 9, стр. 344; РИБ, т. 2. № 87, стлб. 200.

[7] Там же.

[8] «Сибирские летописи», СПб., 1907, стр. 350.

[9] Н. Лихачев, *Библиотека и архив московских государей в XVI столетии*, СПб., 1894. Прил., стр. 32—33.

[10] «Сибирские летописи», стр. 351.

кратно предлагают выехать из степи «служити государю» за царское жалованье [11]. Для ослабления враждебных действий кочевников московское правительство не отказывается от подобных предложений и тогда, когда от политики вассальной зависимости местных феодалов оно переходит к мероприятиям, связанным с непосредственной колонизацией.

В период основания Тюмени и Тобольска не могло быть продуманных, учитывавших всю сложность обстановки и местные условия наказов центральной администрации. Московское правительство только еще начинало нащупывать новый способ обложения ясаком местного населения и ощущать его эффективность. Призванные устранить в Сибирском ханстве одну из враждовавших сторон и привести другую к признанию вассальной зависимости от русского царя, воеводы стремились во всем остальном не изменять сложившиеся в ханстве порядки. Остаются нетронутыми и современная их столица ханства Искер, и более ранняя столица — Тюменский городок. Для разрешения поставленных перед ними задач воинские люди воздвигают вблизи от главных татарских городков свои остроги — Тюменский и Тобольский. Рассчитанные на пребывание в них лишь служилых людей, остроги являли собой укрепленные военные лагери с единственными обитателями — воинскими людьми.

Но наличие таких военных лагерей сразу обострило проблему транспортных связей с Сибирью. Необходимо было обеспечивать продовольствием, военными и иными припасами гарнизоны двух острогов, а также наладить регулярный вывоз пушнины. И по пути дружины Ермака вверх по Чусовой и Серебрянке до перевала, «переволокшись» через двадцатипятверстный волок, вниз по Тагилу и Туре отправлялись в Сибирь необходимые запасы, двигались отряды служилых людей [12]. На этом пути, явно более сложном, чем ранее известный Тавдинский, за водоразделом «вверх реки Тагила» возникает перевалочная база — «Верхтагильской городок» [13]. При этом центральная администрация обязала Строгановых и Пыскорский монастырь на Каме обеспечивать транспортными средствами направлявшихся в Сибирь служилых людей и потоки грузов. Такое обеспечение связи, накладное для Строгановых и разорительное для маломощного монастыря и поселенцев-крестьян в их вотчинах, носило явно временный характер. И действительно, уже в 1589 г. их освободили от «подводной повинности» [14]. Поток грузов и служилые люди направляются Тавдинским путем. Транспортные повинности были переложены на плечи тяглового населения Чердынского и других близлежащих уездов. Верхтагильский гордок был «покинут впусте... и сожжен» [15], а на Тавдинском пути у выхода из теснин Уральских гор в том же 1589 г. заложен Лозьвинский «город и острог» [16]. Вне пределов территории Сибирского ханства в начале судового хода «для бережения государевой казны» в месте перегрузки основывается первый «город» [17]. Но, как будет видно ниже, и это не решило транспортную проблему.

Вслед за сообщением о нападении в 1590 г. Кучума в Москве стало известно и о враждебных действиях пелымского князя Аблегирима, возможно выступившего в связи с действиями первого. Против пелым-

---

[11] АИ, т. 2, № 1, стр. 3.
[12] Г. Ф. Миллер, *История Сибири...*, Прил. № 8, стр. 343.
[13] ДРВ, изд. 2, ч. 3. «Записки к сибирской истории...», М., 1788, стр. 115.
[14] А. А. Дмитриев, *Пермская старина*, вып. 2, Прил., стр. 272.
[15] «Записки к сибирской истории...», стр. 115—116.
[16] ВОИДР, кн. 25, М., 1857, стр. 7.
[17] В последний год существования «городв» в нем было сосредоточено свыше девятисот тонн грузов. См. В. И. Сергеев, *Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение*, — «ВИМК», 1960, № 3, стр. 114.

цев безуспешно попытались использовать зависимых князьков «Югорской земли». Один из их «соседей», кондинский князек Агай, поддержал Аблегирима [18]. Непосредственная угроза со стороны кочевых орд Кучума, угроза Тавдинскому пути со стороны пелымского князя и брожение в «Югорской земле» — все это побудило московское правительство в корне пересмотреть цели и методы проведения своей политики в Сибири. При этом учитывался опыт тюменских и тобольских служилых людей, конкретные сведения о производстве продовольствия на местах и общая политическая обстановка в Сибири. Правительство и в последующие годы не отказывалось от привлечения «под высокую руку» местной знати, но с этого времени началось проведение мероприятий по освоению края. Разрабатывается структура местной администрации во главе с тобольскими воеводами, в которой находит место и «Югорская земля». А затем присоединяемый к России край выходит из ведения Посольского приказа.

Чтобы окончательно утвердиться в «Югорской земле» и включить ее в сферу деятельности тобольских воевод, весной 1593 г. И. В. Траханиотов с отрядом из трехсот стрельцов и казаков в сопровождении 150 плотников — «даточных людей с Вятки, с Перми, с Выми, от Соли Вычегодские» направились через Лозьву и Тобольск на север Сибири, чтобы основать «на Березове острове» государев город и острог [19]. «Югорская земля», которой до этого ведал чердынский воевода, переходила в подчинение тобольских воевод, в состав организующегося Тобольского разряда, и лишалась своего традиционного названия.

Одновременно Траханиотовым для разгрома Пелымского княжества и основания на Тавдинском пути «государева города», через Лозьву же был направлен в Сибирь П. И. Горчаков с отрядом конных и пеших ратных людей вятчан, холмогорцев, лялинских и вишерских манси [20]. Ему предписывалось казнить князя, «извести» его род и сжечь Пелымский «старый город», т. е. ликвидировать княжество [21]. Такие требования в отношении местных феодалов — новость в сибирской политике московского правительства. Для «завода государевой пашни» впервые в истории Сибири с П. И. Горчаковым направляются ссыльные — углечане «веденцы» с сохами, семенами и скотом, чтобы «пашню завести, сперва хотя не от велика». И при обосновании на территории Пелымского княжества в средней части Тавдинского пути между Лозьвою и Тобольском на усмотрение воевод представлялось: «в Таборах ли (удобных для заведения пашни. *В. С.*) или (место) старого города занять» [22]. Как видим, перед администрацией встала новая и важная задача — снять с обеспечении привозным довольствием служилых людей в Сибири. Ее решение возлагалось на новую для сибирских «городов» категорию населения — крестьян, переселяемых из России. Рядом с этой задачей встает и другая — организация сбора ясака и, наконец, третья — задача утверждения государственной власти в Сибири. Воеводам летом 1593 г. последняя задача все еще представлялась главной. Поэтому, несмотря на то что близ «старого городища» под государеву пашню нашлось лишь семь вместо предписываемых трехсот четвертей, «город» был заложен «ниже пелымского устья с версту» и назван вопреки предписанию не Таборовским, а Пелымом [23].

[18] РИБ, т. 2, № 54, 55; ЦГАДА, ф. 214, стлб. 178, лл. 26—27.
[19] Там же, № 56, стлб. 104, 109.
[20] Г. Ф. Миллер, *История Сибири...*, т. I, Прил. № 10, стр. 345; ЦГАДА, ф. 199, № 477, ч. 2, д. 5, л. 16; РИБ, т. 2, № 56, стлб. 103, 107.
[21] РИБ, т. 2, № 56, стлб. 107—109.
[22] Там же, стлб. 106.
[23] ЦГАДА, ф. 211, кн. 5, л. 273.

В этот же период центральная администрация решала вопрос о независимом от времени года пути в Сибирь. В 1595 г. по ранее объявленному указу была «проведана» сухопутная дорога от Соли Камской до верховьев Туры, по имени открывателя названная Бабиновской. В связи с этим в 1597 г. Тавдинский путь был закрыт и Пелым потерял значение опорной транзитной базы на пути из Предуралья к Центральной России. Строительные работы были в нем приостановлены еще в 1595 г., и лишь весной 1598 г., когда был разобран Лозьвинский «город», полученные в результате разборки строительные материалы отправляются в Пелым для «городской и осторожной доделки» [24].

Летом 1593 г. был основан Березов с гарнизоном в триста человек [25], и среди местных князьков нашлись активные сторонники московского правительства. Осенью того же года организуется поход березовских служилых людей совместно с отрядом кодских хантов Игичея Алачева и Онжи Юрьева в граничившую с территорией Пелымского княжества Большую Конду [26]. Территория разгромленного Кондинского, как и Пелымского, княжества была включена в Пелымский уезд, а захваченные в плен кондинские князь Агай с сыном и братом отправлены в Москву [27].

Быстрое утверждение власти московского правительства в Западной Сибири, достаточно большой контингент служилых людей в сибирских острогах и городах, использование отрядов кондинских феодалов в борьбе с Кучумом и другими князьками, «которые учинились непослушны», — все это позволяло центральной администрации планировать одновременное наступление и вверх по Оби от устья Иртыша в землю «Пегой Орды» и вверх по Иртышу. В этих землях страдавшее от набегов Кучума и «колмацких орд» оседлое и полуоседлое татарское население давало «государев ясак неполной», т. е. было так называемыми «двоеданцами».

Согласно «Наказам» А. В. Елецкому и Ф. П. Борятинскому, служилые люди всех сибирских «городов» совместно с «тутошними людьми» должны были участвовать в походе в «Пегую Орду» и строительстве города Сургута либо в походе в «Тарскую волость вверх Иртыша», Тарской город поставить, «пашню завести и Кучума царя истеснить, и соль устроить» [28]. Из Березова, Пелыма, Тобольска и «Обского городка» служилые люди «с даточными людьми» из многих пермских городов направлялись в «Пегую Орду», а из Тюмени, Тобольска, Уфы, Казани совместно с башкирцами, казанскими и свияжскими татарами — в Тарскую волость. В результате летом 1594 г. были основаны города Тара и Сургут.

Теперь правительственная администрация уже была в состоянии четко формулировать задачи, указывать средства и методы их исполнения. Она даже предписывает тарским воеводам ямышевскую «соль устроить», чтобы освободить транспортные пути и тягловое население «пермских городов» от поставок соли в Сибирь. Если при основании города на Тавде воеводы могли сами определять место строительства и название города, то при основании Тары они построили его в 30 верстах от одноименной реки и назвали так, как было указано в данном им

---

[24] РИБ, т. 2, № 65, стлб. 149.
[25] ЦГАДА, ф. 214, стлб. 178, лл. 26—27.
[26] Г. Ф. Миллер, *История Сибири...*, т. I. Прил. № 14. стр. 361; РИБ, т. 2, № 70 стлб. 155—156.
[27] РИБ, т. 2, № 54, стлб. 101—102.
[28] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1, лл. 24—31; Г. Ф. Миллер, *История Сибири...*, т. I. стр. 354—361.

наказе [29]. После окончательного разгрома Кучума в 1598 г. еще долгие годы продолжалась борьба с «Кучумовыми внучатами», с тайшами «колмацких и иных орд». И на всех этапах этой борьбы Тарская крепость — первая из целой линии крепостей, созданных впоследствии, защищала земледельческий труд переселенцев и местного оседлого населения «азиатской России» от нападений кочевников.

Рассмотрение источников, характеризующих в совокупности правительственную политику накануне и в период основания первых сибирских городов, позволяет сделать ряд предварительных выводов.

До 1592 г. включительно московское правительство не преследовало цели завоевания Сибирского ханства и его присоединения к России подобно Казанскому ханству. Ни деятельность Строгановых, ни организованный ими поход Ермака не являлись началом официального завоевания и присоединения Сибирского ханства, которое затем якобы «продолжило и завершило» московское правительство. Деятельность Строгановых и Ермака тем более не была осуществлением «тонкой, далеко рассчитанной» политики Ивана Грозного в деле присоединения Сибири к России. После разрыва Кучумом вассальной зависимости московское правительство стремилось лишь восстановить сюзеренные права над сибирскими правителями средствами и методами утверждения соответственных отношений в «Югорской земле». В тот период, когда московское правительство направляло вслед за дружиной Ермака новые отряды в Сибирь, оно еще не полностью понимало изменения обстановки в результате ослабления позиций Сибирского ханства после падения Казанского ханства, недооценивало силу и значение ударов Ермака и возможностей колонизации в Сибири. Только в ходе деятельности первых сибирских воевод центральная администрация с весны 1593 г. меняет свою политическую ориентацию по отношению к местной знати и начинает энергичные действия, которые имеют своей целью непосредственное присоединение Западной Сибири к России. В 1593 г. были разгромлены Пелымское и Кондинское княжества, а в 1593—1594 гг. основаны города Пелым, Березов, Сургут и Тара, возведены рубленые «города» в основанных ранее Тюмени и Тобольске, а «Югорская земля» включается в систему создаваемой местной администрации и входит в сферу действия тобольских воевод. С этого же времени проводятся мероприятия по «заведению государевой пашни», обеспечению населения местной солью и Сибирь начинает выступать как место ссылки. Таким образом, с 1593 г. происходит официальное включение территории Сибирского ханства и «Югорской земли» в состав России и начинается осуществление колонизационной политики в этом районе.

---

[29] Не соответствует действительности утверждение о переносе г. Тары в 1669 г. от р. Тары на р. Аркарку (см.: М. К. Юрасова, *Город над Иртышем*, Омск, 1953, стр. 35; П. Семенов, *Географическо-статистический словарь*, т. 5, СПб., 1885, стр. 39). По «Списку с чертежа Сибирской земли 1672 г.» город находится «на реке Аркарке» (ВОИДР, М., 1849, стр. 3); этот же факт подтверждает и «Роспись городу и острогу» 1624 г. (ЦГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 317).

Н. Б. Шеламанова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНЦЕ XVI в.

В одном из последних своих трудов «Россия в XVI столетии» М. Н. Тихомиров обратился с призывом к советским историкам заниматься исторической географией нашей Родины. В числе многих вопросов исследования, которые встают перед историком в этой области знаний, М. Н. Тихомиров обратил внимание и на государственные границы России, дав общую и вместе с тем очень четкую характеристику границ Российского государства в XVI в.[1].

Настоящая статья посвящена отдельному моменту в последовательной борьбе России за воссоединение земель, ранее входивших в состав единого древнерусского государства. Тема эта, неоднократно привлекавшая внимание ученых-историков, в данном случае рассматривается нами в чисто источниковедческом аспекте.

В русской дореволюционной и советской историографии нет специальных исследований о границах России, в частности ее западной границы с Великим княжеством Литовским, а затем с Речью Посполитой. Правда, практически эту границу указывали исследователи вопросов истории взаимоотношений России с ее западным соседом, историки западных российских областей и Великого княжества Литовского. Из этих работ наибольшего внимания заслуживают труд М. К. Любавского, работы Е. И. Кашпировского и Н. Н. Оглоблина, в которых содержится исследование состава западных российских или восточных литовских областей. Польские историки более интересовались историей границы со своим великим восточным славянским соседом. Имеются две серьезные работы польских историков, посвященные границам Литвы и Речи Посполитой XIV—XVI вв. и первой половины XVII в. Это труд Яна Натансона-Леского «История восточной границы Речи Посполитой, ч. I. Граница Московская в эпоху Ягеллонов; ч. II. Эпоха Стефана Батория в истории восточной границы Речи Посполитой» и работа Владислава Годзишевского «Граница польско-московская по Поляновскому миру (1634—1648 гг.)»[2].

---

[1] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 13—25.

[2] М. К. Любавский, *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статуса*, М., 1892; Е. И. Кашпировский, *Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522 гг.)*, — «Сб. Историко-филологич. об-ва при ин-те кн. Безбородко в Нежине», т. 2, Нежин, 1899, стр. 173—344; Н. Н. Оглоблин, *Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во второй половине XVI в.*, — «Сб. археологического ин-та», 1880, кн. 3, отд. II, стр. 3—53; кн. 4, отд. II, стр. 3—75; J. Natanson Leski, *Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej*, część I. *Granica Moskiewska w epoce*

онской войны и интервенции. Данная работа имеет своей целью
следить состояние границы России с Речью Посполитой с конца
онской войны до начала польской интервенции (1582—1608 гг.).
Заметим сразу, что граница России с Речью Посполитой за это вре-
ие менялась. Она определялась Ямзапольским договором, закончив-
Ливонскую войну (подписан в Яме Запольском 15 января 1582 г.,
ержден затем в Москве 15 июля и в Варшаве 20 октября 1582 г.).
последующие мирные договоры 1584, 1585, 1587, 1590, 1601 и 1608 гг.
ко подтверждали эту границу. Но Ямзапольский договор мало из-
л границу России с Речью Посполитой, существовавшую до этого
ени. За небольшим изменением в Велижской волости (о чем под-
ее ниже), он сохранил доставшуюся в наследство Речи Посполитой
ницу Великого княжества Литовского с Россией, которая оставалась
менной с 1537 г.

Ямзапольское перемирие, как известно, лишало Россию всех ее за-
аний в Ливонии и в Полоцкой и Витебской землях, но российские
ии, захваченные Стефаном Баторием в конце Ливонской войны в
—1581 гг.: Великие Луки и великолуцкие города Невель, Холм,
олочье (Ржева Пустая) — и псковские пригороды: Остров, Велье,
ный, Воронич и Себеж, — возвращались России. Только один Ве-
, захваченный в Торопецкой земле, поляки не согласились вернуть
ии, он был оставлен за Речью Посполитой [3].

Хотя Ямзапольский договор возобновлял старую, уже упроченную
ением границу, восстановление этой границы сразу же столкнулось
льшими трудностями. Ливонская война нарушила «старину» владе-
на большом участке, где происходили военные действия, в районах
аничных российских Великолуцкого, Торопецкого и литовских По-
кого и Витебского уездов. Здесь сразу же после подписания мира
варе 1582 г. начались крупные пограничные споры, затянувшиеся
многие годы, вплоть до начала XVII в. И это прежде всего был спор
аницах Велижа, передаваемого Речи Посполитой. Длительность ве-
ского спора определяло важное стратегическое значение Велижа —
ости на центральном участке границы, представлявшей в руках
Посполитой большую опасность для России.

Уже во время подписания договора в Москве в июле 1582 г. выявил-
разное толкование границ отдаваемого Велижа. Сущность велиж-
о спора заключалась в том, что, уступив Речи Посполитой город
иж, российская сторона не соглашалась отдать вместе с городом всю
ижскую волость, ссылаясь на то, что эта волость издавна торопец-
во всех перемирных грамотах XVI в., начиная с 1503 г., и в Ямза-
ском договоре записана за российским Торопцом. Речь Посполи-
требовала к городу всю Велижскую волость, как это обычно быва-

---

łońskiej («Rozprawy historyczne», t. I, zeszyt 3, Lwów — Warszawa, 1922); H. *Epoka Stefana Batorego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej* («Prace historyczne», t. IX, zeszyt 2, Warszawa, 1930); Wł. Godziszewski, *Granica o-moskiewska wedle pokoju Polanowskiego (1634—1648)*. — «Praca Komisji Atlasu ycznego Polski», zeszyt III, Kraków, 1935, str. 1—96.

[3] Текст перемирных грамот Ямзапольского перемирия: ЦГАДА, ф. 79 (Сношения ии с Польшей), кн. 14, лл. 1—34, 262 об. — 290; «Книга посольская Метрики Ве-о княжества Литовского ...с 1573 по 1580 гг.», М., 1843 (далее — Литовская Мет-), стр. 230—242, 259—268. Здесь и далее под терминами «поляки» и «литовцы» тся в виду государственная принадлежность людей.

ю раньше при разделе земель: город отдавался со всей его волостью. Бояре цеплялись за ту формулу определения границ Торопецкого уезда с литовским Витебским поветом в Ямзапольском договоре («а земля Велижу по старым рубежом, как было Витебской земли с Торопецкою землею: Витебская земля с городом с Велижем к Витебску, а Торопецкая — к Торопцу»), которая позволяла им толковать факт передачи Велижа Речи Посполитой как отдачу одного города без волости [4].

Сначала польско-литовская сторона согласилась на московское понимание границы торопецко(велижско)-витебского рубежа «по старине», т. е. фактически на передачу им одного города без волости. Она потребовала, однако, созыва специального пограничного съезда судей для точного определения этих «старых рубежей». Возникла необходимость и в проверке старых границ Витебского повета в районах Суража, Усвята и Озерищ с российскими Великолуцким и Невельским уездами. При подписании перемирия в июне 1582 г. в Москве и было принято решение созвать такие межевые пограничные съезды на торопецко(велижско)-витебском и великолуцко-усвятском рубежах 1 мая 1583 г. [5].

Однако спор о Велижской волости осложнился еще самовольными действиями витебского воеводы Станислава Паца, который, не дожидаясь решения вопроса дипломатическим путем, стал занимать земли в Велижской волости. Еще во время переговоров в Москве в июле 1582 г. бояре жаловались польским послам, что Пац в Велижской волости на устье реки Межи при впадении ее в Двину, в 30 верстах выше Велижа ставит крепость. При подтверждении перемирия в октябре 1582 г. в Варшаве российские послы добавляли, что из этой крепости в устье Межи Пац захватил всю Велижскую волость, стал собирать «великую пошлину» с русских торговых людей, плавающих по Меже и Двине из Великих Лук и Торопца в Смоленск и Белую. Воеводы смоленский, торопецкий и великолуцкий сообщали, что Пац пытается приводить к присяге крестьян смоленских Поречьской и Щучьей волостей и захватил великолуцкое село Огрызково, откуда были изгнаны русские помещики, а крестьян Пац заставляет платить подати в новый город на Межском устье [6]. Дело шло, таким образом, о фактическом захвате и приведении в подчинение Речи Посполитой формально признанных за Россией земель.

При подтверждении перемирия в Варшаве польская сторона, вопреки ранее принятому ею в Москве признанию Велижской волости за Россией, стала снова требовать себе всю Велижскую волость. Верно, крепость в устье Межи король обещал к 1 января 1583 г. срыть, как самовольно поставленную Пацем (поскольку строить новые крепости в пограничной полосе вообще запрещалось Ямзапольским договором). Более того, захваченные литовцами земли в Смолейских — Поречьской и Щучьей — волостях были объявлены ими Микулинской волостью Витебского повета, и в них до пограничного межевого съезда российские власти просили не вступать. Дело о принадлежности села Огрызкова к Велижской волости король обещал разобрать [7].

---

[4] ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, лл. 72—77, 166—167; Литовская Метрика, стр. 257—258.

[5] ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, лл. 168, об., 173 об. — 174, 271 об. — 272; Литовская Метрика, стр. 262, 266—267. Невельская волость числилась в перемирных грамотах с 1503 г., Невельский же уезд часто выделялся как самостоятельный после построения в нем крепости в 60-е годы XVI в.

[6] ЦГАДА, ф. 79; кн. 14, лл. 247 об., 302 об. — 303, 378—379, 383 об. — 396; Литовская Метрика, стр. 271—272.

[7] ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, лл. 415—421 об., 453 об. — 466, 473—477 об., 482 об. — 483 об., 505—509, 513—513 об.; Литовская Метрика, стр. 273—274.

Однако межевой пограничный съезд, назначенный на 1 мая 1583 г., не состоялся. Литовские судьи к сроку на место съезда — город Велиж — не явились, а российских судей к Велижу не пустили, даже обстреляли под городом. Местом съезда литовские судьи избрали урочище Перемежье на северной границе Велижской волости, в 80 верстах от Велижа и в 60 верстах от Торопца, откуда они одни, без российских судей, провели границу Велижской волости с Торопецким уездом. Российская сторона с этим межеванием согласиться, конечно, не могла[8].

С начала 1583 г. Пац продолжает распространять свои захваты на соседние с Велижской волостью земли российских Великолуцкого и Торопецкого уездов. В январе 1583 г. им были захвачены рыбные угодья на озере Белом в Островенском десятке Нежельской торопецкой волости, а в июне шесть деревень: Островна, Микулина, Ровкина (Родкина), Тимофеевская, Окулина, Афанасьевская. К Усвяту Пац приписал значительную часть земель Невельского и Великолуцкого уездов: по реке Комле от устья ее у реки Ловати до верховьев у озера Ордосна, озера Зароное и Городное. Литовский усвятский наместник Юрий Соколинский в Невельском уезде занял в Закомельском десятке Соротчину. Летом же 1583 г. были разорены литовцами земли в Великолуцком уезде: в Никольской волости Невельского уезда на Емеице пять деревень, в Часопском стане на Конше (погост Бориса и Глеба) — семь деревень, в Плавецкой волости погост Маковища.

Видя, что захваты поддаиных Речи Посполитой в российских землях не прекращаются, российское правительство 17 сентября 1583 г. решило ввести в пограничные районы войска и предупредить об этом Паца. Русские войска в числе 2 тыс. человек под командованием кн. Д. П. Елецкого были 22 октября (2 ноября) 1583 г. введены в Великолуцкий уезд и остановились на границе, в селе Огрызкове[9].

Перемирие 20 февраля 1585 г. на два года сохранило условия Ямзапольского договора. Спор о Велижской волости не был разрешен, обе стороны остались на своих позициях: Речь Посполитая по-прежнему требовала всей Велижской волости, российская сторона согласилась признать за Речью Посполитой только один город Велиж. В договорных грамотах было написано так, как этого желала каждая из сторон. В российской грамоте: «а рубежи держати во всех местех по старым рубежом, *по перемирным грамотам*», т. е. границы Торопецкого уезда с Витебским поветом сохранялись «по старине» и Велижская волость в составе Торопецкого уезда отходила к России. В грамоте со стороны Речи Посполитой это место записано: «а рубежи держати во всех местех по старым рубежом, *как в перемирные лета до сих пор держано*», т. е. закреплялся фактический захват витебским воеводой Велижской волости. От созыва новых межевых пограничных съездов король Стефан Баторий отказался[10]. Таким образом, правительство Федора Ивановича согласилось на формальную неопределенность границ и фактические захваты Речи Посполитой в пограничных спорных областях.

В дальнейшем территориальные споры, отодвигаемые все время более важными для стран вопросами, не играли главной роли в отношениях России и Речи Посполитой. Смерть Ивана IV (18 марта 1584 г.), а затем и Стефана Батория (2/12 декабря 1586 г.), смена династии в России в 1598 г. выдвигали на первый план такие внешнеполи-

---

[8] ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, лл. 658 об. — 659 об., 666 об. — 669 об., 711, 734, 739—740, 777 об. — 779.

[9] ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, лл. 587 об. — 592, 665 об. — 666, 671—674, 729—734 об., 761—764 об., 770, 775; Литовская Метрика, стр. 282—284.

[10] ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, лл. 624—659, 779 об. — 781, 786 об. — 790 об.

тические проблемы, как вопросы войны или мира, упрочение в Ливонии, объединение обоих государств под властью одного монарха, что, конечно, умаляло важность территориальных споров, существующих между государствами. Однако положение на границах России с Речью Посполитой, определяемое общими напряженными отношениями государств в последнее двадцатилетие XVI в., чем дальше, тем все более становилось неспокойным. Участились нападения на российские пограничные земли, и район этих нападений все больше расширялся. Особенно частыми стали нападения на южные российские земли в Северской земле и «сторожи от крымцев» в Диком поле.

Не имея возможности за недостатком места останавливаться на положении дел на всем протяжении западной границы России в конце XVI в., сосредоточим внимание на Велижском спорном участке, так как пограничные инциденты не привели к официальному изменению границы после Ямзапольского перемирия. Следует отметить, однако, что к 1592 г. нападения со стороны Речи Посполитой стали настолько частыми, что российское правительство вынуждено было послать в Польшу специальное посольство по «обидным делам» (посольство Афанасия Рязанова, октябрь 1592 г.) [11]. В огромном «списке обидным делом» Рязанова, занявшем 45 двойных листов посольской книги, собраны были сведения о нарушениях границ с 1586 г. Материалы посольства Рязанова показывают, насколько неспокойным было положение на западной границе России в конце XVI в. почти на всем ее протяжении.

Что касается Велижского рубежа, то литовцы в конце 80-х и начале 90-х годов снова предприняли вторжение в пограничные с Велижской волостью земли Великолуцкого уезда. Из «обидного списка» Рязанова явствует, что и после 1583 г. литовцы не раз нападали на Огрызково, а из писцовых книг Великих Лук 1584/5 и 1625—1627 гг. выясняется, что между 1585 и 1593 гг. это село было снова, и на этот раз надолго, присоединено к Велижу; многие земли в великолуцких Плавецкой и Жижицкой волостях были в конце века, до и после «письма Михаила Вельяминова 102 году», также присоединены литовцами к Велижской волости и Усвяту [12].

Российское правительство продолжало поднимать вопрос о Велижской волости вплоть до начала XVII в. (по Деулинскому перемирию 1618 г. Велиж с волостью переходил к Речи Посполитой), при заключении перемирий 1587, 1590, 1601 и 1608 гг. Но каждый раз из-за нежелания обострять отношения ради разрешения более важных вопросов решение велижского спора откладывалось до созыва межевых пограничных съездов, которые в свою очередь так и не были созваны [13]. Правда, по перемирию 1601 г. были назначены межевые пограничные съезды на 1 мая 1602 г. на торопецко(велижско)-витебском и черниговско-острейском рубежах. Но и они не состоялись. На торопецко-витебском рубеже литовские судьи, усвятский староста кн. Юрий Друцкий-Соколинский и велижский староста Александр Корвин-Гонсевский, не дожидаясь запаздывающих российских судей Меньшего-Волынского и др., сами определили границы Велижской волости. Собственно они и не расследовали их, а описали так, как определил границы Велижской волости с

---

[11] ЦГАДА, ф. 79, кн. 22, лл. 124—169 об.

[12] ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, писцовые книги Великих Лук, кн. 244 (1584/5 г.), лл. 972 об.—1017 об.; кн. 600 (1625—1627 гг.), лл. 783—840 об.

[13] ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, лл. 124 об.—194, 210 об.—249 об., 301 об.—316; трактат 25; кн. 17, лл. 343 об.—361; кн. 18, лл. 308—314 об., 323—334 об.; кн. 20, лл. 490—491, 502—502 об., 516 об.—539; кн. 21, лл. 456—480 об., 483 об.—487; трактат 27; Сб. РИО, т. 137, СПб., 1912, стр. 61—63, 68—71, 153.

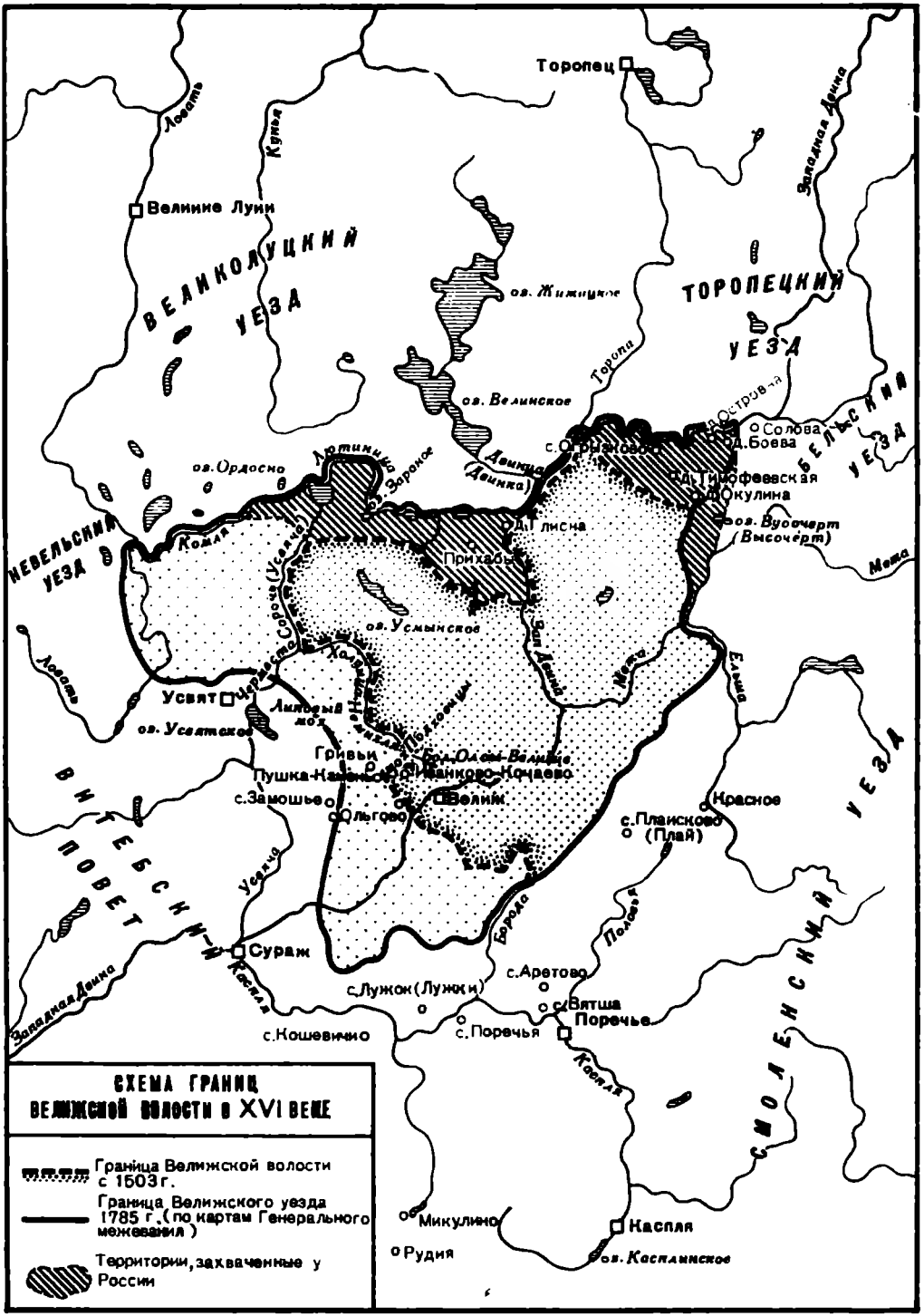


СХЕМА ГРАНИЦ ВЕЛИЖСКОЙ ВОЛОСТИ В XVI ВЕКЕ

Граница Велижской волости с 1503 г.

Граница Велижского уезда 1785 г. (по картам Генерального межевания)

Территории, захваченные у России

Торопецким уездом еще Пац в 1583 г., «по рубежу ие еждя», как говорила потом российская стороиа. Съезд на Чернигово-Острейском рубеже вообще не был созван. Посольство Огарева (1604—1605 гг.) ставило вопрос о новых межевых съездах, ие признавая границ Велижской волости, учиненных одними литовскими судьями без российских. По перемирию 1608 г., которому не суждено было претвориться в жизнь, для разбора пограничных территориальных споров традиционно назначались съезды на торопецко (велижско)-витебском и черниговско-острейском рубежах; эти съезды откладывались на 4-й год перемирия [14].

Открытая польско-литовская (с сентября 1609 г.), а затем и шведская интервенция в России опрокинули все дипломатические отношения между государствами. Следующее перемирие, закончившее интервенцию в России, — Деулинское 1618 г. — отражает уже другой период отношений России и Речи Посполитой.

Таким образом, четверть века от конца Ливонской войны и до событий польско-литовской интервенции начала XVII в. в России в истории ее западной границы была временем, когда формально эта граница не менялась, определенная Ямзапольским перемирием 1582 г. Однако она была спорной и неспокойной. Государственная принадлежность Велижской волости так и не была определена официально, что явилось причиной длительных споров сторон и пограничных столкновений в течение всего этого времени. Фактически Велижская волость была занята Речью Посполитой, с чем российское правительство практически вынуждено было примириться.

* * *

Как мы видели, после Ямзапольского договора 1582 г. и до начала XVII в. граница России с Речью Посполитой претерпела изменения только на одном участке — торопецко-витебском, в районе спорной Велижской волости.

На прилагаемой карте показан этот спорный Велижский участок русско-литовской границы. Даны старинные, с 1503 г. — времени присоединения к России, границы торопецкой Велижской волости с витебскими землями Суражского и Усвятского поветов (вариант государственной границы российской стороны, отдающей Речи Посполитой один город Велиж без волости); северные границы Велижской волости с российскими Великолуцким и Торопецким уездами и восточные — с Бельским и Смоленским уездами, которые следовало бы считать государственными границами с точки зрения польско-литовской стороны, требующей себе всю Велижскую волость. Показаны территории, захваченные литовцами в конце XVI в. в Великолуцком, Торопецком и Бельском уездах.

Для выяснения границ Велижской волости в XVI в. кроме посольских документов XVI в. привлечены посольские документы XVII в., касающиеся разграничения государственных границ. Посольские документы XVI в., как правило, не дают описаний государственных границ. В них имеются незначительные сведения о границах в районе Велижской волости. Материалы переговоров о разделе Полоцкой земли 1566 и 1570 гг. содержат данные о границах Велижской волости с Суражем и Усвятом. В переговорах 1581—1584 и 1602 гг. выясняются захваты литовцев в пограничных с Велижской волостью российских землях. Особенно ценные сведения о границах Велижской волости и о территориях,

[14] Сб. РИО, т. 137, стр. 171—176, 698—719.

захваченных Речью Посполитой в России в конце XVI в., содержатся в документах межевых съездов 1622, 1634—1637 и 1642—1648 гг., проведших размежевание государственных границ по Деулинскому и Поляновскому договорам. Во время этих межевых работ по писцовым книгам, жалованным грамотам и по показаниям старожильцев была поднята вся «старина» владений и границ и выяснены захваты литовцев в российских землях со времени Ямзапольского перемирия. Использованы также писцовые книги Торопца (1540/1 и 1626—1628 гг.) и Великих Лук (1584/5 и 1625—1627 гг.). Из картографических источников привлечены карты Генерального межевания 1780—1785 гг., хранящиеся в ЦГАДА (ф. 1356, Коллекция карт Генерального межевания: Витебская губерния, Велижский уезд, 1785 г., № 13 — уездная карта, № 14—18 — атлас; Суражский уезд, 1785 г., № 49 — уездная карта; Псковская губерния, Торопецкий уезд, б. г., № 68 — уездная карта, № 69—76 — атлас; Смоленская губерния, Поречьский уезд, 1780 г., № 61 — уездная карта, № 62—67 — атлас) и Атлас 1792 г., составленный на основе карт Генерального межевания («Российский атлас, из 44 карт состоящий и на 42 наместничества Империю разделяющий», СПб., 1792). Для справок использованы Специальная карта Европейской России 1865—1871 гг. (десятиверстка) и Военно-топографическая карта Российской империи (трехверстка) 1865—1869 гг., а также современные карты Смоленской, Псковской, Калининской и Витебской областей масштаба 1 : 600 000, издания ГУГК 1958 и 1966 гг.

Поскольку впервые для определения границ XVI в. в районе Велижского участка используются материалы межеваний первой половины XVII в., писцовые книги Великих Лук и Торопца XVI и XVII вв. и карты Генерального межевания, в настоящей работе границы Велижской волости в XVI в. прослеживаются на многих участках иначе, чем это устанавливалось в литературе.

Велижская волость — южная торопецкая волость в XVI в. граничила: с юга и запада с витебскими Суражским и Усвятским поветами; с севера она примыкала к Плавецкой и Жижицкой волостям Великолуцкого уезда и к Нежельской волости Торопецкого уезда; восточная ее граница смыкалась с Бельским уездом и Щучьей и Поречьской волостями Смоленского уезда. Велижская крепость была поставлена в 1536 г. В XVI в. она находилась на самой южной оконечности волости. Город в XVI в. расположен был только на левой стороне Западной Двины, при впадении в нее речки Велижки [15].

Начнем с южных границ Велижской волости, с ее границ с витебским Суражским поветом. Это была старая государственная с 1503 г. граница в районе торопецко-витебского рубежа. Такой ее и хотела оставить российская сторона после Ямзапольского перемирия, соглашаясь отдать Речи Посполитой один город Велиж без волости. При подтверждении Ямзапольского перемирия в Варшаве в октябре 1582 г. она указывала границу Велижа с Суражским поветом — по ручью Коневец. Во время переговоров в июне — июле 1584 г. в Москве границу уточнили — по речке Кривке с правой стороны Двины, в трех верстах ниже

[15] В Дневнике второго похода Стефана Батория Л. Дзялынского 1580 г. замок и посад Велижа указаны на одном, левом берегу Двины (ЧОИДР, 1897, кн. I, разд. III, стр. 24—25). В посольских документах XVI и первой половины XVII в. левый берег Двины называется велижской стороной реки, о поселении на правом берегу Двины в XVI в. не упоминается. В XVIII в. город расположен уже на обеих сторонах Двины. Остатки крепости XVI в. — «замок» в левосторонней части города сохранялись еще в XIX в. (А. М. Сементовский, *Витебск и уездные города Витебской губернии*, СПб., 1884, стр. 77—82; П. Семенов, *Географическо-статистический словарь Российской империи*, т. I, СПб., 1863, стр. 411—412).

города Велижа («Рубеж той волости Велижской с Витебскою землею изстари ручей Коневец, что под городом под Велижем. А по другой стороне реки Двины рубеж-речка Кривка, что ниже города Велижа 3 версты»). Более подробные сведения об этой границе дают переговоры 1566—1570 гг. В описании границ Озерищского повета 1566 г. в «Тетради рубежей» Полоцкого повета в трех верстах от Кривки называется суражское село Ольгово на суражско-усвятском рубеже. В материалах переговоров 1570 г. уточняется: вверх по речке Кривке граница доходила до ее верховьев, здесь у болота Подховиц начинался с одной стороны к северу велижко-усвятский рубеж, а с юга кончался суражско-усвятский, на котором названо усвятское село Замошье. В «досмотре» рубежей 1570 г., «Тетради рубежей» уточняются расстояния: от Двины речкой Кривкой вверх 10 верст, от верховьев Кривки до болота Подховиц 5 верст «черным лесом» к усвятско-велижскому рубежу [16].

Уточняющие сведения для границы Велижской волости с Суражским поветом имеются в уставе Стефана Батория Велижу от 20 марта 1585 г. [17]. Здесь описывается граница всей собственно волости города Велижа, которая шла по левобережью Двины (граница с суражской волостью Дречьи Луки) — от Двины у устья ручья Глубокого через болота («мох Хорошов») вблизи самого города к речке Сошице и опять через болота («мхи» Везменский и Боянов) по речку Кривку Вышнюю, приток Двины выше Велижа. У Кривки Вышней, видимо, уже начиналась граница со Смоленским уездом. В правобережье Двины границей Велижа с Суражем названа также речка Кривка (Нижняя).

Граница Велижской волости с Суражским поветом хорошо ложится на карту. Речка Кривка (Нижняя), села Ольгово и Замошье существовали еще в XVIII и XIX вв. и легко отыскиваются на картах этого времени. На картах Генерального межевания отмечены также речка Глубокая под Велижем несколько ниже устья Кривки Нижней с другой, левой стороны Двины, верстах в пяти, речка Сошица еще ниже и речка Кривка (Вышняя). Болота («мхи») на картах везде показаны, но не названы.

Южная граница Велижской волости XVI в. не совпадает с этой границей волости XVIII—XX вв. В XVIII—XX вв. Велижская волость занимала земли значительно южнее вниз по Двине, граничила на юге в основном со смоленским Поречьским уездом, и только незначительная часть южного рубежа примыкала к витебскому Суражскому уезду, недалеко от Суража. Следует отметить, что большинство исследователей (кроме Н. Н. Оглоблина) показывают южную границу Велижской волости в XVI в. (с 1503 г.) значительно южнее города Велижа, в трех-пяти верстах вниз по Двине, ближе к Суражу, видимо, соответственно с ее границами XVIII—XX вв. [18]. Однако мы видели, что документы XVI в. как российской, так польско-литовской стороны согласно указы-

---

[16] ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, лл. 326—326 об., 457, 458 об.; кн. 15, лл. 313—311, ВОИДР, кн. 24, СПб., 1856, стр. 15, 33; «Писцовые книги Московского государства. Писцовые книги XVI в.», кн. I, отд. II, СПб., 1877, стр. 432, 443; Сб. РИО, т. 71 стр. 656, 697—698, 702, 737, 741.

[17] АЗР, т. III, СПб., 1848, стр. 297.

[18] См. границу 1503 г. у Любавского, Натансона-Лескоого, а также советские исторические атласы и карты: «Атлас истории СССР для средней школы», ч. I, изд. 1—14, М., 1948—1959; карты — «История СССР», т. I. С древнейших времен до 1861 г., изд. 2, М., 1964; «Всемирная история», т. IV, М., 1958; «Очерки истории СССР (кон. XV — нач. XVII вв.)», М., 1955; «История Польши», т. I, М., 1954; «Historja Polski», tl cz. 2, Warszawa [1958]; настенные учебные исторические карты, издания ГУГК, 1960—1965 гг.; дореволюционные исторические атласы и др.

вают южную границу Велижской волости с Суражским поветом возле самого города Велижа.

По уставу Велижа 1585 г. поддаются определению и северные границы собственно Велижской округи (с Велижской волостью). В левобережье Двины от суражской границы, от речки Кривки Вышней граница округи шла по этой речке до Двины. Восточной границей самого города считался ручей Коневец. Далее в правобережье Двины округа Велижа ограничивалась ручьем Быховым, затем граница шла через Чермеский мох до речки Полоненки (Полонеи), от нее по сухому рубежу к речке Сотыне (Усотне), ею вверх до деревень Гривьи и Пушка-Камень в верховьях речки Кривки Нижней. Здесь уже опять проходила граница Велижской волости с Суражским поветом. Речка Велижка, ручей Быхов, речка Полонея, речка Усотня, деревня Грива и Пушка имеются на картах Генерального межевания. Деревня Пушка речки Полонея и Усотна названы на Военно-топографической карте, ручей Быховский обозначен на ней, но не назван (на нем показаны две деревни Быховы), о Вязменском мхе косвенно говорит река Вязмена — приток Каспли.

От болот у верховьев речки Кривки (Нижней) начинался велижско-усвятский рубеж. Эта западная граница Велижской волости подробно описана в посольских документах и XVI и XVII вв. Описание велижско-усвятского рубежа было представлено в материалах переговоров 1570 г. в списках границ польско-литовской стороны: от верховьев речки Кривки (Нижней), от велижско-суражского рубежа на северо-восток, оставляя к западу болота Подховицы, через Иванково-Кочаево селище и Давыдов полог до болота Великие Олесы, из этого болота речкой Полонеей вниз до озера Немикля, из озера Немикля рекой Холуницей (у русских также Немикля) вниз в реку Черместу (у русских также Сорочь, современная Усвяча), рекой Черместой вниз до устья речки Вели. Отсюда начинался рубеж Усвята с Великими Луками. По «досмотру» российской стороны выясняются расстояния между этими пунктами: от верховьев речки Кривки лесом 5 верст направо через усвятскую дорогу до селища Иванкова-Кочаева (в 15 верстах к западу от болота Подховицы — границы усвятско-суражской), далее лесом до Давыдова пологу 10 верст (в 15 верстах от усвятского села Замошья). Далее от Давыдова пологу до болота Великие Олесы 10 верст лесом (между Замощьем и Давыдовым пологом Липовый мох — на 10 верст). Далее речкой Полоней, вытекающей из болота Великие Олесы, вниз до озера Немикля — 10 верст, из озера Немикли той же рекой Полонеей (у литовцев Холуница) — 20 верст до реки Черместы (Сорочь) в 20 верстах выше впадения Усвячи в озеро Усвяче (в Усвятском поветре) [19].

Эта граница Велижской волости после Ямзапольского мира споров не вызывала, поскольку в связи с захватом литовцами всей Велижской волости она становилась границей внутренних областей Речи Посполитой. Во время межевания в 1634—1635 гг. она была проверена и совпала с границами, указанными литовцами в 70-е годы XVI в. [20].

Западная граница Велижской волости также сравнительно хорошо ложится на карту. Речка Полонея, озеро Немикля, реки Холуица, Усвяча и озеро Сороче имеются на картах Генерального межевания и частично в Атласе 1792 г. На картах XIX в. также сохранялись все речки, озера и болота порубежные в XVI в.: речка Полонея, Липовый мох, река Немикля, озеро Немикля, реки Холуица, Усвяча, Велья. Озеро Со-

[19] Сб. РИО, т. 71, стр. 656, 702—703; ВОИДР, кн. 12, стр. 34—35; «Писцовые книги XVI в.», стр. 443.

[20] ЦГАДА, ф. 79, 1634 г., д. 35, лл. 14—15.

роче уже не названо, хотя и помечено на картах XIX в. Можно определить местоположение селища Иваикова-Кочаева — две деревни Кочаево и два фольварка под таким же названием существовали во второй половине XIX в. как раз в направлении от верховьев речки Кривки к верховьям речки Полонеи (Военно-топографическая карта). Давыдов полог не обнаружнвается. Болото Великие Олсы на картах XVIII и XIX вв. не названо, но болотистые места в верховьях речки Полонеи показаиы на них отчетливо [21].

Зато северная граннца Велнжской волости явилась объектом наибольших споров, так как имеино здесь должна была бы проходить государственная граница, еслн бы Велижская волость признана была за Речью Посполитой. И нменно здесь литовцы вторглись в земли российских Великолуцкого и Торопецкого уездов.

На севере Велижская волость граничила с Плавецкой и Жнжицкой волостями Великолуцкого уезда и Нежельской волостью Торопецкого уезда. Следует иметь в виду, что с иачала XVI в. волости Плавецкая и Жнжицкая считались торопецкими, что было зафнксировано в перемирных грамотах, начиная с 1503 г. Однако во время переговоров в мае 1581 г. выясиилось, что эти волостн ие торопецкие, а великолуцкие. Когда они были переданы к Велнким Лукам — неизвестно, сказаио только, что «прн царе» (Иване IV). В писцовой книге Торопца 1540/1 г. волости Плавецкая и Жижицкая не числятся, но это нн о чем не говорит, поскольку книга сохранилась ие вся. В Ямзапольском договоре и последующих волостн этн записаны за Торопцом. Одиако в писцовых книгах Великих Лук 1584/5 и 1625—1627 гг. имеется описание обенх волостей. Да и в материалах переговоров после Ямзапольского перемирия и в межевых актах первой половины XVII в. эти волости считаются великолуцкими [22]. Остается предположить, что волости Плавецкая и

---

[21] Я. Натансон-Лески определял границу России с Литвой на усвятско-велнжском рубеже в 1503 г. по рекам Усвяче — Холуице — Полонее — Кривке (Лотынница?) («Granica Moskiewska w epoce Jagiellońskie»..., s. 94 и карта). Но поскольку у него Кривка отнесена значительно ниже по Двине от города Велижа, чем в три версты, то и западная граница Велижской волости отодвинута значительно южнее Велижа. Н. Н. Оглоблин, составляя карту Полоцкого повета XVI в., частично определил границу Полоцкой земли с Россией на основе данных «Тетради рубежей» Полоцкого повета от 1563—1570 гг. Оглоблин проделал большую работу по созданию карты целой земли Но как раз границы российской Велижской волости с литовскими Суражским и Усвятским поветами из-за недостатка сведений у него оказались показаны слишком общо и неопределенно, о чем писал сам автор. У Оглоблина точно определена только велижско-сурожская граница — по реке Кривке и начало велижско-усвятского рубежа — Иванково-Кочаево, далее он границу определять не брался (*Объяснительная записка*, кн. 3, стр. 46—50). Оглоблин не учел, что спор о разделе Полоцкой и Витебской земли во время Ливоиской войны шел между Россией и Литвой о том, по каким рубежам провести этот раздел: по усвятско-велижскому, старому российско-литовскому рубежу, как предлагали литовцы, или по усвятско-сурожскому, как настаивала Россия, захватившая Усвят. Оглоблин предпочел московский вариант границы раздела, т. е. показал усвятско-сурожский рубеж, и опустил сведения об усвятско-велижской границе, которые содержались в варианте литовской стороны. Тем самым он отказался от определения старого рубежа Витебской земли с российской Велижской волостью. У него есть неточности в определении отдельных пунктов XVI в.: болото Подховицы в верховьях речки Кривки он отождествляет, верно под вопросом, с болотом Липовым мхом, хотя, судя по картам XIX в., Липовый мох расположен значительно севернее, в левобережье речки Полонеи.

[22] ЦГАДА, ф. 79, кн. 12, лл. 266—266 об.; Литовская Метрика стр. 234, 261; «Торопецкая книга 1540 г.», — АЕ за 1963 г., М., 1964, стр. 277—357; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 244, лл. 972 об. — 1079 об.; кн. 600, лл. 783—840 об. Факт передачи Плавецкой и Жижицкой волостей из Торопецкого уезда к Великим Лукам отмечался и историком Торопца И. Побойинным, но он также не указывал, когда это произошло (И. Побойинн, *Торопецкая старина*, М., 1902, стр. 137).

Жижицкая были переданы Великим Лукам где-то в середине XVI в., но в перемирных грамотах по традиции записывались за Торопцом.

Границы Велижской волости с Плавецкой и Жижицкой очень суммарно описаны в образце перемирной грамоты от мая 1581 г.: от велижско-усвятского рубежа — озера Сороча к озеру Заронаю и отсюда до деревни велижской Прихабы, к которой сходились рубежи велижский, плавецкий и жижицкий [23]. В документах межевых съездов 1634—1635 гг. выясняются очень подробно захваты литовцев в этих волостях и старинные их границы с Велижской волостью.

Просмотрим сначала границу Велижской волости в правобережье Двины. В грамоте российского судьи кн. В. М. Ромодановского в Посольский приказ о ходе межевания в 1634 г. приводятся следующие показания старожильцев: «Той Плавецкой волости старой рубеж, почав от Невельского уезда, от ели, которая у речки у Комли у мху Чистика, речкою Комлею вверх до устья речки Железницы 2 версты. А речкою Железницею вверх до болота 7 верст, а болотом верста, а от болота речкою другою Железницею — Соротчица то же, вниз до озера Сороча верста, а озером Сорочем верста ж. И всего от речки Комли речками и болотом по меже 10 верст и озером Сорочим, а озеро Сороче все было Луцкого уезда.

А от озера Сороча по старому рубежу речкою Небылицею вверх к Небылицкому мху и от Небылицкого мху через мох Лучиновик сухим местом к Лугвину болоту. А от Лугвина болота Крутым ручьем Глиноватиком вниз к озеру Городному Болшому — 20 верст, идучи тою межею от речки Комли до озера Городня, налеве земля государева Луцкого уезду Плавецкие волости. А завладели тою землею литовские люди к городу Усвяту блаженные памяти при государе... Федоре Ивановиче, а ияое при царе Борисе. А направе земля королевского Усвяцкого уезду.

А владеют литовские люди и называют меж Лук Великих и Усвята рубеж собою, почав Плавеецкою волостию от устья речки Железинцы, Комлею вверх да через мох Зуинец, да речкою Каменою лавою вниз, да через озеро Ордосно, а от озера Ордосна речкою Летиницею вверх до озера Зароного 23 версты. А поперег тое земли, которую зашли литовские люди к городу Усвяту в одном конце — от речки Летиницы подле озера Зароного, а до озера Городного — 10 верст, а в другом конце поперег же — от речки от Комли речками Железницею и Сорочицею и болотом до озера Сороча и озера Сороча — 10 верст. А озеро Сороче все Луцкого уезда Плавеецкие волости. А ныие тем озером владеют литовскне люди к городу Усвяту.

Лутцкому ж уезду Плавеецкие и Жижетцкие волости старой рубеж с литовским городом Велижем был, по скаске старожилцов, почав от озера Городного Болшого ручьем Покорицею вверх до Милетцкого мху — 10 верст и со мхом. А от Милетцкого мху Темиым островом да ручьем Каменым вниз до речки Драгочихи верст с 5. А от устья Каменого ручья речкою Драгочихою вверх через Колодков мох да речкой Гродомиицею — Ракитка то же, вниз до озера Боброедова — 5 верст. Треть того озера Луцкого уезда Жижицкие волости, а две трети того озера Велижскне волостн. А от озера Боброедова Каменым ручьем вверх до Плохово мху, а от Плохово мху сухим местом до Хоминского мху Забежецким ручьем вниз к Двине реке, а от озера Боброедова до Двины реки — 10 верст и с озером Боброедовым.

И всего Луцкого рубежа Плаветцкие и Жижицкие волости с Велижем от озера Городиого Болшого речками и ручьями и мхами и озе-

[23] ЦГАДА, ф. 79, кн. 12, лл. 303, об. — 304 об.

ры до Двины реки — 30 верст... А завладели тою землею литовские люди к Велижу при царе Борисе.

А при царе Борисе завладели литовские люди и по се места владеют к Велижу, почав от озера Зароного речкою Каменкою — Речица то ж, до озера Греча — 2 версты, а озером Гречом — 2 ж версты. А от озера Греча речкою Зетеньею вверх мимо устье речки Дрогочихи да мимо озерко Полонье до озера Зетея 9 верст, а озером Зетеем по меже верста. А от озера Зетея речкою Сукиною вверх до озерка Черленого 5 верст. А от озерка Черленого сухим местом до озера Глисна верста. А от озера Глисна Крутым ручьем вниз... (разрыв) до Двины — 2 версты.

И всего от озера Зороного речками и озеры и сухими месты до реки до Глисны 22 версты, по та места завладели литовские люди к Велижу. А поперек тое земли, что завладели литовские люди к Велижу от старого рубежа, от Забежецкого ручья по Двине реке до Крутого ручья 13 верст. А в другом месте поперег же от Старого рубежа, от озера Боброедова, до озера Греча — 20 верст. А в другом конце поперег же от старого рубежа, от устья речки Покойцы до устья речки Гречицы — Каменка тож, 6 верст»[24].

Таким образом, в правобережье Двины граница Велижской волости с Великолуцким уездом прослеживается следующим образом. От границы Велижской волости с Усвятским поветом — от озера Сороча к озеру Б. Городно, через речку Небылицу, вытекающую из озера Сороча (озеро Б. Городно и речка Небылица указаны на картах Генерального межевания). Далее через болота — «мхи» Небылицкий, Лучиновик и Лугвино (все эти болота на картах XVIII и XIX вв. не названы), из которого вытекает ручей Крутой (Глиноватик, также не названный на картах XVIII и XIX вв.), этим ручьем в озеро Б. Городно. Всего от озера Сороча до Б. Городна 20 верст. Далее от озера Б. Городно ручьем Покорицей вверх до Милетского мху — 10 верст (ручей Покорица и мох Милетский на картах XVIII и XIX вв. не названы, на картах Генерального межевания есть озеро Митино, а на Военно-топографической карте — озеро Милютино несколько южнее озера Зароное, как раз как «межток» к озеру Б. Городному, как это описано у Паца). Далее ручьем Каменным, вытекающим из Милетского мха, вниз в речку Драгочиху — 5 верст и далее вверх ею через Колодков мох в речку Гродомишну (Ракитка), вниз речкой Ракиткой до озера Боброедова — 5 верст (ручей Камеиный-Каменец, речки Драгочиха и Ракитка и озеро Боброедовское указаны на картах Генерального межевания, на Специальной карте Европейской России они обозначены, но не названы, на Военно-топографической карте озеро носит название Доброедова). И, наконец, от Боброедова озера ручьем Каменным, затем через Плохов мох, Хомицкий мох Забежецким ручьем в Двину. Все расстояние от озера Боброедова до Двины — 10 верст (эти ручьи и мхи на картах не названы). Учитывая, что только треть озера Боброедова принадлежала Жижицкой волости, а две трети — Велижской, можно предполагать, что вытекающий из озера Боброедова ручей Рубежник и впадающий в Двину в этом районе другой ручей Рубежник (карты Генерального межевания) отождествляются с Каменным и Забежецким ручьями. Всего от озера Б. Городна до Двины по границе 30 верст.

Захваты литовцев в Плавецкой и Жижицкой волостях по грамоте В. Рамодановского 1634 г. определяются следующим образом. Часть

[24] ЦГАДА, ф. 79, 1634 г., д. 36, лл. 4—9; ср. 1637 г., д. 9, лл. 32, 97—98, 1645 г., д. 9, лл. 92—100.

земель Плавецкой волости была присоединена вместе с землями Невельского уезда к Усвяту (Невельская граница с Усвятом шла по речке Комле от ее устья у реки Ловати вверх до «мха» Чистика, где начиналась уже усвятско-великолуцкая граница). Литовцы в этом районе захватили невельские земли по Комле от устья до «мха» Чистика. Северная граница их захватов в Плавецкой волости шла далее вверх по Комле до ее истоков во «мху» Зуинце и далее на восток до речки Каменной лавы, впадающей в озеро Ордосно. От озера Ордосна по речку Лютинницу (Летиницу), ею до озера Зароное (Азарон). Литовцы захватили таким образом земли от «мха» Чистика до озера Зароное — всего в длину на 23 версты, в ширину от Комли до озера Сороча — 10 верст, и от речки Лютинице и озера Зароное до озера Б. Городно — также 10 верст.

К Велижу были присоединены земли Плавецкой волости к северу от старой границы по линии: озеро Б. Городно — озеро Боброедово — Двина до озера Зароное по системе речек и озер до Двины: по речку Каменку (Речица), озеро Гречо (2 версты), речку Зетеню (Зетея) — 9 верст, озеро Зетее (1 верста), речку Сукиу — 5 верст, озерко Черлено (Черное) — 5 верст, озеро Глисно (1 верста), Крутой ручей — 2 версты до Двины. Всего земель в длину от озера Зароное до Глисны на 22 версты, в ширину от озера Боброедова до озера Греча — на 20 верст, а вдоль Двины от Забежецкого ручья до Крутого ручья — на 13 верст.

Обращает на себя внимание факт большой достоверности сведений о границах, содержащихся в материалах межеваний первой половины XVII в. Показания этих документов совпадают с данными посольских книг XVI в. и писцовых книг XVI и XVII вв.

В Великолуцком уезде в 1583 г. Пац захватил земли в Плавецкой волости и в Невельском уезде: «А границу пишет от устья Комли реки, где впала в Ловоть реку, да тою Комлею рекою вверх в мох Зуенец, да в Великую грязь, да в Каменную лаву по Ордосно озеро, да на остров Липовой в реку Лютыницу, да в озеро Зароное, в Мелетчино озерко, в межток, в озерко Городное. А то воевода... Станислав Патца пишет, вступаяся в нашу землю в Лутцкой, в Невельской уезд через старой рубеж, та земля... за миого лет вотчина наша Лутоцкого и Невельского уезда», — писал тогда же воевода Великих Лук. В 1592 г. русские жаловались, что литовцы захватили земли в Плавецкой волости на реке Ордоснице. Литовцы сами позднее, в 1634—1637 гг., подтверждали, что земли на север от Велижской волости за Каменной лавой и в Прихабах, т. е. в Плавецкой и Жижицкой волостях, были захвачены ими еще при Стефане Баторие, хотя они отрицали принадлежность этих земель к российскому Великолуцкому уезду. «А которые земли называют государевы судьи завладелыми землями, что за Каменною лавою и в Прихабах будто Плаветцкие и Жижицкие волостей, и те земли искони вечные усвятцкие Сорчитцкие волости, а не Плаветцкие и не Жижицкие. Те земли прямые Усвяцкие ис тех мест, как король Стефан Усвят взял, не бывало от Усвята к Лукам Великим и ни х которому городу ни одново часу». В 1637 г. литовцы признавали, что границу по Каменной лаве они установили «сами, потому что та речка меж обоих городов Усвята и Лук стала на половинах». Именно на давность захвата литовцы ссылались как на основание принадлежности им земель в Плавецкой и Жижицкой волостях [25].

---

[25] ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, л. 671; кн. 22, лл. 139 об. — 139; 1634 г., д. 31, л. 98; 1635 г., д. 13, лл. 149—150; 1636 г., д. 10, лл. 3—4, 8; 1637 г., д. 9, лл. 26—32, 69, 74.

Сведения о территории, населенных пунктах, размерах угодий, захваченных литовцами в Плавецкой и Жижицкой волостях, приведенные в материалах межевых съездов 1634—1637 гг., взяты не только из показаний старожильцев, но и из писцовых книг Великих Лук 1584/5 и 1593—1595 гг. («93 и 102—103 гг.»), о чем имеются прямые ссылки в посольских документах. Книга 1584/5 г. сохранилась, книги 1593—1595 гг. не найдены, однако ссылки на них («книги писма и меры Михаила Вельяминова 102 году») есть в писцовой книге Лук 1625—1627 гг. Из этой последней выясняются захваты литовцев в Плавецкой и Жижицкой волостях в конце XVI в., до и после «писма Михаила Вельяминова 102 году при царе Борисе». Сведения об этих захватах в дипломатических документах 1634—1637 гг. и в писцовой книге 1625—1627 гг. совпадают [26].

Интересно, что захваты земель в Плавецкой и Жижицкой волостях литовцы оправдывали ссылками на то, что эти волости были даны на оброк русским служилым людям к Усвяту и Велижу царем Иваном IV в 1555/6 г. («А на завладелые земли Лутцкого уезду Плавецкие и Жижицкие волости, что завладели литовские люди к Усвяту, объявили литовские судьи грамоту государя... Ивана Васильевича... с его царскою печатью 7064 году, а в той грамоте написано имяно, те волости усвятцким и велижским жильцом даны на оброк») [27].

Интересно также, что после отдачи Велижской волости Речи Посполитой в XVII в. границы этой волости на севере были определены по линии захватов литовцев в конце XVI в. В акте межевания 1648 г. русско-литовская граница устанавливалась в этом районе от Двины, от устья Крутого ручья по этой же цепи речек и озер до озера Ордосна, речки Каменной лавы, речки Комли и ею в Ловать [28].

Эту границу Велижская волость сохраняла в XVIII в. С такой границей Велижская волость в 1772 г. была присоединена к России, о чем свидетельствуют карты Генерального межевания и Атлас 1792 г.

Далее граница Велижской волости в правобережье с Жижицкой волостью шла вверх по Двине от устья Двинцы (Двинки) до устья Жижицы и Торопы, т. е. до границ торопецкой Нежельской волости. Этот участок в XVI и XVII вв. споров не вызывал, поэтому не имеет подробных описаний. В материалах переговоров в мае 1581 г. называется только один, притом пограничный с Торопецким уездом пункт — устье реки Торопы на Двине. При межевании в 1635 г. рубеж был установлен в правобережье, вверх по Двине от устья Двинцы до устья Торопы. По писцовым книгам Великих Лук 1584/5 и 1625—1627 гг. видно, что земли и в левобережье Двины (село Огрызково) доходили до мест против устья Торопы — Жижицы (о чем далее) [29]. Следовательно, и в левобережье граница шла вдоль Двины на участке против устьев Двинцы — Торопы.

---

[26] ЦГАДА, ф. 79, 1634 г., д. 29, л. 37; д. 30, лл. 43, 54, 122; д. 31, лл. 90—91; 1636 г., д. 10, лл. 36—37, 52; 1637 г., д. 9, лл. 32, 58, 62, 98—99, 201—205, 259, 266—267; 1645 г., д. 8, л. 60; д. 9, лл. 122, 124, 142, 146; ф. 1209, кн. 600, лл. 796—827 об.

[27] ЦГАДА, ф. 79, 1634 г., д. 29, лл. 36—42; д. 30, л. 53; 1635 г., д. 13, лл. 147—148; 1637 г., д. 9, лл. 260—262.

[28] ЦГАДА, ф. 79, кн. 75, лл. 9—24 об. (Межевая запись от 23 сентября — 3 октября 1648 г. Луцкого, Пусторжевского и Псковского уездов с лятовскими городами Велижем, Усвятом, Невлем и др.); 1634 г., д. 35, лл. 16—17 (Межевая роспись Луцкого уезда с Велижем и Усвятом, присланная великолуцким воеводой кн. П. Ф. Репниным от 19 июля 1634 г.). Ср. у В. Годзишевского границу на велижско-великолуцком рубеже по Поляновскому миру (W. Godziszewski, *Granica polsko-moskiewska*, s. 51—52 и карта).

[29] ЦГАДА, ф. 79, кн. 12, лл. 303—304 об.; кн. 53, лл. 4—5.

Споры вызывал самый северо-восточный участок границы, в левобережье Двины, где Велижская волость граничила с Жижицкой (село Огрызково) и Нежельской волостью (Островна).

Литовцы после Ямзапольского перемирия захватили шесть деревень Островенского десятка Нежельской волости: Островну, Микулину, Родкину (Ровкино), Тимофеевскую, Окулину, Афанасьевскую, и вышли к озеру Белое. Дважды, в 1582 и между 1585 и 1593 гг., они захватывали великолуцкое село Огрызково. Сами литовцы в 1602 г. на одностороннем съезде определяли границы Велижской волости с Торопецким и Бельским уездами так: «рубеж промеж Торопца и Велижа к селу Огрызкову, Шаврину, Островну, где рубеж Торопецкие з Велижским зшелся... по реку Двину, речку Бунену и по озеро Путно, Вусочерт, по озеро Вусочерто и по речку Ельшу»[30]. Таким образом, литовцы доводили границу Велижской волости на северо-востоке до Двины.

Однако граница Велижской волости в этом районе в XVI в. до Двины не доходила. Островенский погост числился в Торопецкой Нежельской волости еще по писцовой книге 1504/1 г. Село Огрызково записано в писцовой книге Великих Лук 1584/5 г., а по выпискам из писцовой книги 1593/4 г., содержащимся в книге Лук 1625—1627 гг., земли села Огрызкова записаны в числе захваченных литовцами. Принадлежность земель Огрызкова и Островенского десятка России в XVI в. выясняется и по материалам межевых работ 1619, 1622 и 1634 гг.

В 1619 г. торопецкий воевода оценивал границу Велижской волости, проведенную литовцами в 1602 г., как явный захват российских земель. Литовские судьи Ю. Соколинский и А. Гонсевский «положили рубеж неправдою ж, один, не дождався великого государя... Бориса Федоровича... судей Меншого Волынского с товарищи, самовольством по Задвиие на Велижской стороне... И отдали государеву землю к Велижу село Огрызково, Островно по реку Двину, речку Бинену и по озеро Путно, Вусочорт и по речку Олшу. Ино и тогды клали рубеж государевою Торопецкою и Луцкою землею...». В наказе российским послам кн. В. П. Ахамашукову-Черкаскому в августе 1622 г. даются уточнения старых границ Велижской волости с Торопецким уездом и великолуцким селом Огрызковым: «А до Двины волость Велижская не доставала верст с 15 и болши, а были за Двиною от Велижские волости — Горопецкого уезду Нежельские волости Островенский погост да Лутцкого уезда село Огрызково з деревнями. А вступился в те волости... Александр [Гонсевский] неправдою». При межевании 1634 г. в наказе судье кн. П. Волконскому к этому добавлялось, что А. Гонсевский, «не дождався великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии судей Меншова Волынского с товарыщи, положил рубеж по Двину. А те волости назвал Велижским уездом. И в Белской уезд в г. Усачорт вступился не по правде». Российским послам был даже дан чертеж с указанием этих спорных земель и литовских захватов[31].

При межевании 1635 г. спорные земли Огрызково и Островенский десяток были уступлены Речи Посполитой и граница проведена по Двине. Такой она оставалась здесь и в XVIII в., что нашло отражение в картах Генерального межевания. Для XVI же века граница Велижской волости на севере в левобережье Двины прослеживается сравнительно

[30] ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, лл. 387, об., 388, 590 об. — 591, 665 об. — 666, 732 об., 761 об. — 762, 775; кн. 15, лл. 310—311; кн. 22, лл. 137—138; Сб. РИО, т. 137, стр. 172—173.

[31] ЦГАДА, ф. 79, 1619 г., д. 6, лл. 9—10, 12—13; 1622 г., д. 1, лл. 104—124; 1634 г., д. 23, лл. 40—60; ф. 1209, кн. 244, лл. 1022, 1079 об; кн. 600, лл. 827 об. — 840.; «Торопецкая книга», стр. 299.

(погоста) Огрызково. Село Огрызково есть на всех картах XVIII
X вв. К сожалению, писцовые книги Великих Лук 1584/5 и 1625—
гг. не позволяют определить точно границу земель села Огрызко-
ак как названные в них населенные пункты XVI в. — деревни и
ши села Огрызкова — на картах Генерального межевания и тем
на картах XIX в. не отыскиваются. Удается проследить только
е очертания границ села Огрызкова: на западе они доходили вдоль
ы до устья рек Торопы и Жижицы, причем крестьяне пользовались
кими землями и за Двиной непосредственно в устье этих рек. Опре-
ется ручей Березовый между устьем Торопы и селом Огрызковым [32].
Торопецкая Нежельская волость описана в писцовых книгах 1540/1
26—1628 гг. Однако из шести деревень, захваченных литовцами в
бережье Двины в конце XVI в., в этих писцовых книгах числится
ко одна деревня Островна, расположенная выше Огрызкова по
е на одноименном озере, через которое протекала Двина. Судя
ниге 1540/1 г., в Нежельской волости были земли и поселения на
Луком, еще выше по Двине, через которое также протекала
а, и на озерах Белом и Колодно, к югу от Двины. По книге 1626—
гг. в Нежельской волости описаны земли в Островне только по
е и на озере Луком. Это подтверждает, что земли в левобережье
ы были здесь захвачены литовцами. На картах Генерального ме-
ния есть кроме деревни Островны еще две из упомянутых дере-
захваченных литовцами: Тимофеева и Окулина, первая западнее,
ия — южнее озера Белого. На картах XIX в. деревни Островна и
ина уже не названы, деревня Тимофеева имеется. Озеро Белое
лодно показаны на всех картах XVIII и XIX вв. [33].
Таким образом, в XVI в. граница Велижской волости в левобе-
е Двины шла южнее этой реки, приблизительно в 15 верстах по
кам села Огрызкова от мест против устья рек Торопы и Жижицы
ее на восток южнее озер Колодного и Белого [34].
Остается восточная граница Велижской волости с российскими
ским и Смоленским уездами. К сожалению, описаний этой границы
XVI, ни от XVII вв. нет. Поэтому мы не можем сейчас показать
границу для XVI в. Можно указать территорию, на которую пре-
овала Речь Посполитая в конце XVI в. на востоке от Велижской
сти.
з документов межеваний 1635 г. выясняется только кусочек гра-
Велижской волости с Бельским уездом. Здесь граница шла по
е между велижской деревней Боевой (на озере Луком) и бельски-
еревнями Соловой и Шлыковой по речку Барловку [35]. Деревня Бое-
два села Саловы находятся на картах Генерального межевания и
артах XIX в. (территория смоленского Поречьского уезда). Де-
Шлыкова и речка Барловка не обнаруживаются.
ахваты литовцев в Бельском уезде простирались, как писал Пац
3 г., по речку Бинену, озера Путно и Вусочерт и реку Ельшу. Эта

---

[2] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 244, лл. 1007—1019; ф. 79, кн. 53, лл. 5—6; 1634 г., д. 29, 1635 г., д. 12, лл. 3—4.
[3] «Торопецкая книга...», стр. 299—300; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 8165, лл. 695 об. — 13 об. — 714, 741. «Писцовая книга Торопца 1628—1630 гг. представлена тремя ми (книги 522, 8165, 8166), однако все они сохранились неполностью, описание ьской волости имеется только в книге 8165.
[4] По линии захватов литовцев в Великолуцком и Торопецком уездах провел се- границу Велижской волости по Ямзапольскому миру Я. Натансон-Лески *a Stefana Batoriego*...).
[5] ЦГАДА, ф. 79, кн. 53, лл. 4 об. — 5 об.; 1635 г., д. 12, лл. 2—5.

территория хорошо ложится на карту: кроме речки Бинены, все эти объекты имеются на картах Генерального межевания и картах XIX в. Претензии литовцев распространялись на смоленские Щучью и Поречьскую волости, которые в 1583 г. Пац объявил Микулинской волостью. Границы этих земель он определял так: «поченши от границ волости Велижские к замку Суражскому и волости Микулинские прилучивши, т. е. по реку Ельшу, Ельшою в Красное, через бор Рытомля озера, а з Рытомля речкою Рытомлицею до Половья, а с Половья в Каспю, по другую сторону Каспли речкою Ветщею». У Паца названы на этой территории села: Варвачавское, Плаисково, Вятша, Аретова, Поречье Старое и Новое, Лужок в Лотове, Кошивичи. Смоленский воевода оценивал действия Паца как большой захват: «...в Порецкой волости... землю к Велижскому и Сурожскому уезду осваивают по реку Половью по одной стороне Каспли реки от Сурожика и от Витебска по Каспльское озеро и по пристань к реке Каспли на 100 верст Смоленского уезда. А поперег от Велижского и от Суражского рубежа от речки Хилиной до реки до Роковетцкого верховья на 70 верст»[36].

Границы этих претензий на карте ложатся следующим образом: от границ Бельского уезда несколько выше устья Ельши, по Ельше вверх до озера Ельша, далее, видимо, по современной реке Собше к Красному (деревня Красная на реке Собше, впадающей с юга в озеро Ельшо), далее через лес («бор Рытомля озера») к озеру Рытомлю (современное Рытое), из него речкой Рытомлицей (Рытовкой), в реку Половью, вниз по Половье в реку Каспю (несколько ниже впадения в Каспю реки Гобзы, в устье которой расположен был город Поречье) и Касплей вниз до границ Суражского уезда (город Сураж расположен в устье Каспли у Двины). Все эти реки и озера находятся на картах Генерального межевания в XIX в. Названные в документах XVI в. поречьские и щучейские села также отыскиваются на картах XVIII и XIX вв.: села Вятша, Аретово, Лужок — в правобережье Каспли, села Поречья и Кошевичи — в левобережье ее (Поречьская волость); щучейское село Плаисково (Плай) имеется на картах XVIII и XIX вв., село Варвачавское не обнаруживается.

Насколько далеко простирались литовские претензии в левобережье Каспли, судить затруднительно. Пац называл здесь границей речку Ветшу (Вятшу), впадающую в Каспю несколько ниже Половьи (верховья Вятши недалеко от города Поречья). Смоленский воевода в 1583 г. называл в числе земель, на которые претендовали литовцы, и озеро Каспю с пристанью, что значительно увеличивает территорию (70 верст вверх по Каспле от ее устья — по правому берегу и 100 верст — по левому). Ширину этой территории показать трудно, так как речка Хилина (правый приток Бороды, правого притока Каспли) обнаруживается на картах Генерального межевания и Военно-топографической карте, а речки Раковецкое верховье там нет.

О судьбе границы Велижской волости со Смоленским уездом также трудно судить. Осуществили ли литовцы свои намерения присоединить смоленские земли или нет, остается неясным. Российская сторона после 1584 г. о них вопроса не поднимала. В актах смоленской осады 1609 г. среди земель, подвергшихся нападениям литовцев, упоминаются и те, на которые они претендовали в конце XVI в.: села Аретово, Красное, Плаи (Плаисково). Следовательно, к началу XVII в. эти земли не

---

[36] ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, лл. 386 об. — 387, 417—421 об., 473—475 об., 482—483, 506 об. — 509; кн. 15, лл. 216, 227, 269—272; 1619 г., д. 6, лл. 12—13; 1622 г., д. 1, л. 115; 1634 г., д. 23, л. 54, 59—60.

были под властью Речи Посполитой. Но и в 1609 г. А. Гонсевский, велижский староста, указывал Шеину границу Велижской волости со Смоленским уездом также по рекам Ельше, Сопше, озерам Сопшу, Рытому, речке Рытовке, речке и озеру Острецно, рекам Половье и Каспле. Литовцы в 1609 г. так и захватили смоленские земли до рек Ельши, Сопши, Половьи[37]. В XVIII в. земли, захваченные литовцами в Бельском уезде, и те, на которые они претендовали в Смолеиске в XVI в., в состав Велижского уезда не входили. (Земли Бельского уезда в левобережье Двины и Щучья волость были присоединнены к Поречьскому уезду Смоленской губернии). Это заставляет сделать предположение, что в XVII в., когда Велижская волость, Бельский и Смоленский уезды были в составе Речи Посполитой, литовцы могли вериуться к старым границам этих земель. На такую мысль наводят и некоторые свидетельства XVII в.: в актах смоленской осады 1609 г. названы ручей Студенец и деревин на границе Смоленска с Велижем (Дубья, Гнилицы, Дубровка, Велени, Заболотье, Саки, Луги, Гусева, Березовка, Веретея), которые оказываются пограничными на этом рубеже и в XVIII в. (карты Генерального межевания). Во всяком случае следует обратить внимание на границу Велижской волости со Смоленскнм уездом XVIII в. (т. е. на границу, с которой Смоленская земля была возвращена России по Андрусовскому перемирию 1667 г.), возможно, она повторяет старую границу Велижа со Смоленском XVI в.[38].

Рассмотрение границ Велижской волости в XVI в. позволяет сделать некоторые выводы. Эта небольшая волость, имеющая важное стратегическое значение в войнах России с Речью Посполитой, оказала большое влияние на судьбы соседних с ней российских и литовских земель. Победа одной из сторон влекла за собой присоединение Велижа и изменение территории соседних областей. Мы видели, что границы Велижской волости XVI в. не совпадают с ее границами XVII и XVIII вв. и в иекоторых случаях можем объяснить это обстоятельство захватами литовцев в соседних областях в коице XVI в.

Большое значенне для определения границ XVI в. в Велижском районе имеют материалы межеваний первой половины XVII в., в которых содержатся сведения о границах XVI в. Сравнеиие границ Велижской волости XVI и XVII—XVIII вв. показывает, что межевание первой половины XVII в. является безусловно определенным рубежом в нстории русско-литовской границы. Изучая документы межевых съездов 1634—1648 гг., В. Годзишевский пришел к выводу, что границы, установленные после Поляновского мира, соответствуют позднейшим губернским границам XIX в.[39]. Этого нельзя сказать о границах пред-

[37] «Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг.», под ред. Ю. В. Готье. — сб. «Смутное время в Московском государстве», вып. 6, М., 1912, стр. 4—21.

[38] У Натансона-Леского велижско-смоленская граница 1503 г. также проведена очень общо: от Двины против устья Кривки (Нижней) на юг, не доходя до Каспли, далее круто поворачивая на северо-восток вдоль Двины вверх почти параллельно ее течению, немного не доходя до Межи (между Ельшой и Обшей), вероятно соответственно границам Велижского уезда XIX в. (J. Natanson Leski, *Granica Moskiewska...*, s. 94 и карта). Е. И. Кашпровский, определявший смолеиско-витебскую границу по перемирию 1522 г., высказал предположение, что смоленско-велижская граница XVI в. (которую он не изучал) по аналогии со смоленско-сурожской должна совпадать с границей XIX в. (*Борьба Василия III...*, стр. 264 и карта). Документы XVII в. — жалованные грамоты Сигизмунда III российским дворянам 1610—1612 гг. (АЗР, т. IV, СПб., 1851, стр. 320—426), книга пятерогубного сбора Смоленского княжества 1650 г. [ЦГАДА, ф. 145 (Приказ Княжества Смоленского), кн. 1], переписная книга смоленских дворцовых волостей 1670 г. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 853) не содержат исчерпывающих сведений о населенных пунктах и не могут поэтому дать возможность судить о границах XVI в.; они в общих чертах соответствуют границам XVIII в.

[39] Wł. Godziszewski, *Granica polsko-moskiewska...*, s. 45—79.

шествующего времени. При межевых работах после Поляновского мира была не только проверена почти вся граница, но она претерпела при этой проверке значительные изменения. Были разрешены территориальные споры путем уступок одной из сторон или обмена спорных участков. Было проведено выравнивание пограничной линии; во многих местах срезались или обменивались «клинья», вступающие в чужие территории. Поэтому часто границы, установленные после Поляновского мира, не совпадают с границами XVI в., что мы и видели на примере Велижского района. Следует иметь в виду поэтому, что для выяснения древних российских границ нельзя прямо пользоваться границами XVII — XIX вв. В каждом конкретном случае следует изучить историю границы определенной области и лишь с учетом этих исторических сведений можно использовать данные о границах XVII—XIX вв. для определения границ предшествующих времен.

А. Л. Хорошкевич

БЫТ И КУЛЬТУРА РУССКОГО ГОРОДА ПО СЛОВАРЮ ТОННИ ФЕННЕ 1607 г.

Без ветра дерево не шумит.
Без мысли человек не живет

Словарь Тонни Фенне
стр. 479

История древнерусских городов была одной из самых любимых тем исторических исследований М. Н. Тихомирова. Он знал и любил прошлое городов России, глубоко и проникновенно писал о них, и читатель его книг, посвященных прошлому русских городов, как бы дышит городским воздухом, разделяет высокие гражданские помыслы древнерусских городов, соучаствует в их ратных делах, соприсутствует при их обыденной жизни и становится сам причастным созданию замечательных памятников литературы и письменности, вышедших из-под пера древнерусских горожан. М. Н. Тихомиров вводит читателя своих книг в самую гущу классовой борьбы, потрясавшей города с XI по XVII в., борьбы, смысл, ход и направленность которой он так умело распознавал по скупым строкам летописей, актов и житий. Древнерусские города нашли в лице Михаила Николаевича Тихомирова талантливого исследователя, который проследил закономерности развития их от ранней поры возникновения среди сельской округи вплоть до XVII в., когда они стали очагами зарождавшихся буржуазных отношений в новый период русской истории. Расцвет русских городов в домонгольское время, возрождение их в XIV—XV вв., судьбы городов в составе Русского государства, вечевой строй, ремесленные и купеческие организации — все эти вопросы попали в сферу внимания М. Н. Тихомирова. Им нарисована общая картина городского развития, и если на этом огромном полотне остались кое-где подмалевки, то они касаются лишь его деталей и частностей.

Очень трудным для изучения был вопрос о быте древнерусских горожан. Однако М. Н. Тихомиров умело проанализировал редкие сообщения летописей, актовых материалов и путевых заметок иностранцев и включил яркие зарисовки городского быта в свои книги, посвященные Москве, Новгороду и Пскову [1].

Хотя письменные источники в последние годы все больше и больше пополняются археологическими материалами, извлекаемыми из древних слоев земли русских городов, по ним можно восстановить далеко не все стороны городского быта и особенно культуры [2].

---

[1] См. работы М. Н. Тихомирова: *Средневековая Москва в XIV—XV веках*, М., 1957; *Новгород в истории мировой культуры*, — сб. «Новгород. К 1100-летию города», Новгород, стр. 23—37; *Псковское восстание 1650 г.*, М., 1935 и др.

[2] См. Б. А. Колчин, *К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962)*, — КСИА, вып. 99, стр. 3—20.

Поэтому особенно важно пополнение письменных источников по истории древнерусского городского быта. Историки города в последние годы получили в свое распоряжение новый источник, богатый сведениями о древнерусском городе. Это немецко-русский словарь и разговорник, составленный неким Тонни Фенне в 1607 г. в Пскове[3]. Словарь содержит несколько разделов: собственно словарь, куда занесены русские слова, записанные по-русски (укажем, что этим словарь Фенне отличается от других ранее известных словарей — Парижского словаря московитов 1586 г.[4] и русско-английского словаря Ричарда Джемса[5]), их транскрипцию готическими буквами и соответствующие им немецкие термины, грамматическую часть, также наиболее обширную сравнительно с другими словарями (по размерам она не уступает даже грамматике Лудольфа 1696 г.[6]), и, наконец, разговорник. Разговорник включает целые русские фразы, по преимуществу записанные в транскрипции готическими буквами, которые могут пригодиться приезжему купцу в его общении с русскими и по торговым делам и в быту, причем раздел, посвященный торговле, самый обширный. Он так и называется «Как вести торговлю». В заключении словаря помещены пословицы, загадки и поговорки, несколько церковных текстов, русских и польских, образцы торговых писем (включены польские тексты середины XVI в.— 60-х и 70-х годов, причем они точно датированы) и числительные.

По полноте охвата материала, по его очень удачной систематизации, по широкому интересу к различным сторонам русской жизни словарь Тоини Фенне выделяется среди других словарей. Это объясняется, по-видимому, длительной традицией составления немецко-русских словарей, которая восходит к XV в.[7]. Словарь Тонни Фенне несомненным предшественником и образцом имеет словарь, приписываемый дерптскому бюргермейстеру конца XVI в. Томасу Шрове[8]. Этим и объясняется включение в словарь устарелых к концу XVI — началу XVII в. слов[9]. Пополнение словаря Томаса Шрове производилось самим Тонни Фенне, причем по разговорнику можно представить себе, как это происходило. «Пожалуи, успе, бацке, учитце мне по-вашум прямо говорить, да россуди мие русские слова, как бы было прямо», — просит немец. И слышит в ответ: «Яз тебе рад вказати и ростолковати прямо, как своему родному сыну, а ты возми на ум, незабуди, что яз тебе вказываю»[10] (стр. 197). К сожалению, трудно определить точно, какая часть словаря и разговорника составлена Тоннн Фенне, а какая принадлежит его предшественнику Томасу Шрове, установить местонахождение словаря которого в настоящее время невозможно[11]. Как бы ни разделялся вклад того и другого, нужно отдать должное не только им обоим, нем-

[3] «Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian», Pskov, vol. I. 1607, Ed. by L. Hammerich, R. Jakobson, El. von Schoneveld, Copenhagen, 1961.

[4] Б. А. Ларин, *Парижский словарь московитов 1586 г.*, Рига, 1948.

[5] Б. А. Ларин, *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса*, Л., 1959.

[6] Б. А. Ларин, *Русская грамматика Лудольфа 1696 года*, Л., 1937.

[7] С. М. Строев, *Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции*, М., 1841; П. А. Сырку, *Два памятника живого русского языка XVI в.*, — Изв. ОРЯС, т. II, СПб., 1897, стр. 1059—1067.

[8] М. П. Алексеев, *«Книга русского языка» Томаса Шрове 1546 г. и ее автор*, — сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», Л., 1951, стр. 103—112.

[9] См. А. Л. Хорошкевич, *Ремесло г. Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII века*, — сб. «Города феодальной России. Памяти Н. В. Устюгова», М., 1966, стр. 205—241.

[10] Приняты следующие правила передачи текста: в русском — выносные пишутся в строку, «ѣ» передается буквой «е», твердый знак в конце слова опускается, в соответствующих местах вставляется мягкий знак; в готической транскрипции русского текста сохраняется орфография Фенне (в другой транскрипции — Тённис).

[11] М. П. Алексеев, *Книга русского языка...*, стр. 103—104.

цам, задававшим вопросы, но и русским «учителям», дававшим на эти вопросы исчерпывающие ответы. Итогом совместной работы оказался словарь, который содержит массу сведений по истории русского и немецкого языка, по истории торговли, по истории города, русского фольклора и нумизматики. Естественно поэтому, что словарь в короткое время после своего издания привлек внимание лингвистов, нумизматов, историков торговли [12].

Настоящая краткая заметка посвящена тем материалам словаря, которые позволяют представить быт и культуру русского города конца XVI — начала XVII в. Разумеется, эти материалы освещают отдельные стороны русского города с разной полнотой. Иностранные купцы или их приказчики, а может быть и юноши, специально отправленные в Россию для изучения иностранного языка, в пределах русского города вращались в одной и той же среде купечества или подсобных рабочих, занятых в основном на транспорте. Естественно поэтому, приезжие сравнительно мало знали о быте ремесленников, еще меньше о быте феодальной верхушки. Знакомство же с торговыми людьми ограничивалось исключительно или почти исключительно деловыми вопросами купли-продажи. Зато в этом отношении словарь дает почти исчерпывающие сведения. Это и понятно. Пословица, занесенная в сборник бывшей Петровской галереи, метко объясняет: «Гость не много гостит, да много видит» [13].

Домашний же быт русского купечества был знаком иностранцам лишь поверхностно. Материалы словаря Тонни Фение, как, впрочем, и других словарей, до сих пор с этой точки зрения не изученных, дают несколько однобокую картину городских нравов. Нельзя ждать от данных словарей полной характеристики быта города. Однако те сведения, которые занесены в словарь, могут рассматриваться как точные, поскольку и словарь и разговорник содержат факты, изложенные в твердо устоявшихся языковых формах. Этим все словари, в том числе и словарь-разговорник Тонни Фенне, отличаются от субъективных записок иностранцев. Словарь — это не столько памятник, составленный иностранцем, сколько памятник, созданный коллективным творчеством русских. В связи с оценкой словаря нельзя не процитировать меткой характеристики, данной Б. А. Ларины м диалогам грамматики Лудольфа: «...в отличие от драматической литературы того времени они поразительно реалистичны, точны в языковой характеристике участников диалога и богаты верно подмеченными чертами нравов и быта той страны и эпохи, которую описывают» [14].

В словаре Тонни Фение предстает Псков начала XVII в., с некоторыми архаическими чертами. Чему приписать это — особенностям общего развития Пскова или особенностям сложения словаря, трудно сказать. М. Н. Тихомиров, давший общую характеристику Пскова начала XVII в., подчеркивал, что в Пскове этого времени сохра-

---

[12] Т. А. Сумникова, *Немецко-русский разговорник Тонни Фенне 1607 года* (Из рукописных фондов Королевской библиотеки в Копенгагене), — «Изв. АН СССР», серия лит-ры и яз., т. 23, вып. 4, 1964, стр. 348—351; В. М. Потин, *Термины русского денежного обращения в иностранных словарях XVI — первой четверти XVII века*, — «Тезисы докладов научной сессии, посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1964 г.», Л., 1965, стр. 29—30; А. Л. Хорошкевич, *Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII века* (к изданию словаря Тонни Фенне), — сб. «Международные связи России XVII—XVIII веков», М., 1966, стр. 35—57.

[13] «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков», М.—Л., 1961, стр. 25.

[14] Б. А. Ларин, *Русская грамматика Лудольфа...*, стр. 6.

нялись некоторые особенности, восходящие ко времени его независимости [15].

Вплоть до начала XVII в. Псков оставался на особом положении среди других городов России. В нем действовали, как, впрочем, и в Новгороде, органы самоуправления, давно уже ликвидированные в других городах. И пословицы, бытовавшие во Пскове в начале XVII в., вероятно, точно передавали положение дел: «Такова земля, такова праффду. Такова город, такова обычею. Толко люди, толко умофф» (стр. 476).

Несмотря на бурные события XVI в., двукратный вывод значительной части псковского купечества в 1510 и 1569 гг., губительную для Пскова осаду Стефана Батория в 1581 г., голод начала XVII в., воспоминания о котором были еще очень живы (так Фенне записал высказывание псковича: «Коли на сим свете голлотт, ино много люди с голлода примрут», стр. 225), Псков первого десятилетия XVII в. снова стал крупнейшим экономическим центром страны. Иностранцы, приезжавшие во Псков после Ливонской войны, в оценке размеров города были полностью единодушны со своими более ранними предшественниками, видевшими город поры его наибольшего расцвета. Автор дневника похода Стефана Батория на Псков сравнивал город с Парижем и утверждал, что равного ему по величине нет во всей Польше [16]. И. Д. Вундерер, побывавший там в 1592 г., писал: «Псков по величине, как полагают некоторые, равен Рнму, почти также могуществен и населен» [17].

Псков, еще в конце XV в. выступивший наследником Новгорода в области внешней торговли, и в конце XVI — начале XVII в. был главным торговым центром на северо-западе страны. Он снабжал ливонские и немецкие города продуктами русских промыслов и сельского хозяйства. С. Кихель в 1585 г. писал: «...Товары, ими отпускаемые за границу, суть: рухлядные меха куниц, соболей, рысей, лисиц и волков, также кожи воловьи, бараньи, лосьи, лен, пенька, сало» [18]. Часть этих товаров привозили во Псков купцы из других районов страны, часть туда доставляли сами псковичи, ведшие очень крупные операции на внутренних рынках страны. Так, в 1584 г. они отправились в Ярославль, чтобы закупить там все имевшиеся на рынке кожи и сало [19].

Более мелкие операции производили псковичи в ближайших к Пскову землях, например под Ржевом, где они скупали лен, конопляю и различный «мягкой товар», т. е. пушнину [20].

В обмен на русские товары через Псков в Россию поступали иностранные сукна и металлы. Особенно важна была торговля металлами: «медью и оловом и свницом» и «всяким товаром, что к ратному делу пригожается» [21].

Торговля Пскова с ганзейскими городами в конце XVI в. увеличилась после успешного посольства Захарии Мейера в 1586 г., когда

---

[15] См. работы М. Н. Тихомирова: *Псковское восстание 1650 года*, стр. 9—11; *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 33—345; *Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.*, — «Из истории социально-политических учений. Сб. статей к 70-летию акад. В. П. Волгина», М., 1955, стр. 181—189.

[16] «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова)», изд. О. Миллером, Псков, 1882, стр. 92.

[17] J. D. Wunderer, *Reise nach Russland*, — «Frankfurtischer Archiv», Bd. II, Frankfurt am Main, 1812, S. 212—222.

[18] Цит. по кн.: И. Ф. Годовиков, *Описание и изображение древностей Псковской губернии*, Псков, 1880, стр. 74.

[19] Сб. РИО, т. 38, СПб., 1884, стр. 240.

[20] ЧОИДР, СПб., 1890, ч. II, кн. I, стр. 14.

[21] Сб. РИО, т. 38, стр. 1024.

любекским купцам было разрешено платить половинные пошлины во Пскове [22] (что, впрочем, выполнялось не всегда. Так, в 1594 г. псковский наместник взыскал с них пошлину целиком) [23]. Старым традиционным товаром псковской внешней торговли была соль. Для торговли ею существовал даже специальный Соляной двор [24], где находилось 48 мест, «где соль кладут». Кроме того, под навесами вокруг Соляного двора также складывали соль и поскони. Судя по псковской лавочной книге 1585—1586 гг., существовало три вида торговли солью в Соляном дворе: здесь покупалась соль для собственного употребления, для вывоза из города и для продажи ее в собственных дворах в городе: «А емлют у торговых людей с ласту соли з двунадцати мехов со 120-ти пудов по 3 московки, по полуторе московки наместнику, а по другую по полуторе московки дворнику с казаки, да подымного с пуда, *которые люди соль купят*, по полутретьи московки, а которые люди *в отвоз возят*, и те дают с меха по 3 московки, а которые *псковичи торговые люди емлют соль к себе на подворье*, и те дают с меха по полуторе московки, а дворнику с казаки с ласту по полуторе московки» [25].

Однако в основном торговля происходила на псковском торгу, где было 40 рядов с 1142 лавками (по данным 1585—1586 гг.). На псковском торгу в конце XVI в. не было лавок, принадлежавших иностранным купцам. Вероятно, так же обстояло дело и в начале XVII в. И. Д. Вундерер сообщает о том, что он посетил «большой каменный дом под названием Pachmar, расположенный поблизости от замка, в котором иностранные купцы раскладывают свои товары, покупают и продают по заведенному обычаю» [26]. Может быть, этот каменный дом с загадочным названием Pachmar (не испорченное ли это «базар»?) находился на месте старого торга, выведенного в 1510 г. с площади около Михайловского собора.

В конце XVI — начале XVII в. многие псковичи ездили в ливонские города. В 1589 г. в Риге торговали одновременно Андрей Тимофеев, Андрей Коросоиский, братья и племянник Тимофея Семенова [27], печерский приказчик Иван Устюгов [28]. На рубеже XVI—XVII вв. группа из двадцати псковичей обратилась к Борису Годунову с жалобой на повышение проезжих пошлин в Ливонии [29]. Очень много иностранцев приезжали и во Псков. И. Д. Вундерер писал, что город наполнен иностранными купцами [30].

Проследуем за одним из таких приезжих гостей в его путешествии по городу — «кругум гарад» (um de stadtt, стр. 203). Псков начала XVII в. занимал огромную территорию. Он давно уже вышел за пределы стен не только Среднего, но и Окольного города, давно вошло в городскую черту Запсковье. В городе было много церквей. На их папертях сидели нищие, тянувшие чуть ли не хором: «Кормилице, асподине, даи христа для милостыну» (стр. 241). Но купец не слушает этих просьб. Он пробирается по шумным улицам, наполненным

---

[22] O. Blümke, *Akten der Hansischen Gesandschaft nach Russland im Jahre 1603*. Hamburg, 1903, Einleitung, S. 72—73.

[23] G. von Sartorius, *Geschichte der Deutschen Hansa*, Hamburg, 1830.

[24] Сб. МАМЮ, т. V, М., 1913, стр. 14.

[25] Там же, стр. 14—15.

[26] J. D. Wunderer, *Reise nach Russland*, S. 224.

[27] «Памятник дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными», т. I, СПб., 1851, стр. 1083, 1109.

[28] Сб. РИО, т. 38, стр. 1100.

[29] А. Л. Хорошкевич, *Из истории...*, стр. 35—36.

[30] J. D. Wunderer, *Reise nach Russland*.

самым разным и разноязычным народом. Здесь и плотник, спешащий с топором к очередному сооружаемому им дому, и замочник, относящий замок, только что сделанный им по заказу, и калитник, несущий новую партию «сум-калит», и мясник, зазывающий покупателя в свою лавку [31]. По-видимому, и в начале XVII в., как и в 80-е годы XVI в. [32], мелкие лавочки и скамьи, с которых торгуют розничные торговцы, были разбросаны по всему городу. Бирич (utröper) выкликает какую-то новость. На его громкий голос собирается толпа. И щеголь, хвастающийся своей обновкой (прозвище которого Фенне записал «чоголь», а перевел junker), и казаки с извозчиками, торопившиеся к вновь прибывшим ладьям с солью, такие же, как сам Фенне, гости, дворяне, почему-то названные Фенне, спутавшего их с «гулящими людьми», — веселыми подмастерьями (lustigk geselle). На минуту задерживаются и два конкурента: доктор и «волхва» [33]. Но вот голос бирича перекрывает шум бубна, звон трубы, рев медведя. Это идут скоморохи: игрец, бубеник, трубеник, смычник, дудник, думерник и гусельник (Bahrentracker, Spelmahnn, Trummensleger, Tummeter, Gigeler, Flöyter, Luttensleger, Harpensleger, стр. 54). Но иностранный купец проходит мимо, не вслушиваясь в скоморошьи погудки. Его внимание привлекает другая толпа бедно одетых людей, окруживших писца (стр. 39). Здесь и наймиты (поденные рабочие — dachlöhner), подворники (werdtt), страдники (arbeiter), приезжий в город «земляничин» (Landsmahnn, такого термина русские источники не знают, псковские летописи упоминают только «поселян») [34]. Все они оформляют и закрепляют письменно свои условия работы или кабалы у «жильцов» (inwahner) или «полатников» (borger). Пока немец еще не нуждается в их услугах и проходит мимо. Он устремляется за группой людей, преследующих «крадника» («татя», «вора», «deff»), и слышит замечание: «Привежи конь возле огорода да тать к столбу» (стр. 487). В азарте погони двое столкнулись. «Оцум ты мене пихаешь, лиян, да я терезв», — упрекает один другого (стр. 209). «Поди с пути да пропусти меие» (стр. 200), — просит другой.

Кое-как немец выбирается из группы преследователей татя и натыкается на новую процессию. Торжественно движутся игумен или игуменья столь многочисленных в Пскове того времени монастырей. Вслед за ними следуют черицы или черницы.

Немецкий купец тем временем значительно продвинулся к цели своего путешествия. Иностранец и его спутники проходят мимо разнообразных палат, которые Фенне называет каменными домами (stenhuse, стр. 94), в окнах которых поблескивали стекла. Пока немецкий гость ищет себе пристанища, попытаемся проверить, правилен ли перевод русского термина «палата» немецким словом («stenhuse»). Русские памятники более раннего времени знают много значений этого слова [35], однако такого значения, как у Фенне, в них нет. Ни археологические, ни изобразительные материалы не сообщают новых данных о каменном строительстве во Пскове в XVI в. [36]. Иностранцы же,

---

[31] Список ремесленников помещен в словаре на стр. 51—54. Подробнее см.: А. Л. Хорошкевич, *Ремесло г. Пскова...*

[32] Сб. МАМЮ, т. V, стр. 68—70.

[33] «Tonnies Fenne's Low German Manual...», p. 39.

[34] «Псковские летописи», вып. 2, М., 1955.

[35] И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, СПб., стлб. 1122—1124.

[36] Археологическими раскопками вскрыты в основном древнейшие сооружения Пскова. Об изобразительных материалах XVII в. см. «Сб. чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия», СПб., 1861. Приложение.

посещавшие Псков во второй половине XVI в., оставили противоречивые высказывания. С. Кихель объявил, что «все строение во Пскове деревянное», И. Д. Вундерер писал о каменных домах общественного назначения. Я. Ульфельд писал о церквах или жилых домах: «Все строение там каменное, богатое, которое городу многое великолепие придает украшением башен, белым железом крытых»[37]. Разошлись и мнения историков. Даже один из крупнейших дореволюционных знатоков Пскова Н. Ф. Окулич-Казарин утверждал, что прав Кихель и де лавочная книга, умалчивающая о каменных домах, подтверждает его правоту[38]. Однако ссылка на лавочную книгу вряд ли помогает прояснению вопроса — в ней упомянуто лишь небольшое количество гражданских сооружений Пскова, основная их масса — жилые помещения не попали в поле зрения писцов в 1585—1586 гг. Противоположного Окуличу-Казарину мнения придерживался М. Н. Тихомиров. Он полагал, что гражданское каменное строительство во Пскове началось ранее XVIII в.[39]. Его точка зрения была поддержана новейшим историком псковской архитектуры. Ю. П. Спегальский утверждал, что каменное строительство во Пскове временно прекратилось в 1569 г. в связи с большим выводом гостей из Пскова и возобновилось только в конце века[40]. С. Кихеля могло ввести в заблуждение то обстоятельство, что над подвальным и нижним каменными этажами возводились, вероятно, деревянные верха, в которых и располагались жилые покои псковичей[41]. Таким образом, можно утверждать, что Фенне был прав, переводя «палаты» словами «каменные дома». Любопытно, что в дневнике Р. Джемса, появившемся почти одновременно со словарем Фенне, но записанном не во Пскове, а в Холмогорах, слово «палаты» вообще отсутствует, хотя многие другие термины для обозначения частей дома есть и в этом словаре[42].

По словарю Тоини Фенне можно судить о том, что таких каменных домов во Пскове было довольно много. Владение каменным домом, по-видимому, было общим для всех состоятельных жителей города. Самый обычный немецкий термин «бюргер», обозначавший просто горожанина, Фенне считает синонимом русского слова «палатник» (стр. 39).

К одному из каменных домов немец и подходит, наконец, стучит в ворота и говорит подбежавшему холопу: «Пожалуи, пусти» (стр. 204). Тот отодвигает тяжелый засов и проводит просителя в сени (forhus, стр. 95). Дальше он его не пускает: «Мой господин опочивает, не смею его збудить» (стр. 381). Заслышав шум в горнице (dorutze banen), выходит и сам хозяин. Гость, уже не в первый раз приезжающий во Псков, объявляет: «Аще бог мене милует, здорово я к тебе приехал» (стр. 191). Пскович осведомляется, почему его так долго не было видно в городе. Немец жалуется: «Трясца леетница (?) мене четвертого году держалл да я до тих мест без промысла был» (стр. 243). Потом он просит разрешения остановиться у псковича на год: «Почуму ты даешь на год за ту полату»? (стр. 203). Они начинают договариваться о цене,

---

[37] Я. Ульфельд. *Путешествие в Россию. 1575 год.* — ЧОИДР, т. I, СПб., 1883, стр. 11.

[38] Н. Ф. Окулич-Казарин, *Новые данные по топографии и истории Пскова*, — «Тр Псковского археологич. об-ва за 1914—1915 гг.», вып. II, Псков, 1915, стр. 92.

[39] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 335.

[40] Ю. П. Спегальский, *Псков*, М.—Л., 1963, стр. 77.

[41] И. Рыльский, *Гражданское зодчество во Пскове*, — ДДП, т. VI, М., 1915, стр. 41.

[42] Б. А. Ларин, *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса*, стр. 69. Здесь упомянуты горница, чулан, сенн, подклеть, клеть, повалуша.

а мы тем временем попытаемся ответить на вопрос, почему немцам приходится пользоваться дорогостоящим гостеприимством отдельных псковичей. Немецкий гостиный двор в XV в. находился на Запсковье, на берегу реки Великой напротив Кузьмодемьянской церкви «с Примостья». Однако, судя по лавочной книге 1585 г., здесь уже не было двора. На месте его располагались поварни (пивная, винная, вощаная, сальная, мыльная) и просто пустыри [43]. Во второй половине XVII в., как показывает чертеж Пальмквиста 1673 г., немецкий или любский двор находился на Завеличье против Довмонтовой стены. Н. Ф. Окулич-Казарин предполагает, что перенос двора произошел во второй половине XV в. в связи с быстрым ростом города, когда Запсковье было обнесено стенами и вошло в пределы города, где иностранцам селиться запрещалось [44]. Вот тогда-то двор и был переведен на Завеличье повыше Иоанно-Предтеченского монастыря. Но во времена Фенне двор, по-видимому, не существовал вообще. Во всем словаре нет ни одного упоминания о нем. Разоренный, вероятно, в период Ливонской войны, он не был восстановлен вплоть до 1607 г. Приезжим немцам приходилось устраиваться в частных домах псковичей.

Договорившись о цене, иностранный купец располагается в обширных покоях русского. «Бацке, где мои горница?» — спрашивает он (стр. 203) и проходит в отведенный ему покой (kammer, стр. 95), а во двор тем временем въезжает извозчик, казаки снимают поклажу и укладывают ее частью в амбары, частью в повалуши (hoch kledtt, стр. 95), частью в погреба, куда вкатывают бочки с вином и пивом. И вина и пива немцы, пользуясь полученным в самом конце XVI в. правом торговать всяким питьем и пивом [45], привозили довольно много.

Сам гость начинает устраиваться на новом месте. Здесь в его распоряжение поступает малец, у которого немец спрашивает: «Кто твои набольник, ты сиротина, бог твоего отца и матерь взял» (стр. 224). Первым делом немец требует: «Емли веник да выпаши горница» (стр. 192) [46]. Если это зима, то дальше следует: «Принеси суха дрова да положи в пець, да доспе огонь дробрум [47] здесь доспе, здесь грязна студена» (стр. 192). Вот печь истоплена. «Заткин трубо, ино будет сдесь тепло» (стр. 192). Если же это лето: «Открои окна да прикрои оконцина стекольцета» (стр. 193).

Затем он начинает умываться. «Малиц, принеси циста вода, я рука мою» (стр. 191). «Леи вода с умевальнико» (стр. 192). «Принеси мие втеральник, я хощу руки терть» (стр. 192). Иногда немец вместо умывания идет прямо в баню — «мыльно» (stade, стр. 95) и долго парится (стр. 196), отдав перед этим распоряжение: «Выпери, смои мои рубашки цисто» (стр. 243).

После бани он возвращается к себе. Малец зажигает свечу, вставленную в «светильно» (dechtt). Начинается трапеза. «Поди пытай бацке аль мацке, есть пора обедать» (стр. 194). Малец стелит скатерть (стр. 194) [48], кладет на стол ложку, солонку, кружку (стр. 195), оловеник (timmeranne, стр. 97) [49]. Немецкий гость и во Пскове не изме-

[43] Сб. МАМЮ, т. V, стр. 10, 73.
[44] Н. Ф. Окулич-Казарин, *Новые данные...*, стр. 95.
[45] РИБ, т. XV, СПб., 1894, № 110, стр. 221—224.
[46] Ср. дневник Р. Джемса (стр. 181), «выметн, выпашн».
[47] Так в тексте, вероятно, «добым».
[48] Скатерти изготовлялись здесь же во Пскове. «Скатерти псковского дела» известны с 80-х годов XVI в. С. В. Бахрушин, *Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в.*, — Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 89.
[49] У Джемса (стр. 71) записано «оловини».

няет обычаям своей страны и запивает еду пивом: «Выполощи кружка циста да принеси пива» (стр. 195). Этот приказ он дополняет напоминанием не капать на землю («Не тощи на сень», стр. 195), заткнуть бочку («Заверни гвость крепка, добро пива не вытеце») и запереть погреб («Замкни погреб опять», стр. 195). Последняя просьба к хозяйке: «Мацке, выдаван масла», стр. 196, — и немец приступает к трапезе.

Первый хлопотный день окончен. Последние распоряжения мальцу: «загоси свецка» (стр. 193), «заложи дверь» (стр. 193), или «замкни замок» (стр. 194), и он укладывается спать со словами: «Даи господи мне здорово спать» (стр. 193). Однако на новом месте сделать это не так легко. Утром он объявляет: «Я больше десяти раз... обратился» (стр. 193), или даже: «Я в сеи иоць ницого не спал» — и начинает тормошить мальца: «Малец, ставан, пора есть, оцум ты лежишь толь долге» (стр. 193).

Приехав во Псков, немец одевается по-русски, в сапоги и «одноретку» (rock, стр. 194). Одни заказывают и то и другое здесь же, во Пскове, и потом жалуются портному: «Ты утеснил мои одиоретка» (стр. 225). Другие, уже не в первый раз прибывающие во Псков, привозят их с собой. Тогда им приходится выслушивать малоприятные комплименты по поводу своей одежды: «Ворса у твоей одноретка вытерлась» (стр. 225). Обувь обычно покупали готовую и жаловались потом: «Ступнеи мене ноги натерли», причем «ступия» в немецком тексте переводится просто — schue (стр. 236).

Приказав мальцу: «Вымети, выпахи, выцисти полато да даваи сим клюц» (стр. 402), купец отправляется в торг, а иногда к псковским городским властям, потому что немцы иногда приезжали в качестве послов своих городов. В грамоте, которую они привозили с собой, значилось: «Мы посылаем к вам нашего верного подданного, послушного, тайного и ближиего думца, поволи ево в наше место приняти и наше дела или готеиие поразумети» (стр. 265). Они хорошо знали последние события во всей Священной римской империи и оповещали об этом русских: «К цезарем римским на съезде на земном были фси корфисти» (стр. 267).

Эти послы, как всегда, были снабжены инструкциями укреплять добрососедские отношения между Россией и ганзейскими городами: «Потому как мы наше старои фкрепление как наши прародители с вами держали, неколи с вами не разрушили, разве готим тово слова ровкрепити, как будет пригож, чтобы фперод промежи нас некоторы помешаиие не было» (стр. 266). «Также просим мы как старои устафление присеганием или крестному целование поновити и без поручнои держати» (стр. 267).

Заодно немцы просили и о сохраиенни своих прежних торговых прав и привилегий. «Мы бьем целом и просим, цтоби нам буди постариного уставленого жалование, которого мы от твоих преродителех с старе иацале от лета до лета мели, и ты бы поволил, — обращались они к псковскому воеводе, — фперед тим нас пожаловати и вкрепити, штобы мы по тому могли быти, как мы то уповаем и надеемся, цто то нам не будет остафлен или отказен наших верноx слуга» (стр. 269).

Получив устные заверения в добром расположении к приезжим, иностранцы отправляются в торг. Сохранилось описание псковского торга 1585—1586 гг. В это время во Пскове существовало около 30 рядов. Богатейшими из них, судя по размерам уплачиваемого оброка, были Рыбиый, оба Мясных, Сурожский, Сапожный, Суконный и Однорядочный. В Серебряном, Соляном, Колпачном, Шапочном, Ведерном и Грешневом велась мелкая розничная торговля. В словаре Тоини Фенне

не указан ни один из этих рядов, кроме суммарного названия «торг», словарь не знает никаких других.

По словарю нельзя даже сказать, в каком из этих рядов, кроме Сурожского, Суконного, Котельного и Соляного, происходила торговля теми товарами, которые псковичи отпускали за границу, и теми, которые сами покупали у приезжих купцов. Зато словарь очень хорошо передает атмосферу этого крупнейшего в стране рынка. Дж. Флетчер сообщал, что в 1588 г. пошлина с псковской торговли была равна московской и в два раза превышала новгородскую [50]. Укажем кстати, что по словарю нельзя судить и о том, платили ли иностранные купцы пошлину во Пскове: в словаре и разговорнике нет об этом ни слова.

По словарю Тонни Феине можно воссоздать картину торгов [51]: и неторопливый и внимательный осмотр сукон, и быструю, немного спекулятивную продажу соли, и долгую возню около мехов со знаменитой на весь мир русской пушниной, и длительное установление цены на товары, кончавшееся далеко не всегда полюбовно, и уговоры промежинка-маклера. Торг как будто видится и слышится читателям словаря. Ссоры, уговоры, упреки в том, что кто-то не держит своего слова, «как стена». И все эти деловые разговоры перемежаются пословицами и поговоркамн: «Без деньги торг пуст» (стр. 352), «Без деньги никому не ометт товар купить» (стр. 245). «З словум и порожиа мошнум лихо заплатить» (стр. 478), «Наклад прикупу большой брат» (стр. 478), «Хвалетца товар продат, да хулетци товар купить» (стр. 478) [52].

Кто-то уже договорился о совместной покупке и просит: «Пожалуи, розруби ты наш долг, я ему за свою долю заплачу» (стр. 373). Кто-то упрекает не сдержавшего свое слово купчину: «В того человека ветреион язык, давно он посулил мне товар продать да нинеца иному продал» (стр. 359). Кто-то просит в долг: «Хоцешь ли меня деньгами обложить, я тебе истину заплачу да примка по полвинам» (стр. 384). Кто-то упрекает за попытки распорядиться чужим товаром: «Ты мне не наредник, что ты мою наречаешь, я без твоего нареду вмею то делать» (стр. 384). Другие, так и не договорившись, расходятся: «Как тебе любо, волан бог да ты, хошь купить аль не хошь, то ведашь ты, я не твои наредник» (стр. 318).

Богатые купцы строго блюли свою монополию в торговле с иностранным купечеством, упорно не допуская мелких торговцев к внешней торговле. «В мене есть продажнои чотири бумажиики да три гумутини, да две рогожины, да кожа вгорииа, тим товарум я великои купцина» (стр. 393), — самоуверенно заявлял какой-нибудь пскович, приступая к «великому товару». И слушал насмешливое: «Знаи ты хлеви гресть, гово товару не знаешь купить, тот товар не твои корм» (стр. 420). Ему назидательно объясняли: «С малыми кунами к великому товару не ходи, не дабываи себе сорума, ищи себе товару по своим кунам» (стр. 281).

Лишь некоторые из богатейших псковских купцов торговали в рядах. Судя по лавочной книге, только немногие владели лавками. Это Михаил Иванович Детков, благополучно здравствовавший и в бытность Фенне во Пскове [53], Алексей Семенович Хозя (Хозин), Юрий Афанасьевич, Степан и Иван Юрьевичи Иголкины, у которых

---

[50] Дж. Флетчер, *О государстве Русском*, СПб., 1906, стр. 57.

[51] Подробнее см. А. Л. Хорошкевич, *Из истории...*

[52] Пословицы словаря Тоинн Фенне и их значение для изучения истории русского фольклора должны послужить темой особого исследования.

[53] «Псковские летописи», вып. 2, стр. 268

было по нескольку лавок в Сурожском, Серебряном и других рядах[54]. О таких людях во Пскове говорили: «Тот человик добри богат, числа не ведает фф своих животов» (стр. 255). Еще точнее и образнее охарактеризовала их Псковская II летопись: в 1606 г., когда, вероятно, во Пскове был и Тонни Фенне, Василий Шуйский «прошал денег з гостеи славных мужеи и великих, мнящихся перед богом и человеки, богатьством кипящих»[55]. Эти «славные мужи» крепко берегли свое богатство. И на просьбу Шуйского собрали деньги «со всего Пскова, з больших и с меньших и со вдовиц по раскладу»[56]. Еще раз для простого люда города Пскова стала очевидной правильность занесеиного Фенне в раздел пословиц выражеиия, сложившегося, вероятио, еще в период присоединения Пскова к Русскому государству: «Князь велики берет[57] дань со фсеки овцы с звоеи земли» (стр. 251), выражения, в котором отчетливо отразилась позиция широких масс народа по отношению к налоговой политике великокняжеского, а позднее и царского правительства.

С богатейшими купцами города приезжие иемцы и ганзейцы торговали не только на торгу, но, по-видимому, в основном — у них или у себя дома. Долго они уговаривали друг друга зайти и посмотреть товары: «Ты доспеешь мне честь великую» (стр. 222), — убеждал псковнч немца. Наконец тот собирается. «Малиц, поди да чеши конь» (стр. 259). Потом запрягает коия[58], и иемец отправляется в путь верхом или на санях. Путешествие по узким псковским улочкам довольно затруднительно. Где-нибудь иа дороге немец обязательно столкнется с псковичом, и один из них будет просить: «Прафф к однои стороне да пропусти меня» (стр. 246). Другой с испугом смотрит, как близко соприкасаются саии, и молит: «Даи асподи иам здорово розъехатца» (стр. 222). Это им наконец удалось сделать. Немцу остается уже иедалеко до ждущего его в гости псковича. Но тут ему встречается другой знакомый по торгу купчина, который зовет: «Не проезжаи моего подворье и приезжаи, възъежжаи на подворье» (стр. 242). Немец с благодарностью за приглашение отказывается и продолжает путь.

На подворье его встречает хозяин и спрашивает: «Вирхом ты приехал аль на санях, телега» (стр. 232). Немец подробно рассказывает о своих злоключениях в дороге. Потом пскович усаживает гостя за стол и начинает его потчевать до тех пор, пока тот не объявляет: «Там добро доводно там пить, да есть полно» (стр. 237). Иногда после этого они отправляются осматривать товары, сложеиные в огромных подвалах купеческого дома. Заключаются и сделки. Нагруженный приобретеииями, немец отправляется восвояси. Пскович провожает его и говорит любезно: «Поди на правую сторону, ты мене старн» (стр. 233). Вскоре немец говорит: «Воротись, пожалуи, полна ты мене проводил» (стр. 226). Пскович возвращается домой, а немец продолжает путь, предаваясь воспомнинанням о только что виденном им изобилии русских говаров, доме и семье псковича. Впрочем, его представлеиия о семье были и остались смутными. Он видел только хозяйку. «В теи жонки лицо как сиек бело» (стр. 243). Успел спросить у главы дома: «Венчальная ль в тебе жона?» — по-видимому, уже прослышав, что далеко не все псковичи соблюдали церковные правила и брали себе жен без освящения брака церковью. И услышав утвердительный ответ, фило-

[54] А. Л. Хорошкевич, *Из истории...*, стр. 48—49, 35—36.
[55] «Псковские летописи», вып. 2, стр. 267.
[56] Там же.
[57] В тексте «бородам».
[58] Названия отдельных частей конской сбруи см. «Словарь», стр. 78—80.

софски заметил: «Кому ялось, тому терпеть» (стр. 478). На это псковнч поддакнул: «Женка не дышло[59], на стеиу не повесить» (стр. 476). Впрочем, он утешал себя домостроевскими правилами: «Надобь жонка в грозе диржать да слухая да мужа не бьют» (стр. 230). Семейный быт псковича мало интересовал немца. Ему приходилось иметь дело с другими женщинами. Хозяин, у которого жил на постое немец, замечал ему: «Тоскливо тебе одному сидеть» (стр. 241) — и знакомил его со сводницей или сводником, «ремесло» которых, по представленням и русских и немцев того времени, приравнивалось к любому другому ремеслу, уже без кавычек. Фенне занес «сводника» и «сводницу» в свой список ремесленников (стр. 59), как, впрочем, профессиональных «блудников» и «блудниц» — «друшника и друшницу». Сводники быстро выполняли просьбу немца, и тот хвастался своим собратьям по торговле: «Я потешался с красной деффка молода» (стр. 240). Во Пскове, повидимому, не было, как в Холмогорах, специальной улицы публичных домов[60], поэтому пристанищем ищущих развлечения псковичей и иностранцев были корчмы.

И на этот раз после посещения псковского гостя немец, вместо того чтобы идти прямо домой, завернул в корчму; из открытой двери на него пахнуло смесью всех виных запахов. «Цто здесь войнеет» (стр. 231), — пробормотал он и храбро шагнул внутрь. В корчме пир горой. «Коли в человека виная, пиффная цас, тогди в его други и брати» (стр. 471). Все пьющие приглашают вновь пришедшего. Однако тот отвечает: «Я человек не пьющии, не могу много пить» (стр. 231), — или даже резче: «То пнва дрожовато, мутно, мне не его пить не любе» (стр. 249). Более трезвые принимают его возражения: «Волнои пир корцма, хошь пеи, хошь не пеи» (стр. 246). Другие осыпают иноземца бранными выражениями. «Перестань, нишкни, сорум тебе такова слова молвить» (стр. 252), — урезонивают особенно разошедшегося. «Слово не стрела, сквозь не пройдет» (стр. 472), — возражает оскорбитель.

Немец уже собирается покинуть корчму, но другие уговаривают его. «Останься ты, пожалуи здесь» (стр. 229). Он соглашается и попадает в опасную переделку. В толпе гуляк его заметил купец, которому немец откровенно заявил на торгу: «Так яз слыхал, ты таково человек, которои не торгует да так ходит да посмотритт ффсякои товар да не купит ничово, таково человек зовут по начум ворушка да кабульннк» (стр. 389). Оскорбленный псковнч требует повторить сказанное утром. Немец, испугавшись, отказывается от своих слов: «Чур мене так сказать, яз того ни как жо не думалл» (стр. 229), — и поскорее выходит из корчмы, чтобы избавиться от опасного собеседника. «Лiюди худы богу не блюдутца» (стр. 475), — думает он по дороге. Приходит ему на ум и недавно услышанная русская мудрая поговорка: «В тати глази завистливи, руки грабущи» (стр. 240). Вскоре ему приходится и самому убедиться в ее правильности. На него нападают. «Обороии, отоими меня от его, он меня задавит» (стр. 251), — летит по опустевшим к вечеру улицам отчаянный крнк немца. Ему на помощь приходят люди. Однако нападавшего уже и след простыл. Но через несколько дней немец встречает его на торгу и начинает обвинять: «Ти мене бил да ограбил, отиял сорок сороков лисицы» (стр. 332). Немец решает начать тяжбу и поручает псковичу ее ведение. Тот обещает: «Яз твое орудие изорудую, да нзоруднвафф скажу я тебе ответие» (стр. 333).

[59] В тексте «лушла».
[60] Б. А. Ларин, *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса*, стр. 175.

Через несколько дней он действительно сообщает: «Яз того тати обличилл да поличное его вынелл, котори он в иего вкрал» (стр. 240). Теперь начинается хождение по судам. Забыв о русской пословице: «Не емли посула, да бесу душу не продаи» (стр. 299), немец пытается всучить взятку. Но он опоздал. Его опередил истец. Дело немца, кажется, проиграно. «Ворон ворону глаза не выклюет» (стр. 470), «Рука руку моет, ино будут обе чисты, таковоже друг другу любит, а бог обеих» (стр. 479), — вспоминает он русские выражения [61]. Но на суде он целует крест и выигрывает дело.

Покончив с этим, немец вновь возвращается к своему ремеслу и снова ходит в торг, но теперь уже ведет себя осмотрительнее и не задевает тех, кто кажется ему подозрительным.

Ежедневно вечером и русские и немцы подводят итоги торгов. «Не мешаи мне, коли я пишу» (стр. 199), — предупреждает каждый своего мальца и достает письменные принадлежности, наливает чернила («сернила») в чернильницу, достает «перие» из «перницы» (стр. 93) [62], распаковывает стопу (Riß) или десть (Boeck) и извлекает из них лист бумаги [63]. Хотя в это время бумага в обиходе и особенно в купеческом уже полностью вытеснила пергамен, все-таки немец знал его иазвание в форме «гараця», псковской модификации слова «харатья», — так оно занесено и в словарь Фение.

Ведя свои торговые книги, купцы крепко помнили правило: «Читаи да не очтись, пиши да не опишись» (стр. 364). Занеся новые сделки на страницы торговой книги, называемой у русских, правда несколько позднее — в середине XVII в., «записными книгами» [64], купцы приступают к разбору принесенной им за день с приказчиками и мальцами корреспонденции. Увидев неразборчивый почерк — «лабалу» [handtschrift (?)], купец говорит: «Наложи глазки на нос да гледи фф глазки, без глазкофф тебе ие видеть» (стр. 231), — и осторожно иадевает очки, еще не ставшие обычной принадлежностью плохо видевших людей и пугавшие своей иовизной и хрупкостью.

За разбором корреспонденции следует составление других документов: записки с краткими распоряжениями, которую Фенне называет «писок» (tzedell), письма другому купцу и официальной грамоты (schrift, breff). В случае отсрочки платежа и немцы и русские писали друг другу «кабалу»: «Я сроку тебе постафлю до Покрова, да опять даи мне кабала, и люди добри поруку, кому можна верить» «Напиши кабала да вели твоему поручнику тово потписати для фсякои притчи». Когда же долг уплачен, русский требует кабалу обратно и предупреждает: «Так не возьму, потпиши, что тебе моих долг дошли» (стр. 263).

---

[61] В словарь Т. Фенне занесены выражения, может быть еще не ставшие пословицами, но находившиеся на пути к этому. Вышеприведенное пословичное выражение в конце XVII — начале XVIII в. приобрело такой вид: «Рука руку моет, а обе хотят быть» («Пословицы, поговорки, загадки...», стр. 34), и только в XIX в. — «Рука руку моет».

[62] Термин «перница» неизвестен ни И. И. Срезневскому, не занесен он и в французско- и англо-русские словари конца XVI — начала XVII в. Не встречается он и в текстах, относящихся к обиходу переписчика книг, собранных П. К. Симони (П. К. Симони, *К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении*, — «Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченное из русских и сербских рукописей и др. источников XV—XVII столетий», М., 1906).

[63] O. Hase, *Die Koberger. Eine Darstellung des buchhandlerischen Geschäftbetriebes* Leipzig, 1885, S. 72.

[64] М. А. Дьяконов, *Акты, относящиеся к истории тяглого населения*. вып I. Юрьев, 1895, № 70, стр. 86.

Из приведенных отрывков следует, что купцы были грамотны и сами писали и подписывали грамоты. Мысль о широком распространении грамотности в русском городе даже раннего времени на основании берестяных грамот и других источников давно уже высказана М. Н. Тихомировым [65]. Он предположил даже, что в XVII в. русский посад уже активно участвовал в создании литературных произведений, и псковские повести начала XVII в. о крестьянской войне в России расценивал как новый вид литературы посадских людей [66]. Сведения Тонни Фенне немногим дополняют общую картину. Так, из контекста словаря явствует, что часть городского населения пользовалась услугами священников для написания или чтения различных документов. В разделе словаря, озаглавленном «О товарах для письма» (стр. 93—94), где речь идет, впрочем, не только о товарах, за терминами «прочитать», «подписать» следует слово «свещенниг», едва ли уместное в этом разделе, если не предположить, что именно он читал и писал грамоты.

Немец не часто имел дело с русскими официальными документами. Прежде всего ему была необходима «проезжая» или, по терминологии словаря, «провотная грамата», соответствовавшая немецкому «пасу» или «письму» — bref [67]. Приехав в Россию, каждый старался поскорее составить и духовную грамоту — завещание на случай своей болезни или смерти. Часто иностранным купцам приходилось писать и челобития — «салопница грамата».

В переписке с русскими немец соблюдает каноны русских посланий. Он адресует их «Тому розумену господину», «Тому честнейшему и высокоученому». Фенне записывает и заключительную фразу русских писем: «Мои службы с радением милостью божьеи и ффсе доброго ф передт» (стр. 264). Возможно, эти обращения и заключительная фраза попали в словарь Тонни Фенне из переписки времени Ливонской войны, когда были записаны и образцы польских писем, также приведенные в словаре Фенне (последние датированы концом 50-х — началом 60-х годов XVI в.).

В трудах и заботах проходил год, на который немец приехал во Псков. Ряды немцев редели и пополнялись снова. Уезжали «мальцы», присланные специально для изучения русского языка («Мои господин прислал ко мне грамату, да писалл да велилл мне домум ехать на Покрофф день да доле ие учица», стр. 200). Прибывали новые гости, новые ученики. Приходили корабли, нагруженные французской и немецкой солью, привозились новые сукна и металлы. Все чаще и чаще немцам приходилось обращаться уже не к купцам, а к другой прослойке городского населения — казакам и дрягилям, носильщикам. Как только прибывал корабль, немец посылал мальца: «Скочи да позови дрегилофф, котори соли фф мехн набивают» (стр. 427). А сам тем временем спрашивал у «кормиика»: «Есть ли в тебе дрегили, котори соль здымают, здынут» (стр. 427). Потом извозчики перевозят соль в погреба. Оттуда ее опять по мере надобности вытаскивают казаки. Опять немец посылает мальца: «Поди да зови казаки, пусть соль вывалят с погреба, ино я буду да клему» (стр. 426, см. также стр. 428). Закуп-

---

[65] М. Н. Тихомиров, *Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков.* ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 51—66.

[66] М. Н. Тихомиров, *Псковские повести...*, стр. 181—189.

[67] См. фрагменты словаря, составленного городским секретарем г. Ревеля Лаврентием Шмидтом, сохранившиеся в ревельских городских книгах. Здесь «проезжая» переведена «bref». P. Johansen, *Fragment eines niederdeutsch-russischen Sprachführers* (1551), — «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd XXIII, 1955, Hf. 2, S. 279.

ленный лен укладывают также казакн: «Поди дабуть мне казаки, котори лен фф беремена свежет» (стр. 413). Они же помогают при взвешивании куплеиных немцем товаров: «Поди да зовн казаки да вели им товар на скалвы возвесть, привесть» (стр. 344).

Казаки работали сдельно. «Что мне дать лен в беремена свезать?» (стр. 413), — раздумывал купец. Наконец спрашивал самих казаков: «Что вы возьмете за беремена свезать?» (стр. 413). Они уславливались об оплате, а потом казаки, закончив дело, долго требовали своих денег: «Даи нам могореч, как ты нам посулил» (стр. 413).

Казаки и дрягили составляли новую прослойку городского населения XVI — начала XVII в. Эти «вольные гулящие люди» кормились случайным заработком на транспорте или, если владели какнм-нибудь ремеслом, выполняли различные работы по найму. Такие «вольные люди» часто встречаются в актах тяглого населения, собранных М. Дьяконовым [68]. Иногда они называют себя «вольными работными людьми» [69]. Во Псков стремились отовсюду. Лукьян Васнльев «родом новгородец, а жил во Пскове в гулящих людях» [70]. Сидор Васнльев «вольнои во Пскове гулящеи человек, родом поморец, реместром портнои мастер и плотник» [71], как и многие другие, находил источники существования в этом крупном торговом городе. Некоторые удовлетворялись положением казаков и дрягилей, другие работали по найму. Григорий Карпов, псковнтин, «жил во Пскове у торгового человека у Григорня Усова в наймех» [72]. Во время восстания 1608 г. псковского воеводу П. Шереметева обвиняли в том, что псковичн «много делали на него без наиму» [73].

Новую прослойку городского населения — гулящих людей, казаков, мастеровых, работавших по найму, характеризовало, судя по материалам словаря Т. Феиие, ясное осознаиие особенностей своего положения — прежде всего отсутствия феодальной зависимости от кого бы то ни было. С большим чувством собственного достоинства они объявляли: «Оцум мне тебе блюстись, ты мне не наредник. Я свои волиои человек. Бог — мои асподарь» (стр. 254). Об этих людях говорили: «Тот человек добро волни: сам себе асподар, никому ие служит» (стр. 246).

Наверное, на следующий год эти казаки, вольные люди и мастеровые вместе с другими псковичами взялись за оружие, чтобы доказать и феодальным верхам города свое право на свободу и независимость [74]. Пока же в материалы словаря проиикли отголоски того идейного движения, которое подготовило восстание 1608 г. Прежде всего осознаиие себя особой прослойкой городского населения: «Смердум слыть мие не хочитца, — мог сказать каждый из них, — дворяиииум слыть — много надобе» (стр. 253). Судя по термину «смерд», потерявшему в начале XVII в. социальный оттенок, а сохранившему только презрительный (в словаре смерд переведен «деревенщиной, увальнем» — Plump-

---

[68] М. Дьякоиов, *Акты...*, вып. I, № 29, стр. 30, 1626 г.; № 6, стр. 6, 1627 г.; № 14, 15, стр. 13, 15, 1629 г.; № 19, стр 18, 1630 г.

[69] М. Дьяконов, *Акты...*, вып. I, № 48, стр. 48, 1649 г.

[70] РИБ, т. XV, стр 9.

[71] М. Дьяконов, *Акты...*, вып. I, № 36, стр. 38, 1646 г.

[72] РИБ, т. XV, стр. 3.

[73] «Псковские летописи», вып. 2, стр. 270. «А мастеровые люди даром делали на иего всякое рукоделие». Ерема Сыромятник в частности «на его много всякого рукоделья делал без наиму» (там же, стр. 267).

[74] Их настроеннe ясно отразили две повести о крестьянской войне. См. М. Н. Тихомиров, *Псковские повести о крестьянской войне начала XVI в.* ..., стр. 181—189.

kerll, стр. 39), возможно, что эта пословица или пословичное выражение возникло раньше, в XV, может в начале XVI в. [75].

И гулящих людей и городское купечество, чье экономическое положение меньше зависело от происхождения, нежели других категорий городского населения, объединяло одно — глубокое убеждение во всемогущей силе разума. «Колн человека ума, тогди и двора будет, да колн ума нет, тогди и двора нет», «Умом животи сводить, без ума потерять» (стр. 386), — говаривали в этой среде. Обычным для городского населения было выражение, утверждающее значение человеческого разума: «Без ветра дерево не шумит, без мысли человек не живет» (стр. 479).

В этих же кругах распространялось довольно скептическое отношение к монахам и церковнослужителям, наиболее многочисленной категории населения средневекового Пскова. В городе, да и во всей Псковской земле, церковное и монастырское землевладение сохранилось в таком же виде, каким оно было до присоединения Пскова к Русскому государству [76].

Об отношении крестьянского населения начала XVII в. к занятиям церковнослужителей можно судить по двум фразам разговорника. На вопрос: «Хочешь попум стать, яз тебе попум стаффлю», — следует отрицательный ответ: «Не хощу попум стать. Я хощу орать, борнувать, копать да сеять да хлеба дабувать» (стр. 253). Крестьянство начала XVII в. еще ценило свой труд и не спешило расстаться с ним даже ради легкого сравнительно с крестьянским способом добывания себе хлеба насущного, и не только насущного. Легкость получения поповской рясы, а вместе с тем перехода к обеспеченному существованию свидетельствует о том, что низшие слои духовенства в это время были близки к крестьянству и, вероятно, немногим отличались от него по культурному уровню.

Об отношении широких кругов городского населения к служителям культа выразительно свидетельствуют пословицы и в особенности сопоставление монахов с наиболее презираемыми слоями городских женщин [77]. «Б... б... и завидет. Старец старецу завидет» (стр. 474). Одновременно с этим бытовали и другие пословицы о монахах. «Старец старецу не любо» (стр. 469). Псков, славный своими традициями антиклерикальных выступлений, зло и ехидно осмеивал духовную пустоту этих отрешившихся от мира людей: «Одиому старецу за беду, что другои за двери стоит» (стр. 470). Трудно сказать, когда возникли эти пословицы. Возможно, они происходят из более раннего времени псковской независимости конца XV — начала XVI в., но их бытование во Пскове достаточно символично. Вспомним, что во время восстания 1609 г. псковичи более чем непочтительно обошлись со священниками: их пытали наравне с ненавистными народу боярами [78].

Следует отметить, что пословицы словаря Тонни Фенне гораздо более резко характеризуют служителей культа, нежели более поздние. Поэтому можно предположить, что они обязаны своим возникновением периоду бурного взрыва антиклерикальных настроений.

---

[75] Впрочем, вариант этой пословицы дожил и до петровских времен: «смердом жить не хочется, в дворянином не сможется», — «Пословицы, поговорки, загадки...», стр. 342.

[76] Н. Н. Масленникова, *Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству*, Л., 1955, стр. 134; Н. Н. Суворов, *Псковское церковное землевладение в XVI—XVII вв.*, — ЖМНП, декабрь 1905 — апрель 1907.

[77] Ср. Л. Н. Пушкарев, *Русские пословицы XVII века о церкви и ее служителях*, — ВИРА, т. VI, М., 1958.

[78] «Псковские летописи», вып. 2, стр. 272.

Постепенно распространялась идея равенства, пока равенства только перед богом. «Голы мы родились на свет да голы нам опять со света» (стр. 476). Возможно, эта идея проникла на посад в конце XV в., когда во Пскове, так же как и в Новгороде, стало распространяться в большом количестве списков знаменитое «Прение живота со смертью»[79]. В начале XVII в., в канун восстания 1608 г., эта идея была, как никогда раньше, актуальна. В унисон с «Прением» звучит одно из выражений словаря: «Господь бог хочет судит прямо, фф могила лежит много асподарофф и детини, посмотри, друг, которон асподарь, которои детин» (стр. 477). Попавшее в раздел пословиц[80], это выражение кажется прямо навеянным чтением «Прения».

Религиозные шатания были, по-видимому, еще совсем свежи в памяти псковичей. Косвенно об этом свидетельствует занесение слова «ересники» в словарную часть (стр. 37) и прямо — увещевания в разговорной «Не приман греха *опять* к себе, верн во единого бога отца вседержителя творца» (стр. 256). Вероятно, в данном случае речь шла или об отголосках ереси антитринитариев[81], или о ией самой, если предположить, что эта фраза была записана еще в XV в.

Наряду со свидетельствами о религиозных шатаниях словарь Фенне сохранил свидетельства о вере в бога большинства горожан. Упоминания о боге вошли чуть ли не в пословицы: «Не надеися ты ни на кого, надеися ты на бога» (стр. 233), «Поди во имя божие, с богом, бог тебе проводник» (стр. 233), «Сужусь я с тобои перед богом на ффторум пришествии» (стр. 235) и т. д. Для той категории людей, которые и в начале XVII в. сохранили веру в бога не омраченной никакими сомнениями, на равном положении с верой оказалось столь известное в русских публицистических сочинениях XVI в. понятие «правда»[82]. «Не надобь мне обороняться, бог мне оборонит да праффда» (стр. 230). Дважды занесена в разговорник пословица: «Правда да вера светлее солнца» (стр. 388, 478). Позднее, к концу XVII — началу XVIII в., из этой пословицы выпало упоминание о вере[83].

Нельзя не отметить характерной для купечества уже и более раннего времени (в частности, для Афанасия Никитина)[84] идеи религиозной веротерпимости. В то время как церковные деятели проповедовали идею религиозной исключительности, бесконечно вели антилатинскую полемику, в широких городских кругах, особенно связанных с торговлей, распространялись прямо противоположные представления. «Одного бога люди да не одиаго вера» (стр. 248). Еще яснее выражены устремления купечества в другом высказывании: «Коли у нас была вера одна, вес и мерка прямая да деньги добры, ино стоит хорошо на всем свете» (стр. 445).

С этими замечаниями разговорника Тонни Фенне в непосредственной связи находится диалог из грамматики Лудольфа, также, вероятно, происходящий из тех же торговых кругов, как и разговорник: «Безумно сердиться на человека, что он не самым обычием воспитан, как мы, прогневать ся на человека, что мысли ево не сходят ся с моими мыслями. — Однакожде ты видишь, что одна церква осуждает другую. — Ви-

[79] Р. П. Дмитриева, *Повести о споре живота и смерти*, М.—Л., 1964.

[80] Виной тому не только Тонни Фенне и его предшественники, не очень разбиравшиеся в филологических тонкостях, но нерасчлененность пословиц и пословичных выражений, находившихся на пути превращения в пословицы.

[81] См. А. И. Клибанов, *Реформационные движения в России в XVI — первой половине XVII вв.*, М., 1960, стр. 197—251.

[82] А. А. Зимин, *Пересветов и его современники*, М., 1958.

[83] «Пословицы, поговорки, загадки...», стр. 33.

[84] А. И. Клибанов, *Реформационные движения...*, стр. 367—383.

жу, а негде читаю, что бог нам власть подал друг друга осудить и к диаволу предавать»[85]. А еще через сто лет с небольшим В. Н. Татищев скажет: «...умному до веры другого ничто касается и ему равно, Лютор ли, Кальвин ли, или язычник с ним в одном городе живет, или с ним торгуется, ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товары, на его поступки и нрав, и потому с ним обхождение имеет»[86]. Таким образом, идеи веротерпимости, возникшие еще в XV в., множились и углублялись в идеологии русских горожан последующих столетий.

На этом обзор сведений словаря и разговорника Тонни Фенне о быте и культуре древнерусского города можно было бы считать законченным, хотя бы на время. В разговорнике содержится еще много материалов, нуждающихся в систематическом изучении, в частности пословиц. Большинство пословиц и пословичных выражений, приведенных Фенне, не известны ни одному другому сборнику пословиц XVII — начала XVIII в. Вышеприведенные пословицы и пословичные выражения, составляющие лишь небольшую часть имеющихся в сборнике, показывают, что псковское купечество (и широкие слои посада), из языка которого Фенне их заимствовал, было широко для своего времени образованным и мыслящим, разделявшим гуманистические идеи свободы и равенства, правда, свободы в пределах «божьего промысла» и равенства перед богом.

Дальнейшее изучение пословиц позволит, вероятно, пролить новый свет на причины их возникновения и место не только в русском фольклоре, но и в истории русской общественной мысли. Не исчерпан материал и непосредственно касающийся истории быта и материальной культуры, правда по более узким темам.

Несмотря на эти пробелы, настоящий обзор позволяет сделать вывод, что разговорник и словарь Тонни Фенне является важным источником по истории древнерусского быта и культуры, в особенности горожан.

---

[85] Б. А. Ларин, *Русская грамматика...*

[86] В. Н. Татищев, *Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ*, М., 1887, стр. 71

Б. Н. Флоря

КОМИ-ВЫМСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

В одной из своих последних работ, посвященных истории русского средневекового права, М. Н. Тихомиров специально указывал, «что русская мысль действовала, пусть в примитивном виде, и на севере России, а не была только уделом больших центров» [1].

Благодаря наблюдениям М. Н. Тихомирова и других советских исследователей теперь ясно, что это же положение может быть отнесено и к истории летописания XV—XVI вв., в развитии которого города северных русских окраин сыграли заметную роль.

Уже с конца XIV в. в Устюге Великом систематически ведутся летописные записи, а в начале XVI в. в городе был составлен общерусский летописный свод, в состав которого вошел и местный устюжский материал [2]. Этот свод лег затем в основу Устюжского летописного свода конца XVI в. [3].

В другом северорусском городе — Вологде в конце XV в. был также составлен общерусский летописный свод, в состав которого вошла владычная летопись пермских епископов последней четверти XV в. [4]. На протяжении конца XV — первой половины XVI в. на территории Вологодского края и Подвинья возникает целый ряд общерусских летописных компиляций, включающих в свой состав материал местных записей [5].

К этой большой группе памятников северорусского летописания, многие из которых были открыты лишь в последнее время, принад-

---

[1] М. Н. Тихомиров, *Правосудье Митрополичье*, — АЕ за 1963 год, М., 1964, стр. 43.

[2] Об устюжском летописании см. К. Н. Сербина, *Устюжский летописный свод*, — ИЗ, т. 20, М., 1946.

[3] «Устюжский летописный свод». Подг. к печати и ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950.

[4] М. Н. Тихомиров, *О Вологодско-Пермской летописи*, — ПИ, сб. III, М., 1940. Свод дошел до нас в составе так называемой Вологодско-Пермской летописи, — ПСРЛ, т. 26, М.—Л., 1959.

[5] А. А. Шахматов, *Несколько слов о Воронцовском историческом сборнике XVI в.*, — «Сб. статей в честь Д. А. Корсакова», Казань, 1913; Я. С. Лурье, *Краткий летописец Погодинского собрания*, — АЕ за 1962 год, М., 1963; Я. С. Лурье, *О неизданной Холмогорской летописи*, — «Исследования по отечественному источниковедению» (сб. статей, посв. 75-летию проф. С. Н. Валка), М.—Л., 1964; И. М. Кудрявцев, *Сборник конца XV — начала XVI века из Музейного собрания*, — «Зап. Отдела рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина», вып. 25, М., 1964. Местные вологодские записи второй половины XV в., по мнению А. А. Шахматова, обнаруживаются также в составе Типографской летописи — А. А. Шахматов, *Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.*, М.—Л., 1938, стр. 296.

лежит и недавно изданная, но еще не подвергавшаяся специальному изучению Коми-Вымская летопись [6].

Как видно из введения и послесловия летописи, ее составителем был «черный поп» Мисаил, строитель Архангельской пустыни на Усть-Выми, приступивший к работе в 80-х годах XVI в. «по благословению» вологодского архиепископа Антония (1586—1588 гг.). После смерти Мисаила летопись продолжал вести «благовещенский поп» Евтихий. Евтихий довел повествование до 1619 г., когда вологодский архиепископ Макарий запретил «малым попам» вести летописные записи [7]. Летопись, таким образом, писалась в Усть-Вымском городке, находившемся при впадении реки Выми в Вычегду. В XIV—XV вв. городок был резиденцией пермских епископов и играл важную роль в политической жизни края. В XVI в., после того как пермские епископы переехали в Вологду, «городок захудал и к нач. XVII в. представлял собой небольшое поселение, в котором едва насчитывалось 30 дворов» [8]. Городок оказался в стороне от новых путей, связывавших Приуралье с Сибирью, не был он и административным центром, но в религиозной жизни края продолжал играть известную роль. У довольно многочисленного клира усть-вымских церквей: церкви Благовещения и собора Архангела Михаила были свои «святыни», привлекавшие богомольцев, — гробницы пермских епископов XV в. (Герасима, Питирима, Ионы), впоследствии канонизированных. В начале XVII в. причт усть-вымских храмов усиленно стремился поднять их значение в глазах населения края. В 1607 г. над гробницами пермских епископов была поставлена икона с их изображениями [9], а вскоре стали совершаться и «чудеса» (первое — в 1609 г.), усиливавшие приток богомольцев на Усть-Вымь. Записи этих «чудес» делались при усть-вымских храмах [10].

В таких условиях было вполне естественным, что в среде усть-вымского клира в конце XVI в. был составлен летописный памятник, в котором, как мы увидим далее, уделялось особое внимание истории пермской епископии в XV в. Строитель Мисаил в введении к своему труду перечислил имевшиеся у него источники: по его словам, он использовал великокняжеские и царские грамоты, хранившиеся в «ларцах» Усть-Вымской Архангельской пустыни, а также те грамоты, которые он «распытал» в Вологде «на приказе» у архиепископа. Кроме того, он пользовался «житиями» пермских епископов XIV—XV вв.: Стефана, Герасима, Питирима, Ионы.

Сопоставление Коми-Вымской летописи с другими летописными сводами позволяет выявить и некоторые источники, о которых строитель Мисаил умалчивает.

Так, многие известия Коми-Вымской летописи второй половины XV — начала XVI в. совпадают с известиями Устюжского летописного свода.

Текстуальные совпадения с текстом Устюжского летописного свода обнаруживаются под 6933, 6946, 6958, 6973, 6975, 6989, 6991, 6994, 6996, 7013 и 7014 гг. [11].

---

[6] Под этим названием летопись известна в литературе. Издана по современному списку с копии XIX в. См. «Документы по истории Коми», — «Историко-филологич. сб. Коми филиала АН СССР», вып. 4, Сыктывкар, 1958, стр. 257—271 (далее — Коми-Вымская летопись); сведения о происхождении рукописи: там же, стр. 241 и 271.

[7] Там же, стр. 257, 271.

[8] См. М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 260.

[9] Филарет (Гумилевский), *Русские святые*, т. I, М., 1882, январь, стр. 133—134.

[10] См. рукопись конца XVIII в. — ГПБ, ОР, 01 № 326, лл. 39 и далее.

[11] В известиях 6926, 6961 и 7007 гг. совпадают лишь отдельные выражения, и они будут рассмотрены особо.

Сопоставление текстов показывает, что соответствующие записи переданы в Коми-Вымской летописи со значительными сокращениями. Так, в записи 6933 г. опущен поход новгородцев на Устюг «з двиняны», которые «не дошед города смиришася на Вондокурьи», а затем «разидошася». В записи 6946 г. опущена дата набега вятчан на Устюг — «на Троицын день».

В записи 6958 г. о казнях на Устюге опущено известие о том, как Шемяка «метал их (казненных. — *Б. Ф.*) в Сухону реку, вяжучи каменне великое на шею им» и что один из подвергшихся казни «на дне седя изрешись и выплове вниз жив», опущена и дата прихода Шемяки в Устюг — день Петра и Павла.

В записи 6973 г. о походе на Югру опущены отчества лиц, руководивших походом («Иван Скряба» вместо «Иван Васильевич Скряба», «Василий Вымской» вместо «Василей Вымской Ермолич»), опущено сообщение о том, что «пошла рать с Устюга месяца маия в 9 день», и не отмечено, что великий князь наложил дань «на всю землю Югорскую» и «Скрябу пожаловал».

В записи 6975 г. о походе на вогуличей опущено указание на число вятчан, участвовавших в походе — «120 чел.». В записи 6989 г. не сказано о том, что Андрей Мишнев ходил в поход с «шильники» и на «Великую Пермь», что во время похода «пограбили» на Каме не только «тюменских татар», но и «гостей».

В записи 6991 г. о походе на Югру опять опущены отчества воевод и целый ряд подробностей похода — что в бою на Пелыни было убито семь устюжан, что шли в Сибирскую землю «мимо Тюмень», что «пошла рать с Устюга маия в 9 день», а возвратилась на Покров.

В записи 6994 г. опущена дата нападения вятчан на Устюг — 18 марта, не сказано, что вятчане «у города (имеется в виду Устюг. — *Б. Ф.*) не были». При описании осады Осинова опущено, что вятчане стояли под городом «день и прочь пошли». Подробное описание происшествий, случившихся во время повторного набега вятчан на Устюг в том же году, также опущено и заменено краткой записью.

В записи 6996 г., слегка перефразировавшей соответствующую устюжскую запись, также опущены отчества воевод. Небольшие сокращения можно отметить и в последних записях, заимствованных из устюжского источника. В записи 7013 г. опущено отчество пермского князя — «Михайлович» и вся вторая половина известия от слов «сеи же бысть первый...» до слов «рать пришла». В записи 7014 г. не указано, что напавший на Пермь Кулук-салтан был «Ивака царев сын» и приходил «з братьею и детьми» и что татар настигли в Сылве «на перевозе».

В произведениях сокращениях можно отметить определенную последовательность: в Коми-Вымской летописи систематически пропускались даты, цифры, подробности событий.

К группе известий, содержание которых текстуально совпадает с записями Устюжского летописного свода, следует присоединить другую группу, где лишь наличие отдельных выражений или уникальных сведений, встречающихся только в Устюжском летописном своде, позволяет предполагать, что здесь использован этот источник.

Так, в записи 6926 г. следует отметить характерное для Устюжского свода выражение «Двинскую землю... воевати», в записи 6961 г. не менее характерное выражение «кокшаров посекл», которое соответствует выражению Устюжского свода: «кокшаров секл множество».

Отдельные выражения, восходящие к рассказу Устюжского свода, можно обнаружить и в записи 6979 г. о походе на Казань: это — указа-

ние, что в поход шли «ратью конною и судовою» и что стояли «под Казанью 5 дней».

Запись 6989 г. о взятии Вятки, несмотря на отсутствие текстуального сходства, содержит ряд уникальных сведений, почерпнутых именно из Устюжского свода: это — перечень жителей северорусских областей, участвовавших в походе, сообщение, что «москвичи и татары шли на конех, а другие на судех», что вятчане решили сдаться «убоящася, яко конечная гибель» (в Устюжском: «видячи свою гибель»).

Наконец, и в записи 7007 г. о походе на Югру также можно отметить характерное для рассказа Устюжского свода об этом событии выражение: «шедшу пеши зиму всю» (в Устюжском: «ходивше на лыжах пеши зиму всю»).

Рассматривая круг известий Устюжского свода, отразившихся так или иначе в составе Коми-Вымской летописи, можно отметить, что это главным образом записи о походах на Урал против вогульских князей, некоторые известия (первой половины XV в.) о взаимоотношениях устюжан с Великим Новгородом и о набегах вятчан на Устюг, а также записи о событиях, происходивших в Пермской земле [12].

Многочисленные записи о набегах казанских татар на Устюг и походах русских войск на Казань [13] в Коми-Вымской летописи почти не отразились. Таким образом, был произведен определенный отбор материалов, почему-либо интересовавших составителей летописи.

Вместе с тем сопоставления текстов показывают, что устюжские записи в составе Коми-Вымской летописи подверглись определенной обработке, целью которой было связать эти записи с историей Пермской земли.

Так, в известии 6933 г. о походе устюжан на Двинскую землю добавлено, что с устюжанами в поход ходили «вычегжане». В записи 6996 г. о посылке воевод для охраны Устюжской земли от вятчан также добавлено, что они должны были охранять и «вычегодцкие» места [14]. В других случаях обработка была более значительной. Так, в записи 6958 г. о казнях в Устюге казненные устюжане [15] превращены в «пермских сотников» и добавлено, что казнили также «и десятников» их, а выше, чтобы объяснить, почему «пермские сотники» оказались в Устюге, вставлено пояснение, что устюжане «призвали» для борьбы с Шемякой вычегжан и вымичей.

В записи 6946 г. о походе вятчан на Устюг прибавлено, что перед этим они «волости по Лузе и по Нижние Вычегды пожгли». В записи 6996 г. о походе вятчан на Устюг также прибавлено, что «Пермские людн сидели с великим страхованием от вятчан».

Впрочем, возможно, что здесь соединены с устюжским текстом записи какого-то другого источника.

В некоторых случаях старые, по-видимому, непонятные для читателя наименования составитель летописи заменяет современными ему терминами.

---

[12] Последние, однако, попали в Коми-Вымскую летопись не все: так, отсутствует в ней запись 7012 г. о пожаре Чердыни и строительстве великопермским князем Матвеем города на Покче.

[13] См. Устюжский летописный свод под 6954, 6976, 6986 гг. и др.

[14] Аналогичным приемом пользовался и один из составителей Устюжского летописного свода, вставляя термии «устюжане» в известия, почерпнутые из других источников («Устюжский летописный свод», стр. 263).

[15] Среди казненных упоминается Мина Жигулев — представитель известной устюжской фамилии. В источниках XV в. Жигулевы упоминаются неоднократно, — там же, стр. 252.

В записи 6946 г. вместо старого названия «Гледен» употреблено новое — «Устюг», в записи 6975 г. добавлено пояснение, что «пермяки» были «из Чердыни», под 6991 г. термин «пермяки» вообще заменен на «чердынцы».

Кроме дополнений и поправок, явно связанных с позднейшей обработкой (в Усть-Вымн?), в записях Коми-Вымской летописи можно отметить ряд мелких подробностей, которые не находят соответствия в тексте Устюжского летописного свода.

В записи 6973 г. добавлено, что великий князь положил на югорских князей дань «соболиную».

В записи 6975 г. по-иному сказано о судьбе пленного вогульского князя Асыки: в «Устюжском летописном своде» — «на Вятку привели»; в Коми-Вымской летописи — «и от Вятки упустили».

В записи 6991 г. отмечено, что в походе на Югру участвовали и «белозерцы», и указано имя плениого югорского князя — Молдан [16].

В записи 7014 г. о разорении Камского усолья «сибирским царем» прибавлено, что он «варницы пожогл, а црены разорив».

В ряде случаев, таким образом, Коми-Вымская летопись, очевидно, более точно передала общий источник ее записей и записей Устюжского летописного свода.

Это становится понятно, если учесть, что сохранившиеся списки XVII в. Устюжского свода восходят к оригиналу, переписанному после 1598 г., а составитель Коми-Вымской летописи, работавшнй в 80-х годах XVI в., пользовался более ранним списком.

Ряд известий Коми-Вымской летописи 1483—1499 гг. находит соответствие в Вологодско-Пермской летописи.

Текстуальное сличение показывает, что соответствующие записи в Коми-Вымской летописи переданы со значительными сокращениями и искажениями. Так, в статье 6992 г. о «приходе» вогульского князя Пыткея опущено содержание его просьбы: «чтоб государь смиловался, отпустил их в свою землю»; не отмечено, что Пыткей приходил «от всее земли Кодские и Югорские»; Владимир Григорьевнч Ховрин, «печалованием» которого были освобождены пленные югорские князья, превратился в «князя Володнмера Ковра» [17]. В записи о приходе посла от вогульского князя Юмшана не отмечено, что посланник был его «шурином».

В статье следующего, 6993 г. опущена дата «18 августа» и заключительная часть записи о переговорах с князем Юмшаном [18].

В той же статье опущена дата мира, заключенного с кодскими князьями, — 4 января.

В записи 6999 г. о поисках руды на реке Цильме опущена дата начала экспедиции — «2 марта», опущены имена и отчества детей боярских; грек «Мануил Илариев сын» (Мануил Ралев) в Коми-Вымской летописи назван «немцем».

При передаче записей Вологодско-Пермской летописи также подновлялись (или раскрывались) местные наименования: так, в записи 6991 г. вместо «пермич» в Коми-Вымской летописи поставлено «чердынцев»; в записи же 7007 г. этот термин раскрыт иначе: «пермячи» —

---

[16] Имя Молдана, возможно, было взято из пермской записи об этом событии, которая сохранилась в Вологодско-Пермской летописи.

[17] Составитель свода, по-видимому, перепутал Владимира Григорьевичв Ховрина с князем Владимиром Андреевичем Ковром, великокняжеским наместником Пермской земли в начале XVI в.

[18] См. текст Вологодско-Пермской летописи под 6993 г. от слов «князь же великий тогда жаловал...» до слов «а лиха от иего бывало и отца его миого».

это не «чердынцы» — жители так называемой «Великой Перми», а население собственно Пермской земли: вычегжане, вымичи и сысоличи.

Сопоставляя известия Коми-Вымской летописи с северорусскими записями Вологодско-Пермской летописи по составу, также можно констатировать, что в состав Коми-Вымской летописи не попали записи о деятельности пермского епископа Филофея в Вологде [19] и некоторые записи о событиях в Пермской земле [20]. Очевидно, и здесь был произведен определенный отбор материала.

В некоторых случаях в записях Коми-Вымской летописи обнаруживаются дополнительные детали, отсутствующие в Вологодско-Пермской. Так, в записи 6995 г. о мире с кодскими князьями как участники соглашения кроме упомянутого в Вологодско-Пермской «сотника» Алексея Козака в Коми-Вымской летописи указаны сотники Сидор Онкудинов, Кирос Устинов, Сенка Микитин.

Сопоставление с сохранившимся текстом соглашения — с «шертью» [21] показывает неточность сведений обоих источников. В действительности, в соглашении кроме Алексея Козака, «сотника вычегодского», участвовали Кирос и Сидор Онкудинов, однако последние названы не сотниками, а просто представителями вымичей и вычегжан. Сенька Микитин в «шерти» не упоминается. Пермские «сотники Алексей Козак, Кироска Устинов, Сидорка Онкудинов да Сенька Микитин» упоминаются в жалованной грамоте Пермской земле 1484/85 г. [22], откуда, вероятно, эти сведения и были заимствованы составителем Коми-Вымской летописи. Интересно, что сам текст грамоты дошел до нас в одном сборнике с Коми-Вымской летописью.

Следующее добавление читается в рассказе 6999 г. об экспедиции на Усть-Цильму. В конце статьи после распоряжения великого князя местному населению «давать ужина» участникам экспедиции следует текст, отсутствующий в Вологодско-Пермской летописи: «А на ужена князь великий пожаловал пермичов тони на устье Печоры реки от Болванские до Пустозерскне». Возможно, что и эти сведения были заимствованы составителем Коми-Вымской летописи из какого-либо документа, например великокняжеской жалованной грамоты на эти угодья.

Ряд дополнений к сведениям Вологодско-Пермской летописи имеется в статье 7007 г. о походе на вогулнчей. При перечислении жителей различных местностей, участвовавших в походе, в Коми-Вымской летописи отмечены «ярославцы», в походе также приняли участие кн. Петр и Федор Вас. Вымские, возглавившие отряд из 700 вымичей, вычегжан и сысоличей. Источник этих сведений неясен [23].

Кроме Вологодско-Пермской летописи и Устюжского летописного свода в распоряжении Мисаила имелся еще какой-то иной летописный источник.

В статье 6926 г. о походе устюжан и вычегжан на Двину сообщается, что против них выступили двиняне с новгородскими боярами

---

[19] Под 6999 г. — о том, как Филофей «иаехал» на епископню в Вологде, под 7001 г. — о присылке в Вологду пасхалии и о постройке Филофеем церкви Вознесения в своем «монастыре иа Вологде в слободке», под 7001 г. — о пожарах на Вологде.

[20] Под 6995 г. — о приезде на Усть-Вымь гонца с известием о взятии Казани, под 7001 г. — о поездке Филофея из Вологды иа Усть-Вымь, под 7002 г. — о страшном морозе в Пермской земле.

[21] С. В. Бахрушин, *Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII веках*, Л., 1935, стр. 86.

[22] АСЭИ, т. III, М., 1964, № 291-а, стр. 308.

[23] Согласно сведениям росписи, помещенной в Древнейшей разрядной книге, «ярославцы» в походе не участвовали, а входивший в состав войска кн. Семена Курбского отряд вымичей и вычегжан состоял всего из 500 человек (ДРК, стр. 25). Об участии в походе «сысоличей» говорится, однако, в записи Устюжского свода под 1499 г.

и их «сугнали до Устюгу, а город пограбили». Сообщение о разграблении новгородцами Устюга отсутствует и в Вологодско-Пермской летописи, и в Устюжском летописном своде: оно читается только в Новгородской IV, Новгородской V и Никоновской летописях.

В дальнейшем представляется возможиость определить этот источник точнее. В статье Коми-Вымской летописи 7007 г. о походе на Югру текст от слов «городы понмаша...» до слов «...князя великого» заимствован с некоторой перестановкой слов и сокращениями из летописной записи об этом походе, которая не читается ни в Новгородской IV, ни в Новгородской V, но имеется в Никоновской летописи.

Таким образом, третьим источником Коми-Вымской летописи, впрочем отразившимся в ней довольно слабо, был, по-видимому, Никоновский летописный свод середины XVI в.

Извлекая из текста Коми-Вымской летописи тексты, восходящие к Вологодско-Пермской и Никоновской летописям и Устюжскому летописному своду[24], получаем в остатке ряд записей о событиях XIV и XV вв., не находящих соответствия в других летописях. Если учесть, что при создании этого летописного свода, помимо чисто летописного материала были использованы, по сообщению его составителя, «жития» пермских епископов XV в. и актовый материал, можно предположить, что уникальные сведения Коми-Вымской летописи заимствованы из этих источников.

Проверим эти предположения, рассмотрев конкретный материал, содержащийся в выделенных записях.

«Очищенная» Коми-Вымская летопись начинается с группы из четырех записей, повествующих о различных событиях XII—XIV вв. В первой из них говорится, что кн. Всеволод Большое Гнездо заложил на устье реки Юга город Гледен. В 1212 г. недалеко от Гледена ростовский кн. Константин Всеволодович основал и укрепил город Устюг. Затем Устюг был отнят у него братом Юрнем[25]. Сообщение Коми-Вымской летописи о конфликте Ивана Калиты с Новгородом в 6841 г. говорит о событии, которое известно и другим летописям[26], но в Коми-Вымской этот эпизод изложен с сообщением ряда уникальных подробностей. Только в Коми-Вымской летописи говорится о том, что Иван Калита требовал «черный бор» с Вычегды и Печоры, как «выход» Ордынскому хану, и что его требования были удовлетворены[27].

---

[24] Учитывая, что, как установлено выше, в Коми-Вымской летописи ряд летописных известий пересказывался более или менее свободно, из состава Коми-Вымской летописи, чтобы иметь дело в дальнейшем лишь с бесспорно оригинальным материалом, следует извлечь не только известия, текстуально близкие к указанным летописям, но и такие, которые могли быть заимствованы из этих источников по их содержанию: это — запись о конфликте Дм. Донского с Новгородом в 6894 г., о поставлении Исаакия пермским епископом в 6906 г., о Новгородском походе 6979 г., о поставлении Филофея в 6980 г. пермским епископом и об уходе Филофея «на покой» в 7001 г. в Кирриллов монастырь.

[25] Запись явно подверглась более поздней обработке. За счет этой обработки следует отнести указание, что Устюг был основан «за четыре стадии» от Гледена. Ср. запись Коми-Вымской летописи под 6951 г. о том, что пермский епископ Герасим был убит «за неколико стадий» от владычнего городка. Более позднего происхождения и добавление в конце статьи, из которого явствует, что уроженцем Устюга был Св. Стефан, крестивший пермян.

[26] Об этом конфликте сообщается в современных событию записях Новгородской I летописи под 6840, 6841 и 6842 гг. Последующие летописные своды воспроизводят с некоторыми сокращениями записи Новгородской I летописи.

[27] В Новгородской I летописи говорится в общей форме о «закамском серебре», а об условиях мира в Новгородской I летописи вообще не сообщается.

Эта запись также не дошла в своем первоначальном виде, так как в конце ее помещено явно ретроспективное указание: «и с тех времян князь московскнй почал взимати дани с пермские люди».

В следующей записи под 6872 г. говорнтся, что Дм. Донской «взверже гнев» на ростовского кн. Константиna и отнял у него Ростов, Устюг и «пермские месты устюжские». Об этом эпизоде в других летописях сохранились лишь глухие намеки. Так, в кратком Ростовском своде второй половины XV в. под 6870 г. помещено сообщение о «нелюбье» между ростовскими кн. Константином и Андреем. Эту запись следует сопоставить с сообщением под 6871 г. Софийской I летописи, что в этом году приехал в Ростов кн. Андрей Федорович «ис Переяславля», а с ним Иван Ржевский «с силою»[28]. Только по указанию — кн. Андрей пришел «ис Переяславля» — можно догадываться, что Дм. Донской вмешался в борьбу ростовских князей, чтобы посадить в Ростове своего ставленника. Под следующим годом в кратком ростовском своде помещена запись: «кн. Константин поеха на Устюг».

Очевидно, в Коми-Вымской летописи этот эпизод изложен иначе, чем он вырисовывается прн сопоставлении показаний других летописей. Вместе с тем ясно, что сочинить сообщение о столкновенни кн. Константина с Дм. Донским на основанни имевшихся у него источников составитель Коми-Вымской летопнси никак не мог.

В последней из этой группы записей — под 6875 г. речь снова идет о «розмирье» Дм. Донского с Новгородом — событии, также нзвестном целому ряду летописей[29]. Однако и об этом событии в Коми-Вымской летопнси рассказано нначе. Если в других летописях подробно описывается ход конфликта и почти ничего не сказано об условнях мира, то в Коми-Вымской летописи о самом конфлнкте сказано очень кратко, зато отмечено, что Дм. Донской отнял у новгородцев Печору, Мезень и Кегролу.

Следующий за этнми записями летописный текст о «крещении» Пермской земли (статьи 6887—6892 гг.) довольно сложен по своему составу. В нем обнаруживается ряд дословных совпадений с житием Стефана Пермского, написанным Епифанием Премудрым.

Так, в статье 6891 дословно совпадает текст от слов «князю великому...» до слов «любляше издавна»[30]. В статье 6892 г. с житнем Стефана совпадает фраза «Создана бысть обитель его большая, потом епнскупна»[31], а затем описание уничтожения пермских «кумиров» от слов «кумирницы пермскии поганые...» до слов «на межах и на перепутьех»[32]. Краткие сообщения в той же статье 6892 г. об изобретении пермской азбуки и о том, как Пан-сотник «начаша претит» Стефану «лукавством и козни и угрозы», «но сам посрамлен», совпадают по содержанию с соответствующнми главами «Жития» Стефана: «О пренин волхва» и «О призвании и о веровании новых язык». Наконец, под явным влиянием «Плача пермских людей» из «Жития» со-

---

[27] Из Софийской I эта запись попала в Вологодско-Пермскую и (в очень сокращенном виде) в Устюжский летописный свод.

[29] Сообщение об этом событии содержится в двух вариантах: более кратком в Новгородской I, текст которой совпадает с Симеоновской, и более пространном (ряд дополнительных деталей) — в Новгородской IV и Софийской I летописях. Обе эти версии представляют собой новгородские летописные записи.

[30] «Житие Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым». Подг. к печати В. Г. Дружининым, СПб., изд. Археографической Комиссии, 1897, стр. 61 (далее — Житие Стефана) и Коми-Вымская летопись, стр. 259.

[31] Житие Стефана, стр. 23; Коми-Вымская летопись, стр. 259.

[32] Житие Стефана, стр. 35 и Коми-Вымская летопись, стр. 259—260. В Коми-Вымской летописи текст слегка перефразирован, добавлены отдельные слова.

ставлена запись о смерти Стефана под 6904 г.: «Како весть дошла до Пермские земли апостола, учителя, вожа, наставника не стало, разрыдася людие пермские, предася скорби вся пермская сторона».

Сведения, почерпнутые из «Жития Стефана» (уничтожение кумиров, спор с Паном-сотником), которые характеризуют деятельность Стефана до поставления в епископы, в летописи отнесены ко времени *после* его поставления [33].

Деятельность Стефана до поставления в епископы изложена в статьях 6887 и 6888 гг. по другому источнику, не совпадающему с «Житием Стефана». В тексте этих статей обращают на себя внимание местные географические указания: проповедь Стефана началась «на Пыросе и на Виледи»; об обращении нескольких пермян в христианскую веру «весть даша неверным людем по реке Вычегде, на место именуемое Вишера и по реке Выме», где жил Пан-сотник. Эти указания позволяют предполагать местное происхождение повествования. Главное место в нем занимает рассказ о строительстве «владычнего городка» на Усть-Выми. «Пермяне» во главе с Паном-сотником напали на Стефана и хотели его убить, но по молитве святого все ослепли. Тогда «пермяне» просили Стефана «о прозрении», обещая работать на него. Стефан исцелил их, и они построили на Усть-Выми вокруг кельи Стефана земляные укрепления, окруженные рвами [34]. В «Житии», написанном Епифанием, современником Стефана, взаимоотношения между Стефаном и пермянами изображаются иначе. Епифаний неоднократно упоминает нападения пермян на Стефана, когда они «смерть ему нанести хотяше», но столкновения не произошло, так как святой «не сваряшеся, не бияшеся с ними, но с кротостию слово божие проповедоша им» [35].

Уже после описания этих нападений Епифаний помещает рассуждение пермян о том, почему им не удается расправиться со Стефаном: Стефан, по их мнению, «обычай лих имать, еже не творит начало бою (т. е. не вступает в бой первым)... Аще ли бы дерзнул творити начало бнениа, то давно быхом... расторгнули его и с скоростию взят бы был от земля живот его» [36]. Таким образом, по мнению Епифания, Стефан спасся от своих противников благодаря своей кротости и нежеланию с ними сражаться.

Ясно, что с рассказом об ослеплении пермян Стефаном Епифаний не был знаком. Очевидно, в начале XV в. его и не существовало. Таким образом, рассказ о построении владычнего городка на Усть-Выми представляет собой местную пермскую легенду, возникшую в сравнительно позднее время.

Местные вставки обнаруживаются также в статье 6897 г., составленной в основном, как указывалось выше, из текстов Епифания. Среди них рассказ о строительстве Стефаном — уже епископом — церквей и монастырей. У Епифания содержатся лишь общие фразы о том, что Стефан построил многие церкви и монастыри [37]. В Коми-Вымской летописи, напротив, конкретно указывается, что Стефан построил в Усть-

---

[33] Отсюда определенные неувязки. Так, фраза «Жития» о поселении Стефана на устье реки Выми «идеже последи создана быть обитель его большая, еже потом и епископья наречена быть» вставлена в текст, рассказывающий о построении церквей Стефаном после возвращении из Москвы в епископском сане. Слова «идеже последи» в летописи отброшены, но конец фразы «потом епископья» сохранен в противоречии с окружающим текстом.

[34] Коми-Вымская летопись, стр. 258—259.

[35] Житие Стефана, стр. 25, 27.

[36] Там же, стр. 30.

[37] Там же, стр. 63.

Вымском городке Благовещенский собор и небольшой храм архангела Михаила и основал два монастыря на Вотче и в Яренском городке [38]. Этот текст может восходить к местным летописным записям, но может быть и записью поздних преданий, существовавших в среде усть-вымского клира.

В конце статьи 6892 г. имеется еще одно местное добавление: те, кто не захотел креститься, переселились «с женами и детьми» на Удору и Пинегу.

Начиная с 6893 г. в Коми-Вымской летописи идет ряд коротких записей, которые в основном не находят соответствия ни в «Житии» Стефана, ни в других летописях.

В записи 6893 г. отмечено, что «владыка» новгородский был раз-гневан тем, что митрополит Пимен «посмел... дати епархия в Перме, в вотчине святен Софии» и послал на Вычегду своих дружинников. Приглашенные Стефаном устюжане разбили их на Черной реке под Солдором. Далее под 6894 г. сообщается, что Стефан ездил в Новгород, урегулировал конфликт и был отпущен: «с милостню и дарами» [39]. Под 6897 г. сообщается о набеге некрещенных пермяков на Яренский городок, который был разграблен, а население перебито, а под 6900 г. — о набеге на Усть-Вымь вогуличей вместе с Паном: сказано, что они неделю стояли на Уруме (озеро на реке Вычегде), «к горотку не приступали» и, узнав, что на помощь Стефану идет устюжский «полк», ушли вверх по Вычегде.

Далее следуют краткие записи о поставлении епископом в Пермь Герасима (под 6926 г.) и о начале борьбы за «велнкое княжение»: «начал[а]ся распря великая на земле русской меж детьми великих князей Василья Дмитриевича и Юрья Дмитриевича, меж Васильем Васильевичем и Васильем Юрьевичем». Хотя указанная запись в Коми-Вымской летописи датирована 6940 г., т. е. 1432 г., в действительности в ней говорится о событиях 1434—1436 гг. [40]. Такая датировка начала борьбы «за великое княжение» характерна для жителя северных местностей, где начали интересоваться политическими событиями, происходившими в Северо-Восточной Руси, лишь тогда, когда с нападением Василия Косого на Устюг феодальная война придвинулась к ним вплотную.

Хотя инок Мисаил отмечал, что он пользовался «Житием» Герасима, однако о его деятельности в Вымской земле никаких сведений в летописи нет, а подробная запись об убийстве Герасима под 6951 г мало соответствует требованиям агиографического жанра: согласно этой записи, Герасим был убит «подьяками», т. е. низшими служителями клира, а причиной убийства был спор из-за угодий. Это сознавали уже в начале XVII в. В церковном уставе этого времени с записью о смерти Герасима глухо отмечено, что епископ «удушен бысть от своих домочадец», но о причинах убийства и о том, кто были убийцы, не говорится [41].

[38] Монастырь Афанасия «на Сысоле на Воче» упоминается в жалованной грамоте Пермской земле 1484/5 г. (АСЭИ, т. III, стр. 310), — о монастыре в Яренском городке сведений нет.

[39] Краткая заметка о том, что в 6894 г. «на великое говение» в Новгород приезжал Стефан Пермский, имеется в Новгородской IV летописи и в еще более сокращенном виде в Новгородской V и Никоновской: в этой заметке ничего не говорится ни о целях его поездки, ни о результатах переговоров.

[40] В 1434 г. умер Юрий Дмитриевич, а уже в 1436 г. Василий Косой попал в плен, был ослеплен и отошел от политической деятельности.

[41] «Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1909 год», СПб., стр. 84. По местным преданиям, записанным А. Михайловым (Усть-Вымь. Вологда, 1851), епископ был задушен слугой-вогуличем.

Начиная с 6951 г. идет большая группа уникальных записей. Под 6952 г. сообщается о поставлении в «епископы пермские» архимандрита Чудова монастыря Питирима и о крещении им пермяков на Вашке, под 6958 г. — о набеге вятчан на Усть-Вымь, под 6959 г. — о присылке Василием Темным наместников Ермолая и его сына Михаила Ермолича на Вычегду и на Великую Пермь, под 6960 г. — о том, как Шемяка «поймал» епископа Питирима по дороге на Москву и посадил его в тюрьму на Устюге, под 6963 г. — о поездке Питирима в Великую Пермь для крещения местного населения и об убийстве его вогуличами на обратном пути.

Записи, в которых говорится о деятельности епископа Питирима, можно сопоставить с «Житием» Питирима, сохранившимся уже в списках XV в. и изданным И. Я. Шляпкиным [42].

По сравнению с «Житием» круг сведений Коми-Вымской летописи о деятельности Питирима обширнее. Так, в «Житии» не сообщается ни о крещении Питиримом пермяков на реке Вашке, ни о его поездке в Великую Пермь для крещения местных жителей. К тому же выводу приводит сопоставление записей об отдельных событиях в «Житии» и Коми-Вымской летописи.

О событиях, происшедших с Питиримом в Устюге, в «Житии» говорится очень глухо: святой «за некую крамолу тамо сущих властель нестроенна многие претръпе и разграбленна священнаго его именна» [43]. Запись Коми-Вымской летописи под 6960 г. о том же событии гораздо конкретнее и подробнее: Питирима захватил по дороге на Москву Дм. Шемяка и «мучал», «метнув в темницу», требуя, чтобы епископ снял с него отлучение, наложенное на князя собором русских епископов [44].

В записи об убийстве Питирима вогуличами в летописи в отличие от «Жития» указано место убийства — «место зовомое Кафедраил на реце Помосе» [45]. Если учесть к тому же, что ни одно из событий в «Житии» Питирима не датировано, очевидно, что сведения «Коми-Вымской» летописи о Питириме возвести к «Житию» нельзя.

В записи о набеге вятчан под 6958 г. говорится о событии, о котором сообщается также в послании на Вятку митрополита Ионы [46]. В обоих источниках одинаково сообщается, что вятчане приходили «на Сысолу, на Вычегду, на Вымь» (такая формула для летописных записей необычна), в обоих случаях подчеркивается, что вятчане разоряли церкви, однако в той же летописной записи встречаются детали, которых нет в послании Ионы: о том, что вятчане «приступали» к городу на Усть-Выми, но не смогли его взять, и что стояли они «на месте Копанец, зовомой Вятской луг».

На сообщении об убийстве Питирима нить местных записей обрывается. Хотя нпок Мисаил и отмечает, что он пользовался «Житием»

---

[42] И. Я. Шляпкин, *Св. Питирим, Епископ Пермский.* — ЖМНП, 1894, № 3

[43] Там же, стр. 144.

[44] В «Житии» митрополита Алексия, которое могло быть известно составителю Коми-Вымской летописи, также глухо говорится, что Питирим «многая и лютая подъ-ах» от «некоего князя», который осквернил свои руки братоубийственной кровью (явный намек на Шемяку!), однако ни имя князя, ни время, когда это произошло, в «Житии» Алексея не указано. См. ГИМ, ОР, Синод. собр., № 948, л. 120 (за указание этого текста старшей редакции «Жития» приношу благодарность В. А. Кучкину).

[45] Текст записи здесь, по-видимому, испорчен: Кафедраил — река «на левой стране Вычегды» (АСЭИ, т. III, стр. 313); в то же время в жалованной грамоте 1490 г. епископу Филофею неоднократно упоминаются дворы, принадлежащие лицам по имени «Помос» (там же, стр. 312). Правильное чтение поэтому, вероятно, будет: «место зовомое Помос на реце Кафедраил».

[46] РИБ, т. VI, № 73.

преемника Питирима епископа Ионы, о деятельности этого иерарха в Коми-Вымской летописи не сообщается почти ничего; единственная запись о крещении Ионой Великой Перми обнаруживает большое сходство с записью об этом событии в Типографской летописи и, возможно, была заимствована из этого источника. В отличие от Типографской летописи в Коми-Вымской указано, что Иона крестил «Великую Пермь добавне» (дополнительно?) и окрестил также «княжат Михайловых» (в Типографской — «князя их»). Не упоминается в Коми-Вымской летописи о поставлении Ионой «игуменов», а этот момент отмечен в Типографской. Возможно, что составитель Коми-Вымской летописи использовал запись Типографской (других точек соприкосновения между этими двумя сводами обнаружить не удается), но внес в нее свои коррективы, сопоставив ее с предшествующими записями о поездке Питирима в Великую Пермь для крещения населения (под 6963 г.) и о посылке наместником в Великую Пермь князя Михаила Ермолича (под 6959 г.). Если Питирим уже обратил в христианство Великую Пермь, то Иона мог лишь окрестить дополнительно какую-то часть населения. Точно так же он не мог окрестить князя, уже носившего христианское имя Михаил, но мог окрестить его детей.

В дальнейшем уникальный материал обнаруживается в записях о событиях начала 70-х годов XV в. Так, в записи под 6979 г. о походе на Казань, отдельные выражения в которой, как указывалось выше, восходят к Устюжскому своду, имеется ряд деталей, не находящих соответствия ни в Устюжском своде, ни в Вологодско-Пермской, ни в Никоновской летописи. Это — указание на то, что Иван III приказал брату Юрию «идти на Казань с устюжаны, галичаны, белозерцы, вычегжаны, пермяки», а также сообщение о том, что кн. Юрий «к городу не приступал, ожидаючи белозерцев и чердынцев» и что чердынцы не пришли, так как «за казанцев задались».

В записи под следующим, 6980 г. в Коми-Вымской летописи помещено сообщение о походе великокняжеского воеводы Федора Пестрого на Великую Пермь. Подробный рассказ об этом событии имеется также в Никоновской летописи, откуда, возможно, и заимствован ряд фактических сведений (совпадает в обоих источниках перечень пермских «городов», взятых московской ратью, и перечень захваченных в плен пермских «воевод», которые в Коми-Вымской летописи названы «сотниками»).

Однако в той же записи имеется и ряд деталей, которые нельзя возвести к этому рассказу: это сообщение о том, что Федор Пестрый ходил в поход «с устюжаны, белозерцы, вологжаны, вычегжаны», мотивировка причин похода («пермяки за казанцов норовили, гостем казанским почести воздавали, людем торговым великого князя грубили») и указание в конце летописной статьи, что Иван III отпустил «на Пермь к княжити» попавшего в плен местного князя Михаила.

Следующая и последняя группа уникальных известий Коми-Вымской летописи относится к началу 80-х годов XV в. Это — записи под 6988 г. об убийстве вымичами своего князя Василия, под 6989 г. — о походе вогуличей во главе с кн. Асыкой на Великую Пермь и убийстве кн. Михаила[47] и о приезде в том же году писца Ивана Гаврилова, который «писал... луки вычегодские и вымские и сысолеиские и ударенские и владыки Филофея вотчину». Последняя из этих запи-

[47] Достоверность этого известия подтверждается записью в синодике Чердынского Иоанно-Богословского монастыря: «Князя Михаила Пермского, убит от вогуличь» (В. И. Голубцов, *Князья Великопермские, Пермские и Вымские. 1463—1641 гг.* — «Уч. зап. Пермской ученой архивной комиссии», вып. I, Пермь, 1892, стр. 75).

сей, впрочем, могла быть составлена на основании знакомства с материалами писцового описания.

Можно констатировать, таким образом, что записи, содержащие уникальный материал, встречаются в Коми-Вымской летописи довольно систематически на всем протяжении летописного повествования, охватывающего события XII—XV вв. Конкретное рассмотрение этих записей показывает, что помещенные в них сведения, за немногими исключениями, не были заимствованы ни из памятников пермской агиографии, ни из других известных источников. Это позволяет определить их как фрагменты неизвестной летописи, явившейся одним из главных источников изучаемого летописного свода.

О возможном месте составления летописи говорит само содержание фрагментов: все они (за исключением небольшой группы записей о событиях XII—XIV вв.) говорят о событиях, происходивших в Пермской земле, или таких, которые имели большое значение для ее жизни. При этом сообщаются различные мелкие подробности и географические наименования, интересные лишь местному уроженцу. С установлением места составления летописи определяется в значительной мере и вопрос о среде, в которой она составлена. Единственным центром, где могли вестись летописные записи в недавно христианизированной стране, была лишь резиденция пермских владык — укрепленный «городок» на Усть-Выми.

Теперь следует определить, в каком соотношении с этим пермским летописным текстом находится небольшая группа уникальных записей Коми-Вымской летописи о событиях XII—XIV вв. Эти записи явно не могли быть сделаны в Пермской земле, где, как известно, до конца XIV в. не было даже письменности.

Вместе с тем трудно предполагать, чтобы в данном случае составители Коми-Вымской летописи использовали еще какой-то особый источник. Вероятнее, что эти записи попали в состав свода вместе с пермским летописным текстом, с которым они, по-видимому, определенным образом связаны. Приглядываясь к составу этих записей, можно заметить, что все они посвящены по существу одной теме: распространению власти ростово-суздальских, а затем московских великих князей на земли русского Севера, находившиеся ранее в сфере влияния Новгородской феодальной республики.

В первых же записях сообщается об основании Всеволодом города Устюга, являвшегося, как известно, форпостом ростово-суздальского влияния на Севере. Далее сообщается, как Иван Калита получил право собирать «черный бор» с земель по Вычегде и Печоре: «с тех времен князь московский почал взимать дани с пермские люди». В следующей записи говорится о подчинении московским великим князьям Устюга. Наконец, в последней из этих записей снова говорится о распространении московского влияния на Севере. Дм. Донской отнял у Новгорода земли по Печоре и Мезени, «при этом люди пермские за князя Дмитрия крест целовали, а новугородцом не норовили».

Трудно предполагать существование особого источника, который состоял бы только из записей на определенную тему, разделенных между собой к тому же большими хронологическими перерывами. Вероятнее всего, записи представляют собой выборку из какого-то неизвестного нам источника, сделанную с целью обосновать права московских великих князей на русский Север вообще и Пермскую землю в частности.

Вряд ли такую задачу мог ставить перед собой составитель Коми-

Вымской летописи в конце XVI в.: к этому времени соперничество Москвы и Новгорода давно отошло в прошлое. Между тем в XIV—XV вв., до присоединения Новгорода, вопрос о государственной принадлежности Пермской земли был для пермской епископской кафедры далеко не безразличным. Как видно из сохранившихся в составе Коми-Вымской летописи и разобранных выше пермских летописных фрагментов, новгородцы в конце XIV в. выступали против создания епископии в Пермской земле, утверждая, что эта земля — «вотчина святой Софии» и должна находиться под властью новгородского архиепископа (запись под 6893 г.). В этих условиях обоснование прав московских великих князей на Пермскую землю было для пермских владык насущной необходимостью. Из какого-то, очевидно устюжского (Устюгу в указанных записях отведено большое место и особо сказано о его основании), источника были выбраны определенные записи, соединенные затем с текстом пермской владычной летописи.

В тексты этих записей уже тогда или впоследствии могли делаться вставки, чтобы ближе связать их с историей Пермской земли [48].

Проведенные выше наблюдения над тем, как составитель Коми-Вымской летописи использовал свои источники, позволяют предполагать, что при включении в состав летописного свода записи пермской владычной летописи также, вероятно, подверглись искажениям и были сильно сокращены, а местные названия подновлены [49].

Находка в числе источников исследуемого свода фрагментов Пермской летописи позволяет несколько уточнить взаимоотношения между Коми-Вымской и Вологодско-Пермской летописями. Возможно, записи Коми-Вымской летописи, совпадающие с соответствующими текстами Вологодско-Пермской, заимствованы не из этой последней, а непосредственно из их общего источника — Пермской владычной летописи.

Существенно, что нить пермских летописных записей прослеживается в Коми-Вымской летописи не только до 1483 г., с которого в Вологодско-Пермской летописи также начинаются местные записи, но и после 1499 г., на котором местные записи Вологодско-Пермской обрываются.

Так, уже под 7007 г. помещена отсутствующая в Вологодско-Пермской летописи запись: «Зимы тое убиен бысть князь Петр Вымской», под 7010 г. — запись о том, что Иван III велел его брату Федору «правити на Пусте-озере волостью Печорою, а на Выме не быти» и т. д.

Местные записи Коми-Вымской летописи XVI — начала XVII в. нуждаются в специальном изучении.

---

[48] Такими вставками, возможно, являются особые упоминания о «пермских людях» в записях 6841 и 6875 гг.

[49] За счет позднейшей правки следует, вероятно, отнести выражение в статьях 6959 и 6963 гг., — «В «Великую Пермь» ив Чердыню» и упоминание о «чердынцах» в статьях 6963 и 6979 гг., тогда как в других записях Коми-Вымской летописи по отношению к населению «Великой Перми» сохранено название «пермяки».

И. А. Жарков

ИЗ КАКИХ КРУГОВ ВЫШЛА ЛЕТОПИСЬ О МНОГИХ МЯТЕЖАХ

Новый летописец, возникший около 1630 г., послужил основой для многих исторических сочинений XVII в., которые включали его в свой состав, обрабатывали его текст, дополняли сведения за последующие годы. Среди этих сочинений видное место принадлежит Летописи о многих мятежах, дошедшей до нас в девяти списках. Опубликованная впервые в 1771 г. М. М. Щербатовым, Летопись о многих мятежах с того времени не раз привлекала внимание историков, которые исследовали ее взаимоотношение с Новым летописцем, время и обстоятельства ее происхождения, ее состав и цели составления [1].

Первую попытку всестороннего изучения Летописи сделал Л. В. Черепнин, привлекший к изучению несколько новых списков Летописи. Он правильно рассматривал ее в качестве редакции Нового летописца, пополненного новыми материалами, относящимися к последующему после составления Нового летописца времени. Л. В. Черепнин утверждает, что Летопись была составлена около 1658 г. при дворе патриарха Никона и поэтому ее характерной чертой является религиозно-церковная направленность [2]. Выводы Л. В. Черепнина в отношении Летописи вошли в историческую литературу, но некоторые их положения представляются нам спорными.

На вопрос о том, где возникла Летопись, отвечает ее текст с сообщением под 1651 г. «Лета 7160 пред Рождеством Христовым декабря в ночи 14 прошла Москва река» [3]. Точная дата вскрытия Москвы-реки зимой указывает на московское происхождение Летописи. Об этом же говорит и сообщение о буре, сломавшей шатер над Стрелецким приказом.

Присутствие в Летописи статьи об исправлении книг, источником для которой, как правильно отметил Л. В. Черепнин, явилось предисловие к служебнику 1655 г., на первый взгляд подтверждает положение Л. В. Черепнина о возникновении Летописи при дворе патриарха

---

[1] См., например: С. Ф. Платонов, *Древнерусские сказания о смутном времени XVII в. как исторический источник*, изд. 2, СПб., 1913, стр. 311; М. Н. Тихомиров, *Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы*, М., 1961, № 106, стр. 109; М. Н. Тихомиров, *Источниковедение истории СССР*, вып. I, М., 1962, стр. 358 и др.

[2] Л. В. Черепнин, *«Смута» и историография XVII века*, — ИЗ, т. 14, стр. 110—113. Дальнейшее развитие взгляды Л. В. Черепнина на происхождение и характер Летописи получили в его книге «Русская историография до XIX в.», М., 1957, стр. 130—131.

[3] Цит. по кн.: «Летопись о многих мятежах», изд. М. М. Щербатова, СПб., 1771, стр. 378.

Никона. Однако сопоставление этой статьи Летописи с предисловием к служебнику показывает, что последнее подверглось значительной переработке, осуществленной с определенной тенденцией. Никон в Летописи несколько раз назван просто патриархом, а его речи сокращены. Об Алексее Михайловиче уже не говорится как о «сыне Никона» и «послушнике церкви». Опущены и слова о «богомудрой двоице» и высокая форма обращения к Никону патриарха Паисия. Эти факты говорят о том, что составитель Летописи вольно обращался с предисловием к служебнику 1655 г. и внес в него такие исправления, которые были возможны только после оставления Никоном патриаршего престола в 1658 г. и в среде, враждебной патриарху.

Но этого мало. В тексте Летописи есть и другие моменты, свидетельствующие об усилении светской гражданской ее струи. Так, в статье о Василии Казанце, основанной на повести о Василии Гагаре, опущен подробный маршрут его путешествия и описание «святых мест Иерусалима и Египта», а также его обратный путь. В сущности в Летописи осталось лишь описание Кавказа. В описание Тавриза внесено весьма характерное изменение. Автор писал: «А град тот каменной стоит на горе велице. А подкопом и приступом взять с одно страны толко от грузинской. А с иных стран взять нельзя». В Летописи же «грузинская страна» заменена «русской землей» (л. 380) [4]. К словам «ходил де их грузинец» в Летописи добавлено — «промышленной человек» (л. 381 об.). В этих поправках и пропусках слышен голос не церковника, а гражданского человека и даже прямо голос русского пограничного воеводы.

Это позволяет искать происхождение Летописи в гражданской среде и предполагать, что она возникла в правительственных кругах. Среди лиц, присутствовавших на свадьбе Алексея Михайловича, летописец называет Морозовых, Черкасских, Ромодановских, А. Н. Трубецкого, Н. И. Одоевского, В. Я. Голохвастова, Мышецких и др. Но особое внимание он уделяет Морозовым и Василию Григорьевичу Ромодановскому-Меньшому с женой и сыном.

Бросается в глаза, что изменение титула Алексея Михайловича связывается в Летописи не с чем иным, как с челобитными, подаваемыми царю. В ней говорится: «Как государь венчался царьским венцом писали государю титлу в челобитных просто как и прежним государем: царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Росии. А как помощию божнею попленил литовскую землю и Малую и Белую Росию и оттоле начаша писати: всеа великия и малыя и белыя Росни самодержцу. Тако же и патриарху начаша писати: святейшему Никону архиепископу Московскому всеа великия и малыя и белыя Росии патриарху» (лл. 394 об. — 395).

Эта связь титула с челобитными представляется нам неслучайной — именно с сентября 1654 г. В. Г. Ромодановский был в Челобитном приказе и играл видиую роль во внутренней политике России того времени [5].

---

[4] Здесь и далее «Летопись о многих мятежах» цитируется по наиболее раннему и исправному списку — ГБЛ, ОР, собр. Тихонравова, № 553; этот список содержит ряд текстов, пропущенных в списке, изданном М. М. Щербатовым.

[5] В феврале — сентябре 1654 г. В. Г. Ромодановский служил в Пушкарском приказе и 11 апреля был у царского стола, а 16 апреля — у патриаршего. Во время похода Алексея Михайловича на Польшу он оставался в Москве окольничим. В 1655 г. он принимал участие во второй встрече антиохийского патриарха Макария. В 1661 г. мы снова видим его в Пушкарском приказе. В 1662 г. он оставлен «на Москве». На именинах царевича Федора Алексеевича в 1668 г. он был «у стола государя», а в 1669 г. дневал и ночевал у гроба царевича Симеона Алексеевича.

Мы уже упоминали о редакционных изменениях в статье о Василии Казанце и описании Кавказа, но ведь как раз в годы путешествия Василия Гагары Василий Григорьевич Меньшой Ромодановский был воеводой на Тереке.

Под 1648 г. в Летописи говорится о постройке около Воронежа городов Коротояка и Урыва и указывается точное местоположение Коротояка — «за Воронежем 60 верст»[6]. Это свидетельствует об интересе автора к воронежским делам и хорошем знанин тех мест. Но именно В. Г. Ромодановский в 1642—1644 гг. был воеводой в Воронеже[7].

Наконец, Ромодановские были образованными людьми. Они располагали большой библиотекой, в которой хранилось Соборное уложение, разрядные матерналы, столбцы, церковно-историческая литература и другие книги. Эта библиотека сильно пострадала во время пожара 1682 г.[8].

Все сказанное позволяет сделать предположение, что Летопись возникла в гражданской среде и Василий Григорьевич Меньшой Ромодановский мог выступать как ее заказчик[9].

---

[6] Цит. по изд. 1771 г., стр. 377.

[7] С воронежскими местами Ромодановские были связаны и позднее. Так, под Коротояком, который был уснлен заставами во время Крестьянской войны под предводнтельством Степана Разина, брат Васнлия Григорьевича, Г. Г. Ромодановский, разбил отрид донских казаков.

[8] М. Д. Хмыров, *Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время*, СПб., 1867, стр. 158.

[9] Л. В. Черепнин предположил, что Летопись о многих мятежах была составлена в связи с запросом из Звписного прнказа в Патрнаршем дворе исторических материалов. Дьяки Пятриаршего двора ответили, что таковых материалов у них нет. В действительности там был составлен Новый летописец и находились многочисленные подготовительные материалы для его составления. Тот же Т. Кудрявцев, на запрос которого ссылается Л. В. Черепини, нашел в Пятряаршей библиотеке «писмяной летописец в десть», а также «троя тетрадичин и поставление велнкого государя и великого «нязя Алексея Михайловича».

В. А. Александров

СТРЕЛЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ В XVII в.

Своеобразие развития городов южных областей России в XVI—XVII вв. зависело от интенсивности хозяйственного освоения русским населением этих областей в условиях вековой и фактически не прекращавшейся борьбы с ордами крымских ханов. История южных городов неразрывно связана с историей русской колонизации юга и историей борьбы России с крымскими ханами. Последняя проблема до сравнительно недавнего времени заслоняла от внимания исследователей историю хозяйственной жизни южных областей. Процесс их социально-экономического развития в исследованиях всецело подчинялся условиям порубежного быта. На своеобразие экономического развития южных областей России XVI—XVII вв. обратили внимание еще дореволюционные исследователи. Наиболее видный из них, Д. И. Багалей, доказывал полное отсутствие народной колонизации юга и его заселение приписывал исключительно государственной инициативе. Его точка зрения была принята и развита М. К. Любавским, Н. Д. Чечулиным, А. С. Лаппо-Данилевским, Г. М. Белоцерковским, А. А. Кизеветтером и др.[1]. Южные города рассматривались ими исключительно как крепости и военные поселения, население которых складывалось и пополнялось в результате так называемого «сползания вооруженных сил» страны от центра к периферии, вовсе не было связано с сельской округой и весьма слабо — с местной экономикой. А. А. Кизеветтер решительно утверждал, что южная окраина государства представляла собой «едва просыпающуюся для торговой жизни пустыню»[2]. А. С. Лаппо-Данилевский возникновение южных городов объяснял только политическими условиями. Их население, по его словам, нередко даже значительное, «почти целиком состояло из служилых людей разных разрядов, быстро менялось и в большинстве случаев не могло образовать городского класса с особыми, ему одному свойственными интересами, обязанностями и правами»[3]. Таким образом, теория «сползания» вооруженных сил к окраинам существенно дополняла

[1] Д. И. Багалей, *Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства*, М., 1887, стр. 131—132; Н. Д. Чечулин, *Города Московского государства в XVI веке*, М., 1889, стр. 348; Г. М. Белоцерковский, *Тула и Тульский уезд в XVI—XVII вв.*, Киев, 1915, стр. 194 и др.

[2] А. Кизеветтер, *Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник*, — «Сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому», М., 1909, стр. 81.

[3] А. С. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразования*, СПб., 1890, стр. 113.

мнение Д. И. Багалея и позволяла считать образование южного населения, в частности городского, результатом правительственной деятельности. Мысль о «сползании» проводилась даже в двухтомной монографии П. П. Смирнова, выпущенной в свет в 1947—1948 гг.[4].

Справедливо отмечая слабость и малочисленность посадского населения в южных городах, дореволюционные историки закрывали глаза на известные им факты, свидетельствовавшие о торгово-ремесленной деятельности других слоев городского населения, и в угоду созданной схеме отказывались считать южные города экономическими центрами. Правда, уже в дореволюционной историографии существовали иные мнения о роли вольной колонизации и о неправомочности существования теории «сползания»[5].

На протяжении последних десятилетий советские историки в своих исследованиях уделили большое внимание истории южных областей России XVI—XVII вв. Отвергая теоретические построения буржуазной исторической науки, они доказали ведущую роль народной колонизации в хозяйственном освоении южных земель и добились существенных результатов в изучении социально-экономической истории южного города. «Небольшое количество построенных городков и сторожевая служба не в состоянии были обеспечить безопасность переселенцев из России в дикие степи, как показывают сведения о татарских набегах XVI в.... Без поддержки населения, без его непрерывного движения на юг Дикое поле осталось бы незаселенным и новые города стояли бы одиноко... Говорить о том, что область «польских городов» была заново заселена только в XVI в., нет оснований. Вероятно, она никогда не испытывала полного запустения», — к такому выводу пришел М. Н. Тихомиров в своем замечательном труде «Россия в XVI столетии»[6]. Целеустремленное укрепление южных границ в XVII в. путем строительства «засечных линий» было невозможно без массового привлечения местного населения. Хорошо известные работы А. А. Новосельского не оставляют в настоящее время сомнений в размахе народной колонизации, а исследования М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина, Е. В. Чистяковой, В. М. Важинского и других историков положили серьезную основу для дальнейшего изучения экономики южнорусских городов в XVI—XVII вв.[7].

Признание определяющей роли «вольных» колонистов в хозяйственном освоении южных областей вело к изменению воззрений на роль местных городов. Основная их часть выросла из крепостей. Относительная слабость посадского населения в XVI—XVII вв. еще

---

[4] П. П. Смирнов, *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.*, т. I, М.—Л., 1947, стр. 209.

[5] Ю. В. Готье, *Замосковный край*, М., 1937, стр. 169—174; И. Миклашевский, *К истории хозяйственного быта Московского государства*, т. I, М., 1894, стр. 27.

[6] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 420, 422.

[7] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, раздел V; С. В. Бахрушин, *Научные труды*, т. I, 1952, стр. 29—33, 38, 39, 56, 57, 102, 115, 116, 123—125, 143, 151, 154, 158; А. А. Новосельский, *Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.*, — «Тр. Ин-та истории РАНИОН», вып. I, М., 1926; А. А. Новосельский, *Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке*, — ИЗ, № 4; А. А. Новосельский, *К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в.*, — ИЗ, № 16; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в XVII в.*, М.—Л., 1948; Е. В. Чистякова, *Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г.*, Воронеж, 1953; Е. В. Чистякова, *Ремесло и торговля на воронежском посаде в середине XVII в.*, — «Тр. Воронежск. гос. ун-та», т. 25, Воронеж, 1954; В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII века*, — «Уч. зап. Кемеровск. гос. пед. ин-тв», каф. истории, № 5, Кемерово, 1963; «Курск. Очерки из истории города», Курск, 1957, и др.

не означала отсутствия торгово-ремесленного населения. Своеобразие состава городского населения отнюдь не свидетельствовало о том, что города оставались в стороне от общего процесса социально-экономического развития.

Под южнорусскими городами XVI—XVII вв. следует считать города Заоцко-Брянского и Тульского краев, Рязанской и Северской земель и Дикого поля. Росписи 1667/68 и 1678 гг., которые подтверждали военно-стратегическую классификацию городов, сложившуюся к середине XVII в., дают вместе с тем довольно точную их географически поясную группировку [8]. На юго-западе располагались заоцкие города (Калуга, Перемышль, Воротынск, Лихвин, Мещовск, Серпейск, Масальск, Козельск), южнее их — города Севского полка (Карачев, Орел, Кромы, Белев, Болхов, а также Курск, входивший в состав городов Белгородского полка «в черте») и северские города (Брянск, Рыльск, Севск, Путивль, Недрыгайлов, Каменный). Украинные города (Тула, Кашира, Алексин, Таруса, Серпухов, Одоев, Крапивна, Дедилов) и рязанские города (Рязань, Зарайск, Коломна, Пронск, Михайлов, Гремячий, Венев, Печерники, Сапожок, Ряжск, Шацк, Скопин) составляли наиболее северную группу городов в районе старых засечных линий. Южнее их располагались Мценск, Чернь, Новосиль, Лнвны, Чернавск, Епифань, Елец, Данков, Лебедянь, Талецк, Ефремов, Старый Оскол, Землянск, Обоянь, Суджа, Сумы. Они входили в состав городов Белгородского полка, но так как не располагались по Белгородской черте, то назывались городами «в черте». С востока к ним примыкали Козлов, Тамбов, Воронеж, Костенск, Орлов, Усмань, Бельск, Чернавск, Доброе, Сокольск, Белколодезь, которые считалнсь городами «по черте». Южнее, непосредственно по Белгородской черте, тянулись города Ахтырка, Алешня, Хотмыжск, Вольный, Карпов, Болховой, Белгород, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Ольшанск, Усерд, Острогожск, Коротояк, Урыв. Наконец, «за чертой» находились Валуйки, Чугуев, Маяцкнй, Палатов и свыше 20 более мелких укреплеиных фортов. Всего, таким образом (без фортов «за чертой»), насчитывалось 87 городов. 49 из них существовали или были основаны в XVI в. [9], остальные возннкли на протяженнн первой половины XVII в., главным образом в 40-х годах XVII в., когда сооружалась Белгородская черта.

Посадского населення в южных городах было немного. В XVI в. посады известны в полутора десятках городов (Серпухов, Коломна, Кашира, Епнфань, Венев, Калуга, Тула, Зарайск, Воротынск, Карачев, Белев, Одоев, Болхов, Дедилов, Путнвль, Рязань) [10]. В целом же, по словам М. Н. Тихомирова, к югу от Окн «черное посадское население буквально тонуло среди служнлых людей» [11]. В XVII в. положение посадов изменялось к лучшему медленно. По данным, имеющимся в переписных книгах, крупные и средние посады к 1646 г. сложились лишь в городах, находившихся на старых, наиболее северных оборонительных линиях, созданных еще в XVI в. по течению Оки и Упы (Рязань, Зарайск, Коломна, Кашнра, Серпухов, Калуга, Белев, Болхов, Тула). Небольшие посады имелись в Алексине, Тарусе, Крапив-

---

[8] ЦГАДА, Разряд, Моск. стол, кн. 61, лл. 78—411; ДАИ, т. IX, № 106.

[9] М. Н. Тнхомнров, *Россия в XVI столетии*, стр. 376, 380—391, 398—403, 412—414, 421—423.

[10] Там же, стр. 140, 149, 154—155, 375, 376, 399, 403, 413; С. В. Бахрушин, *Научные труды*, т. I, стр. 115, 116, 123, 151, 154, 211; Н. Д. Чечулнн, *Города Московского государства...*, стр. 281.

[11] М. Н. Тихомнров, *Россия в XVI столетии*, стр. 389.

ие. Всего в этом районе в 12 городах насчитывалось 3069 посадских дворов. Южиее посады имелись лишь в Веневе, Михайлове, Ельце, Воронеже, Белгороде, Козлове и Путивле (488 дворов) [12]. В принципе го же распределение посадского населения сохранилось и во второй половине XVII в. Города по самой южной оборонительной линии. Белгородской черте, за единичными исключениями, вовсе не имели посадского населения. Из рассматриваемых 87 южных городов расклад оклада стрелецкой подати в 1681 г. коснулся только 27 [13], а из остальных даже в XVIII в., по данным первой ревизин, в 21 городе не было посадского населения [14].

Основную массу населения южных городов, особенно в первой половине XVII в., составляли приборные служилые люди, в частности их преобладающая часть — стрельцы. Стрелецкие гарнизоны поселялись наряду с другими городовыми приборными людьми в городах (пушкари, затинщики, воротники и проч.). Сторожевые же приборные люди — казаки, атаманы, ездоки и другие поселялись как в городах, так и в уездах. Это определялось различным характером военной службы каждой из указанных категорий служилых людей. Городовые приборные люди несли службу непосредственно по городу или по ближайшим к крепостям укреплениям, тогда как сторожевые вместе с уездным дворянским ополчением (детьми боярскими) стояли на дальних «сторожах», были в «отъезжих станицах» и т. п. [15].

Следующие данные показывают соотношение отдельных категорий служилых приборных людей на юге в XVII в. [16]:

Год	Стрельцы	Прочие городовые приборные люди (пушкари, затинщики и др.)	Сторожевые приборные люди	В том числе полковые казаки
1632	5873	1822	5 390	?
1639/40	5734	1839	9 297	3 789
1651	8761	1487 (данные неполные)	11 011	?
1663	5841	2171	9 729	4643
1678	5831	2377	5 857	2191

Стрелецкие гарнизоны, имевшиеся в 65 южных городах и несшие там постоянную гарнизонную службу, были обычно преобладающей частью городского населения. Поэтому при рассмотрении социально-экономической истории южных городов в XVII в. наибольший интерес представляют не столько посады, сколько приборное население, составлявшее в буквальном смысле слова постоянное городское население. Как правило, стрелецкие слободы занимали в городах центральные районы, располагались в наиболее безопасных местах — или в самих острогах, или непосредственно под их валами и стенами, прикры-

[12] П. П. Смирнов, *Посадские люди...*, т. II. М.—Л., 1948, стр. 478, 481, 482.

[13] ДАИ, т. IX, № 106; А. С. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения*, стр. 536—537.

[14] А. А. Кизеветтер, *Посадская община в России XVIII столетия*, М., 1903, стр. 85—86.

[15] См., например, роспись Козловского укрепленного района — ЦГАДА, Разряд. Приказной стол, кн. 11, лл. 438—458.

[16] Е. Д. Сташевский, *Смета военных сил Московского государства*, — ВИВ, 1910, № 9—10; ЦГАДА, Разряд, Белгор. стол, стлб. 116, лл. 1—102, 137—575; стлб. 397, лл. 116—259; Владимирск. стол, стлб. 145, лл. 8—16, 24—288; ДАИ, т. IX, № 106.

тые зачастую с наиболее опасной стороны рекой. На случай осадного времени в острогах стрельцам нередко отводились осадные дворы, расположенные также слободами.

В дальнейшем, в зависимости от исторических судеб южных городов в XVIII в., население стрелецких слобод или вошло в состав городского мещанства, или пополнило сословие государственных крестьян [17].

Происхождение и образование стрелецкого городского населения находится в прямой связи с народной колонизацией юга. После разорений «смутного времени» и до 30-х годов XVII в. правительство, восстанавливая и упорядочивая систему обороны южных границ, пополняло стрелецкие гарнизоны путем привлечения в приборную службу местного населения. С 1616 по 1632 г. стрелецкое войско было увеличено в южных городах на 1786 человек, причем известно только о 400 стрельцах, переведенных из Москвы в Тулу, Крапивну и Дедилов. В стрельцы попадали люди разных социальных категорий, и среди них, конечно, было немало беглых тяглецов. Показательно, что при сыске посадских тяглецов, происходившем с 1617/18 г. и в 20-х годах XVII в., в официальных документах (соборное постановление 1619 г. наказы сыщикам) совершенно не ставился вопрос о возвращении в посад беглецов, поступивших в стрелецкую службу [18]. Для возвращения двух стрельцов в посадское тягло в Рязани в 1625 г. понадобился специальный государев указ начальнику Стрелецкого приказа кн. И. Б. Черкасскому [19].

Во второй половине 30-х и в 40-х годах XVII в., когда сооружалась Белгородская черта и основывались многочисленные новые крепости, численность стрелецкого войска на юге увеличилась на три тысячи человек в значительной степени за счет южного населения. В начале 1631 г. о комплектовании стрельцов в Козлове были извещены воеводы 40 южных городов, от северских до заоцких. Воеводам вменялось в обязанность оповестить население о наборе, «в торговые дни кликать, которые охочие люди от отцов дети, от дядь племянники, от братьи братья, подсуседники и захребетники и всякие вольные люди похотят итти в новый город» [20]. Практически в стрельцы мог поступить кто угодно, тем более что стрелецкие головы могли заполнять свободные места по своему усмотрению, даже без ведома местного воеводы.

Призывы о наборах в стрельцы, как и следовало ожидать, нашли отклик. В подробной отписке о ходе строительства Козлова воевода И. В. Биркин писал: «Приезжают к нам... в новый город вольные охочие люди с Лебедяни и с Сапожка и из иных городов, а хотят быти в новый город на житье в разные службы» [21]. К февралю 1637 г. им было набрано 260 стрельцов и 236 полковых казаков [22]. Этими призывами воспользовались, конечно, не только всякие «вольные» и «гулящие» люди, но и беглые крепостные крестьяне. Именно к 1637 г. относится первое коллективное требование дворян о сыске беглых крестьян. Подобное совпадение датировки событий нельзя признать слу-

---

[17] В. А. Александров, *К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян*, — ВИ, 1950, № 10, стр. 86.

[18] ААЭ, т. 3, № 105; АПД, т. I. М., 1913, № 101, 151, 154, 175.

[19] АПД, т. I, № 196, 197; Н. Найденов, *Материалы для истории городов в XVI—XVIII вв. Рязань*, М., 1867, стр. 12—13; см. также Е. Сташевский, *Очерки по истории царствования Михаила Федоровича*, Киев, 1913, стр. 137.

[20] ЦГАДА, Разрид, Белгор. стол, стлб. 201, лл. 338, 475—482.

[21] Там же, л. 187.

[22] Там же, стлб. 92, лл. 153, 170, 203.

чайным. Имеются прямые указания на требования оскольских и белгородских детей боярских вернуть им беглых крестьян, записавшихся в приборную службу во время строительства Белгородской черты [23]. Тамбовский воевода Р. Ф. Боборыкин довольно прозрачно намекал на происхождение переселенцев. Он писал, что власти Козлова «сходцев с дороги емлют к себе в Козлов и осаживают их у себя сильно, и которые сходцы в Козлове городе жить не похотят и они тех людей бьют и в тюрьму сажают и отсылают в те же городы, кто откелева придет» [24].

Одновременно и точно так же образовывался гарнизон Тамбова. Тамбовские бюрючи призывали переселенцев в Воронеже, Ельце, Лебедяни, Данкове, Ряжске, Шацке, Рязани, Муроме, Михайлове. Как утверждает И. И. Дубасов, за короткое время в Тамбове собралось более полуторы тысячи переселенцев, причем не только из указанных городов, но и из центральных областей, с Дона, Украины и с Литовского рубежа [25].

В другие новые города Белгородской черты, которые пополнялись и «вольными» переселенцами, правительство в 40-х годах XVII в. в широких масштабах переводило в административном порядке стрельцов из южных городов, расположенных севернее. На место выведенных стрельцов местные власти тут же прибирали новых людей. Таким образом, общая численность стрелецких гарнизонов в старых городах не изменялась, и ни о каком «сползании» ратных людей к югу говорить не приходится. В это время правительство неохотно пополняло стрелецкие гарнизоны за счет членов семей самих стрельцов, поэтому в их состав и в старых городах попадали также «всяких чинов» люди.

По явно неполным данным за 1639—1648 гг., только в Чугуев, Карпов, Болховой, Яблонов, Усерд, Верхососенск, Царев-Алексеев, Хотмыжск и Вольный было переведено свыше 1100 стрельцов из других южных городов и 1100 стрельцов из Москвы. Можно полагать, что стрелецкие гарнизоны всех южных городов по Белгородской черте в 40-х годах XVII в. приблизительно на треть были укомплектованы «вольными» переселенцами [26]. Они явно преобладали в Козлове и Тамбове. Значительная часть их состояла из украинцев (главным образом в Коротояке, Чугуеве, Острогожске), массами переселявшихся в русские пределы, особенно в 30—40-х годах XVII в. [27]. После 1650 г. и на протяжении всей второй половины XVII в. переводов стрельцов из одних городов в другие было мало и южные гарнизоны пополнялись почти исключительно всякими «вольными» людьми. В 1663 г. в Севске таким путем было набрано 200 стрельцов, в 1668 г. в Курске — 81, а в Шацке — 125 [28]. Пополнения этим путем становились тем более необходимыми также и потому, что с 50-х годов XVII в. начались усиленные наборы стрелецких родственников в полки иноземного строя

---

[23] И. Миклашевский, *К истории хозяйственного быта...*, стр. 157; ЧОИДР, 1859, кн. 2, № 21, 32, 35, 42, 52, 54, 80.

[24] И. И. Дубасов, *Очерки из истории Тамбовского края*, вып. 4, Тамбов, 1887, стр. 30.

[25] Там же, стр. 10—11.

[26] Этот вопрос подробно рассмотрен в другой работе автора: *Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII веке.* (Рукопись канд. дисс.), М., 1947, стр. 150, 157—173; В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 141.

[27] Е. М. Апанович, *Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг.*, — сб. «Воссоединение Украины с Россией», М., 1954, стр. 78—104.

[28] ЦГАДА, Разряд, Владимир. стол, стлб. 145, лл. 98—104; Белгород. стол, кн. 61, лл. 238—239.

и семьи стрельцов на юге становились все более и более малочисленными.

Поступление бежавших от крепостной неволи крестьян в стрельцы после 1649 г. даже «предусматривалось» правительством. По сути дела «урочные годы» на юге после Соборного уложения 1649 г. оставались не только в полной сохранности, но и стали еще более льготными. По указу 5 марта 1653 г. из городов «по черте» возвращались только беглые, пришедшие туда после 1649 г., т. е. срок сыска устанавливался в 4 года. «Чтоб черты не запустошить», правительство даже выплачивало прежним владельцам по 20 руб. за «семьянистого» и по 10 руб. за одинокого беглого [29]. В 1656 г. срок сыска был передвинут до 1653 г. В 1676 г. этот срок был подтвержден, причем разбор помещичьих исков мог происходить не на местах, а только в Москве, в Разрядном приказе. Во время русско-турецкой войны действие указа 1656 г. было приостановлено, а в 1683 г. в городах Белгородского и Севского полков разрешалось сыскивать беглых только тех, кто записался в приборную службу после 1675 г., т. е. срок сыска устанавливался в 8 лет. Этот указ был подтвержден в 1690 г. [30]. Правительство вынуждено было поддерживать в это время определенную численность южного приборного люда и давало возможность представителям тяглых слоев населения выходить из тягла. Так, требования обороны своеобразно способствовали пополнению южного городского населения.

В противовес мнению А. С. Лаппо-Данилевского о всяком сброде, якобы часто пополнявшем южное население, А. А. Новосельский доказал, что в подавляющей части крестьяне, переселявшиеся на юг, по своему имущественному состоянию принадлежали к средним слоям [31]. Это обстоятельство как нельзя больше устраивало Разрядный приказ, который требовал, чтобы лица, записавшиеся в стрельцы, были «прожиточны и семьянисты». Таким образом, гарнизоны южнорусских городов пополнялись людьми отнюдь не обнищавшими, безусловно знакомыми с различными видами ремесел. Это обстоятельство нельзя не учитывать, рассматривая приборных служилых людей как составную часть городского населения. Разумеется, ремеслами и торгами занимались далеко не все приборные люди. Большая часть их на юге занималась земледелием, что в XVII в. было характерно не только для населения южных городов. Слабое развитие торгово-ремесленного посадского элемента, различные льготы, а также численное преобладание над остальными группами городского населения — все это давало возможность определенной части приборных служилых людей господствовать на местном рынке и играть существенную роль в ремесленном производстве вплоть до второй половины XVII в.

Даже там, где в XVII в. существовали более или менее значительные посады — в Туле, Рязани, Путивле, Воронеже, стрельцы и другие приборные люди составляли существенную конкуренцию посадским людям.

---

[29] ЦГАДА, Разряд, Приказной стол, стлб. 618, л. 178.

[30] Л. В. Черепнин, *Классовая борьба на юге Московского государства в 1682 г.*, — ИЗ, № 4, стр. 42—46; Н. Новомбергский, *Вымученные кабалы*, — ЖМЮ, 1915, № 5, стр. 228—232; М. Ф. Де-Пуле, *Материалы по истории Воронежской и соседних губерний*, кн. I, Воронеж, 1861, стр. 54—55.

[31] А. А. Новосельский, *К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян...*, стр. 58—60; А. И. Яковлев, *Холопство и холопы в Московском государстве XVII века*, т. I, М.—Л., 1943, стр. 200; А. С. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения*, стр. 80.

На это обстоятельство давно обращали внимание исследователи[32], но значения стрелецких торгов не подчеркивали. Между тем они весьма показательны.

В конце XVI в. Тула была значительным городским центром с ремесленным и торговым населением. Основную часть населения составляли «дворники» (300—400 человек), ратные люди по прибору (138 человек, из них 49 стрельцов, и свыше 60 рассыльщиков, ямщиков, казенных кузнецов и проч.), посадские люди (около 100 человек). Посадским людям принадлежало до четверти всех лавочных помещений. Имущественно они были сильнее своих конкурентов — «дворников» и приборных людей. Ратным людям принадлежала треть всех торговых помещений, дворникам — менее четверти[33]. К 1625 г., т. е. к моменту составления писцовых книг, разорение «смутного времени» пошло на убыль. Тульский посад насчитывал в это время уже 153 тяглых двора, 62 бедных «дворишка» и 33 пустых двора. Он сохранял ведущую роль на городском торгу, но испытывал немалую конкуренцию со стороны служилых людей, в частности стрельцов, число которых возросло до 250, а также казенных ремесленников и дворников. Всего в 1625 г. в Туле насчитывалось 351 оброчное место и 5 бань на откупе[34], с которых взимвлось годового оброка 80 р. 10 ал. Городской торг и кузнечное ремесло распределялись между прослойками городского населения следующим образом[35]:

Владельцы	Лавки и лавочные места	Столы, полки, прилавки и пр.	Клети	Избы и палаши, харчевни	Кузницы	Бани на откупе	Всего	Взимаемый оброк
Посадские люди .	81	26	1	7	1	—	116	32 р. 22 ал. 4 д.
Стрельцы	9½	30	—	3	13	—	55½	9 р. 28 ал. 4 д.
Прочие приборные служилые люди (главным образом пушкари) .	34½	14	1	1	2	3	55½	15 р. 20 ал. 4 д.
Крестьяне	9	2	1	—	7	—	19	22 р. 4 ал. 4 д.
Казенные ремесленники	13	3	—	—	4	—	20	
Дворники, захребетники и т. п. .	37	36	1	8	6	2	90	
Итого . . .	184	111	4	19	33	5	356	80 р. 10 ал.

Итак, на тульском торгу и в кузнечном ремесле господствовали посадские и ратные люди, которые платили 72,4% всего оброка с торговых помещений и кузниц. Служилым людям принадлежало около трети таких помещений в Туле (93 из 318). Заметную роль в торговле играли и остальные категории городского населения — казенные ремесленники, крестьяне, дворники, захребетники и т. п.

---

[32] Г. М. Белоцерковский, *Тула и Тульский уезд...*, стр. 93—105; С. Ф. Платонов. *Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.*, М., 1937, стр. 70—71; Э. Эрист, *Путивль и его посад в первой половине XVII в.*, — «Юбилейный сб. истор.-этногр. кружка при Ун-те св. Владимира», Киев, 1914, стр. 75.

[33] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 383—385; Н. Д. Чечулин, *Города Московского государства...*, стр. 288, 297, 304.

[34] При общем подсчете полулавки округлялись в целые лавки.

[35] Н. А. Найденов, *Материалы для истории городов... Тула*, М., 1884.

Торговая конкуренция выдерживалась посадскими людьми, как и в конце XVI в., благодаря подавляющему количеству принадлежавших им лавок. В мелкой розничной торговле (на столах, прилавках, полках) и в кузнечном производстве они значительно уступали служилым людям, основное место среди которых занимали стрельцы и пушкари. Однако торгово-ремесленной деятельностью занималась лишь пятая часть всех стрельцов. Преобладающую роль в производстве и торговле стрельцов занимали продукты питания. Они торговали преимущественно мясом, а также хлебом, крупой, орехами, ягодами и т. п. (5 лавок, 13 столов, 8 полок, 3 ночвы, 3 харчевни). Любопытно отметить, что стрельцы активно участвовали в развивавшейся металлообработке и, по-видимому, были связаны прежде всего с выделкой оружия. Основная ремесленная деятельность стрельцов концентрировалась в остроге, где почти половину кузниц держали в своих руках стрельцы (13 из 33). Кроме кузнечного ремесла отдельные стрельцы занимались свечным производством, сапожным, портновским и шапочным ремеслом; свои изделия они сами сбывали на торгу в четырех полавках и на одном столе. В других лавках и на столах стрельцы также торговали различными ремесленными товарами (серебряным глаголем, холстом, москательным товаром, свечами).

Развитое кузнечное ремесло и мелкая торговля продуктами питания, преимущественно мясом, — таковы основные черты торгово-ремесленной деятельности стрельцов в Туле. Обычно стрельцы не имели более одного торгового места или ремесленного предприятия, но среди них были и состоятельные люди, как, например, Мамонка Павлов, владевший лавкой в Соляном ряду (сосуды, ризы, книги и колокола для церкви Николы Чудотворца в Никольской слободе были приобретены на его средства).

В конце XVI в. в Рязани на торгу полностью господствовали зависимые люди дворян, архиепископа, монастырей, а также служилые приборные люди [36]. К 1626 г. положение посада изменилось. По состоянию ремесла и торговли Рязань стала походить на Тулу [37]. По количеству торгово-ремесленных предприятий и сумме оброка, выплачиваемого с них, она была несколько крупнее Тулы (430 торгово-ремесленных предприятий и 14 оброчных дворов; оброк — 94 р. 20 ал. 1½ д.). Распределение торговых помещений и суммы уплачиваемого оброка в 1626 г среди торгово-ремесленного населения Рязани показано в таблице на стр. 244.

По количеству торговых и ремесленных предприятий и уплачиваемому оброку стрельцы занимали второе место после посадских людей, а с другими приборными людьми выдвигались на первое место. Как и в Туле, они в основном занимались розничной торговлей продуктами питания, в которой успешно конкурировали с посадскими людьми. В основном торговом ряду — Большом (70 лавок, 4 места лавочных, 6 амбаров, 1 прилавок), преобладало посадское население (15½ лавок). Приборные люди (пушкари, стрельцы, затинщики, воротники) имели 15½ лавок; архиепископские крестьяне — 11½ лавок, духовенство — 8 лавок. Преобладали посадские люди в двух соляных и горшечном рядах. В москательном ряду, где стрельцы не торговали вовсе, наибольшее количество помещений имели архиепископские крестьяне и затинщики с пушкарями.

---

[36] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 398—401; Н. Д. Чечулин, *Города Московского государства...*, стр. 288—289.

[37] Н. А. Найденов, *Материалы для истории городов... Рязань.*

Владельцы	Лавки	Амбары	Харчевни, избы, шалаши	Оброчные дворы	Столы, прилавки и прочие	Кузницы	Всего	Взимаемый оброк
Посадские люди* . .	17½	46½	2	—	31½	12	109½	23 р. 16 ал. 4½ д.
Стрельцы	2	27	5	1	27	5	67	11 р. 27 ал. 1½ д.
Прочие приборные служилые люди (пушкари, воротники, казенные сторожа)	18	34½	2	1	21	7	83½	19 р. 1 ал. 3½ д.
Крестьяне (в основном архиепископские) .	12½	13	—	1	13	2	41½	9 р. 25 ал. ½ д.
Ямщики	3	17	1	1	1½	—	23½	4 р. 16 ал. ½ д.
Дворники	3	8	2	—	5	2	20	4 р. 6 ал. ½ д.
Прочие (духовенство, московитины и т. д.)	20	30	3	10	30	6	99	21 р. 27 ал. 2½ д.
Итого . . .	76	176	15	14	129	34	444	94 р. 20 ал. 1½ д.

* С ними объединены лица, названные в писцовой книге «чернослободцами» (владельцы 1 лавки и 12 кузниц, оброк 4 р. 32 ал. 4½ д.).

Однако в рядах, где продавались продукты питания, соотношение резко менялось. В житном ряду стрельцы владели половиной торговых помещений (из 41 амбара и 5 мест амбарных — 21 амбар и 1 место) и выплачивали более половины всего оброка. Посадские люди владели лишь 6 амбарами, а пушкари, затинщики, воротники — 5 амбарами и 2 местами. В калачном ряду стрельцы также преобладали: из 43 полок и 1 амбара они владели 13 полками, а посадские люди — 8 полками и 1 амбаром. Треть всех городских харчевных изб принадлежала также стрельцам. В мясном ряду стрельцы и пушкари были на втором месте после посадских людей. Из 32 полок, 1 места полочного и 3 амбаров посадские люди владели 12½ полками, 1 местом и 3 амбарами, а стрельцы и пушкари поровну делили 12 полок. В остальных рядах — рыбном, крупяном и орешном, стрельцы имели незначительный торг, а в луковом ряду не торговали совсем.

Таким образом, в стрелецкой торговле в Рязани основное место также занимали продукты питания, мучные и мясные товары, в меньшей степени — соль, рыба, орехи, крупы и содержание харчевных изб (67,6% всего уплачиваемого стрельцами оброка). Ремесленная деятельность стрельцов, как и в Туле, в основном ограничивалась кузнечным производством. По данным 1626 г., торговлей и кузнечным ремеслом занималось 59 стрельцов. Среди них выделялся Девятка Климовский, владевший двумя лавками в Большом ряду.

В Путивле к 1625 г. посадское население, по-видимому, не оправилось после событий «смутного времени». В XVI в. через Путивль проходил торговый путь в Крым, и в начале XVII в. в городе существовал большой посад [38]. В 1625 г. в городе насчитывалось лишь 72 посадских человека, 100 старых и 200 переведенных из Чернигова стрельцов, до 300 казаков и около сотни других приборных служилых людей. Как и в других городах, торгами и промыслами занималась лишь определенная группа стрельцов (68 человек), которая, несмотря

[38] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 412, 413.

на численное равенство с посадскими людьми, играла на городском торгу основную роль. Внутри этой группы бывшие черниговские стрельцы в торговой деятельности не отставали от старых путивльских стрельцов.

Городской торг, находившийся возле «города», состоял из трех больших рядов — большого, сапожного, «третьего от кабака», по крайней мере из пяти рядов мелкорозничного характера и харчевен. Кузницы находились на посаде. Все эти торгово-ремесленные предприятия Путивля в 1625 г. распределялись среди различных социальных групп населения следующим образом [39]:

Владельцы	Лавки и лавочные места	Столы, полки, скамьи, торговли в дворах	Харчевни	Кузницы	Итого	Взимаемый оброк
Стрельцы	18	43	4	6	71	16 р. 30 ал.
Казаки (в основном жилые)	20	11	4	8	43	12 р. 31 ал. 4½ д.
Другие приборные люди (пушкари, затинщики и воротники)	18	14	1	1½	34½	9 р. 31 ал. 3 д.
Посадские люди	17	6	—	1	24	7 р. 20 ал. 1½ д.
Прочие (дети боярские, казенные ремесленники, крестьяне и др.). .	14	16	1	7½	38½	6 р. 13 ал. 4½ д.
Итого. . .	87	90	10	24	211	53 р. 27 ал. 1½ д.

В целом картина создается приблизительно такая же, как и в Рязани, с той только разницей, что приборные служилые люди определенно занимали ведущее место как в мелкорозничной, так и в более крупной лавочной торговле.

По количеству лавок стрельцы соперничали с казаками и посадскими людьми, лишь незначительно уступая тем и другим в сумме уплачиваемого с лавок оброка (казаки — 6 р. 30 ал., посадские люди — 6 р. 10 ал., стрельцы — 5 р. 31 ал. 1½ д.).

Посадские люди концентрировались в основном в большом ряду, где им принадлежало 11 лавок из 34. По аналогии с Тулой и Рязанью можно полагать, что в этом ряду велась торговля различными товарами ремесленного производства (москательного, суконного и проч.). В этом же ряду в 6 лавках и на 1 лавочном месте торговали казаки и в 8 лавках — пушкари. Стрельцам в большом ряду принадлежала только 1 лавка. Несколько уступали стрельцы казакам и в сапожном ряду (28 лавок), где казакам принадлежало 10 лавок, стрельцам — 7, посадским — 4. Но они господствовали в третьем ряду (6 лавок из 13), где торговали, по-видимому, изделиями ремесленного характера. Стрельцы оставляли далеко позади себя всех конкурентов в мелкорозничной торговле съестными припасами. Из 10 харчевен и 74 мелких торговых «точек» (столов, полок и проч.), где шла тор-

[38] ЦГАДА, Поместный приказ, кн. № 148, лл. 286—340. В таблицу не включены три лавки и 16 более мелких торговых мест, которые были сломаны, но оброк с них взимался (3 р. 10 ал. 3 д.) и 6 бань с 1 шалашом с квасом и суслом. Оброк, взимавшийся со всех бань, указан суммарно (31 р. 20 ал. 4½ д.). Тремя из них владели казаки, двумя — посадские люди и одной — воротник.

говля предметами питания, 4 харчевни и 33 торговых «точки» принадлежали стрельцам, т. е. почти половина. Торговля велась ими прежде всего мясом и рыбой, затем маслом и хлебом.

Из городского ремесла в Путивле было развито кузнечное, сапожное, серебряное. Во всех видах его стрельцы принимали активное участие. В сапожном ряду им принадлежала четвертая часть всех лавок. По количеству кузниц стрельцы уступали только казакам и опережали казенных кузнецов, обладавших рядом оброчных льгот. (Большинство кузниц казаков и стрельцов были обложены оброком от 8 до 16 ал. Казенные же кузнецы платили всего 2 ал. 1 д. с кузницы). В ряду, где торговали серебряным товаром, стрельцы владели 7 полками из 8 и являлись монополистами в этом ремесле.

Широкие торговые связи с уездами и другими городами уже в первой четверти XVII в. имели Воронеж и Курск. Несомненную роль здесь играли местные приборные люди. В это время Воронеж представлял собой типичный военный город с сильным гарнизоном (свыше тысячи различных ратных людей) и слабо развитым посадом. Однако уже тогда город был втянут в оживленную междугороднюю торговлю, развитие которой во многом определялось прямым путем на Дон. Сохранившийся отрывок воронежской таможенной книги 1623 г. (за два с половиной месяца) позволяет судить о торговых связях Воронежа с Москвой и более чем двадцатью южными городами в радиусе 200—600 верст. В 1648 г. значительно усилившийся посад обладал 41 лавкой из 118, но служилые люди сохраняли некоторое значение в торговле, владея 25 лавками [40].

В Курске, о посаде которого до середины XVII в. данных нет, в 1639 г. был значительный торг (86 лавок), существовали кузнечный, соляной, мукомольный, селитренный промыслы; по имеющимся отрывочным сведениям, отдельные приборные люди (стрельцы, казаки, пушкари) в 20-х годах XVII в. осуществляли на десятки рублей торговые обороты, имевшие, возможно, междугородний характер [41].

В других южных городах, особенно расположенных по Белгородской черте, где посадское население развито было весьма слабо, удельный вес стрельцов в городских торгах еще более повышался. Так, в переписной книге 1646 г. г. Новосиля указывалось, что «в городе в Новосиле и на посаде посадских тяглых людей нет. А торгуют де в Новосиле стрельцы, и казаки, и пушкари, и дворники» [42]. Стрельцы южных городов ездили скупать хлеб в Воронеж и Белгород. В 1630 г. елецкий откупщик жаловался на местных стрельцов и казаков, которые принимали товары у ельчан — посадских людей и у уездных людей (сукно, хлеб), называли их своими и торговали беспошлинно [43].

В целом уроаень торгово-ремесленной деятельности населения в южных городах к 30-м годам XVII в. в масштабах всего государства был вовсе не так уже низок, как он представлялся большинству дореволюционных исследователей. Мелкорозничная торговля стрельцов, сплошь и рядом превосходившая торговлю других городских прослоек, определяла удельный вес стрелецких слобод в экономике города.

---

[40] См. работы Е. В. Чистяковой: *Ремесло и торговля...*, стр. 48, 54, 61; *Воронеж в середине XVII века...*, стр. 34—35; «Очерки истории Воронежского края», т. I. Воронеж, 1961, стр. 40

[41] «Курск. Очерки из истории города», стр. 31—33.

[42] Е. В. Чистякова, *Народные движения в России в середине XVII в. (1635—1643)* (Рукопись докт. дисс.), стр. 386.

[43] ЦГАДА, Разряд, Белгород. стол, стлб. 492, лл. 186—191; Приказной стол. стлб. 173, лл. 333—334; Моск. стол, стлб. 60, лл. 185—188.

Во время пятинного сбора в 1633—1634 гг. из 111 городов по количеству собранных денег Тула, Брянск, Рязань с уездами занимали соответственно 29, 30 и 38-е места. Не уступал им и Воронеж. Значительную долю этого сбора выплачивали стрельцы. В Брянске, например, из общего пятинного оклада в 1527 руб. стрельцы заплатили 432 р. 16 ал. 4 д. О том же свидетельствуют данные по другим южным городам (Козельск, Одоев, Лихвин, Новосиль, Мценск, Орел, Ливны, Курск, Севск, Путивль) [44].

В стрелецких слободах были состоятельные люди. Уже упоминалось о таких стрельцах в Туле и Рязани. Широко известен челнавский стрелец Тимофей Чубулов, «выевший мир» и убитый этим же миром в грозный 1648 г.[45]. На основе ремесленных промыслов и торгов, взятых на оброк рыбных ловель и других оброчных статей, они превращались в экономическую силу среди приборной массы населения южных городов.

Хорошо известно, что до 40-х годов XVII в. приборные ратные люди не платили пошлин с мелкорозничных торгов. В 1643 г. правительство постановило отобрать лавки у беломестцев, приобретенные после 1624 г., и передать их посадскому населению [46]. Нет изаестий, свидетельствующих о применении этого указа в южных городах. Однако монополия торгово-ремесленной деятельности посада, провозглашенная Соборным Уложением 1649 г., посадское «строение», проводившееся Приказом сыскных дел, и ясно обнаружившаяся тенденция в правительственной политике, направленная на расширение феодального гнета в отношении южного приборного люда, привели к тому, что во второй половине XVII в. и особенно к концу его значение стрелецкого населения в экономической жизни южных городов начало снижаться. «Посадское строение» больно отозвалось на их приборном населении. Служилые приборные люди в заоцких и северских городах дали 12,1% новоотписанных дворов в посад, в приоцких — 5%, в рязанских — 10%. В отдельных городах этот процент был еще выше, как, например, в Козлове (14,3%). Как правило, сыщиков интересовали наиболее «прожиточные», участвовавшие в городском торге люди [47]. Стрельцов это строение задело меньше, чем пушкарей, воротников и других приборных людей, но усилившаяся феодальная эксплуатация разоряла их хозяйства [48]. Правда, нет оснований думать о быстром исчезновении стрелецких торгов и промыслов. Во второй половине XVII в. в южнорусских уездах и, в частности, в городах происходил существенный рост производительных сил, товарно-денежных отношений, развивались районные торговые связи, ремесло усложнялось и специализировалось, приобретало черты товарного производства [49]. В этих условиях стрельцы-ремесленники и торговцы достаточно долго сохраняли возможности для экономической деятельности.

Изменения, причем весьма существенные, происходили прежде всего в городах, где посадское население быстро росло.

К 1685—1686 гг. в Туле торговля посадских людей по сравнению с 1625 г. далеко ушла вперед, а стрелецкая торговля почти исчезла. К моменту составления писцовой книги у стрельцов (в том числе от-

---

[44] Е. Сташевский, *Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московского государства*, — ЖМНП, 1912, № 5, стр. 85—95, 107—109.

[45] ЧОИДР, 1896, кн. III, стр. 24.

[46] А. С. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения*..., стр. 72—73.

[47] П. П. Смирнов, *Посадские люди*..., т. II, стр. 479, 492, 498, 502.

[48] В. А. Александров, *К вопросу о происхождении*..., стр. 93, 94.

[49] В. М. Важинский. *Развитие рыночных связей*..., стр. 102—141.

ставных) и у стрелецких вдов оставалось 4 кузницы, 5½ лавок, 3 стола, 1 прилавок, 1 рундук, 1 харчевный шалаш [50].

В Козлове, где посадских людей до 1646 г. почти не было, стрельцы, несмотря на посадское строение 1649 г., долго сохраняли первое место на торгу. По оброчной книге 1658 г., в городе на торгу насчитывалось 55 лавок, 27 полок, 1 лавочное место, 2 воскобойни, 1 солодовня, 3 кузницы и 7 торгов с телег, обложенных оброком в 12 р. 10 алт. 4 д. [51]. Стрельцам принадлежало 15 лавок, 15 полок, 1 воскобойня, 5 торгов с телег; 4 лавками и 2 полками они, кроме того, владели совместно с посадскими людьми, дворниками, пушкарями и т. п. Со всех этих торгов они платили более трети всего городского оброка (4 р. 21 ал. 3 д.).

К 1680 г. торг в Козлове несколько развился, если в 1658 г. в городе было 96 торговых «точек» и ремесленных предприятий, то к 1683 г. их число возросло до 119, хотя сумма оброка увеличилась незначительно [52]. На городском торгу произошли значительные перемещения во владении торговыми помещеннями. На первое место уверенно выдвинулись посадские люди, постепенно скупавшие лавки у служилых людей [53]. Они имели 30 лавок, 1 лавку в общем владении с сыном боярским и 3 кузницы. К ним, по-видимому, можно присоединить «козловцев», имевших 13 лавок и 1 харчевню. Стрельцы сохранили лишь 8 лавок и 6 полок. То же самое происходило и в Воронеже, где к 1658 г. стрельцов почти не осталось на городском торгу [54].

В наиболее южных городах, где посады развивались медленнее, стрельцы до конца XVII в. сохраняли ведущее положение в городской торговле. В. М. Важинский отмечает, что в южных украинских городах — центрах небольших сельских рынков служилые люди оставались преобладающей группой торговцев [55]. В Белгороде количество лавок с 55 в 1658 г. возросло к 1690 г. до 180 [56]. По оброчной книге 1694/95 г. в Белгороде на городском торгу, заключавшем в себе 181 лавку, 8 харчевен, 3 лавочных места и 1 квасное место, первое место бесспорно принадлежало стрельцам и их родственникам, которые владели 75 лавками, 1 лавочным местом и 3 харчевнями и выплачивали с них треть всей оброчной суммы (16 р. 26 ал. 4 д. из 48 р. 16 ал. 4 д.) [57].

В крупном военно-опорном пункте Яблонове в 1658 г. стрельцы также полностью господствовали на городском торгу [58]. Из 53 лавок, 6 полулавок, 1 стола и 3 кузниц (оброк 41 р. 19 ал.) они владели 28 лавками, 4 полулавками, 3 кузницами (оброк 22 р. 4 ал. 2 д.). Остальными лавками владели казаки, станичники, дети боярские и др. Весьма интересны данные оброчной книги о роли в городской торговле московских стрельцов, поселенных в Яблонове «на вечное житье». На месте нового жительства они продолжали свои торгово-ремесленные занятия. В Яблонове им принадлежало 12 лавок, 3 полулавки и 3 кузницы. В дальнейшем торговое значение Яблонова стало падать, и к концу XVII в. торговля в нем захирела [59].

В Карпове, судя по оброчной книге 1685 г., на торгу было 48 ла-

---

[50] Г. М. Белоцерковский, *Тула и Тульский уезд...*, стр. 127; Н. А. Найденов, *Материалы для истории городов... Тула.*

[51] ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 319, лл. 810—845.

[52] Там же, кн. 4, лл. 16—27.

[53] В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 117.

[54] ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 319, лл. 52—59.

[55] В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 140.

[56] Там же, стр. 115.

[57] ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 144, лл. 116—133.

[58] Там же, кн. 319, лл. 973—979.

[59] В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 116.

вок. Основными конкурентами на торгу были дети боярские, аладевшие 13 лавками, и стрельцы, имевшие 12 лавок. К 1695—1696 гг. общая картина торга почти не изменилась с той только разницей, что стрельцы решительно взяли вверх над детьми боярскими[60]. Сохраняли значение в городских торгах служилые люди также в Ельце, Курске, Валуйках, Старом Осколе, Чугуеве, Усмани[61].

К сожалению, в весьма интересном исследовании В. М. Важинского, содержащем богатый материал о междугородней и уездной торговле на юге России во второй половине XVII в., участие стрельцов в этих видах торговли не выделено. Между тем стрельцы принимали участие не только в них, но в откупных операциях. Безусловный интерес представляет челобитная двух верхососенских стрельцов Ивана Ряшенина и Антипа Кузьмина, просивших в 1663 г. отдать им на откуп кабак в Верхососенске и таможенные сборы в Усерде, которые вместе с кабацкими достигали почти 250 руб.[62]. Мценские стрельцы вместе с другими приборными людьми в 1670 г. в своей челобитной указывали: «...а кормимся мы... в Мценску всяким торговым промыслишком и в отъезд ездим, а иная наша братья сложилась меж себя человек пять-шесть, волочимся стружишками»[63].

Материал о стрелецкой внегородской торговле дает также таможенная книга Путивля за 1673—1674 гг.[64]. Наиболее значительные торговые обороты совершались в Путивле летом (июнь — август), когда ежемесячно собиралось по 30—50 руб. таможенных пошлин. В это время продавались значительные партии привозного москательного товара (на 100—300 руб.), появлялись заморские товары (например, перца один пушкарь продал на 200 руб., а посадский человек — на 100 руб.). Продукты питания, скот и хлеб продавались круглый год.

Основными конкурентами на рынке были пушкари, стрельцы, дети боярские, казаки и посадские люди. Из общего количества (более чем на 3711 руб.) всех прошедших через таможню товаров, в основном москательного, скота, хлеба и соли, основная часть принадлежала пушкарям и казакам (около 2300 руб.). В размерах торга значительно им уступали посадские люди (свыше 480 руб.), стрельцы (свыше 291 руб.), дети боярские (свыше 172 руб.). Однако преобладание верхушки пушкарей и казаков определялось продажей крупных партий москательного товара (на 1580 руб.). В продаже продуктов питания первое место занимали посадские люди, а за ними шли стрелецкие торговцы, которые в торговле мясом занимали первое место и по обороту почти не уступали пушкарям, казакам и посадским людям, вместе взятым. Таким образом, как и во внутригородской мелкорозничной торговле, специализация стрелецких торговцев оставалась неизменной. Круг стрельцов-торговцев был еще более узким, нежели во внутригородской торговле. Из 24 человек, упоминавшихся в таможенной книге, подавляющее большинство занималось мелкими оборотами. Но среди них можно видеть стрельца С. Плаксина, привезшего на 80 руб. москательного товара, и стрельцов-прасолов — Н. Пятышкина, В. Дергаусова, Н. Суворова, продавших на протяжении всего года десятки голов крупного и мелкого скота.

В 1684 г. московские стрельцы, сосланные на «вечное житье» в Курск, просили отпускать их для «торгового промысла» в разные го-

[60] ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 4, лл. 74—77; кн. 144, лл. 2—7.
[61] В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 140.
[62] ЦГАДА, Разряд, Белгород. стол, стлб. 536, лл. 49—51.
[63] А. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения...*, стр. 51, сн. 1.
[64] ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 366, лл. 1—92.

рода. Разрядный приказ разрешил местному воеводе отпускать их в «недальние города»[65].

В оброчной книге Усмани за 1695—1696 гг. также указывается, что стрельцы и казаки, торговавшие солью, рыбой, мясом, скупали эти товары, по-видимому, в уезде для продажи[66].

Итак, можно с уверенностью признать, что приборные ратные люди сыграли на протяжении всего XVII в. существенную роль в развитии экономики южных городов. Во второй половине столетия стрелецкое войско потеряло свои привилегии, стало испытывать гнет феодально-крепостнической эксплуатации со стороны правительства и все более сближаться с тяглыми людьми. В процессе консолидации сословий, свойственном позднефеодальному государству, в XVII в. создавались предпосылки для утраты в XVIII в. населением стрелецких слобод своих привилегий и превращения его в часть податного населения страны. При этом население одних стрелецких слобод сливалось с окрестным сельским населением и входило в состав государственного крестьянства, а других — в состав тяглового посадского населения городов.

---

[65] ЦГАДА, Разряд. Белгород. стол, стлб. 1051, лл. 230—233.
[66] ЦГАДА, Разряд. Денежный стол, кн. 144, лл. 265—267.

Е. И. Вайнберг

БОРЬБА КРЕСТЬЯН ПРОТИВ КРЕПОСТНИЧЕСТВА НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Когда в открытых жестоких боях начала XVII в. могучий напор народных масс России был подавлен мощью крепостнического государства, протест крестьян против крепостничества не иссяк. Повседневная, непрестанная, полная мужества и упорства героическая борьба народа против порабощения в десятилетия после восстания под водительством И. И. Болотникова приковывает внимание историка не менее, чем само восстание[1].

В работах советских историков о классовой борьбе крестьянства внимание авторов обращено главным образом на изучение истории крестьянских восстаний и исторической обстановки, непосредственно предшествующей им. Именно этим следует объяснить почти полное отсутствие обобщающих работ по истории классовой борьбы крестьянства за периоды между восстаниями. Вполне понятно, что крупной обобщающей работе подобного рода должны предшествовать исследования, ограниченные местом и временем.

Весь период между восстанием 1606—1607 гг. и крестьянским восстанием под водительством Степана Разина классовая борьба крестьян степной, вновь осваиваемой окраины России не знает перерывов. Упорная цепкая борьба крестьян за сохранение «вольного» состояния, достигнутого побегом на юг, неповиновение помещикам и феодальным властям, захват помещичьей земли, разорение поместий, избиения и убийства помещиков, разрозненные волнения и нападения больших групп крестьян, а также единичные и массовые побеги — таковы формы классовой борьбы крестьянства. Они были непосредственной, живой и неодолимой реакцией крестьян на усиление крепостнической эксплуатации на юге так же, как и во всем государстве.

Яркую картину классовой борьбы крестьян против помещиков раскрывает нам дело пятнадцати елецких крестьян, в течение длительного времени упорно боровшихся против помещика.

---

[1] М. Н. Тихомиров, *Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII в.*, М.—Л., 1935; А. Г. Маньков, *Побеги крестьян в вотчинах Троицко-Сергиевского монастыря*, — «Уч. зап. ЛГУ», вып. 10, 1941; Б. Д. Греков, *Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века*, М.—Л., 1946; Б. Поршнев, *Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации* — «Изв. АН СССР», сер. истор. и филос., т. 7, 1950, № 3; М. Н. Тихомиров, *Новый источник по истории восстания Болотникова «Казанское сказание»*, — ИА, 1951, № 6; И. И. Смирнов, *Восстание Болотникова. 1606—1607 гг.*, Л., 1951; И. А. Булыгин, *Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в.*, — ИЗ, № 43, 1951; Е. В. Чистякова, *Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 года*, Воронеж, 1953.

Перед нами документы: челобитная крестьян, список с отпускной их прежнего помещика Семена Лобынцева, челобитные нового помещика Федора Колосова, отписка ефремовского воеводы Тимофея Безобразова и грамоты Разрядного приказа по этому делу [2].

Ход борьбы представляется следующим образом: в 1637 г. пятнадцать новоприборных ефремовских казаков, Степанко Торопец «с товарищами» — в прошлом крестьяне елецкого помещика С. Лобынцева — били челом государю на елецкого сына боярского Федора Колосова, стремившегося их «ложно» закабалить. Они после смерти Лобынцева, имея на руках отпускную, ушли в строившийся новый город Ефремов. Воевода Тимофей Безобразов верстал их в дети боярские, а иных записал «в козаки и в стрельцы и в пушкари» (П. № 112, л. 62).

Для воеводы случай с елецкими крестьянами был не единственным прецедентом. Он сам отписывал в Разряд о том, что из Елецкого уезда и из иных городов в Ефремов приходили «писатца» боярские крестьяне, которых сами помещики отпускали, давая им «за откуп» отпускные, «што им впред до них дела нет во крестьянстве». Более того, положение было таким, сообщал в Разряд воевода, что «вольных людей в козаки и стрельцы нихто не приходит и не имутца никаков человек» (П. № 112, л. 69).

Между тем поместье умершего помещика («деревня Лобынцево», «а в ней написано четверть живущего» [3]) было передано вдове Лобынцева «на прожиток» и сыну боярскому Ф. Колосову. Грамота на владение поместьем удостоверяла права землевладельца также на крестьян, живших на пожалованных ему землях. Новый помещик Ф. Колосов начал борьбу за возврат из службы бывших крестьян Лобынцева, которых он прямо называл теперь «своими крестьянами». В челобитной на имя царя Колосов жаловался на то, что все крестьяне и бобыли, которыми он был в Ельце пожалован, ушли из его «царского жалования поместейца» в новый город Ефремов и воевода верстал их в разные категории служилых людей. Разряд запросил воеводу, и Тимофей Безобразов в своей отписке сослался на то, что крестьяне эти были отпущены прежним помещиком. В ответ ему думный дьяк Михайло Данилов написал, что «крестьян на волю не отпущают, а отпущают на волю холопей». Вслед за отпиской дьяка в Ефремов пришла царская грамота, в которой было «велено тех... крестьян Степанка Торопца с товарищи 15 человек с женами и с 3 детьми и со всеми крестьянскими животы» отдать новому помещику Ф. Колосову (П. № 112, л. 62).

Поверставшись в службу, крестьяне явились в старое поместье для уборки посеянной ими ржи. Свое право на уборку посевов крестьяне мотивировали тем, что с Лобынцевского поместья «платили на Елец всякие... государевы подати» и выполняли различные повинности. «А жена Лобынцева, — писали крестьяне, — на острожное дело лесу не секла и не возила и острог не ставила и... государевых податей никаких на Елец не платила».

Новый помещик Колосов меньше всего склонен был считаться с какими-либо мотивировками крестьян. Во время жатвы он напал на крестьян, жен их избил плетьми, крестьянину Кирееву перешиб саблей руку и «ржи... пожати и свести не дал». Полагаясь на силу оружия и рассчитывая на безнаказанность, Колосов похвалялся крестьян «поби-

[2] ЦГАДА, ф. 210, Приказный стол, стлб. 112, лл. 49—69; стлб. 115, л. 104—110. В дальнейшем ссылки на этот источник даются в тексте статьи в скобках, с обозначением П. — Приказный стол и указанием номера столбца и листов дела.

[3] Сведения о «живущей четверти» сами по себе уже фиксировали закрепление крестьян за помещиками.

вать до смерти и бес пристава имать и в цепи и в железах... поморить, а их жен и детей раздать «своей братии в холопи» (П. № 112, л. 49).

Крестьяне просили избавить их от посягательств Колосова и дать им возможность рожь «пожати и свести». В ответ на челобитную крестьян последовала грамота из Разряда: «...И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тех Семеновых Васильевых крестьян Лобынцева, которых он будто после своего живота отпустил на волю, велели им быти за помещики на пашне по-прежнему, по тому по нашему указу крестьян на волю не отпускают, отпускают после своего живота на волю холопей» (П. № 112, л. 50).

Однако новоприборные казаки нашли поддержку у ефремовского воеводы Безобразова, верставшего их в служилые люди. Воевода, заботясь о сохранении людей в службе, стремился удержать бывших крестьян в Ефремове и не возвращать их Колосову. Возражая против возврата новоприборных казаков Федору Колосову, воевода помимо ссылки на их некрестьянское прошлое, опираясь на утверждения новоприборных, проливает свет на положение крепостных крестьян. «Он, Федор, — пишет воевода, — в твоем государеве жалование, в своей прежией даче в поместье, крестьян разгонял и в тюрьме поморил и поместье запустошил».

Одновременно с этим отписка воеводы подтверждает то обстоятельство, что служилые люди в значительной степени верстались из крестьян. Узнав об указе государя отдать бывших лобынцевских крестьян новому помещику, «старые и новоприборные казаки и стрельцы и пушкари» явились к воеводе и грозили ему «разбрестись по указанным городам, пометав дворишки свои» (П. № 112, лл. 66—67), если их будут возвращать в крестьянство. Эта угроза была реальной, и она-то и побуждала воевод отстаивать служилых людей — бывших крестьян — от притязаний помещиков. Однако на все доводы воеводы последовало подтверждение прежнего решения, чтобы в службу «с пашен крестьян и холопей боярских и всяких крепостных людей не прибирали» (П. № 112, л. 69).

Не разрешив своего дела в Разряде, крестьяне продолжали борьбу против ненавистного помещика. О дальнейшем ходе ее мы узнаем уже не из челобитных крестьян, а из жалоб помещика на действия крестьян. В 1637 г., жалуется помещик, «Стенка Торопец с товарищами своими насильством собрався со многими людьми», явились к нему чинить над ним свой суд и расправу, чтоб он «вперед... государю был не челобитчик». Угрожая утопить помещика, крестьяне его «ко кресту... приводили» в том, что он прекратит борьбу с ними. Затем крестьяне вернулись в службу в Ефремов, забрав с собой «триста тридцать пять копен ржи» (П. № 112, лл. 62, 69).

В следующем 1638 г. крестьяне узнали, что помещик нарушил слово, данное им при крестном целовании. Он ездил в Москву и привез оттуда царскую указную грамоту, в которой было сказано: «крестьянам велеть быть по-прежнему за помещики на пашне». Возмущение крестьян достигло наивысшего предела, и они, «собравшись в ночи», закрыли помещика в избе, разгромили поместье, «двадцать улев пчел выдроли и хлеб в гумне пожгли» и грозили сжечь избу помещика вместе с ним (П. № 112, лл. 65, 67).

После этого компактная до того группа в пятнадцать крестьян распалась на три части, каждая из которых разными путями продолжала борьбу против крепостничества.

Семь крестьян, чтобы избавиться от нависшей над ними угрозы закрепощения на новом месте, вновь бегут на юг. Об этом мы узнаем

из отпнски воеводы, который сообщает, что они «пошли кормнтца по городам», опасаясь со стороны Федора Колосова жестокого обращения и «смертного убойства» (П. № 115, л. 106).

Восемь крестьян продолжают борьбу непосредственно с Колосовым. В 1638 г. они совершили новое нападение на него и разгромили его поместье «без остатку» (П. № 115, л. 108).

В 1639 г. этим крестьянам н Колосову надлежало быть в Москве для разбора дела, но Колосов к сроку не явился, так как «с пятьми человеки» из восьми он «помирился». К сожалению, в документах не указано, на какой основе произошло это примирение. Можно только полагать, что вряд ли после столь ожесточенной борьбы крестьяне отдались на милость Колосова и до разбора в Разряде сами пошли к нему в крепостное состояние.

Остальных трех крестьяи Колосов решил помучить «московскою волокитою», и они действительно долго обивали в Москве порогн, пока добились оставления их в казаках. Это решение было вынесено на том основаиии, что «истец елчании Федка Колосов на срок и после сроку.. не бывал» (П. № 115, л. 110).

В борьбе пятнадцати лобынцевских крестьян-новоприходцев мы можем отметить ряд важных обстоятельств. Придя иа юг из разных городов, крестьяне жили у Лобынцева на договорных началах. Колосову же онн были отданы вместе с поместьем в крепостные, несмотря на отпускную прежнего помещика. В условиях усиливающегося процесса закрепощеиия крестьяне и иа юге не могли воспользоваться правом свободного перехода и рано или поздно попадали в крепостную зависимость, скреплеиную записью в писцовые или переписные книги.

«...Раз попав в такого рода завнсимость, — писал Ф. Энгельс, — они мало-помалу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они были уже в большинстве своем крепостными»[1].

На примере закрепощения пятнадцати елецких крестьян можно проследить, как феодальное государство прикрепляло крестьян к земле и личности феодала. Одновременно с этим дело Степана Торопца с товарнщами показывает и другую сторону процесса — сопротивление крестьян закрепощению. Дело это показывает также, что пятнадцать крестьян не были нзолированы от близких к ним групп населения. Они получили поддержку в первую очередь от старых и новоприборных ефремовских служилых людей низших слоев, тоже выходцев из крестьян, которые угрозами «разбрестись розно» оказывали давление иа воеводу. В одном из нападений иа Колосова «Стеика Торопец» был не только «с товарищами своими», ио «собрався со миогими людьми» (П. № 112, л. 62).

Решительные действия пятнадцати крестьян сорвалн план и стремления помещика закрепостить их всех: семь крестьян совершили побег, с пятью крестьянами помещик вынужден был «помириться», а трое были официально утверждены в службе.

* * *

Борьба крестьян за сохранение ими земли носила не менее решительный характер, чем борьба против закрепощения. О большом выступленни крестьян против захвата отведенных им земель мы узнаем из «спора о земле» между белгородскими крестьянами и короченскими детьми боярскими, происшедшем в 1638—1639 гг.

---

[1] *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Эигельс, Соч., изд. 2, т. 21, стр. 152.

В мае 1638 г. детям боярским «Красного города, что на Корочи», Титу Дудареву «с товарищи» была отведена земля волостных крестьян деревни Коренки Белгородского уезда. Наделение детей боярских землей, бывшей в пользовании у крестьян, произвел стрелецкий сотник Богдан Балдыков, посланный для этого Яблоновским воеводой Андреем Бутурлиным. Явившись в Коренскую деревню, он «описал поля и пахотные земли корочанцом детям боярским». Возможно, что воевода Бутурлин наделял землей подведомственных ему детей боярских на свой, так сказать, страх и риск. Это мы можем предполагать на основании фактов, раскрывающихся в ходе «спора». Впоследствии белгородский воевода Петр Пожарский выяснял в Яблонове у стольника и воеводы князя Дмитрия Львова, по царскому ли указу Андрей Бутурлин посылал отписывать земли? Львов ответил Пожарскому, что «в Яблонове в съезжей избе тех земель, книг и росписей не сыскано» (П. № 120, лл. 422—423).

Крестьяне на основании «государевых грамот разных лет»[5] считали отведенную им землю «своею» и не примирились с ее захватом. Они вступили в решительную борьбу за возврат захваченной у них земли. «Вскоре... после Петрова дня», сообщает воевода, волостные крестьяне «Яшка Хахилев да Васка Токарев Васка Присухин да Огейка да Силка Козлины... приезжали в его Титково поместье в деревню Паниковец и его де били и грабили, а грабежом де взяли лошадей и ружья и денег на сто рублев с полтиною» (П. № 120, л. 421).

Есть все основания предполагать, что крестьяне «Яшко Хахилев с товарищами» не ограничились избиением помещика и захватом его имущества. Они «грани посбили и пожгли». Речь несомненно идет о гранях, установленных помещиком на спорных землях. Об этом мы узнаем из грамоты Разряда к белгородскому воеводе от 6 июля 1638 г., которой предписывалось «в том земляном деле» произвести строгий сыск по всем обвинениям, предъявляемым крестьянам. Выехавшие «на ту спорную землю» «добрые» дети боярские должны были «совестяся друг с другом» разыскать, в самом ли деле «волостные крестьяне деревни Коренка Яшко Хахилев с товарищи Корощенских детей боярских поместных земель грани посбили и пожгли и избы и клети и сена разозили и поместную их землю пашут насильством». Предписывалось также установить, «не вступаютца ли те крестьяне мимо своих дач» в поместную землю детей боярских, даже если это было Диким полем. При подтверждении обвинений, изложенных в грамоте, велено было крестьян: «бить батоги нещадно, чтоб на то смотря, иным впредь было неповадно» (П. № 120, л. 424).

Результаты сыска нам неизвестны. «Сыски», как о том писал белгородский воевода Петр Пожарский, были отосланы в Разряд, и в Разряде бумаги не сохранились. Известно только, что в следующем 1639 г. борьба крестьян не только не прекратилась, а, наоборот, разгорелась с новой силой, охватила большее число людей и переросла в волнение и вооруженное выступление семидесяти крестьян деревни Коренка.

Вот как развернулись события в 1639 г. 31 мая 1639 г. «дети боярские Тит Дударев с товарищи» снова явились с челобитной к воеводе Тимофею Бутурлину. Они жаловались на то, что «дворцовой волости деревни Коренка крестьяне староста Митка Жегаев, Матюшка Бороздин, Васка Токарь, Яшка Хахилев с товарищи их поместную землю за

---

[5] ЦГАДА, Белгородский стол, стлб. 128, л. 127. В дальнейшем ссылки на этот источник даются в тексте в скобках, с обозначением Б. — Белгородский стол и указанием номера столбца и листов дела.

граньми попахали наснльством и грани посбнли и пожгли, а их государевых детей боярских с усад сбилн... их дворы и огороды разорили».

Насколько большое значение придавал «спору» воевода, видно из того, что на место «спора» с ним выехали «розных городов дворяне и дети боярские и козаки». У воеводы Бутурлина и его отряда была задача: защитнть интересы детей боярских — он «усад их и пашии и граней ездил досматривать».

«Разъехав земли» и, видимо, восстановив выгодные для детей боярских грани, воевода «поехал проч». Воеводе казалось, что этим «спор» завершен. Но не так счнтали крестьяне — они объединились и решились на вооруженную борьбу за «свою» землю. Как сообщает сам воевода, «крестьяне, собрав человек семьдесят», за ним «и за ратными людьми гояяли из луков и с пищалей стреляли» и хотели его «и ратиых людей побить до смерти» (Б. № 128, л. 202).

Схваченные беломестными казаками и приведенные к воеводе Бутурлину крестьяне — «один мужик с луком, а другой с пищалью» — показали, что «стоят над лесом многне мужикн в зборе и по них (по отряду. — *Е. В.*) из луков и с пищалей стреляли». Отряд Бутурлина повернул обратно и действительно увидел «в лесу многих людей коных и пеших и из лесу... мужики с пищальми и в саадаках верхи выезжали и саблями гарцовали». Крестьяне ехали за отрядом воеводы «с версту и больше и боя прошали», как о том показали «в сыску» 56 михайловских и рыльских казаков, опрошеиных впоследствии по этому делу. Несмотря на численное превосходство правительственного отряда (только число опрошенных по этому делу служилых людей составило 69 человек), воевода не принял боя и вернулся восвояси (Б. № 128, лл. 754—756).

Чем можно объяснить отступление воеводы? Видимо, тем, что, разобравшись в обстановке, воевода понял, что бой предстоит жестокий, и не решился взять на себя ответственность за его последствия.

По делу о вооруженном выступлении крестьян был проведен большой сыск, и вскоре по государеву указу в оброчную волость были посланы белгородские пушкарн, которые должны были привести в Яблонов зачинщиков волнения для наказания. Староста Жигаев действительно был приведен в Яблонов и «избит батоги нещадно перед Тимофеем Бутурлиным при многих людях».

Характерно, что правительство учитывало дифференциацию в среде крестьянства и брало для наказания зажиточных — «лутчих» крестьян, чтобы впредь через них держать в покорности остальных. Поэтому пушкарн, посланные в Коренку за зачинщиками, должны были привезти в Яблонов кроме старосты Жигаева «лутчих» крестьян: «Матюхку Бороздина, Ваську Токаря и Яшку Хахилева». Но эти крестьяне «государеву указу не послушали, учинились сильны и в Яблонов не поехали» (Б. № 128, л. 756).

К сожалению, в нашем распоряженин нет документов о дальнейшей борьбе белгородских крестьян. Анализ же этого дела по изложенным документам приводит нас к следующим выводам.

Белгородскне крестьяне активно вплоть до вооруженного выступления боролнсь против захвата отведенных им земель. Их борьба нарастает — от нападения небольшой группы «Яшки Хахилева с товарищи» на одного помещика до общего выступления семидесяти крестьян против большой группы помещиков и, наконец, до вооруженного столкновения крестьяи с отрядом служилых людей во главе с воеводой.

В ходе борьбы крестьяне громили помещичьи дворы, помещиков «с усадеб сбнли», а чтобы не осталось и следа от отвода помещикам крестьянской земли, все «грани посбили и пожгли». Точно так действо-

вали их предшественники — участники восстания Болотникова, стремившиеся «уничтожить всякие следы знаков феодальной собственности»[6].

Решительные действия большой группы вооруженных крестьян вынудили отступить превосходящий по численности правительственный отряд служилых людей во главе с воеводой, который боялся еще более разжечь борьбу крестьян. Воеводская администрация, вылавливая зачинщиков крестьянских волнений и жестоко наказывая их, а также «лучших» людей, стремится держать в устрашении все крестьянство.

В своих отношениях с крестьянами юга крепостники и крепостническое государство вынуждены были считаться с реальностью и действенностью повседневной борьбы крестьян против помещиков, с постоянной угрозой «разбрестись розно», с возможностью волнений и вооруженных выступлений крестьян и другими формами антифеодальной борьбы.

Источники дают нам сведения о том, что крестьяне не только боролись за сохранение отведенной им земли в пользование, но в отдельных случаях сами захватывали земли помещиков (Б. № 169, лл. 177—178). Вполне понятно, что в результате этих захватов между крестьянами и помещиками разгоралась острая борьба (Б. № 174, лл. 312—315). В ходе ее крестьяне менее всего прибегали к жалобам в правительственные органы (П. № 33, лл. 340; 515; № 113, лл. 684—707). «И кто бы мог оказать крестьянину защиту?.. Ведь все официальные сословия империи жили за счет... крестьян», — отмечал Ф. Энгельс[7]. Крестьяне рассчитывали на свои силы, а не на жалобы. Не случайно в имеющихся у нас документах значительно шире отражены более активные, чем жалобы, формы классовой борьбы крестьянства против помещиков.

Между различными формами классовой борьбы крестьянства нет резких границ, и зачастую одни формы сопровождались, дополнялись другими. Это наглядно проявилось в борьбе крестьян «посопной» волости села Городище Белгородского уезда против увеличения феодальных повинностей. В ней сочетались отказ выполнять повинности, избиение правительственного чиновника и сопротивление отряду стрельцов, посланному на поимку зачинщиков волнения.

В грамоте из Разрядного приказа от 1635 г. Белгородскому воеводе отмечается, что крестьяне посопной волости села Городище хлеба в государевы житницы «платят легко напротив указу и своего тягла». Грамота обязывала воеводу взять роспись, сколько у крестьян детей и сколько они платят оброчного хлеба, сколько за кем пашни и сенных покосов и всяких угодий, и в соответствии с этими данными и «крестьянским прожитком» установить размеры оброка. Зная настроения крестьян, воевода послал в Городище стрельцов и пушкарей за получением такой росписи. Но, несмотря на силу посыльных, крестьяне не подчинились указанию воеводы и росписи не дали. Тогда воевода изменил тактику и, чтобы воздействовать на крестьян, решил прибегнуть к авторитету государевой грамоты. С этой целью он послал в Городище М. Тургенева с подьячим, чтобы прочесть крестьянам государеву грамоту. Но и авторитет государевой грамоты возымел на крестьян такое же действие, как присутствие стрельцов и пушкарей. Выслушав грамоту, группа в тринадцать крестьян «во всем отказали и Михайла Тургенева лаяли и подьячего били и земли смечать не дали» (Б. № 103, л. 204).

Как признали в дальнейшем сами крестьяне, к слушанию грамоты они пришли с определенным решением. «Сказали те крестьяне со свои-

---

[6] И. И. Смирнов, *Восстание Болотникова*, стр. 497.

[7] Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 7, стр. 357.

ми заговорщиками, — сообщает воевода, — что они пришли против... государевой указной грамоты отказать». Воевода вновь послал стрельцов «по тех крестьян, которые против государевой грамоты отказывали», но крестьяне оказали сопротивление вновь — «учинились сильны» и «стрельцам не дались». Воеводе были доставлены только четыре человека из тринадцати (Б. № 103, л. 206).

Как видим, в выступлении крестьян села Городище одних «зачинщиков» было тринадцать человек и их борьба против указа, направленного на увеличение феодальных повинностей, нарастала от неповиновения указу до сопротивления его выполнению и до избиения правительственного чиновника.

Важно отметить, что в антикрепостнической борьбе за землю семнадесяти белгородских крестьян вместе с другими активно участвовали староста и другие «лутчие» люди, так как крепостнический гнет обрушивался на все слои крестьянства и «вся масса крестьян боролась со своими угнетателями...» [8].

В ответ на сообщение воеводы об упорном сопротивлении крестьян увеличению налогов последовала новая грамота: «Тех крестьян, которые учинились сильны... бить батоги нещадно... чтоб иным не повадно было... указу ослушатца». Одновременно Разряд предупреждал воеводу от «своевольства» в увеличении налогов и предписывал «для своей корысти... крестьянам никакие налоги не учинять», чтоб «от налоги... крестьяне не разбрелись» (Б. № 103, лл. 211—212).

Учитывая действенность борьбы крестьян, постоянную угрозу «разбрестись розно» и опасаясь объединения и крупных выступлений крестьян, правительство наряду с репрессиями и уступками крестьянам прибегало к тактике разобщения крестьян и стремилось найти в «прожиточных людях» опору для проведения феодальной политики. «Лутчих» и «добрых» людей оно привлекало для выполнения обязанностей старост, целовальников и т. д.

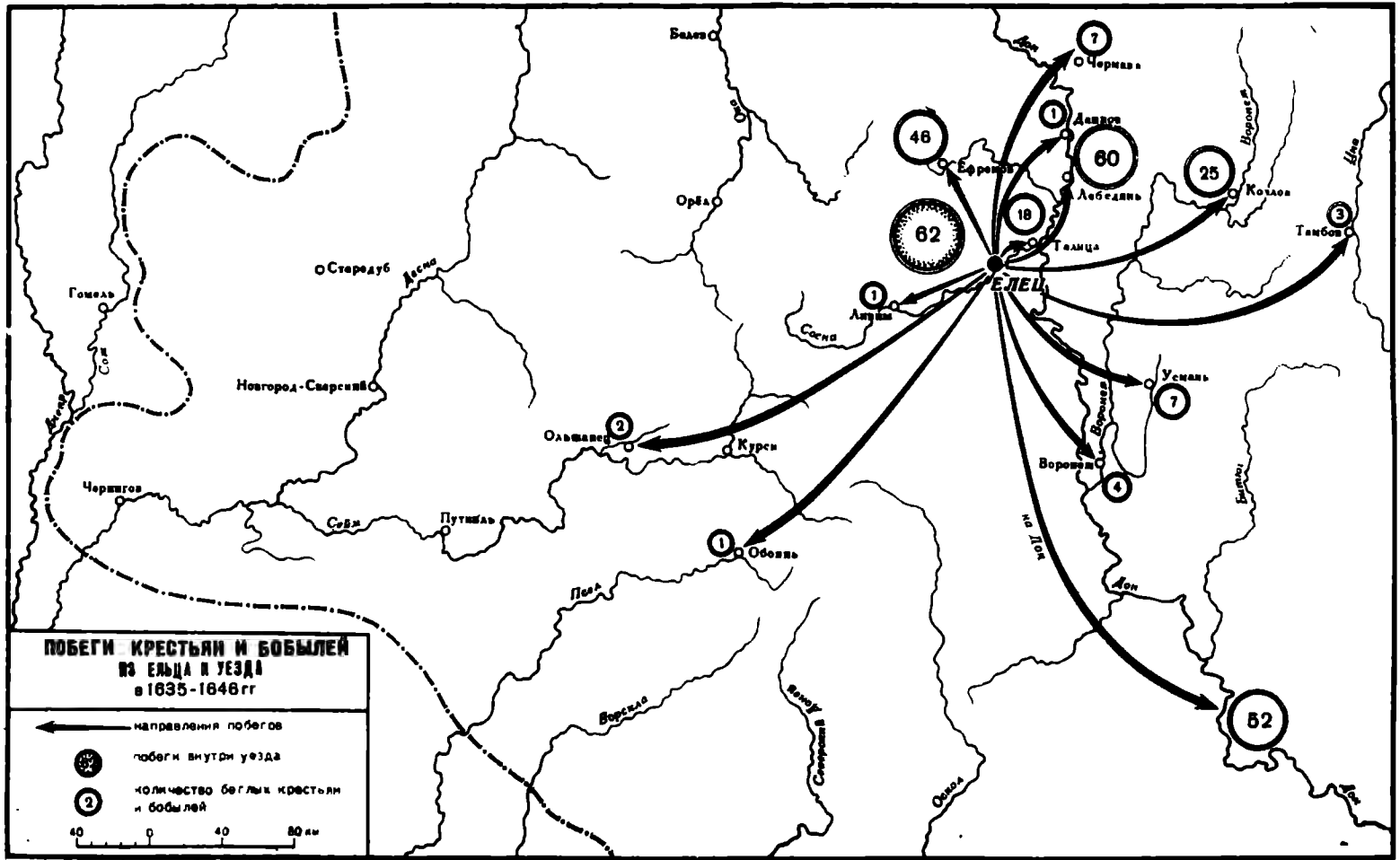
В первой половине XVII в., в то время, когда южная окраина продолжала привлекать крестьян из различных уездов государства, на самом юге проходили те же процессы закрепощения крестьянства, которые раньше прошли в центральных уездах. Насильственное закрепощение, многочисленные повинности на помещиков и государство, участие в обороне границ и частые татарские набеги — таковы условия жизни, которые складывались у крестьян юга.

Наличие сравнительно небольшого числа крестьян на южной окраине вело к усилению их эксплуатации и обострению борьбы за расширение числа крепостных. Усиление крепостнического гнета имело своим следствием побеги крестьян внутри южных уездов и за их пределы. Та же основная причина «избыть крестьянства», которая вела на юг массы подневольных, теперь послужила основанием и причиной бегства крестьян и на юге. «Самой обычной, — писал Б. Д. Греков, — и массовой формой протеста против... тяжелого положения — было бегство» [9]. Принудить крестьян к покорности и прекратить их бегство не могли никакие жестокости, из которых самым большим наказанием был возврат в крепостное состояние. Никакие репрессивные меры не могли остановить бегство, как не останавливали его ни система поручительства за беглых, ни «заказы крепкие» со строгим предписанием, «где эти беглые люди по приметам объявятся» (П. № 91, лл. 353—356), приводить

---

[8] В. И. Ленин, *К деревенской бедноте*, — Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

[9] Б. Д. Греков, *Главнейшие этапы в истории крепостного права в России*, М.—Л., 1940, стр. 68.


ПОБЕГИ КРЕСТЬЯН И БОБЫЛЕЙ
ИЗ ЕЛЬЦА И УЕЗДА
в 1635-1646 гг
направления побегов
побеги внутри уезда
количество беглых крестьян и бобылей
40 0 40 80 км
ЕЛЕЦ
Белев
Орёл
Стародуб
Гомель
Новгород-Северский
Чернигов
Путивль
Обоянь
Ольшанец
Курск
Ливны
Чермная
Данков
Ефремов
Лебедянь
Талица
Козлов
Тамбов
Усмань
Воронеж
Дон
Сосна
Десна
Сейм
Снов
Ворскла
Псел
Северский Донец
Оскол
Быстрая
Ица
Воронеж
7
1
46
60
25
3
62
18
1
2
1
7
4
52

их в город к воеводе. Не могли остановить бегство и все установления крепостнических порядков в землепользовании, призванные предупредить крестьянские побеги.

Наиболее массовым было бегство крестьян юга в служилые люди. Служба приборных служилых людей, в чьи ряды чаще всего удавалось попасть крестьянам, отнюдь не была легкой. Приборные люди были обременены многими обязанностями.

Тяжесть службы на южной окраине косвенно подчеркивает, от каких еще больших тягот «в крестьянстве за помещики» крестьяне стремились убежать. И еще ярче встанет перед нами положение крестьянина, уходившего в тяжелую приборную службу, если учесть те трудности, на которые он шел, «идя в бега», ту хозяйственную ломку, те лишения и жертвы, на которые обрекал себя и свою семью.

Собираясь в побег, крестьянин начинал жить «непрошно». Пускаясь в путь «со всеми животы», он в дороге часто подвергался нападению помещиков, грабителей. Добравшись, наконец, до места поселения, «старинный» крестьянин, бежавший с женою и детьми, иногда долгое время «кормится на посаде и в деревнях переходя», промышляет «торгом и всякими промыслы». При первом же известии о сыске он перебегает в другой уезд. Недаром появляется в челобитных термин: «живет перебегая». Сколько за этим термином горя, терпения и мужества! Над беглым крестьянином всегда висела угроза возврата к старому владельцу и тяжелого наказания за побег. Хотя за побег крестьянина ждало «нещадное битье кнутом» и тюрьма, однако никакие жестокости не могли принудить его к покорности. Показательно, что в материалах Приказного и Белгородского столов содержится немало сведений о сопротивлении помещикам и приказчикам, которое оказывают крестьяне при сыске и возврате их беглых односельчан (П. № 84, лл. 251, 293; № 33, лл. 293; № 170, л. 330; Б. № 92, л. 190). Ряд подобных фактов сообщает в своей работе и А. А. Новосельский [10].

Источники позволяют установить, что уже к концу первой половины XVII в. побеги крестьян с южной окраины приобретали массовый характер. По данным Курской именной росписи за 1632—1652 гг., бежало 546 семей (Б. № 266, лл. 161—162) [11]. Они ушли главным образом в окраинные уезды. В 22 окраинных уездах разместилось 517 семей. При этом в 10 из 22 уездов бежало 477 семей и в 12 уездов — 40 семей. Точно так же крестьяне, бежавшие из Ельца в 1635—1646 гг. [12], размещались большей частью в глубине самой южной окраины. Из 290 семей, о которых известно, куда они бежали, 238 беглых семей осели в городах южной окраины. Наибольшее количество бежавших семей (62) осталось в том же Елецком уезде и даже «в том же стану».

Бегство масс крепостных от помещиков подрывало основы экономики феодального хозяйства. Уходя, крестьяне зачастую разоряли поместье, отсюда ясно, какой тяжелый ущерб наносило бегство помещикам. Например, крестьяне, бежавшие в апреле 1646 г. из 37 дворов вотчин Б. Шейдякова и М. Колычева из села Егорьевского и деревни Гросиной, выжгли при побеге свои и вотчиниковы дворы (П. № 273, л. 557).

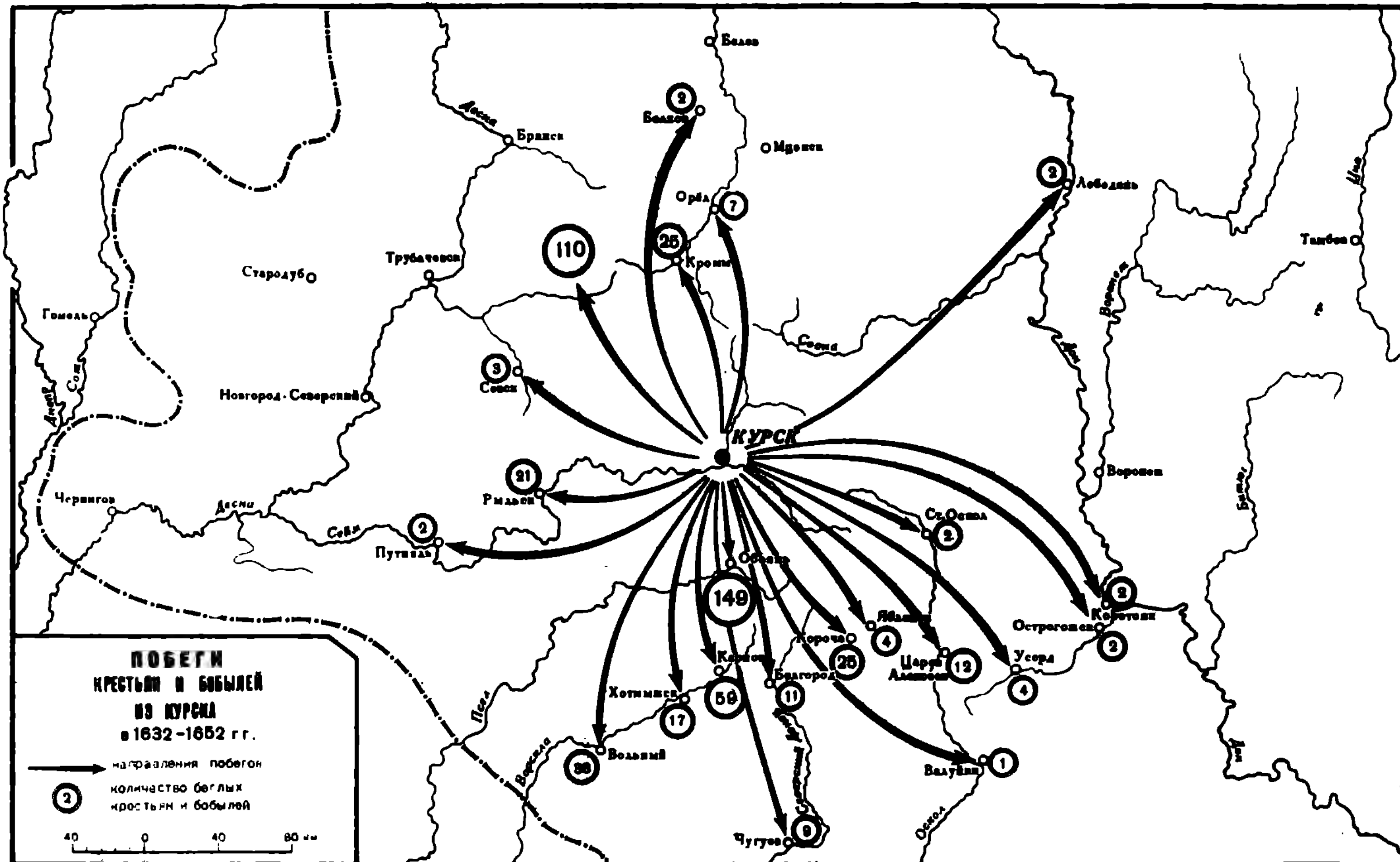
Обращает на себя внимание массовость побега, что говорит о его подготовке и согласованности действий крестьян. Вместе с тем имен-

---

[10] А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине 17 века*, М.—Л., 1948.

[11] См. карту побегов из Курска.

[12] ЦГАДА, Разряд, Перепясная книга № 135. См. карту побегов из Ельца.


ПОБЕГИ
КРЕСТЬЯН И БОБЫЛЕЙ
ИЗ КУРСКА
в 1632–1652 гг.
направления побегов
количество беглых крестьян и бобылей
40 0 40 80 км
КУРСК
Белев
Болхов
Брянск
Мценск
Орёл
Кромы
Лебедянь
Тамбов
Трубчевск
Стародуб
Гомель
Новгород-Северский
Севск
Рыльск
Путивль
Чернигов
Воронеж
Ст. Оскол
Обоянь
Яблонов
Короча
Царев Алексеев
Острогожск
Коротояк
Усерд
Белгород
Карпов
Хотмышск
Вольный
Валуйки
Чугуев
Десна
Сейм
Сож
Днепр
Сосна
Дон
Псел
Ворскла
Оскол
Северский Донец
Воронеж
Битюг
Цна
110
25
7
2
3
21
149
56
17
36
11
9
25
4
12
1
2
2
4
2

но групповой характер побега, видимо, и придал крестьянам решительность в их антикрепостнических действиях.

Мы склонны считать, что вообще отнесение отдельных форм классовой борьбы крестьянства к пассивному виду неправомерно и не отвечает существу вопроса [13]. В условиях феодального общества, когда правительственный аппарат целиком стоял на стороне помещика, поддерживал и охранял его интересы, даже жалобы крестьянина на помещика являлись вызовом господину и началом борьбы, которая между ними неизбежно разгоралась. Нам представляется, что важнейшим критерием для определения хода и действенности классовой борьбы является массовость участия крестьян в той или иной ее форме.

Нападение на крепостников и разорение их усадеб совершались не только во время побегов, но и после них. Так, крестьяне курского помещика Фомы Бредихина, бежавшие в Обоянское, вновь появились в Курске с целью разорить своего прежнего поработителя и «двор помещиков ево Фомин и свои крестьянские дворы и гумна с хлебом пожгли без остатка» (Б. № 266, л. 143).

Боярский сын из города Козлова Игнатий обращался в Разряд за помощью против бежавших от него крестьян. В грамоте из Разряда сказано: «а на нево Игнатия те его беглые крестьяне похваляются смертным убойством» (П. № 176, л. 5).

Крестьяне, бежавшие из Воронежского уезда в новый город Усмань и верставшиеся там в службу, возвращались в Воронежский уезд большими группами и разоряли поместья прежних помещиков. Об этом сообщает Грамота из Разряда от 17 июля 1650 г. «Прежиие крестьяие и бобыли приезжают воровски насильством с Усмани, собрався многими людьми человек по сороку и по пятьдесят и больше, и чинят де им, воронежским детям боярским и поместным атаманам и козакам, разорения и убытки большие» (Б. № 266, л. 107).

Своими нападениями и угрозами беглые крестьяне держали в страхе помещиков. Время совершения этих нападений — конец 40-х и 50-е годы. Увеличение числа крестьянских побегов в эти годы отражало обострение классовой борьбы крестьянства юга, которая к середине XVII в. слилась с общенародным движением.

«В половине XVII века, — писал М. Н. Тихомиров, — московское государство, иесомненно, переживало тяжелый кризис... тяжелое положение народиых низов и их недовольство выразилось в восстании 1648 года» [14]. Московское восстанне послужило началом волнений крестьян, посадских и служилых людей на обширных территориях севера и юга страны.

Сильные волиения произошли за эти годы в Курске, в Воронеже, Козлове, Талицком остроге (близ Ельца), в Короче, Ливнах, Усмани и других городах [15].

Восстания 1648 г. были выражением антифеодальной борьбы народиых низов «протнв крепостной системы и против отдельных иосителей этой системы» [16].

Когда горячие волны нового взрыва народного гнева докатились до южной окраины и грозили охватить ее пожаром восстания, «обере-

[13] Такое деление форм классовой борьбы «на актнвные» и «пассивные» бытует в работах некоторых советскнх историков: М. В. Горн, *Классовая борьба крестьян западно-украинских земель 1638—1648 гг.*, — ВИ, 1954, № 2; А. Г. Маньков, *Побеги крестьян в вотчинах Троицко-Сергиевского монастыря*, — «Уч. зап. ЛГУ», вып. 10, 1941.

[14] М. Н. Тихомиров, *Псковское восстание 1650 года...*, стр. 3, 5; «Хрестоматия по истории СССР», т. I, М., 1949, стр. 393.

[15] Е. В. Чистякова, *Воронеж в середине XVII века...*, стр. 11—12.

[16] С. В. Бахрушин, *Научные труды*, т. II, М., 1954, стр. 100.

гаиие украинных городов» стало в центре забот правительства. Широкая система мероприятий, проведенных правительством на юге, свидетельствует о том, сколь благопрнятной была почва, на которую попадали «прелестные письма» Степана Разина «ко всей черни» с призывом к восстанию, сколь основательно опасалось правительство нового восстания в тех местах, где в начале XVII в. собирал свои силы Иван Исаевич Болотников.

Классовая борьба крестьян против крепостничества не знает перерывов. «И в русской деревне, — писал В. И. Ленин, — всегда происходила... эта великая борьба» [17].

---

[17] В. И. Ленин, *К деревенской бедноте*, стр. 194.

Е. И. Самгина

СЛУЖИЛОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ЧЕРНСКОМ УЕЗДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

М. Н. Тихомиров в работе «Россия в XVI столетии» писал: «в течение нескольких веков в диком поле население располагалось как бы островками. Только в XVI веке медленно, но методически граница России продвигается на юг. В диком поле возникают новые города, заселяются, осваиваются новые районы, устраиваются сторожевые засеки, организуется станичная служба»[1].

Одним из таких городов в западной части системы южной оборонной полосы был город Чернь.

Город Чернь и Чернский уезд располагались в юго-западной части бывшей Тульской губернии, на водоразделе притоков Оки, рек Зуши и Упы. Он был одной из крепостей в общем оборонительном рубеже, которая наряду с Крапивной, Одоевом, Новосилем и Мценском закрывала доступ врагу со стороны Муравского шляха к заоцким городам

В первой половине XVII в. Чернский уезд был заселен слабо, особенно с окраин, хотя в центре его насчитывалось 49 населенных пунктов. Это объясняется несомненно беспокойным местоположением его между двух больших дорог (Муравского шляха — на востоке и Пахнутцовой дороги — на западе), по которым крымские татары совершали свои набеги в глубь Русского государства.

Первое упоминание о Черни встречается в завещании Ивана Грозного (1578 г.)[2], к этому времени, т. е. к 70-м годам XVI в., и следует отнести постройку самого города-острога на левом берегу реки Черни[3]. Установить точную дату возникновения города пока нет возможности, хотя В. П. Семенов[4] считает такой датой 1578 г., возможно, основываясь на дате указанного завещания.

Описаний внешнего вида города первой половины XVII в., к сожалению, не сохранилось. В описи городов 1678 г. указывается, что «город Чернь построен на речке на Черни стоячим острогом. По городу 9 башень, в том числе 3 башни с проезжими вороты, 6 башень глухих»[5]. В первой половине XVII в. Чернь была типичным острожком, население которого составляли ратные люди. Об этом свидетельствуют сохранив-

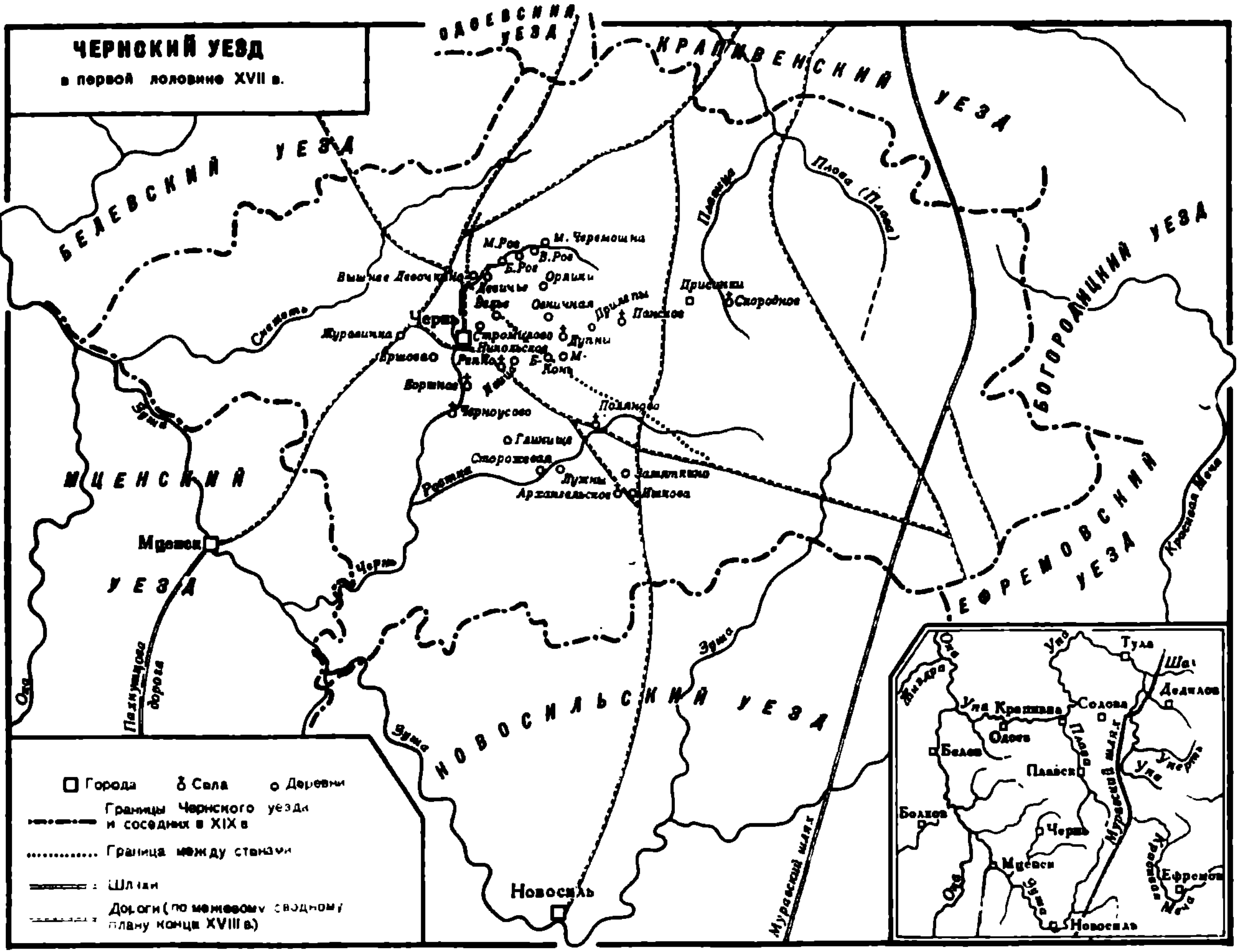
[1] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 415.

[2] ДДГ, М.—Л., 1950, стр. 435.

[3] «А на речке на Черни город Чернь от Мценска 30 верст, а от старые Крапивны 40 верст, а от Новые верст с 50 и больши», — см. «Книга Большому Чертежу». Под ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950, стр. 16.

[4] «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Под ред. В. П. Семенова, т. II, СПб., 1902, стр. 482.

[5] ДАИ, т. IX, СПб., 1875, № 106, стр. 262.


ЧЕРНОКИЙ УЕЗД
в первой лоловине XVII в.
ОДОЕВСКИЙ УЕЗД
КРАПИВЕНСКИЙ УЕЗД
БЕЛЕВСКИЙ УЕЗД
БОГОРОДИЦКИЙ УЕЗД
МЦЕНСКИЙ УЕЗД
ЕФРЕМОВСКИЙ УЕЗД
НОВОСИЛЬСКИЙ УЕЗД
Мценск
Новосиль
Чернь
Плова (Плава)
Плавица
Снежедь
Зуша
Ока
Ретина
Красивая Меча
Муравский шлях
Пахнуцкова дорога
М. Черемошна
М.Рог
В.Рог
Б.Рог
Орлики
Вышнее Девочкино
Девичье
Вязье
Овсяничная
Приданы
Пахнов
Прислиха
Скородное
Журавинка
Строилцово
Никольское
Дупны
Ерш
Бортное
Чернусово
Поляново
Гамница
Сторожевая
Лужны
Заматкино
Архангельское
Никова
Городa
Села
Деревни
Границы Черноского уезда и соседних в XIX в
Граница между станами
Шляхи
Дороги (по межевому сводному плану конца XVIII в)
Тула
Шат
Дедилов
Упа
Уперта
Крапивна
Солова
Одоев
Белев
Плавск
Болхов
Чернь
Мценск
Жиздра
Ефремов
Красивая Меча
Муравский шлях
Новосиль

шиеся источники. Сметный список 1630—1631 гг.[6], строельная книга 1640—1641 гг.[7], переписная книга 1646 г.[8] показывают, что посадского населения в городе не было, а населен он был стрельцами, казаками, пушкарями и затинщиками. Лишь небольшие частновладельческие слободы, примыкающие к городу, вносили некоторое разнообразие в состав служилого населения. Слободы эти принадлежали стольнику князю И. Ф. Лыкову[9], владения которого находились в Городском стане.

Чернские служилые люди, стрельцы и казаки, жившие в городе слободами, несли в основном сторожевую и оборонительную службу: они составляли гарнизон города, оберегали границы, посылались служить «на вестех», т. е. составлялн сторожи и станицы. Чернские стрельцы и казаки участвовали в походах против Ив. Заруцкого[10], в Новосильском сторожевом полку[11], 40 человек чернских стрельцов и казаков живет в Орле «переменяясь по два месяца», «на вестех во Мценску, в Новосили казаков по 2 человека живут понедельно»[12].

Постройка каждого города на южной окраине имела значение для дальнейшего освоения и колонизации Дикого поля; осваивались земли вокруг городка; сюда стекалось население, которое, уходя из центра, искало здесь спасения от крепостной зависимости хотя бы в приборной службе. Естественно, что «без поддержки населения, без его поступательного движения на юг дикое поле осталось бы незаселенным и новые города остались бы одиноки»[13].

С увереннстью нельзя сказать о времени, когда началось заселение Чернского уезда; не ясно также, существовало ли там сельское население до постройки острога. Известно только, что значительная часть, если не основная масса, поместий в уезде была роздана еще в XVI в.[14]. Тем не менее в уезде и в начале XVII в. оставалось еще много незаселенного Дикого поля, которое продолжало заселяться в последующие десятилетия[15]. Многие дети боярские (из 181 человека в 1630—1631 гг. — 130 человек) получили свои поместья по наследству от дедов, отцов, братьев; много упоминаний в источниках «о старых» поместьях, данных из Дикого поля.

Заселение уезда выражалось не только в раздаче поместий вблизи уже существовавших пунктов, но и в возникновении новых.

В 1615 г. в уезде насчитывалось 43 населенных пункта, в числе которых было 9 сел, 30 деревень да 4 пустых деревни и села. Источники постоянно отмечают появление жилых населенных пунктов: в 1630—1631 гг. на месте бывшего пустого села появляется деревня Стромилово[16], в 1645 г. заселяется бывшее пустое село Скородное, в котором сразу «испомещается 16 человек детей боярских»[17]. Можно привести много других примеров возрождения опустошеных в «смутные» годы населенных пунктов. За 15—16 лет (1615—1631 гг.) в уезде возникло всего лишь пять новых поселений. Между тем к 1615 г. стало уже око-

---

[6] ВОИДР, 1843, кн. 4, стр. 27.
[7] ЦГАДА, Поместный приказ (далее ссылка на фонд опущена), Строельная книга, № 371, лл. 428—460.
[8] ЦГАДА, Переписная книга, № 526, лл. 1—42.
[9] Племяннику боярина кн. Бориса Михайловича Лыкова.
[10] АИ, т. III, СПб., 1841, стр. 16.
[11] ВОИДР, 1849, кн. 3, стр. 35—41.
[12] РИБ, т. X, СПб., 1886, стр. 30.
[13] М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 420.
[14] ЦГАДА, Приправочная книга, № 524, л. 139.
[15] ЦГАДА, Отказные книги, № 8995, лл. 12, 13, 55, 56.
[16] ГИМ, ОР, Увар., № 76—4°, л. 8.
[17] ЦГАДА, Отказные книги, № 8995, л. 423.

до 40 населенных пунктов. Можно думать, что для возникновения такого числа населенных пуиктов к 1615 г. едва ли хватило бы времени от 70-х годов XVI в. до 1615 г., т. е. 45 лет, прошедших от возможиого момента основания острога. Конечно, возникновение первых поселений могло происходить быстрее, чем впоследствии, но все же нам кажется, что 45 лет для возникновения 40 населенных пунктов недостаточно. Чернский уезд, вероятно, имел населеиие и до организации при Иване Грозном укрепления в этом месте. Можно думать, что во время страшных татарских набегов 1570—1571 гг. эти места подвергались сильному опустошению; именно это обстоятельство могло послужить толчком к постройке здесь нового острога.

В первой половине XVII в. в Черискоы уезде прослеживаются три группы иаселения: дети боярские, казаки и владельческие крестьяне. Тщательный анализ имеющихся Чернских приправочных, писцовых и переписных киг за 1615—1646 гг. дает возможность проследить изменеиия количествеиного состава этих групп.

Земля распределяется в уезде неравномерно: бо́льшая часть оказывается в руках детей боярских, меньше у казаков и очень небольшой процент у завнсимого крестьянского иаселения.

Из приборных служилых людей в Чернском уезде жили казаки. Им принадлежала в городе слобода, а в уезде 3 села и 5 деревень. В приправочной книге 1615 г. часто указывается: «а на тое пашню была у них (казаков) Государева царева и вел. кн. Федора Ивановича грамота»[18]. Раз землей они владели по его грамоте, то и устроены, видимо, были в то же время. Весьма возможно, что они вербовались из пришлого и ставшего местным населения.

Казачьи села и деревни отличались своей населенностью. По данным 1615 г., в селе Черноусове насчитывалось 48 дворов, в селе Бортном — 40 дворов, в селе Полянках — 31 двор; число дворов в казачьих деревнях колебалось от 6 до 22. Всего в уезде в 1615 г. было 184 казачьих двора[19].

За свои службы казаки наделялись землей, которая давалась им сразу при испомещении. Обеспечеиие служилых людей за службу (стрельцов, казаков и др.) землей наблюдается почти во всех южных городах и уездах[20]. Каждому казаку в селе или деревне отводилась земля под двор, огород, гуменник в одинаковом размере (по 375 кв. сажеи); кроме того, казаки получали землю в уезде, в общем поле под пашию и угодья. Земля давалась сразу целой группе казаков, т. е. казакам всего села или целой казачьей деревне. Владели они этой землей иа общем осиовании, по одной иа всех даиной грамоте иа землю. Так, например, даио было казакам села Черноусова 240 четвертей земли[21]. Получнв землю, казаки каждого села и деревии делили ее поровну между собой. Первоначально размер земельной дачи, отводимой казакам того или иного села или деревни, не лимитировался определенными нормами. Поэтому казачьи владеиия разных сел и деревень были весьма различны. Однако к 1641 г. картина казачьего землевладения несколько меияется. Казачий оклад повсеместно уравнивался до 20 четвертей в одном поле, причем при отводе земель казакам указывалось владеть ею «через десятину, через межу по дачам».

---

[18] ЦГАДА, Пряправочная книга, № 524, л. 80.
[19] Там же, л. 85.
[20] В. А. Александров, *К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян*, — ВИ, 1950, № 10, стр. 88—92.
[21] ЦГАДА, Приправочная кияга, № 524, л. 80.

Общее уравнительное пользование угодьями приводило к тому, что все казаки данной деревни находились в одинаковом положении: они получали одинаковую землю и по качеству, и по отдаленности от жилья. Этот порядок землепользования характерен для южных приборных людей [22] и сходен с крестьянским общинным владением. В то же время он сближается с тем порядком, который складывался на южной окраине среди детей боярских.

Дети боярские владели в Чернском уезде бо́льшей частью земель. В 1615 г. за 181 землевладельцем числилось 10 728 четвертей земли в одном поле, «а в дву потому ж». С течением времени к 1630—1631 гг. число таких землевладельцев увеличилось до 288 человек и количество земли, находившейся в их владении, возросло до 13 423 четвертей. Земля эта распределялась очень неравномерно между помещиками. Одни владели поместьями очень небольшого размера в 5—20 четвертей в поле, в то время как в руках других сосредоточивалось до 200—300 четвертей. Таким образом, число помещиков возросло, в общем, за 15—16 лет на 26%, в той же степени, на 25%, возросло и общее количество розданной им земли.

Размеры поместий («в четях в одном поле, а в дву потому ж»)	Число землевладельцев		Увеличение	Количество земли (четвертей в поле)		Средний размер поместья (четвертей в поле)	
	1615 г.	1630—1631 гг.		1615 г.	1630—1631 гг.	1615 г.	1630—1631 гг.
От 5 до 25	27	45	18	508	803	18,8	17,8
» 26 » 50	59	72	13	2 282	2 687	38,6	37
» 51 » 75	62	68	6	3 915	4 201	63	61,7
» 76 » 100	20	20	—	1 817	1 823	90,8	91
» 101 » 200	10	18	8	1 365	2 469	136,5	137
Свыше 200	3	5	2	871	1 440	290	288
Всего . . .	181	228	47	10 758	13 423		

Как видно из приведенной таблицы, в уезде преобладали помещики, владевшие средними поместьями в 26—75 четвертей в поле, много также было и незначительных поместий в 5—25 четвертей. Крупных землевладельцев в уезде было мало (33 человека в 1615 г. и 43 — в 1630—1631 гг.).

Обычно при верстании в службу сыну боярскому отводился участок земли по окладу, т. е. определенного размера. Оклады большинства детей боярских Чернского уезда равнялись 100—150 четвертям, лишь у нескольких служилых людей оклад был выше указанного (350 четвертей у Бегичева, 500 четвертей у Паршина, 750 четвертей у Головина и др.) [23].

Преобладание в уезде мелких помещиков объясняется тем, что, как правило, при верстании детям боярским отводилась лишь часть окладной земли. Лишь с течением времени дети боярские получали, смотря по ходу их службы и местным земельным возможностям, добавки к своим поместьям, каждый раз по челобитью заинтересованных лиц. Таков был общий порядок. Правительство, конечно, учитывало благоприятные для ведения сельского хозяйства почвенно-климатические условия,

[22] В. Александров, *К вопросу...*, стр. 91—92.

[23] Это устанавливается по Чернским писцовым книгам 1630—31 и отказным 1622—1658 гг.

характерные для южных уездов, и ие было расточительным в отношении земельиого фонда.

С 1615 по 1630—1631 гг. общее количество поместных землевладельцев увеличилось в уезде на 47 человек, причем главным образом за счет мелких помещиков. Кроме того, мелкие владения образовывались в результате дробления поместий при передаче их по наследству.

	Всего землевладельцев	Из них получало земли		
		по наследству	от чужеродцев	из Дикого поля
По приправочной книге 1615 г.	181	130	21	30
По писцовой книге 1630—1631 гг. . .	228	173	37	18

Число крупных землевладельцев возрастало медленно. Крупные поместья образовывались исключительно путем увеличеиия небольших поместий в результате прирезок и додач. Большею частью среди крупиых землевладельцев встречаются все те же черняие, раиее имевшие небольшие земельные владения и затем получавшие прибавки в дополнение к «старым» поместьям. В основном Чернский уезд в первой половине XVII в. был заселен мелкопоместными детьми боярскими и небольшой группой более крупных помещиков.

Другая особенность этих мест заключалась в том, что подавляющее число мелких поместий было почти лишено крепостного населения. Все имевшиеся в уезде крепостные сосредоточивались в основном в руках небольшой группы более крупиых помещиков — детей боярских.

При сравнении даиых 1615 и 1630—1631 гг. выясняется, что число крепостных крестьяи увеличивалось именно у крупных землевладельцев, имевших более 200 четвертей земли.

В одном селе или деревне могли проживать дети боярские с разным окладом, а следовательно, и с разной земельной дачей, что чаще всего и бывало. Помещикам каждого села и деревни отводилось в общем поле определенное количество земли. Часто деревням и селам давалась земля «сверх дач» и из этих так называемых «примерных» земель выделялись поместья новым детям боярским или старым в дополнеиие к их жеребьям.

Почти для всех детей боярских Чернского уезда было характерно жеребьевое, т. е. долевое, владение землей. Обычно поместье состояло из иескольких, чаще двух-трех жеребьев (долей), находившихся в разных деревнях и селах. По своим размерам жеребьи были различны, но преимущественно небольшие (10—30 четвертей в одном поле). Поэтому мелкопоместные дети боярские часто владели одним жеребьем; бывали, однако, случаи, когда поместье состояло из четырех-пяти, а то и больше жеребьев. Например, землевладелец Паршин Фрол Егупович владел поместьем в 96 четвертей, состоявшим из 6 жеребьев.

Часто встречались случаи, когда почти все жеребья деревни принадлежали одной или двум-трем фамилиям. Выделялась в Пятницком стане деревня Конь, в которой из 12 жеребьев 10 принадлежало Севрюковым, находившимся в родстве между собой; в селе Дупны из 10 жеребьев 5 принадлежали Сопрыкиным, 3—Степкиным и 2—Малыхиным. Для таких многодольных деревень были характерны жеребьи очень не-

большого размера, образовавшиеся в результате многократного дробления поместий.

Практиковавшаяся в то время мена отдельными долями жеребья еще больше увеличивала дробность и разбросанность владений и лишь иногда приводила к устранению их лоскутности. Так, сын боярский Зиборов, владевший поместьем в деревне Малый Конь Пятницкого стана, променял часть своего жеребья в этой деревне на земли в пустоши Хорошая Поляна Городского стана у своего племянника Трубникова Поликарпа [24]. Таким образом, и без того небольшой жеребей (40 четвертей) он разбил на две доли (30 и 10 четвертей); если ранее он имел всю землю в одной деревне, то после мены владел ею в двух разных деревнях. Таких примеров можно привести несколько [25].

Жеребьевое владение поместьем в XVII в. было широко распространено в Русском государстве, особенно среди мелкопоместных служилых людей. Оно было характерно как для замосковных помещиков [26], так и для южных детей боярских. Связано жеребьевое владение было также с коллективным испомещением служилых людей, характерным для южной окраины. Так, путем одновременного испомещения семи человек в 1629—1630 гг., был создан починок Хорошая Поляна [27], где землю сразу же разбили на семь отдельных жеребьев. Часто участки свободного Дикого поля отводились дополнительно нескольким служилым людям, причем также в коллективное владение.

Только в единичных случаях выделялись владения половинами или целыми деревнями, принадлежавшими обычно крупным феодалам. Так, в 1615 г. в Городском стану деревня Нижняя Ивица находилась во владении детей боярских Офросимова и Егупа Паршина [28]; в 1630—1631 гг. деревня Замятнина делилась пополам между Киреевым и Маховым [29]. Целыми деревнями владели в 1615 г. боярин Ив. Вас. Голицын (деревни Веля, Ершова, Журавинка, Стромилова), в 1630—1631 гг. стольники князья И. Ф. Лыков (деревни Веля, Стромилова) и Ю. А. Сицкой (деревни Ершова, Журавинка) [30]. Такие владения составляли исключения среди общего жеребьевого владения.

Интересный материал о порядке пользования землей дают отказные книги, в которых обычно при «отказе» поместий указывалось, как владеть пахотной землей и угодьями. Большей частью в них указывалось: «А пашню ему пахать с помещики тово ж села Никольского с черняны с детьми боярскими (имя рек) через десятину, а не врознь и не выбором», или: «а владеть тому Цымбалу Орнаутову тем своим поместьем в деревне и в пустоши с помещики вопче, которые с ними в одной меже, через десятину, а не врознь и не выбором» [31]. Это касалось одновременно испомещенных группой служилых людей, владения которых находились в одной меже. Так же часты случаи, когда указывалось пахать «через десятину» двоим или троим. Так, при отводе Прохору Ишкову $10^1/_4$ четвертей в деревне Дехтевой отмечается: «пашню ему пахать с Артемом Беловым через десятину, а не врознь и не выбором» [32]. Такое пользование пашней было преобладающим. Суть его состояла в том, что нельзя было пахать отдельно от соседей на особо выделенном уча-

[24] ГИМ, ОР, Увар., 76—4°, лл. 315—316.
[25] Там же, лл. 349, 359, 375.
[26] Ю. В. Готье, *Замосковный край в XVII в.*, М., 1937, стр. 270.
[27] ГИМ, ОР, Увар., 76—4°, лл. 186—196.
[28] ЦГАДА, Писцовая книга, № 524, л. 31.
[29] ГИМ, ОР, Увар., 76—4°, лл. 130—131.
[30] Там же, лл. 1—26.
[31] ЦГАДА, Отказные книги, № 8995, лл. 57—58.
[32] Там же, лл. 31—33.

стке; следовало считаться с интересами своих товарищей, т. е. всей группы, которой был сделан отвод в одной меже. Поэтому пахоте подлежали лишь те участки земли, которые по согласованию между всеми доставались отдельному служилому человеку.

В делах Приказного стола Разрядного приказа сохранился чертеж (с надписями и текстом досмотра) чересполосного землевладения детей боярских в Курском уезде, хотя и за более позднее время — 1701 г.[33].

Вопрос о землевладении южных служилых людей XVII в. разрабатывался целым рядом исследователей[34]. Анализ же публикуемого в приложении досмотра и чертежа, а также данных отказных книг по Черни дает, как нам кажется, возможность наглядно представить себе эту систему владения «через межу, через десятину».

Каждое из трех полей по обычной трехпольной системе делилось в соответствии с условиями поместного отвода (по числу помещиков и в соответствии с размерами их дач) на загоны, т. е. участки определенной величины (в нашем случае, например, по 4 четверти). Загоны в каждом поле располагались группами по десяти; между десятками загонов делались проходы. Эти десятки, вероятно, и назывались «десятинами», и они-то и имелись в виду, когда употреблялось выражение «через десятину».

В каждом десятке всем давалось по определенному числу загонов в строгом порядке соседства так, чтобы в общей сумме все полученные загоны составляли целую дачу. Таким образом, никто не имел отдельно выделенной от других всей своей дачи, а получал чересполосно с соседями по определенному участку в каждом десятке, и соседи у него в каждой «десятине» (в каждом десятке загонов) были одни и те же; участки соседей разделялись межами. Несмотря на коллективный порядок размежевания, каждый служилый человек владел своими участками на личном праве.

Порядку владения «через десятину» противостоит порядок владения «с одного» или «выбором». Оба эти понятия отрицают порядок чересполосного владения. Владение «с одного» предусматривает владение в одном месте; владение «выбором» может иметь различное конкретное значение в зависимости от обстоятельств отвода, но по сути своей и оно отрицает смысл чересполосной сябринной системы. Запрещение правительством указанных порядков землепользования («пахать через десятину, а не с одного и не выбором») свидетельствует, по-видимому, о стремлении служилых людей обойти сябринный уравнительный принцип. Поэтому правительство обычно вело с этой тенденцией борьбу, когда дело касалось приборных или мелкопоместных служилых людей.

Впрочем, помимо указанных порядков владения землей иногда допускались и другие. Например, при отводе поместья Зиборова в деревне Силиной новым помещикам Бешкерову и Семенихину указывалось: «А пашню пахать тому Исаю и Оснпу вопче, а не врознь и не выбором, и не через десятину»[35]. У этих помещиков пашня, очевидно, должна была быть в общем пользовании и обработке.

---

[33] Этот чертеж опубликован, но только как иллюстрация чересполосного землевладения на южной окраине России в XVII в. в «Очерках истории СССР. XVII в.». М., 1955, стр. 141. Полный текст досмотра и чертеж публикуется ниже.

[34] И. П. Миклашевский, *К истории хозяйственного быта Московского государства в XVII в.*, ч. 1, М., 1894; Н. Г. Шмелев, *Несколько замечаний об однодворцах*, М., 1901; Н. А. Благовещенский, *Четвертное право*, М., 1899; П. Иванов, *Сябры — помещики*, — ЖМНП, 1903, № 12; А. А. Новосельский, *Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.*, — ИЗ, 1938; № 4; В. А. Александров, *К вопросу...*

[35] ЦГАДА, Отказные книги, № 8995, лл. 65—66.

В тех случаях, когда поместье переходило близким родственникам, например жене и детям, вся земля обычно отмежевывалась всем в одном месте. Так, при отводе поместья Филиппа и Ивана Ишковых детям Филиппа, Прохору и Петру, указывалось: «разделил обоим сряду с одново, а ие врознь и не через землю и не через дворы и не выбором»[36]. Здесь, как видим, отводилась земля каждому в одном месте, а потому порядок землепользования не оговаривался.

В других случаях делалось иное указание: «а отказал то им поместье Ивану и Титу Онтоновым детям Венюковым, обоим сряду с одного, а пашню пахать Ивану да Титу через десятину, а не выбором»[37]. Таким образом, несмотря на то что земли отводились в одном месте «сряду», пахать онн должны были между собой опять-такн «через десятину», т. е. как сябры.

Как исключение встречается один случай, когда поместными землями предписывалось владеть одному хозяиину: «а пашню ему (Мальцову Аверкию) пахать, сено косить и лес сечь и поместным угодьем владеть на том своем поместье одному»[38].

Что касается угодий (сенных, лесных и проч.), то ими обычно владели сообща те дети боярские, владения которых находились в одной меже: «а сено косить и лес сечь и всяким поместным угодьем владеть с теми помещики, которые с ним в одной меже». Сена каждый служилый человек косил соответственно своей земельной даче. Все остальные угодья всегда были в общем владении и пользовании как у мелких служилых людей по отечеству, так и у приборных людей (казаков, стрельцов): «А лес им большой Огнической хоромной и дровяной и выгоны вопче с помещики деревни Коня»[39].

Итак, порядок землепользования детей боярских примерно был таков же, как и у казаков, которые пахали «через межу», «через десятину» и угодьями владели «вопче». Как у казаков, так и у детей боярских возникали определенные хозяйственные отношения при распределении участков земли, при наблюденяи за установленным порядком пользования землей, а значит, создавались и условия для некоторой общинной организации.

Однако есть и значительные различия между казачьим и служилых землепользованием. Следует помнить, что в XVII в. правительство с правовой точки зрения по-разному смотрело на землевладение служилых людей по отечеству и приборных служилых людей. Местная администрацяя легко могла исключить казака со службы или перевести в другое место. Одновременно нарушалась и его связь с участком, который давался во временное, исключительно условное пользоваиие. Владение помещика было более прочным. Если он даже и переводился в другое место, то поместье его сохранялось за ним до тех пор, пока помещик сам не отказывался от него, найдя себе другое, об отводе которого он сам бнл челом. Условия дачи поместья не были так однообразны, как при «строеняи» казачьих служб. Казаки получали равные «службы». Служилые люди по отечеству получали значительно более крупные земельные дачи, причем размер их зависел от ряда обстоятельств социального порядка. Этим объясняется в значительной степени разнообразие формул о порядке землепользования, с которым мы встречаемся в источниках при отводе поместных дач.

---

[36] Там же, лл. 1—3.
[37] Там же, лл. 80—82.
[38] Там же, лл. 65—66.
[39] Там же, лл. 8—10.

У казаков порядки товарищеского землепользования строже и последовательнее проводились в жизнь одинаково для всех; в землях помещичьих картина усложняется всякими отступлениями.

Вместе с тем среди служилых людей по отечеству определенно намечалась дифференциация порядков землепользования: у мелкопоместных помещиков-однодворцев складывалось сябринное землепользование в формах, наиболее близких к казачьему землевладению; более крупные землевладельцы имели возможность освободиться от стеснявших их форм товарищеского землевладения. Само наличие у них крепостного люда, которому надо было выделить особую запашку, не давало возможности уложиться в узкие формы товарищеского землепользования.

Таким образом, уже в первой половине XVII в. в уездах южной окраины (как это видно на примере Чернского уезда) Русского государства в формах землевладения можно наблюдать две расходящиеся линии развития: мелкие, не имеющие крепостных помещики-однодворцы усваивают тип сябринного землевладения; более сильные представители помещичьего класса, обеспеченные крепостным трудом, идут явно по линии развития обособленного владения на вотчинном праве. Известно, что в это время общая тенденция поместного землевладения в центре Русского государства заключалась в постепенном сближении поместного землевладения с вотчинным. Ниже приводится текст досмотра поместных земель 1701 г. и чертеж к нему.

1701 г. Досмотр поместных земель в Курском уезде в Подгородном стану в деревне на Старом Переседе по челобитью помещика Самсона Денисова.

«Лета 209 мая в 29 день по указу и великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца и по наказу стольника и воеводы князя Дмитрия Андреевича Кондорова-Мосальского с товарищи за приписью дьяка Михайла Жериова велено Федоту Андреевичу Горянову да подьячему Кузме Латынину ехать в Курский уезд, в Подгородный стан, в деревию Переседову да за речку за Дичиу на поместные земли курчеиина Милеитья Трофимова сына Авдеева да Самсона Агеева сына Денисова, что ои Самсои искал на нем Милеитье владеиья поместиой с своей земли против крепостиой дачи той земли, сколько кому дано с старожилы и стороиими людми описал и измерил имеино: та ево Самсоиова земля с Милеитьевою землею Авдеева и сына ево Любима через десятину ль и с их землею смежна ль, иль та земля с ево Милентьевою и сына ево Любима земля иесмежна и ие через десятину и ие в тех местех, где Милеитьева и сына ево Любимова земля в иных местех и с иными помещики [смежиа ль]; и иыне та ево Самсоиова земля порозжа ль или запахаиа и хлебом засеяна; и про ту землю с старожилами и стороиними людьми сыскивал в правду, в прошлом 196 году по 209 год тою ево Самсоновою землею владеет и иыне ту землю запахал и хлебом засеял он Милеитей или та Самсоиова земля порозжа и иихто ею ие владеет, и по сыску будет ево Самсовова земля явится во владевьи Милентья Авдеева и сына ево Любима, и ту Самсовову землю измерить в десятины, и на той земли посеяной всякой хлеб им потом уж отписать именно; и до указу великого государя того хлеба Милеитью и Самсону и ивым никому жать ие велеть, а описать то все именно, измерив, учиинть той всей земле чертеж и в чертеже ту землю, которой владеиья искал Самсои Деиисов, в которых местех та ево Самсонова земля с Милеитьевою и сына ево Любима землею смежна или с иною с чьею или порозжа ль или запахаиа и хлебом засеяна, то все потомуж иаписать именно со всякою подлиниою очисткою с размером.

И мы, Федот да Кузма, приехав в деревню на Старом Пересаде и за речку Дичиу на землю Самсона Денисова да Милентья Авдеева, взяв с собою старожилов и сторониих людей, и с теми стороиними людми по крепостем той земли, в которых местех и сколько кому дано, по дачам в 157 году дано в Курском уезде в Подгородном стану в деревие иа Старом Переседе Дмитровское поместье Малыхина 150 четь: Федосею Малютину, Михаилу Истомину по 75 четь человеку, да в той деревие Филипповское поместье Благова 50 четь дано Любиму Авдееву, да в той же деревие дано Любиму Долженкову 20 четь; и тою ж дачею Федосея Малютииа жеребьем владеет виук ево Андрей Малютии, а Михайловым жеребьем Истомив владеет Милеитей Авдеев с сыном Любимом по 75 четвертей, а к той Михайловой

дачи к 75 четям дано Саве Анофриеву 44 четь без третника, Самсону Денисову 20 четь с третником, Любиму Авдееву 11 четь; да в той же дачи Филипповское поместье Благова 50 четь дано Любиму Авдееву, и теми 50 четвертями и до сего числа владеет Милентей Авдеев с сыном Любимом да с Андреем Малютиным пополам для того, что та земля у них вспоре; и против вышеписаниых крепостей той земли, в которых местех сколько кому дано, сторожилы и стороиними людми отписали именно и владенья, что искал Самсон Денисов на Милеитье Авдееве и на сыне ево Любиме, отмерил и той земли учиинен чертеж; а по осмотру та ево Самсоиова земля с Милентьевою землею Авдеева и сына ево Любима в Курском уезде, в Подгородиом стану, в деревие на Старом Переседе за речку Дичиу явилось в одном поле через межу, и тою ево Самсоиовою землею ои Милеитей с сыном своим Любимом аладеет, и ево Самсонов жеребей запахали и хлебом засеяли: в еровом клину еровым хлебом 5 загонов, в парииом клину 4 загоиа, в оржеиом клину засеяно рожью 5 загонов, а по мере те загоиы поперечнику по 20 сажеиь... а владеет Андрей Малютии и Милентей Авдеев с сыиом Любимом и Любимом Долженковым поместиыми своими землями по своим дачам через межу, а Самсонов жеребей 20 четь явился во владеиьи Милеитья Авдеева и сына ево Любима, что ему Милеитью и сыну ево Любиму дано из Михайловского поместья Истомииа.

А у досмотру и у обыску были курченя Аидрей Агеев сыи Малютии да ево крестьяие Сввридко Данилов, Якушко Дуев, Автипка Тимофеев, Ивашка Холеиов, Игиатка Чекадаиов и сказали по святой и непорочиой евангельской заповеди господией в правду: в Курском уезде, в Подгородном стану, в деревне на Старом Переседе Самсоиовою дачею Денисова Милеитей с сыиом Любимом и Любимом Долженковым владеют через межу.

А стороиние люди, которые живут поблизку от их Самсоиовой и Милевтьевой земли, по многим по сыскам для осмотру и розыску той ево Самсоиовой земли Денисова не бывали, а который хлеб во владеньи и в запашке по досмотру явилси Милеитьева и сына ево Любима, и того хлеба им Самсоиу и Милеитью до указу велнкого государя жать не велено».

Под чертежем на л. 266 помещен следующий текст:

«Поместиая дача в деревни на Старом Переседе Дмитровское поместье Малыхиа 150 четей дано Федосию Малютиву да Михаилу Истомину в 157 году; с того числа и до сего числа Федосеевым жеребьем владеет внук его Аидрей Малютии, да Михайловым жеребьем Истомииа владеет Милентей Аадеев с сыном с Любимом по 75 четь; а к той Михайловой дачв дано Саве Авофрееву 44 без третника, Самсону Денисову 20 четь с третвиком, Любиму Авдееву 11 четь. Да в той же дачи Филипповское поместье Благова 50 четь дано Любиму Авдееву; и тою 50 четьми и до сего числа владеют [Милеитий] с сывом Любимом с Андреем Малютиным пополам для того что та [земля] у иих в споре; да в той же даче Любиму Долженкову 20 четей; и тою вышеписаниою землею оии, Андрей и Милеитей с сыиом и Любим Долженков владеют по дачам через межу; [а Самсо]ов жеребей из Михайловой дачи Истомина явился во владеиии Милеитья Авдеева».

ЦГАДА, Разрядный приказ,
Приказный стол, № 2449, лл. 263—266.

Из текста досмотра видно, что в 1648/9 г. в Курском уезде в деревне на Старом Переседе (в Подгорном стану) бывшее поместье Дмитрия Малыхина 150 четвертей было разделено поровну между Федосеем Малютиным и Михаилом Истоминым по 75 четвертей, в той же деревне бывшее поместье Филиппа Благова — 50 четвертей дано было Любиму Авдееву, здесь же было дано поместье Любиму Долженкову — 20 четвертей, всего 220 четвертей. К 1701 г. жеребьем Федосея Малютина 75 четвертей владел внук его Аидрей Малютин, жеребьем Михаила Истомина — Милентий Авдеев с сыном Любимом. И к этой Михайловой даче Истомина, к 75 четвертям, дано было 44 четверти Саве Анофриеву, 20 четвертей Самсону Денисову, 11 четвертей Любиму Авдееву; да этому же Любиму отдано поместье Благова 50 четвертей.

Однако этот порядок не удержался: Самсон Денисов с 1688 по 1701 г. был в отсутствии, очевидно, и его 20 четвертей стали обрабатывать Милентий и Любим Авдеевы, но в то же время Андрей Малютин стал оспаривать передачу Любиму Авдееву Благовского поместья (50 четвертей) и они начали пахать его пополам: 25 четвертей — Анд-

Чертеж досмотра

рей Малютин, 25 четвертей — Милентий и Любим Авдеевы. Долженков продолжал владеть 20 четвертями по-прежнему.

Самсон Денисов, вернувшись, учинил иск о возврате ему запаханного и засеянного его жеребья — 20 четвертей. Посланным для досмотра Федоту Андреевичу Горяинову с подьячим Кузьмою Латыниным велено было установить: «Самсонова земля с землей Милентия Авдеева и сына его Любима через десятину ли и смежна ль с их землей? Землю Самсонова измерить в десятины и посеянной на его земле хлеб отписать и заказать никому жать не велеть до государева указа». Досмотр был выполнен и представлен чертеж, копия которого здесь воспроизводится.

Сторонние люди, понятые курчане, показали, что Милентий Авдеев с сыном Любимом Самсоновой дачей Денисова владеют «через межу», запахали давно и хлебом засеяли. Ближние соседи на осмотр и обыск не явились. Велено было хлеб не жать до государева указа.

Анализ публикуемого документа и обозначений на чертеже показывает:

1) *загоны* — это доли, обозначенные тремя параллельными линиями.

2) ширина их в данном случае 20 сажен, длина равна поперечнику клина (*клин* — это ряд загонов — ярового, парового и озимого поля); точнее, длина здесь равна 240 саженям, если считать десятину равной 2400 кв. саженям (2 четверти).

3) над нижней полосой загонов ярового поля проставлены инициалы владельцев загонов, которые расшифровываем так:

Д — Долженков — 5 загонов; у него 20 четвертей в поле; значит, загон равен 4 четвертям — 20 : 5 = 4 четверти.

Г за Л — Три загона Любимовы: всего у него 15 загонов (15×4 = =60 четвертей), причем отмечено: «в сих трех (разумеется, загонах) Любима 11 четвертей» (как ему было дано), «Благова 50 четв.», следовательно 61; результат почти сходен.

С — Самсонов: всего 5; 4×5=20 четвертей; то, что ему было дано.

Труднее расшифровать с уверенностью *М* и *А*, так как таких инициалов много, а основные два владельца — Андрей Малютин и Милентий Авдеев, имеют одни инициалы, хотя и расположенные в обратном порядке.

М — 11 загонов — 4×11 = 44 четверти.

А — 14 загонов — 4×14 = 56 четвертей.

Но 44 четверти числятся за Савой Анофриевым, который, видимо, не удержался во владении. Поэтому думаем, что:

М — Малютин Андрей, а

А — Авдеев Милентий, так как загоны *С*, т. е. Самсоновы, всюду находятся рядом с *А*, а исходя из смысла текста, они с загонами Милентия и его сына Любима Авдеева должны быть смежны.

4) *«Через межу»* — значит рядом, но *размежеванно*, а *не* в общем загоне, *не* в общем владении.

5) *«Через десятину»* — мы видим, что во всех клиньях через каждые 10 загонов проход. Суть порядка состоит в том, что все дольщики владеют в каждой из этих групп по соответствующему их дачам числу загонов в определенном порядке соседства; так, например, три загона Любима во всех пяти группах расположены рядом с Долженковым справа и с Авдеевым слева (за одним исключением, где в целях уравнения уставлен добавочный загон для Малютина и потому получилось не 10, а 11 загонов за счет соседней группы, где 9 загонов).

Вот эти-то группы *по 10 загонов* и есть, как нам кажется, *«десятины»*, имевшиеся в виду в выражении: *«через десятину»*.

А. Н. Мальцев

«ШИШИ» НА СМОЛЕНЩИНЕ И В БЕЛОРУССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Официальные русские документы в середине XVII в. «шишами» или «воровскими людьми» называли партизан Псковского уезда во время восстания 1650 г.[1]. Термин «шиши» встречается и позже.

Русские источники за первую половину 1655 г. свидетельствуют о выступлениях шишей на Смоленщине и в восточной Белоруссии — Мстиславльском и Полоцком уездах. Кто же такие шиши? Какими данным о них мы располагаем?

В первых числах января 1655 г. в Любавицкую волость пришло 600 литовских конных людей, к которым «пристали Любавитцкие и Микулинские и иных волостей мужики с 3000 человек». Они захватили Алексея Рожнова и 34 казака, находившихся с ним на заставе[2].

В это же время смоленский воевода Г. Г. Пушкин направил Селиверста Рожнова с небольшим отрядом солдат в Смоленский уезд в село Мигиовичи «для обереганья крестьян от шишей». С. Рожнову стало известно, что собралось около 800 дубровинских, романовских и зверовицких крестьян, которые пошли в Смоленский уезд «воевать». Со своим отрядом, «прибрав» кадинских и других крестьян «человек с 300», он направился в село Самсоново, где нанес шишам поражение, захватил пленных и четыре знамени.

Среди пленных был копысский шляхтич Захарка Федоров. Во время допроса З. Федоров рассказал, что он был в шишах, «а шишей де в Зверовичах тысечи с полторы, а старшины де у шишей пан Дынка» и ростригa И. Мещеринов. Дынка и Мещеринов с отрядом в 800 шишей ходили в Смоленский уезд, в село Самсоново и другие села, где у них с русскими ратными людьми были бои. З. Федоров сообщил также, что в селе Красном «у шишей начальным человеком Кетович, а в зборе с ним людей человек с 300, а в Зверовичах пан Вылуск, а с ним шишей тысечи с полторы... А в заводе у шишей у всех пан Дынка да Янковский, да Межевич, да Вылуск, а Дынку де с товарыщи прислал Родивил»[3].

В середине февраля 1655 г. шиши снова приходили к селу Самсонову. Во время боя были захвачены копысский шляхтич Филонка Красовский, пять «крестьян-шишей», а также знамена. Крестьянин Сенька Дичков рассказал, что они из села Романова, стояли в Зверовичах, а «начальные де у них люди пан Дынка да Вериян». Захваченные кре-

[1] М. Н. Тихомиров, *Псковское восстание 1650 г.*, М.—Л., 1935, стр. 86.
[2] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, стлб. 212, л. 20 .
[3] Там же, лл. 135—136.

стьяне-шиши были наказаны кнутом, им отрезали носы и уши, после чего их отпустили по деревням для устрашения остальных шишей[4].

В марте — апреле 1655 г. выступления шишей продолжались. Источники отмечают, что «збрався литовские люди шиши уездных людей побивают и дворы их грабят и разоряют», как это было в Никитской волости Полоцкого уезда. Шиши, как правило, выступали вместе с польско-литовскими воинскими частями. Так, под Рославлем вместе с литовскими людьми были «воры мстиславские и кричевские мужики, которые государю изменили». В начале мая 1655 г. в село Донты Полоцкого уезда пришел из обоза Я. Радзивилла полковник Лозовский с литовскими ратными людьми и с «мужиками, с шиши» Полоцкого уезда.

Обращает на себя внимание и то, что русские воеводы в борьбе с шишами использовали не только солдат, стрельцов, присягнувшую белорусскую шляхту, но и «уездных людей» — крестьян и мещан[5].

Последние данные о шишах, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся к маю — июню 1655 г. В это время шиши еще действовали в районе Мстиславля, Дубровны, Горок, Гор, Романово в Полоцком уезде, под Озерищами. В частности, в Полоцком уезде действовал отряд из 600 шишей во главе с паном Матвеем Можейкою[6].

Шишами были крестьяне. Но почему шиши разоряли остальных крестьян, жгли деревни и села? Почему русским властям в ряде случаев приходилось оберегать крестьян от шишей? Почему отряды шишей возглавляли обычно представители шляхты, да еще присланные крупнейшим литовским магнатом Я. Радзивиллом? Откуда у шишей знамена, барабаны? Чем объяснить, что шиши всегда выступали вместе с польскими и литовскими войсками? Приведенные выше свидетельства источников дают только отдельные штрихи для характеристики шишей, иногда очень важные, но не позволяют удовлетворительно объяснить причины, характер, направленность выступлений шишей и пр.

Пожалуй, более полные ответы на эти вопросы дает следственное дело о шишах Колесниковской волости Мстиславльского уезда.

В конце мая 1655 г. против колесниковских шишей был отправлен отряд во главе с воеводой О. Щербатовым. Во время этого похода пропал курмышенин, боярский сын Григорий Внуков, который по возвращении, в начале июня, рассказал, что его схватили шиши села Милютина — войт Родка и крестьянин Андрюшка, продержали всю ночь на стану, после чего отвели в Мстиславль к казакам. Внуков слышал от них, что шишей в сборе «с три тысячи человек, да шляхты с человек с пятнадцать, а полковник де у них Якимком зовут, крестьянин тутошной. А слышал де он от них, что они хотят быть под государевою высокою рукою».

Из Мстиславля казаки отпустили Внукова с письмом от казацкого сотника Каленика Хаменко, бурмистра Андрея Мартынова и других,

---

[4] «По тем же распросным речам шляхтича Филонка Красовского да крестьянина Сеньку Дичкова за их воровство, что они тебе государю измени ходили в шишах и твоих государевых людей побивали, велели повесить. А достальных крестьян... велели казнить торговою казнью, бить кнутом нещадно и отрезать у них носы и уши и послать их велели в те же в деревни, где шиши збираютца, чтоб они, на них смотря, устрашились и от воровства унелись. Да и с ними, государь, мы холопи твои приказывали с большим пристрастием, чтоб они от воровства унелися, помня твое государево крестное целованье, служили тебе государю и нас, холопей твоих, по твоему государеву указу слушали во всем по-прежнему» (там же, лл. 133, 134).

[5] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, стлб. 262, лл. 37, 38, 39, 111.

[6] Там же, лл. 95, 167, 179—181, стлб. 254, лл. 517, 518; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. II, л. 59.

в котором говорилось, что те крестьяне, которые захватили Внукова, «государю бьют челом и хотят ему, государю, крест целовать».

Боярином Б. А. Репниным в Мстиславль был послан И. Д. Сонцов, которому было велено «у села Колесников и иных сел и деревень шишей привесть к вере». Сонцов должен был из Мстиславля послать к шишам казаков и мещан, взяв их у казацкого сотника К. Хаменко и бурмистра А. Мартынова, чтобы они призывали шишей от «воровства отстать», идти в Мстиславль и принести присягу Московскому царю. Хаменко казаков Сонцову не дал, ссылаясь на то, что он прислан в Мстиславль от чаусского полковника Василия Хащенко. Тогда Сонцов попросил казаков у Хащенко, но последний дал ему только трех человек.

Бурмистр, протопоп и мещане города Мстиславля спрашивали у Сонцова, не будет ли тем крестьянам, которые дадут присягу, какого-либо наказания, на что Сонцов отвечал, что присягнувших казнить не велено. После этого бурмистр, протопоп и мещане поехали по селам и деревням звать крестьян идти в Мстиславль к Сонцову. Вернувшись туда, они сообщили Сонцову, что «ис сел и деревень крестьяня во Мстиславль... будут, а иные мужики итти боятца смертной казни».

В тот же день ночью Сонцову сообщили, что видели, как к казацкому полковнику В. Хащенко и сотнику К. Хаменко на двор проехали «шишевской полковник» Яким Потапов — «кожеховский войт» с двумя людьми.

И. Сонцов немедленно послал дворян арестовать Якима Потапова и его спутников, которыми оказались сотники Яким Лапенок и Андрон Киселенок. Когда зарецкие крестьяне узнали, что их «начальные люди» арестованы, они начали приходить в Мстиславль человека по два — по три и приносить присягу.

Помимо Я. Потапова, сотника Я. Лапенка, «которые ходили с шишами», сотника А. Киселенка, «что с Поклонским был изменник», были арестованы войт села Колесники Карп Иевлев с сыном Федором и войт Родка, отказавшийся принести присягу. К. Иевлев был зятем Я. Потапова и собутыльником казацкого полковника Хащенко. У Я. Потапова было изъято знамя, которое «прислано от Радзивилла».

На следствии, происходившем в разрядном шатре у боярина Б. А. Репнина, Яким Потапов признал, что «лист де ему и знамя прислал Родивил с Петром Каменским и велел ему, Якимку, полковником быть и людей собирать и велел от Смоленска от государевых людей оберегатца».

Я. Лапенок на очной ставке с Я. Потаповым, у которого он был сотником, говорил, что Потапов с шишами ходил в Смоленском уезде на многие населенные пункты (Прудки, Черепово, Федорово, Васильево, Прилепово, Борисково, Матвеево и др.), в тех селах и деревнях имущество грабил, села и деревни жег.

Когда летом 1654 г. русский воевода А. Н. Трубецкой с войсками пришел под Мстиславль, то на другой день Я. Потапов, «собрався со многими людьми», совершил нападение на русских ратных людей и нанес им урон. Еще во время Смоленской войны 1632—1634 гг., когда под Смоленском стоял боярин Михаил Борисович Шеин, Я. Потапов «был с шишами полковником», нападал на русские войска и тогда же был ранен.

Войт села Колесники Карп Иевлев по поручению мстиславского воеводы И. Ф. Пушкина был войтом над всеми селами и деревнями по Заречью, собирал «на государя» деньги, хлеб, мед и прочие столовые припасы, «сидел» на кабаках. Он обвинялся в том, что захватил царскую казну, арестовал И. Ф. Пушкина и отвез к Я. Радзивиллу.

Из обстоятельств дела выяснилось следующее. Когда польско-литовские отряды зимой 1655 г. появились вблизи Мстиславля, воевода И. Ф. Пушкин с частью царской казны и своего имущества поехал в Смоленск. По дороге он заехал переночевать в село Колесники к своему знакомому К. Иевлеву. И. Ф. Пушкин попросил К. Иевлева, чтобы он сопровождал его до Смоленска, и сообщил ему, что остальная часть царской казны и его имущества осталась в Мстиславле на хранении у монахов Духова монастыря. Крестьяне ближних волостей, узнав о приезде И. Ф. Пушкина в Колесники с казной, схватили его и повезли обратно в Мстиславль, чтобы забрать остальную казну. Однако захваченная казна не попала в руки крестьян, а оказалась у войтов К. Иевлева, Игната Денисова и др. Вскоре К. Иевлев отправил И. Ф. Пушкина, половину его имущества и царской казны к Я. Радзивиллу, который «ему за то дал маетность в Литве».

По просьбе К. Иевлева, Я. Радзивилл направил в Смоленский уезд против русских ратных людей к селу Мигновичи и другим селам отряд во главе с паном Воловичем в составе семисот человек шляхты и татар. Волович жестоко расправлялся с крестьянами: «мигновичских крестьян и иных сел и деревень высекли, а села и деревни выжгли и животы их поимали». Вместе с Воловичем в Смоленском уезде действовал и отряд Я. Потапова, также сжигавший села и деревни (Черепово, Прудки и др.). Тех крестьян, которые отказывались вступать к Я. Потапову в отряд, «он их сам расстреливал»[7].

Таким образом, шишами являлись крестьяне, мобилизованные польскими и литовскими панами или их ставленниками в шляхетское войско. Они насильственно принуждали крестьян вступать в свои отряды, угрожая им в противном случае расправой. Шиши всегда действовали вместе с шляхетским войском. Во главе отрядов шишей часто стояли шляхтичи. Но иногда, как это было в Колесниковской волости Мстиславского уезда, шишей возглавляли представители местной сельской администрации, тесно связанные с польско-литовской шляхтой и магнатами, которые и при русских оставались на своих местах.

Отряды шишей, руководимые такими начальниками, были непрочными, неустойчивыми. Начальные люди шишей собирали с местного населения для шляхты и магнатов налоги, грабили и разоряли крестьян. Наиболее усердные из них жаловались даже маетностями в Литве.

Не исключена возможность, что в отдельных случаях выступления шишей могли приобретать антикрепостническую направленность. В этом отношении примечателен приказ Я. Радзивилла, присланный весной 1655 г. в Смоленский уезд шишам: «А тем шишам, зверовическим мужиком, которые ево Герасима приводили, Родивил приказывал, чтоб они в шишах не ходили, а меж собой не терялись, а кому будет не достанетесь, чтоб все были целы»[8].

---

[7] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, стлб. 266, лл. 42—61.
[8] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, стлб. 161, л. 348.

Л. Л. Муравьева

О РАЗВИТИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОДРЯДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.[1]

Вопрос о крестьянском подряде и его роли в создании буржуазных связей имеет особое значение. В советской исторической литературе неоднократно указывалось на подрядную систему, как на фактор, приводящий отчасти уже в XVII в. к накоплению капитала, с одной стороны, и, с другой — к отделению крестьянина от средств производства[2]. Тем не менее по настоящей проблеме еще мало специальных исследований. Постановка ее в качестве самостоятельной темы правомочна и необходима для изучения общего хода социально-экономического развития России в «новый период» ее истории.

Интересные материалы, характеризующие развитие крестьянского подряда в XVII в., были собраны еще И. Е. Забелиным и А. И. Заозерским[3]. Особо следует отметить исследования А. Н. Сперанского, который провел важные наблюдения о кореиной перестройке начиная с середины XVII в. системы организации каменно-строительного дела в связи с переходом к подрядному способу производства работ при широком участии крестьян-отходников. Аналогичны выводы работы Н. А. Баклановой. Вопросы о вольнонаемной рабочей силе в XVII в., в частности в форме подряда, рассматривались Н. В. Устюговым[4].

В настоящей статье проанализированы материалы крестьянского подряда, которые содержатся в приходо-расходных книгах Патриаршего Дворцового и Патриаршего Казенного приказов, а также Саввo-Сторожевского (Звенигород), Донского (Москва), Суздальского Покровского, Знаменского (Москва) монастырей за вторую половину

---

[1] Настоящая статья представляет собой в своей основе раздел одной из глав кандидатской диссертации «Развитие сельских промыслов в центральном районе России во 2-й половине XVII в.», написанной автором под руководством академика М. Н. Тихомирова.

[2] А. М. Панкратова, *Наймиты на Руси в XVII в.*, — «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 211, 212; Н. И. Павленко, *О некоторых сторонах первоначального накопления в России (по материалам XVII—XVIII в.)*, — ИЗ, № 54, 1955, стр. 399, 406—410; А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, *Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.)*, — ВИ, 1961, № 4, стр. 87, 90, 91 и др.

[3] И. Е. Забелин, *Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы*, ч. 1, М., 1884, стр. 474, 475, 561, 562, 563; А. И. Заозерский, *Царская вотчина XVII века. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича*, изд. 2, М., 1937, стр. 147—186.

[4] А. Н. Сперанский, *Очерки по истории Приказа каменных дел*, М., 1930, стр. 188, 189, 195; Н. А. Бакланова, *Постройка нового гостиного двора в Москве в 1660—1665 гг.* — «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 195, 196, 199; Н. В. Устюгов, *Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке*, М., 1957, стр. 201—212, 247—257.

XVII в.[5]. Среди различных документов монастырского хозяйства и хозяйства приказов использованы также подрядные или рядные записи, заключенные между монастырем или приказом и работником или артелью из крестьян, поручительства на исполнение тех или иных работ.

Подрядные, рядные и поручные записи — одинакового содержания. Они дополняют сведения расходных книг указаниями об условиях подряда, так как в последних отмечены только факты договоренности и общая сумма оплаты вольнонаемной рабочей силы и материалов. Существование подрядного способа работ отмечается преимущественно среди крестьян местностей, в которых развитие сельской промышленности достигло наибольших результатов. В частности, А. Н. Сперанский указывает в числе крестьян, заключивших подряды на каменно-строительные работы во второй половине XVII в., почти исключительно жителей Костромского, Ярославского, Суздальского, Галицкого, Дмитровского уездов, т. е. центра России.

Следует подчеркнуть, что В. И. Ленин придавал первостепенное значение изучению вопросов эволюции русской промышленности в центральных, давно заселенных и наиболее экономически развитых местностях, которые обладали «вековой промышленной культурой»[6].

В хозяйствах патриарших приказов и монастырей продолжала широко осуществляться практика использования в принудительном порядке квалифицированного труда собственных крепостных крестьян. Но их труд применялся, как правило, на несложных строительных работах, в текстильном, бочарном, печном, кузнечном деле, для повседневных хозяйственных нужд вотчины и был связан с отбыванием оброчной повинности.

В распоряжении монастырских вотчин всегда имелись большие запасы разнообразных изделий домашней промышленности оброчной деревни. О распространении оброчного оклада домашних промыслов крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря, к примеру, говорят специально составленные на этот предмет книги сбора пряжи, нитей и холстов. В таком роде работ вместе со специалистами своего дела принимали участие и пашенные крестьяне, для которых плотничные и кузнечные работы были связаны только с удовлетворением непосредственных нужд своих семей. К 1692 г. относится челобитье беспахотных бобылей оброчной слободки Суздальского Покровского монастыря о скидке с них платежей ввиду изменения их работ и перенесения трех четвертей платежа на пахотных монастырских крестьян. В числе этих работ упомянуты кладка и починка печей в монастырской хлебне, пресненях, починка мостов, лавок. Среди документов, касающихся внутренней жизни монастырей, нередко встречаются записи о сборе «для разных государевых дел» крестьян и бобылей «с плотничными и кузнечными снастями»[7].

Приказы и монастыри с их сложным хозяйством предъявляли большой спрос и на труд наемных ремесленников, в том числе из собственных вотчин. Источники пестрят указаниями на характер отношений приказов, монастырей и этих людей: «наемные плотники», «рубил в найму», «наняты на монастырское строение» и т. д. Отличительной чертой такого

[5] Названия приказов и монастырей даны в соответствии с источником.

[6] В. И. Ленин. *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 336.

[7] ГИМ, Отдел письменных источников (далее ОПИ), ф. Донского монастыря, № 440, врх. 939, стлб. 30; арх. 830, стлб. 1133, 1162, 1163, 1261, 1451 (лл. 4, 15), 1668, 1935, 2335; ф. Е. Барсова, № 450, д. 136, л. 17; ЦГАДА; ф. Знаменского м-ря, № 1191, д. 14, л. 37; ф. Иосифо-Волоколамского м-ря, № 1192, оп. 2, д. 5050; ГА Влад. обл., ф. Суздальского Покровского м-ря, № 575, оп. 1, д. 114, л. 19.

найма служила «поденая» оплата труда («по гривне на человека», «на пять дней по 10 денег человеку») и в ряде случаев полное содержание ремесленника нанимателем [8].

Расходная книга Патриаршего Казенного приказа, составленная в 1652 г., отмечает «наемных каменщиков» патриаршего села Троицкое крестьян Иваиа Рычегосова «с товарыщи», которые были заняты каменным делом на Борисовском дворе (Мясницкая улица). За эту работу они получили наряду с другими наемными каменщиками на «шесть дней по гривне» [9]. В расходной книге Знаменского монастыря 1698—1699 гг. записано, что «наемные хабацкие плотники Назарко Павлов да Сидорко Максимов с товарыщи делали на конюшенном дворе конюшню» [10]. В хозяйстве Суздальского Покровского монастыря ремесленный труд монастырских крестьян использовался на всевозможных плотничных работах. За «плотничную работу» в течение нескольких десятилетий монастырь выплачивал деньги группе наемных монастырских крестьян сел Вышеславское, Сельцо, деревни Чернец [11].

Укажем и на другие случаи. Крестьянин боярина князя Я. К. Черкасского Андрей Иванов по прозвищу Шибанов в 1698 г. был нанят в Патриаршем Дворцовом приказе на изготовление в Соборную церковь большой железной решетки к ризнице [12]. В приходо-расходной книге того же приказа 1698 г. зафиксирован наем «на мельничные работы» кузнеца села Игнатьевское Василия Кузьмина [13]. Расходная запись Суздальского Покровского монастыря 1697 г. упоминает о договоре на четыре железных заслона с кузнецом оброчной подмонастырской слободки [14].

В 1702 г. в Донском монастыре «монастырские крестьяне села Рождественского работали у монастырского дела по найму: срубили овин новой и яму овинную выкопали» и «дано им крестьяном шестн человеком Якову Лукьянову, Нефеду Федорову, Еремею Филиппову, Ивану Устинову по гривне» [15].

Использование наемного труда ремесленников из оброчных крестьян нередко встречается в городах и слободах среди посадских людей. В 1697 г. был нанят столяром Спасо-Ярославского монастыря оброчный крестьянин Дмитрий Игнатьев. В течение целого года он жил по договору «из найму» в Ново-Мещанской слободе в работниках у Ивана Мошеева сына Мешалкина [16].

Во всех этих случаях перед нами выступают знакомые с делом деревенские специалисты, представляющие собой крестьяи-отходников. По большей части они являлись не вполне состоятельными производителями (по словам источника, «теми, которые ходят по миру» [17]) и нередко не имели средств, необходимых для закупки материала.

В то же время источники указывают в числе наемных работников жителей крупных торгово-промышленных мест, специализирующихся на

---

[8] ЦГАДА, ф. 1191, д. 17, л. 6 об.; ГИМ, ОПИ, ф. 440, арх. 830, стлб. 1459, л. 19; л. 397, л. 16.

[9] ЦГАДА, ф. Патриаршего Казенного приказа, № 235, д. 34, лл. 318, 321 об.

[10] ЦГАДА, ф. 1191, д. 109, л. 140 об.

[11] ГА Влад. обл., ф. 575, оп. 1, д. 216, лл. 63 об., 106; д. 244, лл. 84 об. 129 об.; л. 295, лл. 86, 91.

[12] И. Е. Забелин, *Материалы...*, стр. 30.

[13] ЦГАДА, ф. Патриаршего Дворцового приказа, № 236, д. 67, л. 23.

[14] ГА Влад. обл., ф. 575, оп. 1, д. 216, л. 61.

[15] ГИМ, ОПИ, ф. 440, д. 397, л. 16 (тек в источнике, указаны четыре фамилии из шести).

[16] ЦГАДА, ф. Приказных дел старых лет, № 141, д. 228, л. 2.

[17] «Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии», вып. 5, Кострома, 1912, стр. 55.

определенном производстве, например сел Вятское (Костромского уезда) и Иваиово (Суздальского уезда). Вятские ремесленники-отходники были искусными специалистами кузнечного дела, продукция которого имела большой спрос в XVII в.[18].

Расходные записи Патриаршего Казеиного приказа с 1652 по 1654 г. отмечают неоднократно вятских крестьян на патриаршем дворе, выполняющих по найму «в кузнеце всякое кузнечное дело»[19]. Один из этих кузнецов, Иван Филиппов, в сотиой выписке «с костромских писцов» именуется также торговым человеком[20].

Расходные записи второй половины XVII в. монастырей Савво-Сторожевского, Суздальского Покровского и Высоко-Петровского содержат многочисленные сведения о выплате денег сельским ремесленникам за обработку монастырской шерсти и кож[21]. Следует особо выделить среди них шерстобоев известного своими текстильными промыслами села Иваново Суздальского уезда, которые регулярно в течение полустолетия являлись в эти моиастыри валять из монастырской шерсти войлок, епанчи и подхомутники. Так, в одной из расходиых записей Высоко-Петровского монастыря конца XVII в. упоминаются крестьяие села Иваново Петр Нестеров и Иван Минеев «с товарыщи», которые были «наимованы» из овечьей шерсти валять «войлоки да епанчи». «Дано им Ивану с товарыщи за работу от епанчи по три алтыиа 2 деньги, от войлока 8 денег, от подхомутника по 3 деньги»[22], — отмечено в записи.

Наряду с этим производство работ в указанных приказах и монастырях также велось подрядиым способом. Подрядный способ работ связан с более высокой формой организацин наемного труда и с появлением новых социальных групп в деревне, предполагает заключение порядной или поручной записи, т. е. существование договоренности между нанимателем и нанимающимся, чаще всего, более сложиый и широкий размах выполняемых работ. Особенно большое распространение наемный труд в форме подряда при активном участии крестьян получил в строительных работах. Об этом свидетельствуют: поручная запись 1683 г. архимандриту Донского монастыря двадцати подрядчиков каменных дел крестьян разных владельцев Ярославского уезда «друг по друге круговою порукою» на постройку в монастыре «въездных ворот с Московского проезда»[23]; дело о постройке в 1691 г. каменной мельничной плотины в селе Посевы, «Раменки — тож» Московского уезда каменщиками из крестьян И. Р. Стрешнева деревии Новая Ярославского уезда[24]; подряд 1679 г. артели вотчинных крестьян сел Никольское, Сегенево, Лобково Заволжского стана Ярославского уезда, принявших участие в строительстве каменной церкви в Борисоглебском монастыре Муромского уезда[25]; подряд 1675 г., заключенный между воеводой города Шуи и вотчинными крестьянами деревень Чернышево, Маклаково, Максимово Стародуб-Ряполовского стана Суздальского уезда на строительство «хором на Шуйский воеводский двор»[26] и т. д.

[18] ГИМ, ОПИ, д. 57979/415, лл. 12, 17 об., 65, 133, 141 об., 151 об.

[19] ЦГАДА, ф. 235, д. 34, лл. 374, 390; 432; д. 38, л. 229 об.

[20] Там же, д. 34, л. 404; д. 38, л. 217; С. А. Шумаков, *Сотницы, записи и грамоты*, вып. 7, М., 1903, стр. 7.

[21] ЦГАДА, ф. Савво-Старожевского монастыря, № 1199, д. 38, л. 135; д. 49, л. 127 об.; д. 61, л. 61; д. 70, лл. 125, 132 об.; д. 136, ГА Влад. обл., ф. 575, оп. 1, л. 94, л. 54 об.; д. 216, л. 56 об.

[22] ЦГАДА, ф. Монастырского приказа, № 237, кн. 2, лл. 48 об., 54.

[23] ГИМ, ОПИ, ф. 440, арх. 830, стлб. 1674.

[24] Там же.

[25] «Старинные акты, служащие дополненнем к описанию г. Шун», М., 1853, № 124, 132.

[26] АЮБ, т. 2, М., 1864, стлб. 225.

Иногда подряд на выполнение работ брал отдельный сельский ремесленник, а не артель. В 1692 г. крестьянин оконичник Любим Петров подрядился в Донском монастыре во вновь построенной церкви отделать окна. В подрядной записи говорится: «подрядился я, Любим, сделать в соборную церковь 40 рам оконичных сосновых мерю длина по полшеста аршина, поперек по 3 аршина без четверти, да в те же рамы поместить отворотов липовых»[27]. Широкое распространение получили подряды сельских плотников и каменщиков на производство материалов для построек. «Городецкого уезда Бежецкого верху Ясенского стана государева дворцового села Корела плотники Ромашко Клементьев с товарыщи шесть человек вытесали тесу 5000 тесниц. Дано им по подрядной отписи 13 рублев», — отмечено в расходной записи Савво-Сторожевского монастыря[28]. В 1682 г. подрядчик дворцовой волости села Мячково Московского уезда крестьянин Иван Максимов дал рядную запись на поставку 1000 «лещедей» в Донской монастырь[29]. В 1690 г. подрядчик той же волости Филипп Васильев поставил в течение июня — июля 288 бочек извести «к каменному строению Моисеевского монастыря»[30].

Некоторые из отходников, занятых в строительных работах и доставке материалов, в том числе подрядным способом, оказывались настолько оторванными от сельского хозяйства, что составители расходных записей обозначают их оброчными и непахотными крестьянами.

В одной из приходо-расходных книг Патриаршего Дворцового приказа зарегистрирован как оброчный крестьянин Иван Фролов, выполняющий подряды по поставке «лесных припасов» — бревен и лубьев[31]. Подрядная запись от июля 1695 г. на постройку «на государевой зелейной мельнице нового амбара» у иноземца Родиона Иванова сына Меера была дана оброчными крестьянами Переяславль-Залесского Данилова монастыря[32]. От 1676 г. сохранилась челобитная о неисполнении потребителем рядной записи, данной в городе Шуе. Челобитная составлена от имени непахотных крестьян князя Ю. А. Долгорукого села Писцово Костромского уезда Фомой Анисимовым «с товарыщи». В этой челобитной говорится: «прехожаие нас задержали другой год, денег на стройки не платят и запасу и лесу не готовят, и нам, сиротам, простой делают»[33].

В связи с ростом неземледельческих промыслов и отходничества крестьян изменяется характер строительных работ. Эти сдвиги приводят к появлению богатых подрядчиков, вышедших из артелей каменщиков, плотников, кирпичников и других строительных рабочих. Крупный потребитель-заказчик начинает иметь дело с отдельными предпринимателями, которые берут организацию строительного дела в свои руки и тем самым освобождают заказчика от всяких забот; и здесь последний теряет непосредственную связь с наймитом. Это особенно рельефно наблюдается тогда, когда подрядчик берет на себя поставку почти всех средств производства и наем строительных рабочих. Однако источники не всегда дают возможность определить такого рода подрядчика. Многочисленные сведения приходо-расходных книг о строительных работах обычно содержат указание только о выполнении подряда таким-то

---

[27] ГИМ, ОПИ, ф. 440, арх. 830, стлб. 1485, л. 48.
[28] ЦГАДА, ф. 1199, д. 61, л. 75 об.
[29] ГИМ, ОПИ, ф. 440, арх. 830, стлб. 1463, л. 23.
[30] ЦГАДА, ф. 236, 67, лл. 36 об., 37.
[31] ЦГАДА, ф. 235, д. 137, л. 375.
[32] ГИМ, ОПИ, ф. 440, д. 941, стлб. 327, л. 32.
[33] «Сборник старинных бумаг П. И. Щукина», ч. 2, М., 1897, стр. 138.

крестьянином «с товарыщи». В таких случаях выделить крупного подрядчика-предпринимателя позволяет, например, неодиократное упомииание в течение ряда лет во главе артели строительных рабочих одного и того же крестьяниа, характер работы и ее оплата.

В роли постоянных подрядчиков иа плотничных работах Патриаршего Дворцового и Патриаршего Казенного приказов выступают в 90-х годах крестьяне: вотчины И. С. Племянникова деревни Хохлово села Сиголднно Галицкого уезда — Лука Коидратьев [34], дворцового села Пушкино Московского уезда — Евсей Сидоров [35], патриаршей Бережковской слободы — Анисим Лавренев [36].

В расходных книгах Галицкой чети 1671—1673 гг. зарегистрирована артель каменщиков из крестьян окольничего Р. М. Стрешиева Дмитрия Ивановича «с товарыщи». В течение трех лет с ними были заключены самые различные поручные записи: «на посольском дворе, что на Покровке, палаты да крыльцо и окошки починить, да вновь сделать крыльцо в палаты и иные переделать»; делать «на гостинном дворе, у новой аптеки через улицу ворота каменные, да в прибавку к иовой аптеке у трех палат стены выбирать, и крыльцо»; «на Мясницкой улице на Борисовском дворе по 3 церкви сделать», «да кругом всех тех трех церквей сделать паперти», «иа тех же папертях кругом всех трех церквей перила с ростесками, а с тех папертей сделать 3 лестницы, да у тех же трех церквей сделать колокольню с палаткою, как подмастерье укажет». Дмитрий Иваиов, подряжаясь на большой и разнообразный круг работ, являлся, по всей вероятности, крупным подрядчиком. Денежная оплата работ его артели была зиачительной и достигала 1200 руб. [37].

Патриаршие крестьяне Кузьма Пантелеев, Григорий Галахтионов, Изот Федотов из села Троицкое являлись уже в 40-х годах постоянными подрядчиками в Патриаршем Казеином приказе по поставке на разное каменное строеиие жженого кирпича. В 1643 г. они поставили 21 тыс. кирпичей [38], а 1649 г. — 200 тыс. [39]. В книге неокладных денежных расходов приказа от 1653 г. внесена запись о выдаче денег кирпичным мастерам Кузьме Пантелееву «с товарыщи» [40].

В 1692 г. в Донском монастыре подрядился на четыре года «сделать к моиастырскому каменному делу 200 тысяч кирпичю добрым мастерством» крестьянин ки. П. И. Шелешпанского деревни Михалево Костромского уезда Филипп Осипов [41].

Мы не имеем прямых указаний иа то, что эти подрядчики использовали наемный труд артельных рабочих, и можем только предполагать это по объему выполняемых работ. Осуществление найма работииков в строительном деле через подрядчика помимо заказчика ясно прослеживается в источниках.

Каменных дел подрядчнки крестьяне стольника князя Д. М. Голицииа деревни Братовщина села Городище Костромского уезда Никита Лукмяга и Петр Гладков, стольника И. М. Колычева Яковлевской слободки Ярославского уезда Иван Ферапонтов и помещика С. Б. Непейцина той же слободки Григорий Черноусов в марте 1692 г. подрядились

[34] ЦГАДА, ф. 236, д. 67, лл. 23 об., 37, 38; ф. 235, д. 160, л. 294 об.
[35] ЦГАДА, ф. 236, д. 67, лл. 6, 146, 147.
[36] ЦГАДА, ф. 235, д. 38, л. 394; д. 156, л. 322; д. 173, л. 321.
[37] ЦГАДА, ф. Боярских и городовых книг, № 137, д. 25, л. 42; д. 26, лл. 73 об., 76, 91, 94, 112.
[38] ЦГАДА, ф. 235, д. 18, л. 351 об.
[39] И. Е. Забелин, *Материалы...*, стр. 928.
[40] ЦГАДА, ф. 235, д. 35, л. 115.
[41] ГИМ, ОПИ, ф. 440, арх. 830, стлб. 1458, л. 18.

в Донском монастыре построить «церковного строения каменного на старом основании три лестницы церковиой паперти», «в церкви и в алтере во всех церковных пределах намостить мост дубовым кирпичем на извести». Перед нами подрядчики из крестьян-камеищиков, обладающие известными средствами, необходимыми для закупки средств производства и найма строительных рабочих, в том числе камеищиков высокой квалификации. По условиям подряда они обязывались поставить не только песок, землю и воду и явиться с собственными орудиями труда, но и обеспечить работу еще нескольких каменщиков и отдельно творищиков и подвязчиков. «А у того каменного строения быть нам подрядчиком и каменщиком, — читаем мы, — пятнадцати человек безотходно с молотки, да с кирками, да с лопатками и каменного дела работники, творищики и подвязчики наши ж подрядчиковы». На следующий месяц, в апреле, Никита Лукмяга «с товарыщи» нанял в свою очередь на эти работы 10 крестьян-каменщиков Ярославского и Костромского уездов. Последние оговорили себе у подрядчика 55 руб. и съестные запасы [42].

В 1686 г. дали на себя запись крестьяне-каменщики Ф. И. Вяземского села Новинское Костромского уезда Евстифей Кондратьев и Чудова монастыря погоста Шуиья того же уезда Степан Степаиов подрядчикам каменных дел Ипатьевского моиастыря деревни Закузарье крестьянам же Борису Иванову «с товарыщи»: «делать то камениое дело с ними Борисом с товарыщи вместе против их подрядной записи, какову они дали на себя колокольному мастеру Федору Дмитриеву» [43].

Подрядчики из крестьян Ярославского уезда обязались в Москве в 1692 г. на подворьях Савво-Сторожевского монастыря «кирпичю иамостить нам же подрядчикам своими же людьми» [44].

Сохранилась поручная запись 1654 г. о крестьянине князя С. П. Львова села Кимры Кашинского уезда Федоре Иванове, который был поряжен властями Иосифо-Волоколамского монастыря «кирпичю делать 50 тыс. штук». Для изготовления этого кирпича Федор Иванов использовал труд наемных работников. В записи оговорено: «И жити мне и ести Федору с работниками своими... монастырский хлеб, да мне же Федору взять быка на первом приходе, а повару быти монастырскому, а кирпич нашей работы мне Федору обжигать моиастырскими дровами. К печи привозить дрова моиастырским крестьянам, а глину копать мне Федору и глину возить мне же Федору на моиастырских лошадях, а песок, шайки, станки и заступы и рогожи все монастырское, а лес возить монастырским крестьянам» [45].

В 1696 г. крестьянин стольника С. Б. Глебова Роман Федоров подряжает к кирпичному делу работников, чтобы с их помощью «сделать в Коломенском уезде в вотчине Дмитриева сыиа Еренева в селе Лобкове 100 тысяч кирпичю» [46].

Одии из подрядчиков на строительных работах Донского монастыря крестьянин Спасова монастыря села Еремейцево Ярославского уезда Григорий Матвеев каждый раз в свою очередь подряжал крестьян из приписных Донскому монастырю вотчин. Так, в 1693 г. Григорий Матвеев нанял крестьянина монастырской деревни Елизарово Савелия «вытесать на лодки монастырские, на кровлю 20 тесниц» и крестьянина Медведевой пустыни деревни Назаровка села Минеево Александра Сергеева

[42] ГИМ, ОПИ, ф. 440, арх. 830, стлб. 1670, лл. 11, 12.
[43] АЮБ, т. 2, стлб. 354, 3.
[44] ЦГАДА, ф. 1199, д. 2, л. 61.
[45] ЦГАДА, ф. 1192, д. 36, л. 2.
[46] ЦГАДА, ф. 141, д. 762.

«тесу тесарь 10 тесниц еловых 5 сажен», «10 тесниц полупяты сажен», «да две пластины струговых»[47].

Иногда подряд оказывался довольно сложным и крупным, как, например, строительство церквей, требующее от предпринимателя не только выделения значительных средств, необходимых для закупки строительных материалов и найма рабочей силы, но и известных знаний, большой квалификации в организации дела. Укажем подряд на постройку каменной церкви в Борисоглебском монастыре Муромского уезда от 1693 г., который был заключен крестьянами стольника И. Р. Стрешнева деревни Коломны Герасимом и Сергеем Ивановым и деревни Новой Подгородного стана Ярославского уезда Иваном Кокерем с человеком боярина П. А. Болтова-Лопухина Матвеем Ерофеевым. Подрядчики брали на себя поставку различных строительных материалов: свай, бута, глины, песка, воды, кирпича, извести, белил, камня и «каменных всяких припасов». В тексте подрядной отмечалось также: «к тому каменному строению сарай и обжигальная печь и дрова и работники и всякие деревянные припасы, что понадобиться, все наше подрядчиково». По завершении «того церковного строения с товаром своим и со всяким своим припасы» они должны были получить 500 руб.[48].

В процессе становления новых отношений меняет свое лицо и подрядчик, когда он теряет свою специальность и отказывается от личного участия в работе артели, становясь организатором производства и посредником между потребителем и производителем. Так, для оброчного крестьянина Богоявленского монастыря села Богоявленское Костромского уезда Мосея Иванова Долгого обычным явлением было заключение таких подрядных, как быть «у кирпичного дела и обжигу надсмотрщиком». По рядной записи 1697 г. в обязанности Долгого входило: «работным людям тот кирпич делать и обжигать указывать бесскрытно и во всем надсматривать»[49].

В других случаях мы можем только предполагать такое участие подрядчика в работе. Так, в 1694 г. крестьянин стольника М. Кафтырева Антон Терентьев подрядился один построить приказную избу и Ильинский мост в Костроме. За эту работу он оговорил себе 450 руб. Не исключена возможность, что подрядчик Антон Терентьев выполнял здесь роль руководителя «приказного и мостового строения»[50].

В приходо-расходных записях второй половины XVII в. среди крестьян, занятых на строительных работах, упоминаются подмастерья каменных дел, а также белильщики, подвязчики и творинщики[51]. Отметим подмастерьев каменных дел крестьян Андрея Перфильева, Осея Ильина из патриаршей деревни Окитово села Вятское Костромского уезда, крестьян из села Пячелок Подгородного стана Ярославского уезда, заключавших в то время подряды в Патриаршем Казенном приказе[52]. В источнике отсутствуют сведения о характере выполняемых этими специалистами работ. Однако известно, что в строительном деле мастера высокой квалификации, подмастерья каменных дел и некоторые другие специалисты, будучи участниками производственного процесса, являлись нередко и его руководителями[53].

---

[47] ГИМ, ОПИ, ф. 440, арх. 830, стлб. 1365, 1378.
[48] «Сборник старинных бумаг П. И. Щукина», стр. 94.
[49] ГИМ, ОПИ, ф. 440, арх. № 830, стлб. 1491.
[50] ЦГАДА, ф. Разрядного приказа, № 210, Книги Денежного стола, д. 97, л. 163 об.
[51] ГИМ, ОПИ, ф. 440, арх. № 830, стлб. 1491.
[52] ЦГАДА, ф. 235, д. 160, лл. 196, 295 об., 296; д. 165, л. 380; д. 173, л. 157 об.
[53] А. Н. Сперанский, *Очерки по истории...*, стр. 85, 134.

Симптоматично, что подрядное ведение работ и появление подрядчика не было исключительным явлением для строительных специальностей сельских ремесленников. Можно указать на наем внутри артели и в другой группе сельских специалистов — кожевников. Единственное имеющееся в нашем распоряжении свидетельство этому — подрядная запись, данная посадскому человеку в 1696 г. крестьянами дворцового села Дунилово Суздальского уезда Алексеем Никифоровым и деревни Разделицыно Савелием Власовым. Эти подрядчики обязаны были явиться «в дом с десятью человеки с добрыми мастерами строгальщиками ж, а не с учениками к его хозяйственному кожевенному юхотному красному товару к строганю на срок», «разминать, гладить всякую кожу на двенадцать голомян мяхко и укатно», «сколько у него хозяина того юхотного красного товару в заводе тчанов в нынешнем 204 году будет»[54].

Итогом настоящих наблюдений являются следующие выводы. Развитие мелкого товарного производства и переход к подрядному способу организации работ, прежде всего в строительном деле, во второй половине XVII в. затронули оброчных и непашенных крестьян центральных местностей России. Патриаршие Дворцовый и Казенный приказы и монастыри в своей разнообразной хозяйственной деятельности в изучаемое время широко привлекали крестьян, выступающих в роли подрядчиков. В свою очередь последние постоянно нанимали специалистов-ремесленников из крестьян-отходников. Развитие организации строительных работ, при которой уговор осуществлялся с одним подрядчиком, приводило к отстранению мелких деревенских производителей от потребителя. По мере расширения строительных работ подрядчик, отрезав производителя от рынка сырья, становится монопольным владельцем специализированного труда строительных рабочих. Некоторые богатые подрядчики, обладавшие крупными денежными средствами, в том числе подмастерья каменных дел и другие мастера высокой квалификации, становились нередко своего рода организаторами производственного процесса. Все это и предопределяло появление новых социальных групп в деревне в то время.

---

[54] «Сборник старинных бумаг П. И. Щукина», стр. 8.

Д. И. Тверская

К ВОПРОСУ О РОЛИ КУПЕЧЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА В XVII в.

В Центральном Государственном архиве древних актов, в фонде приказных дел старых лет сохранилось «судное дело» московского гостя Василия Шорина с устюжанином Михаилом Поповым, представляющее несомненный интерес для характеристики купцов XVII в. как руководителей и хозяев процесса образования всероссийского рынка[1].

Василия Григорьевича Шорина справедливо называют одним из наиболее крупных представителей русского торгового мира XVII в. Достаточно известны его тесная связь с правительственными кругами, его инициативная роль в решении таких важнейших экономических вопросов, как условия торговли в России иностранных купцов и выработка Новоторгового устава 1667 г., денежная реформа середины XVII в.[2]. Убедительно раскрыто и политическое лицо В. Г. Шорина, ненависть, которую он возбуждал среди эксплуатируемых масс. Известно, что имущество его оказалось разграбленным во время московских восстаний 1648 и 1662 гг., а также во время крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина[3].

Слабее отражена в исторических исследованиях собственно торгово-предпринимательская деятельность В. Г. Шорина. По существу о ней имеются лишь отдельные отрывочные, хотя порой и интересные сведения.

Не выяснена и его биография. С. В. Бахрушин высказал предположение, что предком В. Г. Шорина был видный торговый человек конца

[1] ЦГАДА, ф. 141, 1672, № 179, лл. 1—62. При описании фонда дело получило неточное название и датировку: «Судное дело гостя Василия Шорина с устюжанином Никитою Ивановым в товарных деньгах. 1672 г.». Устюжанин Никита Иванов в нем не фигурирует, имя ответчика — «Михаил Иванов сын Попов», а само дело рассматривалось в приказе Устюжской четверти с 31 мая 1670 г. по декабрь 1671 г. Частично материалы дела были использованы в работе автора настоящей публикации «Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося всероссийского рынка», изданной под редакцией академика М. Н. Тихомирова (Тр. ГИМ, М., 1959, стр. 114—116).

[2] См. К. В. Базилевич, *Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в.* «Известия АН СССР по отделению общественных наук», 1932, № 2, стр. 122; К. В. Базилевич, *Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г.*, М.—Л., 1936, стр. 85; С. В. Бахрушин, *Московское восстание 1648 г.*, — «Научные труды», т. II, М., 1954, стр. 88; В. И. Буганов, *Московское восстание 1662 г.*, М., 1964, стр. 44, 46; Ю. А. Тихонов, *Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х гг. XVII в.*, — «Исторические записки», № 53, М., 1955, стр. 284—285, 288; Е. В. Чистякова, *Новоторговый устав 1667 г.*, — «Археографический ежегодник за 1957 г.», М., 1958, стр. 109 и др.

[3] См. С. В. Бахрушин, *Московское восстание 1648 г.* ..., стр. 87; В. И. Буганов, *Московское восстание 1662 г.* ..., стр. 61—62; Е. В. Чистякова, *Новоторговый устав* ... стр. 109.

XVI в., скупщик пенькн Семен Шорин, который в 1589 г. вел какие-то дела в Москве с англичанином Антоном Маршем[4]. Архивные документы сохранили сведения об отце Василия Шорина, госте Григории Шорине. В июле 1624 г. «аглинской земли» гости Фабиан Ульянов «с товарыщи» жаловались, что он, получив назначение головой Архангельской таможни, «похваляется» всячески их притеснять[5].

Имя Василия Григорьевича Шорнна, торгового человека гостиной сотни, упоминается уже в документах 1633—1634 гг., когда он выступает в качестве окладчика по сбору пятинной деньги в Соли Камской, городках и острожках Строгановых[6]. Причем он уже тогда, бесспорно, имел немалое состояние и пользовался определенным влиянием в политическнх кругах. Именно в эти годы он вместе с Я. С. Патокиным одолжил Ивану Строганову 3 тыс. руб. и, заплатив деньгн вперед, купил у него более 100 тыс. п. солн на 1580 руб.[7]. В том же 1634 г. голштнническое посольство, добивавшееся права торговли с Персией и Индией через Россию, жаловалось, что В. Шорин, пользуясь поддержкой дьяка Назария Чистого, пытался воспрепятствовать заключению этого договора. Вероятно, именно в этот год он был пожалован «в гости»[8].

Утвердилось мнение, что в 1673 г. В. Шорин разорился[9]. Оно основано на том, что в этот год принадлежавшие Шорину в Астраханн погреб, лавки и «каменная палатка» были отобраны в казну «за многие недоимки». Однако скорее всего это был лишь эпизод в деятельности Шорина. Его главенствующее положение в среде московских гостей осталось неизменным. Формула «гости, Василей Шорин с товарыщи» сохраняется в докумеитах 1674—1675 гг.[10].

В первой половнне 1675 г., по всей вероятности, Василий Шорин умер. В июле 1675 г. его внуку, Михаилу Федорову, сыну Шорину, была выдана царская жалованная грамота «за многие службы прадедов и деда и дяди и отца его, и за честь и за отечество»[11]. Гостя Михаила Шорина далее упоминают многне документы конца XVII в., хотя и не на первом месте, но, как правило, в первой пятерке московских гостей[12]. Какая-то часть состояния В. Г. Шорина могла перейти к Сверчковым: Семен Матвеевич Сверчков был внуком Василия Шорина[13].

---

[4] С. В. Бахрушин, *Предпосылки всероссийского рынка в XVI в.*, — «Научные труды», т. I, М., 1952, стр. 47; С. В. Бахрушин, *Москва как ремесленный и торговый центр XVI в.*, — там же, стр. 180.

[5] ЦГАДА, ф. 138, 1624, № 1, л. 174. В своей челобитной на нмя Михаила Федоровича и Филарета они утверждали, что Григорий Шорин «похваляется» над ними «насильство... чинить мимо вашей, государи, жалованные грамоты; на наши корабли ездити и кипы суконные развязывать и за своею печатью товар наш... отпущать к Москве».

[6] См. Е. Д. Сташевский, *Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московского государства*, — ЖМНП, 1912, кн. 4, стр. 306.

[7] Там же, кн. 5, стр. 83; Н. В. Устюгов, *Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.*, М., 1957, стр. 126.

[8] С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. 5, т. IX, М., 1961, стр. 200. «Именитым гостем» называли его голштинцы.

[9] См. Е. В. Чистякова, *Новоторговый устав...*, стр. 109.

[10] В июле 1674 г. московские гости «Василей Шорин с товарыщи» по царскому указу «положили цену шолку-сырцу, ардашу и шарбавскому», взятому в казну у армянина Ягупа Григорьева (ЦГАДА, ф. 100, 1674, № 1, л. 48); в марте 1675 г. «Московского государства гости Василей Шорин с товарыщи» составили роспись о распределении между собой шести царских служб (ЦГАДА, ф. 159, № 1675, № 883, лл. 1—5).

[11] «Сборник князя Хилкова», ПБ., 1879, № 92, стр. 290 –292.

[12] См. «Русско-индийские отношения в XVII в. Сб. документов», М., 1958, № 225, стр. 333; ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, 1688, ст. № 724, л. 110; там же, Белгородский стол, 1699, ст. № 1732, л. 83. Деятельность Михаила Шорина, постепенно идя на убыль, продолжалась и в первые годы XVIII в. К моменту своей смерти в 1711 г. он основательно запутался в долгах. — ЦГАДА, ф. 340, № 14100, 14117.

[13] ЦГАДА, ф. 141, 1672, № 179, л. 8

Вряд ли возможно сколько-нибудь полно изучить торгово-предпринимательскую деятельность В. Шориna: хозяйственный архив его, как и большинства других русских купцов XVII в., не сохранился. Вероятно, он значительно пострадал во время московского восстания 1662 г.: имеются прямые указания на то, что со двора Василия Шорина в Китай-городе, около Варварских ворот, были унесены какие-то хозяйственно-деловые документы [14].

Известно, однако, что сама эта деятельность была очень разнообразной.

Своими торговыми операциями В. Шорин охватывал буквально всю страну: его приказчики постоянно действовали в Москве, Астрахани, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Ярославле, Кинешме, Плесе, Юрьевце Повольском, Вологде, Устюге Великом, Соли Вычегодской, Соли Камской, Архангельске, Сибири [15]. Он вел крупную торговлю с Востоком: Персией, Средней Азией, Индией [16]. Со многими западноевропейскими купцами, особенно английскими, у него установились прочные деловые связи, хотя и осложнявшиеся порой весьма острыми конфликтами [17]. Торговые дела были у него и в Швеции [18].

Шорин покупал и перепродавал различные предметы: меха, соль, рыбу, пеньку, хлеб, изделия русского мелкотоварного производства (холст, одежду, топоры, скобы, посуду и т. д.), иноземные товары.

Часть своих капиталов В. Шорин вкладывал в промыслы: у него в 40—70-х годах были соляные варницы на посаде у Соли Камской [19], в Нижнем Новгороде [20], в Костромском уезде [21], откупные рыбные учуги Уростба и Увар под Астраханью [22], двор «для кожевного промыслу» в Нижнем Новгороде [23], пушные промыслы в Сибири (40-е годы) [24].

Были у Шорина и собственные земли. В 1634 г. он получил в Москве «за Таганными вороты» 2992½ кв. сажен пашенной земли, которая была у него «отписана» в 1649—1652 гг., во время посадского строения; в Устюжском уезде за ним также числились половничьи дворы [25].

Абсолютные размеры капитала В. Шорина определить не представляется возможным. Его пятинный оклад в 1634 г. был невелик — вместе с братом Герасимом — всего 200 руб. Но, как справедливо от-

---

[14] См. «Восстание 1662 г. в Москве. Сб. документов». М., 1964, стр. 237; В. И. Буганов, *Московское восстание 1662*, стр. 62.

[15] Д. И. Тверская, *Москва второй половины XVII в. ...*, стр. 112.

[16] С. М. Соловьев, *История России...*, кн. 6, М., 1961, стр. 571—572; «Русско-индийские отношения в XVII в.», № 49, 52, 55, стр. 99—114, 118, 120, 123.

[17] ЦГАДА, ф. 141, 1660, № 72, лл. 3, 4, 5; 1664, № 169.

[18] В 1662 г. какие-то операции в Колывани совершал сын В. Шориna — Борис ЦГАДА, ф. 141, 1662, № 58, лл. 18—19.

[19] В. Н. Устюгов, *Соленаренная промышленность...*, стр. 66, 67, 75.

[20] ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 62, стр. 245—250.

[21] ЦГАДА, ф. 141, 1653, № 34. Эти промыслы В. Шорин в 1651—1652 гг. купил у гостя Семена Светешникова.

[22] «Крестьянская война под предводительством Степана Разиня», т. I, М., 1954, стр. 140—144; ЦГАДА, ф. 159, № 1568, л. 81; ф. 210, Приказный стол, ст. № 211, л. 116.

[23] А. М. Орехов, *Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в.*, — сб. «Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни», М., 1961, стр. 83—84.

[24] В. А. Александров, *Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в.*, — «Исторические записки», кн. 71, М., 1962, стр. 174, 180, 183.

[25] П. П. Смирнов, *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.*, т. I, М., 1947, стр. 316; т. II, 1948, стр. 620. А. П. Мерзон, Ю. А. Тихонов, *Рынок Великого Устюга в период складывания всероссийского рынка (XVII в.)*, М., 1960, стр. 589; ЦГАДА, ф. 159, № 1237, лл. 14, 15.

мечал еще Е. Д. Сташевский, эти данные не могут служить критерием для суждений о величине капитала [26].

В. Шорин нередко брал в долг крупные суммы. В 1647—1650 гг. он трижды получал в долг для продажи крупные партии казенных соболей из Сибирского приказа (всего на 13 250 руб.) с обязательством уплатить через год с надбавкой в 20% к казенной цене [27]. В 1655 г. он одновременно был должен: Сибирскому приказу 8900 руб., приказу Казанского дворца — 6 тыс. руб. и приказу Большой казны — 13 818 руб. [28].

В то же время он сам раздавал довольно значительные суммы, получая нередко «долги» товарами, порой вербуя таким образом торговых посредников. Так, посадский человек Юрьевца Повольского Матвей Першин в 1666 г. одолжил у Василия Шорина в Москве 1705 руб., а в 1668 г. — еще 650 руб., обязавшись через месяц и 10 дней «поставить за те деньги в Нижнем Новгороде юрьевской самой доброй пеньки 2000 пуд., да холста 10 000 аршин самого доброго» [29].

Драматически сложилась судьба Ивана Горезина, отец которого, «вязьмитин» Илья Горезин, одолжил у В. Шорина 180 руб. С 1654 г. Иван Горезин «за долг отца своего» три года «стоял на правеже» в Казенном приказе. Не сумев расплатиться с Шориным, Иван Горезин вынужден был «заживать» долг у него «на дворе», дав 20 ноября 1657 г. на себя жилую запись. В апреле 1668 г. он попытался бежать от Шорина, но был возвращен и наказан «батоги» [30].

Судебное дело с устюжанином посадским человеком Михаилом Поповым, конечно, не может восполнить все пробелы в изучении торгово-предпринимательской деятельности В. Г. Шорина. Оно по существу касается лишь одной из его торговых операций с Сибирью, но рисует ее с подкупающей подробностью и яркостью.

Дело было начато по челобитной Шорина и рассматривалось в приказе Устюжской чети с 31 мая 1670 г. по декабрь 1671 г. Ответчик, устюжанин посадский человек Михаил Попов, служил Шорину в течение 9 лет. В январе 1661 г. он «для науки лавочного сидения и товарного бережения» вместе с зятем своим, приказчиком Василия Шорина, устюжанином «морозовским жильцом» [31] Ферапонтом, по прозвищу Баженом, Петровым сыном Железниковым [32], отправился в Сибирь «с товары и з деньгами» Шорина. Вернувшись из Сибири, Попов в 1663—1664 гг. помогал Бажену Железникову торговать вывезенными оттуда товарами на Архангельской ярмарке. В 1665 г., после смерти Бажена, вместе с сыном Железникова Максимом он отвозил В. Шорину в Москву список с составленной Баженом в Устюге 23 декабря 1664 г. перед смертью «изустной памяти», в которой тот отчитывался перед хозяином в проведенной операции. Затем Михаил Попов торговал в Сибири вместе с другим приказчиком Шорина, Лукою Цывозерцовым. К началу

---

[26] Е. Д. Сташевский, *Пятина 142 года...*, кн. 5, стр. 83, 111.

[27] «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 427.

[28] ЦГАДА, ф. 210, Приказный стол, ст. № 211, л. 115. Долги в Приказы Большой Казны и Сибирский он частично выплатил, передав в казну свыше 429 пудов мелкой сырцовой (на 16 тыс. руб.), которые в 1654—1655 гг. привезли в Астрахань «из-за моря» его приказчики.

[29] ЦГАДА, ф. 141, 1666, № 137, лл. 1—5.

[30] ЦГАДА, ф. 159, № 1568, лл. 43, 91, 92.

[31] То есть жителем слободки Троице-Глединского монастыря Морозовица, находившейся вблизи Устюга Великого (см. А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов, *Рынок Великого Устюга...*, стр. 344—346). Вероятно, Бажен Железников перешел на Морозовицу из посада Великого Устюга. Один раз в судебном деле он назван «устюжанином, посадским человеком», — ЦГАДА, ф. 141, 1672, № 179, л. 18.

[32] Так он назван в наемной записи в приказчики, датированной 11 января 1661 г. и приложенной (в списке) к делу, — там же, лл. 16—17.

1670 г. ему удалось собрать там «Бажена Железникова роздачи долги». Полученные таким образом деньги и товары он частично передал Цывозерцову, а частично (в феврале 1670 г.) самому хозяину [33].

В. Г. Шорин, начав дело против Михаила Попова и обвинив его в том, что он «по изустной памяти разделки не чинит», предъявил ему иск в 252 руб., якобы взятых им у Железникова, и 15 руб. медных денег, на которые Михаил Попов купил в Сибири «ясыря» [34]. Михаил Попов отверг иск, утверждая, что он получил от Бажена лишь сумму, причитающуюся ему за работу. В ходе судебного разбирательства Шорин увеличил сумму иска. Попов, отвергая новые претензии хозяина, жаловался, что Шорин возбудил против него дело, не желая расплачиваться за многолетнюю работу, стремясь от него «московскою волокитою отбыть». Иск В. Шорина был отклонен, а Михаилу Попову предложено заработанные после смерти Железникова «наемные деньги», «искать на... Васильe судом» [35].

Дело приобретает особый интерес прежде всего благодаря тому, что к нему оказался приложением список с «изустной памяти» Бажена Железникова. Она, как уже отмечалось, является своего рода отчетом приказчика перед хозяином в проведенной торговой операции [36]. К ссылкам на этот документ неоднократно прибегали обе стороны, для следствия он также служил основным материалом.

«Изустная память» конкретизирует наши представления о том, каким образом составлялись товарные партии, отправляемые московскими купцами в Сибирь, как реализовывались они в Сибири, как использовались вывезенные оттуда товары, сколько времени занимала вся торговая операция и т. д. Правда, не все эти стороны освещены в ней с одинаковой полнотой и подробностью.

Более детально вырисовывается процесс составления товарной партии, предназначенной к отправке в Сибирь.

Бажен Железников и Михаил Попов повезли туда товаров и денег на 4347 р. 26 ал. 4 д. Заслуживает внимания то обстоятельство, что больше половины этой суммы — 2940 р. 5 ал. 4 д. — было им передано деньгами, притом 1430 руб. — серебряными и 1510 р. 5 ал. 4 д. — медными. В литературе уже отмечалось, что В. Шорин наряду с другими крупными торговцами вел выгодные операции с медными деньгами в Сибири, игнорируя официальное запрещение о ввозе их в этот район [37]. «Изустная память» Бажена Железникова еще раз убеждает нас в этом.

Деньги Бажен получил главным образом у самого хозяина, лишь 1100 серебряных руб. передал ему в Архангельске приказчик Шорина Лука Цывозерцов, да 200 руб. медных денег Бажен взял в Юрьевце Повольском и Кинешме. В Москве же у хозяина он получил (на 776 р. 3 ал. 2 д.) иноземные ткани: шелк, завесы бумажные, серебряные иконные оклады и, кроме того, на 101 р. 4 ал. 2 д. «кабал старого отпуску».

Остальные товары (холсты, медь «в тазех», серу и киноварь — на сумму в 527 р. 27 ал. 2 д.) он «привел» в Юрьевце Повольском, Ки-

---

[33] Там же, л. 26.

[34] Там же, л. 2. Ясырь — взятые в плен в виде добычи и обращенные в рабов сибирские кочевники.

[35] Там же, лл. 44, 60, 62.

[36] Лишь одна деловая запись в ней не имеет отношения к расчетам Железникова с Шориным. Речь идет о долге Железникова Ивану Васильевичу Бутурлину (вероятно, томскому воеводе 1659—1665 гг.). Характерно, что запись эта дана особняком, в самом тексте «изустной памяти», а не в «росписи», приложенной к ней, где содержатся все прочие отчетные сведения.

[37] К. В. Базилевич, *Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г.*, М.—Л., 1936, стр. 76.

нешме, Устюге Великом и Соли Камской. В Юрьевце Повольском, Кинешме он получал холсты, по всей вероятности, у торговых посредников В. Шорина, связанных с ним какими-то обязательствами. Об этом свидетельствует тот факт, что товары эти Бажен Железников принимал «по книгам», причем в двух случаях взамен недостающего количества холстов он взял деньги. В Соли Камской холст был им получен у «человека» Шорина, Семена Брусенина[38], купившего их у некоего Михаила Вязникова, вероятно, имевшего по отношению к Шорину также какие-то обязательства[39].

Железников, очевидно, не сумел собрать всех товаров, которые предназначались к отправке в Сибирь: в Юрьевце Повольском он не получил на 100 руб. холстов и на 200 руб. — в Плесе[40].

«Изустная память» почти не содержит сведений о том, как конкретно были реализованы эти товары в Сибири. Названы имена только двух жителей г. Томска, Ивана Стефанова мыльника и Семена Петелина, которые «бескабально» остались должны Бажену Железникову деньги за «русские товары» (первый — 25 р. 11 ал. 4 д., второй — 6 р. 27 ал. 4 д.).

Столь же скудно освещает «изустная» и порядок приобретения Баженом «мягкой рухляди» в Сибири. В ней упомянуты лишь лица, которые не отдали ему меха за взятые деньги. Среди них — промышленные люди Кузнецкого острога, конные и пешие казаки Томска и Кузнецка, пушкарь и татарский голова Кузнецкого острога, посадский человек Томска и пашенный крестьянин Кузнецка.

Вероятно, Бажен не сумел полностью использовать в Сибири имевшиеся в его распоряжении средства: 1 тыс. руб. медных денег он привез оттуда и передал в Москве Шорину.

Подробно перечислены в «изустной памяти» товары, вывезенные из Сибири (к сожалению, без указания их покупной цены). Скрупулезно отмечено, что было отвезено Шорину в Москву[41] и что по его указанию продано в Архангельске и по какой цене. Столь же подробно, с указанием цен, названы товары, приобретенные Баженом Железниковым в Архангельске в обмен на «мягкую рухлядь» и «бобровую черевесь», вывезенную из Сибири (сукна «анбурские», «летчины», «костромя», серебряные стаканы и чаркн, писчая бумага, винные ягоды, изюм «кафимский»).

Отдельно перечисляет Бажен товары и денежные суммы, израсходованные им на собственные нужды, на проезд и перевоз грузов, называет товары, оставшиеся «не в продаже».

Анализируя эти данные, мы можем отметить лишь некоторую противоречивость отдельных сведений, вызванную, по всей вероятности, опиской лица, составлявшего «изустную память». В ней отсутствуют сведения о том, куда была отправлена вывезенная из Сибири шуба «лисья

---

[38] Так он назван в челобитной нижегородца посадского человека Михаила Захарьина, против которого В. Шорин возбудил судебное дело в 1658 г. ЦГАДА, ф. 141, 1658, № 41, л. 1.

[39] Характерно упоминание самого его имени в «изустной памяти» Железникова, а также указание на то, что «в покупке» Семена Брусенина недоставало определенного количества холста.

[40] На Плесе, а быть может и в других поволжских городах, товары собирал Михаил Попов. Об этом он прямо говорил «в распросе» на суде (ЦГАДА, ф. 141, 1672, № 179, л. 4). Подтверждает это и «изустная память» Железникова. Указывая, что холсты из Плеса были отправлены Шориным в Ярославль и Соль Камскую, он ссылается на то, что так «сказал Василий Григорьевич Мишке Иванову».

[41] В ходе судебного следствия выяснилось, что большая часть этих товаров была Шориным продана в самой Москве, а 40 сороков соболей в парах отправлены в Астрахань и там обменены на товары — ЦГАДА, ф. 141, 1672, № 179, л. 36.

калмыцкая», одна из 50 куниц, 2 ф. черевесн и 40 ф. струи бобровой[42]. Их «судьбу» помогают установить другие материалы, входящие в состав данного судебного дела[43]. Все остальные сведения «изустной памяти» при взаимной проверке подтверждают друг друга[44].

Особо отчитывается Бажен Железников в операции с клеем карлуком и выметиым клеем (т. е. рыбьим клеем), которые он продал в Архангельске в сентябре 1664 г. вместе с гостем Алексеем Осиповичем Сухановым и внуком Шорина Семеном Матвеевичем Сверчковым. Указано, как были реализованы вырученные при его продаже 2932 р. 4 ал. 6 д.; какая часть этой суммы была взята товарами и какими; какая часть деньгами; сколько было затрачено на покупку товаров; что было отослано в Москву В. Г. Шорину. Остается неясным, откуда был им получен сам клей. Ни в «изустной», ни в «сказках» Попова и Шорина он не упоминается среди товаров, вывезенных Железниковым из Сибири. Отчет о продаже клея занимает самостоятельное место в «изустной памяти». Это позволяет предполагать, что данная операция не имела прямого отношения к поездке Бажена Железникова в Сибирь. Вероятно, этот товар был ему передан каким-либо другим приказчиком Шорина или его внуком С. М. Сверчковым. Не исключено также, что здесь речь идет о какой-то другой торговой операции, проведенной Шориным совместно с гостем А. Сухановым.

К сожалению, «изустная память» Бажена Железникова не позволяет выяснить реальную величину торговой прибыли, полученной Шориным в результате операции, проведенной этим его приказчиком: цены указаны лишь для части товаров, вывезенных Баженом из Сибири и проданных им в Архангельске. Неизвестно, как и по какой цене были реализованы товары, полученные Баженом в Архангельске в обмен на «мягкую рухлядь». Не всегда указывает он и денежное выражение накладных расходов, затрат «на проезд» и «провоз товаров»; в сумму таможенных пошлин, уплаченных им в Архангельске, он включает пошлины, связанные с продажей клея. Итоги всей операции подвел во время суда Михаил Попов. В своей «сказке», назвав для всех товаров «сибирские покупные» и продажные «московские и городские цены», он утверждал, что за 4347 р. 26 ал. 4 д., которые в виде денег и товаров Железников повез в Сибирь, хозяин получил 5457 р. 23 ал. 2 д.[45]. Шорин, правда, опровергал «сказку» Попова, обвиняя его в том, что он писал «сибирскую цену неправдою, с прибавкою»[46], но, очевидно, Миха-

---

[42] Струя бобровая — снадобье из жидкости, находящейся у бобра в особой сумочке под хвостом; употреблялось иностранцами «на краски к сукнам».

[43] В. Шорин и Михаил Попов в своих «сказках» указывали, что шуба была отправлена Баженом в Москву и там продана. Куница, по утверждению Михаила Попова, была «в издержке». 2 ф. черевесн — «в увеске». По поводу 40 ф. струи бобровой велось специальное разбирательство. Михаилу Попову с помощью выписки из проезжих и иноземных книг Московской Большой таможни 1664/65 гг. удалось доказать, что в январе 1665 г. он привез в Москву 1 пуд струи бобровой и тем же продал шемахинцу Азею Маметю — ЦГАДА, ф. 141, 1672, № 179, лл. 28, 29, 30, 33, 36, 39, 58.

[44] Неясным остается лишь вопрос, почему в «изустной» утверждается, что Железников получил от Шорина 100 руб. медных денег «на товарную покупку» в 1660 г., если его наемная запись в приказчики датируется 11 января 1661 г.

[45] ЦГАДА, ф. 141, 1672, № 179, лл. 28—33. В эту сумму он включил и товар, собранный им уже после смерти Железникова у его сибирских должников.

[46] Там же, лл. 35, 40. Он утверждал, что Михаил Попов «приписал» 1268 руб. 18 алт. 2 д. Опровергая это обвинение, Михаил Попов резонно отмечал: «а есть бы.. та рухлядь против сибирской проезжей таможенныя грамоты, и против сибирских покупошных книг, против записи с прибылью ие... была, и он бы, Василей, у нас тое мягкие рухляди и струи бобровые с рук не приймал, и велел бы продавать нам, а у нас против записи, деньги взял» (там же, л. 45).

ил Попов называл цифры, близкие к истине. Однако доказать это не представляется возможным [47].

«Изустная память» изобилует записями о различного рода долговых обязательствах, что является еще одним подтверждением недостаточности оборотных средств в русской торговле XVII в.

Содержит она также сведения, имеющие определенный бытовой интерес: данные о покупке Михаилом Поповым в Сибири в 1662/63 г. за 15 руб. медных «ясыря», о раздаче бобров воеводам «на Туре и у Соли-Вычегодской, и на Устюге, в почесть, для ради проезду» и др.

Наконец, по своему характеру данный документ является памятником далеко не обычного типа среди частнохозяйственных документов XVII в., относящихся к сфере торговли. Ценность этого в известном смысле уникального памятника представляется весьма значительной. Излагая конкретную историю одной из торговых операций, проведенных крупнейшим представителем русского купечества в начале 60-х годов XVII в., он дает наглядное подтверждение ленинскому положению о купцах-капиталистах как руководителях и хозяевах процесса образования всероссийского рынка [48].

Операции крупного купечества проводились в ряде областей страны. Благодаря им в торговый оборот втягивались значительные массы товаров. Они способствовали укреплению экономических связей между районами, расширению рамок сбыта и повышению товарности мелкого производства и промыслового хозяйства. В самой организации этой операции отчетливо проступает эксплуататорская, хищническая сущность торгового капитала.

Публикация «изустной памяти» Бажена Железникова может обогатить сложившиеся представления о внутренней торговле России в середине XVII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список с изустной памяти Бажена Петрова слова в слова. Се яз, гостя Василия Григорьевича Шорина привазщик его, Бажен Петров сын Железников, пишу себе сию изустную память своим целым умом и разумом для ради душевнаго своего исправления и смертнаго часа, кому мне что дать или на ком мне что взять по кабалам и бескабально и что ему, хозяину, Василью Григорьевичу, на мне, Бажене, по записе его хозяйского живота взять, и что того животв принято, и в продаже, и в отдаче, и в долгах — и тому под сею изустною всему роспись порозь.

А приказываю я, Бажен, по сей изустной памяти дать и взять, и по душе своей исправить, и против записи по книгам ему, хозяину, Василью Григорьевичу, во всем отчет дать шурину своему, Михаилу Иванову Попову да сыну своему Максиму.

Дать мне, Бажену, бескабально Ивану Васильевичу Бутурлину 55 руб. денег

А что того же хозяйского животв взять в Сибирских городех по кабалам и бескабально, и тому всему роспись под сею изустною паметью. А у изустные сидели отец мой духовной петропавловской поп Петр Порфирьев да посадцкие люди Лука

---

[47] Напомним, что И. С. Макаров определял годовую прибыль от сибирских торгов примерно в 22—25% (см. И. С. Макаров, *Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в.*, — «Исторические записки», № 14. М., 1945, стр. 162). Следует, кроме того, иметь в виду, что Михаил Попов в своих подсчетах не учитывал реализацию части товаров, вывезенных им вместе с Железниковым из Сибири, в Москве и Астрахани, а также товаров, полученных в Архангельске в обмен на «мягкую рухлядь». Его показания нельзя проверить по другим источникам: ни верхотурские, ни томские, ни кузнецкие таможенные книги за 1662—1663 гг., когда Бажен Железников возвращался с товарами из Сибири, как известно, не сохранились.

[48] См. В. И. Ленин, *Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов*. — Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 154.

Яковлев сын Цывозерцев, да Аникей Григорьев сын Саватиевых, Никита Петров сын Новоселов. А изустную память писал на Морозовице спаской церковной и земской дьячок Конашка Трофимов сын Корелин. Лета 7173-го году, декабря в 23 день.

Список с росписи 173-го году, декабря в 23 день. Роспись мне, Бажену Петрову, для ради душевнаго своего исправления и смертнаго часа, кому мне что дать или на ком мне что взять кабального и безкабального долгу, и тому всему роспись порознь, по статьям.

168-го году принял я, Бажен, на Москве, у Василья Григорьевича, на ево товарную покупку 100 руб. денег медных. 169-го году принял я же, Бажен, у города Архангельского, у приказщика ево, Василья Григорьевича, у Луки Яковлева Цывозерцова, на ево же товарную покупку 1100 руб. серебряных денег.

Да мне же было принять по книге в Юрьевце Повольском у Прокофья Игнатьева сына Кафтанова на 100 на 40 руб. холстов. И тех холстов принято на 80 руб., а в досталь принято деньгами медными 60 руб. На Кинешме принять было по книге ж у Ивана Никитина сына Тюрина холстов на 300 руб. И тех холстов принято на 100 на 60 руб. по цене ж, а в досталь взято деньгами 140 руб. медными.

Я ж, Бажен, принел на Москве, у Василья Григорьевича, 7 половинок кармазинов розных цветов, а мерою в них 280 аршин, по рублю по 20 по 5 алт. аршин, итого 490 руб.

Я ж, Бажен, принел на Москве, у Василья Григорьевича, объярей розных цветов, а мерою в них 56 аршин, ценою по 2 руб. с гривною аршин, итого 117 руб 20 алт.

Я ж, Бажен, принел на Москве, у Василья Григорьевича, 85 аршин тафты, по 30 алт. с полугривною аршин, итого 80 руб. с полтиною.

Я ж, Бажен, принел у Василья Григорьевича, на Москве, 33 ансыря шолку розных цветов, а весу в них 35 ф., за фунт по 40 алт., итого 42 руб.

Я ж, Бажен, принел на Москве 16 завес бумажных, по 20 по 6 алт. по 4 д. завеса, итого 13 руб.

Да я ж, Бажен, принел у него ж, Васялья Григорьевича, на Москве, 1200 руб. денег медных, да 200 руб. серебряных денег на заемную росплату и на проезд.

Да я ж, Бажен, принял на Устюге Великом у Емельяна Шоры 7 пуд. меди в тазех, по 6 руб. пуд, итого 42 руб. Да у него ж, Емельяна, принял серы горячие 4 п., по рублю пуд, итого 4 руб. у него ж, Емельяна, принял 12 ф. киновари, по полтине за фунт, итого 6 руб.

Да я ж, Бажен, принел на Москве, у Василья Григорьевича, окладов иконных серебряных, фунт полшеста золотника, цена 23 руб.

||Да я ж, Бажен, принял на Москве, у Василья Григорьевича, 10 руб. 5 алт 4 д. денег розных медных.

Да я ж, Бажен, принел кабал старого отпуску на 100 на 1 руб. на 4 алт. на 2 д.

Да я ж, Бажен, принел у Соли Камской холстов покупки Семена Брусенина у Михайла Вязникова 402 конца, а мерою в них середнево холсту и хрящу 6955 аршин, а ценою по 30 по 4 руб. тысяча, итого 235 руб. 27 алт. 2 д. Да на те же холсты дано перевозу Строгановых людем до Соли Камской 4 руб.

172-го году я ж, Бажен, взял у Василья Григорьевича 100 руб. денег серебряных, что платил Луке Цывозерцову, а те деньги издержаны, из Сибири идучи, на проезд дороги.

Да во 169-м году дана кабала в недоплатных деньгах за мягкую рухлядь Сунгуцкому воеводе Василью Федоровичю Шетыневу во 180 руб.

Да мне ж, Бажену, было взять в Юрьевце Повольском у Карпа Боровитинова холстов по книге на 100 руб. И те холсты и деньги не взяты.

Да мне ж, Бажену, было взять по книге на Плесе у Ивана Васильева сына Тикина холстов на 200 на 80 руб. И тех холстов послал Василей Григорьевич в Ярославль на 12 руб. на 20 на 7 алт., а осталые холсты и деньги не взяты. А сказал Василей Григорьевич Мишке Иванову те де холсты посланы к Соли Камской. Да в покупке Семена Брусенина, в холстах, не было 33-х концов, а против цены на 20 на 1 руб. на 8 алт. на 2 д.

Во 171-м году вывез я, Бажен, из Сибирских городов, из Томского города да ис Кузнецкого острогу, по проезжей грамоте 40 сороков соболей томских и кузнецких в парах, 60 сороков соболей и недособолей томских и кузнецких в козках * 2000 хвостов собольих, 60 бобров и ярцов **, и кошлоков *** рыжих, 40 ф. черевеси бобровой, 60 ф. струн бобровой, 5.000 белки, 3 сорока горносталей, 2 шубенки недособольи, 50 куниц и недокуней, шубенко лисье колмыцкое, 112 лисиц и недолисей красных, 8 россомаченок, 38 барсучишков, 20 сороков пупков соболь-

* Соболи «в козках» — шкурки, снятые целиком, а не разрезанные на две части, хребтовую и брюшную.

** Ярцы — годовалые бобры.

*** Кошлоки — молодые бобры.

их *, лоскутишка ** соболья и бобровой, лисья и белья мешек, ево, гостя Василья Григорьевича, живота.

А отвезено ему, Василью Григорьевичу, к Москве того живота мяхкой рухляди, и он принел: 112 лисиц красных колмыцких, 2 лисицы чернобурые, 37 бобров, 5 сороков пупков собольих, полтрети тысяч белки. Да ему же, Василью Григорьевичу, отдано 1000 руб. денег медных, что вывезено из Сибири по проезжей грамоте, да две шубенки недособольи, 3 сорока горносталей.

А достальным животом, мяхкой рухлядью, велел он, Василей Григорьевич, торговать у города Архаигельского. И что того живота в продаже, и что в остатке, и тому торгу и животу следует книга. А в книге пишет: продано иноземцу Ивану Яковлеву мяхкой рухляди 58 сороков соболей в козках, ценою по 20 по 4 руб. сорок, итого 1392 руб.; 2000 хвостов собольих, по 12 руб. сто, итого 240 руб.; 49 куниц, по 20 по 8 руб. сорок, итого 34 руб. 10 алт.; 15 сороков пупков собольих, по 4 руб. сорок, итого 60 руб.; полтретьи тысячи белки, по 30 руб. тысяча, итого 73 руб. 26 алт. 4 д.

И всего тое мяхкие рухляди продано на 1000 на 800 руб. на 3 алт. на 2 д. А взято против тое мягкой рухляди четверть деньгами мелкими серебряными, итого 451 руб. 29 алт. 2 д. А в досталь взято за ту мяхкую рухлядь по цене товаром: 110 половинок летчин *** большой руки, ценою по 5 руб. половинка, итого 550 руб.; 50 половиноклетчии малой руки, половиика по 3 руб. по 20 по 5 алт., итого 187 руб. *л. 8* с полтиною; 29 половиок анбурских большей руки, по 12 руб. половинка, итого 348 руб.; 20 стоп бумаги писчей, цена 20 руб.; 15 половинок анбурскнх малой руки, половиика по 10 руб., итого 150 руб.; 10 бочек ягод виниых, а весу в них 33 п. 15 ф. н з деревом, ценою по 20 по 5 алт. за пуд, итого цены, кроме дерева, цена 23 руб. 5 алт. 2 д.; полдюжины чарок медвеных серебреных да полдюжины стаканов серебреиых, ценою за фунт по 13 руб., итого за полчетверть фунта за 6 золотников цена 46 руб. 10 алт. 2 д.; две бочки ягод изюму кафимского, а весу в них 16 п. 20 ф. з деревом, за пуд по рублю по 16 алт. по 4 д., итого цены, кроме дерева, 23 руб. 8 алт. 2 д.

В осталих соболей не в продаже: сорок соболей в парах, 2 сорока соболей в козках ****. А о тех соболях о всех писал Василей Григорьевич к городу Архангельскому, к иам. А велел их привести к Москве. А 3 бобра отдаиы по городам, идучи из Сибири, воеводам иа Туре и у Соли Вычегодской и на Устюге, в почесть, для ради проезду. А 18 кошлоков не продано. А 2 кошлока про себя издержал. 10 ф струи бобровой продал я, Бажеи, на Устюге для своей иужи, а 10 ф. тое струи усохло. А 6 россамаков я, Бажеи, издержал про себя. А 2 россомакн отданы Михайлу Иввиову. А барсуков налицо 33. А 5 барсуков я, Бажеи, издержал про себя. А лоскутишка мешек мелково иалицо. А 2 п. ягод виниых, я, Бажеи, издержал про себя.

173-го году сентября в ... день продал гость Алексей Осипович Суханов и внук Василья Григорьевича Семеи Матвеевич Сверчков и я, Бажеи, и Михайло гостя Василья Григорьевича клею карлуку, а весом 127 п. 8 ф., ценою за пуд по 20 руб., итого цены 2544 руб.; да выметного клею 25 п. 31 ф., ценою по 15 руб., итого 386 руб. 4 алт. 1 д., итого цены взито за весь клей 2932 руб. 4 алт. 6 д.

А протнв того клею взято треть деньгами мелкими серебреными, итого будет денег взято 1005 руб. 29 алт. 1 д., да 24 половиики летчины, по 5 руб. половника, итого 120 руб.; 40 половинок сукна анбурского, ценою по 11 руб. половинка, итого 440 руб.; 50 литр золота виницейского под петушком, ценою по 9 руб. литра, итого 450 руб.; 40 п. котлов зеленой меди, за пуд по 5 руб. с полтиною, итого 220 руб. А в досталь взято отласамя красными 8 косяков, а мерою в иих 696 арш. 1 четверть, ценою по рублю аршин.

И с тех денег послано к Москве, гостю Василью Григорьевичу, з гостем Алексеем Осиповичем Сухаиовым 400 руб., и в тех деньгах на него взята память. Да со внуком его, Семеном Матвеевичем Сверчковым, послано к Москве, к Василью Григорьевичу, 191 руб., и в тех деньгах у него, Семена, взята роспнска. А 9 руб. даио за провоз от клею. Да с ним же, Семеном Матвеевичем, послано к Василью Григорьевичу: отласу красного 6 косяков, а мерою 519 аршин 2 четверти||да 30 *л. 9* литр золота виницейского пряденово. И в той посылке, в золоте и в отласе, Семеи Матвеевич розписки не дал.

Да куплено иа деиги: 4 п. перцу, по 4 руб. пуд, итого 16 руб.; полтора пуда сахару головиого, цена 6 руб.; полтора пуда ладану, пуд по 3 руб. с полтиною, итого 5 руб. 8 алт. 2 д.; 10.000 игол, дано 3 руб. 20 алт.; полтора пуда белил, дано 3 руб.; полшеста фунта киноварю, за фуит по полтине, итого 2 руб. 25 алт.

---

* Пупки собольи — менее ценная часть шкурки, брюшко, отделенное от хребта.

** Отходы от первоначальной обработки меха.

*** Л е т ч и н а — особый сорт сукна польского происхождения.

**** Поверх строчек другим почерком: *а в подлинной написано наверху у приписи сей сорок сороков соболей.*

И с торгов Василья Григорьевича, с мяхкой рухляди, с клею, плачено у Города великого государя таможенных пошлин 483 руб. 21 алт. 4 д.

Да у Города променяли 38 ф. черевеси бобровой, а взято 4 половиники 12 аршин костромей, ценою по 15 руб. половинка. А черевесь ставлена вмеи по рублю по 8 гривен фунт, итого цены на черевесь 68 руб. 13 алт. 2 д.

Да у Города куплено на деньги: 2 п. инбирю в патаке на 7 руб.; 2 половиники яремцу, дано 10 руб.; суидук да подголовок, дано 7 руб.; полвосемнадцати пуда укладу, за пуд по 40 алт. з гривною, итого 22 руб. 25 алт. Да поводков и ужищ и рогож куплено на 5 руб.

На товар да наем, что было с Устюга до Города, и от Города до Устюга ж, работных людей 6 человек. А дано им по полтора рублв на человека, итого 9 руб. дано от Города с товару провозу до Устюга. И сами, будучи у Города и дорогою идучи, из хлеб и не харч издержали 26 руб. 20 алт.

Да на Устюге Великом дано кузнецу Никите Афанасьеву, на Морозовице, во 100 топоров 10 руб. денег. А в тех деньгах на него, кузнеца, взята память.

Да я же, Бажеи, издержал хозяйских денег на хлеб и на дворовую поделку, что вышли деньги из мягкой рухляди и с клею, 172 руб. денег. Да и ж, Бажеи, дал тех же денег Михайлу Иванову сыну Попову на хлеб и про домашнюю издержку 150 руб. Да в прошлом, во 171-м году, дал я ж, Бажен, ему, Михайлу Иванову, в Сибири его ж хозяйских денег 15 руб. медных денег. А на те деньги он, Михай-
л. 10 ло, купил себе малово ясыря, а во снятом крещении имя||ему Дмитрей.

Да во 172-ом году я же, Бажен, взял на Москве у хозяина 30 руб. 173-го году, декабря в 23 день. Роспись мне, Бажену Петрову, для ради душевнаго исправления и смертнаго часа, на ком мне что взять гости Василья Григорьевича Шорина ево живота кабального и безкабального на Устюге Великом и в Сибирских городех, и о том роспися порозь.

Во 170-ом году дано в Томском городе татарскому голове Кузнецкого острогу Савину Никитину 100 руб. медных денег. А за то, за 100 руб., по уговорной цене взять на нем, Савине, 3 сорока 14 соболей кузнецких добрых, рослых в козках. И он Савин, по уговору тех соболей не заплатил и по се число. И я, Бажеи, бил челом государю в Томском городе и воеводам в съезжей избе в той нерасплате. И по нашему челобитью послана по него, Савина, из Томского в Кузнецкий острог отписка, что ему, Савину, прислать в Томский платеж или самому приехать с платежем. Да взять мне, Бажену, в Томском городе на Иваве Стефанове мыльнике за руские товары безкабально 25 руб. 11 алт. 4 д. Да взять по кабале Кузнецкого острогу на Филипе Яковлеве, промышленном человеке, 19 соболей с пупки и с хвосты. Да Кузнецкого ж острогу на пашенном крестьянине Трофиме Мыстове по двум кабалам взять 47 соболей. Да Кузнецкого ж острогу на промышленном человеке Карпе Осипове по кабалам 13 соболей с пупки и с хвосты. Кузнецкого же острогу взять на пушкаре на Никите Григорьеве по двум кабалам 45 соболей в козках, а те кабалы обе
л. 11 писаны в дву сороках в 20 соболях. Взять Кузнецкого острогу||на промышленных на Ларионе Констятинове Лабуте да на Максиме Карпове по кабале 16 соболей с пупки и с хвосты. Взять Кузнецкого ж острогу на пешем казаке Богдане Антонове Бутукове по кабале 2 соболя с пупки и с хвосты. Да Томского города на посадцком человеке Иване Киприянове взять по двум кабалам 40 соболей с пупки и с хвосты. Томского ж города на конном казаке Саве Балахнине по кабале 10 соболей с пупки и с хвосты, а в прежней росписи написано 20 соболей. Да мне ж взять в Томском на Семене Петлине за русские товары бескабально 6 руб. 27 алт. 4 д.

Да на устюжанине на Якове Чиреве взять бескабально рубль 26 алт. 4 д. и с племянником ево Федором. Да на Костникине Елфимове 16 алт. 4 д. Да им же, Костникину и Якову, дано безкабально ж 12 алт. 2 д. Да морозовскому жильцу Луке Прокофьеву дано 16 алт. 4 д. бескабально. А те деиги даны им у города Архангельского, в нынешнем во 173-м году.

Да взять по кабале Томского города на пешем казаке Коидрате Заике по кабале 10 соболей чюлымских.

А позади подлинной духовной изустной памяти и росписи долговой рука отца духовного, Петра и Павла священника, Петра Порфильева, да посадцких людей Луки Яковлева сына Цывозерцова да Никиты Петрова, да Анички Григорьева. А подлинную духовную и роспись писал на Морозовице церковной дьячек Конон Трофимов во 173-м году, декабря в 23 день.

Помета: А назади списка изусной росписи пишет: к сему списку Мишка Иванов сын Попов руку приложил. К себе взял и руку приложил.

ЦГАДА, ф. 141, 1672, № 179, лл. 6—11, список.

Е. В. Чистякова

МОСКВА В СЕРЕДИНЕ 30-х ГОДОВ XVII в.

Большинство исследований о составе населения и занятиях жителей Москвы (Е. И. Заозерской, С. И. Сакович, Е. М. Тальман, Д. И. Тверской) [1] основано на материалах второй половины XVII в. Это объясняется тем, что за первую половину века не сохранилось компактных источников. Огромное количество документов погибло в годы борьбы с интервентами, множество их сгорело во время пожара правительственных учреждений 1626 г. Сколько-нибудь полных цифровых сведений о населении Москвы не сохранилось и за более поздние годы. Материалы по сбору пятины 1634 г. отражали данные, касавшиеся лишь четверти территории Москвы, а Росписной список 1638 г., в котором отсутствовал 41 лист, не учитывал населения Кремля, Замоскворечья, района Крымского брода, служилых слобод и т. д.

Топографический облик Москвы складывался в течение нескольких столетий [2]. В XVII в. районы Москвы составляли Кремль, Китай-город, Белый и Земляной город, окаймлявший ее по линии позднейшего Садового кольца. От центра лучами расходились дороги в разные концы страны, вдоль которых тянулись московские слободы. В XVII в. в Москве насчитывалось 11 сотен, 3 полусотни, 2 четвертьсотни и 30 слобод [3].

Если принять соображения С. К. Богоявленского о том, что каждый двор населяло до 6 человек обоего пола, а количество дворов достигало 27 тыс., то получим огромную цифру населения столицы — свыше 160 тыс. Это составляло около трети городского населения всей России (по подсчетам П. П. Смирнова, всего в городах жило приблизительно 587 тыс. посадских людей). По средневековым масштабам это был громадный город, уступавший, по впечатлениям иностранцев, лишь Парижу и Константинополю [4]. Польский посол, посетивший Россию в 1645 г., приводил мифические цифры о наличии в ней свыше 540 тыс. домов и ее протяженности в 380 немецких лье в длину и 300 в ширину [5]. По неполным данным, московское население распадалось на следующие

[1] Наиболее полный материал и библиография по этим вопросам суммированы в «Истории Москвы», т. 1 (Период феодализма XII—XVII вв.), М., 1952. Волнения в Москве в середине 30-х годов XVII в. в этом труде не освещены.

[2] М. Н. Тихомиров, *Средневековая Москва в XIV—XV веках*, М., 1957, гл. I; *Россия в XVI столетии*, М., 1962, гл. IV.

[3] «Материалы для истории московского купечества», т. I, М., 1883, стр. 1.

[4] С. К. Богоявленский, *Московская немецкая слобода*, — «Изв. АН СССР», сер. истор. и филос., 1947, т. IV, № 3, стр. 222.

[5] А. Л. Гольдберг, *Известия о России в газете Теофраста Ренодо* (по материалам фондов Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), — «Труды ГПБ», т. XI (14), Л., 1963, стр. 145.

группы: посадские люди, составлявшие около половины населения (49% без Замоскворечья), гости и привилегированные сотни — 1,5%, светские феодалы — 20%, духовенство — 10%, приказная бюрократия — 8%, казенные ремесленники и иноземцы — 8%, крестьяне и жители беломестных слобод — 3% [6].

Общее количество тяглых дворов на 1630 г. исчислялось в 2070, а на 1653 г. — 2428 [7]. Дворцовые и казенные слободы были заселены ремесленниками, обслуживавшими царский двор и дворец с его многочисленными службами. В 24 дворцовых слободах жило в первой половине XVII в. 1551 человек, во второй половине века это число почти удвоилось.

Москва была экономическим центром страны. Производство сосредоточивалось в руках как тяглых, так и дворцовых, записных, частновладельческих ремесленников. По подсчетам А. М. Карпачева, 58% людей, плативших пятину (с торгов и промыслов), были ремесленниками. Таким образом, ремесленное население составляло основную часть населения столицы [8]. Исследователь московского ремесла М. В. Довнар-Запольский насчитал 250 ремесленных профессий в Москве [9], Д. И. Тверская уточнила эту цифру для второй половины XVII в. — 259. Много ремесленников было среди приборных людей [10].

Свой первоначальный производственный признак слободы со временем постепенно утрачивали. В Кадашевской и Тверской Константиновской слободах, например, проживали ремесленники, связанные с более чем 50 специальностями (металлообработка, деревообработка, обработка животного и растительного сырья, производство продуктов питания и т. д.).

В XVII в. наблюдалось дробление специальностей (например, среди занимающихся металлообработкой были: кузнецы, скобяники, серебряники, сабельники, крестники, замочники, золотари и пр.) [11]. Даже среди кузнецов (в 1638 г. было 98 кузниц, а в 1641 г. уже 152) намечалась некоторая специализация [12], хотя она и не была всегда устойчивой [13].

Экономическая роль Москвы была особенно велика в связи с ее центральным положением в системе формирующегося всероссийского рынка. В 150 московских рядах шла бойкая торговля самыми разнообразными товарами. Емкий московский рынок (с 4 тыс. лавок) поражал приезжих ассортиментом товаров, которые реализовывались иногда далеко за его пределами.

Многие ремесленники продавали свои изделия на рынке. Они торговали в каменных и деревянных лавках, на перекрестках, с рук, с лотков, скамей, даже в проемах ворот. После пожара 1626 г. продовольственные товары продавались в следующих рядах Китай-города: масляном, ветчинном, хлебных, калачных, соляных, рядах свежей рыбы, сырейном, луковном, пирожном, харчевном, яблочном, дынном, огуречном,

---

[6] Подсчитано по материалам Росписного списка 1638 г., — «История Москвы», т. 1, стр. 450.

[7] Там же, стр. 457.

[8] А. М. Карпачев, *Пятина 1634(142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства*, — ИЗ, № 33, 1950, стр. 252—253.

[9] М. В. Довнар-Запольский, *Торговля и промышленность Москвы в 16—17 вв.*, — «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. 6, М., 1910, стр. 59—60.

[10] Д. И. Тверская, *Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка*, М., 1959, стр. 21, 23.

[11] ЦГАДА, Приказные дела старых лет (далее — ПДСЛ), 1653, д. 73, лл. 14—17.

[12] И. Е. Забелин, *Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы*, ч. II, М., 1891, стр. 1155—1163.

[13] Д. И. Тверская, *Москва второй половины XVII века*, стр. 27.

уксусном, суслепном, квасном, в рядах вяленой рыбы, паровых сельдей, гречевном, гороховом, молочном, капустном, крупенном, чесношном.

Ремесленными изделиями торговали в рядах: иконном, седельном, саадашном, сапожно-красном, зелейной палатки, скобяном, замочном, котельном, завязошном, бельном, суровом, москательном, пушном, подошвенном, свечном, мыльном, щепетильном, игольном, самопальном, ножевом, плотницком, судоплатном и др. [14].

На почве общественного разделения труда и развития торговой деятельности среди московских ремесленников шло имущественное расслоение. По подсчетам А. М. Карпачева, 35% ремесленников платили пятину до 1 руб., 53% до 2 руб., 4% — более 20 руб.; были и такие, которые платили до 8 руб.

Судя по пятинному сбору 1634 г., около половины чернослободцев владели имуществом в сумме до 5 руб. (44,7%), т. е. были бедными, «меньшими» или «молодшими» людьми; средние люди, платившие до 50 руб., составляли 46,7% чернослободцев, и только 1,9% были «лучшими», наиболее богатыми, — они владели имуществом свыше чем на 250 руб. Как видим, большинство населения посада составляли молодшие и средние люди.

Судя по Росписи 1638 г., в Москве были ремесленники, которые не имели даже дворов, но были такие, которые становились членами привилегированных сотен. С 1621 по 1647 г. в эти сотни было приписано 328 москвичей (в том числе 14 ремесленников) [15].

Поскольку основными налогоплательщиками были мелкие и средние люди, слободы и сотни дорожили каждым тяглецом. Поступление в тягло лишало человека свободы передвижения; он фактически прикреплялся к тяглу, и в случае его ухода его доля ложилась на других. Тяжесть тягла тем самым увеличивалась. Об этом свидетельствуют сохранившиеся от первой половины XVII в. поручные записи [16].

В тяглецы иногда записывали неволею: так, Евтифий Афанасьев, торговец москательного ряда, тяглец Заяузской слободы, был таким образом записан в Лужницкую слободу: «Староста взял по нему ныне порушную запись насильством, вымучил, сажал в железа» [17]. Прикрепление к тяглу стесняло торгово-ремесленную деятельность населения столицы. Оно свидетельствовало о тяжелых феодальных оковах, лежавших на посадских людях.

В связи с разверсткой тягла становится понятной острота, которую приобретал в столице вопрос о беломестных слободах и о приписке его населения к посадам. На посаде было много частновладельческих «белых слобод», население которых занималось ремеслом и торговлей. Москва опоясывалась монастырями, вокруг которых располагались беломестные слободки (лишь кремлевский Чудов монастырь имел 3 слободы на посаде). В семи патриарших слободах было около 900 плательщиков пятинных денег (с 874 человек взималось 3198 р. 05 к.), четыре слободки принадлежали митрополиту Крутицкому, одна митрополиту Ростовскому. Наиболее крупными светскими владениями были: Бутырская слобода боярина И. Н. Романова (в 1646 г. она насчитывала 91 двор), Останкино и Марьина Роща князя Я. К. Черкасского (112 дворов крестьян и 36 — непашенных людей); имелись также слободки князя Д. М. Черкасского, С. Л. Стрешнева и др.

---

[14] Л. Максимович. *Указатель Российских законов*, М., 1803, стр. 135—136.

[15] Д. Н. Тверская. *Москва второй половины XVII века*, стр. 17, 38.

[16] П. П. Смирнов. *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века*, т. I, М., 1947, стр. 367 и сл.

[17] ЦГАДА, ф. 396, оп. 26; 1637 г., д. 41505, л. 23.

Судя по материалам сыска закладчиков, проведенного в 1638—1642 гг., правительство охотно возвращало тяглецов-налогоплательщиков на посад, даже если это ущемляло интересы отдельных лиц или корпораций [18]. В этом вопросе выгода посада в целом и финансовые интересы казны совпадали. Этим сыском была предопределена дальнейшая деятельность сыскных учреждений, продолживших свою работу уже после Уложения 1649 г. [19].

Таким образом, правительство проводило мероприятия в этом направлении еще в 30-х годах XVII в. и было со своей стороны заинтересовано в ущемлении беломестцев. Уничтожение белых слобод было лишь одним из общих требований посада, существенной была борьба с усилившимся налоговым гнетом, за монополию на рынке и т. д.

Помимо закладчиков в столице находились и другие разряды феодально-зависимого населения: феодалы держали многочисленную дворню, которая обслуживала хозяйский двор, прилегающие к нему сады и огороды. Установить примерную численность холопов в Москве косвенно помогает подсчет погибших в результате чумы 1654 г. Так: у Н. И. Романова из 486 холопов осталось 134, у Я. Черкасского из 533 холопов осталось 110, у Б. И. Морозова из 362 человек осталось 19, у Я. Н. Одоевского из 310 человек осталось 15, у А. Н. Трубецкого из 278 человек осталось 8 и т. д. [20]. Эти цифры свидетельствуют о численности дворни, а также красноречиво говорят о том, насколько страдало зависимое население от эпидемий.

В Москве как столице России содержалось большое войско, 7 тыс. человек насчитывал «государев полк», жильцы которого «переменяясь» поквартально, жили в Москве и несли службу в Кремле. В Замоскворечье и других местах располагалось 20 стрелецких слобод — приказов, носивших имена своих командиров [21]. Всего в Москве размещалось свыше 20 тыс. стрельцов [22]. Особое место занимали выборные полки, которые составлялись из людей, набираемых в родовых романовских вотчинах из зажиточных семей [23]. Привилегированное положение занимал также стрелецкий стремянной полк. Стрельцы как военная и полицейская опора далеко не всегда были надежными слугами правительства.

Так как прожить на одно выдаваемое нерегулярно жалованье было невозможно, служилые по прибору занимались ремеслом и торгом. В скобяном ряду из 21 лавки 9 принадлежало стрельцам, в мыльном ряду — 5 лавок и т. д. В силу своей близости к посадским людям низшие разряды служилых людей по прибору принимали живое участие в столичных восстаниях середины XVII в.

В среде служилых людей по прибору наблюдалась также имущественная дифференциация как из-за разницы в обеспечении, так и благодаря занятиям ремеслом и торговлей. Например, среди пушкарей, живших более оседло (в 1638 г. у них было 374 двора), были крупные торговцы и ремесленники-оружейники.

Велика была в Москве прослойка приказной бюрократии. По Росписному списку, в 1638 г. в Москве было 60 приказов с 80 дьяками и 476 подьячими. Таким образом, на каждые 50 черных дворов приходил-

---

[18] П. П. Смирнов, *Посадские люди*, т. I, ч. III, гл. VI, § 3.

[19] В результате сысков всего по Москве к посаду отошло от беломестцев 1410 дворов. Земля (за исключением выгонов, отобранных у монастырей) осталась за частными владельцами (Там же, т. II, ч. II, гл. IV).

[20] А. Г. Брикнер, *Чума в Москве в 1654 г.*, — ИВ, 1884, IV.

[21] «Тр. МОВИО», т. I, М., 1911, стр. XVIII.

[22] «История Москвы», т. I, стр. 480.

[23] А. И. Заозерский, *Царская вотчина XVII в.*, М., 1937, стр. 299.

ся 1 двор дьяка или подьячего. Они селились в районе Остоженки, Арбата и Никитской улиц.

Около 400 московских церквей постоянно толпились нищие, юродивые, калеки и пр. Они кормились близ церквей и монастырей, бродили между дворами. В. И. Ленин отмечал, что феодально-крепостническая формация «сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму»[24].

Население Москвы пополнялось обедневшими жителями окрестных районов, приходившими в город в поисках заработка. О том, как складывалась судьба съехавшихся в столицу людей, свидетельствует «Дело о бежавших из розных городов посадских людех», относящееся к 1634 г. В нем содержатся сведения о 66 лицах, приехавших в Москву из Дмитрова, Ржева, Вязьмы и Городецка. 44 из них попали в слободы и сотни, один в гостиную сотню, один ушел в торговлю; 2 стали ремесленниками, 4 — подьячими, 1 — звонарем, 2 — служилыми по прибору, 2 устроились наймитами, 2 попали в закладчики[25]. Таким образом, большую часть приехавших поглотили слободы.

В Москву прибывало довольно много иностранцев. Это были офицеры армии, различные специалисты (часовые мастера, инженеры, врачи, фармацевты). Но особенно многочисленными были торговцы и предприниматели, капитал и знания которых царское правительство охотно ставило на службу своим интересам. Иноземные купцы пользовались, как правило, правом беспошлинной торговли в Москве, их лавки стали занимать заметное место. Слободы, населенные иноземцами, возникали по Маросейке, в районе Басманных улиц и в других местах. Действуя на столичном рынке сплоченными группами с большими капиталами, иноземцы быстро подчиняли себе мелких московских торговцев, делали их своими агентами, должниками, заставляли закладывать дворы и лавки.

В 1635 г. с целью проконтролировать деятельность иноземцев в отношении уплаты пошлин велено было переписать «аглицких, итальянских, гамборгских и иных иеметцких государств гостей торговых немец, которые живут на Москве на своих дворах и которые стоят по чужим дворам, и у кого кто стоит и почему, которые приезжают к Москве, торгуют по государевом жалованным грамотам и которые, приезжая к Москве, торгуют без государевых жалованиых грамот, самовольством»[26].

Под предлогом ограничения постройки протестантских кирок, иноземцам было запрещено принимать в заклад дворы в центре города и в посадских слободах[27]. В основе этих небольших ущемлений лежали экономические интересы казны и усиливающиеся настоятельные требования посадских людей о покровительстве отечественной торговле.

В конце 30-х — начале 40-х годов в Москве проявляла активность как посадская, так и дворянская оппозиции. В это время был подан ряд общих челобитных как со стороны посада, так и дворян. Это свидетельствовало о том, что в России XVII в. происходила дальнейшая консолидация сословий, в ходе которой они предъявляли свои требования правительству.

Москва была средоточием острых противоречий. Здесь ощущался неприкрытый феодальный гнет — сотни холопов и крестьян наполняли

[24] В. И. Ленин, *Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе)*, — Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 477.

[25] ЦГАДА, ПДСЛ, 1651 г., д. 34, лл. 11—20.

[26] ЦГАДА, ПДСЛ, 1635 г., д. 18.

[27] АИ, т. III, СПб., 1841, № 82, XXXVI, стр. 114—115.

боярские и дворянские усадьбы. Много было и пришлых крестьян. Посадское население столицы все острее ощущало тягость феодальных оков, сдерживающих его производственную деятельность. Феодальный характер управления резче всего обнаруживался в столице, от него страдали все слои общества, за исключением привилегированного боярства и придворных чинов. Как и в предшествующие эпохи, в Москве выявлялись и внутрисословные противоречия между боярством и столичным дворянством, городовыми детьми боярскими и жильцами. Обострялись отношения внутри тяглых слобод. Крупные торговцы города (будь это стрельцы, жители беломестных или посадских слобод) вызывали ненависть демократических слоев населения столицы (черных тяглецов, ярыжных гулящих людей, поденщиков и т. д.).

Время от времени в столице вспыхивали по различным поводам волнения. Московское население не оставалось безучастным к вестям и о волнениях на периферии. Особенно ярко это проявилось в 1634 г., в период «балашовщины», исследованной Б. Ф. Поршневым. Жители Москвы живо и чутко реагировали на экономические и политические мероприятия правительства и на волнения в прифронтовых районах[28]. Когда один из руководителей этого движения Анисим Чертопруд с 50 казаками побывал в Москве, на обратном пути к нему присоединилось много холопов — дворянских людей[29]. Тревожным для правительства по своим последствиям был также приезд в Москву в феврале — марте 1634 г. из Рославля другого руководителя этого движения Ивана Теслева с казачьим отрядом.

К этому времени политическая и социальная атмосфера в Москве накалилась. Умер патриарх Филарет, стал ясен провал Смоленской кампании; посад Москвы стонал от непрерывных сборов пятой деньги. Все это осложняло обстановку в Москве, и в марте — апреле она была накануне грозных событий.

Как установил исследователь этого движения Б. Ф. Поршнев, центром движения стали Голутвенная слобода и село Семеновское. На Калужской дороге была поставлена застава, останавливавшая гонцов, прибывающих в Москву из других городов, в слободу стекались «боярские люди» «от бояр наших и от окольничьих, и от дворян ото всяких людей». Бояре, думные люди, дворяне, гости и «черных слобод всякие люди» жаловались царю на отряд Теслева[30].

После вероломного захвата Ивана Теслева в село Семеновское направился отряд карателей, «чтобы холопей боярских переимать и в воровство их не пустить», но получил там отпор. Так же не удалась попытка правительственного отряда захватить сбежавших холопов в Голутвенной слободе в Замоскворечье. После этого холопы поспешили организованно уйти из столицы в Рославль. Так, с вернувшимся туда атаманом Семеном Белобородовым прибыло 500 «беглых холопей боярских, и из городов стрельцов и казаков и всяких людей под 6 знамены»[31].

Таким образом, установилась прямая связь между рославльским лагерем и холопами столичных феодалов. Уход мятежных холопов из Москвы на запад не успокоил столицу. Не случайно в шведском

---

[28] См. работы Б. Ф. Поршнева: *Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны* — ИСССР, 1957, № 5; *Развитие «балашовского» движения в феврале — марте 1634 г.*, — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. ст. к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова, М., 1963.

[29] АМГ, т. I, СПб., 1890, № 621, стр. 575.

[30] Б. Ф. Поршнев, *Социально-политическая обстановка в России...*, стр. 138.

[31] Там же, стр. 139.

ригсрате раздавались голоса о том, что в Москве «могут произойти такие же смуты, как прежде». Об этом же свидетельствовал польский дипломат канцлер Жадик: «на Москве учинилась в людях рознь великая, да на Москве ж де были пожары большие, а выгорела Москва, мало не вся» [32].

Современники за границей не без оснований считали, что внутриполитическая обстановка побудила Михаила Федоровича поторопиться с заключением Поляновского мира [33].

Еще более пространно об этом свидетельствовал Адам Олеарий. Он писал, что накануне его приезда, летом 1639 г., в Москве «грознло вспыхнуть всеобщее восстание», но казнью Шеина «народ был (якобы) удовлетворен и мятеж прекратился» [34].

Однако казнь руководителей смоленской кампании Шеина и Измайлова не устранила причин недовольства. На соборе 28 января 1634 г. царь Михаил Федорович потребовал усиления налогового гнета. Он говорил, что ратным людям «без жалованья на службе быть нельзя, а государева денежная казна собрана была в прошлых годах государским рассмотрением, а не поборами с земли, и та денежная многая казна роздана всяким ратным людям». Далее царь обвинял гостей и торговых людей в том, что они «давали пятую деньгу неправдою, не прогив своих промыслов и животов» в противоположность прежним временам, когда «люди... были скуднее...». На том основании, что «вперед денежной государевой казны на жалованье и на корм ратным людям без добавочной казны быть нельзя», царь потребовал: «так вам бы дать денег!» [35]. Таким образом, в момент заключения мира, когда налоговый гнет не ослабевал, почва для волнений была благоприятной. От меткого взора простого сибирского казака Алексея Леонтьева не ускользнула особенность обстановки в Москве. Он рассказывал в Сургуте: «а делаетца де на Москве нестройно — разделилась де Москва натрое: бояре себе, а дворяне себе, а мирские всяких чинов люди себе ж...» [36].

Показателем обеднения населения и роста внутреннего недовольства явились действия определенных групп москвичей во время огромного пожара в Китай-городе в марте 1636 г., о которых до сих пор не было сведений в литературе. О событиях во время пожара можно заключить из следственного дела, которое велось в Новой чети под руководством целой комиссии, состоявшей из высших царских сановников: князя Ивана Андреевича Голицына, Бориса Михайловича Салтыкова, окольничего Федора Федоровича Волконского и дьяков — сначала Пантелея Чирикова, а затем Дмитрия Карпова [37]. В следствии по этому делу принимал участие и Стрелецкий приказ; оно длилось ровно полгода и закончилось лишь в августе 1636 г.

Суть события была в следующем. В марте перед «Великим днем» внезапно загорелись москательный и другие ряды Китай-города. В связи с замешательством властей в городе начались беспорядки: люди стали разносить лавки и растаскивать товары, открывать тюрьмы, выпускать колодников, «бить» кабаки, грабить отдельные дворы и т. д. Во всех этих действиях живое участие принимали определенные со-

---

[32] Там же, стр. 114.

[33] Б. Ф. Поршнев, *На путях к Поляновскому миру*, — «Международные отношения. Политика. Дипломатия». Сб. ст. к 80-летию акад. И. М. Майского, М., 1964.

[34] А. Олеарий, *Описание путешествия в Московию*, СПб., 1906, стр. 200—202.

[35] ИР, изд. 2, М., 1961, кн. V, т. 9, гл. 2, стр. 168.

[36] С. В. Бахрушин, *Московское восстание 1648 г.*, — «Научные труды», т. II, стр. 47.

[37] ЦГАДА, ПДСЛ, 1637 г., д. 39, лл. 8, 28, 56.

циальные слои: боярские холопы, черные посадские люди (тяглецы) и стрельцы. Под следствие попали «боярские люди» — холоп Т. Мансурова Дмитрий Васильев, холоп князя Д. Шелдякова Куприян Артемьев, холоп С. Копылова Василий Карпов, холоп И. Коробьина Дружина Семенов, холоп В. Чоглокова Иван Дементьев, холоп К. Левонтьева Фомин, холоп И. Нелединского Иван Яковлев и др.[38]. В их действиях наблюдался элемент организованности: они снесли имущество торговых людей в одно место — к Никольским воротам Китай-города, а затем «делили» его между участниками этой «конфискации» чужого богатства[39].

В разгроме свечного, серебряного, сапожного, сурожского, пушного рядов приняли первостепенное участие посадские люди Москвы: тяглецы Дмитровской сотни — Василий Назарьев Телегин, портной мастер Иван Григорьев, ярыжный Исак Харламов, портной мастер Елизар Федотьев и др.

Не менее заметную роль в мартовских событиях в Москве играли стрельцы, что особенно насторожило правительство. Стрелец Клим Кузьмин возглавил разгром подьячего двора. Стрелец Михаил Петров громил лавки в сафьянном ряду, стрелец Никифор Зыков — в сурожском, стрелец Тимофей Титов — в сапожном и т. д.[40]. О десятнике Иване Дмитриеве говорили, что он набрал столько, что ему «пожарные рухляди не прожить во век»[41].

Некоторых торговых людей горожане останавливали прямо на дороге: так сделал холоп Ф. Толчанова Василий Ярцов, который взял три постава сукна у торгового человека[42].

Среди участников разгрома имущества торговых людей только в одном случае упомянуты патриаршие дети боярские Иван и Богдан Рагозины и Иван Патрикеев, отосланные для наказания к патриарху[43]. Этот единичный факт не меняет представления о том, что участниками мартовских событий были в основном наименее обеспеченные жители города. Действия горожан во время пожара нельзя свести только к грабежам. В них принимало участие большое число людей из среды холопов, посадских людей и стрельцов; волнение не ограничилось разгромом лавок. Громили дворы, «били» кабаки, даже вооружались (так, холоп С. Стрешнева Галактион Деев расхаживал по площади с саблей и топором)[44], освобождали колодников из тюрем, раздавали имущество богатых торговых людей. Центр столицы походил на огромную свалку разнообразного добра: от Кремлевской стены до Сретенки и Неглинной валялись шляпы, куски сукна, обувь.

Следственное дело дает представление о составе пострадавших во время пожара. Характерно, что это были лица из разных сословий, но все они были богатыми торговыми людьми. Среди истцов в деле названы: крестьянин боярина И. Н. Романова Афрем Муха, торговавший в Кулишках[45], Иван Алексеев, торговавший сельдями. У сына чоботника царицы Сидора Иванова взяли имущества на 115 руб., в том числе сапоги[46]. Садовник из сапожного ряда Иван Телятевский торговал шубами, серьгами, перстнями, которые у него отнимал стре-

[38] Там же, лл. 32—37.
[39] Там же, лл. 32, 61.
[40] Там же, л. 59.
[41] Там же, л. 62.
[42] Там же, л. 40.
[43] Там же, л. 41.
[44] Там же, л. 47.
[45] Там же, лл. 1, 18.
[46] Там же, лл. 28, 1, 41.

лец Тимофей Титов [47]. У Гаврилы Шестунина взяли венецианскую бумагу и другие товары, которые он продавал в кафтанном ряду, торговый человек Аникей Марков спешно убирал мешки с товаром в скобяном ряду [48]. Торговый человек огородной слободы Семен Акинфиев, торговавший в Пушном ряду, потерпел убыток на 100 руб. и 9 ефимков [49]. Крестьянин И. Н. Романова Никон Яковлев продавал в сурожском ряду различные ткани (борошни, дороги, киндяки, бумазею). Товары он печатал собственной печатью и с помощью своего подсусседника крестьянина ярославского Спасского монастыря Елизара Федотьева — портного мастера — прятал у себя на дворе [50].

Следствие по этому движению велось жестоко. Пойманных людей приводили в Стрелецкий приказ или Новую четь московские стрельцы, хозяева, пострадавшие торговые люди. Здесь их пытали, жгли огнем, брали с них платежные записи, держали в «цепи и железе», кое-кто умирал от пыток [51]. Все это свидетельствует о том, какое серьезное значение правительство придавало мартовским событиям.

Движение 1636 г. говорит о глубине имущественного неравенства в городе. Главными его участниками были демократические слои населения столицы (холопы, посадские люди, стрельцы), а несли урон и терпели убытки торговые люди независимо от того, будь это жители белых слобод, крестьяне, тяглецы или иноземцы.

Нет необходимости преувеличивать социальную значимость событий в столице, происходивших под зарево пожара в середине марта 1636 г. Но они продемонстрировали размежевание сил внутри города: холопы, малоимущие посадские люди и стрельцы, с одной стороны, и владельцы лавок, торговые люди (из разных сословных групп) — с другой.

Хотя эти действия были пресечены, сам факт нам представляется симптоматичным, поскольку он свидетельствует об имущественном неравенстве населения столицы и о противоречиях внутри Москвы.

Некоторые историки склонны считать внутреннюю борьбу в городе признаком социального разложения, присущего буржуазному обществу. Совершенно ясно, что внутренняя борьба в городах существовала и на более ранних этапах развития феодализма. Так, М. Н. Тихомиров отмечал ее в городах Киевской Руси и в более поздние эпохи (например, в Пскове начала XVII в.), С. В. Бахрушин прослеживал эти явления в городах XV — начала XVII в., И. И. Смирнов указал на борьбу в городах в период первой крестьянской войны [52]. В этом отношении события в середине 30-х годов XVII в. в Москве не были исключением и не составляли какого-либо нового симптома, а явились проявлением сложных внутренних противоречий, присущих городу феодальной эпохи, когда, по словам Энгельса, уже «существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися беднякамн» [53].

---

[47] Там же, л. 59.
[48] Там же, л. 65.
[49] Там же, л. 67.
[50] Там же, л. 71.
[51] Там же, лл. 67, 74—75.
[52] М. Н. Тихомиров, *Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.*, М., 1955, гл. 4, 19, 20; его же, *Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.*, — «Из истории социально-политических учений». Сб. ст. к 75-летию акад. В. П. Волгина, М., 1955; С. В. Бахрушин, *Классовая борьба в русских городах XVI—начала XVII вв.*, — «Научные труды», т. I. М., 1952; И. И. Смирнов, *Восстание Болотникова (1606—1607)*, М., 1951, гл. V, VI.
[53] Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20, стр. 17.

В. И. Буганов

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1682 г.

Среди источников о Московском восстании 1682 г. немаловажное место занимают известия летописцев конца XVII в., особенно включенных в некоторые из них летописных повестей; две такие повести издал акад. М. Н. Тихомиров. Их изучение наряду с другими источниками позволяет по-иовому подойти к вопросу о характере и смысле этого народного движения.

Восстание 1682 г. в Москве, основной движущей силой которого были стрельцы и солдаты столичного гарнизона, в последние десятилетия не пользуется симпатиями историков. Обычно оно иазывается «стрелецким восстанием» и квалифицируется как «реакционный бунт», смыкавшийся с выступлением царевны Софьи и реакционного боярства против нововведений Петра I. Такая оценка довольно точно отражала точку зрения, выраженную в 30-е годы XX в. в известных «замечаниях на конспект истории СССР». При этом не учитывался тот простой факт, что в 1682 г. ни о каких преобразованиях Петра, который в это время был десятилетним мальчиком, не могло быть и речи. Идеи реформ и сами реформы были потребностью времени, они начались еще до воцарения Петра I и восстания стрельцов (например, налоговая реформа 1679—1681 гг., отмена местничества в январе 1682 г. и др.). В этих начинаниях активное участие принимал кн. В. В. Голицын — знаменитый «голант» царевны Софьи, пришедший к власти вместе с регентшей после майских событий 1682 г. Даже после падения Софьи в 1689 г. Петр (ему было уже 17 лет) не сразу приступил к преобразованиям; на дела большое влияние оказывал кружок консерваторов во главе с его матерью — царицей Натальей Кирилловной и патриархом Иоакимом (после его смерти — Адрианом).

Исторические источники говорят об антифеодальном в целом характере восстания 1682 г., в котором, помимо стрельцов и солдат, приняло известное участие население Москвы и Подмосковья (особенно в «раскольничьем мятеже»). Между тем легенда о реакционном характере «стрелецких бунтов» 1682 и 1698 г. оказалась весьма живучей. Несмотря на то что против нее выступал еще великий русский критик Н. А. Добролюбов, а позже то же, хотя и с рядом ошибок, обосновывали историки XIX в. Н. Я. Аристов, Е. А. Белов и советский исследователь А. Н. Штраух, она возродилась, как феникс из пепла, в 30-е годы. Советские исследователи, как это ни странно, возвратились к взглядам историков эпохи Петра I и их последователей. Они воспевали деяния «отца отечества», праздновавшего свое вступление

в эпоху преобразований массовыми убийствами стрельцов, восставших против тяжкого гнета властей.

Несмотря на большую литературу, источниковедческая разработка материалов о восстании оставляет желать лучшего. Авторы, писавшие о восстании (Н. Устрялов, М. П. Погодин, Н. Я. Аристов и др.), сосредоточили основное внимание на воспоминаниях современников, русских и иностранных (С. Медведев, А. А. Матвеев, С. Романов, Розенбуш и др.) [1]. То же самое можно сказать о новейшем исследователе этой темы [2]. Большинство исследователей дореволюционного периода обнаруживали предвзятый подход к указанным источникам, используя их в качестве доказательств для обоснования своих взглядов на роль тех или иных личностей в событиях 1682 г. (Петр, Софья, Хованские и др.). В советской историографии более широко и глубоко используются источники о восстании 1682 г. (А. И. Штраух, С. К. Богоявленский и др.), был издан ряд интересных памятников (акад. М. Н. Тихомиров и др.). Однако до сих пор источники о Московском восстании 1682 г. не подвергнуты детальному и фронтальному исследованию, включая поиски и анализ новых архивных материалов, которых до сих пор немало в различных архивах.

В настоящей статье кратко исследуются некоторые летописные сообщения, представляющие интерес для изучения восстания 1682 г. в Москве.

В одном из кратких летописцев приводится список бояр и дворян, убитых и отправленных в ссылку во время событий мая 1682 г. [3].

Более интересны сведения краткого летописца с записями от древнейших времен до 1690 г.; он был составлен, очевидно, не ранее этого года при дворе патриарха Адриана, сменившего умершего Иоакима в том же году [4]. В центре его внимания в записях за XVII в. царское семейство и патриарший дом. В летописце описываются только события 15 мая 1682 г. Восставшие для автора «убийцы злии... лютейши разбойник», «зломысленныя коварники», пришедшие «во град Кремль... яко к неприятельскому граду приступати хотящим». Далее сообщается, что переговоры с восставшими вели бояре кн. И. А. Хованский, П. М. Салтыков, патриарх Иоаким. От бояр участники восстания потребовали показать царевича Ивана Алексеевича, якобы убитого Нарышкиными. Со «святейшим» патриархом они обошлись более сурово: «Они же и в дело его не поставиша, вси воскричаша, яко ты не глаголи ничто, не слушаем тя, яко лжу глаголеши нам; и хотяху его убити. Он же отъиде от них». Выход Ивана и Петра Алексеевичей описан сходно с другими источниками. Интересная деталь: вбегая в царские хоромы, стрельцы проникли сначала через Среднее крыльцо, отворив там решетку (царица с Иваном и Петром и придворные стояли, дрожа от страха, на Красном крыльце), затем на Красное крыльцо, оттуда — в «царские чертоги». Расправы описаны общими словами, из убитых по фамилии называется только боярин А. С. Матвеев. Автор сокру-

---

[1] Н. Г. Устрялов, *История царствования имп. Петра Великого*, т. I, СПб., 1858, стр. LII—LIV, LXI—LXII; М. П. Погодин, *Семнадцать первых лет жизни имп. Петра Великого*, М., 1871, стр. 3—92; Н. Я. Аристов, *Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны*, Варшава, 1871, стр. 1—4, 8—10, 12—13, 16, 22—26.

[2] А. П. Станевич, *Московское восстание 1682 г.* (Рукопись канд. дисс.), [б./м.], [б/г.], стр. 3—50.

[3] ГБЛ, Музейное собр., д. 1341, *лл.* 74 об. — 75 (рукопись, помимо того, включает сочинения А. А. Матвеева и П. Н. Крекшина; список относится к 1766 г.).

[4] ГБЛ, ф. 199 (Никифоровское собрание), д. 69, записи о восстании 1682 г. — на *лл.* 101—104. О летописце см.: А. Н. Насонов, *Летописные памятники хранилищ Москвы*, — ПИ, вып. IV, стр. 277.

шается и негодует на стрельцов, осмелившихся не только переступить порог царского дома, но вести себя в нем без всякого почтения к его обитателям. Подробно передаются «речи» «благородной царевны» Софьи, увещевавшей стрельцов, молившей их отстать от «злого умысла». Но они «на умоление не склонившася, прошения царского не послушавше... вскричаша с прошением зелным о болярех и о велможах, наричая их изменниками, дабы их дати на смерть». Далее отмечается, что «государи» трижды кланялись восставшим, «но не упросиша. Они же, окаяннии, потом побиша множество боляр и велмож и ближних знатных людей». Дальнейшие события не привлекли внимания составителя, ограничившегося в конце описания фразой: «И прекратися мятеж иевскоре».

Записи этого летописца перекликаются в ряде случаев с другими источниками, особенно близко стоят они к Повести о восстании 1682 г., помещенной в сборнике из собрания Соловецкого монастыря [5]. Но в них имеется и ряд новых моментов, деталей, дополняющих показания других источников.

В другом летописце, содержащем записи с древнейших времен до 1699 г. и составлением, вероятно, в конце XVII в., особенно подробно описываются события 1682—1699 гг. Это и не удивительно: время его вероятного составления совпадает с подавлением стрелецкого восстания 1698 г. и массовыми расправами с восставшими в том же и следующем году. Стрельцы играли большую роль в политических событиях конца XVII в., поэтому и составители летописца уделяют им большое внимание. С самого начала в летописце проводится мысль о преступности стрелецких выступлений начиная с 1682 г., «сговоре» с ними злокозненной Софьи. По идейной направленности летописец смыкается в освещении событий 80-х — 90-х годов XVII в. с записками А. А. Матвеева, И. А. Желябужского и других усердных хвалителей Петра I и хулителей Софьи. По содержанию записи летописца во многом напоминают так называемые выписки из «розрядных дел» за 1682—1708 гг. [6]. Событиям восстания посвящено в летописце немало страниц (более 25 листов) [7], однако многочисленные трафаретные похвалы в адрес юного Петра и его матери и недоброжелательные замечания в адрес Софьи и восставших снижают их достоинство как источника. Многое из того, что он сообщает, известно по другим сообщениям. Однако в нем в одних случаях подтверждаются интересные показания разных источников, в других — приводятся любопытные дополнения.

Стрельцы выступили, согласно летописцу (и позднейшей официальной версии, отраженной в записках А. А. Матвеева), 15 мая по поискам Софьи, Милославского и их клевретов, один из которых, Петр Толстой, «борзо скакал по полкам и кричал: «Нарышкины царевича Иоанна убили». Расправы стрельцов с боярами — тоже следствие

---

[5] ГПБ ОР, ф. Соловецкого монастыря, д. 988 (878), лл. 702—730 об.; см. также В. И. Буганов, В. А. Кучкин, *Новые материалы о восстаниях XVII в.*, — ИА, 1961, № 1, стр. 151—153; В. И. Буганов, *Повесть о Московском восстании 1682 г.* — «Древнерусская литература и ее связь с новым временем», М., 1967.

[6] Эти выписки были составлены в 1716 г. по именному указу Петра I от 12 декабря 1715 г. В них вошли выдержки из дел Разрядного, а также отчасти Стрелецкого и, возможно, других приказов о восстаниях и заговорах конца XVII в., о гетмане Мазепе, о событиях военной, политической истории и т. д. — см. ЦГАДА, ф. 248, д. 650, лл. 498—641; ф. 181, д. 346/726, лл. 1—80.

[7] ГБЛ, Музейное собрание, д. 9479, лл. 164—190 об.; рукопись в 1°, 220 лл., написана скорописью середины XVIII в., летописец — на лл. 1—211 об. См. А. Н. Насонов; *Летописные памятники...*, стр. 284.

козней Софьи, подсылавшей своих людей и подпаивавшей стрельцов. Интересно сообщение о том, что во время этих событий царица Наталья Кирилловна, «от зелные печали и от страха обмираше», молила всех о помощи, но никто не смел стрельцам «противно говорить». Из других источников известно, что боярин кн. М. Ю. Долгоруков обратился к стрельцам, стоявшим у Красного крыльца, с бранью и угрозами; это послужило поводом к стрелецким расправам. Здесь же об этом умалчивается, говорится только, что князь «увещевал» стрельцов по повелению государей. Во время расправ, сообщает летописец, «пред убивством тогда вышепомеиованных лиц проповедник в крузе мятежникам стоящим изъявляше, аки бы оныя злодеи и достойны той казни». Это интересное свидетельство говорит о наличии среди предводителей восставших своеобразных судей, предводителей, выступавших от имени восставшего народа.

Из изложения летописца ясно видно, что восставшие вели себя угрожающе по отношению к представителям царской власти: они приходили в Грановитую палату, где «в великом страхе, ожидая лишения живота своего», сидели Наталья Кирилловна, царь Петр и царевич Иван. Они «великой государыне безстыдно о отце и о брате ее» говорили: «Не укроешь и неволею отдашь в наши руки. Великая же государыня и государи ничто смея речи страха ради, токмо лияшеся слезами».

16 мая стрельцы пришли к «царским чертогам» «с премногим безчинством, являя всем смерть, аще в предбудущей день не отдадут» К. П. и И. К. Нарышкиных. Далее следуют россказни о мнимых зверствах стрельцов в столице в тот же день. Здесь же повторяются басни о том, что «чернь», т. е. простой люд Москвы, ожидала сигнала от холопов, чтобы выступить против стрельцов, а холопы, не желая принять из их рук свободу, угрожали стрельцам: «Лежать будет вашим головам на площади, до чего добунтуете, российская земля велика, вам не овладеть».

После сооружения столпа на Красной площади стрельцы, получившие одновременно грамоты о своих заслугах во время майских событий, иесли эти грамоты, по любопытному замечанию летописца, «на главах в приквз (Стрелецкий. — *В. Б.*) и тогда велели по церквам звонить в колокола, а ис приказу доколе несли в съезжия избы, тогда играли музыка поход. И от той похвалы в стрелцах стало превозношение и глубокия замыслы, бояря и чиновныя люди оных почитали и при столах своих сажали, бояся от них убиения».

Нападая на раскольников — участников движения 1682 г., летописец сообщает в то же время, что в их «совете» участвовал «миог народ промышленники и чернь». Уже одно это широкое участие в событиях 1682 г. народа, московской «черни», т. е. посадских людей, свидетельствует, что это восстание нельзя характеризовать как только «стрелецкое». Можно говорить о Московском восстании 1682 г., в котором помимо стрельцов и солдат приняли участие посадские, торговые люди, а также (что известно по другим источникам) часть холопов, подмосковных крестьян и др. В летописце подчеркивается, что «во оном возмутительном народе сей проклятый роскол утвердиша твердо, что готовы были на смерть и на вся мучения».

Во время прения раскольников со сторонниками официальной церкви 5 июня («соборище многонародное и дерзостное») «стрельцы возмутишася и чернь миога». Они бросали камнями в патриарха Иоакима, увещевавшего их перед тем в Успенском соборе, и изгнали его «со всем священным ликом» из церкви.

В летописце сообщается о фактическом разъединении стрельцов, одни из которых поддерживали официальную церковь и царскую власть, другие — выступали сторонниками раскольничьего движения. Описание «при» 5 июня дано в официозных тонах (вплоть до «речей» десятилетнего Петра против раскольников!). Интересный штрих передается относительно выборных стрельцов после этих событий: были выбраны сторонники Софьи, «верные» ей.

С радостью сообщается о сборе дворянского войска (до 100 тыс.) у Троице-Сергиева монастыря, казни Хованских и выборных стрельцов «Бориса Казанцева с товарищи» (37 человек). Описывая «смятение» в Москве, летописец сообщает, что стрельцы роздали оружие горожанам, готовясь к борьбе с дворянским войском. Однако, сознавая невыполнимость этого намерения, стрельцы принесли повинную. Летописец сообщает, что 3700 стрельцов, «зла начатели», «начальные бунта» прибрели в Троице-Сергиев монастырь и положили свои головы в знак признания вины на плахи и топоры, после чего получили прощение. Составитель пытается описать эту сцену в «трогательных» и верноподданнических тонах, выдвигая на первый план царицу Наталью Кирилловну, хотя не она, а Софья (о которой здесь не говорится) и ее сторонники играли ведущую роль в событиях осени — зимы 1682 г.

В одном из рукописных сборников Музейного собрания, содержащем Новгородскую III летопись с рядом дополнительных статей, помещено краткое описание раскольнического «мятежа» 1682 г.: говорится о Никите Пустосвяте и шести монахах, которых «блюдше» у себя за Яузой-рекой стрельцы Титова полка [8]. Впрочем, описание путает события 1682 г. с более ранними событиями, в частности с осуждением того же Никиты Пустосвята на церковном соборе 1681 г. при царе Федоре Алексеевиче.

Безусловно наибольший интерес представляют летописцы, содержащие подробное описание Московского восстания 1682 г. в форме летописных повестей — своеобразных записок современников.

Первая, небольшая по объему, повесть находится в составе краткого летописца, написанного земским дьячком Благовещенского погоста на Ваге [9]. Летописные записи охватывают время от «начала великого княжения Московского» до 1691 г., известия за вторую половину XVII в. посвящены в основном описанию местных событий. Но в текст этих памятных записей, как их называет М. Н. Тихомиров, вставлена своеобразная повесть о Московском восстании 1682 г. В ней кратко говорится о челобитье московских стрельцов и солдат на своих начальников после смерти царя Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г., о правеже денег с полковников и голов, наконец, о восстании 15—17 мая. В повести заметно использование в качестве источника известных стрелецких челобитных и грамот победившим стрельцам и солдатам [10]. Автор неточно передает некоторые факты, путает имена и фамилии исторических деятелей (например, Артамон Сергеевич Нарышкин вместо правильного А. С. Матвеев и т. д.), однако основные события восстания освещаются, хотя и кратко, но правильно. Очень важным является указание на участие в событиях майского восстания «московских людей черных слобод и всяких чинов», «великое

---

[8] ГБЛ, Музейное собрание, д. 1841, *лл.* 165 об. — 166. Рукопись в 1°, на 175 лл. Список 1780 г. Описание см. «Музейное собрание рукописей. Описание», т. I. Под ред. И. М. Кудрявцева, М., 1961, стр. 312—314.

[9] М. Н. Тихомиров, *Заметки земского дьячка второй половины XVII в.*, — ИА, т. II, М.—Л., 1939, стр. 93—100.

[10] ААЭ, т. IV, № 255.

множество» которых сходилось на Красную площадь «с ослопьем и з дрекольем» [11].

Несравненно более богато содержание другой летописной повести, по форме тоже своеобразных записок, составленных неизвестным приказным деятелем — очевидцем восстания [12]. Рассказывая о расправах восставших, автор подчеркивает, что среди них не было никого из начальных людей. Очень живо описывается попытка членов царского семейства уговорить восставших и спасти от расправы боярина И. К. Нарышкина и др. («со слезами у стрельцов просили» и т. д.). В повести приводится отсутствующий в других источниках список лиц, сосланных после восстания (Нарышкины, их родственники и сторонники). При описании «раскольничьего мятежа» в начале июня 1682 г. подтверждается участие в нем «множества народа».

Автор, с неодобрением смотревший на действия восставших, признает, что летом 1682 г. стрельцы и солдаты были хозяевами положения в столице — «владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали». Живо описаны арест и казнь Хованских в Воздвиженском, окончание восстания и возвращение царского семейства со двором в Москву.

Столь же интересна и содержательна повесть о Московском восстании 1682 г. в сборнике из Соловецкого монастыря [13]. Она находится в составе летописца 1624—1691 гг., созданного, вероятно, в конце 1691 — первой половине 1692 г. современником событий Московского восстания, возможно, лицом церковного звания, служившим в одном из кремлевских соборов или церквей [14].

К этому же времени нужно отнести и окончание повести, являющейся основной частью всего летописца и представляющей исключительный интерес в качестве исторического источника. Она занимает две трети всего объема летописца. Автором повести несомненно является автор всего летописца.

Большинство приведенных в ней данных перекликается с показаниями других известных нам источников, но в повести содержится много деталей, отсутствующих в документах или записках современников и представляющих большой научный интерес.

Первая часть повести начинается с описания смерти и погребения царя Федора Алексеевича в 1682 г. Затем сообщается о брожении в солдатских и стрелецких полках; «человецы неавистницы», «смутницы», по словам автора, «яко волцы ходяще посреде овец, всею ратию возмутиша». Они распускали в народе «лживыя глаголы... яко боляре всем обиды творят и стеснение великое, суд и росправу чинят неправедно всему христианству ради мзды своея, сирых и бедных не щадяще, разорения и беды им сотворяют и домов отженяют, нападают всякими неправдами, себя обогащают и домом своим прибытки чинят, а народ губят». Жители Москвы с сочувствием относились к этой агитации («простии же человецы, у них слушающе, чают, яко правду глаголют, приставша к ним...»). Стрельцы и солдаты, «совет сотвориша, всеми полками во единомыслии сташа», избрали в полках выборных представителей, которые должны были продолжать агитацию в столице.

Очень интересны сообщения повести о содержании «мятежных

---

[11] М. Н. Тихомиров, *Заметки...*, стр. 99.

[12] М. Н. Тихомиров, *Записки приказных людей конца XVII в.*, — ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 443—444, 448—456.

[13] ГПБ ОР, ф. Соловецкого м-ря, д. 988 (878), лл. 702—730 об.

[14] См. об этом более подробно: В. И. Буганов, *Повесть о Московском восстании 1682 г.*

слов», которые распространялись в Москве накануне восстания: царевич Иван Алексеевич «в возрасте», поэтому ему можно царствовать, другой царевич — Петр — «вельми юн, токмо 9 лет и 11 месяцев, како ему царством владети, аще не бояром богатеть? И народ весь погубят». Сторонники Нарышкиных, друзья А. С. Матвеева обвинялись в стремлении захватить власть («государством владети бы и людьми мять им, бояром», л. 707).

Ряд дополнительных сведений приводит повесть о стрелецких и солдатских челобитных на своих начальников до и после смерти Федора Алексеевича. Тексты этих челобитных до нас не дошли, но сохранились краткие пересказы челобитной от 30 апреля 1682 г. в майском именном царском указе полковнику С. Грибоедову, в жалованной грамоте солдатам выборного полка Р. Жданова (до конца апреля полком командовал генерал М. Кравков) от ноября того же года, в сочинении С. Медведева [15].

Повесть более подробно пересказывает содержание стрелецкой челобитной, поданной «во 190-м году, тогда еще царствующу... Федору Алексеевичу». Стрельцы жаловались на то, что полковники заставляли их пахать и «копани» копать; «к полатному строению в селе Мячкове камень белой и бутовой ломали и известь жгли паче работных их крестьян и хуждьше наемных работников, а платие носили и драли на тех работах государское». Здесь же приводятся новые известия о «словесном челобитье» стрельцов на С. Грибоедова, сказанном царю, «как был выход по перегради».

Челобитчики рассказывали, что начальник заставлял их работать на себя в Мячкове в течение всего великого поста, послав для этого с Москвы 100 стрельцов «ломати камень; и гнали к Москве вверх по Москве-реке в стругах в самой торжественной праздник, в светлое христово воскресенье, и пригнали на себе с великою нуждею и непомерною тяготою, яко за какую измену или за воровство неволею мучими быша или яко невольники на катаргах. И тоя ради неволи потонуло стрельцов в воде 16 человек» (лл. 707—709).

Повесть приводит любопытные сведения о подготовительных мерах, которые стрельцы и солдаты предпринимали накануне восстания: в Земляном городе «круг царства» были поставлены «стражи крепкие», сами стрельцы и солдаты, «яко на рать изготовившеся», у съезжих изб соорудили деревянные походные городки, «яко во осаде седши» (лл. 709 об. — 710). Одновременно стрельцы избрали из своей среды по пять и более челобитчиков от каждого приказа. Последние били челом царю Петру и просили отдать стрелецких полковников на правеж «в начотных их деньгах», «и по розыску они, полковники, во всем повинилися», после чего были подвергнуты наказанию.

Во время правежа «стрелецкие деищики» били «без милосердия» генерала Кравкова и полковников палицами, «стоящих с ног збили и лежащих на земли, валяющихся мучили, еле живы быша» (лл. 710—710 об.).

Наибольшее внимание уделяется в повести событиям 15—17 мая, о которых она приводит ряд новых подробностей: 15 мая в десятом часу утра все стрелецкие полки подали друг другу вести выстрелами из «вестовых» пищалей, ударили в «сплошныя барабаны» и у своих приходских церквей начали бить в колокола «по-набатному», затем «всеми враты» вошли в Кремль «и сташа круг царева двора — со всех

---

[15] ЧОИДР, 1894, кн. 4, стр. 41—42.

стран, отыкався копии и бердыши, яко к неприятелскому граду приступати хотящим».

После переговоров восставших с боярами кн. И. А. Хованским и П. М. Салтыковым, патриархом Иоакимом (которого они «и в дело... не поставниа, вси возопиша: „Ты не речеши нам ничто же, и не слушаем тя, поне же ты лжеши“») вышли Петр и Иван Алексеевичи с матерью, многие думные и «комнатные ближние» люди (по фамилиям называются 17 бояр). Успокоившиеся было стрельцы и солдаты, спустя полчаса, «стали просити воров и изменников — бояр и думных людей... и стали у копей отрубати концы, чтобы им в государевых хоромах недолги были древка копейные, чем бояр колоть».

Далее подробно описаны расправы с боярами и другие события восстания, которые сходно передаются и в других источниках, за исключением некоторых новых деталей. Подробно излагаются обращенные к восставшим «речи» царицы Наталии Кирилловны и царевен и т. д. Вторую часть завершают записи об избрании «первым» царем Ивана Алексеевича и венчании на царство обоих братьев (лл. 712—727 об.).

В третьей, заключительной, части повести сообщается о событиях лета — осени 1682 г. Наибольший интерес здесь представляет сообщение об участии в восстании московских холопов: восставшие, «присовокупляще к себе от господ беглых рабов в стрельцы», вместе с ними ходили по домам для взыскания «долгов». В случае поимки господином своего беглого холопа, который «с караулом» приводился «в приказ к записке», «они же, самовольницы, невежди, за их, беглых, мнози прихождаху, не токмо господина того, но и суди[я]м грозяще копиями заклати, рекуще, яко они хощут сами царем служити».

Судьи не смели возражать восставшим стрельцам и холопам, которые, таким образом, освобождались путем вступления в стрельцы. Далее в повести бегло рассказывается о роли Хованского, отъезде царей из Москвы, слухах про сбор ополчения против стрельцов под Москвой и тревогах в столице, казни Хованских в Воздвиженском и прекращении восстания (лл. 728—730 об.).

Таким образом, повесть является ввжным источником о Московском восстании 1682 г. Она обладает известными литературными достоинствами; написана простым, очень живым, образным языком и в ряде случаев почти в «зримой» форме воссоздает события того времени.

Близка к указанным памятникам Повесть о Московском восстании 1682 г., сохранившаяся в составе сборника богословского содержания XVII в.[16]. Ее особенность состоит в том, что она составлена человеком, с явным сочувствием писавшим о стрелецких невзгодах и обидах, виновниками которых автор без обиняков называет их начальников и бояр. Так, когда стрельцы хотели побить «до смерти» своих полковников после их ареста по стрелецкому челобитью юному царю Петру I, то «бояра за них стали и взяли в Розрядной приказ и стали у них (стрельцов. — *В. Б.*) упрашивать, чтобы не бить никого насмерть»[17].

Автор, как и все вообще восставшие, стоит на царистских позициях, верит или хочет верить, что слух об убийстве царевича Ивана Алексеевича, послуживший поводом к восстанию, имел под собой

---

[16] ГИМ. Барсовское собр., № 1578, лл. 336—341 об. На лл. 1—335 помещены слова и поучения «отцов церкви», на лл. 342—348 — записи о заговоре И. Цыклера 1697 г.

[17] Там же, л. 3[illegible] об.

почву. Автор горячо сочувствует восставшим, знает их тяжелую жизнь в условиях боярского и начальнического произвола, одобряет их классовую месть по отношению к своим угнетателям.

Повесть невелика по объему и охватывает события начиная с подачи челобитной на С. Грибоедова и кончая списком убитых 15—17 мая. К сожалению, не сохранилось начало Повести; первые ее слова приписываются автором стрельцу, подавшему челобитную на стрелецких начальников царю Федору Алексеевичу. Царь велел «расспросить накрепко» С. Грибоедова, что подтверждает С. Медведев («по тому их челобитью велено государским повелением вскоре розыск и указ учинить») [18]. Наибольший интерес представляет здесь пересказ стрелецкой челобитной, дополняющий известные по другим источникам сведения.

Интересно указание Повести на то, что стрельцы, «отбившие» от наказания своего товарища-челобитчика на Грибоедова, решили на общем совете стоять заодин «и написали роспись за своими руками (т. е. со своими подписями. — *В. Б.*) — кольке на полковниках взять государевы казны». Кроме того, оказывается, что стрельцы решили бить челом не только на полковников, но и на других командиров (сотных, пятидесятников и десятников) за то, что они «ушничали с ними, полковниками, заедино, нас изгоняли; и тех бити насмерть и с роскату бросать». Здесь же называется фамилия одного из пятидесятников (Морозов), с которым расправились стрельцы, бросившие его с роската. Столь же ново и интересно сообщение о том, что стрельцы решили взыскивать «начетные деньги» (за недодаиное им жалованье, поборы, взятки с них и т. д.) не только с полковников, но и с бояр, сидевших в Стрелецком приказе. Это известие делает понятной расправу в середине мая с начальником этого учреждения боярином кн. Ю. А. Долгоруким, хотя до последнего времени имеет хождение легенда о том, что стрельцы убили его только за угрозы в их адрес [19].

Можно думать, что автор Повести, если и не был участником событий 1682 г., то во всяком случае наблюдал за ними с явным сочувствием и одобрением по отношению к стрельцам. На них и сосредоточено его внимание, он не говорит об участии в движении других слоев московского населения (солдаты, пушкари, посадские люди, холопы) и не упоминает о событиях, происходивших после 15—17 мая. Цель его рассказа — обоснование стрелецкого выступления; с этой целью используются с явной натяжкой мнимые «речи» царевича Ивана Алексеевича. Это как будто говорит о том, что автор, принадлежавший, вероятно, к московским низам (об этом свидетельствует простонародный слог его сочинения), был близок восставшим стрельцам. Он сам был, возможно, стрельцом, из которых нередко выходили площадные подьячие, обладавшие бойким стилем письма, или же каким-нибудь мелким приказным служащим — подьячим, писцом. Повесть, вероятно, была составлена вскоре после майских событий, в том же 1682 г., во всяком случае до середины сентября этого года, когда после казни Хованских (17 сентября) и принесения повинной восставшими стрельцами и их союзниками не могло быть и речи о сочувственном по отношению к восставшим освещении событий Московского восстания 1682 г.

---

[18] ЧОИДР, 1894, кн. 4, стр. 42.

[19] См. С. К. Богоявленский, *Хованщина*. — ИЗ, т. 10, стр. 187.

Таким образом, известия летописцев о Московском восстании 1682 г. представляют немалый интерес для исследователя как ценный исторический источник. Помимо того, что они подтверждают в ряде случаев показания других источников, мы находим в них многие новые данные об этом движении. В этом плане наибольший интерес представляют факты, свидетельствующие об участии в восстании не только стрельцов и солдат, но и московских «черных людей», т. е. о народном, антифеодальном характере восстания. Об этом говорят не только памятники, вышедшие из враждебного повстанцам лагеря, но и повести, составленные представителями народных низов, с сочувствием относившимися к участникам московского «бунта». Наконец, некоторые из рассмотренных памятников привлекают читателя живостью описаний и образностью языка; эти достоинства, как точно замечает М. Н. Тихомиров, показывают, «что протопоп Аввакум не был единичным явлением среди русских людей XVII века» [20].

---

[20] М. Н. Тихомиров, *Записки...*, стр. 443.

Т. Н. Протасьева

ЗАПИСЬ В ХРОНОГРАФЕ XVII в.

В Историческом музее в собрании Уварова находится Хронограф XVII в.[1], объемистая рукопись в 634 листа, написанная четкой, убористой скорописью одной руки. Первые шесть и последние шесть листов написаны почерком XVIII в.

Хронограф, согласно классификации А. Попова, относится ко второй редакции, 1617 г.[2], но имеет большое количество дополнительных статей, подробно указанных архимандритом Леонидом.

В этом Хронографе имеются три интересные записи с точными датами. Две первые дают историю бытования рукописи, а третья, идущая с начала и до конца рукописи, является по существу самостоятельным произведением. Архимандрит Леонид в описании рукописей собрания Уварова приводит текст двух записей 1695 и 1696 гг., относительно же третьей (1706 г.) и наиболее интересной лишь кратко указывает, что рукопись эта принадлежала Темниковского уезда Краснослободского Предтечева монастыря архимандриту Иосифу, который отдал ее в «монастырь без выносу» и подписал своею рукою в половине XVII в.

Запись 1695 г. написана мелкой скорописью на л. 528, после окончания текста Хронографа:

«203 года, июня в 27 продал сию книгу ярославец, посацкой человек Васка Перфильев сын Ереминых, Спаса Ярославского монастыря архимандриту Иосифу зачисто и подписал своею рукою»[3].

Следующая запись 1696 г. идет по листам 19—93, написана крупной каллиграфической скорописью:

«Лета седм тысящ двести пятого году, октября в 4 день подписана сия честная четья книга хронограф келейная из Ярославля Спасова монастыря отца архимандрита Иосифа, что из Володимира, быть сей книге вечно в монастыре, в коем его архимандрита Иосифа, бог изволит, кости погребены будут и поминать душу его по церковному чину, и ис того монастыря сей книги из церкви никому за монастырь не отдать, и не продать, и не заложить, а подписал сию книгу по ве-

---

[1] Архимандрит Леонид, *Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова*, ч. III, М., 1894, Хронограф ошибочно помещен в Описании два раза: под № 1347/7 и под № 1368/8.

[2] А. Попов, *Обзор хронографов русской редакции*, М., 1866, стр. 67.

[3] П. Строев, *Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви*, СПб., 1877, стр. 338. Архимандрит Иосиф находился в Спасоярославском монастыре с 19 февраля 1691 г. по 1699 г., переведен из Угрешского (московского) монастыря.

лению его, отца архимандрита Иосифа, того же Спасова монастыря подьячей Иван Иванов сын Копорулин».

Третья запись 1706 г.[4] является автографом архимандрита Иосифа, написана крупной, размашистой скорописью и идет с первого и до последнего листа рукописи, по лицевой и оборотной сторонам, написана народным бытовым языком, свободным от обычного красноречия. В начале записи архимандрит рассказывает о происшедшей в его монастыре покраже церковного имущества, очень ярко выражая свое негодование по этому поводу, и непосредственно за этим переходит к главному предмету своей заботы — Хронографу, который он завещает Предтечеву монастырю[5]. Из того, как настойчиво и не один раз повторяет архимандрит Иосиф свое завещание о бережном хранении рукописи, видно, что он особенно ценил свой Хронограф и заботился об его дальнейшей сохранности. Он требует, чтобы Хронограф хранился в церкви, никому на руки не давался, ни монахам, ни мирянам, ни под какие расписки.

Затем архимандрит Иосиф картинно описывает свое путешествие в Москву в 1706 г. с челобитьем о пожаловании монастырю усадьбы с огородом на Курмыше и об отчуждении в пользу Предтечева монастыря поповской усадьбы, граничащей с монастырскими владениями.

После этой вводной части архимандрит дает подробнейшую опись монастырского имущества, церковного и хозяйственного инвентаря, а также и монастырской библиотеки («книгохранительницы»), перечисляет названия всех книг и рукописей и дает, таким образом, круг литературы, полагавшейся для монастырского обихода в XVII в.

Запись архимандрита Иосифа интересна не только своим содержанием, но и, как упоминалось выше, народным языком, изобилующим бытовыми терминами. Говор, отразившийся в записи, определенно «акающий», так что можно предполагать, что автор был уроженцем московской или близкой к ней области.

Из биографических данных видно, что автор записи вначале жил в Николо-Угрешском монастыре под Москвой, затем с 1691 по 1699 г. был в должности архимандрита в Спасоярославском монастыре. В записи 1696 г., однако, указывается: «...книга хронограф келейная из Ярославля Спасова монастыря отца архимандрита Иосифа, что из Володимера». Из этого следует, что до 1691 г. он какое-то время, возможно, находился во Владимире. С 1700 г. архимандрит Иосиф управляет Краснослободским Пензенским монастырем, где проявляет себя энергичным хозяином.

За время своего пребывания в Ярославле архимандрит Иосиф, как видно из записи, оценил местные художественные ремесла. Так, например, он указывает, что вывез из Ярославля иконы местного ярославского письма, а в трапезной палате Предтечева монастыря построил печь «цененную, добраго ярославского мастерства». Ярославские мастера в XVII и XVIII вв., как известно, славились изготовлением поливных изразцов, и изделия их расходились далеко за пределы области.

---

[4] Дату см. на лл. 104 об. — 105, 181, 453.

[5] В. В. Зверинский, *Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях*, СПб., 1890, № 1080. Краснослободский монастырь указан Зверинским в Пензенской губернии. В примечании к описанию имеется ссылка о том, что дело по челобитью Темниковского уезда Красной слободы архимандрита Иосифа о краже издано в «Материалах по истории Воронежской и соседних губерний...», VIII, № CCCXXIII.

В конце архимандрит Иосиф дает указания относительно ведения хозяйства, из каких статей дохода следует, по его мнению, употреблять средства на те или иные нужды:

«Еще заповедаю вам, братие сего же Предтечева монастыря, аще даст бог, в церковное строение завод пчелиной и от того строити вся церковная; от скота же прибытка монастырского прибылого всякой скотины от продаж, нанимати ратников; от хлеба монастырского, что бог даст в трудех, тем кормитца; от сада, что в монастыре и огороде близ монастыря, строить сей Предтечев монастырь со оградою монастырскою же. На Курмыше, на монастырском огороде же, завесть сад же, и от того Курмышского саду... братии, всем иноком, зде живущим... продавать плоды, от иего одеватца и о нем радеть и трудитца...».

Год смерти архимандрита Иосифа неизвестен, вероятно, он, согласно своему завещанию, был погребен в Предтечевом монастыре. Что же касается самого монастыря, то он в 1764 г. был упразднен и существовал далее как приходская церковь.

Ниже приводим запись полностью, в современной транскрипции и с современной пунктуацией, но с сохранением особенностей говора автора.

ЗАПИСЬ 1706 ГОДА В ХРОНОГРАФЕ XVII в.

«Сей...* граиограф Темниковского уезда Красныя... монастыря, иже дал в той монастырь сию из Ярославля Спасова монастыря архимандрит Иосиф вечно из его Предтечева монастыря без выносу, занеже подписал сию книгу аз, архимандрит Иосиф...

В прошлом году попущением божиим, действом общаго сатаны, руганием** других диавольских, нечестивых человек, ворами церковными зде, в Красной слободе, в Предтечеве... и святыя местныя иконы оклады они же, воры, обрали и из сондуков посуду и платья и всякою рухледь они же разворовали, не устрашась творца бога, злое церкви грабительство учинили и, не устрашась творца же бога вышняго, и на лик его святын дерзнули. О, злая сия воровская страсть! Пес на своего господина ласково зрит, сей же грабитель на лице сотворшаго своего сурово зрит и обирает лик! Како бог терпит врагу своему худому псу! Воздаст, воздастся ему, по писанному, по делом его!

Сего ради аз, архимандрит Иосиф, подписовал сию книгу, дабы церковяой враг не завладел книги сея, занеже отдана творцу богу в Предтечев Краснослобоцкой монастырь в церьковь вечно, без выносу из того Краснослободцкого Предтечева монастыря, а буде где явятца сия книга в мирских домех, и таких и тех людей вопрошаватн, где они сию книгу взяли, занеже писано зде, сея и ныия книги в мирская домы отнюдь не давать, занеже их дал аз, архимандрит Иосиф в Краснослободцкой монастырь в Предитечеву церковь творцу богу вечно, дабы душу мою грешную спасти и в церкви послушающих всех христиан. В мирския же домы книги дваать — злой убыток и листам изорванья, и многое маранье, и не корене истерзаиье, и от того излишния свары и нелюбовь. И ныия с росписками брали пронырством и лукавством, и таких росписак и впредь не имать, не токмо лукавых бесов, но и человек лукавых опасатца. На лукаваго беса в книгах повесть, на лукаваго человека бог уцеломудрит. Писано: «не ревнуй лукавнующим» и прочая. Нужно бо есть царство небесное, и нужницы возхыщают е. Авраам страннолюбив, Давид смиреиномудр, Илия пустыниожитель, и бог бе с ними. Писано: «блажеин нищии духом» и прочая. Писано: «ум, слово, дух три есть едино. Сим умом, словом и духом быть просителю божия благодати и плодом духовным радоватися. Писоно: «радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех».

Сего ради книгу сию подписах пространно, дабы церковный враг не выскреб, помышляя к завладенью себе. Аз же, Темниковского уезда Красные слободы Предитечева монастыря архимандрит Иосиф, радея сего монастыря о церкви божии и о ду-

---

* Многоточие означает утрату текста в подлиннике.

** Лист 6 об. не заполнен текстом, на нем рукой писца записи помета «порожняя страница».

шах православных и желая по себе церковной памяти, сего ради дал сию книгу граноґраф в вышеписониой в Темниковской уезд в Красную слободу в Предтечев монастырь, а из сего монастыря сей книги не продать, и не заложить, и в домы мирския и по кельям не давать, по писанному, за многия их, по предписанному, за многое их небреженне и за излишнее коварство к завладенью книгам. Писано: «коварному мужю бог запинатель». Коварнпк умрет, что по нем будет, кая слава, токмо студ и поношение и роду укор, яко же и богату древле, нже при нищем Лазари, занеже не повеле бог и имени его воспоминати, токмо писано о нем: «человек некий богат зело» и прочая. Лазарево же имя написано и благая ему от бога, читая или слушая книги сей разумеет.

Сего ради, Темниковскаго уезда Красныя слободы Предтечева монастыря вси мнпси, возлюбите Лазареву нищету и терпенне. Писано: «терпя потерпех господа» и прочая; «в терпенин вашем стяжите души ваша». Зрите, како царь Давыд терпе, внимайте, како творец господь наш Исус Христос вас ради на кресте претерпе. Монаси же нынешнии оставляют мирския будто бога ради и, пришед в монастырь обманом словом, яко овча, внутрь же волк, нже душу свою лукавством погубляют, иже в мире не хотя в податях терпеть, в монастырь, бежат лежать и, пришед в монастырь, спрашивают разных пищей и смущение мнихом наводят забыв, како прежнии отцы мнпси, ни чрез неделю яды, ни менше, сей же нечто смотря, забыв свой обет, егда ево вопроша нерей в церкви: «обещаеши ли ся в посте, в терпенни, в девстве и сохраиишп ли обещание до смерти?», глагола: «ей богу» и прочая. Многой обет дая, опосле в тех словах обещанных не стоит. Сего ради ныне таковых людиков, не усматривая в них страха божня и прежних добродетелей и не искушая их по правилу, таковых не принимати. О сем зри в Кормчей книге, како достоит в монастырь принимати, а хто преслушаетца писаннаго и учиет постригати, и то его дело гнило и непрочно. Писоно: «Не входяй дверми, но прелазя инуде, той тать есть и разбойник». Писано же: аще кто принмет проста мужа и беззлобива * яко моего ученика, се есть о имени моем, мене приемлет; лукаваго бо приемляй, ни моего ученика прнемлет, ни мене **. Пнсоно: «ты еси не преселнтся к тебе лукавнуяй, ни пребудут жа законопреступницы пред очима твоима, возненавидел еси вся глаголющия лжю. Зри.

В нынешнем *** тысеща седмь сот шестом году, генваря в 1 день, против челобитья Предтечева монастыря Краснослободцкого архимандрита Иосифа з братьею, дана великого государя жалованная грамота на двор с огородом, что на Курмыше усадьба, которая бывала подьячего Ивана Еремиева сына Образцова, что загородной его был двор от Красной слободы с версту. И по той ево, великого государя, жалованной грамоте велено владеть вышеписанным Курмышским двором и огородом вечно в Краснослободцкой Предтечев монастырь. Для вечного моления его великого государя здравия и в память его великого государя родителей дан во владенье тот вышеписаиной Курмышской двор и огород. О сем пространнее писоно в жалованной грамоте, каково дано в Предтечев монастырь с прочетом, вечно и безоброчно. Подписал ведомость о сем аз, Краснослободцкого Предтечева монастыря архимандрит Иосиф, чтоб вышеписанное земное дело и книга сия знатно во веки в Предтечеве монастыре было, обоя для сытости, книга для духовной сытости, а земля же для чювственной сытости и чтоб книга сни ведома была, что она божия, отдана ему, творцу всех богу, в церковь и в монастырь на гроб тела моего, иже построен каменный в Темниковском уезде, в Краснослободцком Предтечеве монастыре, вечно и за сию книгу, по церковному обычаю, всегда душу мою грешную поминати, иже Краснослободцкому в понахидах Предтечева монастыря архимандрите Иосифе в вечную память. Сего ради заживо кингу отдах в церковь и в монастырь Краснослободцкой Предтечев аз, сего же монастыря архимаидрит Иосиф, страха ради нынешнего мне смертиаго: егда ехал с Москвы с вышпомнимою великого государя жалованною на землю грамотою, вельми заскорбел, и в той яз, архимандрит Иосиф, скорби своей мало чем иа сей московской дороге не умер, и сего ради помянух, что своего на земли несть у мене ничего, разве грехи, того ради, аще смерть принидет, зри вся погибнут. И сего ради помышляя, аз, архимандрит Иосиф, о сем миого, и приехав с московской дороги в Краснослободцкой Предтечев монастырь, и к скорби той еще в Предтечеве монастыре, в хлебие, прибавнся от врага общаго излишняя пакость: влете с крылы во ухо, не сониому, тарокан-гад и миого зла содея. От обоих скорбей содеялось мне мало не к смерти болезнь. Сего ради обещах отдати книгу сню богу и церковь Предтечи в Темниковской уезд, в Красную слободу, в монастырь выше-

---

* По лицевой стороне листов 94—104 (без оборотов), параллельно с основной записью, идет вторая, написанная более темными чернилами: «Паки за онасто от церковных воров, иже разорено было в монастыре Предтечеве церкви, еще книгу сню подписах вам в ведомость чтущим. Сия книга Граноґраф Спасова монастыря Ярославского келейная прежнего архимандрита Иосифа, быть сей кинге на гробе моем вечно».

** Свободный пересказ евангельского текста.

*** Далее запись продолжается более бледными чернилами, на л. 105 повторяется указание «Зри ино»

писанной честнаго и славнаго великаго пророка и предтеча крестителя господня Иоанна вечно, занеже положих намеренне ныне во своей зде в обители погрести тело свое грешное на то построенном каменом своем гробе.

Еще же пожаловати, господа ради, братни, архимандритом со нереи по церковному чиру поминать душу мою, хто зде, в Предтечеве обители, будет жить, да сами от господа помяновени будете во царствии небесием. А естли хто сню книгу из Предтечева монастыря кому продаст, или куды заложит, или отдаст, и на таковаго черни: или вора — продавца извещать братею писменными изветы, где пристойно. Тако ж и на купца бить челом в приказех, где пристойно, потому что книга сия не продажная, отдана творцу-богу вечно в церковь его святую в Темянковской уезд, в Предтечев монастырь, по вышеписоному, в память душе моей грешной, а не в продажю никому и не в мирскня домы, занеже брали в домы книги с росписками и с трудом и з сорами отдали, а иныя и пропали.

И сего ради отнюдь книг не давать, тако же и по кельям читать книг не давать за небреженнем. По кельям крылошене книги небрегут, яко скуделен сосуд, изобьют, а вновь с них книга вместо избитой трудно взять. Сего ради в больших лаврах по кельям книг честь не дают, сего ради у них книги овой книге лет пять сот, иной боле, иным мене. За сохраненье сей доброй книжной бережи довлеет к сохранению же завидеть, занеже отдана книга сия творцу-богу в церковь, по вышеписоному, в Темниковской уезд, в Красною слободу, в Предтечев монастырь, вечно, в ризницу, для усмотрения честных писаний и многих вещей честным человеком в церкви. Смотрить, в домы их не давать и в том же Предтечеве монастыре по кельям не имать, занеже отдана богу книга, смотри, есть божия богови.

Еще же в сей же Темниковской уезд, в сей Краснослободцкой же Предтечев монастырь, в нынешнем в 1706-м году милостию божнею, жалованьем благочестиваго государя, против челобитья нас убогих, дан подле Предтечева монастыря двор поповской к сему же монастырю, за страх прежнего от того двора огненаго запаления, иже от него в прошлых годех половина Предтечева монастыря погорело. О сем бывшем пожаре выше сего писано в книге. И за теснотою круг* сего Предтечева монастыря входы нужя. И по указу великого государя, вышеписанной двор поповской велено ево пригородить к Предтечеву монастырю, а вместо того двора велено на поповской двор место отвесть где пристойно. И за премногою ево к Предтечеву монастырю милость, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великии и малыя и белыя России самодержца, вечно по церковному обычаю и келейно бога молить, тако же и о благоверных царицах и о благородиейшем государе нашем царевиче и великом князе Алексее Петровиче и о благородных царевнах к богу, по вышеписоиному, всегдашнее моленне возсылати и по усопших их великого государя родителех творити вечною память в литинх, и в понахидах, и в литургиах по чину церковному.

Еще в сей же монастырь великаго Иоанна Предитечи дал аз, Темниковского уезда, Красныя слободы, вышеписонного Краснослободцкаго Предтечево монастыря архимандрит Иосиф, что был архимандритом же в Ерославле в Спасовом монастыре, и сего же градцкаго Ерославскаго письма пречюдною икону великаго Иоанна-предтечи господня — местной образ з затворы. В сем же Предтечеве образе положени часть его святых мощей под дробницею, а на той дробнице вырезано имя: «святыя мощи Иоанна-предтеча». И сия пречестная Предтечева с мощми его икона поставлена в его церкви в Краснослободцком Предтечеве монастыре, настоящая месиая икона.

Подле Предтечевы иконы поставлен образ Николы-чюдотворца резной, з затворы, писан краски. Во образе под драбинцею мощи святаго Николая-чюдотворца. Еще против больничнаго местечка на иконе пресвятыя богородицы крест, мой же, архимандрита Иосифа, а сия же икона прикладная сей же Красной слободы подьячего Григорья Никитина. Сия же икона пресвятыя богородицы в киоте на створах, к тому же киоту писоны святыя Антонии и Феодосни-Печерскня чюдотворцы. В сем же образе пресвятыя богородицы часть пояса ея под дробницею, поставлена сия икона вечно в сем Краснослободцком монастыре в Предтечеве в церкви божян, месная.

Еще икона месная же подле царских дверей поставлена в киоте з затворы, во имя всемилостиваго Спаса. В сей же иконе под дробницею часть ризы господни. Еще на левой стране, месная же икона, образ пресвятыя богородицы Казанския з затворы. Сия же икона Казанския богородицы писана на мощах избранных святых. Сия же пречестная богородицыва икона писана на кипарисной цке, венцы и цаты были сребреныя золочены з добрым с каменем по местам в гнездах и возглавие крупного бурмицкого земчюга, в нем запоны с камеян же. Под цатою подкладка отласа лимонный цвет, стегана подкладка на бумаге хлопчатой. На той же подкладке отласной верх цаты у царя небеснаго Христа бога нашего образа. И у пресвятыя богородицы во всю цату ожерелье кафинскаго крупного земчюга. И тот вышеписанной приклад с сей иконы в сей Красной слободе в Предтечеве монастыре пограблено от воров и с ыных икон тако же оклады и всякою со святых икон церковною красоту разворовали. Ос-

* В рукописи «крумъ».

талось на вышеписанной Казанскня богородицы иконе на створах поля обложены, оклад серебреной резной, золочен. На киоте тое же иконы репидныя два круги железныя, в них писоны по листовому золоту и серебру херувими. У той же иконы пелена, в ней шита властелинская палата, святыя по отласу шиты золотом и серебром. Во всю пелену кисти, у палицы кисть золотная с каменнем. По другую страну тое же иконы Спасов образ под хрусталем писон. Верх Спасова образа врезан в киот крест Распятне мелкой резн, окована киот сня железом. За сиверными дверми образ месной святыя мученицы Прасковин *, нарнцаемыя Пятницы, резной, в киоте со створы, на створах мучение ея писоно краскн розными. В сем же святем образе под дробинцею мощи святыи великомученицы Парасковин, нарнцаемыя Пятницы.

За левым крилосом на усывальнице честнаго отца схимонаха Дионисия признак, на нем складни иконы Спаса Преображения бога, другая Богоявлення, обложены сии складни сафьяном, на сих же складнях писан крест со святыми ангелы. В снх образах под стеклом мощи святых Ярославских чюдотворцов великаго князя Феодора и чад его Давида и Константина — Смоленских и Ярославских чюдотворцов, еще святых великих князей Василия и Константина — Ерославских чюдотворцев.

На сем же усыпальном призивке железной тройной шандал да стакан хрустальной во обруче железном, в нем поставляется колнво. На сем усыпальном призваке, над гробом сего же Предтечева монастыря перваго мертвеца схимонаха Дионнсня, для памяти по души его и иных прочих в понахндах и во всякия церковныя службы в вечную память сей признак, или надгробная память, покрыто турецкнм сниим сукном, нашит верху крест. Тут же, в стене, поставец, в нем миро, масло, церковное вино, елеосвященню бумага. Подле вышеписанного признака схимонаха Дионисия у стены — верижной железной крест, длнннику и поперечнику по четверти. У крылосу сенодичиой налой, сей налой кожа на железе на щурупах в крылос в шертной.

На правой стране над южными дверьми складнв, в них образ Казанскня богородицы да образ Азовскаго греческаго письма во имя Предтечи господня, данне Азовскаго Предтечева монастыря архнмандрита Иасафа, егда аз, нз Краснослободцкаго Предтечева монастыря архнмандрит Иосиф был в Азове для монастырскнх своих дел на время. Задн снх складень, писаны святыя ангела хранителя, Иоанна-воинственника, пред сими же складни два шандала.

На правой же стране против Предтечева образа, круглый налой, коленчетой обод, покрыт сафьяном, на средние его медной шандвл. На левом крылосе такой же налой круглой, покрыт зеленым сукном. На правом и на левом крылосах по двайному налою, кладетца на них по две книги дестевых. Сии налон точеныя покрыты кожами, убиты гвоздми лужеными. На правом же крылосе стол, на нем воду святят. На левом крылосе стол с ящиком же, на нем книги.

В начале, у Спасова образа лампада большая медная. У настоящей храмной иконы Предтечев образа лампада медная с кистью, большая же, какова у Спасова образа вышеписоной месной иконы. Лампада же у Казанской богородицы большая медная же, что ва левой стране местнаи иконв, кипарис. Лампада же у больничнаго местечка у иконы. Все сии вышеписанныя лампады лужены. Перед образом Николы-чюдотворца шандал медной. На левой стране перед образом великомученицы святыя Парасковии, нарнцаемыя Пятницы, лампада медная, чеканная, золочена, с кистью.

Поверх северных дверей икона великаго Предтечи господня штилистовая, аклад медной, данне Краснослободцкаго переписчнка Андреяна Закройскаго. Писаны снверныя двери краскн разными, они же двери на железных петлях и крючьях. Царскне двери и сени и столпцы, на чем царскня они двери утверждены, все то писано по золоту и серебру, святыя кни пишутся в сей частн на царских дверех. Поверх снх дверей седмь древес малыя посребрены. Южныя двери писоны краскн, устроены сни и все что ин есть дверей и акошак олтарных, и церковных, и трапезных, и ризничих, и книгохринительных на крюках и петлях железных. Акошки везде с решетки железны. В церкви и трапезе у пети акошак на затворах обнто сукном красным и полосатым. Слюдны окончины на полдни, три затвора с тремн замки прибойными.

В трапезе же в тяблах на востоке седмь икон штилистовых. В церкви за архимандрнческим местом, где воеводы стоят, у стены в складнях восемь икон штилистовых укреплены железом. На той же стене, позади начальных людей, сукно темно-зеленое во всю стену. На архимандрическом месте кипарисная икона Знамення пресвятыя богородицы со святыми мелкого писма, устроено и вклеяно, врезано в местною цку подлнцо. Вкруг сего архимандрического места со внешией страны писоны нз личной библии притчи о Лазаре убогом и о богатом и о Иове многострадальном.

В трапезе же фанврь повешен на лосннom рогу, под ним пастав с вещами продажными, к ним приставлен старец. У сего поставца цепочка железная з замком немецкнм, востроен постав сей на креслах, привязан креслам цепочки. Сии же креслы токарной работы, точано яблоко, покрыты креслы кожею, в надобных приличных местах обито луженымн гвоздьми.

---

* В рукописи: «Пасковин».

На левой стране печь ценинная, добраго ярославскаго мастерства. У печи железной заслон, завтвор к печи на железных крючьях с прибойным железным замком.

В церкви Спас в Денсусех со святыми и з двенадесятыми господьскими праздники, один поис двадцать одна цка, на них писоны святыя. В олтаря на престоле срачица, спереди камка лудин лимонный цвет, с трех сторон шита та же срачица меткаль былой парчи. Поверх престола покрывало во весь престол, той же камки. Верх престола на тканце шелковом, голубь во образе святаго духа, московского мастерства, посребрен и позолочен местами. На престоле евангелие печатное в десть, обложено серебром басменым. Золоченый крест, во образ царя Константинова креста, иже во бранех противныя побеждаше. Средн сего креста, на распятии господа нашего Иисуса Христа, венец сребрен золочен, писаны на кресте святыя.

Пред престолом, за царскими дверми, завеса меткалинна на долгой железной цвае и на кольцах. Позади престола валой обит красным сукном. Сверху того налоя икона велнкаго Иоанна предтечи господня штилистовая, оклад серебреной басменой, волочен. В том же налое ззади постав, в нем три шандала медных во блюдах оловянных. Скатерть водосвятская, поручн поповскня не одни.

На восточной стране у стены образ непрестольной пресвятыя богородицы. По другую страну — Николая-чюдотворца, писоно краски. На той же стене крест большой, на той же стене ниже ковер во всю стену восточную, выше ковра окно красное с колоды, окончина в нем слюдна, решетка железна. Жертвенник обит сукном красным, на нем сосуды: потир, дискос оловяное и блюдцы, воздухи и покровцы розных камок.

На северной стране к стене учинено горнило, водоливочка с причеленою на ней, оловянная большая черильница с песочницею в станке оловенном большом, горшечик с кровлею, медной рукомойник на железной цепочке, лужен медной, два ковшика медных, кадило медное, под ним лист жестн, мех коженой кадило раздувать, кресльі точеныи, покрыты черной кожею, обиты гвоздьмн луженымн. На сих креслах лежат книги. У стены зерколо большое хрустальное, кругом его рамки резныя позолочены. Стул токарной работы, на нем священник во апостол седит, сей стул покрыт черною кожею, убит гвоздьмн луженымн. Четыре стула сгнбных токарной работы в яблоко, покрыты кожею, обиты гвоздьмн железнымн луженымн. Пятой стул на архимандрическом месте. На том же месте фанарь слюдной, посах архимандрической, благословение святейшего Иоакима, патрнарха московскаго и всеа Россин, бывша милостива ко мне вечно. Другий жезл таков же, благословение святейшаго Адриана, патриарха московскаго и всеа Росни; сей жезл во олтаря у южной стены железом укреплен.

В ризницу двери на железных крючьях, замок прибойной железной немецкой работы о двух ключах. В сей ризнице стол большой, сундук окованн железом, в нем шесть переград, в нем два ковчега с шапками архимандрическими, в третьей переграде свещи, в четвертой пелены, в пятой железа, в шестой камчатыя и отласныя и шныя обрезки на починку.

Риз двон белыя меткалинныя, два стихаря меткалинных. Ризы камка лнмонной цвет, ризы отлас зеленой, оплечья бархат на золоте, травчетой, ризы дороги, тусинной цвет, оплечья бархат на золоте. Стихарь камка лимонной цвет, оплечье объеринное, стихарь дороги, кашаискня, цвет багряной, оплечье бархат на золоте, стихарь черная тафта струйчетая, стихарь зеленая тафта. Трн уларя розных парчей местами. Патрахнль — бархат травчетой, на ней девять пуговиц серебреных, патрахиль — камка зеленая, на ней шесть пуговиц серебреных, патрахнль — червчетой кумач, две патрахили выбойчетых, поручн — бархат золот.

На верхь ризницы лесница, к ней подъемныя двери на петлях железных, у дверей на пробоех немецкой замок внслой. Поверх ризницы бочка большая соли бузона, в ней пятьдесят пуд.

На олтарь двери на крючьях железных, к ним замок большой глездун железной лужен, о двух запорах нутренних. На олтари большой палой покрыт кожею, обит гвоздьмн луженымн. Две больших бочек з бузуном, третья малая с солью, в них сто пуд. Ковчег, носят облоченья в собор, обит железом, к нему замок внслой.

Дверн в книгохранительную на железных крючьях, задн дверей прибит заслон ради крепости. У дверей на пробоех замок спычевой. В сей же книгохранительной три бочки соли да две кади больших, весу соли полтора ста пуд, поставлена егда была церковь не освящена за нужю, что хоромы на ту соль не было, а впредь зде соли никогда вновь не ставить.

В книгохранительной же четыре сондука окованы железом, в них книг: два Охтая на осьм гласов, новые, печатные, книга письменая Зерцало велнкое, две Триодн — постная да цветная, печатныя в десть, два Служебника печати московскня в полдесть, две Псалтири печатныя в полдесть, два часослова в четверть, две книги Ефрем со аввою и Лествицы печатныя, двенадцать Миней месечных, печатныя в десть, Прологи на четверо, переплетены, печатны в десть, книги Библиа личная, да другая четья печатны в десть, книга Псалтирь со возследованнем, киевской печати в полдесть, книга Большня правнла Никона Черногорскаго, добраго писма, на дво чтеяния в десть, книга царевича Иасафа печатная, новая в десть, два Каноинника печатныя в четверть, две

Минеи печатныя в четверть. Псалтырь со возследованием печатная в четверть, три Алфавита писменых в полдесть, Святцы в осмуху, печатныя, поверх их резан крест, обложен серебром, книга Беседы апостольскня на четыриадцать посланий, киевской печати в десть, книга Благовестник, четыре евангелиста, печатное, переплетено на двое. книга Фитник на крюках и на ноте, писана в полдесть, книга Чиновник, писана в полдесть, книга Евангелие Кирила Трондалиона*, киевской печати, книга Граиограф большой писменой с космографиею перечневою, в десть, книга Цветник, киевской печати, в переплетех же, в полдесть.

Малая лампада пред Спасовым образом и пресвятыя богородицы с предтечею, святые иконы в резных золоченых рамках в кноте. На восточной стране образ месной Казанскня богородицы писан краски, посторонь того образа кадило медное.

В сундуке крепостей: грамота на церковь благословенья, на ту же Предтечеву церковь грамота освященная, да на монастырскую землю, что в Краснослободцком уезде на речке Рябке, дана выпись из Приказу Большаго дворца в лето от Рожества Христова 1703-го. В сей выписи написана дача по двести по пятидесяти четвертей в поле, а в дву по тому же. Тут же по другую страну речки сенных покосов на пятьсот копен в лесу.

Еще дана великого государя грамота с прочетом на Курмышской двор с огородом, что бывал Краснослободцкаго приказнаго подъячего Ивана Еремиева сынв Образцова, что во иноцех схимник Иона. Велено по той ево великого государя, грамоте тем вышеписанным двором и огородом владеть в вечное богомолне в Краснослободцкой Предтечев монастырь с нынешняго 1706-го году на прокормленне архимандритом с братьею.

В нынешием же 1706-м году еще милостивой великого государя дан указ на поповской двор, что смежен сего с Предитечевым Красиослободцким монастырем. Велено тот двор за страх пожарнаго врени и за тесноту пригородить к сему Предтечеву монастырю, а ему попу из порожних мест велено земли под двор отвесть где пристойно и на то место хоромы свесть.

Еще в сем же сондуке купчие, что под Предитечева монастыря дворы куплены. Тут же дароносица медная, чаша водосвятная, кропило обвито медью. Чаша персидцка, другая поменши, третья за трапезою столовая, висит на цепочке железной, вси чаши булат. Тут же в трапезе в углу часы железныя битьи с перечасьем, к сему перечасью чатыря колокольчика медных, пятой часовой. У сих же часов чатыря затвора железныя, писаны краски по золоту и серебру. В сей же трапезе в поставе верхнем посуды: восемь тарелок оловяиных, шесть сковородок медных луженых, два блюда больших оловянных, два блюда средних оловянных же, два горшечка медных луженых, третей горшек черной медной же, тря сковородки черных медных, ендова большая в ведро, медиая же, лужена, еще другая ендова средняя медная луженая же, кувшин медной луженой, сутки оловяиы, в них пять посуд: солоница, уксусинца, перечница, чашка, стопа. Сня пять сосудов в вышеписанных оловянных сутках. В сем же поставце скатерть браная, длиною в трапезе во все столы.

Выходя из трапезы — дверн на железных крючьях, к снм же дверем замок железной пробойной большой о двух ключах. У других дверей, что к печи, замок прибойной меншн большаго. На крыльце образ месной Вседержителя Саваофа, посторонь его архаигелн, писоны на трех цках больших розиымн краскн.

В тяблах на рандуке вверху на бревне под тесом устроены чатыря колокола, весу меди в них с лишком двенадцать пуд, на привезех железяных. Часовня в сем же монастыре, в ней образ великаго Иоанна Предтечи з затворы. На затворах писано царевича Иосафа, затворы на железиых петлях, писано все краски. У сей же иконы шандал железной. Поверх часовии сушило, в нем коробья, в сей коробье посуды десять тарелей деревянных, десять блюд деревяиных, стопа деревянная золочена, полог про нужду дорожную, шляпа пуховая на ту же нужду, четыре топора струговой бурав большой, три бурова средних и меншнх, пазник, тяпки железныя же малыя, три скоболн, три долота.

В хлебне браная скатерть, котел медной, котел же железной, гаршек железной, две сковороды больших железиых, сковородник, светцовыя уши, кочерга, заслон, копусная сечка железное, у заступа наконечник железной же, палойник железиой.

К онбару, и к воротем, и к часовне замкн прибойныя личныя железныя. В клетке бочка большая соли, бочка солоду, бочка проса, бочка гороха. Две сохи, двои сашники, две палицы, железныя же, бочка проса. В ящеке жернов, в сусеке авес. Шесть хомутов, кател бражной железной большой. Два седла, оправа ременная, стремена железныя.

В архимандрическую келью у дверей замок прибойной железной. Высподних сенех нкоиа Знамения пресвятыя богородицы писана краски штилистовая, чатыря чшана с хлебом. В потклете дватцать ульев, две бочки, шесть боченок средних и восемь малых. В верхиих сенех икона многих святых штилистовая писана краски, под иконою кавчег новой большой, доброй, цветиой. Три сайдака, стрелы и налучии с колчаны.

---

* Транквиллиона.

три бердоша новых, два копья, медвед... полсть, два тюфика — один сафьянной, другой боравей. Ружье сапопал со всем борошневан...ским. Под сушильною лесницею большая бочка на просвиры со вшенницею. За дверью бочка большвя с мелкими аржаными сухарями. В сенех чюлан, дверь на крючьях железных, у чюлана на пробоях замок немецкой, близ чюлана на поставе приголовашек окован железом. На другом поставце сундук средней окован железом. В чюлане две бочки — одна со пшеном, другая з гречневыми крупами.

В больших окошках два перечня железных, две окончины болших слюдяных. В келье чвтыря окончины, зерколо большое обложено бархатом, затворы, таз большой медной, шкатун, в нем двенатцать склянниц, обит шкатун железом, тапор, кочерга, косарь, скобель, пила — все железное. Книга Апокалипсис толковой писменой в полдесть в келье на поллице перед иконою пресвятыя богородицы. Тут же в сенех архимандрической кельи на сушиле, повыше сеней, по вышеписвинному, всякой запас в розных бочках и кадях. Тут же на каровати постеля и подушка и полог другой, опрячь вышеписаннаго.

Всего написал сие аз, архимандрит Иосиф, чтоб по смерти моей ведомо было, что вся сия предписанная отдал аз, архимандрит Иосиф, в сей же Предитечев монастырь по смерти своей, и сего моего дания из Предитечева монастыря не отдать никому, не заложить и не продать и по свойству никому не отдать, и никакова коварства и прозеби не учинить к завладенью, и по кельям не брать. Писано: «коварну мужю бог запиннатель», тако неправеднику, хотящему книгу сию завладеть, смертию бог страшит, по смерти всего лишитца человек, сего ради подписал пакн аз, Темвиковского уезда, Краснослободцкаго Предитечева монастыря архимандрит Иосиф, своею рукою.

Еще заповедою вам, братне сего же Предтечева монастыря, аще даст бог, в церковное строение завод пчелиной и от того строити вся церковная; от скота же прибытка монастырского прибылого всякой скотнны от продаж, от продажной яанимати ратников; от хлеба монастырского, что бог даст в трудех, тем кормитца; от сада, что в монастыре и огороде близ монастыря, строить сей Предтечев монастырь со оградою монастырьскою же. На Курмыше, на монастырьском же огороде, завесть сад же, и от того Курмышского саду сего же Темниковского уезда Краснослободцкаго Предтечева монастыря братни, всем нноком, зде живущим, от сада Курмышскаго продавая плоды, от него одеватца и о нем радеть и трудитца. Писано есть: «всем убо приимшим дары и благодати от бога трудитися им подобает, и созидовати, и служити, и работати». Еще писано: «игумен некин от своих трудов пищу себе принимал, тогда страшен бесом он бывал и от человеков бесов изгоняял, егда же учел чюжая ясти и роскошно жити, тогда не имяше силу над духи и назва его бес, сего ради бысть ты игумен яко едни от нас».

Сего ради аз, архимандрит Иосиф, подписал книгу сию и отдал, по вышеписаному, творцу-богу в церковь в Темниковской уезд, в Красную слободу, в Предтечев монастырь для смертнаго часа, поминая исход свой и чтоб по мне, архимандрите Иосифе, церковная память была и чтоб сего же Предтечева монастыря братня мнихи, читая в церкви и слушая сии божественныя книги, зде зело трудилнсь, да во оном веце господь воздаст. Писано: «Приидите ко мне вси труждающимся я обремененнии, и аз покою вы» и прочая писаннвя божественная словеса. Господа ради, сего же Предтечева монастыря вси братне, по смерти моей поминайте душу мою грешную вышеписанного Темниковского уезда, Красныя слободы Предитечева монастыря архимандрита Иосифа вечно, занеже не продал аз сню книгу и нищим бы сих книг цену отдал, того аз не сотворнх, надеяся по смерти на молитвы ваша, зане птнце криле на летание, духовнин сни криле уму на летание к высоте небесней, опасаясь от дьявольских напастей. Егда же, братие, вняв страх божий от сих духовных крил, от сего жнтейского моря, прелетите к будущему покою и даств вам бог за труды радость. помолитесь о мне грешнем, дабы вашнми молитвами избавлен был от зол будущих.

Сего ради дал аз, Темниковского уезда, Красныя слободы, Предтечева монастыря архимандрит Иосиф, в сей же Предитечев монастырь книги на спасенне нноком и всем градцкнм Краснослободцким послушни[ком] вечно для насыщення духовнаго чтущим и слушающим радоватися. Аще кто церковный враг сню духовною радость разорнт и похнтит сни книги, и такова разорнтеля во оном будущем веце молитвами святаго великаго Иоанна Предтечи господня сокрушит бог хищника сих книг церковных в век будущей вечно. Писано: «Отъндите от мене проклятин во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его». Сне божие слово страх на всех слышащих, чтоб трудно к завладенню книг сих выскребати и своими книгами называти, не буди тако, поне же отдана творцу-богу в церковь в Темниковскнй уезд, в Краснослободцкой Предтечев монастырь без выносу вечно, сего ради аз, Темниковского... архимандрит Иосиф, сню книгу Граиограф в сей же Предитечев Краснослобод... отдал богу вечно в том аз, архнмандрит Иосиф, подписал своею рукою».

А. В. Муравьев

НАСЕЛЕНИЕ г. ДМИТРОВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Старинный русский город Дмитров сыграл важную роль в истории нашей страны. Его значение длительное время определялось не только столичным положением в удельном княжестве, но и размером и торговым положением самого города. Дмитров был одним из крупных русских городов первой половины XVI в. Позже торговые пути ушли в сторону, до минимума сократился приток людей, и в XVII в. наблюдается запустение города, особенно усилившееся после польско-шведской интервенции начала XVII в.

Вопросу истории города Дмитрова, численности и занятиям его населения были посвящены первые работы Михаила Николаевича Тихомирова, который был в 1917—1918 гг. одним из организаторов Дмитровского музея родного края [1].

Перед польско-шведской интервенцией в дмитровском посаде, по подсчетам М. Н. Тихомирова, было 276 дворов, не считая дворов Конюшенной слободы. Последняя была расположена за рекой Яхромой, отдельно от посада и находилась в ведении Конюшенного приказа. Обширные луга по реке Яхроме принадлежали этой слободе. Число дворов слободы на протяжении XVII в. колебалось между 40 и 60. Кроме того, в число 276 входили также дворы многочисленных непосадских слободок.

По сотной книге 1624 г. в Дмитрове отмечено 108 посадских дворов, а всего с дворами Конюшенной слободы, монастырских и других слободок и дворовых мест можно считать 250 дворов.

Более подробные сведения о дмитровских городских дворах и их населении дает переписная книга 1646 г. Сопоставление ее с сотной книгой 1624 г. говорит о том, что количество посадских дворов увеличилось со 108 до 128. В них проживало 346 посадских душ. Если учесть, что всего в Дмитрове было 242 двора с населением в 643 мужские души, то посадское население составляло перед Соборным Уложением 1649 г. примерно половину населения города.

Следующая перепись 1677 г. проводилась после морового поветрия 1654 г., что не могло не сказаться на сравнительно слабом приросте населения и падении количества дворов с 242 до 223. Мужское насе-

---

[1] См. работы М. Н. Тихомирова: *Город Дмитров*, Дмитров, 1925; *Население Дмитрова в XVII и начале XVIII века*. — «Московский краевед», вып. I, М., 1927. Данные о Дмитрове XVII в. приводятся нами по работе М. Н. Тихомирова о дмитровском населении.

ление города по этой переписи насчитывало 690 душ. Число посадских дворов уменьшилось до 108.

Мы можем заметить, что на протяжении всего XVII в. увеличение населения Дмитрова шло очень медленно. За столетие, к началу XVIII в., оно увеличилось не более чем на 10—15%. К этому времени сложились основные посадские слободы, с которыми мы сталкиваемся в первой четверти XVIII в. Если сотная 1624 г. дает деление города только на улицы, то в переписной книге 1646 г. отмечается появление слобод.

По сотной книге 1624 г. указываются улицы: Спасская, Рубцова, Березовец, Зимнякова, Мостовая, Юрьевская, Красильная, а также дворы, стоявшие «вверх реки Яхромы», дворы по Московской дороге, «дворы по реке Яхромы, на городовой стороне», дворы «вверх на устьи реки Березовец». К 1646 г. уже обособились 5 слобод: Березовская, Спасская, Никитская, Васильевская, слободка «по Московской дороге» и отдельно указывается Красильная улица.

В начале XVIII в., по переписи 1705 г., мы вновь видим 5 посадских слобод. Их описание имеется в переписных книгах города Дмитрова 1705 г., а Конюшенной слободы — в переписных книгах Дмитровского уезда того же 1705 г.

Перепись отмечает изменения, которые произошли в слободском делении, перемещения населения по слободам. Уменьшилось число дворов и число жителей в Спасской слободе, с 35 дворов 1677 г. с населением в 113 душ до 17 дворов с 59 душами. М. Н. Тихомиров объясняет это появлением новой Ильинской слободы в 34 двора с 97 душами, которая кроме дворов Спасской слободы взяла несколько дворов Березовской. В свою очередь Березовская слобода значительно выросла за счет приписки к ней Никитской слободы. Вместо 45 дворов с населением в 156 душ 1677 г. она стала иметь 89 дворов с населением в 286 душ. Произошли изменения и с Васильевской слободой. Она увеличилась за счет нескольких дворов Спасской слободы и насчитывала в 1705 г. 31 двор с населением в 105 душ, против 9 дворов с населением в 29 душ 1677 г. Появилась еще одна слобода — Пятницкая, в которой было 17 дворов с населением в 51 душу.

Таким образом, общее количество посадских дворов в Дмитрове в 1705 г. равнялось 188 с населением в 598 душ.

Можно отметить, что в XVII в. в Дмитрове шло административно-территориальное оформление чернотяглых посадских слобод. Слободское деление внутри посада все время изменяется. Отдельные дворы переходят из одной слободы в другую, уничтожаются старые слободы и возникают новые. Это явление типично для всех городов России того времени, причем особенно заметным оно становится во второй половине XVII в.

При характеристике посадского населения города петровского времени нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что городское население XVII в. состояло не только из посадских людей, но и из жителей многочисленных белых слобод, из служилых людей, крестьян и т. п. XVII век знаменуется тем, что определенные группы этих людей входят постепенно в состав посадского сословия. Здесь мы встречаем и крестьян (помещичьих, монастырских, дворцовых и пр.), выходцев из разных чинов и т. д. Несколько таких примеров отмечено М. Н. Тихомировым по Дмитрову. Так, Павел Феофанов Фуфаев, названный в 1705 г. посадским человеком Березовской слободы, по переписи 1677 г. значился живущим на осадном дворе Калязина монастыря и именовался как «дворник того же монастыря Пашка Фео-

фанов сын Фуфаев». В то же время Пятницкая слобода приписала себе 3 двора «рыбиых сторожей», которые раиьше жили в специальной слободке.

Нет сомнеиия, что в дмитровский посад попали жители слободки Борнсоглебского монастыря, а также слободки «каменьщиков государевых», «разсыльщиков». В 1723 г. вошла в состав дмитровского посада Конюшенная слобода, которая с 46 дворов с населением в 124 души в 1646 г. выросла к 1705 г. до 87 дворов с 276 душами.

Материалы Дмнтровского магнстрата (ратуши) дают возможность проследить административно-территориальное деление города, установить количество и примериый состав иаселения в первой четверти XVIII в.[2]. Даиные эти ие всегда полиы и относятся к разным годам, но все же позволяют нарисовать более или менее цельную картину населения города. Опираясь иа них, можно установнть число дворов, количество и состав населения посада, администрativиое деление города.

В 1726 г. в Дмитрове по указу Московского магистрата была проведена перепись дворов для выяснения возможностей постоя войск иа квартирах. Эта перепись включала дворы не только посадских людей, но и церковиослужнтелей, а также разночинцев и служащнх различиых дмитровских учреждений. Сведеиия о непосадских дворах магистрат получил от местных церквей и конторы Комнссариатского правления.

Посадское население города в это время распределялось по 5 слободам: Березовской, Васильевской, Никитской, Пятницкой и Спасской. Как видим, число слобод осталось то же, которое было в 1705 г., только место Ильинской заняла Никитская слобода. Следует заметить, что в нсточнике имеются сведения о существовании в городе помимо слобод более мелких территориальных единиц. Так, Березовская слобода делилась на 2 стороны, а Конюшеиная — на 3 десятка: Введенский, Нижний и Верхний[3].

Дворы по слободам распределялись следующим образом: Пятницкая — 23 двора (17)[4], Спасская — 18(17), Березовская — 75(89), Васнльевская — 75(31), Никитская — 37(34 — в Ильинской сл.).

Таким образом, в 1726 г. в Дмитрове было без Конюшенной слободы 228 дворов против 188 в 1705 г. В Коиюшенной же слободе по этой переписи насчитывалось 105 дворов (87). В 1723 г. эта слобода была причислеиа к дмитровскому посаду. Поэтому общее число посадских дворов в городе составляло 333. По сравнеиию с 1705 г. их число увеличнлось на 58 дворов (немногим более 20%).

Кроме посадских дворов, в магистратском доношении указывается 26 дворов, не входивших в состав посада. 13 из них принадлежали церковннкам (дворы попов, дьячков и т. п.) и 13 — людям разных чинов. Таким образом, всего было 359 дворов[5]. Населенне же Дмитрова в посадских слободах исчислялось 1010 душами[6]. Однако трудоспособного населения в дмитровском посаде было значительно меньше. В этом отношении интересные и обстоятельные сведения о составе и изменениях посадского населения города содержат материалы,

---

[2] ЦГАДА, ф. 277, Дмитровский магистрат, 1725 г., д. 3. Кн. окладная Конюшенной сл.; 1721 г., кн. 1, 2. Сборные окладные и с промыслов податей; 1726 г., д. 25; 1723 г., кн. 2. Землемерная Конюшенной сл. и др.

[3] ЦГАДА, ф. 277, 1723 г., кн. 2.

[4] В скобках приводится число дворов в данной слободе в 1705 г.

[5] ЦГАДА, ф. 277, 1726 г., д. 25.

[6] Там же, д. 17.

посланные Дмитровским магистратом в Московскую губернскую канцелярию 26 сентября 1727 г. в связи с передачей магистратов в ведение губериских органов управления. Обработаниые сведення этих материалов дают следующие цифры о составе посадского населения Дмитрова в это время.

«От младенчества до 10 лет, которые положены в 40-алтынном окладе», — 307 душ.

«От 10 до 60 лет, которые положеиы в 40-алтынном окладе», — 653 души.

«Сверх 60 лет, которые положены в 40-алтыином окладе», — 46 душ.

В составе этих 1006 душ, за которые дмитровский посад вносил подушиые подати, было:

«Увечных и малоумных, и дряхлых, которые никакой работы работать не могут», за которых подушные деньги «платят другие посадские люди», — 45 душ.

«Выбылых, умерших и в бегах», — 101 душа.

За время, прошедшее со временн первой ревизии, в Дмитровскин посад прибыли:

«Пришлые из бегов и из других и виовь рождеииых..., которые в подушной оклад не положены», — 161 душа.

«Конюшенной слободы, которые родились после поданных сказок 719, 720, 721 годов..., а в подушной оклад не положеиы», — 33 души.

Всего к моменту представления магистратом этих сведений в Дмитрове было наличных действительных 1099 душ, из которых посад платил подушную подать за 1006 душ[7]. Разница в 4 души, по сравнению с данными первой ревизин объясняется тем, что один дмитровец был во время ревизии ошибочно записан в двух слободах, два дмитровца были записаны за московским посадом и об одной ревизской душе сведения отсутствовали.

Чтобы представить реальное число трудоспособных людей в дмитровском посаде в это время, нужио исключить из 1006 душ 307 детей, не достигших 10 лет, и 45 душ «увечных, малоумиых, дряхлых». К этим 352 душам следует прибавнть значительную часть из 46 душ старше 60 лет и детей, которые внесены магистратом в возрастную группу «от 10 до 60 лет». Сюда же надо отнести 101 душу умерших, беглых и выбывшнх из посада. В результате реально можно говорнть лишь максимум о 500 душах трудоспособного мужского населения. На увеличение численности этой категорин посадского населения практически никакого влияння ие оказывали люди, прибывшие в Дмнтров после первой ревизин и еще ие положенные в подушный оклад. Из 161 «прнбылых» 150 были детьми от трех лет, 5 — детьми, родившимися до 1723 г., но не внесенными в переписные киигн, 4 — былн «подкидышами», живущими у дмнтровских посадских людей. Лишь 2 человека были действительно трудоспособными. Детьми не старше 8 лет были и все 33 души, прибавившиеся за это время в Конюшенной слободе.

Мы не располагаем достаточнымн материалами о торговле, ремесле, промыслах дмнтровцев, чтобы создать полную картнну жизни города и занятий его посадского населения. Имеющиеся отрывочные данные позволяют только в общих чертах говорнть о торгово-промысловой деятельности посадского населения города. Об нмущественной дифференциации, занятиях посадского населения можно судить по со-

[7] ЦГАДА, ф. 277, 1727 г., д. 38, лл. 73—101.

хранившимся в делах Дмитровского магистрата сборным книгам «окладных и с промыслов податей». Эти книги, охватывающие лишь часть посадского населения, имеют одинаковые заголовки: «Книги переписные дмитровского посаду тяглецам мужского полу с окладом десятой деньги в один побор и с тягла, по расположению по тяглам, з земли сборных денег, а кто имянны и какие торги и промыслы имеют, и коликое число и с помянутого 1715 году по сей 1721 год убыло, о том показано в сих книгах ниже сего в графах»[8].

По заголовкам книг можно было бы считать, что они были составлены в 1721 г., однако изучение содержания этих книг и их сравнение приводит к выводу, что они составлялись в разное время. Одна из них, а именно под № 2, составлена была раньше, а затем значительно изменена, дополнена и исправлена. В результате этого была создана новая книга, которая имеет № 1. В книге № 1 перечислены 202 тяглеца с окладом десятой деньги 1720 г., окладом с земли и показаны занятия посадских людей: торги, промыслы, ремесло. Книга № 2 дает перечень 167 дмитровских тяглецов. Оклад десятой деньги вначале показан на 1720 г., однако затем исправлен на 1715 г. по всем страницам книги. Оклад с земли также вначале был показан на 1720 г., а затем исправлен на 1715 г., но только с третьей страницы. Книга № 2 кроме граф книги № 1 (оклад десятой деньги, оклад с земли, занятия) имеет графу, в которой фиксировались те или иные изменения, происшедшие с тяглецом: умер, остались дети; дети живут в Дмитрове; дети живут в Москве; обнищал, торгу не имеет; выбыл из посада; умер и тягло в пусте. Эти пометы доказывают, что книга № 2 предшествовала книге № 1 и что ее составление относится ко времени более раннему, чем 1721 г. Указание на размеры тягла 1715 г. дает основание отнести книгу № 2 к 1715 г.

Сравнение показывает, что имена подавляющей части тяглецов повторяются в обеих книгах. Из 167 тяглецов, внесенных в книгу № 2, 123 записаны и в книге № 1. Интересно и то обстоятельство, что, за редким исключением, оклад десятой деньги и оклад с земли одних и тех же тяглецов в книгах не совпадают. Особенно резко эта разница заметна по окладу десятой деньги. В то же время занятие тяглеца оставалось почти всегда одним и тем же.

В ряде случаев примечания, сделанные в книге № 2 по поводу изменения занятия тяглеца, затем нашли отражение в книге № 1. Так, Иван Коевин в книге № 2 показан как огородник. В примечаниях отмечено, что он обнищал и торгу больше никакого не имеет. А в книге № 1 И. Коевин показан уже как нищий.

Сравнение обеих книг показывает еще одну особенность. В книге № 2 упоминаются фамилии и имена 47 дмитровцев, которых мы не находим в книге № 1. Против некоторых из них в книге № 2 сделаны пометки, указывающие на их дальнейшую судьбу. Например, против Клима Петрова записано: «умре, остались дети». Такие же пометы против Сидора Кучина, Антипы Комарова и других. В книге № 1 их уже нет, но зато появились их дети или родственники — владельцы дворов и тягла. Так мы находим в книге № 1 Василия Сидоровича Кучина, сына Сидора Кучина, Никиту Кучина — племянника Сидора Кучина, который упоминается в книге № 2 вместе с С. Кучиным. Об Антипе Комарове сказано, что он умер, а дети его живут в Москве. Действительно, если мы обратимся к ревизским сказкам Москвы за 1725 г., то в Басманной слободе найдем Андрея Антипьева сына Комарова, 25 лет.

[8] ЦГАДА, ф. 277, 1721 г., кн. № 1, 2.

с братом Иваном, 9 лет, записавшихся в московский посад, как указано в ревизии, после 1719 г.[9].

Чтобы установить занятия посадского населения Дмитрова, мы используем обе книги, сравнивая их данные и дополняя одну другой.

Занятие посадского населения	Число душ		
	данные книги № 1	дополнительные данные книги № 2	всего
Овощники и огородники	69	26	95
Хлебники и калачники	25	6	31
Мелочные торговцы	21	2	23
Кузнецы	12	2	14
Мясные торговцы	11	—	11
Серебряники	1	3	4
Сапожники	2	2	4
Солодовники	1	3	4
Рукавичники	2	1	3
Свечные торговцы	2	—	2
Овчинники	2	—	2
Портные	1	—	1
Черная работа	23	—	23
Нищие	30	1	31
Занятия неизвестны	—	1	1
Итого	202	47	249

Приведенные данные включают по крайней мере четверть посадского населения, а может быть и половину трудоспособного, на 1715—1720 гг. и дают определенное представление о составе посада. В свое время А. А. Кизеветтер обратил внимание на то, что в Дмитрове большинство населения занимается «черной работой». Он показывал, на основании переписных книг 1705 г., что в Дмитрове такого населения было более 60%. Примерно столько же насчитывал он на 1715 г.[10]. К сожалению, данные нашей таблицы не позволяют провести такой процентный подсчет. И это не только потому, что сведения имеются только по части посада, но и вследствие того, что эти книги включали только тех членов посадской общины, которые платили по мирской раскладке. На это указывается, в частности, в подзаголовке книги № 1: «В Дмитрове по окладу десятой деньги шестьдесят три рубля двадцать один алтын две деньги, а по расположению в то число с каждого человека довлело взять десятые деньги...» — и далее идет перечень этих людей с указанием окладов. Аналогичного состава и запись в подзаголовке книги № 2. Вполне вероятно, что в книгах показана платежеспособная часть дмитровского посада, на которую пала раскладка.

Следует учитывать, что термины «кормится черной работой» и «нищий» нельзя понимать в буквальном смысле этих слов. В самих книгах неоднократно встречается раскладка, по которой «нищий» платит оклад десятой деньги выше, чем «кормящийся черной работой». Так, Тихон Хахлов, «нищий», имел оклад десятой деньги в 6 ал. 4 д., что в два раза выше самого распространенного в книгах оклада десятой деньги в 3 ал. 2 д., который платили «нищие», «кормящиеся чер-

[9] Материалы для истории московского купечества, т. I, М., 1883, стр. 119.

[10] А. А. Кизеветтер, *Посадская община в России XVIII столетия*, М., 1903, стр. 133, 381—388.

ной работой» и многочисленные дмитровцы, которые относились к разряду овощников и огородников. Вообще, как заметил М. Н. Тихомиров, необходимо уточнить термин «черная работа». Слова «кормится черною работою огородною» по сути дела выражали основной промысел дмитровцев[11]. И в рассматриваемых нами окладных книгах посадские люди, показанные как «нищие», «кормятся черной работой», на деле были тоже огородниками. В подтверждение можно сослаться на указания об отдельных дмитровцах и как об огородниках, и как о «нищих» или «кормящихся черной работой». Обычно в разряд «нищих» включали посадских людей, которые нанимались на огородные работы к своим же посадским людям, хотя и сами имели и обрабатывали огороды.

Поэтому, когда мы говорим об овощниках и огородниках, о «кормящихся черной работой», о «нищих», то можем в какой-то степени эти группы объединить. Они и займут доминирующее положение в занятиях жителей города. Специализация «луковым» и «чесночным» промыслом характерна для дмитровских посадских людей. И не случайно, что при записи в дмитровский посад челобитчик обычно свое желание быть посадским человеком подкреплял ссылкой на то, что «имею торг и промысел *хлебом и луком и чесноком*, как дмитровцы посадские люди»[12]. О развитии хлебного промысла и торговли в Дмитрове свидетельствует довольно большая группа из 31 хлебника и калачника.

Сравнительно невысоким было в Дмитрове первой четверти XVIII в. ремесленное производство. Небольшая группа ремесленников, которых по книгам насчитывается всего 28, вместе с хлебниками, калачниками, мясниками, солодовниками, мелочными торговцами обслуживала непосредственные нужды городского населения. Из среды мелочных торговцев, хлебников, мясников выходят наиболее крупные дмитровские посадские плательщики. Так, Фома Кляпишников, плативший 11 руб. оклада десятой деньги, был мелочным торговцем. К этой же категории относился Семен Макаров с 10 руб. платежа десятой деньги. Из 26 дмитровцев, платившх оклад десятой деньги свыше рубля, 15 занимались мелочным торгом, 5 — мясным, 3 — хлебным, 1 — солодовым и лишь только 2 показаны огородниками. На долю этих «большеплательщиков» приходилась значительная часть окладных платежей. По окладной книге № 1 19 дмитровцев платили 27 руб. 31 коп. из общей суммы оклада в 63 руб. 64 коп., а по книге № 2 на долю «рублевиков» приходилось 51 руб. 22 коп. из 70 рублей 4 коп.

Общие указания — «мясной торг», «мелочной торг», «хлебный торг» не раскрывают характера этих занятий. Лишь в редких случаях книги имеют уточнения. Так, о Семене Короваеве говорится, что он вместе с братом промышляет «отъезжим хлебным торгом», а Гаврило Векшин имеет «мясной и отъезжий хлебный торг в других городах». Отъезжий мелочной торг и солодовый промысел имел Иван Рудаков с братом. Однако эти указания единичны и носят случайный характер. Многие другие дмитровцы имели торги как в самом городе, так и в его окрестностях и других городах России. Так, бургомистр дмитровского магистрата Петр Толченов и его брат имели мелочный торг в Дмитрове, а сам Толченов «имел торги приезжие» в Петербурге[13]. В то же время основная масса посадских людей, как и в XVII в., работает на себя, живет местным рынком и обслуживает его.

---

[11] М. Н. Тихомиров, *Население Дмитрова...*, стр. 33.
[12] ЦГАДА, ф. 277, 1724 г., д. 15, *л.* 1 (курсив мой. — *А. М.*).
[13] ЦГАДА, ф. 277, 1725 г., д. 4, *л.* 2.

Как видно из приведенных материалов, посадское населенне Дмитрова в первой четверти XVIII в. предстает перед нами довольно четко. Твердое преобладаиие огородников и овощников, которымн были по сути дела почти все дмнтровцы, прндает городу характер центра сельскохозяйственной округн. Оно свндетельствует о том, что большая часть городского посадского населения сохраннла тесную связь с занятиями сельским хозяйством.

Экономическне реформы конца XVII — начала XVIII в. еще мало затронули Дмитров, хотя в связн со строительством новой столицы н петербургской дороги замечается некоторое оживление деятельности дмнтровских торговцев в этом направлении.

История города Дмитрова жнво интересовала Михаила Нколаевича Тихомирова. К ней он неоднократно возвращался в больших монографических нсследованиях по истории древнерусских городов, истории России в XVI в. Он предполагал написать специальную работу по исторнн Дмитрова XVIII в., счнтал, что вопросы быта, администрации и полнтической истории города требуют особого изучения.

Эту работу не только по Дмитрову, но и по многим другим городам Советского Союза должны выполнить советские историки.

М. Я. Волков

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА ИВАНОВА НАЧАЛА XVIII в.

История села Иванова давно привлекает внимание исследователей. Они установили, что преобладающую часть его населения еще в XVII в. составляли непашенные крестьяне и бобыли, которые занимались торговлей и промыслами. Но из-за отсутствия источников историки не могли дать сколько-нибудь полной характеристики этих занятий ивановских крестьян вплоть до 40-х годов XVIII в. В выявленных же ими источниках по истории села до этого времени особенно скудными были сведения по наиболее важному вопросу — истории промышленности[1].

Новые сведения о торгово-промышленных занятиях крестьян села удалось обнаружить в переписной книге 1710 г. по Суздальскому уезду[2]. Историкам хорошо известен этот тип источника. Но, обращаясь к переписным и отказным книгам XVII в., они не нашли в них, за исключением единичных упоминаний, сведений о занятиях ивановских крестьян. По этой, видимо, причине переписная книга 1710 г. не попала в поле их зрения.

Как и в переписях крестьян села XVII в., писцы и в этой книге ограничивались в большинстве случаев перечислением населения дворов. Но они стремились также объяснить, во-первых, причины отсутствия в момент переписи отдельных крестьян села и, во-вторых, наличие изб, которые многие крестьяне имели в своих дворах сверх основной жилой избы.

---

[1] См. Я. П. Гарелин, *Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад*, ч. I, Шуя, 1884; И. Власов, *Село Иваново до 1700 г.*, — «Иваново-Вознесенский губ. ежегодник», Иваново-Вознесенск, 1921; А. А. Степанов, *Крестьяне-фабриканты Грачевы. К характеристике крепостных капиталистов 1-й пол. XVIII — нач. XIX в.*, — «Зап. историко-бытового отд. Гос. Русского музея», вып. I, Л., 1928; П. М. Экземплярский, *История города Иванова*, ч. I, Иваново, 1958; К. Н. Щепетов, *Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в.*, — сб. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII — XVIII вв.)», М., 1958; К. Н. Щепетов, *Помещичье предпринимательство в XVII в. (По материалам хозяйства князей Черкасских)*, — сб. «Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни», М., 1961; А. М. Разгон, *Мелкотоварное производство во второй половине XVIII в. и генезис капиталистической мануфактуры (по материалам Ивановского промышленного района)*, — ИСССР, 1959, № 6.

[2] ЦГАДА, Ландратские книги и ревизские сказки, оп. 3, кн. 4334, лл. 562—605. Приношу свою глубокую благодарность старшим научным сотрудникам архива А. П. Гудзинской и Ф. А. Мниьковой за помощь в выявлении этого и других источников. Поскольку в данной статье использовано только это архивное дело, последующие ссылки на соответствующие листы приводятся в тексте.

В первом случае писцы со слов крестьян села записывали в перепись, когда, куда и с какой целью отлучились их односельчане. Ответ на последний из трех вопросов дается не во всех случаях. Так, о Василии Федорове Клубышеве сообщено лишь, что он с двумя взрослыми сыновьями ушел в Тобольск «тому пятый год», о Климе Захарове с племянником, — что они уехали на Яик в 1709 г. и т. д. (576, 577). В большинстве же записей имеется ответ на все три вопроса. Этот ответ имеет обычно такой же вид, как, например, сообщение об отлучке Ивана Селиверстова Ямановского. О нем и его сыне Иване, 17 лет, записано: «В прошлом 705 году он, Иван, и с сыном Иваном ушел в понизовые города и по сне время в дом свой не бывал, а поехал для торгового промыслу» (564 об.).

Во втором случае писцы также констатировали иногда лишь факт наличия другой избы: Василий Артемьев Красильников, 60 лет, «...у него ж построена подле ворот другая горница» (580—581). Но чаще всего оказывалось, что особая изба использовалась и как производственное помещение или имела только производственное назначение. Поэтому перечисление жителей дворов с особыми избами писцы дополнили записями следующего рода: «у них же для утеснения и семейства построена другая изба, мастеровая» (579—579 об.), «у него ж другая изба для строения и беления новинного, тем кормитца, и для приезду начальных людей» (565) и т. п.

Таково происхождение и характер сведений о занятиях ивановских крестьян в переписной книге 1710 г. по Суздальскому уезду.

В источнике прямые указания на род занятий крестьян села содержатся в статьях о населении 58 дворов из 298 жилых и 150 пустых дворов, учтенных по переписи[3]. По два таких указания содержат статьи о населении дворов вдовы Аксиньи Васильевой Грачевой и братьев Гречушниковых. У Грачевой во дворе было две избы и «избенка». В первой избе жила сама вдова с двумя сыновьями, дочерью и снохой, во второй — подсоседник Владимир Кирриллов Киряков с женой, племянниками и племянницами. «Избенка» же была построена у вдовы «после пожарного времени и для стройства полотен». Два сына Грачевой — Иван, 22 лет, и Илья, 16 лет, были в отлучке, «уехали в Нарву для торгового промыслу». У Андрея и Ивана Осиповых Гречушниковых во дворе была «для строения полотен другая изба», а в отлучке у них находились племянники Осип и Петр Михайловы. Первый из них «уехал в армею харчевничать», второй «ушел в Тобольск в прошлом 707 году» (587—587 об., 602 об.).

В переписи 1710 г. не показан род занятий всех тех крестьян села, которые имели во дворе лишь одну жилую избу и в момент переписи не отлучились из села. То есть источник не содержит сведений о занятиях большей части крестьян.

Однако сравнительно с известными в литературе источниками о торговле и промышленности села Иванова до 40-х годов XVIII в. перепись 1710 г. содержит наибольшее количество ценных сведений. Они значительно расширяют существующие представления об участии ивановских крестьян в торговле и позволяют дать первое документированное описание отраслей промышленного производства села для периода до 40-х годов XVIII в.

«Ивановские полотна» получили всероссийскую известность еще

---

[3] Источник дает указание на род занятий населения еще одного двора — земского дьячка М. И. Пономарева. У него во дворе была изба «для животинного корму» (л. 598 об.).

в 70-е годы XVII в.[4]. Но среди выявленных прежде данных не было ни одного прямого свидетельства, что они изготовлялись непосредственно ивановскими крестьянами. Перепись 1710 г. является первым источником, который содержит именно такого рода свидетельства. Ее изучение показывает, что полотняное производство было самой развитой отраслью промышленности села Иваново.

Из данных о занятиях населения 58 дворов села видно, что с производством и отделкой полотен была связана самая многочисленная группа ивановских крестьян. Источник показывает, что у этой группы крестьян были особые избы, в которых они занимались полотняным промыслом. «Строение полотен» (или «стройство полотен») производилось в 12 дворах, «тканье полотен» — в 4-х, «беленье и тканье полотен» — в 1-м, «катанье полотен» — в 1-м, «строенье и беленье новинного» — в 1-м и «новины делают» — в 1-м.

По данным переписи 1710 г., с производством полотен были связаны жители 20 дворов. Для крестьян 14 дворов этот промысел был единственным их занятием (565, 569—569 об., 574, 575, 576 об., 579, 579 об., 588 об., 594 об., 595, 596 об. — 597, 599, 603 об., 604). Среди них была семья Ивана и Семена Яковлевых Грачевых, у которых «позад двора» была «построена другая изба для тканья полотен» (588 об.).

Для крестьян 6 дворов производство полотен было только одним из видов их промысловых занятий. Выше уже приведены сведения, что семья вдовы А. В. Грачевой[5] занималась еще и торговлей, а семья братьев Гречушниковых — харчевничеством. Федор Минеев Кокурин «полотенное стройство» сочетал, видимо, с торговлей. Его сын Григорий в момент переписи был в отлучке, «ушел в Тобольск тому третий год». Федор Федоров Матаинский сочетал «строение полотен» с откормом скота. Иван Иванов Попов — «с пряничным мастерством и печеньем» (у него были промысловые изба и избушка). Об Иване Михайлове Коровине сообщено: «У него же построена другая изба, потому что кормятца калашным и хлебным промыслом и новины делают» (584—584 об., 596—597, 598 об.).

По данным нашего источника, с окраской тканей было связано всего четыре семьи ивановских крестьян. Собственную красильную избу имел Иван Павлов Бутримов, 60 лет, который вел хозяйство вместе с сыном Яковым, 27 лет. Второй его сын, Григорий Иванов Бутримов, 30 лет, вел самостоятельное хозяйство. У Г. И. Бутримова за жилой избой «назадн» была «поставлена другая избенко, потому что кормитца крашенинным промыслом» (570—571). Тем же промыслом в селе кормились и братья Иван и Федор Ивановы Полушкины (571 об.). Об Иване Иванове Дарьинском в источнике записано: «У него ж другая изба, колотильная, кормится крашенинным промыслом» (593). Это первое свидетельство письменных источников о наличии набойки по полотну в селе Иванове начала XVIII в.

Другими отраслями ремесленного производства села в начале XVIII в. были кузнечное, оружейное, гончарное, сапожное, портняжное и проч.

---

[4] 26 июля 1676 г. могилевский житель Еким Аврамов явил в Смоленске партию товаров, в том числе «4 трупки полотна ивановского, мерою 80 аршин», и, уплатив проезжую пошлину, повез товары за рубеж. В 1679 г. в партии товаров смоленского мещанина Семена Кармазина оказались полотно суздальское и «7 концов полотна ивановского, мерою 140 аршин» (ЦГАДА, Смоленский приказ, кн. 12, ч. 2, лл. 285 об. — 286, 718 об. — 719).

[5] А. В. Грачева была вдовой Якова Грачева и, видимо, матерью самостоятельно хозяйничавших Ивана и Семена Яковлевых Грачевых.

Кузнечное производство отмечено в трех дворах. Жители двух из них соединяли его с другими видами производства: семья вдовы А. Ф. Кукушкиной — с оружейным, семья Даниды Емельянова Напалкова — с горшечным и кувшинным мастерством (566 об. — 567, 568 об., 569, 574 об., 575). Помимо Кукушкиной (у нее в кузнечной и оружейной мастерской работал, видимо, пасынок Илья Васильев, 27 лет) «мастеровую избу ружейную» имел Василий Васильев Брагин, а у братьев Степана и Афанасия Ивановых Кашинцев была построена во дворе «другая изба для семейства, потому это кормятца от ремесла пищальных ложей» (566 об. — 567, 570 об., 575—575 об.).

После крестьян, связаных с производством полотна, самой многочисленной, по данным нашего источника, оказалась группа горшечников и кувшинников. Помимо семьи Д. Е. Напалкова с этим промыслом были связаны еще четыре семьи. Для «горшечного мастерства избенки» имели семьи Саввы Савельева Симоногова и Федора Петрова Карпова. У Федора Семенова Ананьина была уже не «избенка», а изба, так как он и его два взрослых сына «кормятца кувшинным мастерством». Многочисленная семья Михаила Данилова Чермного, как и семья Напалкова, также кормилась горшечным и кувшинным мастерством, но сочетала его с калачным и хлебным промыслом (568 об. — 569, 571 об. — 572, 574 об., 577).

Сапожное мастерство отмечено в двух дворах. Им занимались Семен Дмитриев Толстухин с сыновьями и племянником и Петр Гаврилов Бубен с братом и племянником. Кроме того, сапожники из двух дворов в момент переписи были в отлучке. В Казань «для прокормления сапожного мастерства» уехали в 1709 г. Антон Дорофеев Шелыгин с двумя взрослыми сыновьями и в 1710 г. — оба сына вдовы А. Т. Негунаевой (568 об., 584, 591 об. 597 об.). Избы «для портного мастерства» имелись во дворах трех крестьян села — Федора Тихонова Тютина, Ивана Степанова Пустунова и Тихона Родионова Ухова (590—590 об., 593, 598). Крестьянин Иван Тимофеев Патрин с сыном Иваном отправился в 1709 г. «для прокормления шерстобитного и епанечного мастерства» в далекий Тобольск (602).

Видимо, издавна в селе Иванове был развит дегтярный промысел. Ивановские крестьяне Петр Куприянов «с товарыщи» еще в 1675 г. продали в Вязьме 20 лагунов дегтя за 20 руб. Б. Б. Кафенгауз отметил поступление этой продукции на рынок Новгорода. В 1714 г. ивановские крестьяне М. Федоров и С. Иванов «с товарыщи» продали здесь 17 бочек и 6 полубочек дегтя за 188 руб. Их партии дегтя значатся «своей работы»[6]. По данным переписи 1710 г., дегтярники имелись в четырех дворах, но все они отсутствовали в момент переписи: Федор и Иван Улыбины, И. Т. Переломов и И. Ф. Глазков ушли «для дехтяриого промыслу» в Псков, а Федор Борисов — в Новгород (592, 594 об., 595, 602).

В селе была группа крестьян, занимавшихся приготовлением и продажей съестных припасов. Четверо из них являлись одновременно владельцами постоялых изб-харчевен (Никифор и Петр Глазковы, А. К. Коргун, П. Я. Аляев и А. Г. Грачев), трое, как указывалось выше, сочетали приготовление съестных припасов с производством полотен и гончарных изделий. Петр Иванов Зубков кормился «прянишным и медовым и свешным промыслом». Кроме того, двое харчевников из

---

[6] ЦГАДА, Боярские и городовые книги, г. Вязьма, кн. 36, лл. 167—167 об.; Б. Б. Кафенгауз, *Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.*, М., 1958, стр. 53.

крестьян села уехали промышлять в армию и один — в Тобольск (569, 584—584 об., 597—597 об., 598—598 об., 602 об., 603 об.).

Владельцы двух дворов имели особые помещения для «животиниого корму» («скотиниого кормления»), т. е., видимо, откармливали скот для продажи мяса в торговых рядах (571, 588).

Из накопленных в литературе сведений известно, что с середины XVII в. ивановские крестьяне стали появляться со своими товарами на близлежащих ярмарках и торгах в Москве, Шуе, Устюге Великом, Тотьме и в других пунктах. Б. Б. Кафенгауз отметил крупную по размерам торговлю крестьян села Грачевых в Новгороде в 1714 г.[7]. Из данных переписи 1710 г. видно, что территориальный размах торговли крестьян села был еще шире. Сыновья А. В. Грачевой уехали «для торгового промыслу» в Нарву, И. С. Ямановский с сыном и Григорий Минеев Кокурин — в «понизовые городы», племянник И. С. Серунина Иван Никифоров — в «малороссийские городы», Федор Иванов Клопов и Алексей Федоров Шелудяков — в Тобольск (564 об., 566—566 об., 584—587 об., 603—603 об.). Видимо, с той же целью уехали на Яик Клим Захаров с племянником (574).

Для истории крестьян села известную ценность представляют и другие сведения переписи 1710 г. Среди них есть указания на то, что у И. Ф. Грачева, Я. И. Гарелина (меньшего), П. И. Гарелина и других крестьян уже в это время были купленные дворовые люди и зависимые работники (581—581 об., 582 об., 583, 589). Интересны факты ухода крестьян села для своих промысловых занятий, т. е. отходничества: сапожников, дегтярников, шерстобитов и епанечников.

В литературе уже поставлен вопрос о происхождении капиталов первых ивановских крестьян-мануфактуристов[8]. Перепись 1710 г. позволяет существенно уточнить его решение. Она содержит новые ценные данные о Г. И. Бутримове и его отце. Включен в перепись и другой мануфактурист 40-х годов XVIII в. — Иван Ивановнч Грачев, которому в 1710 г. было всего три-четыре года (он родился в 1706 г.). На основании данных переписи 1710 г. можно определить, что это был сын или Ивана Яковлева Грачева, владельца избы «для тканья полотен», или (что скорее всего) Ивана Федорова Грачева. У обоих был сын Иван, у И. Я. Грачева — четырех лет, а у И. Ф. Грачева — трех лет (588 об. — 589).

С торговлей были связаны почти все Грачевы, в том числе и И. Я. Грачев. Но одним из самых крупных крестьян-торговцев села был И. Ф. Грачев. Торговцем был еще его дед Андрей Федоров Грачев. В 1676 г. он вместе с Никитой Красильниковым, Иваном Логиновым и Федором Мелентьевым подал челобитную о грабеже. В ней крестьяне села жаловались, что в пути «на ярмарку на Хотим», куда они ехали торговать, их ограбили и «грабежом... взяли денег 50 рублев, да всякова товару на 60 на 7 рублев на 16 алтын на 4 деньги»[9]. Его внук в 1710 г. вел хозяйство со своим братом Федором Федоровым Грачевым. В 1714 г. И. Ф. Грачев дважды появлялся в Новгороде. В январе он продал здесь 76 концов холста, купленного им в Гавриловской слободе Суздальского уезда. В сентябре он продал в

[7] И. Власов, *Село Иваново...*, стр. 267—273; К. Н. Щепетов, *Помещичье предпринимательство...*, стр. 27; Б. Б. Кафенгауз, *Очерки внутреннего рынка России*, стр. 52—53; «Таможенные книги Моск. гос-ва XVII в.»; т. III, М.—Л., 1951, стр. 603.

[8] А. А. Степанов, *Крестьяне-фабриканты Грачевы...*, стр. 214—215; А. М. Разгон, *Мелкотоварное производство...*, стр. 64—65.

[9] «Наказ государя царя Михаила Федоровича, данный на управление г. Кокшайском с уездом». Изд. музея Д. Г. Бурылина. Иваново-Вознесенск, стр. 16 (в этой книжечке опубликована челобитная крестьян г. Иванова 1676 г. — *М. В.*).

Новгороде товаров на 431 руб. 40 коп. Среди них были 7 тыс. аршин крашенины, купленной в селе Великом Ростовского уезда и на ярмарках в Луховском уезде, и 45 холстов, купленных в Нерехте. Кроме того, он продал товары своего брата Федора, Матвея Грачева и крестьянина села Гориц — Максимова. В октябре 1714 г. И. Ф. Грачев передал Матвею Грачеву для продажи в Новгород 35 холстов [10].

И. Ф. Грачев в 1710 г. не был связан с производством, он был крупным скупщиком изделий крестьянской промышленности в различных уездах Нечерноземного центра России, он — купец, а не мелкий товаропроизводитель. Вероятнее всего, его наследником был Иван Иванович Грачев, который в 1748 г. основал вторую полотняную мануфактуру в Иванове [11].

Таковы сведения о промышленности и торговле села Иванова в переписной книге 1710 г. по Суздальскому уезду, которая является наиболее ценным из известных нам источников по истории промышленности и торговли села начала XVIII в. Ее изучение вносит новое в существующие представления об этом важном торгово-промышленном центре России.

---

[10] Б. Б. Кафенгауз, *Очерки внутреннего рынка России*, стр. 52.
[11] А. А. Степанов, *Крестьяне-фабриканты Грачевы...*, стр. 214—215.

М. Т. Белявский

НАКАЗЫ КРЕСТЬЯН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ 1767—1768 гг.

В период позднего феодализма в России крестьянство как класс-сословие продолжало сохранять сложную структуру. С одной стороны, оно все больше сливалось в единую крепостную массу, противостоявшую классу дворян-помещиков и крепостническому государству и испытывавшую все более нараставший крепостной гнет и закрепление своего сословного бесправия. С другой — класс крестьян был разделен на ряд групп и категорий, каждая из которых обладала только им присущими правами и несла только им присущие службы и повинности, выплачивала феодальную ренту в особых формах и условиях. Эти особенности правового положения различных категорий и групп крестьян серьезно отражались на их экономическом положении, их нуждах, просьбах, требованиях, на формах, размахе и особенностях их антикрепостнических выступлений.

Основное деление крестьян на помещичьих, дворцовых и государственных отнюдь не исчерпывало всего многообразия сословных групп и категорий крестьянства. Низводимые на положение государственных крестьян, но сохранявшие остатки былых прав и привилегий «старых служеб служилых людей», однодворцы цеплялись за эти остатки и существенно отличались как по своему положению, так и по своим просьбам и требованиям от остальных государственных крестьян. Еще резче, но совсем в ином плане отличалась от массы государственных крестьян та их часть, которая была приписана к заводам. Они испытывали на себе особо тяжелый гнет крепостной эксплуатации, распространенной на новую сферу общественного производства и новые виды производительных сил. Монастырские крестьяне, которые по своему экономическому и правовому положению по существу не отличались от помещичьих, после осуществления секуляризации церковного землевладения оказались ближе всего к дворцовым. Наконец, черносошные и ясачные крестьяне по своему правовому положению, особенностям землевладения, по своим повинностям, нуждам, просьбам и требованиям отличались от всех перечисленных выше категорий крестьян.

Однако и деление крестьян на помещичьих, дворцовых, экономических, приписных, черносошных, ясачных и однодворцев еще не исчерпывает всей специфики их положения. В положении, повинностях, податях, службах, правах, просьбах одной и той же сословной категории крестьян, живших в разных районах страны, имелись весьма существенные отличия. В одном из своих последних выступлений

М. Н. Тихомиров подчеркивал необходимость изучения «различного положения крестьян в разных областях России» и отмечал, что «интересы частновладельческих, помещичьих крестьян и интересы черносошных крестьян, в особенности черносошных крестьян, живших в Сибири, были неодинаковы». Эту мысль он высказал в связи с рассмотрением крестьянских наказов в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. По словам М. Н. Тихомирова, они «ярко рисуют перед нами, как еще дифференцировано было положение различных областей и различных кругов населения даже в России XVIII века» [1].

Как известно, большая часть крестьянских наказов в Уложенную комиссию в отличие от наказов правительственных учреждений, дворян и городов осталась неопубликованной. К их числу относятся и наказы сибирских крестьян. Первым их использовал В. И. Семевский во время работы над вторым томом своей монографии о крестьянах. Однако он ограничился приведением из наказов отдельных примеров и иллюстраций относительно тяжелого положения сибирских черносошных и особенно приписных крестьян. Главную причину такого положения В. И. Семевский видел в отсутствии у них общинного землевладения и переделов земли, в «свободе перепродажи земельных участков» крестьянами. Он старательно выискивал в наказах «распространение в народе мысли» о необходимости периодических переделов земли по душам и установлении такого положения, при котором крестьяне «казенных земель собственными своими не называли» [2].

После В. И. Семевского более полувека никто наказами сибирских крестьян не занимался. Лишь в 1961 г. появилась посвященная им небольшая статья В. И. Макарова. Как нам представляется, автор совершенно правильно показывает, что политика самодержавия в Сибири диктовалась интересами помещиков и поэтому она задерживала как заселение Сибири, так и освоение ее природных богатств. Автор утверждает, что тем самым эта политика «тормозила... социальное и хозяйственное развитие всей страны». В противовес тем, кто видел в сибирских крестьянах свободных людей и выводил их «за скобки» крепостного хозяйства и крепостных порядков, В. И. Макаров подчеркивает, что «положение казенных крестьян Сибири, имевших своим помещиком дворянское государство, было довольно тяжелым и мало чем отличалось от положения помещичьих крестьян» [3]. К сожалению, незначительные размеры статьи, в которой непосредственно наказам посвящено менее семи страниц, не позволили автору дать их анализ, сгруппировать их по содержанию, видам, характеру просьб и территории.

Материалы наказов сибирских крестьян были привлечены и мною в одной из глав книги о крестьянском вопросе 60-х годов XVIII в. [4].

В 1960—1963 гг. со статьями, посвященными крестьянским наказам Зауралья и Западной Сибири, выступили Н. В. Горбань [5] и А. А. Кондрашенков [6].

---

[1] Стенограммы заседаний Ученого совета Истфака МГУ за 1963 г.

[2] См. В. И. Семевский, *Крестьяне в царствование имп. Екатерины II*, т. II, СПб., 1901, стр. 669, 671, 697 и др.

[3] В. И. Макаров, *Крестьяне Сибири по наказам в Комиссию 1767 г.*, — «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 222, Л., 1961, стр. 159—170.

[4] М. Т. Белявский, *Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева*, М., 1965, стр. 123—128, 139.

[5] Н. В. Горбань, *Западносибирское крестьянство по наказам в Комиссию 1767 г.*,— «Изв. Омского отд. геогр. об-ва СССР», вып. 3(19), Омск, 1960, стр. 31—36.

[6] А. А. Кондращенков, *Крестьяне Зауралья по наказам в Комиссию 1767 г.*,— «Уч. зап. Курганского гос. пед. ин-та», вып. V, Курган, 1963, стр. 85—106.

Если наказы крестьян Западиой Сибири стали иакоиец объектом исследоваиия историков, то наказы крестьян Восточной Сибири в литературе ие рассматривались. Анализу крестьянских наказов Еиисейской провинции Сибирской губернии и Иркутской губернии и посвящеиа настоящая статья. Прежде чем рассмотреть содержание наказов, следует отметить, что в Иркутской губернии наказами были представлены лишь крестьяне Илимского и некоторых слобод Иркутского уездов. В Нерчинском, Селенгинском и других уездах немногочисленное крестьяиское иаселение не получило право представления наказов. В то же время часть экономических крестьян Восточиой Сибири представила свои иаказы, хотя екатерининский манифест 14 декабря 1766 г. лишил их этого права под тем предлогом, что их интересы в Комиссии будет представлять и защищать депутат Коллегии экономии. По сословиому принципу наказы восточносибирских крестьян распределяются следующим образом:

Губерния	Всего наказов	В том числе		
		черносошных	вписных	экономических
Сибирская Енисейская пров.	29	22	3	4
Иркутская . .	18	17	—	1
Всего . . .	47	39	3	5

Манифест 14 декабря 1766 г., определивший порядок избраиия депутатов и составления наказов крестьянами, в зиачительиой степени обусловил и их характер. Он установил, что крестьяие «препоручают поверенным и депутатам всенижайшие свои представления и челобитья, тако ж усмотренные ими общие недостатки и иужды», с тем чтобы те могли их представить, «где иадлежит». Одновременио с этим в наказы было запрещено помещать «частные» нужды и жалобы, а зто привело к тому, что далеко не во всех наказах крестьяие могли говорить о фактах администрativиого и судебного произвола, взятках властей, о наказаниях, которым они подвергалнсь, и т. д. [7].

Манифест установил трехстепениый порядок выборов и составления наказов: погост (село, слобода, волость, острог и т. д.), уезд, провинция. Но в действительности в Восточной Сибири не только провииииальные, ио и уездные наказы практически не составлялись, и депутаты енисейских крестьян — П. О. Бяков и иркутских — О. Уваровский — привезли в Москву на заседаиия Уложенной комиссии не два провииииальных наказа, как было предусмотреио маиифестом, а 47 наказов городов, острогов, крепостей, слобод, присудов, стаиов, сел, деревеиь, станцов и погостов [8].

Это обстоятельство сильно отразилось на содержании наказов. В них содержится большой, интересный и убедительный материал о формах и размерах повииностей и служб, об «отягощениях и изиеможениях» крестьян того или иного села, острога, присуда, об их просьбах и жалобах, приводятся факты о произволе местной адми-

[7] ПСЗ, собр. I, т. XVIII, СПб., 1830, № 12, 801.

[8] Кроме того, эти депутаты привезли 6 наказов разночинцев и ямщиков (ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, наказы № 1, 27, 28, 44, 45; д. 103, наказ № 14).

нистрации. В то же время наказы носят локальный характер. В них почти не поднимается общих вопросов, перечисляются нужды и жалобы лишь данной категории крестьян и лишь данного селения. Этот недостаток наказов и других документов, вышедших из рук крестьян, отражал особенности их положения, идеологии и их выступлений в то время. Поскольку они были обращены к правительству, то для них характерны постоянные ссылки на действующее законодательство, и целый ряд своих нужд и отягощений крестьяне рассматривают как нарушение царских указов и манифестов местными властями. Устранение этих тягот они связывают с ожиданием новых справедливых законов, что свидетельствует о проявлении в данном случае царистской идеологии крестьян.

Первый комплекс наказов составляют наказы крестьян Енисейской провинции Сибирской (Тобольской)[9] губернии. При значительной общности их содержания и даже совпадении отдельных жалоб и просьб наказы восточносибирских крестьян носят оригинальный характер. Этим они отличаются от наказов своих архангельских и новороссийских собратьев, у которых мы часто встречаемся с дословными совпадениями текстов всего наказа [10]. Совпадение отдельных пунктов, встречающееся в сибирских наказах, объясняется не заимствованием, а общностью положения, нужд и просьб, а также наличием устоявшихся формулировок крестьянских челобитных.

Территориальное размещение селений енисейских крестьян, представленных наказами, дает схема. Двадцать наказов черносошных крестьян очень близки по содержанию [11].

В ряде наказов содержатся жалобы на порядок взимания и возросшие размеры подушной подати. В наказах № 7, 15, 19, 24, 25 крестьяне жаловались, что им приходится платить «раскладкою» подати за умерших, убогих и неимущих. Но еще больше жалоб на то, что до 1761 г. крестьяне взамен части этой подати поставляли до $9^1/_2$ четвериков «десятинного оброчного провианта» с души (№ 2, 8, 11, 13, 23, 24), а анциферовские крестьяне поставляют его и поныне (№ 5). При этом из-за недостаточности или отсутствия пашни крестьяне этот хлеб «платили не от своего хлебопашества токмо», но и «от покупки» (№ 6, 8).

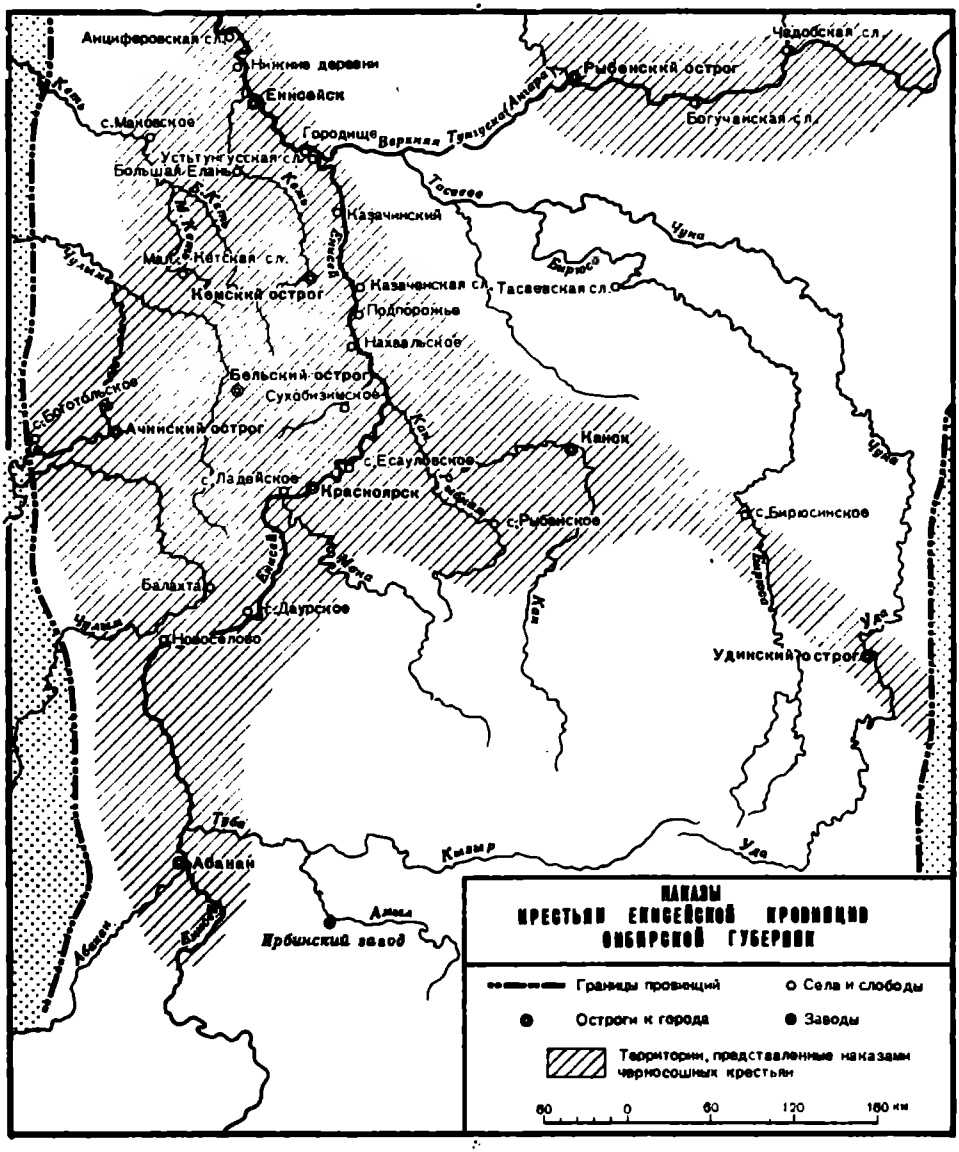
Тяжесть «десятинного провианта» усугублялась злоупотреблениями администрации. В наказе Б. Елани говорилось, что в 1728 г. воевода А. Карамзин наложил дополнительно на них по 6 четвертей с души и для взыскания направил в Б. Елань «особливых служивых», которые крестьян «били смертно», отбирали у них скот и другое имущество, отдавали их детей в работу. Они довели еланских крестьян до такого «крайнего убожества и разорения», что крестьяне вспоминали Карамзина даже 40 лет спустя. Тасеевские, рыбинские и кемские крестьяне жаловались, что с них, несмотря на наличие квитанций об

---

[9] Там же, д. 101, лл. 14—93.

[10] См. Сб. РИО, т. CXXIII, СПб., 1907, стр. 13, 14, 16, 28, 51, 58, 60, 68, 76, 79, 153, 208 и др.; ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109, ч. XII, лл. 146—202.

[11] ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101. Наказы: № 2 — Казачинский присуд (далее — пр.), лл. 14—15; № 3 — Кетский острог (о-г), лл. 16—17; № 4 — Тасеевский о-г, лл. 18—20; № 5 — Анциферовский пр., лл. 21—24; № 6 — Малокетский пр., л. 25; № 7 — Подпороженский пр., лл. 26—27; № 8 — Городищенский погост (пог.), лл. 28—29; № 9 — Верхопашенный пр., лл. 30—31; № 10 — Новоселовский пр., лл. 32—33; № 11 — Нижнепашенный пр., лл. 34—35; № 12 — Бельский о-г, л. 36; № 13 — Пр. Большой Елани, лл. 37—41; № 14 — Рыбенский о-г, лл. 41—42; № 15 — Красноярские станции, лл. 43—48; № 19 — Канский о-г, лл. 68—70; № 21 — Богучанский стан, лл. 77—79; № 23 — Усть-Тунгусский пр., лл. 84—86; № 24 — Казачинский пр., лл. 87—88; № 25 — с. Маковское, лл. 89—91; № 26 — Кемский пр., лл. 92—93.



уплате, повторно взыскивали хлеб за четыре года (1747—1750). С крестьян Подпороженского присуда было взыскано дополнительно 970 четвертей хлеба. С крестьян Казачинского присуда потребовали поставки 16 четвертей крупы, которой у них не было. Они вынуждены были ее купить по 30 коп. пуд, за свой счет отвезти за 230 верст, а там им заплатили всего по 20 коп. за пуд. Кемские крестьяне писали, что воевода М. Ладыгин растратил казенный хлеб и разложил на крестьян «утраченный казенный провиант». Для погашения растраты Ладыгин взыскивал с крестьян с. Маковского по 170 четвертей ржи и по 80 четвертей овса в год и заставлял их за свой счет доставлять этот хлеб за 300 верст. В наказе говорилось, что крестьяне просили у Ладыгина отсрочки в поставке этого хлеба и даже «клаялись ему рублей по 40», но «милости от него не получили».

В 1761 г. взимание десятинного провианта было отменено, но одновременно подушная подать увеличена на 60 коп. Это обстоятельство было использовано местными властями для дополнительной поживы. В наказах № 2, 4, 5, 7, 26 говорилось, что в этом году с крестьян сначала взыскали хлеб, а затем и по 60 коп. подати.

Указ об увеличении подати «отменил и казенные работы бес плакату робить»», как это напоминал наказ № 3. Однако отмена работ была только обещана, а крестьяне продолжали нести ряд повинностей, которые они с достаточным основанием считали более обременительными, чем подушная подать. Поэтому против прибавочной шестигривенной подати протестовали лишь два наказа (№ 5, 23), а на тяжесть повинностей жаловались все 20 крестьянских наказов.

Первое место среди особо тяжелых и разорительных повинностей енисейских крестьян занимала обязанность строить казенные барки, плашкоуты и дощаники. Большинство енисейских крестьян строило их при Ускемчуской пристани и затрачивало на это от одного до нескольких месяцев (№ 2—4, 6, 7, 9—12, 21, 23, 25, 26). Формально работа осуществлялась крестьянами за плату, размеры которой определялись «плакатом». Но эта плата не соответствовала затраченному труду и была гораздо ниже платы наемным работникам, к тому же крестьяне, как это отмечалось в наказах, не получали «полного числа казеиного плаката» (№ 2, 3). Крестьяне Нижнепашенного присуда жаловались, что «находящиеся при этих работах» енисейские дворяне, дети боярские и прочие служилые люди выдают им по 2—3 коп. на день, а «прочее оставляют за собой». А много и таких, добавлял наказ № 25, что «вместо плакату дают лозанами по спинам и тростями». Особую ненависть вызывали действия дворянина Якова Глаголева, на которого крестьяне жаловались в ряде наказов (№ 3, 4, 7, 21). О нем говорилось, что он «кому сколько выдаст денег, тому палкою в спину даст вдвое разов, а протчих за ноги весил за грятки». О «немалом телесном наказании в напрасных от них (дворян. — *М. Б.*) напатках» говорилось и в наказах № 2, 9, 11. Не удивительно, что платы, получаемой крестьянами, «и на еду хлеба не доставало» (№ 26).

Постройкой судов эта повинность енисейских крестьян не оканчивалась. Они должны были ежегодно выделять от нескольких десятков до 150 человек для доставки на этих судах казеиного провианта, свинца и других грузов от Ускемчуской пристани до Бийской крепости, Барнаула или Колывано-Воскресенских заводов. Этот путь составлял от 1200 до 2 тыс. верст в один конец. Выделенные для выполнения этой повинности крестьяне уходили «в начале лета», а то и в марте, и возвращались обратно в ноябре — декабре (№ 2—5, 7, 9—12, 23—26, 29). Крестьяне Бугучанского стана затрачивали на это целый год. Авторы ряда наказов (№ 2, 5, 9 и др.) жаловались, что им оплачивается путь только в одну сторону, что дворяне-комиссары «в народ казеиного плакату выдавали малую часть». В других наказах отмечалось, что, хотя «плакат» и выдается, «точию от оного препровождения, в рассуждения такой долгой отлучки претерпеваем великие недостатки пашне и разорение» (№ 3). О «великой недопашке», «немалых недостатках», о том, что ушедшим приходилось нанимать за себя пахарей, о «всекрайнейшем голоде» и «немалых долгах» как результате выполнения этих повинностей, говорилось и в других наказах (№ 2, 5, 29 и др.). Большинство наказов ограничивалось жалобой на тяжесть этой повинности, но в некоторых (№ 10, 15) выдвигалась просьба освободить крестьян от нее, выполнять ее «на охотных подрядах... и в неволю из нас не наряжать».

Для крестьян некоторых присудов тяжесть указанной повинности усугублялась тем, что они предварительно доставляли на своих подводах казенный хлеб на Ускемчускую пристань и там грузили его на суда (№ 2, 9, 23). Анциферовские, верхопашеинные и нижнепашеинные крестьяне жаловались, что им пришлось в 1763 г. на своих подводах везти хлеб от Ускемчуской пристани до самого Бийска! Не мудрено, что это обошлось им по 3 руб. с души, т. е. почти вдвое больше подушиой подати. Крестьяне же Нижнепашенного присуда жаловались, что каждая подвода стала им в 16 руб.

Крестьяие селений, лежавших на пути следования казенных судов, жаловались, что они сверх перечислеиного выше обязаны обеспечивать лодками, дощаниками, лошадьми и подводами «казаков с пакетами и разными рапортами» (№ 5), строить суда для военных команд и перевозить их на зиачительные расстояиия.

Наряду с этой повнинностью упоминалась и другая — содержание дорог и выполнение ямской почтовой и подводной гоньбы. Наказы № 7, 9, 12—15, 18, 23, 24 сообщали, что значительную часть гоньбы крестьяне несут «своим коштом» и «без всякого платежа», что офицеры и чиновники не платят за проезд и перевоз своих грузов и крестьянам «чинят немалую обиду», что из-за перегрузки подвод крестьяне вынуждены запрягать гораздо больше лошадей, чем указано в подорожиых, а платы за это не получают. Подпорожеиские крестьяне добавляли, что они вынуждены за свой счет содержать ямской станец с восемью лошадьми; крестьяне красноярских станций уточняли, что они содержат зимовья с «50 человеками», содержат на нескольких станциях 90 почтовых и 50 ямскнх лошадей, да еще гоняют междворные подводы.

Большинство наказов ограничивалось жалобой на тяжесть этих повиииостей, но в иекоторых из наказов (№ 15, 18) выдвигалась просьба освободить крестьяи от этих повинностей и возложить их на ямщиков или наемиых «вольиых людей». В том случае, если это невозможио, наказ № 18 предлагал с крестьян «подушный оклад снять». Ставя вопрос о передаче всех видов гоньбы ямщикам, наказы выражали одновременно с этим недовольство тем, что местные власти переводят в ямщики «на поселение по немалому числу человек» из крестьян, а подати за взятых заставляют платить оставшихся в своих деревнях крестьяи (№ 2—5, 7, 9, 14).

Авторы 17 наказов жаловались, что их бесплатно посылают на работы по «чищению дорог» и «мощению мостов» и притом в «самую пахотную пору» заставляют содержать за свой счет перевозы, выделять «вожей» (проводиников) через пороги, людей на волоки для перетаскивания казенных судов и т. д. Крестьяие красноярских станций жаловались, что на них лежит содержаиие 700 верст дорог и мостов, на которых ежегодно работает по 100 человек. Крестьяне с. Маковского сообщали, что работа по содержанию дорог обходится им в год по 100 руб. Наказы № 15 и 19 ставили вопрос об освобождении крестьян от бесплатной работы по содержанию дорог и мостов.

Более частный характер носили жалобы крестьян на то, что их заставляют бесплатно строить хлебные магазины (№ 10), работать за малую плату на судах подрядчиков, поставляющих в казну хлеб на Ускемчускую крепость (№ 11, 13), строить по 20 лодок со всей оснасткой (№ 25), нести караулы в Енисейске (№ 12). В ряде наказов крестьяне жаловались на то, что им приходится платить оброки с мельниц, кожевен, бань, амбаров, звериных ям, что эти оброки положены «не в силу и великую нам тягость», к тому же часто с «пустых мест»

(№ 2, 5, 7—9, 12, 21, 23, 25). Крестьяне Тасеевского острога писали, что воевода, под предлогом сохранения леса, запретил им драть бересту и гнать деготь, и теперь оводы заедают скот и людей. В ряде наказов крестьяне жаловались, что им от управителей-дворян «чинится великое нападение» (№ 14), «великая налога и обида» (№ 3, 7), что они «чинят обиды и ездят на наших лошадях для своих пожитков и лошадей приводят во изнурение» (№ 7), требуют для себя деищиков из крестьян (№ 14). Наказы дружно заявляли, что они управителей иметь «не желают», тем более что их должность «исправлять могут выборные старосты или соцкие и десяцкие». Еще большим произволом отличались действия воинских команд и их начальников, присланных для набора рекрутов и взыскания недоимок. Так, в с. Маковском они, по словам наказа, «скота били — сколько можно было находить; всего выбили, а платы никакой не давали. А более жен и дочерей наших насильничали и дома наши все пустошили».

С особым страхом и ненавистью говорили крестьянские наказы о работе на заводах. Хотя енисейские крестьяне привлекались к этим работам лишь эпизодически, да и много лет тому назад, но они не могли забыть о причиненных им «тяготах и изнеможениях». Авторы наказов № 2, 5, 8—15, 23, 26 жаловались, что в прошлом они «каждогодно работали на Ирбинском и Лажском заводах», находившихся от места их жительства в 400—1 тыс. верстах, на железных и медных рудниках от двух до восьми месяцев, «а плакату от приставленных к тому получали для пищи самое мало число». Крестьяне Анциферовского присуда писали, например, что их посылали четыре года подряд для работы на рудниках, человек по сто «с коньми и телегами и со всем своим припасом». На работах «полного плакату было не давано», и «коней кормить было нечем, тако ж и сами питались с великою нуждою и с себя продавали одежду и с голоду пропадало лошадей по сту и по два, а сами пешие за дальностью верст проходили». Многие крестьяне на обратном пути были вынуждены питаться милостыней, пришли «в крайнюю нужду и разорение и от пашни своей отстали». Жалобы енисейских крестьян на тяготы от заводских работ нашли логическое завершение в наказе новоселовских крестьян. Они писали: «А небезизвестно нам, что и в других местах вновь заводы размножаются. И ежели нам при таковых заводах быть, то, конечно, можем притти во всеконечное убожество... Того ради всенижайше просим, дабы нам в таковых ни в каких заводах не быть, а остаться и желаем состоять единственно в крестьянстве». Стремясь на практике сохранить перегородки внутри государственного крестьянства и тем самым отделить себя от приписных, крестьяне красноярских станций, повторяя просьбу «милостиво освободить» их от всяких заводских работ, добавляли: «кроме действительно ко оным приписанных». Подобные сословные перегородки давали себя знать и в жалобах наказов № 5, 15, 21 на действия «ясашных иноверцев» в отношении охоты, рыболовства, пастбищ и сенокосов.

Рядом с разобранными жалобами и просьбами енисейских крестьян далеко на задний план отходили их жалобы на суровость природных условий, на которых было сосредоточено главное внимание дореволюционных исследователей, писавших о наказах архангельских крестьян. Жалуясь на рост податей и тяжесть повинностей, крестьяне в наказах № 2, 5, 8—11, 13, 21, 23, 24 говорили о неплодородии и выпаханности земель, морозах, губящих посевы, о том, что «посеянной хлеб черви и кобылка выедает», о частых неурожаях, падежах скота. В наказах крестьян, правда редко, встречаются и жалобы на захват их

земель монастырями (№ 21), «енисейскими служилыми людьми и обывателями» (10, 11, 15, 24) и содержатся просьбы разрешить переселяться на «лучшие и способные места» (№ 10), определить «рыбные и птичьи и звериные промыслы с протчими для нас угодья» (№ 10), выселить с крестьянских земель поселившихся на них служилых и посадских людей (№ 10, 15, 24).

Наказ Красноярского уезда (№ 18) по содержанию и характеру резко отличается от остальных. Он представляет собой наказ той части крестьян этого уезда, которые были сосланы в Сибирь помещиками. В нем нарисована страшная картина условий, в которых находились крестьяне в период следования в ссылку и после поселения их в Красноярском уезде. Крестьяне писали, что помещики вопреки указам 1760 и 1765 гг. сослали в Сибирь «немалое число престарелых и неспособных к работам за разными болезнями, которые ныне не токмо положенного на нас подушного окладу платить не могут, но и сами пропитания не имеют». Они снабдили ссылаемых лишь «платьем весьма самым ветхим» и «безрассудно удержали... все наши домашние пожитки». Путь в Сибирь продолжался «не менее полутора годов» и не прерывался ни во время «неблагополучной погоды», ни во время дождей и шел «чрез скрывающиеся тогда большие и малые в половодье реки». Во время пути их жалкая одежда и обувь «совсем погнили», а многие ссылаемые нашли себе могилу в дороге. С 1 января 1765 г. на них распространили подушную подать и начали взыскивать стоимость лошадей и семенной ссуды. Это резко уменьшило возможность как-то наладить свое хозяйство. Вдобавок сосланных поселили на Московской дороге, а это привело к тому, что «всякие проезжающие команды насильством своим» требовали от них для бесплатной перевозки грузов, за бесценок забирали фураж и продовольствие. К тому же «в пахотную, жнитвенную и сенокосную пору» эти команды забирают «по немалому числу человек» на перевозы через реку Чулым.

Прося об освобождении от перечисленных тягостей, сосланные жаловались, что помещики оставили у себя их семьи, и называли эти действия беззаконием, «безрассудством» помещиков, одним из главных препятствий в налаживании хозяйства. К наказу они приложили список семей, задержанных помещиками, и просили «вышеозначенных жен и детей сюда прислать».

Стоящий особняком наказ Чадобского присуда (№ 22) интересен тем, что на конкретном материале раскрывает механику захвата крестьянских земель монастырем. Крестьяне М. Рукосуев, Я. Кулаков и П. Колпаков «с товарищи» издавна владели землями по реке Верхней Тунгуске. Но в 1704 г. старец Иоаким Путилов добыл где-то «данную» на эту землю и построил на ней «пустыню». Крестьяне «с той земли сослали» и переселили на новое место. В 1766 г. их потомков, которых в 10 дворах насчитывалось уже 36 душ, и «с оной земли сгонили, а оную землю отдали во владение монастырским крестьянам». Попытки добиться правосудия в провинциальной канцелярии оказались безуспешными.

Три наказа приписных крестьян Ирбинского завода [12] отличаются большим конкретным материалом, показывающим положение и условия труда и оплаты приписных крестьян Енисейской провинции. Наказы начинаются с жалоб на то, что подати и заводская работа требуются

[12] Там же, Наказы: № 18 — с. Ладейское, лл. 49—53; № 17 — Абаканский, Караульный, Новоселовский, Даурский и Болотинский станы Красноярского ведомства, лл. 55—60; № 20 — с. Есауловское, лл. 71—76.

не по числу работоспособных, а со всех ревизских душ. Эти жалобы подтверждались цифрами, приведенными в наказах № 16 и 20.

Состав населения	с. Ладейское		с. Есаулов-ское	
Всего душ:	705		671	
В том числе тех, кто не выполняет заводских работ:				
а) умерших	33	405	30	451
б) старых и дряхлых	37		29	
в) малолетних	264		155	
г) выписных казаков *	57		61	
д) рекрут, беглых и др. выбывших . . .	14		11	
е) выполняющих подводную гоньбу . . .	не выделены		165	
ж) способных выполнять заводские работы	300		220	

* Крестьяне, зачисленные в «выписные казаки», освобождались от заводских работ, подводной, ямской и почтовой гоньбы и большинства других крестьянских повинностей.

Крестьяне Красноярских станов не привели подобных цифр, но отметили, что если в погосте значится по ревизии 500—700 душ, то на практике «оказывается наличных» душ 200—350 и некоторые вынуждены выполнять работу «душ за 5 или 6».

Крестьяне с. Ладейского привели в своем наказе сведения о числе людей, выполнявших разные заводские работы за последние пять лет:

Характер заводских работ	Год				
	1762	1763	1764	1765	1766
Заготовка сена	27	—	20	—	—
Перевозка глины	94	—	—	—	—
» провианта . . .	130				
» угля	—	288	134	128	90
» руды	—	—	33	—	—
» шурфов	—	—	20	—	—
» артиллерии и казны	—	—		—	—
Рубка дров	—	320	—	327	320
Кладка куч и жжение угля	—	—	150	—	—
Расчистка дорог и строительство мостов	50	—	—	—	—
Всего работало за год человек . . .	301	608	357	455	410

Аналогичные работы, но без указания числа людей, выполнявших те или иные виды работ, перечисляются и в других наказах. Наказ № 17 добавил к указанным работам «добычу на починку в фабриках печей камню» и «возку оного чрез немалое расстояние верст», «засыпку и строение плотин», возку готового чугуна и железа к реке Чулым и сооружение там складов, добычу и возку железной руды, заготовку леса на «разные потребности» заводов. Разные работы вы-

полнялись в различные сроки (рубка дров с середины марта, заготовка сена — с конца мая, возка угля — с ноября и т. д.), поэтому каждому трудоспособному не менее трех раз в год приходилось проделывать путь в 400 верст на завод и обратно, на что тратилось от двух до четырех месяцев. Время нахождения в пути не оплачивалось, а оно приходилось как раз на самый разгар сельскохозяйственных работ. «А как из работы свободятся, придут в домы, то не успеет иной 3—4 недели прожить, паки и с тех своих домов во оной завод в другую работу посылаютца». В результате крестьяне «в то короткое бытие в домех своих заготовить корму и взять с собою не успевают... хлебопашества уже и вовсе отстают». Сами они и их лошади на заводах голодают, семьи зачастую питаются подаянием, и крестьяне «время от времени... приходят в несостояние и разорение». Крестьяне красноярских станов утверждали, что до приписки к заводам «последней и бедной тогда крестьянин имел в каждом годе насевать хлеба десятин по 6 и более», а теперь не только он, но и тот, кто прежде сеял по 20—30 десятин, «против тогдашнего бедного ныне не пашет».

Авторы наказов № 16, 17, 20 жалуются, что приписных крестьян окончательно разоряет полное несоответствие «плакатной платы» выполняемой ими работе и плате, получаемой наемными работниками. «Плакату ж, — говорится в наказе № 16, — на одну проесть, также на починку и покупку ломающихся топоров не достает». Если же крестьяне работают на возке сена, угля, дров и т. д., то плакатной платы не хватает на покупку сена для лошадей. В этом же наказе крестьяне привели сравнение получаемой ими плакатной цены и платы, которую они выплачивают нанимаемым вместо себя людям. Так, «плакат» за заготовку сажени дров предусматривает 25 коп., а наемные получают от 1 р. до 1 р. 20 коп. За перевозку короба угля они получают 5 коп., а наемные — 25 коп. Человек, нанятый для отработки податей за одну душу на рубке дров, получает с заводчика 1 р. 75 к. «плаката», да нанявший приплачивает ему 8 руб., а на возке угля — 8 р. 75 коп. и т. д.

Поэтому приписные крестьяне во всех трех своих наказах просили «от посылки в тот завод в работы освободить и от того отчислить». Черносошные крестьяне считали, что от заводских работ должны быть освобождены все, «кроме действительно ко оным приписанных» (№ 15). Но и «действительно ко оным приписанные» просили об отписке от заводов и замене их направляемыми «из великоросснйских городов... немалыми партиями колодников».

Положение приписных осложнялось тем, что их и после приписки к заводам не освободили от несения гоньбы, выполнения постойной и дорожной повинностей. Крестьяне с. Ладейского жаловались, что их село находится «на самой столбовой дороге» и поэтому военные команды «каждогодно веснуют и осенуют в домах жительских», ожидая улучшения дорог. Они забирают у крестьян «в самые страдные и рабочие дни» подводы «с саньми и телегами, которых... довольно терялось», требуют с крестьян фураж и продовольствие. Крестьяне красноярских станов (№ 17) писали, что они «отправляют через немалое расстояние верст почтовую и междворную подводную гоньбу», а многие проезжающие денег за прогоны не платят. Еще подробнее об этих повинностях говорится в наказе № 20. Крестьяне с. Есауловского писали, что им приходится выполнять гоньбу к Каискому острогу (286 верст) и к Удинскому острогу (300 верст), если же там «перемены не случается», то их заставляют осуществлять перевозки еще на такое же расстояние. Перевозка команд и грузов на такие расстояния приводила

к тому, что крестьяне упускали время сева, а если и успевали возвратиться к нему, то с такими изнуренными лошадьми, на которых ни пахать, ни бороновать невозможно; поэтому они «в распашке земли невозможность и остановки имеют». Они же нанимали 12 лошадей для почтовой гоньбы «раскладкою», что обходится им 250 руб. в год. Общие просьбы приписных крестьян в отношении этих повинностей сформулированы в наказе № 17: «От той почтовой и междворной подводной гоньбы... отменить... поселить настоящих ямщиков, проезжающим без платежа прогонов не ездить и безденежно никаких кормов брать запретить».

На приписных крестьянах лежали повинности по ремонту дорог и мостов, но подробно об этом говорилось лишь в наказе № 20.

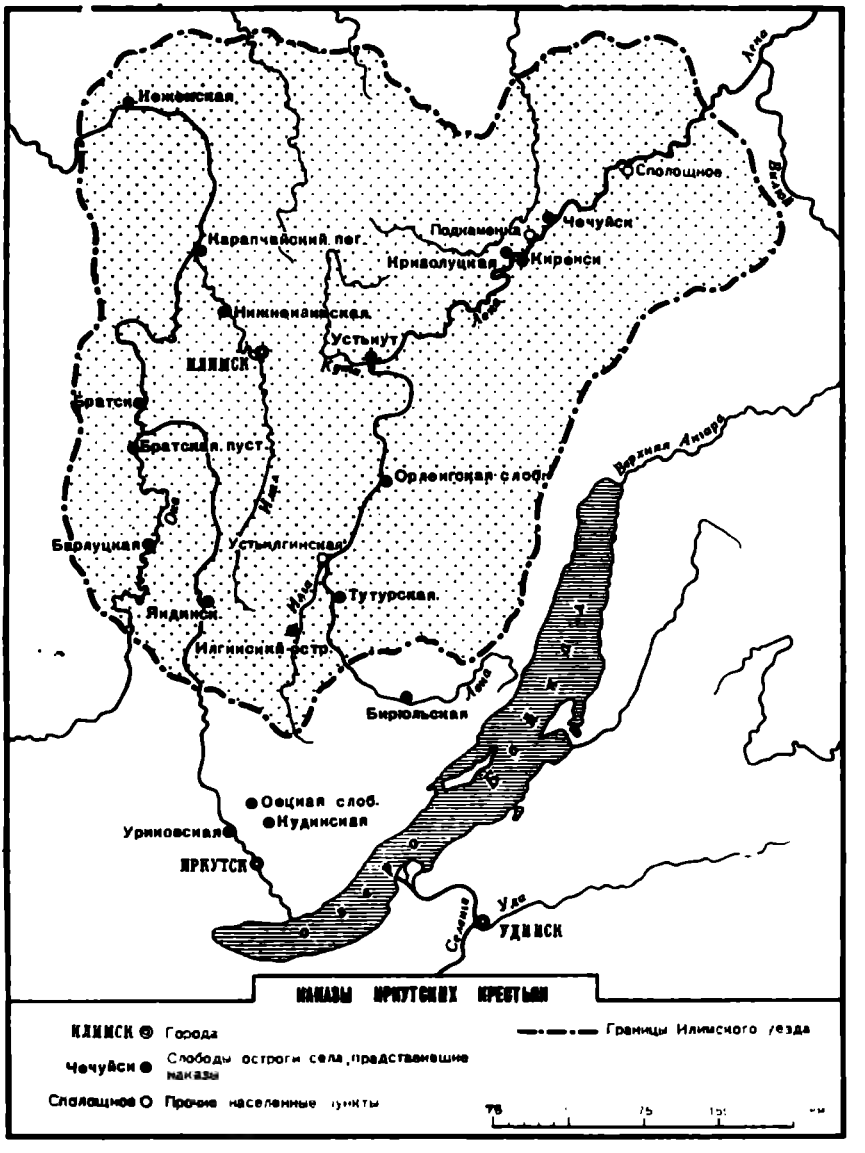
Из других жалоб наказов приписных крестьян следует отметить жалобу с. Ладейского о том, что «пахотных земель у многих вовсе нет» и они вынуждены «брать во Введенском монастыре кортом», платя по 8 пудов хлеба с десятины и по 1 руб. со 100 копен сена. В наказе № 17 имеется жалоба на то, что «кочующие ясашные татары» останавливаются около их деревень и своим скотом травят их посевы и покосы.

Фактически на положении приписных крестьян находились и экономические крестьяне Усольской вотчины Троицкого Туруханского монастыря (№ 29) и Енисейского Спасского монастыря (№ 30) [13]. Они весной грузили соль на барки, а затем 30 человек сопровождали каждую барку и по прибытии на место разгружали ее. Погрузка и разгрузка оплачивалась по плакату, а сопровождение барки и обратный путь совсем не оплачивались (№ 29, 30). Также не оплачивались 170-верстный путь до солеваренного завода, перевозка на завод за 30 верст угля и руды, сооружение плотины и ряд других более мелких работ (№ 29, 30).

Своеобразной формой принудительного труда являлись обязательные для крестьян подряды на литье соляного рассола. Казна платила за него 16 руб., а крестьянам приходилось приплачивать к этому еще 7 рублей (№ 30), собирая с души по 20 и 30 коп. (№ 29). Устанавливая кабальные формы принудительного труда, солеваренный завод не разрешал крестьянам переселиться с выпаханных земель на новые (№ 29) и забрал для постоянной работы на заводе половину трудоспособных, остальные крестьяне в разгар основных сельскохозяйственных работ также находились «у тех же соловаренных заводов для всякой работы», их «до пашни не допущают» (№ 30). Естественно, что это приводило крестьян «в крайнее разорение и скудость».

Так же как и наказы № 16, 17, 20, наказы № 29, 30, содержали жалобы на то, что крестьян вопреки указам 1765 г. и 1766 г. заставляют сопровождать суда с казенным провиантом от Ускемчуской пристани до Барнаула. Это занимало все лето, и каждому отправленному с провиантом приходится давать «от народа подмогу» по 3 р. 50 к. Им приходилось содержать по 20 (№ 29) и по 30 (№ 30) ямских и почтовых лошадей, да еще 8—10 междворных подвод, за которые они не получали прогонов (№ 29). На это же жаловались и крестьяне вотчины Енисейского Рождественского монастыря (№ 32), писавшие, что они содержат 3 «перемены» по 9 человек и 9 лошадей в каждой, а каждая перемена обходится им по 100 руб. В целом же наказ № 32 очень близок к уже разобранным наказам черносошных крестьян. Отметим также жалобу на воеводу М. Мистрова, который при переоброчке мельниц в

[13] Там же, Наказы: № 29, л. 96; № 30, лл. 98—99; № 31, Балахонская вотчина Троицкого Туруханского м-ря, л. 100; № 32. Вотчины Рождественского Енисейского м-ря, лл. 101—102.



1763 г. сохранил оброки с давно не существующих; «платили с пустоты оброку по 5 р. 10 к. 40 лет, — говорилось в этом наказе. Авторы наказа № 31 также жаловались, что на содержание гоньбы они собирают со «100 наличных душ» по 1 р. 5 коп. с души. Но основное внимание балахонские крестьяне сосредоточили на повинностях, которые они до осуществления секулярнзации выполняли в пользу монастыря. Размерам повинностей и многообразию форм эксплуатации крестьян монастырем мог позавидовать любой крепостник Великороссии. Каждый двор был обязан выделять на постоянную работу в монастырь одного-двух человек, да на «разные зделья» монастырь требовал всех трудоспособных «без остатку и бес платы монастырской». Кроме того, с каждой души монастырь взыскивал по 20 пудов оброчного хлеба, весь урожай с четверти десятины посева и по 70 коп. деньгами, половину накошенного

крестьянами сена, да еще требовал бесплатной уборки и молотьбы монастырского хлеба.

Второй комплекс наказов составляют 17 наказов черносошных и один наказ экономических крестьян Иркутской губернии, 13 из которых принадлежало крестьянам Илимского и пять Иркутского уездов [14].

Наказы иркутских крестьян свидетельствуют о серьезных различиях в составе и характере повинностей по сравнению с енисейскими крестьянами. Первое касается состава податей. Иркутские крестьяне платили по 1 р. 32 к. с души и по два пуда хлеба с десятины. В большинстве их наказов приведены сведения о количестве муки, крупы и пеньки, поставляемых ими в счет подати в казну [15]:

№ наказа*	Мука		Крупа		Пенька	
	пуд.	фун.	пуд.	фун.	пуд.	фун.
1	10.439	—	1.191	24,25	44	30
2	3.411	—	435	28	32	7
3	7.587	12,5	912	4,50	38	21
5**	1.850	19	—	—	—	—
7	1.540	—	—	—	—	—
8	1.655	—	738	20	—	—
9**	4.845	—	—	—		
10**	4.780	—	—	—	1 пуд с десятины	
11**	1.508	20	—	—		
12	2.852	20	1.399	10	—	—
13	1.685	20	843	15	—	—
18	1.069	—	—	—	—	—
19	6.794	20	—	—	—	—
Всего по 19 наказам:	50.017	31,5	5,520	21,75	116	18

* Значком ** отмечены наказы, в которых указано общее число «провианта» без его разделения на муку и крупу. Формально перемол зерна на муку оплачивался казной, но оплата равнялась 0,25—0,5 к. за пуд, а крестьяне платили за перемол от 1 до 1,75 коп. (№ 1—3, 7, 9 и др.).

Окладной хлеб иркутские крестьяне должны были сплавить в Якутск, находившийся от них в 2 тыс. — 2500 верстах. Предварительно они должны были доставить его на лошадях до пристаней, а расстояние это в ряде случаев составляло несколько сот верст. Тутурские и бирльские крестьяне везли свой хлеб за Байкал в Селенгинский уезд.

На пристани крестьяне за плакатную плату строили барки и дощаники, приплачивая на каждую барку от 50 до 100 руб. своих де-

[14] ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 103, лл. 134—170, 173—189. Наказы: № 1. Оецкая слобода (сл.), лл. 134—136; № 2 — Уриковскаи сл., лл. 137—139; № 3 — Кудинская сл., лл. 140—142; № 4 — Яндинский о-г, л. 143; № 5 — Орлеигская сл., лл. 144—147; № 6 — Кежемская сл., лл. 148—150; № 7 — Тутурскаи сл., лл. 151—155; № 8 — Керенский о-г, лл. 156—157; № 9 — Илгинский о-г, лл. 158—160; № 10 — Братский о-г, лл. 162—163; № 11 — Устькутскнй о-г, лл. 164—166; № 12 — Чечуйский о-г, лл. 167—168; № 13 — Криволуцкая сл., лл. 169—170; № 15 — Нижнеилимскаи сл., лл. 173—176; № 16 — Барлуцкая сл., лл. 177—178; № 17 — Братская Спасская пустынь Вознесенского Иркутского м-ря, лл. 179—182; № 18 — Карапчайский пог., лл. 183—186; № 19 — Бирюльская сл., лл. 187—189.

[15] В наказах № 4, 6, 15 говорится о платеже окладного хлеба, но не приводится цифр. В наказах № 16 и 17 об уплате окладиого хлеба не говорится.

нег. Затем на этих барках по пять-шесть человек они отправлялись в путь, занимавший почти год. В том случае, если от Якутска им приходилось везти хлеб к Юдомскому кресту, то их путь занимал от трех до пяти лет. Каждому из отправленных крестьян приходилось прибавлять к плакатной плате своих денег от 20 до 30 руб. Не удивительно, что хозяйство отправленных за время их отсутствия нередко приходило в полный упадок, о чем в один голос говорят все иркутские наказы.

Кроме «казенного провианта» иркутские крестьяне перевозили казенные соль, вино, «соляную и денежную казну» и т. д. Рассматриваемые нами наказы содержат следующие данные:

№ наказа	Расстояние перевозки в верстах			Примечания
	соли	вина	казны	
1—3	—	—	—	Возили также лес и землю на казенную плотину
4	450	—	250—300	
5	145	—	—	
6	503	368	300	
7	334	100	—	На каждую подводу собирали 2 р. 50 к. «подмоги»
8	200	60	300	
9	334	—	—	Собирали «подмоги» от 125 до 250 р.
10	291	200	200	Нанимали вчетверо дороже плаката
11	70	—	150	
12	250	40	450	
13			280	
15	203	141	60	Нанимали вчетверо дороже плаката
16	532	100	388	
18	300	—	150	
19	—	—	230	

Как и во всех наказах сибирских крестьян, в иркутских наказах видное место занимают жалобы на тяжесть ямской, почтовой и междворной гоньбы, на перегрузку подвод, на самоуправство проезжающих, на то, что они забирают лошадей сверх положенного им числа и не платят за них, на то, что от проезжающих «старосты, десяцкие и все крестьяне принимают себе смертные побои» (№ 7). Объем, расстояния и другие условия гоньбы соответствуют данным енисейских наказов, поэтому нет необходимости повторять их. Жалуясь на тяжесть гоньбы, сплава хлеба в Якутск и другие повинности, иркутские крестьяне писали в наказах, что указом 12 октября 1860 г. об увеличении подушной подати на 60 коп. было «повелено крестьян от подводной гоньбы и от всяких здельев свободить». Однако обещание осталось на бумаге и крестьяне от повинностей освобождены не были. Иркутские наказы напоминали и о других повинностях. Так, в наказах № 4, 6, 8—12, 15 и 18 отмечалось, что крестьяне выделяют по два человека с каждой слободы для караула казенных соли и вина. В наказах № 4, 6 содержится жалоба, что ежегодно по 20 и больше человек забирают в «вожи» и заставляют их быть бесплатно проводниками на расстоянии в 170—200 верст по

Ангаре. Наказы № 5, 10, 13 жаловались на то, что ежегодно по 20—50 крестьян выделяется для бесплатной работы по ремонту дорог и мостов. Карапчайские крестьяне добавляли, что их, кроме того, заставляют бесплатно расчищать ледяные заломы по Ангаре расстоянием в 104 версты, а орленгские, что из них забирают по 10—15 человек на строительство барок. В наказах № 7 и 9 говорилось, что с крестьян требуют бесплатной поставки 6 сажен дров на каждый кабак. Наконец, большинство наказов отмечало, что крестьянам приходится расходовать по 30—60 руб. на наем писчика, покупку бумаги, свечей, сургуча и другие нужды управительских канцелярий (№ 7, 8, 10—13, 15, 16, 18).

Так же как и в енисейских наказах, в ряде иркутских наказов (№ 1—3, 19) с особой силой звучали жалобы на тяготы от работы на Ангинском железном заводе Ф. Ланина. Хотя завод давно прекратил свое существование, крестьяне помнили о «великом оскудении», которое принесла им работа, из-за которой они остались без лошадей. Особенно подробно изложена жалоба на заводские работы в наказе бирюльских крестьян.

Жалобы крестьян вызывало и то обстоятельство, что мельницы-мутовки, построенные на малых речках и ключах, работавшие только весной и во время дождей, а также «кожевенные корыта» и незначительные рыбные ловли были обложены оброком, взыскивавшимся сверх подушной подати (№ 5, 7, 9, 10, 12, 15).

Во многих иркутских наказах содержались жалобы на тунгусов и других «ясашных иноверцев». Одни наказы утверждали, что иноверцы вытаптывают своим скотом их посевы и покосы (№ 1—3, 19), другие жаловались, что с крестьян берут окладной хлеб, а с ясашных — нет, хотя они «насевают иные хлеба по возможности своей десятин» (№ 19). Еще больше жалоб вызвало проведенное в 60-х годах XVIII в. разграничение лесных и рыбных угодий между черносошными и ясашными крестьянами. В наказах № 5, 7, 9, 15, 18 говорилось, что основным источником доходов и уплаты крестьянами податей является не земледелие, а охота и рыбная ловля; после же размежевания звериные и рыбные промыслы отошли тунгусам, и крестьянам там заниматься охотой и рыбной ловлей было запрещено.

Наконец, в иркутских наказах видное место занимают жалобы на неурожаи и тяжелые климатические условия — «мразы» и «выдымки», на снос почвы ветрами, водой и льдами, на то, что посевы поедает кобылка (сарапча) и черви, что он погибает «от росы, называемой ржа», на то, что половодье заносит поля песком и илом (№ 1—3, 5—8, 10—13, 18). В наказах отмечалось, что удобных для пашни земель мало, так как большинство тамошних мест «велнколесистые, гористые и каменистые и утесистые», а выпаханные земли должны «лежать в залежах лет по двадцать, пока земля возымеет силу (№ 1—3, 12).

Как видим, вопрос о земле в наказах иркутских крестьян ограничивается жалобами на ее низкое качество. В них, как и во всех наказах сибирских крестьян, не стоит вопрос о борьбе за землю с помещиком, заводчиком и монастырем, который занимает центральное место в наказах различных категорий государственных крестьян европейской части страны, особенно в Поволжье, в Воронежской и Белгородской губерниях. Это было одним из главных и наиболее существенных отличий наказов сибирских крестьян, что объяснялось особенностями землевладения в Сибири, фактическим отсутствием помещичьего и меньшим развитием церковного землевладения, а также наличием в большинстве районов Сибири значительных ресурсов земли, еще не вовлеченной в обработку.

Большинство наказов ограничивалось перечислением повинностей,

«тягот и изнеможений» крестьян. Типична в этом отношении концовка наказа № 5: «Все наше изнеможение к горькой тягости, как выше сего в пунктах жалоба донесена, стали быть в крайием разорении, которого никах по невозможности нашей понести уже не можем». Лишь в наказе № 18 бирюльские крестьяне просили «написанные выше сего нужные и неудобоносимые отягощения, а наипаче всего от ямского разгону и за неурожайные годы от платежа окладного и оброчного провиаита и протчих несносных тягостей милостивио избавить. А для пропитания нашего по прежним обыкиовениям предписанным лесными, звериными и в реке рыбными промыслами милостивно наградить».

Наказ № 17, принадлежащий крестьянам Спасской Братской пустыни Иркутского Вознесенского монастыря, посвящен повинностям, которые оии выполияли в пользу монастыря. Поэтому данные этого наказа целесообразно рассмотреть отдельно:

Повинности и поборы	Число людей, выполняющих повинности	Продолжительность повинности и размеры поборов
Работа в монастыре	8	1 год
То же	4	посменно
Ремонт мельницы и плотины	20	1 месяц
Несение караулов	4	посменно
Уход за скотом	7—10	с осени до весны
Уборка и вывозка навоза	2	»
Перевозка сена	1 человек и 2 лошади с двух дворов	10 дней
Заготовка дров		1 сажень с души
Заготовка сена		1200 копен
Перевозка хлеба	10 подвод на 550 верст	
Сев, уборка и обмолот хлеба		7 десятин с двора
Постройка мельницы		
Подати		2 р. 20 к. с души

Кроме этого крестьяне за свой счет содержали «подьячего» и обеспечивали его бумагой, сургучом и т. п.

Весьма ярко показаи в наказе произвол монастырского архимандрита. То он собрал с крестьян 42 руб., «и куды оные деньги употреблены, того ие знаем», то забрал в 1754 г. 30 крестьянских детей от 10 до 15 лет якобы в школу, «и держал года по 2, никакой науки не иаучил», а обратно отдавал родителям только за такую плату, что крестьяне «наипаки раззорились».

Рассмотрение 47 наказов крестьяи Восточной Сибири показывает, что в них содержится большой конкретный материал. Он свидетельствует о наличии значительной общности в положеиии, правах, повинностях, нуждах, жалобах и просьбах черносошных, экономических и приписных крестьян Сибири. Эта общность определялась тем, что все сибирские крестьяне входили в систему крепостиических отношений, господствовавших в стране, и являлась следствием политики самодержавия, направленной на превращение всех категорий крестьян в единую крепостную массу. Различие их положения, нужд и просьб в свою очередь определялось способом и формой взимания с иих феодальиой ренты, а также тем, кто выступал по отношению к ним в роли феодала: дворянин-помещик, монастырь (до секуляризации 1764 г.), завод (безразлично, казениый или частновладельческий) или крепостническое государство.

Одновременно с этим наказы сибирских крестьян убедительно свидетельствуют о существенных различиях в положении, правах, составе и размерах повинностей, жалобах и просьбах отдельных категорий крестьян. Это было конкретным выражением политики самодержавия, сохранявшего и укреплявшего перегородки между отдельными группами и категориями крестьян.

В Сибири фактически отсутствовало помещичье землевладение. Помещичьи крестьяне составляли по III ревизии менее 1% всех крестьян Сибири (2100 душ). Значительно меньше, чем по России в целом, было в Сибири и экономических крестьян — менее 7% (14 300 душ). Основную массу составляли черносошные крестьяне, которых эксплуатировали типично феодальными методами. Именно в 50—60-х годах XVIII в. значительная часть черносошных крестьян Сибири приписывается к Уральским, Колывано-Воскресенским, Нерчинским заводам. Они испытывают на себе особо тяжелую форму крепостнической эксплуатации, наиболее разорительный для их хозяйства способ взимания феодальной ренты.

Принудительный труд насаждался правительством и в отношении черносошных крестьян. То обстоятельство, что часть этого труда черносошные крестьяне выполняли бесплатно, а за часть труда получали мизерную плакатную плату, ни в какой степени не меняло ее подневольного, крепостного характера. Плакатная плата являлась не капиталистической заработной платой, а формой взимания феодальной ренты. Наряд на заводские работы и всякого рода повинности являлся не проявлением вольного найма и продажи рабочей силы, а способом применения принудительного труда. Это обстоятельство подчеркивалось как несоответствием плаката выполняемой работе, так и тем, что он был в три-шесть раз ниже платы по вольному найму. Выполнение восточносибирскими крестьянами работ на заводах, взвод (подъем против течения) и сплав дощаников, гоньба, поставка окладного хлеба, строительство барок и дощаников, перевозка казенных грузов и другие повинности, выполняемые за плакатную плату, были обусловлены не экономической необходимостью, а исключительно силой внеэкономического принуждения, осуществляемого самодержавно-крепостническим строем с помощью законодательства, административного, судебного и военно-полицейского аппарата. Поэтому жалобы крестьян были направлены в первую очередь не против вопиющих злоупотреблений администрации, о которых сообщали наказы, а против подневольного труда, роста размеров и распространения наиболее тяжелых форм феодальной ренты.

Проведение этой политики в Сибири диктовалось интересами самодержавно-крепостнического строя, своекорыстными интересами класса помещиков-крепостников. Эта политика противоречила общенациональным интересам, задерживала экономическое развитие страны, мешала преодолению социально-экономической, технической и культурной отсталости России, воздвигала новые препятствия для формирования и развития в стране капиталистических отношений. Она мешала заселению Сибири, ее освоению, использованию ее природных ресурсов.

Хотя Сибирь и во второй половине XVIII в. сохраняла ряд особенностей в социально-экономической, административно-политической и культурной жизни, она составляла органическую часть крепостной России со всеми вытекающими отсюда последствиями. Исследуя историю освоения Сибири в XVII — начале XVIII в., состояние и развитие в ней сельского хозяйства, В. И. Шунков убедительно показал, что хотя крепостничество не достигло в Сибири тех форм, которые господствовали в Европейской России, это отнюдь не означало отсутствия там крепостничества и феодальной эксплуатации. В. И. Шунков подчеркнул, что в

Сибири было налицо прикрепление крестьянина к земле, выполнение барщины в форме распашки «государевой пашни», выплата натурального оброка в форме окладного хлеба, применение принудительного найма.

Конечно, форма и степень прикрепления сибирских крестьян к земле существенно отличались от прикрепления крестьян в центральных районах страны. На практике в Сибири в это время еще допускалась передача крестьянином земельного участка другому лицу вместе с лежащими на этом участке феодальными повинностями и обязательствами.

В Сибири происходило усиление феодальной эксплуатации и распространение наиболее тяжелых для крестьян форм этой эксплуатации, сохранялось сословное бесправие крестьян. В. И. Шунков с полным основанием отверг концепцию об особом строе Сибири в этот период, концепцию, отстаивавшуюся в свое время представителями «сибирских областников» и отразившуюся в некоторых работах советского времени [16].

Своеобразие положения, юридических прав, повинностей и нужд сибирских крестьян, ярко отразившееся в их наказах в Уложенную комиссию 1767—1768 гг., убедительно подтверждает известное положение К. Маркса и В. И. Ленина о многообразии форм и степеней крепостничества, феодальной зависимости, крестьянской «несвободы» и внеэкономического принуждения в разных странах и на разных этапах существования феодального строя.

Нам представляется совершенно правильной оценка положения сибирских крестьян в середине XVIII в., сделанная на основе их наказов В. И. Макаровым и А. А. Кондрашенковым. Поэтому нельзя согласиться с выводами о переменах в социально-экономическом строе Сибири во второй половине XVIII в., к которым пришел В. Н. Шерстобоев в своем исследовании об илимской пашне. Он утверждает, что во второй половине XVIII в. «*отмирают* один за другим *пережитки феодально-крепостнического общества,* мешавшие развитию капитализма в Сибири», происходит *«падение многих установлений раннего феодализма»* [17]. В подтверждение своих выводов В. Н. Шерстобоев ссылается на отмену системы хлебного обложения, натурального ясака, некоторых повинностей сибирских крестьян.

В этот период крепостнические отношения не только оставались господствующими, но и продолжали распространяться на новые территории и новые категории населения. Это убедительно показывают материалы наказов сибирских крестьян. Поэтому разговоры о «феодальных пережитках» в XVIII в. лишены всякого основания. Пережитками эти отношения станавятся только после буржуазных реформ 60-х годов XIX в. Речь должна идти не об «отмирании феодальных пережитков и установлений», а об изменении форм и методов господства крепостничества, способов взимания феодальной ренты, применения подневольного труда. Значительная часть этих изменений была в немалой степени связана с усилением протеста и выступлений крестьян Сибири против существовавших форм и методов эксплуатации. Нельзя забывать, что незадолго до этого правительство не только не собиралось отменять сбор окладного хлеба, но пыталось ввести десятинную пашню у нерчинских и селенгинских крестьян. Однако эта попытка вызвала такие «от крестьян великие ослушности», что от нее пришлось отказаться.

---

[16] См. В. И. Шунков, *Очерки по истории земледелия в Сибири*, М., 1956, стр. 358—362, 376—379, 411—415 и др.

[17] В. Н. Шерстобоев, *Илимская пашня*, т. II, Иркутск, 1957, стр. 669 (курсив мой.— *М. Б.*).

Такая же судьба постигла и попытку распространить на них систему сбора окладного хлеба; «крестьяне, почитая его себе в тягощение, отреклись и оказали непослушность». Приказав жестоко наказать крестьян и особенно «зачинщиков» волнений, Сенат был вынужден отказаться от этих попыток и пойти на сохранение существующей денежной подати. Не увенчалась успехом и попытка сбора хлебом податей со всех государственных и экономических крестьян, предпринятая в 1767 г.[18]. Все нараставшие и фактически не прекращавшиеся в 60-х годах XVIII в. волнения приписных крестьян привели к тому, что в конце 60-х годов самодержавие было вынуждено отказаться от дальнейшей приписки. Это прямо мотивировалось тем, что продолжение приписки вызовет «новые государственные непрнятностн и беспокойства»[19].

Замена ряда повинностей вторичным увеличением подати на 1 руб., замена окладного хлеба денежным сбором и другие мероприятия самодержавия в конце 60-х — начале 70-х годов XVIII в., были, кроме того, продиктованы стремлением самодержавия использовать в интересах крепостничества развитие товарно-денежных отношений, с меньшими затратами собирать феодальную ренту, сохранить черносошных крестьян в качестве тяглецов, способных выплачивать значительно увеличенную подушную подать.

Отмена сборов окладного хлеба, работ по доставке этого хлеба в Верхнеиртышские крепости, на Сибирскую линию и в Якутск и некоторых других повинностей не ликвидировали и не могли ликвидировать феодальные отношения и тем более их пережитки в Сибири. Это было изменение формы и методов господства крепостничества. Ликвидация крепостническнх отношений и их пережитков привела бы к превращению Сибири в чисто капиталистический бурно развивающийся район страны. Между тем и В. Н. Шерстобоев вынужден признать, что «буржуазные отношения в сибирской деревне развивались медленно, неполно, в форме примитивного капитализма, оплетенные средневековыми отношениями»[20]. С этим положением автора можно полностью согласиться. Однако остается неясным, как оно совмещается с его утверждением, что в 60-х годах XVIII в. в Сибири уже отмерли даже пережитки крепостничества.

Еще больше возражений вызывает крайне путаная и догматическая трактовка социально-экономических отношений и характера изменений в формах ренты в 60-х годах XVIII в., содержащаяся в книге П. И. Малахинова. Автор справедливо заявляет, что утверждения сибирских областников об отсутствии в Сибири крепостничества и наличии у нее пути развития, подобного американскому, «далеко не соответствует истинному положению вещей», что строй хозяйства государственных и монастырских крестьян Сибири «являлся феодальным»[21]. Однако феодально-крепостнические отношения в Сибири Малахинов сводит лишь к системе «воеводских вотчин и немногочисленных помещичьих и монастырских хозяйств». Он обвиняет В. И. Шункова и В. И. Шерстобоева, видящих в Сибири своеобразную форму государственного феодализма, при котором в роли феодала, землевладельца выступает само феодальное государство, а феодальная рента принимает форму податей и повинностей в пользу государства, в отступлении от марксистско-ленин-

---

[18] См. ПСЗ, т. XV, № 10, 801, 11, 101; т. XVI, № 11, 632; т. XVIII, № 12 980; ЦГИАЛ, ф. 1329, д. 123, л. 294.

[19] ПСЗ, т. XVII, № 12 684.

[20] В. Н. Шерстобоев, *Илимская пашня...*, стр. 670.

[21] П. И. Малахинов, *О двух типах аграрной эволюции в России*, Улан-Удэ, 1962, стр. 217, 226.

ского учения о феодальной формации[22]. В связи с этим П. И. Малахинов утверждает, что секуляризация в Сибири монастырского землевладения, отмена десятинной пашни и замена натурального оброка денежным означали еще в XVIII в. «отмирание системы государева хозяйства и прежних феодально-крепостнических черт в общественно-экономическом строе сибирских пашенных крестьян». Он заявляет, что после указанных изменений «прежние феодально-крепостнические черты» сохраняются лишь в Нерчинском и Алтайском округах, где земля принадлежала кабинету и где применялся труд ссыльных[23]. Одновременно с этим он пишет, что и в 30-х годах XIX в. «никакого установившегося буржуазно-капиталистического порядка в Сибири не было и не могло быть»[24]. Но тогда встает вопрос, на который он не дает ответа: если капиталистических порядков не было и быть не могло, а феодально-крепостнические черты исчезли еще в конце XVIII в., то какой же строй и какие отношения господствовали в Сибири в конце XVIII — начале XIX в.?

Изменяя формы и методы взимания феодальной ренты, самодержавие действительно несколько приоткрывало щель, через которую пробивались товарно-денежные и капиталистические отношения. Но эта щель была не только очень узка, но и оплетена густой паутиной крепостнических институтов, установлений, законов и порядков, мешавших развитию производительных сил и освоению ресурсов Сибири, тормозивших формирование и укрепление капиталистических отношений. Сибирь продолжала оставаться районом крепостнической каторги и промышленности, основанной на применении подневольного труда. Это обрекало промышленность на технико-экономическую отсталость, на застой, усиливало противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Развитие товарно-денежных отношений в Сибири по-прежнему было поставлено на службу интересам самодержавно-крепостнического строя. Все это говорило о глубоком реакционном антинародном характере политики крепостнического государства в Сибири вообще и в отношении сибирского крестьянства в частности.

---

[22] Там же, стр. 228—235.
[23] Там же, стр. 250—258.
[24] Там же, стр. 220.

Ю. О. Бем

ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

(Постановка вопроса)

Незадолго до своей безвременной кончины академик М. Н. Тихомиров поставил на общем собрании Археографической комиссии вопрос об издании пособия по изучению внешних признаков исторических источников первых лет Советской власти.

Это была совершенно новая, интересная задача, осуществление которой открывало подход к подлинно научному изучению палеографических особенностей документов 1917—1920 гг.

Известно, что палеографы занимаются изучением почерка рукописи, материала письма (папирус, береста, бумага), украшений рукописей, приписок и помет на полях и т. п. главным образом с целью датировки рукописи и установления ее авторства.

Сложилось, однако, определенное убеждение о том, что палеография (об этом, кстати, говорит и сама этимология этого слова) занимается изучением рукописей и печатных изданий, которые созданы не позднее середины или в крайнем случае конца XIX в.

Правда, Л. В. Черепнин в своей «Русской палеографии» и автор опубликованного в 1960 г. учебно-методического пособия «Палеография» А. В. Муравьев говорят о возможности применения метода палеографического анализа к документам нового времени.

Так, Л. В. Черепнин пишет о необходимости «создания такой дисциплины, близкой по своим задачам к палеографии, которая ставила бы своей целью изучение текстов, не написанных от руки, а размноженных механическим путем»[1]. А. В. Муравьев также считает, что хотя палеография и занимается главным образом изучением рукописей до XIX в., «однако практически палеографический анализ может проводиться и в отношении документов более близких к нам по времени, то есть XIX и начала XX века»[2].

Эту же проблему, особенно в части, касающейся исследования рукописей классиков марксизма-ленинизма, затрагивают Б. Г. Литвак[3] и М. С. Селезнев[4].

В работе украинского историка В. И. Стрельского «Основные принципы научной критики источников по истории СССР»[5] также затраги-

---

[1] Л. В. Черепнин, *Русская палеография*, М., 1956, стр. 577.

[2] А. В. Муравьев, *Палеография. Учебно-методическое пособие*, М., 1960, стр. 3.

[3] Б. Г. Литвак, *Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи*, — ИА, № 2, 1960.

[4] М. С. Селезнев, *О некоторых вопросах советской археографии*, — ИА, № 4, 1960.

[5] В. И. Стрельский, *Основные принципы научной критики источников по истории СССР*, Киев, 1961.

ваются проблемы советской палеографии, особенно в связи с возможностью ее применения к датировке некоторых работ В. И. Ленина.

Общая постановка интересующего нас вопроса содержится также в работах Д. А. Чугаева [6] и С. Н. Валка [7].

Однако перечисленные выше работы рассматривали проблему палеографического анализа документов советского периода лишь в общей постановочной форме или отдельные ее аспекты.

Более подробно и конкретно этот вопрос рассматривался в статье С. А. Рейсера «Некоторые вопросы палеографии нового времени» [8]. Он попытался дать методологические установки, касающиеся применения палеографического анализа (бумага, чернила, перья, карандаши, машинописные шрифты, почерки) к документам нового времени. Однако замечания Рейсера носят теоретический характер, не подкреплены практической датировкой рукописей. Кроме того, автор не идет далее XIX в., и наиболее интересующий нас вопрос о материалах первых лет Советской власти остается нераскрытым.

Краткий обзор литературы по вопросу о палеографии нового времени показывает, что поставленная академиком М. Н. Тихомировым задача явилась совершенно новой, ранее по-настоящему не разрабатываемой, связанной с целым рядом трудностей и прежде всего с обилием материала. Ибо, как справедливо отмечает С. А. Рейсер, «палеография древнерусских памятников стремится учесть и обработать данные по возможности старых памятников, чтобы яснее представить себе пути и способы эволюции письма. Палеография нового времени испытывает прямо противоположную трудность — обилие материала, а... именно в этом обилии материала трудность установления исторических путей эволюции русской графики» [9].

Заслуга М. Н. Тихомирова заключается в том, что он не только поставил проблему изучения документов первых лет Советской власти на научную почву, не только ввел в научный оборот понятие «внешние признаки исторических источников первых лет Советской власти», позволившее историкам преодолеть многочисленные терминологические споры по этому вопросу, но и разработал конкретные задачи, которые в первую очередь следует разрешить при практическом рассмотрении проблемы палеографического исследования документов первых лет Советской власти.

Первый выпуск «Пособия по изучению внешних признаков исторических источников первых лет Советской власти» был подготовлен М. Н. Тихомировым к печати и в настоящее время находится в Издательстве. Он включает исследования материалов письма, почерков, машинописных текстов, печатей и штемпелей за 1917—1925 гг.

В последующие выпуски «Пособия» М. Н. Тихомиров предполагал включить статьи на темы: «Орудия письма (бумага и карандаши)», «Язык, стиль, орфография документов первых лет Советской власти», «Восстановление погасших текстов», «Денежные знаки и облигации», «Стенографические системы», «Типографические шрифты», «Новые виды источников (микрофильмирование, магнитофонная запись, кинохроника, грампластинки и т. д.)» и, наконец, «Печатные издания первых лет Советской власти».

---

[6] См. Д. А. Чугаев, *Археография истории СССР советского периода*, — сб. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», М., 1962.

[7] С. Н. Валк, *Советская археография*, М.—Л., 1948.

[8] С. А. Рейсер, *Некоторые вопросы палеографии нового времени*, — ПИ, вып. X, М., 1962.

[9] Там же, стр. 393.

Работа над последней темой была поручена академиком М. Н. Тихомировым автору настоящей статьи.

Теперь уже ни у кого не вызывает сомнения необходимость применения палеографических методов к изучению документов по истории советского периода.

Однако тема о печатных изданиях первых лет Советской власти, если подходить с позиции изучения их внешних признаков, на первый взгляд казалась довольно спорной.

Есть ли необходимость подходить к книжной продукции, скажем, 1918—1920 гг. с точки зрения установления их подлинности, авторской принадлежности, места и времени издания и создания, оценки внешних особенностей?

Казалось бы, каждое печатное издание имеет так называемые выходные данные, т. е. обозначение места и времени издания, типографии, объема, тиража и цены, не говоря уже о фамилии автора на титульном листе или обложке книги.

Однако рассмотрение поставленной проблемы показало, что привычные для всех нас сейчас выходные данные в первые годы Советской власти встречались далеко не всегда. Чтобы разобраться в причинах этого явления, следует познакомиться с деятельностью советских издательств, возникших после Великой Октябрьской социалистической революции, и рассмотреть условия, в которых они работали.

Речь здесь пойдет главным образом об одном — Государственном издательстве, сосредоточившем в своих руках в первые годы советской власти почти всю издательскую деятельность в стране.

До организации Государственного издательства издательские функции в РСФСР осуществлялись несколькими издательствами при наркоматах в Москве и Петрограде, литературно-издательским отделом Наркомпроса и частными издательствами. Однако по истечении полутора лет жизнь властно потребовала изменений этой системы. В условиях гражданской войны, блокады, разрухи и голода разобщенность издательского дела могла привести к полной его ликвидации.

Буржуазия делала все возможное, чтобы воспользоваться грозным оружием литературы и направить его против взявшего в свои руки власть пролетариата. Надо было вырвать у нее из рук это оружие и обратить его на службу рабоче-крестьянского государства.

Это хорошо понимал вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин.

Главный редактор Госиздата Н. Л. Мещеряков рассказывал, что в 1919 г. В. И. Ленин в беседе с ним по вопросу о руководстве литературой сказал: «Литература — могучее орудие пропаганды, и руководство ею в настоящий период должно быть в руках Государственного издательства. Это — одна из его задач» [10].

К середине 1919 г. наметилась твердая необходимость установить известную планомерность в издательской деятельности Республики. Тяжелое положение страны не могло не отразиться и на издательском деле: бумажный голод, с одной стороны, и развал полиграфии — с другой, угрожали почти полным прекращением книгопечатания. Распыленность издательств по отдельным наркоматам стала тормозом на пути развития печатного дела, ибо параллелизм в работе только усугублял бумажный кризис и загромождал типографии однородными изданиями.

---

[10] Н. Л. Мещеряков, *Организатор Госиздата — В. В. Воровский*, — «Государственное издательство за пять лет», М., 1924, стр. 7. По поводу этой цитаты Н. Л. Мещеряков замечает: «Передаю только смысл его (В. И. Ленина. — *Ю. Б.*) ответа, подлинных выражений, к сожалению, не помню» (там же).

Поэтому 21 мая 1919 г. специальным «Положением» ВЦИК при Наркомпросе был утвержден «единый государственный аппарат печатного слова на всей территории РСФСР — Государственное издательство». Перед новым издательством были поставлены следующие задачи:

«1. Общий контроль над всей издательской деятельностью всех наркоматов, главков, центров и отделов ВЦИК и всех других советских учреждений.

2. Урегулирование и контроль издательской деятельности всех ученых и литературных обществ, профессиональных и кооперативных организаций и вообще всех частных издательств.

3. Разработка и утверждение всех издательских планов и смет по всей РСФСР.

4. Составление плана заготовок для издательского дела Республики всякого рода и сорта бумаги и участие в распределении всех бумажных запасов.

5. Составление плана типографских работ и участие в распределении этих работ между отдельными типографиями РСФСР.

6. Наблюдение над надлежащим и своевременным выполнением планов заготовки бумаги и типографских работ» [11].

С 1 августа 1919 г. в состав Госиздата вошло издательство ВЦИК, затем «Книжный центр» Наркомпроса, издательство Московского совета и издательство «Коммунист». «Книжный центр», переименованный в Отдел научной литературы, сохранял известную независимость вплоть до своей ликвидации в 1920 г. 1 января 1920 г. Госиздат объединил издательства Наркомзема и Наркомюста. К концу 1921 г. все издательские аппараты наркоматов были объединены с Госиздатом. Издательская деятельность на местах также была подчинена Госиздату, который открыл 60 своих отделений по всей территории РСФСР. Однако скоро стало ясно, что Госиздат не имеет ни средств содержать, ни возможностей управлять гигантским местным аппаратом. Поэтому 1 января 1922 г. началась ликвидация провинциальных издательских отделений. Из 60 их было оставлено только шесть (в Петрограде, Ростове-на-Дону, Саратове, Минске, Воронеже и Вологде). Остальные отделения передали губисполкомам и губоно [12].

Госиздат взял под свой контроль деятельность частных издательств. Он входил с ними в договорные отношения, печатал книги и распространял их. 20 таких издательств («Всемирная литература», «Союз писателей», «Бр. Сабашниковы», «Бр. Башмаковы» и др.) стали впоследствии отделениями Госиздата, а большое «Кооперативное издательство» превратилось в Отделение специальных работ при Техническом отделе Госиздата.

Вплоть до 6 июня 1922 г. Госиздат пользовался правами Главного управления по делам печати.

Важна была организация библиографического дела в Республике. С этой целью при Госиздате создается Центральная книжная палата.

В осуществление возложенных на новый орган заданий был образован соответствующий аппарат. Во главе Госиздата стал видный революционер и блестящий литератор В. В. Воровский. В состав первой редакционной коллегии были введены крупные деятели партии: М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, Н. Л. Мещеряков и др.

На первых порах работы Госиздата ему пришлось столкнуться, казалось бы, с непреодолимыми трудностями. Это выразилось прежде

---

[11] ЦГАОР, ф. 395, оп. 4, е. х. 1, лл. 4, 5.
[12] Там же, лл. 8, 9.

всего в отсутствии потребного количества бумаги и почти полном прекращении работы московских типографий, главным образом, из-за недостатка топлива (особенно зимой 1919 г.).

В. И. Ленин так оценивал создавшееся положение в своей статье «О работе Наркомпроса», опубликованной в 1921 г.: «Мы нищие. Бумаги нет. Рабочие холодают и голодают, раздеты, разуты. Машины изношены. Здания разваливаются»[13].

Труднее всего было с бумагой. В Царской России производство бумаги не удовлетворяло спроса на нее. Блокада же Советской России поставила бумажную промышленность в исключительно тяжелое положение: не хватало сырья, отсутствовали сукна и сетки, которые вообще в России не вырабатывались, фабрики были разрушены. Если в 1913 г. потребность во всех сортах бумаги (газетная, печатная, писчая, оберточная, папиросная) выражалась в количестве 22 млн. пудов, из которых 25% приходилось на книжную и газетную, то в 1919 г. все бумажное производство в стране выразилось в цифре 1,5 млн. пудов всех сортов и видов[14].

Следует иметь в виду также и то обстоятельство, что Россия ввозила большую часть бумаги из Финляндии, откуда получать ее теперь стало невозможно. Существовавшие же запасы бумаги частично вывезли белые, частично скрыли владельцы частных издательств и типографий. Многочисленные издательства наркоматов разбазарили ценившуюся на вес золота бумагу на дублирующие друг друга ведомственные издания.

При организации Главиздата положение с бумагой на первых порах почти не изменилось. Вся бумажная промышленность управлялась Главбумом, а Госиздату было лишь вменено в обязанность распределять бумагу как в центре, так и на местах. Это не мешало различным организациям самочинно распоряжаться бумажными запасами.

Поэтому сразу же после завершения организационного оформления Госиздат повел борьбу со спекуляцией, хищением бумаги, добивался передачи в его ведение «всей печатной бумаги, где бы она ни находилась»[15]. В частности, руководство Госиздатом потребовало изъять бумагу и типографские материалы у треста «Моспечать», «самочинно захватившего около 60 000 пудов бумаги, матрицы, клише и стереотипы, которые принадлежали Госиздату. Захвачена и вся бумага довоенной выработки — верже, беленая бумага, обложки»[16].

В Госиздате была введена должность комиссара по распределению бумаги. Отпуск бумаги издательствам и наркоматам производился теперь только с его ведома. Началась кропотливая работа по выявлению и изъятию бумажных запасов. Работники Госиздата, снабженные специальными мандатами, зачастую обнаруживали целые бумажные склады. Приведем текст одного из подобных мандатов того времени: «Настоящим поручается тов. Герцику совместно с представителем Полиграфического отдела распечатать предприятие Бр. Евдокимовых и принять его с целью учета находящейся там бумаги.

Комиссар по распределению бумаги. 24. XII. 1919 г.»[17].

Были приняты решительные меры по проведению жесточайшей экономии типографской бумаги. Комиссар по распределению бумаги рассылал нижеследующие циркуляры:

---

[13] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 330.
[14] «Государственное издательство за пять лет», М., 1924, стр. 41.
[15] ЦГАОР, ф. 395, оп. 4, е. х. 7, л. 3.
[16] Там же.
[17] ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, е. х. 48, л. 135.

«Нижегородскому Губкомитету Всероссийского комитета партии.
Н. Новгород

27 сент. 1919 г.

На ваше отношение от 18 сентября за № 5340 сообщаю, что, согласно Постановленню Организационного Бюро ЦК РКП от 1. VIII рекомендуется выпускать только одну газету в городе.

Ввиду острого недостатка бумаги должна выходить только одна газета Губисполкома размером не более газеты «Беднота». При таком остром бумажном голоде издание каких-либо сборников, журналов и обзоров является совершенно недопустимым» [18].

Все эти мероприятия дали возможность Госиздату постепенно выбраться из острого бумажного кризиса. Однако полностью обеспечить себя бумагой издательство сумело только с начала 1924 г., когда удалось восстановить полуразрушенную писчебумажную фабрику бывших Печатников (под Ленинградом).

Не в лучшем положении находилась в первые годы и полиграфическая база издательств. Отсутствие шрифтов, масс для валов типографских машин, топлива и рабочих рук привело к тому, что две трети парка полиграфических машин стояло. Особенно тяжелое положение сложилось в Москве, полиграфическая база которой не была рассчитана на загрузку, вызванную переездом в Москву правительственных учреждений. В 1919 г. большинство типографий пришлось законсервировать. В наиболее крупных типографиях работало от 25 до 30% машин, многие из них стояли, так как капитальный ремонт давно не производился. Все виды работ задерживались из-за отсутствия материалов [19].

Трудно было также с топливом. Государственное издательство предпринимало усилия, чтобы обеспечить топливом типографии, хотя бы на 5—6 часов работы в день.

«Ввиду того, — писало руководство Госиздата 12 сентября 1920 г. в Президиум Московского Совета, — что цинкография Государственного издательства по своему оборудованию и запасу материалов единственная в Москве, которая в состоянии выполнять срочные заказы, за отсутствием дров должна прекратить свою работу. Государственное издательство, не имея возможности из других мест получить дрова, просит Президиум отпустить две сажени дров, которых хватит на отопление помещения в течение месяца...» [20].

Приведем выдержку еще из одного документа, характеризующего положение с топливом в типографиях:

«Телефонограмма № 8072. В Полиграфический отдел.

Несмотря на Ваши неоднократные уверения, что вы в достаточном количестве снабжаете дровами типографию быв. Сытина, тем не менее работа в означенной типографии производится очень слабо, а сегодня типография вовсе не работала ввиду того, что температура очень низкая...

24 декабря 1919 г.» [21].

Создалось сложное положение с рабочей силой, с подбором специалистов. Руководители Госиздата обращались даже в ЦК РКП, сетуя на то, что издательству «крайне необходимы наборщики, владеющие иностранными языками» (1921 г.) [22]; просили отозвать тех или

---

[18] Там же, е. х. 47, л. 158.
[19] «Государственное издательство за пять лет», стр. 40.
[20] ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, е. х. 89, л. 34.
[21] Там же, л. 137.
[22] Там же, е. х. 50, л. 154.

иных ценных работников из армии. Отсутствие необходимого количества бумаги и почти полное прекращение работ московских типографий в связи с топливным кризисом свели работу Госиздата к минимуму. Положение не улучшилось и в 1920 г., хотя топливная проблема налаживалась. Все это заставило Госиздат «признать желательным печатание научных и учебных книг за границей, сосредоточив это дело предпочтительно в Эстонии» [23].

Если подобная обстановка создалась в центре страны, то положение с бумагой и полиграфией на периферии было совсем плачевным. «Бумага. Запасов никаких нет, — сообщало Архангельское отделение Госиздата в 1921 г. — Если самый последний наряд (525 п.) фабрика «Сокол» не выдаст, теперь же орган Губисполкома «Известия» временно прекратится» [24].

На всю Башкирию в 1921 г. сохранилась одна типография. В типографиях Новгородской губернии почти полностью отсутствовали наборные машины, не было ни литографий, ни цинкографий. 8 октября 1921 г. Царицынское губернское издательство сообщало в Главное управление Госиздата:

«Дорогие товарищи!

Несмотря на катастрофическое положение полиграфической промышленности, а в особенности в голодающей губернии (как наша), и тем более что Вам известно, что в Царицыне имеется всего лишь одна типография (остальные вывезли белые на Дон и Кубань) и одна литографская, разбитая, собранная из различных частей машина, — все же ЦарГуИз откликнулся своими изданиями на агиткампанию о голоде и выпустил прилагаемые при сем листовки, аншлаги и плакаты» [25].

Издательства работали, проявляя буквально чудеса героизма. Нужда в печатном слове была так велика, что выходившие книги прямо из-под печатных машин отправлялись читателям.

Создание в 1919 г. Госиздата бесспорно явилось важным этапом в организации издательского дела в стране.

Однако, как это видно из изложенного нами выше материала, наладить необходимый стране выпуск литературы, особенно учебников, произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, научных книг, массово-политической литературы, в которых так нуждалась первая в мире Республика Советов, было не так просто. Большие трудности создавало положение, по которому книги распределялись бесплатно по сети правительственных учреждений. Пользуясь правом бесплатного заказчика, наркоматы завалили Госиздат своими ведомственными изданиями, не давая ему возможности справляться с непосредственными задачами.

28 ноября 1921 г. был опубликован декрет Совнаркома о платности печатных изданий. Это привело к резкому перелому в издательской деятельности. Освободившись от ведомственных изданий, Госиздат осуществляет самостоятельный хозяйственный расчет и создает собственный торговый аппарат.

В связи с окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству изменяется характер изданий. Издательство переходит от выпуска агитационных листовок к научно-популярной литературе и от небольших брошюрок к учебникам и серьезным научным трудам.

---

[23] Из отчета о деятельности Госиздата за 1922 г. (ЦГАОР, ф. 395, оп. 4, е. х. 2, л. 153).

[24] Там же, е. х. 3, л. 160.

[25] Там же, л. 154.

Укрепление бумажной и производственной базы позволило уже к 1923 г. значительно увеличить выпуск книжной продукции. Развитие издательской деятельности Госиздата характеризуют следующие цифры [26]:

Год	Наименований	Листы набора	В тысячах	
			экземпляров	оттисков
1919—1920	623	1 715	37 445	88 974
1921	777	3 051	21 919	62 142
1922	1002	10 905	12 715	119 450
1923	1963	22 407	29 449	321 306

Таким образом, можно сказать, что Госиздат сумел успешно преодолеть трудности, связанные с восстановительным периодом, увеличив за пять лет свою продукцию почти в десять раз.

Наша [illegible]ья не ставит, однако, перед собой цели дать подробную характе[illegible]у деятельности Госиздата за первые годы его существования. Представляется важным сделать из вышеизложенного обзора и [illegible]ие нас выводы о причинах появления в эти годы некоторых [illegible]ства так называемых безвыходных изданий.

Отсутствие трудности, с которыми столкнулись советские издательства как в центре, так и на местах, безусловно повлияли на качество изданий первых советских книг. Здесь сказалось все: и отсутствие хорошей бумаги, и полный разгром шрифтового хозяйства, разрушенная полиграфия и, наконец, широкая деятельность многочисленных частных издательств, особенно в период нэпа. В обстановке, когда Советская Россия отбивалась от многочисленных врагов, ее первейшей задачей в области издательского дела было ограждение агитационно-политической литературы от напора ведомственного, бюрократического материала, освобождение учебников от традиций старой школы, поиски новых авторов, способных освещать насущные вопросы социалистического строительства.

Естественно, что проблема оформления, печати, бумаги, красок, шрифтов на первых порах стояла на втором плане. Обложка, титул, общая архитектоника книги не стали еще существенными элементами советских изданий. Дата выхода книги в свет зачастую просто опускалась, причем это иногда происходило даже по прихоти художника-оформителя. Были и другие соображения, совершенно особого характера.

Так, 22 июля 1919 г. в Государственное издательство поступило предложение о создании усовершенствованного типа лубочных изданий. Инициаторы этого предложения исходили из тех соображений, что «лубок как первая ступень чтения будет единственно доступной книгой для широких народных масс и поэтому представляется вопросом первоначальной важности... создать новый тип его, который отвечал бы культурным требованиям современности, воспользовавшись для этого лучшими основными чертами лубочной литературы» [27]. В серии нового лубка предполагалось выпустить рассказы Максима Горького «Нилушка», «Рождение человека», «Как сложили песню», «Легкий человек»,

[26] См. Ф. Конар, *Издательская деятельность Госиздата за пять лет*, — сб. «Государственное издательство за пять лет», стр. 42.

[27] ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, е. х. 11, л. 2.

брошюру Н. А. Рубакина «Испытания доктора Исаака» и некоторые другие. В проспекте особо подчеркивалось, что книжки эти надо распространять в деревне с помощью разносчиков-офеней, не ставя на их обложках никаких данных, даже цены, так как «крестьянин к этому не привык»[28].

Отступления от общего положения, требующего обязательной датировки книги, марки издательства и цены, таким образом, в первые годы допускал даже Госиздат, не говоря уже о многочисленных частных издательствах, таких, например, как «Альциона», «Звено», «Товарищество Мир», «Максималист», «Б. М. Рубинштейн», «Г. Б. Сандомирский», «Г. А. Блюмберг и К°», «Антик», деятельность которых он контролировал. При распространении некоторых своих изданий эти издательства зачастую предпочитали не акцентировать дату их выхода в свет. Это позволяло им выдавать некоторые книги религиозного, порнографического, а зачастую даже и откровенно контрреволюционного содержания за дореволюционные издания, избегать прохождения цензуры, которая была возложена на Госиздат 12 декабря 1921 г., когда декретом Совнаркома было официально разрешено кооперативам, обществам и частным лицам заниматься издательским делом. Предпринимались всяческие попытки выпускать и различные подпольные издания под флагом советских издательств и типографий. В связи с этим будет небезынтересно привести выдержки из документа, подписанного секретарем Петроградского губотдела ВСРП в 1921 г.:

«В Комиссию по улучшению печатного и издательского дела при ЦК РКП.

Уважаемые товарищи.

По постановлению собрания организаторов Коллективов РКП в предприятиях полиграфического руководства в городе Петрограде довожу до вашего сведения.

В Москве в одной из Московских типографий выпущена в свет книжка «Сказка о царе Додоне» Ремезова (Издание Высшей Вольной Обезьяньей Палаты) с порнографическим текстом и еще более порнографическими иллюстрациями. Второе (их, наверное, много больше) произведение такого же характера выпущено в Петрограде под названием «Семь портретов», перевод Кузьмина, рисунки художника Митрохина, издательством «Петрополис» в кол. 327 экз., из них 27 раскрашено от руки (как значится на обложке)... По поступившим от рабочих 15 Государственной типографии (в Петрограде) заявлениям и предоставленным оттискам видно, что в той же 15 Государственной типографии продолжается изготовление порнографических клише и подготовляется выпуск изданий того же типа... В 142 типографии (в Петрограде) отпечатан «Церковный календарь, в текст которого вкреплен декрет об отделении церкви от государства. Комментарии и выводы по этому поводу считаем излишними, так как они ясны каждому члену РКП...»[29]. Отсюда понятно то внимание, которое Госиздат обращал на необходимость соблюдения строгих правил оформления титульных листов и обложек, выходящих в Советской России книг. Госиздат неоднократно указывает: «Книги... должны отныне иметь фирму „Государственное издательство. Москва"»[30] «благоволите заклеить [старую цену] ярлычком с обозначением новой цены и надписи

[28] Там же, лл. 4—6.

[29] Там же, е. х. 50, л. 51.

[30] Из циркуляра быв. Издательству универсальной библиотеки «Антик», — там же, оп. 4, е. х. 1, л. 60.

„Государственное издательство"»[31] и т. д. Подобные напоминания несомненно говорят о том, что эти правила далеко не всегда соблюдались частными издательствами.

Не приходится говорить о многочисленных нарушениях существующих правил издания периферийными издательствами. Надо иметь также в виду, что в исследуемый период в Советской России действовали многочисленные издательские группы, работавшие в подполье, на территории, оккупированной врагом; большую издательскую деятельность проводила Дальневосточная республика. Печатная продукция, выпускаемая в этих районах, зачастую намеренно не датировалась по чисто политическим соображениям.

Нельзя сбрасывать со счетов также такую многочисленную и разнообразную печатную продукцию, как листовки, афиши, плакаты, в большинстве своем недатированные. Кроме того, следует иметь в виду, что известная часть книжной продукции дошла до нас от первых лет Советской власти в одном-двух экземплярах, причем с оборванными титулами и обложками.

Из всего вышесказанного можно сделать определенный вывод о необходимости применить методы палеографии также и к печатным изданиям первых лет Советской власти.

Итак, как и всякий исторический источник, печатные издания могут быть подвергнуты палеографическому анализу.

Как же следует изучать издания первых лет Советской власти с целью определения времени и уточнения места их возникновения?

Нам представляется возможным выделить шесть основных признаков: бумага, шрифты, техника полиграфического воспроизведения, художественное оформление; язык, стиль и орфография; тематика и содержание.

В связи с анализом вышеперечисленных признаков возникает еще один весьма существенный вопрос, касающийся атрибуции, т. е. установления принадлежности текста книги определенному автору на основании бесспорных доказательств. Однако этот вопрос относится уже к одному из этапов текстологической работы, и мы не будем его здесь касаться[32].

В настоящей статье, имеющей сугубо постановочный характер, мы не предполагаем давать тщательный анализ каждого из отмеченных нами признаков книжных изданий. Эта задача требует более длительного и серьезного исследования. Ограничимся лишь краткой характеристикой некоторых основных признаков, по которым можно судить о первых советских изданиях 1917—1922 гг.

Бумага

Выше уже было сказано о том катастрофическом положении с бумагой, которое сложилось в первые послереволюционные годы. Это сильно сказалось на книжной продукции, печатавшейся на самых низких сортах. «Советская книга, — писал О. Ю. Шмидт, — самой внешностью своей агитировала против блокады: оберточная бумага, бледная краска...»[33]

---

[31] Из обращения книгоиздательству «А. Ф. Маркс», — там же, оп. 1, е. х. 49, л. 48.

[32] Проблеме атрибуции посвящен, например, второй выпуск сборника «Вопросы текстологии» (М., 1960).

[33] О. Ю. Шмидт, *Юбилей советской книги*, — в сб. «Государственное издательство за пять лет», стр. 17.

Все бумажное производство 1919 г. выражалось, как уже было отмечено выше, в исключительно скромной цифре — около 1,5 млн. пудов всех сортов и видов. Приходилось, таким образом, пользоваться наличным и разнообразным ассортиментом. Причем этот разнобой достигал совершенно недопустимых размеров — в одной и той же партии, часто в одной и той же стопе и роле бумага встречалась разной плотности, веса и оттенка.

Книги и брошюры 1919—1920 гг. характеризует темная оберточная бумага; иногда они печатались даже на листах неразрезанных бандеролей для папирос и табака. В лучшем случае это была газетная бумага или браковапная макулатура. «На юбилейной выставке Госиздата, — пишет Л. И. Рузер, — можно было видеть том сочинений Маркса и Энгельса, отпечатаниый в 1920 г. на сахарной бумаге и имеющий поэтому вершка два в толщину, или листовку на тоненькой бумаге, употреблявшейся до того совсем для других целей» [34].

То, что оберточная бумага сплошь и рядом применялась в книгоиздательском деле, подтверждают многочисленные разъяснения, направляемые на периферию комиссаром по распределению бумаги. Приведем одно из них:

«Калужскому Губисполкому.

В ответ на вашу телеграмму от 28/XI сообщаем, что оберточная бумага, годная для печати, выдается как печатная и будет выдаваться по норме» [35].

В 1918—1921 гг. бумажные фабрики, которых и так оставалось совсем немного (причем количество их уменьшилось с 42 в 1918 г. до 28 в 1921 [36]), из-за полного прекращения поставок целлюлозы, древесной массы и каолина в связи с блокадой сильно уменьшили проклейку бумаги. На ее качество повлияла и изношенность оборудования, в частности сиастей для размола материалов, из которых изготовлялась бумажная масса, сеток, сукон. В результате бумага поступала облачной на просвет. Газетная и оберточная бумага была почти вся желтого цвета, плохо проглаженная, покрытая темными и светлыми пятнами. Часть листов имела на поверхности волокна древесины, видимые простым глазом.

Исключительно плохо обстояло дело с бумагой для печатания иллюстраций. Меловая бумага для автотипии отсутствовала совершенно, а слоновую, хорошей глазировки, можно было достать только случайно.

Лишь с конца 1921 г., с началом прорыва блокады, появилась возможность приобретать за границей высокие сорта бумаги, а с 1923 г. Госиздат приступил к организации собственного производства на бумажной фабрике в Красногородске.

Шрифты

Шрифтовое хозяйство царской России не базировалось на отечественных образцах. Первоначально шрифты поставляли в Россию французские фирмы (Ревильона, Дидо), но уже с 40-х годов XIX в. их полностью вытеснили немецкие фирмы Лемана и Бертгольда.

О. И. Леман в 1854 г. стал владельцем небольшой словолитной

---

[34] Л. И. Рузер, *Редакция Госиздата за пять лет*, — там же, стр. 29.

[35] ЦГАОР, ф. 395, оп. 4, е. х. 1, л. 37 (док. от 8.XII.1919).

[36] Главбум. «Материалы к технико-экономическому съезду бумажной промышленности 15 февраля 1922 г.», М., 1922, стр. 13.

мастерской, а в 1862 и 1874 гг. выпустил образцы своих первых шрифтов, широко распространившихся по всей России. В 1894 г. в Петербурге был основан филиал берлинской фирмы «Бертгольд и К°», ставший основным конкурентом Лемана. С конца XIX в. вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции эти два крупных капиталистических предприятия определяли развитие графики русских типографских шрифтов[37]. Некоторые издательства (АН, издательство Вольфа) имели свои собственные словолитни. Были словолитни в Казани и Тифлисе, выпускающие русские и грузинские шрифты.

Шрифты выпускались в разнообразных гарнитурах и кеглях[38]. Преобладали, однако, шрифты второй группы (обыкновенной и елизаветинской гарнитуры) с резко контрастирующими основными и соединительными линиями. Отличались рисунки шрифтов не столько начертанием, сколько разной плотностью. Из титульных шрифтов чаще всего применялся гротеск. Кегли шрифтов давались зачастую увеличенными (в 12, 16 пунктов), рассчитанными на малограмотного читателя.

В 1906 г. миллионер Рябушинский приобрел первый линотип. В связи с этим появились линотипные и позднее монотипные шрифты. Широкое распространение имели гарнитуры: боргес, рената и академическая для наборной машины «Типограф», ныне уже совершенно снятой с производства.

Все это многообразие гарнитур Бертгольда и Лемана получила в наследство и молодая Советская республика.

Однако гражданская война и интервенция быстро разрушили шрифтовое хозяйство России. Часть шрифта изготовлялась из меди, а поскольку ощущался сильный недостаток цветных металлов в промышленности, его использовали для ее нужд. Не лучше обстояло дело и со свинцовым шрифтом: его переливали на пули. Особенно широко пользовались свинцовым шрифтом белогвардейцы, которые вывозили его отовсюду, где только ни находили. Вот что сообщает в своем отчете за январь — май 1921 г. Царицынское отделение Госиздата: «...местные типографии были разграблены по частям: часть... была увезена белыми в Армавир, где издавалась белогвардейская „Заря России". Лучшие шрифты, лучшие печатные станки, таким образом, были вывезены из Царицына»[39].

В связи с этими обстоятельствами номенклатура шрифтов была сокращена.

В 1920 г. была предпринята первая попытка создания советских шрифтов. Петроградское отделение Государственного книгоиздательства в связи с этим сообщало: «Настоящим доводит[ся] до сведения всех художников-граверов, граверов-пуансонистов и граверов-литографов, что... организован конкурс по созданию новых русских шрифтов, а именно: 1) шрифта для учебников и учебных пособий, 2) шрифта для книг беллетристического содержания, журналов и газет и 3) шрифта для книг и журналов, роскошно издаваемых»[40]. К сожалению, этот конкурс, видимо, не имел практических результатов, хотя некоторые предложения были весьма оригинальными, в какой-то степени отражающими дух времени. Так, один из соискателей предложил шрифт, в основе которого лежали изображения серпа и молота[41].

---

[37] А. Шицгал, *Русский гражданский шрифт 1708—1958 гг.*, М., 1959, стр. 218.

[38] Каталог русских шрифтов фирм Бертгольда и Лемана см. в кн.: Seeman, *Handbuch der Schriftarten*, Leipzig, 1926.

[39] ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, е. х. 47, л. 4.

[40] Там же, е. х. 89, л. 8.

[41] Эти и некоторые другие весьма интересные данные сообщил нам один из созда-

Первый советский стандарт шрифтов (каталог треста «Полиграф») был разработан только в 1927 г.

Существенное значение для нашего исследования представляют также наборные орнаменты. Они применялись в дореволюционной русской полиграфии, но в связи с низким художественным качеством быстро вышли из употребления. Поэтому в первые годы Советской власти в книгах встречались главным образом простые геометрические фигуры: квадраты, ромбы, треугольники, круги различных размеров [42].

Техника полиграфического воспроизведения

Она была обусловлена в первую очередь существующим парком полиграфических машин. Как до революции, так и в первые годы Советской власти отечественного полиграфического машиностроения страна почти не имела. Парк типографий был в основном оборудован машинами немецкого производства. Это были линотипы системы Мергенталер (с керосиновым и газовым подогревом), плоскопечатные и литографские машины Кенига и Бауэра, ротации Дерриэ и Марионни. В крупных типографиях (Сытина в Москве, Печатный двор в Петрограде) имелись даже монотипы системы Баскрофта. Из наборных машин следует отметить также некоторое количество «Типографов». Мелкие же типографии были оборудованы в основном лишь тигельными печатными машинами, так называемыми «американками».

Переплетно-брошюровочные процессы осуществлялись, как правило, вручную. Работали лишь резальные и проволокошвейные машины. Это, кстати, определяло и характер книги. Отсутствие трехножевых резальных машин приводило к тому, что книга выпускалась в продажу неразрезанной и читателю приходилось разрезать ее самому деревянным или костяным ножом, которые были широко распространены. Для изданий этих лет было характерно также проволочное крепление; только для особо ценных книг применялось шитье нитками вручную [43].

Как мы уже отмечали выше, Советская Россия получила совершенно разрушенный машинный парк. Не было запасных частей, краски, смазочных и других материалов. Машины требовали капитального ремонта, а произвести его не представлялось возможности. Зачастую печатные станки работали по два-три часа в день. Качество печати оставляло желать лучшего. Его характеризовала неравномерная насыщенность краской оттисков текста в пределах полосы, на лицевой и оборотной стороне листа; разная насыщенность печати различных листов одного и того же издания; серые, невыразительные тоновые иллюстрации, сдвоенные контуры рисунков; отмарывание оттисков в течение продолжительного времени, дробление печати, излишне сильный натиск на оборотной стороне, просвечивание шрифта и т. д.

С 1923 г. начался капитальный ремонт всех средств производства в крупных типографиях. Новых машин приобрести еще не удавалось, но все, что осталось после гражданской войны, было пересмотрено, отремонтировано и пущено в ход. Качество полиграфического исполнения книги в эти годы соответственно значительно улучшилось [44].

телей первых советских шрифтов А. В. Щукин, за что приносим ему искреннюю благодарность.

[42] В. В. Попов, *Общий курс полиграфии*, М., 1952, стр. 51.

[43] Л. К. Белозерский, Г. П. Смирнов, *Брошюровочно-переплетные машины*, М., 1960, стр. 182—183.

[44] Ф. Конар, *Издательская деятельность...*, стр. 43.

Художественное оформление

Эта сторона вопроса имеет чрезвычайно важное значение для цели настоящего исследования. Ибо можно с уверенностью сказать, что как шрифтовое оформление, так и рисунок на обложке и в тексте книги претерпели резкое изменение после Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в настоящей статье, имеющей, как уже было сказано, характер постановки вопроса, мы не имеем возможности дать подробную характеристику новых графических и художественных средств, определивших стиль советской книги.

Трудности с полиграфией, создавшиеся на первых порах, заставляли художников отказываться от применения многокрасочных обложек и иллюстраций. В основном преобладал строгий стиль черно-белой или, в крайнем случае, двухцветной (черное с красным) обложки с применением разнообразных рисованных и наборных шрифтов. Широко применялась ксилография, гравюра на дереве и линолеуме. Для воспроизведения многокрасочных оригиналов художникам приходилось пользоваться хромолитографией; офсетной печати не было и в помине.

Большой популярностью пользовался различный акцидентный набор.

Благодаря поистине героическим усилиям энтузиастов-художников на кустарном оборудовании удавалось все же издавать книги с применением разнородных способов художественного оформления (работы В. А. Фаворского, Н. И. Пискарева, А. Н. Лео, Дейи, В. В. Ватагина и др.).

Язык, стиль и орфография

Русский литературный язык складывался на протяжении многих столетий; он никогда не стоял и не стоит на месте, в создании его лексики участвует весь народ, и в то же время он постоянно впитывает в себя слова, заимствованные из других языков, областных диалектов и профессиональной речи. Поэтому язык всегда был одним из основных объектов исследования и в дореволюционной палеографии.

Не меньшее значение имеет исследование языка и стиля и в применении к книжной продукции изданий первых лет Советской власти. Конечно, надо отдавать себе отчет, что книга — это не рукопись; она прошла уже определенные этапы редакционной обработки, стиль ее в какой-то степени нивелировался под рукой редактора. И все-таки язык и стиль дореволюционной книги значительно отличались от языка и стиля первых изданий Советской власти.

Лексика его обогатилась в первую очередь революционным пафосом, появилось большое количество новых слов и выражений, вызванных бурными годами интервенции, гражданской войны и восстановительного периода.

После Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей необходимые предпосылки для подлинно культурной революции, повернувшей к активной общественно-политической жизни многомиллионные массы бывшей царской России, наблюдалась не просто постепенная эволюция, а резкий скачок, приведший к значительному изменению лексики и фразеологии книги, причем изменению в сторону ее демократизации.

В то же время наследие старой России не могло быть скоро и кардинально изжито. Архаизмы, пришедшие главным образом из ста-

рославянского языка, большое количество искусственно созданных неологизмов, не нашедших затем широкого распространения, иностранные (главным образом французские) слова и, наконец, канцеляризмы засоряли зачастую первые советские книги и брошюры.

Большое значение для датировки безвыходных изданий имеет декрет о реформе русского правописания, принятый советским правительством в 1917 г., способствовавший ликвидации неграмотности в СССР [45]. Совершенно ясно, что после этой даты большая часть советских книг стала печататься уже по правилам новой орфографии без применения буквы «ять», «Ѳ», «І», окончаний «аго» в родительном падеже имен прилагательных или окончания «я» во множественном числе имен прилагательных женского рода. Следует только иметь в виду, что при переводе старой орфографии на новую начертание слова зачастую сохранялось (и вполне правомерно), если оно отражало реальную и существенную черту старого языка [46].

Тщательное исследование проблем языка и стиля несомненно дает много интересных данных при оценке внешних признаков печатных изданий 1917—1920 гг.

Тематика и содержание

Для советской литературы на первых этапах ее формирования это, пожалуй, основной признак, позволяющий анализировать печатную продукцию с точки зрения ее датировки.

С уверенностью можно сказать, что тематика послереволюционной книги изменилась кардинально.

В первые годы Советской власти, годы военного коммунизма, преобладала литература агитационно-пропагандистского характера.

Несмотря на трудности в работе, вызванные топливным, бумажным и полиграфическим кризисами, Госиздат успешно откликался на все требования, которые выдвигала перед ним страна. О тематике книг и брошюр Госиздата, вышедших в годы военного коммунизма, говорят, например, следующие данные: только за июль — ноябрь 1920 г. вышло: о польской войне — две брошюры тиражом 300 тыс. экз.; о врангельщине — три брошюры — 420 тыс. экз.; о II Конгрессе Коминтерна — одна брошюра — 100 тыс. экз.; об Октябрьской годовщине — одиннадцать брошюр — 1525 тыс. экз. [47].

Уже с первых дней образования Госиздата он начал издавать наряду с боевой агитационной (листовочной и брошюрной) литературой произведения Маркса, Энгельса, Ленина, работы по истории революционных и общественных движений.

Прежде всего здесь следует отметить начавшееся с 1919 г. издание собраний сочинений В. И. Ленина. С осени 1921 г. Госиздат приступил к печатанию учебников. Создание учебников Госиздат признал «самым ударным делом». Нужно было вовремя обеспечить трудовые школы учебными пособиями. Лучшие из старых учебников переделывались, писались новые. Были мобилизованы все издательские силы в Москве, Петрограде и провинции. В результате сложная задача по снабжению книгами школ 1 и 2-й ступени была разрешена [48].

---

[45] «Газета временного рабочего и крестьянского правительства», 1917, 23/XII.

[46] См. Б. Эйхенбаум, *Основы текстологии*, — в сб. «Редактор и книга», вып. 3, М., 1962, стр. 80.

[47] М. Б. Вольфсон, *Госиздат на идеологическом фронте*, — в сб. «Государственное издательство за пять лет», стр. 80.

[48] ЦГАОР, ф. 395, оп. 4, е. х. 1, л. 15.

Примерно с 1922 г. Госиздат включает в свою деятельность переиздание лучших марксистских изданий 1905—1907 гг., а также другой социально-экономической литературы. Большое значение придавалось изданию научной и особенно научно-популярной литературы. Если в первые годы Советской власти об издании художественной литературы не приходилось даже и говорить, то с переходом в 1922 г. на коммерческие основы стали предприниматься массовые издания художественных произведений, которые, с одной стороны, проводили идеи Советской власти и, с другой — удовлетворяли потребности книжного рынка [49].

В 1923 г. Госиздат уже издавал литературу по очень широкой тематике. Об этом говорит следующая таблица [50].

Виды литературы	Названий	Листы набора в тыс.
Научная	157	1999
Соц.-экономическая	321	5311
Учебники для вузов	142	2112
Учебники для I и II ступени	496	4708
Литературно-художественная	473	5728
Искусство	55	243
Детская	99	651
Календарная	56	243
Научно-популярная	121	1016

Прослеживая изменение тематики и содержания книг первых лет Советской власти, исследователь получает широкую возможность относить издание того или иного вида литературы к тем или иным периодам становления и развития молодого Советского государства.

Заканчивая краткий обзор внешних признаков печатных изданий первых лет Советской власти, проведенный в основном на материалах Государственного издательства, мы хотим еще раз подчеркнуть, что настоящая статья имеет характер лишь общей постановки вопроса и заключает в себе материал, могущий, по нашему мнению, послужить основой для более детального исследования этого весьма интересного и имеющего большое практическое значение вопроса.

---

[49] ЦГАОР, ф. 395, оп. 4, е. х. 1, л. 14.

[50] Ф. Конар. *Издательская деятельность...*, стр. 44.

Р. В. Костина

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МАШИНОПИСНЫХ ТЕКСТОВ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В последние годы жизни М. Н. Тихомиров возглавлял практическую разработку вопросов специальных исторических дисциплин истории СССР советского периода. Работа эта в настоящее время находится в стадии поиска путей и методов исследования.

Криминалисты накопили большой опыт в исследовании документов при помощи визуальных и физико-химических средств. Разработанные ими методы распознавания бумаги дают возможность сравнить цвет представленных образцов, степень белизны, светопроницаемости, лоска; определить вес и толщину листа, состав бумаги по волокну, тип проклейки, наличие лигнина в составе бумажной массы.

Для различения чернил в штрихах используются ультрафиолетовые, инфракрасные и рентгеновские лучи (для чернил, содержащих вещества с большим атомным номером, применявшихся у нас в стране до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Для этой цели используется также фотография в различных зонах светового спектра, изучение отражательной способности чернильных штрихов, исследование их при помощи электронно-оптических приборов и т. д. Существуют различные способы изучения карандашных штрихов. Разработана методика идентификации почерков отдельных лиц, выявления типа пишущей машины, на которой напечатан текст, и лица, его напечатавшего. Определены методы исследования подлинности печатей и штампов, заверяющих документ. Начато использование кибернетики и математической статистики в судебном почерковедении [1].

Однако прямое использование в историческом исследовании криминалистических методов не всегда возможно, так как изучение исторических документов требует разработки ряда проблем, которые не затрагиваются криминалистами и которые могут быть решены только специальными историческими дисциплинами. Так, в области палеографии документов новейшего времени необходимо изучение важнейших

[1] См., например, «Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств. Пособие для экспертов, работников органов дознания, прокуратуры и суда», М., 1962 (Библиография в конце разделов); С. М. Соколов, *Судебно-химическая экспертиза вещественных доказательств*, М., 1964 (Библиография в конце разделов); А. И. Виноберг, *Криминалистическая экспертиза письма*, М., 1940; А. И. Манцветова, Э. Б. Мельникова, В. Ф. Орлова, *Экспертиза почерка*, — «Теория и практика криминалистической экспертизы», 1961, № 6—7; З. Г. Самошина, *Систематика идентификационных признаков при криминалистическом отождествлении пишущих машин*, М., 1956; Н. П. Яблоков, *Исследование машинописных текстов*, — «Теория и практика криминалистической экспертизы», сб. 4, М., 1960; Н. А. Ноноселова, *Криминалистическая идентификационная экспертиза*, Минск, 1966; «Статистические методы в криминалогии и криминалистике. Тезисы докладов и сообщений на симпозиуме 20—21 апреля 1966», М., 1966; и др.

признаков бумаги, имевшей распространение после 1917 г. в России: ее штемпелей и филиграней, особенностей химического состава, размеров листа, видов разлиновки и т. д. Для датировки рукописных документов необходимо изучение химического состава чернил и грифелей карандашей, бытовавших в разные периоды, выявление наиболее характерных начертаний букв.

Особое значение приобретает для новейшей палеографии анализ машинописных текстов, так как большинство документов изучаемого времени выполнено на пишущей машине. Нужда в разработанной методике такого анализа диктуется самыми насущными потребностями источниковедения, так как недатированных документов, особенно за первые послереволюционные годы, отложилось не так мало, как об этом привыкли думать.

Просмотр только двух из многочисленных публикаций по истории Великой Октябрьской социалистической революции показал, что в одной из них («Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного Комитета», М., 1957) из 176 донесений, вошедших в сборник, не имели даты 35 (14, 4%), в другой («Октябрьское вооруженное восстание», М., 1957) из 1387 документов не было дат у 160 (11,4%). Встречаются и ошибочно датированные документы [2].

До сих пор не установлены происхождение и подлинность единственной машинописной копии репортерской или секретарской записи заседаний II Всероссийского съезда Советов 25 и 26 октября 1917 г. Под вопросом стоит дата исполнения этой записи, так как текст ее напечатан с соблюдением правил новой орфографии [3].

При публикации документов новейшего времени издатели в случае необходимости датируют их по содержанию, по современным им газетным и другим публикациям, по смежным документам, по отражению исследуемых документов в датированных. Эти методы не всегда дают достаточно обоснованные результаты и нуждаются в проверке и уточнении с помощью специальных исторических дисциплин и в первую очередь палеографии машинописных текстов.

Криминалистическое исследование машинописного текста сводится к определению типа, модели пишущей машины на основании измерений шага главного механизма [4], интервала между строками, длины строки, на основании изучения типа шрифта, комплекта знаков данной машинки. Индивидуальными признаками данной машины являются такие, которые зависят от состояния ее механизма: отклонение продольных осей знаков шрифта от вертикали, смещение оснований знаков шрифта от линии строки вверх или вниз, нарушение равномерности промежутков между знаками и словами, наскакивание одних знаков на другие, переменная интенсивность окраски оттисков знаков и т. д. Установление системы пишущей машины, на которой исполнен документ, дело весьма сложное и часто для современных документов просто неразрешимое, так как большинство пишущих машин, используемых в настоящее время, обладает одинаковыми свойствами. Исключение составляют машины первых лет Советской власти, когда в учреждениях использовались пишущие машины иностранных марок,

[2] См., например, М. С. Селезнев, *Вопросы воспроизведения текста и датировка документов в публикациях по истории советского общества.* — «Вопросы архивоведения», 1960, № 8; Е. Д. Орехова, Г. Е. Рейхберг, *О датировке некоторых документов Великого Октября.* — «Вопросы архивоведения», 1961, № 4.

[3] Е. А. Луцкий, *Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях.* — «Проблемы источниковедения», XI, 1963, стр. 4.

[4] Расстояние, на которое перемещается каретка пишущей машины при ударе на клавишный рычаг.

имевшие свой шрифт, не заменяемый шрифтами других фирм. Но даже и для этого периода установление системы пишущей машины может датировать документ лишь в пределах нескольких лет, в течение которых машина могла использоваться. Документы же новейшего периода нуждаются, как правило, в более точной датировке.

При большом количестве материалов, сохранившихся от учреждения или лица, можно установить более точную дату, наблюдая изменения шрифта вследствие его загрязнения и изношенности и сопоставляя исследуемый документ с датированными, обладающими сходными признаками. Однако эти признаки неустойчивы и не могут быть точно определены хронологически, так как установить время ремонта и чистки машины, как это делают криминалисты для современных машинописных текстов, для первых лет Советской власти почти невозможно. Несомненный интерес в этой связи представляет способ установления лица, печатавшего текст, поскольку большинство архивов советских учреждений сохранили документацию по кадрам довольно полно и дают возможность определить время приема и увольнения машинистки. Наблюдения криминалистов показывают, что каждая машинистка имеет свой «почерк», т. е. обладает свойственной ей манерой оформления текста и определенным уровнем грамотности.

Французский криминалист Э. Локар пишет: «Пишущая машина есть „машинка привычек", хороших или плохих. Она представляет собой настоящий регистратор физиологических и патологических особенностей лица, пользующегося ею. Немногие лабораторные приборы отличаются с этой точки зрения аналогичной точностью»[5].

Далее Локар указывает, что привычки проявляются в особом размещении на страницах печатаемого текста (расстояние каждой точки от начала листа, интервалы между заглавными или строчными буквами, способ подчеркивания, расстояние при отступлении в абзацах), способе выполнения различных украшений. Изменить эти привычки даже при желании трудно. Индивидуальность печатающего на машинке сказывается также в совершаемых им технических (перестановка двух последующих букв в слове, повторное несоблюдение интервала между словами, пропуск букв и т. п.) и грамматических ошибках. Эти выводы подтверждаются и советскими криминалистами[6].

Разработанный криминалистами метод идентификации машинописного текста может быть использован историками лишь с учетом характерных свойств исследуемого материала.

Документы первых послереволюционных лет имеют особенности грамматического характера. С 80-х годов XIX в. в русской орфографии господствующим становится основанное на традиционализме правописание Я. К. Грота[7]. Уровень развития лингвистической науки в 80-х годах XIX в. не позволил Я. К. Гроту во всех случаях предложить достаточно обоснованное единое правописание. В его своде правил остались спорные места. Так, например, в одних и тех же глаголах допускалось написание суффиксов «ова» и «ыва» («обнародывать» и «обнародовать», «обжалывать» и «обжаловать»)[8]. Для имен существительных среднего рода с окончанием в именительном падеже

---

[5] Эдмон Локар, *Руководство по криминалистике*, М., 1941, стр. 521.

[6] Н. П. Яблоков, *Исследование машинописных текстов*...

[7] Я. К. Грот, *Русское правописание. Руководство, составленное по поручению 2-го отделения имп. Академии наук*, СПб., 1885 (Сб. ОРЯС, т. XXXVI, № 1). См. также: *Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)*. М., 1965 (Библиография в конце книги).

[8] Там же, стр. 37—38.

ед. числа на «ьѣ» допускалось в предложном падеже единственного числа окончание «и» и «ьѣ» («в забытьи» и «в забытьѣ») [9] и др. Проведенная в 1917 г. реформа орфографии упростила правописание, но не ликвидировала всех спорных мест, имевшихся в нем [10].

При изучении текстов первых послереволюционных лет приходится учитывать разную степень усвоения писавшими новых правил, введенных реформой 1917 г. Эти обстоятельства отличают исследование исторических документов от работ криминалистов.

В настоящей статье делается первая попытка выявить эти отличия. Для наблюдений над машинописными текстами использованы протоколы президиума Московского городского Совета народного хозяйства с декабря 1918 г. по июль 1919 г. [11]. Текст этих протоколов составлялся стенографисткой и секретарем [12]. Перепечатка на пишущей машине производилась машинистками Управления делами. Протоколы контрольно-штатной комиссии не выделяют специальную машинистку президиума, не выделена она и в «Списке распределения сотрудников Управления Делами МГорСНХ согласно утвержденным штатам на 2-е полугодие 1919 года» [13], где специально обозначены секретарь президиума и стенографистка. Подсчеты, произведенные по данным протоколов Контрольно-штатной комиссии, показывают, что в январе [14] — августе 1919 г. в Управлении делами работали в разное время 21 сотрудник, занимавшиеся перепиской на машинке. Можно предположить, что каждый из них или по крайней мере большинство печатали протоколы президиума в порядке какой-то очередности. Обращение к самим текстам протоколов показывает, что они выполнялись многими машинистками. В небольшой статье невозможно проанализировать тексты всех 56 протоколов, поэтому остановимся только на нескольких группах, которые представляют, как ниже будет показано, работу отдельных лиц и характеризуют особенности текстов изучаемого времени.

Протоколы от 13 и 16 декабря 1918 г. напечатаны грамотно, с соблюдением правил новой орфографии [15]. Текст разделен по вертикали на два равных столбца под рубриками: «Слушали», «Постановили», заключенных в рамку одинаковой высоты. Номера пунктов протоколов со скобкой вынесены за пределы текстовых столбцов. Абзацы не выделены красной строкой.

Одинаковы техинические ошибки в обоих текстах: неравные расстояния между знаками в слове (разрыв и наскакивание знаков друг на друга), опущение некоторых заглавных букв в тексте ниже уровня строки. Оба протокола отличаются спецификой употребления заглавной буквы. Всегда с заглавной буквы пишутся слова: «Президиум», «Коллегия», «Комиссия», «Главк», «Цеитр», «О-во». В названии учреждений заглавная буква пишется то в начале каждого слова («Ликвидационная Комиссия», «Ликвидационное Правление», «Управление Делами», «Акц. О-во», «Москов. Гор. Сов. Нар. Хоз.», «Президиум ВСНХ», «Союз Металлистов», «Контрольно-Штатиая Комиссия»), то в начале первого слова: «в Правление по эксплуатации кирпичных заводов».

---

[9] Там же, стр. 62.
[10] СУ 1917, № 12, ст. 176.
[11] ГАОР И СС МО, ф. 1036, оп. 1, дд. 8, 88.
[12] Там же, д. 62, л. 12.
[13] Там же.
[14] Контрольно-штатная комиссия МГорСНХ образовалась 2 января 1919 г. (там же, д. 38, л. 2).
[15] Там же, д. 8, лл. 26—28; 29—30.

В названии отделов и подотделов всегда со строчной буквы пишутся слова «отдел» и «подотдел» независимо от места, занимаемого ими в названии: «отдел Деревообрабатывающей промышленности», «отдел Металла», «Коллегия отдела Металла». В результате в названии отделов получается очень странное использование заглавной буквы, которая пишется не в начале названия, а в определяющих словах, стоящих на втором месте. В протоколе от 13 декабря 1918 г. названия двух отделов и одной мастерской даны со строчной буквы в тех случаях, когда речь шла еще только об организации этих отделов и их название машинистка не считала именем собственным («центральной часовой починочной мастерской», «отдела готового платья», «отдела предметов широкого потребления»).

Я. К. Грот считал, что большие буквы составляют роскошь письма. «Правилам об употреблении больших букв, — писал он, — не следует придавать слишком много значения, тем более, что невозможно дать точных указаний на все встречающиеся случаи»[16]. Относительно заглавных букв в названиях учреждений правила Грота предусматривали, что с заглавной буквы пишется «только первое слово или же и второе слово, смотря по тому, считать ли его в этом случае за собственное или за нарицательное имя»[17], т. е. окончательное решение вопроса предоставлялось пишущему.

Интересны два протокола, сохранившие в тексте старое правописание окончаний прилагательных, причастий и местоимений. Протоколы датируются 11 и 25 декабря 1918 г.[18]. Рисунок оформления протоколов неодинаков. Текст напечатан грамотно. Есть технические ошибки — перебивка знаков из-за их перестановки и удвоения. Употребление заглавных букв сравнить невозможно, так как протокол от 11 декабря 1918 г. — протокол первого организационного заседания Президиума МГорСНХ — и его словарь резко отличаются от протокола 25 декабря. Для наглядности приводим все имеющиеся в тексте протоколов прилагательные, причастия, числительные, местоимения.

Протокол от 11 декабря	*Протокол от 25 декабря*
Организационаго	Московскаго
Московскаго	Городского
Городского	Народнаго
Народнаго	Московскаго
Исполнительнаго	Готоваго платья
Московскаго	Готоваго платья
Городского	Химическаго
Владимирскаго	Московскаго
Рабочаго контроля	Московскаго
Соответствующим	Санитариаго
Заведывающим	Московскаго
Заведывающим	Механическаго
Заведывающим	Специальнаго
Кредиты, отпущенные	С заведующим
Народнаго	Кооперативнаго
Московскаго	Инспекторскаго
Государственнаго	Бывшаго
Московскаго	Московскаго
Владимирскаго	Областного
Усиленнаго питания	Рабочего правления
Комиссии, образованныя	Рабочаго
Доклады, означенные	Районныя контрольныя комиссии

[16] Я. К. Грот, *Русское правописание...*, стр. 82.
[17] Там же, стр. 84.
[18] ГАОР и СС МО, ф. 1036, оп. 1, д. 8, лл. 25—25 об., 34—34 об.

Члена, наблюдающаго
Реквизиционно-оценочнаго
Организационныя заседания

Районныя контрольныя комиссии
Московскаго
Районнаго
Комиссии, действующия
Рабочего
Общаго плана
Работников, которые
Одиаго раза
Районнаго
Лица, назначеннаго в качестве
заведующаго
Московскаго Городского Народнаго

Как показывает приведенный материал, в обоих протоколах исполнитель текста держался правил старой орфографии в окончаниях прилагательных, причастий и местоимений в родительном падеже единственного числа. Под ударением («городского», областного») пишется окончание «ого», что допускалось практикой конца XIX в. и «Правописанием» Я. К. Грота [19], но не было обязательным. В соответствии со старой орфографией употребляется и окончание прилагательных и причастий множественного числа имеиительного падежа [20] («кредиты, отпущенные», «Комиссии, образованныя», «доклады, означеиные», «организационныя заседания», «районныя контрольныя комиссии», «комиссии, действующия»). В протоколе от 11 декабря с точки зрения старой орфографии допущена ошибка: «кассовыя ордера» (прилагательиые в именительном падеже мужского рода множественного числа и по старой орфографии имели окончание «ые», «не»).

Возникают сомнения, является ли исполнителем обоих разобраниых протоколов одно и то же лицо. Во-первых, неодинаков рисуиок оформления протоколов, во-вторых, в протоколе от 11 декабря машинистка во всех случаях употребляет слово «заведывающим», тогда как в протоколе от 25 декабря стоит: «с заведующим», «в качестве заведующаго». Разницу в рисунке протоколов можно объяснить неотработанностью формы протокола от 11 декабря, поскольку он был первым, зарегистрировавшим организационное заседание Президиума МГорСНХ. О нарушеиии единства правописания можно сказать следующее. Правописанне Я. К. Грота допускало, как уже указывалось выше, употребление одних и тех же глаголов то с суффиксом «ова», то с суффиксом «ыва», а также причастий типа «заведующий» и «заведывающий». Таким образом, употребление обеих этих форм правомочно. В то же время обращает на себя внимаиие в протоколе от 25 декабря форма «заведующаго», которой в протоколе от 11 декабря соответствует форма «наблюдающаго». Отметим также «рабочаго» (11 декабря) и «рабочего», «рабочаго» (25 декабря).

Присоединив к этим особенностям орфографии отмеченное выше «ого» в окончаниях родительного падежа прилагательных под ударением, получим достаточно оснований для утверждения того, что исполнителем обоих протоколов является одно и то же лицо.

Протоколы за март 1919 г. (3.III, 10.III, 14.III, 17.III, 24.III) при одинаковом оформлении имеют некоторые различия в его деталях. В протоколах от 3.III, 17.III, 24.III в назывной части выделены крупным шрифтом только фамилии присутствовавших членов Президиума МГорСНХ. В протоколе от 10 марта — крупным шрифтом напечатаны все фамилии присутствовавших, а в протоколе от 14 марта не выделены ничьи фамилии.

[19] Я. К. Грот, *Русское правописание...*, стр. 22—23.
[20] Там же, стр. 37—38.

Если говорить о навыке работы машинистки, этой детали можно не придавать большого значения. В текстах всех протоколов встречаются недостатки технического порядка: перебивка некоторых неправильно напечатанных знаков. (См. Приложение 1). Анализ их показывает, что характер совершаемой технической ошибки везде одинаков — замена одного знака другим. Только протокол от 10 марта имеет два случая слитного написания слов, один случай употребления слова в старой орфографии (въ) и одну орфографическую ошибку.

Имеется много общего и в характере орфографических и синтаксических ошибок, не исправленных машинисткой. Так, ошибками одного типа являются: «между двумы лабораторнями» (3.III), «фабрику..., находящаяся» (17.III), «...всем районных экономическим отделам...» (24.III) или: «...требует пребывание в центре города...» (3.III), «...о невозможности передаче...» (10.III), «...находящиеся в ведение» (14.III). Почти в каждом из протоколов есть слово, написанное под явным влиянием правил старой орфографии: «возстановление» (3.III), «въ» (10.III) [21], «обезпеченному», «Іюня», «Сапенъко» (17.III), «обезпечения» (24.III). Даже при этом небольшом количестве слов со старым правописанием видно, что писавший их не усвоил определенных правил новой орфографии (употребление приставок — «из», «воз», «без» и т. д. перед глухим согласным); ошибка повторена в трех протоколах из пяти; в двух протоколах (10.III и 17.III) используется буква «ъ».

Разбираемые тексты имеют общие синтаксические особенности. В протоколах от 3, 10, 14 марта не выделяется однородное обстоятельство места. В протоколах от 10, 14, 17 и 24 марта не выделяется запятыми причастный оборот, а в протоколах от 17 и 24 марта он выделяется, когда стоит перед определяемым словом. Последнее в отличие от существующих в настоящее время правил предусматривалось правописанием Я. К. Грота (стр. 104, 106 ук. труда). В трех протоколах одинаково написано выражение «в порядке Управления». Слово «управления» написано с заглавной буквы, хотя это не предусматривается в данном случае никакими правилами правописания [22]. В протоколах от 17 и 24 марта есть случаи, когда запятыми не выделяется деепричастный оборот. Нетипичных ошибок очень мало. Приведенный анализ дает основания утверждать, что протоколы от 3, 10, 14, 17 и 24 марта напечатаны одним лицом.

Остановимся еще на одной группе протоколов, относящихся к концу апреля — маю 1919 г. (28.IV, 2.V, 9.V, 12.V, 16.V) [23]. При одинаковой внешней форме протоколы выделяются неровными краями текстовых столбцов, что свидетельствует о неопытности машинистки, ее неумении печатать одну букву строго под другой. Правый край страницы выглядит очень неряшливо, часть букв не уместилась на листе и осталась ненапечатанной — машинистка не сумела рассчитать правильно длину строки. В тексте огромное количество орфографических ошибок (см. Приложение 2). Ошибки на безударные гласные, непроверяемые гласные, приставки «пре» и «при», на правописание суффиксов прилагательных, падежных окончаний, мягкого знака в глаголах неопределенной формы, причастий, предлогов и т. д. с удивительным постоянством повторяются в протоколах и делают несомненным авторство одного лица. Протоколы с таким правописанием идут

---

[21] См. приложение 1.
[22] Протоколы от 14.III, 17.III, 24.III.
[23] ГАОР и СС МО, ф. 1036, оп. 1, д. 88, лл. 50, 51, 52, 53—53 об., 54—55.

далее почти сплошь, на протяжении всего июня и до 18 июля 1919 г. включительно. По документам Контрольно-штатной комиссии удается установить вероятного исполнителя этих текстов. «Список распределения сотрудников управления делами МГорСНХ согласно утвержденным штатам на второе полугодие 1919 г.»[24] дает следующие сведения о машинистках Управления делами:

старших машинисток 2 ... Козина Екатерина Васильевна
Гершгорин Берта Мироновна
машинисток 5 ... Кошелева Доминикия Алексеевна
Розова Клавдия Васильевна
Жаркова Любовь Васильевна
Левит Роза Семеновна
Нечаева Мария Владимировна

Е. В. Козина была опытной машинисткой, ее фамилия фигурирует в списке машинисток Московского Областного СНХ[25]. 12 мая 1919 г. она была назначена заведующей отделом переписки Управления делами МГорСНХ[26]. Она не могла печатать такие безграмотные протоколы. Л. В. Жаркова также не могла печатать эти протоколы, ибо с 15 июля 1919 г. ушла в двухнедельный отпуск[27]. Машинистка Р. С. Левит зачислена в отдел переписки только с 30 июня 1919 г.[28], а М. В. Нечаева — с 10 июля 1919 г.[29]. Никто, кроме К. В. Розовой[30], на протяжении мая, июня, июля не работал. Следовательно, можно предполагать, что именно она и является исполнителем указанных выше протоколов.

К сожалению, не удалось установить исполнителей остальных текстов, так как записи заседаний Контрольно-штатной Комиссии неполны. Очевидно, при более благоприятных обстоятельствах — меньшем количестве сменяющихся машинисток, большей полноте документов по кадрам — есть возможность более точно датировать документ. Даже не установив имени печатавшего, можно определить отрезки времени, на протяжении которого встречаются протоколы с теми или иными признаками, что может служить основанием для датировки текста.

Разобранные несколько групп текстов показывают, что при работе над документами 1918/19 г. исследователь может встретить машинописные тексты, разные по уровню грамотности и степени усвоения правил новой орфографии. Одни работники не могли сразу отказаться от некоторых правил старой орфографии (протоколы от 11 и 25, от 17 и 25 декабря), последовательно пользуясь ими, другие — включали в свой текст старое написание слов случайно (как в протоколах от 3, 10, 17 и 24.III 1919 г.). Третьи — сумели отказаться от старой орфографии, но в их тексте можно еще встретить непоследовательность в применении некоторых не тронутых реформой положений орфографии Я. К. Грота. Совсем не встречается элементов старой орфографии в малограмотных протоколах за май — июль 1919 г. Видимо, это связано с полным неусвоением каких-либо правил.

Приведенные типы текстов не исчерпывают всего разнообразия особенностей, отличающих документы изучаемого времени. Задачей

---

[24] Там же, д. 62, л. 12.
[25] Там же, л. 18.
[26] Там же, д. 45, л. 91.
[27] Там же, л. 127.
[28] Там же.
[29] Там же, л. 140 об.
[30] Утверждена в должности со дня фактического поступления протоколом от 10.III.1919. Там же, л. 59.

лингвистов и историков является их дальнейшее изучение. Очевидно, при датировке документов эти особенности играют важную роль.

Из всего вышесказанного следует вывод о том, что установление лица, печатавшего текст, по особенностям технического исполнения, грамматическим ошибкам и степени усвоения правил новой орфографии дает возможность датировать машинописные документы первых лет Советской власти с большой степенью точности, особенно при наличии достаточно полных сведений о кадрах данного учреждения.

Приложение 1

Технические ошибки (перебивка знака) в протоколах 1919 г.*

3 марта	10 марта	14 марта	17 марта	24 марта
муни[о]пализации	постанов[о]ение	пар[м]юмерной	пред[ъ]тавитель	[ш]есте[е]й-
Лавро[ы]ых	в[ъ]	чт[и]бы	выдать в[в]сем	шим
Совде[р]а	отдела[в]месте		со[т]тав	по[л]учить
[Б]итова	материал[о]ми		государ[м]твенного	до[у]лад
д[д]ма	во изменение[...и]		Ша[к]сои	куста[и]ного
отк[е]мандировании	дополнение		количеств[и]	Кон[в]ерен-
телеграмм[а]	хода[в]айство			ции
	от[у]донить			семьс[я]т

* Ошибки заключены в квадратные скобки.

Приложение 2

Орфографические ошибки в протоколах 1919 г.*

28 апреля	2 мая	9 мая
к[а]яичество	перен[и]сти	Бюро [Р]айон[и]ов
кист[и]вязальной	Ремесле[и...]о-ку-	мед[е]ко-санитарный
собствеи[...е]ка	старного	отн[а]шений
соверше[...и]о	отн[а]шений	про[е]зводства
пр[е]гласить	ра[с...]мотрение	пар[е]кмахерская
приг[о]шать	объедине[и...]ое	завод, находящ[е]йся
прин[е]мает		на теущ[е]х счетах
деревообрабатывающ[е]й завод		поручит[ь] Смидовичу
подтвердить всем производст-		просить [со]всем
венным отдел[о]м...		имуществом
о необходимости сговарива[т...]ся		вощ[о]я

12 мая	16 мая
Ремесле[и...]о-кустарному	Бюро Район[и]ов
по заран[и]е	за прав[е]льностью
кист[и]вязальной	д[е]сциплины
оти[а]шения	Введение единообразн[ем] в работу
сосредоточ[е]вается	[со]всем имуществом
прав[е]льным	[Ма]т[е]вированного доклада
принять следующ[е]ю инструкцию	и[а]становление
Утверждени[и] положения, устанавл[е]ваю-	к[...а]рдинироваться
щего ход работы	уск[а]рения
работать и подготови[т...]ся	продукты были [з]даны
по [по]рядам	пр[е]кладной материал
уск[а]рения	ра[з]ширить
[и]мест[ево] печат[ь]	иеи[а]рмированных
[по]мере необходимости	передав ей[в]целости
работают[ли] они	реквизиции непод[...е]жат

* Ошибки заключены в квадратные скобки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В СБОРНИКЕ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук.
АЕ	— «Археографический ежегодник».
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собираные и изданные Археографическою комиссиею.
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.
АМГ	— Акты Московского государства, изданные имп. Академиею наук под редакциею Н. А. Попова.
АПД	— Акты писцового дела...
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
АФЗиХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV — XVI вв.
АЮ	— Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археографической комиссив.
АЮБ	— Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографической комиссии. Под ред. Н. В. Калачева.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР (в Ленинграде).
ВИ	— «Вопросы истории» (журнал).
ВИВ	— «Военно-исторический вестник» (журнал, Киев).
ВИМК	— «Вестник истории мировой культуры» (журнал).
ВИРА	— «Вопросы истории, религии и атеизма» (сборник).
ВОИДР	— Временник имп. Московского общества истории и древностей Российских.
ГА	— Государственный архив.
ГАОР и СС МО	— Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области.
ГБЛ	— Государственная ордена Ленина публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГВН и П	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под. ред. С. Н. Валка.
ГИМ	— Государственный исторический музей (в Москве).
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде).
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Отв. ред. С. В. Бахрушин.
ДДП	— Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при имп. Московском Археологическом обществе.
ДРВ	— Н. Новиков. Древняя Российская Вивлиофика...
ДРК	— Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). Под ред. и с предисл. П. Н. Мялюкова, М., 1901.
ЖМНП	— «Журнал Министерства Народного просвещения».
ЖМЮ	— «Журнал Министерства Юстиции».
ИА	— «Исторический архив» (журнал и сборник).
ИГР	— Н. М. Карамзин, История государства Российского.
ИЗ	— «Исторические записки» (сборник).

ИР — С. М. Соловьев. История России с древнейших времен.
ИСССР — «История СССР» (журнал).
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛОИИ — Ленинградское Отделение института истории АН СССР.
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МОВИО — Московский Отдел имп. Русского военно-исторического общества.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под. ред. и с предисл. А. Н. Насонова.
ОЛДП — имп. Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР.
ОР — Отдел рукописей (в БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ).
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук АН СССР.
ПИ — «Проблемы источниковедения» (сборник).
ПСЗ — Полное Собрание законов Российской империи.
ПСРЛ — Полное Собрание русских летописей.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
РИО — Русское историческое общество.
СА — «Советская археология» (журнал).
СУ — Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства.
СЭ — «Советская этнография» (журнал).
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института Русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.
ЦГАДА — Центральный государственный архив Древних Актов (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва).
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Москва).
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете.

* * *

б-ка — библиотека
вестн. — вестник
докл. — доклады
зап. — записки
изв. — известия
ин-т — институт
к-т — комитет
об-во — общество
отд. — отдел, отделение
собр. — собрание
сообщ. — сообщения
тр. — труды
уч. зап. — ученые записки
фак-т — факультет

* * *

Муз. — Музейское собрание, ГИМ.
Погод. — собрание Погодина, ГПБ.
Синод. — Синодальное собрание, ГИМ.
Увар. — собрание Уварова, ГИМ.
Чуд. — собрание Чудова монастыря, ГИМ.
Эрм. — Эрмитажное собрание, ГПБ.

СОДЕРЖАНИЕ

Академик М. Н. Тихомиров. Дорога в историческую науку . . 7

Академик М. Н. Тихомиров. О молодых ученых и исследовательской работе 9

Академик М. Н. Тихомиров. Летопись нашей эпохи . 15

Академик М. Н. Тихомиров. Историю надо знать . 18

Жизнь и деятельность М. Н. Тихомирова. Библиография 19

М. Г. Рабинович. О возрасте и первоначальной территории Москвы . . 21

М. В. Фехнер. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X—XI вв. 33

А. Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды 42

В. А. Кучкин. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. 54

Л. В. Милов. К истории текста Закона Судного людем Пространной редакции 65

Н. Н. Покровский. Купчие, данные и меновные грамоты как источник по истории черносошного землевладения России XIV — первой четверти XVI в. 79

А. А. Зимин. События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III 91

Ш. Ф. Мухамедьяров. Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. 104

С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III. 110

А. И. Рогов. Известия по истории России в «Хронике всего Света» Мартина Бельского 123

Л. М. Костюхина. Писцовая школа московского Чудова монастыря в конце XVI в. 134

В. Б. Павлов-Сильванский. Писцовая книга Звенигородского уезда XVI в. (К вопросу о публикации) 143

А. П. Пронштейн. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону 158

В. И. Сергеев. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов 174

Н. Б. Шеламанова. К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. 180

А. Л. Хорошкевич. Быт и культура русского города по словарю Тонии Фенне 1607 г. 200

Б. Н. Флоря. Коми-Вымская летопись 218

И. А. Жарков. Из каких кругов вышла Летопись о многих мятежах . . . 232

В. А. Александров. Стрелецкое новоселение южных городов России в XVII в. 235

Е. И. Вайнберг. Борьба крестьян против крепостничества на южной окраине Русского государства в первой половине XVII в. 251

Е. И. Самгина. Служилое землевладение и землепользование в Чернском уезде в первой половине XVII в. 264

А. Н. Мальцев. «Шиши» на Смоленщине и в Белоруссии в середине XVII в. 277

Л. Л. Муравьева. О развитии крестьянского подряда во второй половине XVII в. 281

Д. И. Тверская. К вопросу о роли купечества в процессе формирования всероссийского рынка в XVII в. 290
Е. В. Чистякова. Москва в середине 30-х годов XVII в. 301
В. И. Буганов. Летописные известия о Московском восстании 1682 г. . . 310
Т. Н. Протасьева. Запись в Хронографе XVII в. 320
А. В. Муравьев. Население г. Дмитрова в первой четверти XVIII в. . . 329
М. Я. Волков. Из истории селв Ивянова начала XVIII в. 337
М. Т. Белявский. Наказы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. 343
Ю. О. Бем. Внешние признаки печатных изданий первых лет Советской власти (Постановка вопроса) 364
Р. В. Костина. К вопросу об исследовании машинописных текстов первых лет Советской власти 380
Список сокращений, принятых в сборнике 389

Коллектив авторов

«НОВОЕ О ПРОШЛОМ НАШЕЙ СТРАНЫ»

Утверждено к печати
Отделением истории АН СССР Академии наук СССР

Редактор *И. Е. Тамм* Художник *Л. С. Эрман* Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректоры *Т. К. Кузина* и *В. Ф. Широкова*

Сдано в набор 8/XII 1966 г. Подписано к печати 29/IV 1967 г. А-00663 Формат 70×108¹/₁₆ Бум. № 1 Печ. л. 24,5+вкл. 0,125 п. л. Уч. изд. л. 33,55. Усл. п. л. 34,475. Тираж 2800 экз. Изд. № 1745. Зак № 1700. Цена 2 р. 33 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4